

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

6(66)'2017

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2017

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, проф. В. И. КАРАСИК (Волгоград, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Б. Ю. НОРМАН (Минск, Беларусь)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, доцент О. А. СОЛОПОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Вып. 6 (66). – 257 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017

© Политическая лингвистика, 2017

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

6(66)'2017

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Elena V. Dzyuba, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Boris Yu. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Olga O. Solopova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)

Ekaterinburg 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н. Москва, Россия	О времени и о себе — «Дорогом Леониде Ильиче»	12
Воронцова Т. А. Челябинск, Россия	Новостной заголовок как репрезентант события	21
Иванова С. В. Санкт-Петербург, Россия	Культуроним в политическом дискурсе СМИ: инструмент гармонизации или отчуждения?	26
Красовская О. В. Луганск, ЛНР, Украина	«Чужое слово» в дискурсе информационной войны	34
Мальшева Е. Г. Омск, Россия	Дискурсивная языковая личность и идиостиль журналиста: методология и методы исследования (на примере анализа текстов омского журналиста Сергея Шкаева).....	39
Романова Т. В. Нижний Новгород, Россия	Речевая самоидентификация по данным ассоциативного эксперимента.....	45

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексеев А. Б. Москва, Россия	Маргинализация как стратегия политического дискурса деконструкции.....	51
Бабикова М. Р. Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей.....	58
Громыко С. А. Вологда, Россия	Черносотенные листовки и воззвания начала XX века: риторико-прагматический аспект	64
Дубровская Т. В. Пенза, Россия Ярославцева Я. А. Ульяновск, Россия	Семантическая категория «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе: функциональный аспект	70
Зарипов Р. И. Москва, Россия	Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии	76
Кирдун А. А., Андреева А. В. Минск, Республика Беларусь	Словообразовательные окказионализмы с негативной оценочной экспрессией в политическом дискурсе Республики Беларусь.....	86
Климова (Фокина) М. А. Нижний Новгород, Россия	Прецедентные феномены как средство реализации стратегии самопрезентации в интолерантном дискурсе блогов политиков	96
Коцюбинская Л. В. Санкт-Петербург, Россия	Информационная атака: понятие и онтологические свойства	106
Фомин А. Г., Мавлеев Р. Р. Москва, Россия	Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина в рамках международного форума «Один пояс — один путь»).....	112

Нечаева Е. А. Иваново, Россия	К вопросу об исследовании тактик речевого воздействия, используемых в предвыборных листовках.....	122
Синеокая Н. А. Санкт-Петербург, Россия	Лексические маркеры феминности в политическом дискурсе (на примере интервью женщин-политиков Германии).....	128
Сюй Лихун Харбин, КНР	Метафора в речи Председателя КНР Си Цзиньпина	135
Чжан Жуньмэй Москва, Россия	Этнокультурные стереотипы как адаптивный механизм в межкультурной коммуникации (на примере этнокультурных стереотипов носителей китайского языка о русских)	141
Чэнь Хун Далянь, Китай	Структурные особенности российской политической метафоры в начале XXI века: по материалам эмпирического исследования общественно-политической коммуникации	149

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Волкова Т. А. Челябинск, Россия	Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа.....	158
Ворошилова М. Б. Адясова О. А. Екатеринбург, Россия	Когнитивный конфликт как основа демотиватора.....	166
Кожухова И. В. Челябинск, Россия	Речевой акт «Приветствие» в английском языке.....	171
Литовская Е. В. Екатеринбург, Россия	Книга по домоводству как идеологический текст	176
Лю Лифэнь Гуанчжоу, Китай	Русский компонент лингвистического ландшафта города Санья: современное состояние	184
Мележик К. А. Симферополь, Россия	Роль языковой идеологии в концептуализации предметно-ориентированного английского лингва франка университетского сообщества.....	191
Ройба Н. В. Благовещенск, Россия	Национально-культурное измерение в исследовании глобального политического дискурса	199
Третьякова Д. В. Тольятти, Россия	Религиозное, секулярное и политически обусловленное в развитии семантики слова <i>лол</i> в русском языке	205
У Яньцю Шаосин, КНР	Национальный состав и культурно-лингвистические особенности российской диаспоры в Китае до 1917 года.....	212

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Барабаш О. В. Пенза, Россия	Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка	223
Ворошилова М. Б. Старостин А. Н. Екатеринбург, Россия	Сакрализация как инструмент легитимации в современном экстремистском дискурсе	230
Шиллер В. В. Кемерово, Россия		

Карапетян А. А. Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Принцип интолерантности как психологическая основа экстремистского дискурса: коммуникативные тактики и приемы дискредитации «врага».....235
Харченко Е. В. Доронина Е. Г. Челябинск, Россия	Анализ разницы языковых сознаний носителей разных культур как способ противодействия экстремизму и терроризму241
РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА	
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Что в имени тебе моём? <i>(Рецензия на монографию Л. Цоневой «Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе».</i> <i>Велико-Тырново: Ивис, 2017. 196 с.)</i>251
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»254	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	10
--	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N. Moscow, Russia	About his time and about himself: Leonid I. Brezhnev	12
Vorontsova T. A. Chelyabinsk, Russia	News title as event representative	21
Ivanova S. V. Saint Petersburg, Russia	Culturonyms in political media discourse: instrument of alienation or harmonization?.....	26
Krasovskaya O. V. Luhansk, LNR, Ukraine	“Borrowed word” in the discourse of information war	34
Malysheva E. G. Omsk, Russia	Discursive linguistic personality and idiosyncrasy of the journalist: methodology and research methods (based on the texts of Omsk journalist Sergey Shkaev).....	39
Romanova T. V. Nizhny Novgorod, Russia	Speech self-identification according to the results of association experiment	45

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Alekseev A. B. Moscow, Russia	Marginalization as a strategy of deconstruction political discourse.....	51
Babikova M. R. Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Contextual precedent phenomena as a way to represent nationalistic ideas.....	58
Gromyko S. A. Vologda, Russia	Leaflets and appeals of Russian nationalists in the early XX century: rhetorical and pragmatic aspect	64
Dubrovskaya T. V. Penza, Russia Yaroslavtseva Y. A. Ulyanovsk, Russia	Semantic category “Weakness” in Russian and US foreign policy discourse: functional aspect	70
Zaripov R. I. Moscow, Russia	Russia’s metaphorical images in French political discourse in the context of the War in Syria	76
Kirdun A. A., Andreeva A. V. Minsk, The Republic of Belarus	Word-formative occasionalisms with negative evaluation expression in the political discourse of Belarus	86
Klimova (Fokina) M. A. Nizhny Novgorod, Russia	Precedent phenomena as a means of realisation of the self-presentation strategy in intolerant discourse of blogs of politicians	96
Kotsyubinskaya L. V. St. Petersburg, Russia	Information attack: definition and essential characteristics	106
Fomin A. G., Mavleyev R. R. Moscow, Russia	Political metaphor as an effective means of influence (case study of the speeches of the President of Russian Federation Vladimir Putin and the President of the People’s Republic of China Xi Jinping at the Belt and Road Forum for International Cooperation).....	112

Nechaeva E. A. Ivanovo, Russia	To the question of the research of speech influence tactics used in the pre-election leaflets.....	122
Sineokaya N. A. Saint Petersburg, Russia	Lexical markers of femininity in the political discourse (on the example of interviews of women politicians of Germany).....	128
Xu Lihong Harbin, China	Metaphor in the speech of Chinese President Xi Jinping	135
Zhang Runmei Moscow, Russia	Ethnic-cultural stereotypes as an adaptive mechanism in intercultural communication (exemplified by the Chinese ethnic-cultural stereotypes about the Russian)	141
Chen Hong Dalian, China	Structural specifics of Russian political metaphor of early XXI century (based on empiric survey of socio-political communication)	149

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Volkova T. A. Chelyabinsk, Russia	Translation models and translation strategies in Russian and Chinese translation studies: a comparative analysis.....	158
Voroshilova M. B. Adyasova O. A. Ekaterinburg, Russia	Cognitive conflict as a basis for demotivational posters	166
Kozhukhova I. V. Chelyabinsk, Russia	The speech act of greeting in the English language.....	171
Litovskaya E. V. Ekaterinburg, Russia	Housekeeping books as an ideological text	176
Liu Lifen Guangzhou, China	Russian in the City of Sanya: current state	184
Melezhik K. A. Simferopol, Russia	The role of language ideology in conceptualization of domain-oriented English Lingua Franca of a university community.....	191
Royba N. V. Blagoveshchensk, Russia	National and cultural dimensions in global political discourse	199
Tretyakova D. V. Togliatti, Russia	Religious, secular and politically relevant in the development of semantics of the word <i>роpe (пол)</i> in Russian	205
Wu Yanqiu Shaoxing, China	The ethnic composition, cultural and linguistic peculiarities of the Russian community in China before 1917	212

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Barabash O. V. Penza, Russia	The concept of “corruption” and its representations in the semantic space of the Russian language	223
Voroshilova M. B. Starostin A. N. Ekaterinburg, Russia Shiller V. V. Kemerovo, Russia	Sacralization as a tool of legitimation in contemporary extremist discourse.....	230

Karapetyan A. A. Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	The principle of intolerance as a psychological basis of extremist discourse: communicative tactics and ways of the “enemy” discreditation.....	235
---	---	-----

Kharchenko E. V. Doronina E. G. Chelyabinsk, Russia	Analysis of the difference of language consciousness of different cultures as a way of combating extremism and terrorism	241
---	--	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Kondratyeva O. N. Kemerovo, Russia	What’s in a name? <i>(The review of the monography by L. Coneva</i> <i>“Names and people. Key names in the media discourse”.</i> <i>Veliko Tyrnovo, 2017. 196 p.).....</i>	251
--	---	-----

Manuscripts requirements		254
--------------------------------	--	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'27
ББК ШП41.12-006.21

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

В. Н. Базылев
Москва, Россия

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ — «ДОРОГОМ ЛЕОНИДЕ ИЛЬИЧЕ»

АННОТАЦИЯ. Статья продолжает серию психополитического анализа автопортретов политиков. Предыдущие статьи автора были посвящены автопортретам В. Жириновского, А. Лебедева, В. Новодворской, И. Хакамады, Л. Кучмы, А. Акаева, К. Илюмжинова и др. Данная статья — это первая попытка автора обратиться в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива Л. И. Брежнева, руководителя СССР с 1964 по 1982 гг. Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизирующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Анализируются интенциональные речевые действия политика в рамках нарративной повествовательной стратегии с использованием интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Материалом для исследования послужило «Собрание сочинений» Л. И. Брежнева в 9 томах, в особенности те фрагменты, которые написаны от первого лица. Рассматриваются следующие аспекты автопортрета: описание жизненного пути; личные достижения; жертвенность и образ воина; общественно значимые достижения; моральные и нравственные принципы; заветы. Лейтмотивом автобиографии выступает постоянно повторяющаяся ситуация: кризис или катастрофа, вызывающая необходимость титанических усилий по спасению отрасли, города, региона, страны в целом. Все усилия вождя предстают перед адресатом (читателем) исключительно в положительном свете. Опозицией всегда выступает окружение, не слишком активное, не слишком расторопное, не слишком озабоченное нуждами народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автобиографии политиков; психополитика; политические деятели; стратегии чтения; интерпретация текста; нарратив; интертекстуальность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и прикладного языкознания, Московский педагогический государственный университет; 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, к. 305; e-mail: vladimir@4inet.ru.

Предисловие. Заголовок статьи, безусловно, аллюзия. Одна из многих, закрепившаяся в российской текстовой культуре и в русской разговорной речи. Материалом послужила общеизвестная когда-то крылатая фраза, ставшая теперь историческим высказыванием. «Дорогой Леонид Ильич» — такая форма обращения к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Ильичу Брежневу стала за годы его правления вполне официальной [Агафонов 2014: 31; Семанов 2006]. Один из советских анекдотов той эпохи звучал так: «Телефонный звонок. Брежнев поднимает трубку: „Дорогой Леонид Ильич слушает!“».

Биографическая справка. Леонид Ильич Брежнев (6 (19) декабря 1906, Каменское, Екатеринославская губерния — 10 ноября 1982, Заречье, Московская область) — советский государственный и партийный деятель, занимавший высшие руководящие посты в советской государственной иерархии в течение 22 лет: с 1960 г. и до своей смерти в 1982 г. Первый секретарь ЦК КПСС в 1964—1966 гг. С 1966 по 1982 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1960—1964 и 1977—1982 гг. [Брежнев 1976; Брежнев 1991].

Материал к исследованию. «Собрание сочинений» Л. И. Брежнева в 9 томах. Издательство политической литературы так напишет об истории выпуска томов: «От речей и статей до собрания произведений

Л. И. Брежнева — такой путь проделало издательство политической литературы с 1973 по 1983 год, выпуская в свет 9 томов под общим названием „Л. И. Брежнев. Ленинским курсом“» [Брежнев 1983, т. 9: 3]. Собрание сочинений включало речи и выступления, статьи и автобиографические публикации. Это был не только цикл «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», но и серия воспоминаний «Жизнь по заводскому гудку», «Чувство Родины», «Молдавская весна» и «Слово о коммунистах». Помимо этого, в него вошли беседы с журналистами (напр., «Беседа с французскими журналистами. 10 марта 1974 года»), интервью (напр., «Интервью французскому телевидению. 5 октября 1976 года»), персонализированные письма (письма трудящимся: напр., «Совхоз „Московский“ Целинского района Ростовской области, комбайнерам товарищам Бочкареву, Новикову, Афоничеву, Киселеву. 19 июля 1974 года»; «Экипажу отличной атомной подводной лодки Краснознаменного Северного флота. 25 января 1975 года»; «Доярке совхоза „Вильянди“ Эстонской ССР товарищу Пейне Лейде Аугустовне. 4 февраля 1975 года»; «Ответ Е. С. Перебейновой. 19 февраля 1981 года»), а также «слова благодарности» (напр., «Сердечная благодарность. 7 сентября 1973 года»; «Искренняя благодарность. 4 марта 1978 года»).

Таким образом, перед читателем советской эпохи представляли не только формальные и «сухие» речи и выступления вождя, но и своеобразные биография и автобиография

политика. Неважно, написанные им самим или его «свитой». Важно то, что советский читатель обращался именно к сочинению — литературно оформленному метатексту, т. е. составному текстовому образованию. Являясь формой художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих признаков, этот метатекст отражал политические и идеологические, жизненные и философские, прагматические и экономические взгляды и отдельного человека, и советского народа в целом. Перед читателем представала концепция идеального правления, идеальный образ «правителя настоящего» и наставления его «наследникам».

«В речах и статьях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева *обобщается накопленный партией опыт руководства коммунистическим строительством и внешней политикой страны, государственными и общественными организациями, анализируется практика организационно-партийной и идеологической работы в современных условиях*. Речи и статьи Л. И. Брежнева — яркое свидетельство *незыблемости, научной обоснованности и последовательности генерального курса Коммунистической партии Советского Союза, строго соблюдающей ленинские нормы партийной жизни, творчески развивающей ленинские принципы партийного руководства*. Издание речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева *поможет партийным и советским работникам, идеологическим кадрам, многочисленному партийному активу, коммунистам, всем трудящимся* глубже усвоить важнейшие актуальные вопросы марксистско-ленинской теории и политики Коммунистической партии Советского Союза, лучше понять значение ее опыта в руководстве делом строительства социализма и коммунизма в нашей стране» [Брежнев 1973, т. 1: 3—4] (в оригинальных цитатах автором статьи курсивом выделены основные смысловые фрагменты. — В. Б.).

Собрание сочинений Л. И. Брежнева, по замыслу составителей, служило основным ориентиром не только для партийно-правительственных кругов, но и для самых широких масс.

«Издание четвертого тома речей и статей Л. И. Брежнева поможет коммунистам, всем трудящимся глубже усвоить актуальные вопросы марксистско-ленинской теории и политики КПСС, представить себе во всей полноте многогранную деятельность КПСС по созданию материально-технической базы коммунизма, совершенствованию обще-

ственных отношений, формированию нового человека, по укреплению международных позиций нашей социалистической Родины и мирового социализма в целом и реализации Программы мира» [Брежнев 1974, т. 4: 4].

Все сказанное заставляет нас помнить о том, что адресат, т. е. советский читатель, никогда не был просто адресатом и пассивным потребителем подобных политических нарративов. По словам Е. А. Добренко, согласно общественно преобразующей доктрине, лежавшей в основании соцреализма, он был объектом преобразования и формовки. При этом он сам оказывался существенной активной частью общего политико-идеологического проекта, который состоял в ковке и перековке человеческого материала [Добренко 1997: 189—190].

Исторический контекст. Не надеясь на современников и не очень доверяя им, Л. И. Брежнев взял инициативу в разработке концепции власти и идеального образа правителя — «отца страны» в свои руки. Он прекрасно помнил те неудачи, которыми сопровождалась попытка прежних лидеров страны создать ту историографию, которая должна была обеспечить политическому деятелю возможности для его политической пропаганды, для обоснования его политических притязаний и реализации его планов. «Сочинения» И. В. Сталина начали выходить при его жизни в 1946 г. Еще не завершённое (том 13 прерывался на 1934 г.), издание с кончиной вождя в марте 1953 г. было прекращено. Фрагментарными оставались «Собрания сочинений» Н. С. Хрущева с подзаголовком «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства», выпущенные в 1962—1964 г. «Госполитиздатом». Даже труды «основателя советского государства и вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина не сразу были оформлены подобающим образом. При жизни В. И. Ленина в 1920 г. начало выходить собрание его сочинений, которое было прервано смертью вождя. Не доведенными до конца стали выпуски 2-го и 3-го изданий. Та же судьба постигла и 4-е издание, предпринятое накануне войны в 1940 г. И лишь усилиями Л. И. Брежнева при его правлении в 1966 г. было издано «Полное собрание сочинений В. И. Ленина» в 55 томах. Неслучайным поэтому представляется название всего брежневского издания — «Ленинским курсом»: «Так, и только так мог ответить на решение партии и государства, а фактически всего советского народа настоящий коммунист, для которого служение благу народа — высшая цель его деятельности» [Брежнев 1978, т. 5: 5].

Знаковый контекст издания формируют в первую очередь издательские предисловия к томам. Именно в них прослеживается учет воли автора — Л. И. Брежнева как силы, организующей и направляющей развитие страны и общества. Уже на этом уровне запечатлен духовно-биографический опыт политика как творца государства. Автор предстает в автореференциальной ипостаси: характерно повторение, варьирование или противопоставление одних и тех же компонентов предметного, композиционного и словесного уровней. Благодаря кросс-референциям обеспечивается восприятие всех произведений в собрании сочинений как единого текста.

Обращает на себя внимание следующее. Если в 1 и 2 тт. внимание адресата концентрировалось на вторичности личности, то с 3 тома личность все более доминирует, выдвигается на первый план. Однако пока при руководящей роли партийного коллективного начала. Постепенно убирается партийная титулатура. «*В речах и выступлениях Л. И. Брежнева*, вошедших в этот том (т. 3. — В. Б.), концентрируется накопленный партией опыт руководства коммунистическим строительством и внешней политикой страны, *разрабатываются* вопросы теории научного коммунизма, анализируется практика организационно-партийной и идеологической работы в условиях развитого социалистического общества. Издание третьего тома выступлений Л. И. Брежнева поможет нашим кадрам, коммунистам, всем трудящимся глубже усвоить актуальные вопросы марксистско-ленинской теории и политики КПСС» [Брежнев 1973, т. 3: 3—4].

Начиная с т. 4 он именуется «товарищ»: «Издательство политической литературы выпустило в свет три тома речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС *товарища Л. И. Брежнева*» [Брежнев 1974, т. 4: 3]. С 5 тома он именуется *Леонид Ильич*, т. е. происходит знаковое преобразование форм речевого этикета: от отстраненно-официального регистра к выражению подчеркнутого уважения к личности со стороны социума [Брежнев 1976, т. 5: 3; Формановская 2007: 267—270]. От синтаксической неопределенно-личной формы происходит переход на формы личные: «В речах и выступлениях Л. И. Брежнева *концентрируется* накопленный партией опыт...»; «В речах и выступлениях *охарактеризованы* результаты <...> *выдвинуты* принципиальные положения...»; «*Материалы сборника ярко иллюстрируют* выдающийся вклад товарища Л. И. Брежнева в деятельность Центрального Комитета, Политбюро ЦК, всей партии и Советского

государства, в практическое осуществление задач...»; «*Большое внимание* (и об этом свидетельствуют труды, вошедшие в шестой том) *товарищ Л. И. Брежнев уделяет проблемам развития* политической системы советского общества, государственному строительству».

В разделе «От издательства» постепенно накапливаются прямые цитаты из выступлений Л. И. Брежнева: «Выражением всенародной любви к Леониду Ильичу Брежневу, высокой оценкой его выдающейся деятельности на благо советских людей явилось единодушное избрание его Председателем Президиума Верховного Совета СССР. „Исполнение связанных с этим высоких и ответственных государственных обязанностей, наряду с обязанностями Генерального секретаря ЦК нашей партии, дело, конечно, не легкое, — сказал товарищ Л. И. Брежнев, выступая на шестой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва в июне 1977 года. — Но воля партии, воля советского народа, интересы нашего социалистического Отечества всегда были для меня высшим законом, которому я подчинял и подчиняю всю свою жизнь“» [Брежнев 1978, т. 6: 5]. «Историческое значение содержания доклада Л. И. Брежнева на XXVI съезде партии подчеркивается резолюцией, принятой съездом по этому докладу. В ней говорится: „1. Целиком и полностью одобрить ленинский курс и практическую деятельность Центрального Комитета партии. 2. Одобрить Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС и предложить всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами в области внутренней и внешней политики, выдвинутыми в докладе товарищем Л. И. Брежневым“. Содержание сборника убедительно отражает огромный личный вклад в политику партии, в развитие нашей страны по пути коммунистического строительства, в великое дело борьбы за прочный мир и социальный прогресс на Земле, который вносит Леонид Ильич Брежнев — выдающийся руководитель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства» [Брежнев 1981, т. 8: 6].

В 1974 г., начиная с 4 тома, появляются ритуальные здравницы: «Трудящиеся нашей страны, все прогрессивное человечество с чувством глубокой признательности *отмечают большой личный вклад Л. И. Брежнева* в осуществление решений XXIV съезда КПСС» [Брежнев 1974, т. 4: 4]; «Содержание сборника наглядно отражает *огромный вклад* Генерального секретаря ЦК КПСС в работу Центрального Комитета, Политбюро ЦК,

всей нашей партии. КПСС, весь советский народ высоко ценят Леонида Ильича, как верного ленинца, выдающегося деятеля нашей партии и государства, социалистического содружества и мирового коммунистического движения. Пария и народ ценят и любят товарища Л. И. Брежнева, как великого борца за мир, за счастье людей труда, беспредельно преданного делу коммунизма, талантливого организатора, обладающего неиссякаемой энергией, умением сплотить людей, направить их усилия на выполнение поставленных партией задач» [Брежнев 1976, т. 5: 4]; «В произведениях, вошедших в том, отражена многосторонняя творческая деятельность КПСС, ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с выдающимся коммунистом ленинской школы Леонидом Ильичом Брежневым по претворению в жизнь исторических решений XXVI съезда партии» [Брежнев 1983, т. 9: 3].

Собрание сочинений Л. И. Брежнева состоит из различных фрагментов, неравноценных по объему и информативности. Для нас представляют интерес в первую очередь те, что написаны от первого лица: «Не забыть мне и великий акт торжества — парад на Красной площади в честь победы. С радостью и гордостью я прочитал приказ о том, что комиссаром сводного полка 4-го Украинского фронта назначается начальник политуправления фронта генерал Брежнев. Как дорогую реликвию храню и по сей день саблю, с которой шел на параде вместе с командованием во главе нашего сводного полка» [Брежнев 1983, т. 9: 40].

Составные части автопортрета. Описание жизненного пути. Описание жизненного пути Л. И. Брежнева подчинено в первую очередь категории добра. Он сам должен стать для своих последователей образцом и примером того, как достичь успехов в правлении и управлении страной, достичь согласия с идеями («идейным порядком») своего времени.

«Что можно еще сказать о своем происхождении? Родословных рабочие семьи, как известно, не вели. Знаю, что отец, Илья Яковлевич Брежнев, поступил на завод в 1900 году. Он пришел сюда из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда. *Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятий „беречь“, „оберегать“, что вполне согласуется с крестьянским бережливым отношением к земле-кормилице»* [Брежнев 1983, т. 9: 10].

«В 1923 году я поступил в Курский землеустроительный техникум. Сдавал конкур-

ные экзамены и прошел неплохо — дали мне повышенную государственную стипендию. Техникум был старинный, с хорошей учебной базой, давними прогрессивными традициями. (В нем, между прочим, учился и В. Д. Бонч-Бруевич). За четырехлетний период обучения мы получали основательные знания по математике, физике, химии. На институтском уровне изучались специальные предметы — геодезия, общая геология, почвоведение, география, сельскохозяйственная статистика» [Брежнев 1983, т. 9: 26].

«Во время сева, помню, возвращался из Бердянска... заехал в Пологовский район. Беседуя с секретарем райкома Шерстюком, спросил, как идет сев, что с техникой, а он, смотрю, как-то мнется. — Ты что, Александр Саввич? Говори прямо, что у тебя? — У меня порядок... Вы радио слышали утром? — Нет, а что? — В „Правде“, понимаете, в передовой разделали нас. За низкий темп восстановления „Запорожстали“. Формулировки очень резкие. Помолчали. — Так... — говорю. — Значит, будет звонить Сталин. Надо ехать. Ночью мне действительно позвонил И. В. Сталин, и разговор был серьезный. *То, чего мы успели добиться, что еще недавно считалось успехом, обернулось вдруг едва ли не поражением. Изменились обстоятельства — не у нас в области, а в стране и в мире. Сроки ввода всего комплекса, который должен был производить стальной лист, нам перенесли на ближайшую осень, темпы строительства предписали форсировать»* [Брежнев 1983, т. 9: 22].

«Будучи Председателем Президиума Верховного Совета СССР, я вручал Юрию Алексеевичу Гагарину орден Ленина и Золотую Звезду Героя. Это были волнующие, незабываемые минуты. Радовался вдвойне: ведь и я многие годы жизни отдал большому и трудному делу, которым теперь гордился весь советский народ. Родина высоко оценила подвиг героя-космонавта Гагарина. За успехи в развитии нашей ракетной техники, советской космонавтики были, кроме того, награждены второй золотой медалью „Серп и Молот“ семь видных ученых и конструкторов, было присвоено звание Героя Социалистического Труда многим ведущим конструкторам, руководящим работникам, ученым и рабочим. *Высокой награды Родины — звания Героя Социалистического Труда — был удостоен и я за мой скромный вклад в общее дело»* [Брежнев 1983, т. 9: 651].

Помимо создаваемого таким образом личного пространства истории, обеспечивается также включение истории текущего дня

в историю первой страны социализма в целом. Выражение эмоционального отношения к деятельности предков и современников, к происхождению (к предкам), к жизни, к военному и мирному времени призвано утвердить преемственность действий вождя и окружить его деятельность ореолом исторического масштаба.

Личные достижения. Личные достижения лидера объективны и закономерны: «Приведу еще один документ — выписку из протокола заседания Государственной квалификационной комиссии от 28 января 1935 года: „Слушали: защиту дипломного проекта студента V курса теплосилового отделения Брежнева Л. И. на тему „Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского“. *Оценка работы кафедрой: теоретическая часть — отлично, проект — отлично. Вдумчивый подход к решению задач газоочистки и расчеты в записке говорят о прекрасной инженерной подготовке автора проекта. На все вопросы тов. Брежнев дал исчерпывающие ответы. Постановили: дипломная работа выполнена отлично.* Присвоить тов. Брежневу Л. И. звание инженера-теплосиловика» [Брежнев 1983, т. 9: 16].

Лейтмотивом автобиографии выступает постоянно повторяющаяся ситуация: кризис или катастрофа, вызывающая необходимость титанических усилий по спасению отрасли, города, региона, страны в целом. Это возможно лишь при свойственной лидеру панорамности охвата проблемы. Все, что находится в его «владении», все явления жизни воспринимаются им как свои собственные, требующие отдачи всего себя. Таким образом, все усилия вождя по спасению, восстановлению, увеличению всего, что идет во благо народа, предстают перед адресатом (читателем) исключительно в положительном свете. Оппозицией всегда выступает окружение, не слишком активное, не слишком расторопное, не слишком озабоченное нуждами народа.

«Хорошо помню жаркую весну, когда, собравшись по-военному быстро, выехал, можно сказать, на первую рекогносцировку в Молдавию. Этому предшествовал разговор в ЦК ВКП(б), и меня предупредили, что положение в этой молодой советской республике непростое. Два года подряд этот край сжигала засуха, и, хотя, как водится, помощь уже направили из других районов страны, республике предстояло решать сложные задачи... Обо всем этом и шел запомнившийся мне разговор в ЦК ВКП(б): Центральный Комитет, было сказано мне, считает, что сейчас в молдавской партийной организа-

ции необходим человек, который был бы в состоянии по-новому взглянуть на сложившуюся там трудную обстановку» [Брежнев 1983, т. 9: 598—599].

«Расскажу для примера, как мы с Кириллом Ивановичем Цурканом, тогдашним министром пищевой промышленности, спасали урожай винограда...» [Брежнев 1983, т. 9: 606].

«Суть в том, услышал я, что дела в республике идут неважно. Тамошнее руководство работает по старинке, новые задачи ему, как видно, не по плечу. В связи с подъемом целины нужен иной уровень понимания всего, что нам предстоит в этих обширных степях совершить» [Брежнев 1979, т. 7: 120—121].

Жертвенность и образ воина. Прежде всего, это не просто литературный прием построения в данном жанре, а реальная динамика пути, который прокладывает себе в жизни политический лидер и по которому он сам идет. Испытание болезнью представляется как борьба чего-то внешнего с задачами, которые лидер внутренне ставит перед собой. Это позволяет показать борьбу человека с самим собой в качестве элемента правдивого бытописания [Базылев 2000: 21].

«Дела наши снова широко развернулись, был все время в пути, спал урывками, обедал, где придется. И однажды в Целинограде почувствовал себя плохо. Очнулся на носилках. До этого меня один раз уже доставляли с сердечным приступом из Семипалатинска в Алма-Ату. Пришлось отлеживаться дома, отбиваясь от врачей, которые норовили упечь меня в больницу. Отшучивался: мол, к вам только попади — залечите. А главное времени не было болеть» [Брежнев 1979, т. 7: 74—75].

Вывод, к которому с необходимостью приходит сам Л. И. Брежнев и внушает читателю, — руководство партией и страной есть служение интересам народа, общества. Поэтому власть и страна должны быть прочны как внутри страны, так и в международных делах. Лидер партии и страны — это воин. Вот почему возникает в первую очередь повествование о Великой Отечественной войне.

«С 18-й армией связана моя фронтовая жизнь, и она навсегда сделалась для меня родной. В рядах 18-й я сражался в горах Кавказа в момент, когда там решались судьбы Родины, воевал на полях Украины, одолевал карпатские хребты, участвовал в освобождении Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии. С этой армией был и на Малой земле, роль которой в освобождении Новороссийска и всего Таманского полуострова значительна...» [Брежнев 1979, т. 7:

49—50].

Стиль, названный в свое время Д. С. Лихачевым «динамический монументализм», предполагает именно такое наличие символов власти над пространством и временем. Помимо названных, укажем на такую характеристику, как быстрота передвижения по стране: с Украины — в Казахстан, из Казахстана — в Молдавию, из Молдавии — в Центральную Россию.

Общественно значимые достижения: «благо страны» и «отец народа». Создавая тексты о времени и о себе, Л. И. Брежнев обращается к своим соратникам и последователям, которые управляют и будут управлять страной. Именно к ним обращены рассуждения о форме жизни, о жизни духа, о временном и вечном.

«Еще в Молдавии понял: если живешь в республике, то надо знать обычаи и традиции народа, его историю, художественное творчество. Сразу по приезде в Алма-Ату обложился книгами, часто встречался с казахскими литераторами и художниками, бывал в театрах. По давней склонности к поэзии много читал стихов казахских поэтов, особенно Абая, который привлек меня лиризмом, народной мудростью, глубиной постижения жизни...» [Брежнев 1983, т. 9: 610].

«Еще в первый год видел новоселов, которые в одной руке несли чемодан, а в другой — корзинку со щенком или кошкой. В совхоз „Ярославский“ приехал из Запорожья парень с петухом в клетке. „Для степи, — сказал мне, — лучший будильник!“ Шутил, конечно, но на голой земле петух всех радовал. Приручали ребята даже сурков, степных птиц. *Можно было счесть это проявлением человеческих слабостей. Но жизнь научила меня понимать их, относиться к ним с уважением. Сам в детстве любил наблюдать, как парит над крышами голубиная стая*» [Брежнев 1979, т. 7: 174].

Реальностью для лидера, как видно, должна быть «идея». Справедливость своих утверждений Л. И. Брежнев доказывает, рассуждая о смысле и цели жизни народа и вождя. Он не выдвигает свое мнение в качестве категорического постулата, а как бы предоставляет право выбора своим соратникам по партии, а вместе с ними и всему советскому народу. Но при этом результат этого выбора известен a priori.

«Буквально все надо было возводить на голом месте. А из чего? Будь лес кругом, вопрос бы не возникал. Правда, на целину поступали сборные дома и стройматериалы, но их не хватало. Замыслы наши опережали возможности, и, конечно же, следовало максимально использовать местные ресурсы.

Между тем далеко не все проявляли расторопность и сметку. Приезжаешь, бывало, в райцентр, спрашиваешь: как идет строительство? Отвечают: плохо. Почему? Нет кирпича. Идем, однако, с секретарем райкома по улице и видим массивные здания с датами на фронтонах — 1904, 1912 год... А заводов кирпичных в этой местности, мне точно известно, не было и нет. — Кто строил эти здания? — Земство. — Откуда же брали кирпич? — А вон там, в степной балке, сделали напольную печь и выжигали. Из него и эта школа построена... — *Значит, земство могло все организовать, а вы, райком и райисполком, не можете? Какие же мы, с позволения сказать, руководители? Глины кругом полно, делайте напольные печи, а кое-где и заводики стройте, они вам на сто лет вперед пригодятся. — Ну, завод — это слишком, нам не по силам... Разозлишься: до чего же доводит людей пассивность!*» [Брежнев 1979, т. 7: 89—90].

Моральные и нравственные принципы. Большое значение Л. И. Брежнев придает моральным принципам руководителя партии и государства.

«*В этом деле была порочная система: сверху — цифры, взятые с потолка, снизу — увертки людей, которым тоже надо выполнять свой заводской план. При этом и требующие, и отвечающие отлично знали, что если записано, к примеру, сорок машин, то ждут не более двадцати, — это повторялось ежегодно. Я сел за телефон и попросил соединить меня с директором Никопольского трубного завода Н. А. Тихоновым. Поздоровался, представился, потом сказал: — Обязательно, Николай Александрович, приеду к вам, попозже. А сейчас, пожалуйста, помогите — созрел отличный хлеб. Знаю, что вы хороший директор, знаю, что у вас хороший завод. Если сможете помочь уборке, будем очень благодарны. Только, прошу, лучших шоферов, исправные машины. — Пятнадцать смогу выделить, — сказал он, подумав... Примерно так же поговорил с другими директорами. Назначенного по разверстке числа грузовиков они на уборку не послали, но получили мы действительно хорошие машины и чуть ли не вдвое больше, чем в прежние годы. И этого можно было добиться всего лишь спокойным человеческим разговором*» [Брежнев 1979, т. 7: 65].

Таким образом, Л. И. Брежнев не только предостерегает своих соратников и последователей, но демонстрирует организационную силу и человеческую мудрость.

Вождь призывает к уважению памяти предков. На это работает вся «воспомина-

тельная» часть его сочинений.

«Отец был человек сдержанный, строгий, нас он не баловал, но, сколько я помню, и не наказывал никогда. По-видимому, в том не было нужды: росли мы в духе уважения к родителям. Ростом отец был высок, худощав и, как большинство прокатчиков, физически очень силен. Черты лица имел тонкие, у него были хорошие, внимательные глаза. Он всегда следил за собой, дома был чисто выбрит, подтянут, любил аккуратность во всем. И эти его привычки, видимо, передались и нам. Ему в высшей степени было свойственно чувство собственного достоинства, он не лукавил, был прямодушен, тверд, и его уважали товарищи. Видеть это нам, его детям, было приятно. — Если уж ты обещал, то держи слово, — говорил мне отец. — Сомневаешься — говори правду, боишься — не делай, а сделал — не трусь. Если уверен в правоте — стой на своем до конца...» [Брежнев 1983, т. 9: 9—10].

«Мать моя, Наталья Денисовна, намного пережила отца. И если от него я воспринял, как говорили у нас, упорство, терпение, привычку, взявшись за дело, непременно доводить его до конца, то от нее мне достались в наследство общительность, интерес к людям, умение встречать трудности улыбкой, шуткой. Всю жизнь она работала, растила нас, кормила, обстирывала, выхаживала в дни болезней, и, помня об этом, я навсегда привык уважать тяжелый, невидимый, конца не знающий и благородный женский, материнский труд...» [Брежнев 1983, т. 9: 11—12].

Тем самым Л. И. Брежнев как бы рисует образ идеального правителя, примера для потомков, исходя из опыта своей жизни, в которой нужно помнить о своих «корнях». Выше мы привели пример того, как Брежнев обходит стороной все негативное, что было у его политических предшественников, упоминая Сталина. В этой связи напомним о факте: в конце 60-х — начале 70-х Брежнев и Сулов серьезно готовились к реабилитации Сталина [Пихоя 2000]. Как и подобает «идеальному правителю», Л. И. Брежнев проявляет уважительное отношение не только к родному отцу и всему тому, что он делал, как о том свидетельствуют приведенные выше цитаты. С реальным отцом можно аллегорично соотносить и образ «отца народа» И. Сталина. Отцы, деды и прадеды выступают здесь как некое мерило добродетелей и славы внуков. Уважительно Л. И. Брежнев относится и к Н. С. Хрущеву. Правда, говорит он об этом не напрямую, а используя памятные всему народу ассоциации с «кукурузой»: «По сей день молдавские товарищи вспоминают, что кукуруза была одним из

моих „коньков“. Кое-кто тогда даже посмеивался: вот, мол, первый секретарь в багажнике автомобиля возит по районам кукурузосажалку собственной конструкции. И я действительно одно время возил с собой это нехитрое приспособление <...> А дело так обстояло. В то время никаких механизмов для этих целей, тем более заводского производства, еще не было, во всяком случае в республике. Такая техника стала изготавливаться в централизованном порядке гораздо позже. А тогда надо было искать подручные средства. И вот однажды в Сорокском районе одна старая крестьянка, прослышав о наших заботах, подарила мне эту кукурузосажалку. „Возьмите, — говорит, — когда я выходила замуж, отец мне ее в приданое подарил, может, и теперь еще сгодится...“. Я немедленно опробовал, проверил в деле это умное крестьянское приспособление в одном из хозяйств и дал указание изготовить опытные образцы. А пока там поворачивались с чертежами и инструкциями, пропагандировал сам остроумную самоделку, облегчавшую труд кукурузоводов. Слух о ней прошел уже по районам — товарищи с мест требовали „техническую документацию“, чтобы изготовить кукурузосажалки у себя. Вот тогда я и продемонстрировал подарок старой крестьянки участникам очередного совещания в нашем ЦК. После этого и пошла кукурузосажалка по районам. И что вы думаете: она помогла нам уже весной не только успешно справиться с севом, но и получить заметную прибавку урожая» [Брежнев 1979, т. 7: 112]. Напомним, речь идет об идее Н. С. Хрущева переориентировать сельское хозяйство СССР на эту культуру. Попытка экономически оказалась провальной: она не учитывала климатических условий страны и стала считаться одним из самых ярких проявлений хрущевского волюнтаризма, породившего большое количество прецедентных текстов той эпохи. Например: «— Никита Сергеевич, а мой папа говорит, что Вы не только спутник, но и сельское хозяйство запустили. — Скажи своему папе, что я не только кукурузу сажаю».

Лидер страны должен всегда быть благодарным людям, его воспитавшим и наставившим на путь истины. Поэтому Л. И. Брежнев уделяет так много внимания не только истории формирования своей личности как лидера, но и всему своему окружению. Детство, юность, зрелость — это «этапы большого пути», аллегорично связанные для советского адресата — от партийного руководства до рядового члена партии и беспартийных — с героической песней о Гражданской войне «Песня о Каховке» из кинофильма

«Три товарища».

Заветы. «Воскрешая в памяти былое, думал я не о себе. Моя жизнь — это частица жизни народа. И если есть в ней поучительное, то, полагаю, заключено оно не в том, что отличает мой путь, а именно в том, что объединяет его с жизненными дорогами большинства наших людей» [Брежнев 1983, т. 9: 665].

Так лидер настоящего времени призывает лидеров будущих учиться на примере двух вождей — В. И. Ленина и своем собственном. Напомним: при правлении Л. И. Брежнева была завершена работа над «Полным собранием сочинений В. И. Ленина». Оно было доступно всем и каждому: стоил один том 55 копеек, и его можно было найти в любой библиотеке страны.

Свои же 9 томов собрания сочинений Л. И. Брежнев назвал «Ленинским курсом» и написал: «Мы всегда помним замечательный завет основателя и вождя нашей партии: Жить в гуще. Знать настроения. Знать все. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать абсолютное доверие. В этом ленинском указании в сжатой, почти конспективной форме раскрыты стратегия и тактика работы партии в массах, заключена программа углубления органической связи партии и народа» [Брежнев 1983, т. 9: 675].

Заключение. Не следует, конечно, искать в текстах то, чего в них нет, и верить безоговорочно тому, что в текстах содержится. Автор, тем более политический лидер и вождь, не стремится к точному описанию событий своей жизни и соответствию реалиям своего времени. Он создает образ идеального правителя, который мог бы стать эталоном, идеологическим и политическим кредо для его преемников. Всегда имеет место несоответствие целей и идей «жизни вождя» и его реальной политики, что вызывает удивление и непонимание современников. Непонимание целей и причинных взаимосвязей

человеческого и политического бытия.

Да, для Л. И. Брежнева философской, идеологической, политической базой был марксизм-ленинизм, вышедший из гелелевско-кантовской диалектики, по-своему развивавших учение о целостности бытия и его целесообразности. И вот по результатам опроса общественного мнения в 2013 г. Леонид Ильич Брежнев был признан лучшим главой государства в России (СССР) в XX в. [Левада-Центр 2013].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов С. «Дорогой Леонид Ильич» // Огонек. 2014. № 51.
2. Базылев В. Н. «История болезней»: Александр Лебедь и Валерия Новодворская // Политический дискурс в России — 4. — М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 21—30.
3. Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Образ мира политика (по данным частотного анализа лексики) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 60—65.
4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи, статьи, воспоминания: в 9 т. — М.: Изд-во полит. литературы, 1973—1983.
5. Брежнев Л. И. Материалы к биографии / сост. Ю. В. Аксютин. — М.: Политиздат, 1991.
6. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. — М.: Академический проект, 1997.
7. Кондратенко Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макро-структурные компоненты и средства их выражения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2007» (Беласово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина и др. — М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 302—306.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
9. Кошкарлова Н. Н. Пресс-конференция президента России (18 мая 2011 г.): стилистика и риторика текста // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 87—92.
10. Левада-Центр (Аналитический Центр Юрия Левады). URL: <http://www.levada.ru/22-05-2013/otnoshenie-rossiyan-k-glavam-rossiiskogo-gosudarstva-raznogo-vremeni>.
11. Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. — М.: Изд-во полит. литературы, 1976.
12. Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти. 1945—1991. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
13. Седых А. П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 24—29.
14. Семанов С. Н. «Дорогой Леонид Ильич». — М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2006.
15. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. — М.: Икар, 2007.

V. N. Bazylev
Moscow, Russia

ABOUT HIS TIME AND ABOUT HIMSELF: LEONID I. BREZHNEV

ABSTRACT. This article continues a series of psycho-political analysis of the images of politicians. The previous articles described the self-portraits of V. Zhirinovsky, A. Lebed', V. Novodvorskaya, I. Khakamada, L. Kuchma, A. Akayev, K. Ilyumzhinov and others. This article is the first attempt of the author to study autobiographical narrative of L.I. Brezhnev, the USSR leader in 1964-1982 in the frames of political linguistics. The goal of this research is to show the strategy of comprehension of an autobiography of a political leader as a communicative act presenting the politician's self-consciousness and self-presentation. Intentional verbal acts are analyzed in the frames of narrative strategy with the use of intertext, group narration and author's text. The material for this research is the "Collected Works" by L.I. Brezhnev in 9 volumes. Special attention is given to the extracts that are written from the first person singular. The following aspects of self-portrait are discussed: description of life; personal achievements; self-sacrifice and the image of a warrior; socially important achievements; moral principles; messages. The core motif of the autobiography is the constantly repeated situation: crisis of catastrophe that demands incredible energy to save the branch, city, region, or the whole country. All the efforts undertaken by the politician are described for the reader in the positive way. The people around are always in opposition, not very active, not very quick, and not really concerned with the needs of ordinary people.

KEYWORDS: politician's autobiography; psychopolitics; political leaders; reading strategies; text interpretation; narrative; intertextuality.

ABOUT THE AUTHOR: *Professor, Dr.habil. of Philology, Department of General and Applied Linguistics, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).*

REFERENCES

1. Agafonov S. «Dorogoy Leonid Il'ich» // *Ogonek*. 2014. № 51.
2. Bazylev V. N. «Istoriya bolezney»: Aleksandr Lebed' i Valeriya Novodvorskaya // *Politicheskiy diskurs v Rossii* — 4. — M. : Dialog-MGU, 2000. S. 21—30.
3. Belousov K. I., Zelyanskaya N. L. Obraz mira politika (po dannym chastotnogo analiza leksiki) // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 2 (40). S. 60—65.
4. Brezhnev L. I. Leninskim kursom. Rechi, stat'i, vospominaniya : v 9 t. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1973—1983.
5. Brezhnev L. I. Materialy k biografii / sost. Yu. V. Aksyutin. — M. : Politizdat, 1991.
6. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatel'ya. — M. : Akademicheskii proekt, 1997.
7. Kondratenko N. V. Novogodnee obrashchenie kak ritual'nyy zhanr politicheskogo diskursa: makro-strukturnye komponenty i sredstva ikh vyrazheniya // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdun. konf. «Dialog 2007»* (Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007 g.) / pod red. L. L. Iomdina i dr. — M.: Izd-vo RGGU, 2007. S. 302—306.
8. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 5-e. — M. : Izd-vo LKI, 2008.
9. Koshkarova N. N. Press-konferentsiya prezidenta Rossii (18 maya 2011 g.): stilistika i ritorika teksta // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3 (37). S. 87—92.
10. Levada-Tsentr (Analiticheskiy Tsentr Yuriya Levady). URL: <http://www.levada.ru/22-05-2013/otnoshenie-rossiyan-k-glavam-rossiiskogo-gosudarstva-raznogo-vremeni>.
11. Leonid Il'ich Brezhnev. Kratkiy biograficheskiy ocherk. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1976.
12. Pikhoya R. G. Sovetskiy Soyuz. Istoriya vlasti. 1945—1991. — Novosibirsk : Sibirskiy khronograf, 2000.
13. Sedykh A. P. Spetsifika rechevogo vozdeystviya Zhaka Shiraka // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 1 (35). S. 24—29.
14. Semanov S. N. «Dorogoy Leonid Il'ich». — M. : Algoritm-EKSMO, 2006.
15. Formanovskaya N. I. Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika. — M. : Ikar, 2007.

Т. А. Воронцова
Челябинск, Россия

НОВОСТНОЙ ЗАГОЛОВОК КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ СОБЫТИЯ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются принципы и способы формирования образа события в новостных заголовках сетевых изданий. В интернет-дискурсе заголовки новостных сообщений — это, как правило, анонс события, представленного в основном тексте. Репрезентация события в заголовке рассматривается с точки зрения соответствия образу события в основном сообщении. Намеренная негативная деформация образа события в заголовке способствует искажению картины мира в сознании массового адресата. Формирование первичного образа события зависит от того, какие аспекты события вынесены в заголовок и какими языковыми и речевыми средствами это событие представлено. Стремление стимулировать интерес адресата к полной версии текста нередко приводит к тому, что заголовок неадекватно отражает событие, представленное в основном сообщении, т. е. уже на этапе репрезентации происходит деформация образа события. Часто заголовки актуализируют концепт (фрейм), который в сознании массового адресата ассоциируется с масштабной опасностью. Могут использоваться специальные языковые и речевые средства, акцентирующие значимость события, например аббревиатура ЧП (чрезвычайное происшествие) и пометка «Срочно». Для преувеличения трагичности последствий происшествия журналисты, по сути верно его описывая в заголовке, могут апеллировать к пресуппозициям, существующим в сознании реципиентов. Искажение образа события может происходить и за счет смещения смысловых акцентов. Одним из способов такого смещения является фрагментарное представление события в заголовке. Деформация образа события в заголовке также может быть обусловлена некорректным выбором языковых средств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатекст; СМИ; средства массовой информации; освещение событий; новостные заголовки; деформация образа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Воронцова Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: voron500@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Современный медиадискурс является одним из основных источников формирования картины мира человека. «Монопольная позиция средств массовой информации усиливает впечатление того, что картину мира можно писать и переписывать заново, стоит только этого захотеть» [Хазагеров 2002]. Глобальные изменения в сфере медиатехнологий влияют на способ мышления современного человека, на его систему восприятия информации. Резкий рост объема информации, предназначенной для массового адресата, заставляет СМИ искать оптимальные способы ее компактной передачи. В связи с этим на первый план выходят интернет-СМИ, обладающие широкими технологическими возможностями по сравнению с печатным и телевизионным аналогом. Новостной дискурс со свойственной ему лаконичностью и концентрацией на факте занимает важное место в сетевой журналистике и активно изучается лингвистами [Баженова 2015; Воротникова 2006; Кротова 2012 и др.].

Как известно, специфика новостного дискурса определяется прежде всего тем, что в новостных текстах СМИ приоритетной является информативная функция [Дейк 1989; Добросклонская 2016; Негрышев 2006, 2012 и мн. др.]. «Текст новостного жанра максимально „приближен“ к действительности и, в отличие от аналитических и публицистических жанров, в большей степени ориентирован на ее отражение, нежели на интерпретацию» [Негрышев 2012: 429]. Это

означает, что основная задача новостного текста — создать у адресата максимально точное представление о событии. Анализируя особенности отражения события в СМИ, А. А. Леонтьев отмечает, что «журналист описывает не событие как таковое или не сценарий как таковой, а их психический образ», т. е. СМИ представляют адресату не само событие, а образ события. «Образ события описывается им при помощи текста, причем конечная задача этого текста — в идеале — создать аналогичный образ того же события у реципиента» [Леонтьев 2008].

Для новостного текста интернет-СМИ это особенно важно по двум причинам. Во-первых, технологические возможности сети Интернет позволяют обеспечить высокую степень оперативности подачи материала. Во-вторых, массовый адресат имеет возможность получать новую информацию сразу из множества интернет-источников, в связи с чем формирование образа события происходит несколько иначе, чем при получении информации из электронных и печатных источников [Воронцова 2015].

Проблема референтной соотнесенности в новостном медиатексте напрямую связана с проблемой соотношения понятий *факт* и *событие*. Понятие события активно исследуется в лингвистике уже не одно десятилетие. Этой проблеме посвящены работы Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988, 1999], З. Вендлера [Вендлер 1987], В. З. Демьянкова [Демьянков 1983], А. А. Леонтьева [Леонтьев 2008] и др. При этом исследова-

тели не ставят знак равенства между понятиями «факт» и «событие». По образному определению Н. Д. Арутюновой, «события погружают человека в мир, факты же погружают мир в сознание человека» [Арутюнова 1988: 103], т. е. факт не существует независимо от человека. Он представляет собой верифицированное суждение о фрагменте действительности. Факт нельзя описать, его можно только констатировать, т. е. факт — это содержание истинностного суждения о сути события [Арутюнова 1999: 491—493]. Факты принадлежат к области знания и не обладают процессуальностью, событие же происходит во времени и пространстве. Из этого следует, что одно и то же событие может быть представлено в виде разных фактов в зависимости от трактовки сути события. Такое понимание события приобретает особую значимость при исследовании специфики референтной соотнесенности текстов медиатекста.

Как известно, формирование образа события в сознании адресата происходит уже на этапе чтения заголовка, поскольку заголовки призваны репрезентировать содержание основного текста. Заголовки «представляют собой опорные точки, показывающие наиболее важную текстовую информацию. Именно эти выдвинутые элементы текста служат опорой для читателя в понимании содержания, при беглом восприятии они дают достаточно полные знания о целом тексте» [Лазарева 2006]. Функция заголовка — сформировать у адресата первичный образ события.

Адресант медиатекста отбирает способы представления события в соответствии с двумя принципами: информативность как отражение важнейших аспектов события и речевое воздействие [Дейк 1989; Негрышев 2006].

В отличие от печатных и электронных СМИ, интернет-издания существуют в условиях жесткой информационной конкуренции: одно и то же событие представлено в Сети многократно в одно и то же время. Образ события в заголовках разных интернет-источников может отличаться по целому ряду параметров: по степени детализации события, по объему фактологической информации, по интенсивности эмоционального воздействия и т. п. Т. В. Чернышова обращает внимание на онтологическую противопоставленность таких критериев медиатекстов, как яркость, обеспечивающая воздейственный потенциал медиатекста, и достоверность как точность отражения события [Чернышова 2012: 196—197]. Заголовки в новостных сетевых СМИ в полной мере от-

ражают это противоречие. С одной стороны, новостной заголовок в сетевых СМИ — это анонс события, представленного в основном тексте. По структуре это, как правило, полное предложение с подлежащим и сказуемым. Такие заголовки по умолчанию должны обладать высокой степенью информативности. С другой стороны, лаконичность заголовка не позволяет дать полную картину события, поэтому воздействующую функцию выполняют как языковые средства, так и отбор информации. Следовательно, формирование первичного образа события зависит от того, какие аспекты события вынесены в заголовки и какими языковыми и речевыми средствами это событие представлено.

Стремление стимулировать интерес адресата к полной версии текста нередко приводит к тому, что заголовок неадекватно отражает событие, представленное в основном сообщении, т. е. уже на этапе репрезентации происходит деформация образа события. Чаще всего такой деформации подвергаются сообщения о негативных событиях.

Деформация образа события в заголовке направлена на преувеличение масштаба события и его значимости для адресата, на гиперболизацию или абсолютизацию негативных аспектов события. Такая деформация может достигаться разными способами.

В качестве примера весьма показательна репрезентация в заголовках СМИ следующего события:

На строящейся в Санкт-Петербурге плавучей атомной электростанции „Академик Ломоносов“ произошел пожар. В помещении размером четыре на четыре метра (16 кв. м) произошло короткое замыкание аккумуляторных батарей. Атомные реакторы на станции еще не установлены, топливо не загружено. Сообщение о возгорании поступило в 14:15. В 15:25 его ликвидировали. Пострадавших нет (4.04.2017).

Очевидно, что данное событие не представляет никакой масштабной угрозы. Однако в заголовках оно представлено иначе:

На АЭС в Петербурге произошёл пожар («Суть событий»);

СРОЧНО! *В Санкт-Петербурге горит атомная электростанция (newsline.info);*

ЧП в России: *горит плавучая атомная электростанция (hronika.info).*

Данные заголовки деформируют образ события прежде всего за счет «информационного фильтра»: значимая информация о том, что это строящаяся АЭС без реакторов и топлива, в заголовках не отражена. В результате заголовки фактически актуализируют концепт (фрейм) «пожар (авария) на АЭС», который в сознании массового адре-

сата ассоциируется с масштабной опасностью. Причем в двух заголовках используются специальные языковые и речевые средства, акцентирующие значимость события: это аббревиатура *ЧП* (чрезвычайное происшествие) и пометка *СРОЧНО*.

Актуализация негативного концепта в сознании адресата может достигаться за счет использования в заголовке «сильнодействующих» языковых и речевых средств.

Примером может служить репрезентация в заголовках сетевых СМИ следующего события:

Филиппинский кабинет министров почти в полном составе едва не разбился в аэропорту города Таклобан 17 января. Правительственный лайнер выкатился за пределы взлетно-посадочной полосы и загорелся. ...Во время взлета начался сильный шторм. ...Поднялся ветер скоростью в 100 км/ч. Лайнер даже не успел оторваться от земли, его отбросило в сторону. Несколько десятков метров он буквально пропахал носом землю, а потом остановился. К счастью, никто не пострадал (17.01.2017).

Самую многочисленную группу составляют заголовки, в которых данное происшествие обозначено словом *авария*: *Самолет с филиппинскими чиновниками потерпел аварию при взлете* (Российская газета — RG.RU); *Самолет с филиппинскими чиновниками попал в аварию при взлете* («МИР 24») и т. д.

На первый взгляд, данный способ представления события соответствует действительному положению вещей: авария — это чрезвычайная ситуация, связанная с повреждением какого-либо технического устройства, и она действительно произошла. Однако в сознании массового адресата авария как авиационное происшествие устойчиво ассоциируется с трагическими последствиями. Эта пресуппозиция обуславливает деформацию образа события, поскольку многократно усиливает его негативную составляющую, т. е. фактически активизирует в сознании адресата фрейм «авиакатастрофа». Очевидно, что такой образ события не соответствует реальному факту, но при этом отличается более высокой степенью воздействия и стимулирует интерес к полной версии события.

Искажение образа события может происходить за счет смещения смысловых акцентов. Одним из способов такого смещения является фрагментарное представление события в заголовке. Так, информация о встрече В. В. Путина и Д. Трампа на саммите G20 в ряде изданий представлена следующими заголовками:

Мелания Трамп не сразу смогла оторвать мужа от Путина (Вести.гу. 8 июля 2017);

Меланья Трамп безуспешно пыталась забрать супруга с переговоров с Путиным [РИА «Новости». 07.07.2017].

В данном случае деформация образа события обусловлена тем, что часть события представлена как самостоятельное событие. Основное содержание рассматриваемых сообщений: переговоры продолжались намного дольше, чем было запланировано, что свидетельствует о заинтересованности обоих политических лидеров во взаимодействии и сотрудничестве. В довольно простом тексте информационного сообщения «заголовочному» фрагменту события отведено в лучшем случае одно-два предложения. Ср.: *В какой-то момент в комнату переговоров заглянула Мелания Трамп, чтобы поторопить увлеченных делами мужчин. Но, по признанию госсекретаря Тиллерсона, даже у нее ничего не получилось* (Вести.гу.).

Заголовок, репрезентирующий данный фрагмент, смещает смысловые акценты: главным действующим лицом становится Мелания Трамп, хотя очевидно, что на официальных переговорах глав государств регламент встреч определяют отнюдь не их жены. Обратим внимание на то, что для номинации одного из главных участников события — американского президента используются слова *муж* и *супруг*. Речевые обороты, использованные в данных заголовках: *оторвать мужа от Путина*; *забрать супруга с переговоров* — указывают на пассивность и несамостоятельность объекта действия. В результате такие заголовки не только некорректно репрезентируют содержание сообщения, но и снижают статус участников события и его значимость. А. А. Леонтьев определяет такой способ деформации события как подмену реального факта вербальным: «Совокупность или система содержаний всех истинных суждений о событии, образующих его завершённый „сюжет“, может быть названа реальным фактом. А содержание отдельно взятого истинного суждения о данном событии — вербальный факт. Он неполон уже по определению, если даже и истинен. К нему нельзя, так сказать, придраться — он верен, но, взятый в отдельности, дает неправильное (недостаточное, а то и извращенное) представление о событии» [Леонтьев 2008].

Деформация образа события в заголовке может быть обусловлена некорректным выбором языковых средств. Например, заголовков *Разъяренные быки растоптали де-*

взять человек в Испании (360°) репрезентирует сообщение о традиционном забеге быков в Испании:

В испанской Памплоне во время забега быков пострадали девять человек. Дюжина разъяренных быков пронеслась по улицам города, сметая всех, кто становился у них на пути. Самым любопытным быки нанесли увечья рук и ног, в результате чего туристов доставили в больницу. Один сейчас идет на поправку, за жизнь второго борются врачи. Остальные „смельчаки“ отделались ушибами, синяками и царапинами.

Очевидно, что глагол *растоптать* (*раздавить, разрушить, уничтожить*) многократно усиливает негативную составляющую, формируя совсем иной образ события, нежели в основном тексте.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях мы наблюдаем своеобразный «когнитивный диссонанс» — заголовок актуализирует в сознании массового адресата концепт (фрейм), который не соответствует образу события, представленному в основном тексте. Намеренная негативизация образа события в заголовке, с одной стороны, способствует искажению картины мира в сознании массового адресата, с другой — подрывает доверие как к отдельным изданиям, так и к СМИ в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Баженова Е. Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ (на материале качественных интернет-газет): дис. ... канд. филол. наук. — Благовещенск, 2015.

T. A. Vorontsova
Chelyabinsk, Russia

NEWS TITLE AS EVENT REPRESENTATIVE

ABSTRACT. *The article describes the principles and ways of representation of the image of an event in news titles of online media. In the Internet discourse news titles are often previews of the event described in the text. Representation of the event in the title is compared to the description of this event in the text of the article. Deliberate negative deformation of the image of the event in the title distorts the worldview of mass addressee. The initial image of event depends on the aspects that are featured in the title and on the language and speech means used to represent this event. The aspiration to arouse readers' interest in the article often leads to distortion of the event in the title, in other words, initial representation of the event alters its image. Titles often emphasize the concept (or frame) that is associated with serious danger. The journalists often use special language and speech tricks to stress the importance of the event, for example, abbreviation ЧП (emergency) and the phrase «Срочно» (Breaking news). To bring more tragedy to the consequences of the event, journalists often appeal to presuppositions present in the minds of readers. Distortion of the image of event is caused by the shift of the meaning. One of examples of such shift is fragmentary representation of the event in the title. Deformation of the image of event may also be caused by the wrong usage of words.*

KEYWORDS: *media discourse; media text; mass media; media; news coverage; news titles; distortion of an image.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vorontsova Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka. Sobytiye. Fakt. — М.: Наука, 1988.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — М.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999.
3. Bazhenova E. Yu. Diskursivnye strategii predstavleniya informatsii v novostnykh tekstakh britanskikh SMI (na materiale

4. Вендлер З. Факты в языке // *Философия, логика, язык / общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова.* — М., 1987. С. 293—317.

5. Воронцова Т. А., Ковальчукова М. А. Образ события в новостном интернет-дискурсе // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История. Филология.* 2015. Т. 25. № 4-3. С. 102—108.

6. Воронцова Т. А. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.

7. Дейк Т. А. ван. Анализ новостей как дискурса // *Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т. А. ван Дейк; сост. В. В. Петрова.* — М., 1989. С. 111—160.

8. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка.* 1983. Т. 42. № 4. С. 320—329.

9. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования.* — Белгород, 2016. С. 13—22.

10. Кротова Е. А. Особенности структурной организации новостного дискурса в сети Интернет (на материале англоязычных электронных сообщений): автореф. ... дис. канд. филол. наук. — Барнаул, 2012.

11. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // *Изв. Урал. гос. ун-та.* 2006. № 40. С. 158—166.

12. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ // *Язык средств массовой информации.* — М.: Академический проект: Альма Матер, 2008. С. 146—152.

13. Меланья Трамп безуспешно пыталась забрать супруга с переговоров с Путиным // *РИА «Новости».* 2017. 7 июля. URL: <https://ria.ru/world/20170707/1498096038.html>.

14. Негрышев А. А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовков — текст // *Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология.* 2006. № 1. С. 97—109.

15. Негрышев А. А. Референтная соотнесенность новостного медиатекста (из опыта описания интерактивности методом макроструктурного анализа) // *Лингвистика речи. Медиалингвистика: кол. моногр.* — М.: Флинта: Наука, 2012. С. 429—450.

16. Хазагерев Г. Г. Что слышит слушающий // *Отечественные записки.* 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru>.

17. Чернышова Т. В. Медиатекст: введение в заблуждение как прием создания выразительности и как уловка // *Вторая Междунар. конф. «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах».* Пленарные доклады. — М.: МедиаМир, 2012. С. 194—201.

качественных интернет-газет): дис. ... канд. филол. наук. — Благовещенск, 2015.

4. Vendler Z. Fakty v yazyke // *Filosofiya, logika, yazyk / obshch. red. D. P. Gorskogo i V. V. Petrova.* — М., 1987. С. 293—317.

5. Vorontsova T. A., Koval'chukova M. A. Obraz sobytiya v novostnom internet-diskurse // *Vestn. Udmurt. un-ta. Ser.: Istorija. Filologiya.* 2015. Т. 25. № 4-3. С. 102—108.

6. Vorotnikova Yu. S. Realizatsiya novostnogo diskursa v elektronnykh angloyazychnykh SMI : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2005.
7. Deyk T. A. van. Analiz novostey kak diskursa // Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya : sb. rabot / T. A. van Deyk ; sost. V. V. Petrova. — M., 1989. S. 111—160.
8. Dem'yankov V. Z. «Sobytiye» v semantike, pragmatike i v koordinatakh interpretatsii teksta // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1983. T. 42. № 4. S. 320—329.
9. Dobrosklonskaya T. G. Novostnoy diskurs kak ob"ekt medialingvisticheskogo analiza // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya. — Belgorod, 2016. S. 13—22.
10. Krotova E. A. Osobennosti strukturnoy organizatsii novostnogo diskursa v seti Internet (na materiale angloyazychnykh elektronnykh soobshcheniy) : avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. — Barnaul, 2012.
11. Lazareva E. A. Zagolovochnyy kompleks teksta — sredstvo organizatsii i optimizatsii vospriyatiya // Izv. Ural. gos. un-ta. 2006. № 40. S. 158—166.
12. Leont'ev A. A. Psikholingvisticheskie osobennosti yazyka SMI // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M. : Akademicheskii proekt : Al'ma Mater, 2008. S. 146—152.
13. Melan'ya Tramp bezuspeshno pytalas' zabrat' supruga s peregovorov s Putinyem // RIA «Novosti». 2017. 7 iyulya. URL: <https://ria.ru/world/20170707/1498096038.html>.
14. Negryshev A. A. Pragmatika novostnogo gazetnogo zagalovka: mekhanizmy preobrazovaniya informatsii v sisteme zagalovok — tekst // Vestn. MGU. Ser. 9, Filologiya. 2006. № 1. S. 97—109.
15. Negryshev A. A. Referentnaya sootnesennost' novostnogo mediateksta (iz opyta opisaniya interaktivnosti metodom makrostrukturnogo analiza) // Lingvistika rechi. Mediastilistika : kol. monogr. — M. : Flinta : Nauka, 2012. S. 429—450.
16. Khazagerov G. G. Chto slyshit slushayushchiy // Otechestvennye zapiski. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru>.
17. Chernyshova T. V. Mediatekst: vvedenie v zabluzhdenie kak priem sozdaniya vyrazitel'nosti i kak ulovka // Vtoraya Mezhdunar. konf. «Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh». Plenarnye doklady. — M. : MediaMir, 2012. S. 194—201.

С. В. Иванова
Санкт-Петербург, Россия

КУЛЬТУРОНИМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ: ИНСТРУМЕНТ ГАРМОНИЗАЦИИ ИЛИ ОТЧУЖДЕНИЯ?

АННОТАЦИЯ. Статья раскрывает дискурсивный эффект, который достигается при использовании культуронимов, то есть культурно детерминированных единиц, в политическом дискурсе СМИ. Эмпирика показывает, что телеология их использования может характеризоваться очевидной полярностью: велик потенциал культурно обусловленной лексики при реализации категории «свой — чужой», для передачи неприемлемых ценностных ориентаций политического оппонента и, соответственно, его дальнейшего отчуждения. Вместе с тем оценочный потенциал культуронимов предполагает и возможность выполнения ими гармонизирующей роли. Однако в политическом дискурсе СМИ примеры такого рода чрезвычайно редки. В статье раскрываются языковые особенности создания оценочности в политическом дискурсе в результате использования культуронимов, что предполагает анализ языковой природы культуронима, рассмотрение характера передаваемой им культурной информации, а также учет контекстуальных и прагматических факторов, способствующих достижению эффекта отчуждения или гармонизации. Культуроним в политическом медиатексте используется как результат стереотипизации, как упрощенная схема, обладающая высокой степенью оценочности. В качестве запускового механизма реализации оценочного потенциала культуронима выступает смысловая позиция адресанта, в соответствии с которой в тексте актуализируется положительная или отрицательная оценка, потенциально заложенная в культурониме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культуронимы; политический дискурс; медиатекст; лингвокультурология; свой — чужой; культурологическая модальность; идеологическая модальность; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, к. 207; e-mail: s.ivanova@lengu.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Введение

Использование культурно детерминированных языковых единиц, или культуронимов, в политическом дискурсе СМИ — довольно распространенный прием, к которому прибегают многие акторы, действующие в сфере политической коммуникации. Привлекательность культуронимов имеет вполне понятное объяснение: они не требуют дополнительных комментариев со стороны продуцента текста, так как входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества. Кроме того, велик их потенциал с точки зрения передачи модальности [Иванова 2017: 41, 50], что чрезвычайно важно для реализации таких функций политической коммуникации, как агональность и оценочность [Чудинов 2012: 63—66].

При анализе функционирования культуронимов в политическом дискурсе СМИ возникают два принципиальных вопроса: о том, (1) какие свойства данных единиц способствуют их частотному использованию в указанном типе дискурса, а также (2) каким образом эти свойства реализуются — направлено ли использование культуронимов на гармонизацию или, наоборот, на повышение конфликтности политического дискурса массмедиа. Кроме того, необходимо определиться с тем, (3) какие культуронимы наиболее частотны в политическом медиадискурсе, (4) каковы особенности использования культуронимов, то есть (а) характер контекстов, в которых они задействованы (положительные или отрицательные), (б)

реализуемые смыслы, (в) позиция культуронима в медиатексте (использование его в заголовке, лиде, начале, середине или конце статьи).

Представляется, что ответы на все поставленные вопросы могут быть даны при рассмотрении языковой природы культуронима и того, каким образом производится их дискурсивизация, или, иными словами, дискурсивная адаптация в медиатексте политической направленности. В конечном итоге, цель данной работы состоит в выявлении особенностей функционирования культуронимов в политическом дискурсе СМИ. Согласно гипотезе исследования, функционирование культуронимов в медиатексте политической направленности приводит к усилению его оценочности и агональности. В основу гипотезы исследования легло понимание того, что культуронимы выступают источником модализации текста благодаря реализуемой ими культурологической модальности. Запуск культурологической модальности осуществляется в соответствии с предложенной А. Г. Барановым цепочкой «ценность — оценка — модализация», в которой производится координация когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций текста [Баранов 1993: 7]. Соответственно текст наполняется оценочными смыслами, но при этом автор текста не прибегает к средствам прямой оценки. Оценка дается опосредованно, а ее проводниками (для адресанта) и маркерами (для адресата) служат культуронимы, т. е. языковые едини-

цы, передающие информацию культурно-ценностного плана.

В ходе исследования использованы медиатексты из текущей прессы США и Великобритании. При анализе задействован арсенал общенаучных методов (описание, анализ, синтез, генерализация), а также лингвистические методы, к которым относятся дискурс-анализ, дефиниционный анализ, морфологический анализ, дистрибутивный анализ, концептуальный анализ, контекстуальный анализ, лингвокультурологический комментарий.

Теоретико-методологическая база

С момента, как появилась и стала развиваться лингвокультурология, не уменьшается интерес лингвистов к вербальным носителям культурной информации. Данные языковые единицы представляют собой особую группу слов, объединенную тем, что они находятся на пересечении семиотических пространств языка и культуры. При этом информация культурно-ценностного плана инкорпорирована в одном из аспектов (семантике, синтактике, прагматике) языкового знака такого рода [Иванова 2003: 26]. Что касается структуры значения, то передача культурно-ценностной информации может быть связана с особенностями денотата, сигнификата или коннотата [Иванова 2003: 26]. Таким образом, языковой знак открывает для культурной информации разные точки доступа и, в конечном итоге, проникновения в языковое и уже далее — дискурсивное пространство. В дискурсивном пространстве культурная детерминированность лингвокультурного знака, смыкаясь со смысловой позицией (термин Л. Р. Дускаевой [Дускаева 2004]) автора текста, потенцирует, наряду с другими факторами, актуализацию текстовой модальности. Текстовая модальность в данном случае образуется в результате совместной объективации идеологических и культурологических смыслов, появляющихся на основе реализации двух типов модальности — культурологической, исходящей от содержательной стороны культурно-языкового знака как знака, связанного с передачей ценностной информации, и идеологической, обусловленной характером дискурса, в котором функционирует данная единица.

Как известно, специфика культуронима состоит в особенности его значения. Культурно детерминированное значение, которое передают культуронимы, относится к сфере культуры, а культура всегда предполагает ценностный компонент и, как следствие, операцию оценивания, которую производит адресант, посредством использования куль-

туронима. Соответственно, оценка заложена в культуронимах как онтологическое свойство. При этом вслед за Л. А. Сергеевой оценку мы понимаем как «результат проявления особого, ценностного отношения субъекта к объекту, специфику которого составляет сознательная целенаправленность, заключающаяся в наличии определенной позиции субъекта, детерминирующей характер данного отношения, то есть определенных „точек зрения“, с которых производится оценка» [Сергеева 2003: 47]. Такую точку зрения в культуронимах составляют ценности морально-нравственного плана, которые объединяют членов определенного лингвокультурного сообщества (далее — ЛКС). Соответственно в культуронимах генерируется субъективная оценка особого рода: она дается с точки зрения нравственно-этических ориентиров членов того или иного лингвокультурного сообщества. Выраженная в лингвокультурных знаках этическая и эстетическая информация, передавая представление о должном, образует «вершинный модус формируемой общекультурной модальности восприятия вербальной коммуникации <...>, определяющий рамки достойного и недостойного и выражающийся в таком обобщенном аксиологическом отношении, как 'одобрение — неодобрение (осуждение)» [Зыкова 2014: 328]. Единственное замечание терминологического свойства, которое необходимо сделать по поводу приведенной цитаты, — это уточнить характер модальности. Представляется, что выражаемую культуронимами модальность целесообразно описывать не как модальность общекультурного плана, а прежде всего как модальность культурологического плана, поскольку разброс в оценках между различными лингвокультурными общностями может быть весьма значителен. Более того, порою оценки могут оказаться прямо противоположными с позиции различных ценностных ориентиров не только при сопоставлении культур, но и при рассмотрении разных культурных сообществ внутри одной культуры. Культурологическая модальность предполагает оценку, которую выражает продуцент текста, — при этом шкалирование производится между полюсами «добро ÷ зло» посредством оценочного суждения «одобрить ÷ не одобрить» с точки зрения существующих в обществе культурно-ценностных ориентиров [Иванова 2017].

Содержащаяся в лингвокультурных знаках оценка своеобразно реализуется при функционировании культуронимов в тексте. Она обуславливает их способность выступать источником модализации, т. е. быть тем

элементом, посредством которого продуцент текста «встраивает» свое отношение к передаваемому сообщению [Eggins 2004: 172]. В результате модализации в тексте актуализируется культурологическая модальность, т. е. модальность, связанная с этической оценкой нравственной позиции персонажа или автора текста.

Особенность оценки, выражаемой культуронимом, состоит в том, что данная оценка не оспаривается, поскольку она принадлежит культурно-ценностной базе и, соответственно, понятна всем членам данного лингвокультурного сообщества и разделяется ими. Именно вследствие этого обстоятельства использование культуронимов представляется столь эффективным: оценка, которая инкорпорирована в них, не требует доказательств, хотя она представлена в свернутом виде, абсолютно прозрачна и легко считывается внутри одного лингвокультурного сообщества, встречая непонимание среди членов другого. В культурониме наличествует оценочный инвариант восприятия — будучи задействованными в тексте, данные единицы знаменуют, входит ли предмет речи в ценностный (или антиценностный) сегмент когнитивной базы данного ЛКС.

Принимая во внимание то, что «медиа-текст — это сконструированное речевое поведение, соответствующее интенциональному состоянию (~ ментальности говорящего) и культурным моделям описывающего или предписывающего характера» [Дускаева, Краснова 2014: 52], есть все основания предположить, что в пространстве медиа-текста политической направленности создаются многочисленные очаги модализации. Их источником является выражение субъективного отношения и оценочных суждений, находящихся в прямой зависимости от смысловой позиции адресанта. Эксплицируемая таким образом субъективная оценочность прежде всего соотносится с реализуемой в тексте идеологической модальностью. Однако немаловажной является и культурологическая составляющая. Будучи основной в тексте политического дискурса, идеологическая модальность взаимодействует с модальностью культурологической, подчиняя ее себе и многократно усиливаясь. В результате увеличивается градус агональности дискурса, что ведет к его большей поляризации.

Обсуждение результатов исследования

Анализ медийных текстов англоязычных СМИ свидетельствует, что в качестве культуронимов выступают языковые единицы разной уровневой принадлежности, чем вы-

звана трудность их классифицирования с точки зрения аристотелевской логики в понимании категории. В силу этого обстоятельства довольно сложно представить «гладко выстроенную» рубрикацию подобного рода знаков лингвокультуры. В то же время достижения когнитивной лингвистики и ее основания позволяют более гибко подойти к такого рода категоризации, ибо в рамках данного подхода постулируется существование категорий, построенных не по принципу классической логики, к каковым, к примеру, относятся радиальные и генеративные категории. Соответственно, такой подход позволяет покинуть прокрустово ложе классической категории и включить в круг исследования разнородные единицы, имеющие статус культуронимов. Принимая данное допущение, среди культуронимов, функционирующих в политическом дискурсе СМИ, можно выделить единицы морфологического, лексического и синтаксического уровней.

Самую многочисленную группу составляют единицы лексического уровня. Прежде всего бросается в глаза обильное использование этнонимов, т. е. лексических единиц с именованием этноса и/или страны его проживания. В целом ни одна этнономинация не снабжена словарными пометами, так или иначе свидетельствующими о связанных с нею отрицательных коннотациях. Это положение тем не менее нарушается, как только в силу вступают экстралингвистические факторы, как например историческая память либо частотное функционирование этнонима в отрицательных контекстах. Соответственно за этнонимом, который постоянно включается в отрицательный контекст, что обусловлено смысловой позицией адресанта, закрепляется поле отрицательных смыслов. Именно с пониманием этого обстоятельства и под воздействием политической корректности связано неписаное правило, существующее в ряде стран, не уточнять этническую принадлежность преступников, дабы не закреплять негативные ассоциации за той или иной этнической общностью. В этом отношении приходится с сожалением отметить, что этноним *Russia* и *Russian* с завидным постоянством эксплуатируется в англоязычном политическом дискурсе именно в отрицательном контексте, который иррадирует отрицательно заряженные смыслы. При этом в подавляющем большинстве случаев название этноса выносится в заголовок, что нацелено на привлечение внимания адресата и воздействие на его смысловую позицию в диалоге с адресантом. Так, в статье Г. Портера *From Russia with love*, раскрывающей вмешательство России в выборы в США

и потенциальное влияние на приближавшиеся на тот момент выборы в Европе, название этноса *Russian*, как и название страны *Russia*, упоминается 21 раз на 2032 слова (что составляет одно слово на каждые 100 слов, как знаменательных, так и служебных). В дополнение к этому 4 раза используется соположенная с указанным этнонимом лексема *Soviet*. Стоит напомнить, что данная морфема эксплицирует для западного адресата отрицательные оценочные смыслы, поскольку «актуализирует в когнитивном опыте читателей мифы и стереотипы эпохи „холодной войны“, имеющие негативные коннотации страха, угрозы» [Колмогорова и др. 2016: 198]. В результате увеличивается общая частотность слов, указывающих на один и тот же объект: они задают определенный ритм при прочтении и влияют на понимание текста, выступая источниками модализации. При этом три упоминания этнонима *Russia / Russian* приходятся на лид, который включает 194 слова. Начало статьи содержит 432 слова, при этом 11 из них — упоминание России и производного от обозначающей страну лексемы этнонима. Соответственно, частотность составляет более двух слов на каждую сотню с учетом знаменательных и служебных слов. Кроме того, в статье оказываются задействованными и другие культуронимы с отрицательной коннотацией, понятной в силу экстралингвистических (политических или идеологических) причин, — *ISIS* и *Caliphate*. Обе номинации стоят в непосредственной близости с этнонимом *Russian*: *TV5Monde, which broadcasts around the world and had then just launched a new channel, was taken off the air by a hack from a group calling itself Cyber Caliphate, which turned out to be Russian / TV5Monde, которая передает по всему миру и в тот момент запустила новый канал, была ликвидирована из эфира хакером из группы, именующей себя Кибер Халифатом и оказавшейся российской*. И далее: *ISIS's and Russia's influence of, and support for, the far right present threats, which are very hard to combat / Влиянию ИГИЛ (запрещенная в России организация. — прим. ред.) и России и их поддержке в настоящее время ультраправых угроз очень сложно противостоять* [Porter]. Очевидно, что как содержательно-концептуальная информация текста, так и непосредственное соседство этнонима *Russia / Russian* с отрицательно-оценочными культуронимами приводит к противопоставлению Европы и США, с одной стороны, и отождествлению России и ИГИЛ (запрещенная в России организация. — прим. ред.), с другой. Идеологическая модальность, обу-

словленная смысловой позицией адресанта, влияет на аксиологический знак культуронима, и культурологическая модальность со знаком «минус», связанная с этнонимом *Russia / Russian*, лишь усиливает идеологическую позицию автора статьи.

Наряду с этнонимами в политическом медиадискурсе широко используются общеизвестные реалии как своей, так и чужой культуры, за которыми уже закрепились те или иные коннотативные ярлыки. Так, *the Kremlin, Moscow* стабильно употребляются в отрицательных контекстах и оказываются прочно связанными с воплощением сил зла. Данное представление восходит ко временам холодной войны, и его ярко выразил Рональд Рейган в своей речи 1983 г., назвав Советский Союз империей зла и центром зла в современном мире [Reagan].

Кроме политикогеографических названий, среди реалий могут использоваться лексемы, номинирующие объекты культуры [см.: Иванова, Салимова 2014: 1035], которые способны приобретать тот или иной знак оценки. Стоит упомянуть, что этот знак стоит в прямой зависимости от идеологической модальности, которая диктуется смысловой позицией автора текста. Примеры такого рода немногочисленны, поскольку предполагают детализированное знание культуры, а это требует от читателя больших фоновых знаний. Нет нужды констатировать, что такого рода отсылки не эффективны — в политическом дискурсе СМИ, а тем более в дискурсе поляризованном, востребованы упрощенные схемы: не важно, отрицательные или положительные — они должны быть просты и однозначны для понимания.

Среди лексических единиц выделяются также номинации, связанные с названиями социальных практик, характерных для той или иной ЛКС. В качестве примера можно привести использование частотного *witch hunt*, прецедентного феномена, который, согласно словарю Вебстера, трактуется как *the searching out and deliberate harassment of those (such as political opponents) with unpopular views* [Merriam Webster] / поиск и преследование тех, чьи взгляды непопулярны (например, политических оппонентов), в следующем контексте: *President Trump has repeatedly denied any collusion with Russia, calling the allegations a "witch hunt"* [Russia: The cloud] / Президент Трамп неоднократно отрицал любой сговор с Россией, называя подобные инсинуации „охотой на ведьм“. Для опровержения домыслов своих оппонентов политик использует общеизвестное выражение с отрицательной коннотацией,

чем хочет добиться отчуждающего эффекта, уподобляя своих противников средневековым мракобесам.

Нередко, если речь идет о ксенонимах (то есть языковых единицах, возникших «в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов (т. е. в ходе деонимизации)» и мотивированных обобщенными представлениями о чужих народах и землях [Березович 2006: 3], а также культурно детерминированных единицах, восходящих к чужому культурному пространству [Кабачки 2004: 12]), название социальной практики приобретает вид экзотизма, будучи представлено в транслитерированном или транскрибированном виде. Ярким примером подобного рода является лексема *maskirovka* (маскировка). Данное слово проникло в англоязычный политический дискурс и толкуется Оксфордским словарем как политический или военный обман, осуществляющийся в России, прежде всего в отношении западных спецслужб (*In Russia and other countries of the former Soviet Union: political or military deception, especially as practised against Western intelligence* [Oxford]; в поисковике «Google» насчитывается 97 тыс. упоминаний транслитерированной лексемы *maskirovka* за 0,24 секунды). Такое определение маскировки удивит любого русскоязычного человека, однако оно достигает своей цели — отчуждения политического оппонента, коварность которого не знает меры и границ. И, соответственно, появляются радиопередачи под названием *Maskirovka: Deception Russian Style* [Maskirovka] / *Маскировка: обман по-русски*; статьи с названиями переданных при помощи транслитерации социальных практик политического оппонента: *Kompromat vs. Maskirovka* [Davidzon]. Создается впечатление, что данные социальные практики используются только в России. Так, вполне серьезно автор данной статьи утверждает, что компромат — это излюбленная в России практика сбора компрометирующей информации личного характера, которая откладывается до лучших времен и используется против политических оппонентов в удобное время (*The Russian concept of “kompromat” describes the spycraft practice of gathering compromising personal information, which is then filed away for later use in blackmailing operations. The technique was a beloved tactic of Soviet security agencies and was deployed against both domestic and foreign opponents of the Soviet Union* [Davidzon]). Использование данных экзотизмов призвано убедить получателя информации в прирожденной злонамеренности политического оппонента, чьи

практики не имеют ничего общего с морально-нравственным кодексом цивилизованного общества.

В ходу у журналистов, работающих в политическом медиадискурсе, и синтаксические единицы. Оформленные в виде синтаксических единиц культуронимы, задействованные в англоязычном политическом дискурсе, черпаются из массовой культуры, из широко известных произведений американской культуры или истории соответствующей страны. Использование синтаксических единиц (словосочетаний, предложений, СФЕ, текстов), восходящих к прецедентным феноменам американского ЛКС, довольно распространено при апелляции к своей собственной политической жизни. В этом отношении весьма показательным является сопоставление журналистских оценок одной и той же политической фигуры — президента Трампа. В прессе демократического толка (пресса, которая поддерживает Демократическую партию) фигура нынешнего американского президента уподобляется шокирующей публику *Honey Boo Boo* / *Милашке Бу Бу*, избалованной победительнице детских конкурсов красоты и «звезде» реалити-шоу *Here Comes Honey Boo Boo* / *A vom u Милашка Бу Бу: Here comes Honey Boo Boo: Donald Trump is the Honey Boo Boo of rich people* [Freeman [http](http://)] / *A vom u Милашка Бу Бу: Дональд Трамп — это Милашка Бу Бу богатых; Here comes President Boo Boo: Trump’s tour as reality TV* [Dew [http](http://)] / *A vom u президент Бу Бу: поездка Трампа (в Египет) как реалити-ТВ*. Для сравнения необходимо отметить, что в консервативной прессе Дональд Трамп получает положительную оценку — его речь в ООН оценивается как образец ораторского искусства, созданный в лучших традициях Трумана и Рейгана, кумиров республиканцев: *Trump’s speech, optimistic and pro-American as it was, falls in the mainstream of American presidential tradition. Indeed, it is the stuff of a Truman or a Reagan* [Taunton] / *Речь Трампа, оптимистическая и проамериканская, соответствует американской президентской традиции. В самом деле, это что-то подобное Труману или Рейгану*. Таким образом, эмпирический материал свидетельствует, что культурологическая модальность оказывается полностью обусловленной идеологической модальностью, отражающей смысловую позицию автора. Используя биполярный потенциал культуронима, автор присваивает ему тот знак оценки, который соответствует его идеологическим убеждениям, что далее отражается в поляризованном дискурсе.

Оформленные в виде предикативных

единиц культуронимы включают разного рода прецедентные феномены, восходящие к широко известным текстам данного ЛКС. Так, название патриотической песни, своего рода неофициального гимна Америки *America the Beautiful* / Америка прекрасная, трансформируется в самые разные предикативные комплексы, при этом довольно часто сочетается с еще одной номинативной единицей *ugly American* / уродливый американец (название вышедшего в 1958 г. одноименного романа, послужившего началом использования понятия, толкуемого как *an American in a foreign country whose behavior is offensive to the people of that country* [Merriam Webster] / американец за рубежом, демонстрирующий поведение, оскорбительное для народа другой страны): *Trump is turning America the beautiful to America the cruel* [Huppke] / Трамп превращает Америку прекрасную в Америку жестокую; *The ugly truth about America the Beautiful* [Roberts] / Уродливая правда об Америке прекрасной; *US election: America the beautiful's ugly election* [Bryant] / Выборы в США: уродливые выборы в Америке прекрасной; *America the Ugly!* [Brown] / Америка ужасная!; *Trump's Speech Gave Us America the Ugly. Don't Let It Become Prophecy* [Rich] / Речь Трампа представила нам Америку ужасную. Не дайте ей стать пророчеством. Характерно, что весь приведенный иллюстративный материал представлен исключительно заголовками, которые являются для текста сильной позицией с точки зрения информационного воздействия. Заголовок, содержащий очаг модализации, предопределяет дальнейшее восприятие текста. Совершенно очевидно, что культуронимы, обладая свойством оценочной биполярности [Иванова 2017: 45], трансформируются, подстраиваясь под необходимый идеологический контекст, — как показывает эмпирический материал, это довольно востребованная практика при использовании культуронимов.

В качестве культуронимов могут выступать словообразовательные элементы, т. е. морфемы, которые сохраняют в себе следы «культурной памяти». Показательным и широко известным примером морфемы, в которой жива культурная память, является морфема *-gate* [Иванова, Чанышева 2014: 163], указывающая на потрясающий общество политический скандал (ср.: *Watergate* → *Russiagate*, номинация непрекращающегося в США процесса по поводу «русского следа» в выборах 2016 г.). В ходу в политическом дискурсе СМИ словообразовательные модели, использующие в новообразованных словах одну из морфем прецедентного феномена: *Some of my dearest political friends*

ooze scorn for Trump supporters. They call them names: Trumpkins, Trumpsters, Trumpplings, Trumpaloompas, or the most creative, "racists" [Clouthier] / Некоторые из моих дражайших политических друзей источают презрение по отношению к сторонникам Трампа. Они обзывают их трампжевунами, трампомойками, трампятами, трамполумпами, ну и самые креативные — просто расистами. Все перечисленные номинации сторонников Трампа созданы на базе словообразовательных элементов с инкорпорированной в них оценочностью и культурноносными смыслами. Так, *Trumpkins* построено по аналогии с названием персонажей *Munchkins* (Жевуны) из книги «Удивительный волшебник из Страны Оз», ставшей классической для многих поколений американских детей. И если *Trumpsters* и *Trumpplings* не являются культуронимами (первое напоминает *dumpster* (помойка), а второе имеет суффикс *-ling*, служащий для обозначения детенышей типа *duckling* / утенок), то *Trumpaloompas* явно относится к культуронимам, поскольку содержит морфему *-loomp*, которая восходит к названию персонажей *Oompa Loompa* из известной книги Р. Даля (R. Dahl) «Чарли и шоколадная фабрика» (*Charlie and the Chocolate Factory*). Используемые уничижительно, данные единицы служат обозначению низкорослого народца, рабов, которых принуждают работать на шоколадной фабрике в Лумпаленде [Универс. англо-русский [http; Urban dictionary](http://UrbanDictionary.com)].

Кроме того, политический дискурс порождает словообразовательные модели на основе номинаций явлений из социально-политической жизни общества. Будучи нейтральными в своем изначальном употреблении, данные словообразовательные элементы приобретают культурно-идеологическую оценку в политическом поляризованном дискурсе массмедиа. Так, название известной в США программы медицинского страхования *Obamacare* (трансформация названия существовавшей ранее программы оказания медицинской помощи в США *Medicare*) обусловило появление названия социальной программы *Trumpcare*, прямо противоположной по своим идеологическим установкам: *Trumpcare vs Obamacare: How they compare and how many people will lose insurance [Wilts] / Trumpcare vs Obamacare: каковы они в сравнении и сколько людей потеряют страховку.*

Анализ медиадискурса политической направленности свидетельствует о тенденции использования в нем культуронимов в качестве оценочных ярлыков. При этом то,

каков знак оценки — отрицательный или положительный — в большинстве случаев обусловлено идеологической модальностью текста, сообразной со смысловой позицией адресанта. Именно смысловая позиция адресанта диктует оценочный заряд культуронима, который выступает в тексте источником модализации.

Таким образом, используемые в англоязычном политическом медиадискурсе культуронимы включают единицы различной уровневой принадлежности (морфемы, лексемы, синтаксемы) с обозначением: (1) своего или чужого этноса, (2) разного рода реалий своей или чужой культуры, (3) социальных практик того или иного ЛКС. Спектр культуронимов довольно широк. Но обращает на себя внимание то, что они просты и однозначны для интерпретации. Создавая множественные очаги модализации в поляризованном контексте, они оказываются полностью подчинены смысловой позиции автора и реализуемой в тексте идеологической модальности.

Заключение

Функционирующий в медиадискурсе политической направленности культуроним выступает своеобразным оценочным ярлыком. Точкой отсчета в операции оценивания выступает авторская идеологическая установка, а это значит, что сильнейшее воздействие на культуроним и его знак оценки оказывает идеологическая модальность, которая в качестве запускового механизма имеет смысловую позицию адресанта текста. Соответственно, культурологическая модальность, которую реализует культуроним, становится тождественной по знаку модальности идеологической. Идеологическая модальность полностью поглощает модальность культурологическую, заставляя последнюю обслуживать смысловую позицию адресанта. Характерно то, что употребляемые в политическом дискурсе СМИ культуронимы в подавляющем большинстве случаев используются для отчуждения оппонента. Гармонизирующая функция культуронимов в политическом дискурсе СМИ отнюдь не является показательной. В целом же совершенно очевидно, что культуронимы вследствие такой характеристики, как оценочная биполярность [Иванова 2017: 45], при использовании подстраиваются под необходимый идеологический контекст, — как показывает эмпирический материал, это довольно частотная практика.

ИСТОЧНИКИ

1. Freeman M. Morgan Freeman Quotes. URL: <http://www.aqquotes.com/quote/866389>.

2. Brown J. America the Ugly! // CBSNews. 19.06.2013. URL: <https://www.cbsnews.com/blog/judie-brown/america-ugly>.

3. Bryant N. US election: America the beautiful's ugly election // BBC News. 08.11.2016. URL: <http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37903384>.

4. Clouthier M. Dehumanizing Trump Voters // The American Spectator. 26.09.2016. URL: <https://spectator.org/dehumanizing-trump-voters/>.

5. Davidzon V. Kompromat vs. Maskirovka // Tablet. 13.01.2017. URL: <http://www.tabletmag.com/scroll/222132/kompromat-vs-maskirovka>.

6. Dew S. Here comes President Boo Boo: Trump's tour as reality TV URL: <http://religiondispatches.org/here-comes-president-boo-boo-trumps-tour-as-reality-tv/>.

7. Huppke R. Trump is turning America the beautiful to America the cruel // Chicago Tribune. 06.09.2017. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/opinion/huppke/ct-huppke-mean-america-20170906-story.html>.

8. Maskirovka: Deception Russian Style. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b050674y>.

9. Reagan R. "Evil Empire Speech" (8 March 1983). URL: <http://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/>.

10. Rich F. Trump's Speech Gave Us America the Ugly. Don't Let It Become Prophecy // NYMag. 20.01.2017. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2017/01/trumps-speech-gave-us-america-the-ugly.html>.

11. Roberts D. The ugly truth about America the Beautiful // Huffington Post. 25.09.2008. URL: https://www.huffingtonpost.com/darryl-roberts/the-ugly-truth-about-amer_b_121153.html.

12. Russia: The 'cloud' over the Trump White House // BBC News. 29.09.2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38966846>.

13. Taunton L. A. Trump is right. Socialism doesn't work // Fox News. 26.09.2017. URL: <http://www.foxnews.com/opinion/2017/09/24/trump-is-right-newsweek-socialism-doesnt-work.html>.

14. Wilts A. Trumpcare vs Obamacare: How they compare and how many people will lose insurance // The Independent. 04.05.2017. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trumpcare-obamacare-comparison-insurance-costs-premiums-deductibles-mandates-a7718771.html>.

ЛИТЕРАТУРА

15. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1993.

16. Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3—20.

17. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Пермь, 2004.

18. Дускаева Л. Р., Краснова Т. И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 51—57.

19. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2014. 510 с.

20. Иванова С. В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 31—42.

21. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект языковых единиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2003. 41 с.

22. Иванова С. В., Салимова Р. М. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20. № 3. С. 1032—1038.

23. Иванова С. В., Чанышева З. З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурноности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2014. № 4. С. 154—166.

24. Кабакчи В. В. Практикум англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб.: Союз, 2004. 480 с.

25. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—199.

26. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. — М. : Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
 27. Универсальный англо-русский словарь. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/.
 28. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 4-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2012. 256 с.
 29. Eggins S. An Introduction to Systemic Functional linguistics.

- New York ; London : Continuum, 2004.
 30. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
 31. Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
 32. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>.

S. V. Ivanova
 Saint Petersburg, Russia

CULTURONYMS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE: INSTRUMENT OF ALIENATION OR HARMONIZATION?

ABSTRACT. *The article reveals the communicative effect that is achieved as a result of using cultural names, that is, culturally determined units, in political mass media discourse. The empiricist analysis shows that the teleology of their use can be characterized by obvious polarity: the potential of culturally-conditioned lexis, realizing the us-them category is significant for conveying the unacceptable value orientations of the political opponent and, consequently, their further alienation. At the same time, the communicative potential of cultural names also implies the possibility of their fulfilling a harmonizing role. The article reveals the linguistic features of evaluation in political discourse as a result of the use of cultural symbols, which involves analysis of the linguistic nature of the culturonym, consideration of the nature of the cultural information communicated to them, and consideration of contextual and pragmatic factors contributing to the effect of alienation or harmonization. The culturonym in the media text in political discourse is used as a result of stereotyping, as a simplified scheme with a high degree of appraisal. The addressee's semantic position, according to which the text modifies the positive or negative assessment potentially embedded in the culturonym, triggers the mechanism for realizing the evaluation potential of the culturonym.*

KEYWORDS: *cultural sign; political discourse; media text; linguoculturology; we – the others; culturological modality; ideological modality; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Philology, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia.*

REFERENCES

- Freeman M. Morgan Freeman Quotes. URL: <http://www.azquotes.com/quote/866389>.
- Brown J. America the Ugly! // CBSNews. 19.06.2013. URL: <https://www.cbsnews.com/blog/judie-brown/america-ugly>.
- Bryant N. US election: America the beautiful's ugly election // BBC News. 08.11.2016. URL: <http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37903384>.
- Clouthier M. Dehumanizing Trump Voters // The American Spectator. 26.09.2016. URL: <https://spectator.org/dehumanizing-trump-voters/>.
- Davidzon V. Kompromat vs. Maskirovka // Tablet. 13.01.2017. URL: <http://www.tabletmag.com/scroll/222132/kompromat-vs-maskirovka>.
- Dew S. Here comes President Boo Boo: Trump's tour as reality TV URL: <http://religiondispatches.org/here-comes-president-boo-boo-trumps-tour-as-reality-tv/>.
- Huppke R. Trump is turning America the beautiful to America the cruel // Chicago Tribune. 06.09.2017. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/opinion/huppke/ct-huppke-mean-america-20170906-story.html>.
- Maskirovka: Deception Russian Style. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b050674y>.
- Reagan R. "Evil Empire Speech" (8 March 1983). URL: <http://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/>.
- Rich F. Trump's Speech Gave Us America the Ugly. Don't Let It Become Prophecy // NYMag. 20.01.2017. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2017/01/trumps-speech-gave-us-america-the-ugly.html>.
- Roberts D. The ugly truth about America the Beautiful // Huffington Post. 25.09.2008. URL: https://www.huffingtonpost.com/darryl-roberts/the-ugly-truth-about-amer_b_121153.html.
- Russia: The 'cloud' over the Trump White House // BBC News. 29.09.2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38966846>.
- Taunton L. A. Trump is right. Socialism doesn't work // Fox News. 26.09.2017. URL: <http://www.foxnews.com/opinion/2017/09/24/trump-is-right-newsweek-socialism-doesnt-work.html>.
- Wilts A. Trumpcare vs Obamacare: How they compare and how many people will lose insurance // The Independent. 04.05.2017. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trumpcare-obamacare-comparison-insurance-costs-premiums-deductibles-mandates-a7718771.html>.
- Baranov A. G. Funktsional'no-pragmatischeeskaya kontsepsiya teksta. — Rostov n/D : Izd-vo Rostov. un-ta, 1993.
- Berezovich E. L. O yavlenii leksicheskoy ksenomotivatsii // Voprosy yazykoznaniiya. 2006. № 6. S. 3—20.
- Duskaeva L. R. Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Perm', 2004.
- Duskaeva L. R., Krasnova T. I. Intentsional'nost' i modalizatsiya mediateksta v kontekste kul'tury (opyt obobshcheniya) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 51—57.
- Zykova I. V. Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2014. 510 s.
- Ivanova S. V. Diskursivnaya adaptatsiya kul'turno-obuslovlennykh yazykovykh znakov v politicheskom diskurse SMI (na materiale politicheskogo massmediynogo diskursa SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1 (61). S. 31—42.
- Ivanova S. V. Lingvokulturologicheskiy aspekt yazykovykh edinit : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ufa, 2003. 41 s.
- Ivanova S. V., Salimova R. M. Stereotipizatsiya i demonizatsiya obraza Rossii na stranitsakh britanskikh gazet // Vestn. Bashkir. un-ta. 2015. T. 20. № 3. S. 1032—1038.
- Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kul'turonosnosti // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2014. № 4. S. 154—166.
- Kabakchi V. V. Praktikum angloyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii. — SPb. : Soyuz, 2004. 480 s.
- Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovye markery manipulatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 194—199.
- Sergeeva L. A. Problemy otsenochnoy semantiki. — M. : Izd-vo MGOU, 2003. 140 s.
- Universal'nyy anglo-russkiy slovar'. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/.
- Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 4-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 256 s.
- Eggins S. An Introduction to Systemic Functional linguistics. — New York ; London : Continuum, 2004.
- Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
- Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
- Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>.

О. В. Красовская
Луганск, ЛНР, Украина

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

АННОТАЦИЯ. Описывается использование цитатного материала в дискурсе текущей информационной войны между Россией и Украиной. «Чужое слово» обязательно присутствует в медийных текстах, составляющих коммуникативное поле информационного противоборства. Этому способствуют такие черты дискурса информационной войны, как высокая степень агональности, модальность несогласия, основанная на иллокутивном вынуждении диалогичность. В заголовках цитаты часто используются в трансформированном, например редуцированном, виде. Для передачи интенсивности оценки цитаты нередко сопровождаются описанием невербального поведения автора воспроизводимой цитаты и его негативным портретом. «Ухудшение» высказывания оппонента может осуществляться путем экспрессивной замены глагольных форм 3-го лица формами 2-го лица, а также стилистического понижения речи оппонента. Выделяются наиболее типичные реакции на слова оппонента, из которых происходит заимствование «чужого слова»: несогласие с оппонентом; отрицание заключенного в высказывании оппонента утверждения; негативная оценка точки зрения оппонента; вызывающее согласие с оппонентом (например, принятие негативной оценки своих действий как допустимой по отношению к политическому противнику). Анализируются приемы трансформации цитат: каламбурная расшифровка аббревиатуры; квазичитатные вкрапления переосмысливаемых «лексем-лозунгов» из официальной политической риторики Украины (в заголовках выполняют конструктивную функцию, скрепляя дискредитирующие Украину сюжеты в целостный обличительный текст). Особое внимание в статье уделяется освоению украинских квазичитатных вкраплений в русских медиатекстах. Делается вывод, что цитата в дискурсе информационной войны используется в специфической функции протеста против позиции или кода оппонента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; украинский конфликт; политический дискурс; трансформация цитаты; прецедентные феномены; российско-украинские отношения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Красовская Оксана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко; 91000, Украина, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, корп. 1, к. 1-317; e-mail: rusistika@rambler.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Работа продолжает исследование дискурса текущей информационной войны между Россией и Украиной [Красовская 2016], воплощенного прежде всего в медийных текстах оппонентов.

Широкое использование цитат в постсоветском дискурсе в целом (художественная литература, медийная и непринужденная устная речь) отмечалось в исследованиях многих лингвистов (например: [Земская 2004а, 2004б, 2004в; Кронгауз 1995]). При этом специалисты справедливо подчеркивают, что интертекстуальность — это «онтологическое (сущностное) свойство любого медиатекста», «медиатекст представляет собой „текст текстов“» (Э. А. Лазарева), «вторичный текст, включающий „голоса“ (цитаты) множества текстов» [Современный медиатекст 2011: 30].

Наши наблюдения также выявляют обязательное присутствие «чужого слова» в медийных текстах, составляющих коммуникативное поле информационного противоборства. Этому способствуют такие важнейшие связанные друг с другом черты дискурса информационной войны, как 1) высокая степень агональности; 2) модальность несогласия; 3) основанная на иллокутивном вынуждении диалогичность. Главным источником цитат в нашем материале выступают политические заявления, которые, как правило, используются в «оппозиционных коммуникативных целях» [Арутюнова 2016: 50].

О регулярном приобретении политическими заявлениями статуса события свидетельствуют сформировавшиеся в современной медийной практике некоторые модели их вынесения в заголовок:

1) автор цитаты (с дополнительной информацией о прагматической ситуации цитирования или без таковой) + ее фрагмент: *Кобзон о поздравлении Порошенко: „Это позор“* (news.rambler.ru. 27.08.2017);

2) цитата + ее автор (с дополнительной информацией о прагматической ситуации цитирования или без таковой): *„До встречи“: Прилепин прокомментировал участие Пашинина в операции в Донбассе* (topru.news. 25.08.2017);

3) автор цитаты + глагол сообщения + извлеченные из цитаты слова: *Путин назвал киевские власти „хунтой“ и „кликлой“* (tvrain.ru. 24.04.2014);

4) редуцированная до резонансного слова цитата + опровержение стоящего за ним тезиса: *Зрада (укр.; рус. предательство): Савченко призвала стороны конфликта на Донбассе к диалогу* (rusvesna.su. 08.06.2016).

В большинстве случаев цитаты используются в редуцированном и трансформированном виде (так называемая квазичитация [Земская 2004в: 553]). Трансформации могут заключаться в сообщении «чужому слову» иной — провокативной — иллокутивной силы. Так, на месте глаголов сообщения ска-

зал/заявил нередко появляются лексемы неодобрения [Гловинская 1993: 196]: *Новости: Министр соцполитики Украины упрекнул граждан страны в том, что они очень много едят* (riasv.ru. 10.08.2017); *Министр социальной политики еврейско-бандеровского подвида обвинил жителей Украины в обжорстве* (news.sputnik.ru. 14.08.2017).

Для передачи интенсивности оценки трансформированные указанным образом цитаты нередко сопровождаются описанием невербального поведения автора воспроизводимой цитаты и его негативным портретом: *Андрей Рева, министр социальной политики Украины, в эфире одного из телеканалов объявил, что украинцы слишком много едят, а потому так бедно живут. Попрекнул то есть опекаемых граждан куском хлеба. Так и сказал — укоряющим, назидательным тоном, потрясывая огромным вторым подбородком, вросшим в толстенную шею* (news.sputnik.ru. 14.08.2017).

«Ухудшение» высказывания оппонента может осуществляться путем экспрессивной замены глагольных форм 3-го лица формами 2-го лица, а также стилистического понижения речи оппонента. Ср.:

1) *Министр соцполитики Украины: украинцы много едят* (rossaprimavera.ru. 10.08.2017) и

2) *Вы слишком много едите*, — министр соцполитики объяснил, почему украинцы тратят 50 % доходов на питание (rusvesna.su. 10.08.2017); *На днях в укротелеэфире всхрюкнул еще один из представителей интеллектуально ущербной элиты — министр социальной политики А. Рева. По его мнению, украинцы непозволительно прожорливы. Отвечая на вопрос, почему укры тратят на еду 50 % своих доходов, в то время как у немцев эта цифра не превышает 14 %, он ответил, что такая разница вовсе не в уровне доходов, а в культуре и традициях питания.*

„У наших людей есть такая историческая традиция. Голодоморы (!) заставляли их относиться к проблеме питания не так, как в других странах. Немцы едят немного по-другому. Их культура питания отличается от нашей. Учитывая, что цены на продукты примерно одинаковые в Украине и Германии, они едят меньше не потому, что у них нет возможностей, а потому, что у них другая культура. И поэтому они тратят меньше по сравнению с нашими людьми“, — заявил главный по укросоциалке. Посыл, в общем, понятен: когда вы уже нажрётесь? (Новороссия. 2017. № 153).

Таким образом, освоение цитат оппонента в дискурсе информационной войны носит полемический характер. За их использованием в информативной функции, как правило, следует «отстранение» либо от точки зрения, либо от речевой манеры оппонента [Арутюнова 1992: 61]. Укажем наиболее типичные реакции на заявления политического противника, из которых происходит заимствование «чужого слова».

1. Несогласие с оппонентом: *„Никак я не воспринял эти слова“, — заявил российский лидер, отвечая на вопрос, как он относится к подобным заявлениям Обамы. „Каждый человек, тем более президент Соединенных Штатов, имеет право иметь собственное мнение о ком бы то ни было: о своих партнерах, о других странах; это его мнение, так же как мне известно его мнение о том, что американская нация, Соединенные Штаты являются исключительными“, — сказал он. „Я не согласен ни с тем, ни с другим“, — заявил Путин (tass.ru. 12.01.2016; реакция В. Путина на заявление Б. Обамы о том, что Россия — это региональная держава).*

Ср. пример, в котором протест против ключевого термина из «чужого» словаря — аббревиатуры АТО (антитеррористическая операция) — выражен ее каламбурной расшифровкой: *Однако Киев, вместо того чтобы вступить в диалог с весомой частью своих граждан, развязал против нас „АТО“ — Антинародную Террористическую Операцию* (rusvesna.su. 27.12.2015; сохранена орфография автора — из обращения Главы ЛНР И. Плотницкого к жителям Херсонской области).

«Чужое слово» в русских текстах анализируемого нами дискурса нередко представлено украинскими «квазицитатными вкраплениями» — «лексемами-лозунгами» (в иной терминологии: «политическими аффективами») [Копнина 2008: 84] из официальной политической риторики Украины. Самые заметные из них — лексемы *перемога* (рус. победа), *здобулы* (рус. достигли), *революція гідності* (рус. революция достоинства), которые, как показывают факты, принадлежат актуальному словарю информационного противостояния между Россией и Украиной. В украинских (неопозиционных) текстах они порождают пафосную апологетическую тональность, в русских функционируют как «протестные ключевые слова». Ср. показательный контекст: *Вот чего у сторонников майдана не отнять, так это способности видеть перемогу везде, даже там, где ее, казалось бы, не может быть совсем; Это даже не оптимизм, это уже просто жизнь в*

какой-то другой реальности, в которой **перемога** становится аксиомой; *Кругом либо перемоги, либо временные трудности, которые все равно ведут к перемоге, неизбежной и большой* (samlib.ru. 20.02.2015).

Названные лексемы активно используются в заголовках к антиукраинским материалам и названиях газетных рубрик с таким же содержанием: *Политика Украины. Великие перемоги* (www.e-news.su. 30.08.2015); **Здобули**: экономические итоги „революции достоинства“ в цифрах (nahnews.org. 29.12.2015); „Гидність“ по-украински (Славяно-сербские вести. 2016. № 11). Употребленные в позиции внутренних заголовков, они выполняют конструктивную функцию, скрепляя дискредитирующие Украину сюжеты в целостный обличительный текст. Примеры из статьи «Красная книга украинских „перемог“»: **Перемога** первая; **Перемога** вторая; **Перемога** третья; **Перемога** четвертая; **Перемога** очередная (topwar.ru. 26.11.2015).

Большим воздействующим потенциалом в русских текстах, безусловно, обладает транскрипционная передача украинских вкраплений: *Восстание неуспевающих, или „Пэрэмога“ над диктантом* (odnarodyna.org. 15.04.2017; название поэтического текста, который является реакцией на отмену Тотального диктанта в Киеве).

Приведенные украинизмы часто вовлекаются в тексты оппонентов для разоблачения заявлений украинских политиков, порождая так называемый иронический (разных тональностей) опровергающий дискурс.

Косвенное опровержение лозунгов украинских политиков создается описанием негативных фактов из жизни украинского общества, которые демонстрируют разрыв между политическими заявлениями и реальностью. Помещенные в негативный контекст украинизмы приобретают пародийное звучание. Ср. следующие примеры: „**Здобули**“: *доходы украинцев упали почти на четверть* (www.vitrenko.org. 02.07.2015); **Воны здобулы**: *майдан обрек пациентов киевских больниц на смерть* (antifashist.com. 13.11.2014); **Перемога**: *Рост цен на Украине установил 22-летний рекорд* (rusvesna.su. 07.01.2016).

Использование «чужого слова» с полемической целью, как правило, сопровождается его переосмыслением, употреблением в противоположном значении, которое в следующих примерах становится эксплицитным: *Генштаб ВСУ — виновник „победы“ под Дебальцево. Украинские военные написали Порошенко правду о поражении под Дебаль-*

цево (rusvesna.su. 12.03.2015); **Перемоги Украины, которые ведут к поражению** (www.news.li. 02.01.2016).

Полемичность принимающего украинскую лексему дискурса усиливается при вопросительном использовании украинизма: **Здобули? Украина взяла обязательства перед МВФ сократить количество школ** (www.politforums.net. 12.03.2015); **Мы „здобули“? Эксперт о самой бедной европейской стране** (strana404.info. 24.10.2015).

2. Отрицание заключенного в высказывании оппонента утверждения. Ср. примеры, содержащие отзвуки резонансного заявления П. Порошенко о том, что дети Донбасса будут сидеть в подвалах: *ДНР. Дети Донбасса не будут сидеть в подвалах и встретят Новый год счастливо* (newsfront.info. 29.12.2014); *Порошенко, дети Донбасса не сидят в подвалах — они встречают Новый Год!* (vladbard.blogpost.ru. 31.12.2015); *Наши дети ездят на отдых в РФ и получают российские дипломы, а не сидят в подвалах* (dnr-news.com. 22.07.2015).

3. Негативная оценка точки зрения оппонента: *Вспоминается фраза Порошенко, сказанная им на одной из пресс-конференций, наполненная чудовищным цинизмом: „У нас беспрецедентная свобода слова“* (Новороссия. 2016. № 114); *Захарченко выдал новое абсурдное заявление о „крахе“ Украины* (alfanews.com.ua. 05.05.2017); *„Попытка рассуждения о других странах в уничижительном порядке — это обратная сторона доказать свою исключительность“, — заключил Путин. „Мне кажется, что это ошибочная позиция“, — считает он* (tass.ru. 12.01.2016).

Приведу фрагмент из диалога журналиста В. Соловьева и министра иностранных дел России С. Лаврова:

С. Лавров. ...А Лоран Фабиус / в одной из своих э-э... в одном из своих выступлений сказал что „Свобода“ / лишь чуть-чуть правее других // Это /

В. Соловьев. Это трогательно //

С. Лавров. **поразительное заявление** // И-и... мы заявили о том что нам **неприемлемо подобное отношение** / и к памяти о тех кто / воевал с фашизмом / и кто победил фашизм / кто спас Европу от коричневой чумы («Воскресный вечер с В. Соловьевым». 11.04.2017).

4. Вызывающее согласие с оппонентом. Например, принятие негативной оценки своих действий как допустимой по отношению к политическому противнику: *Лавров назвал „оголтелыми“ представителей украинской диаспоры в Канаде. — Климкин поблагода-*

рил „оголтелую украинскую диаспору“ (sharij.net. 26.01.2016).

Итак, цитата в дискурсе информационной войны используется в специфической функции протеста против позиции или кода оппонента, при этом может сопровождаться и многими другими из числа выделяемых в специальной литературе, например пароля [Современный медиатекст 2011: 30—35].

В новой идеологической среде цитата подвергается самым разным формальным и семантико-стилистическим преобразованиям — иногда настолько, что начинает жить новой жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1.
2. Вирен Г. Современные медиа: приемы информационных войн. — М., 2016.
3. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. — М., 1993.
4. Земская Е. А. Активные процессы в русском языке на рубеже XX—XXI вв. // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004а.
5. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004б.

O. V. Krasovskaya
Luhansk, LNR, Ukraine

“BORROWED WORD” IN THE DISCOURSE OF INFORMATION WAR

ABSTRACT. *The article describes the use of quotes in the discourse of the current war between Russia and Ukraine. The “borrowed word” is always present in mass media texts that build the communicative space of information warfare. This is inspired by the following features of the discourse of information warfare: the high degree of agonism, modality of disagreement based on illocutive constraint, and dialogic nature. The quotes are often shortened in the titles. To intensify the evaluative component of the quotes, the texts describe non-verbal behavior of the author of the quote and make his image negative. “Deterioration” of the opponent’s quote is carried out with the help of the verbs of the 2nd person instead of those of the 3d person, as well as the use of stylistically colored vocabulary. The most typical reactions to the opponent’s words that make the basis for the “borrowed word” are shown: disagreement with the opponent; denial of the opponent’s statement; negative attitude to the view of the opponent; provocative agreement with the opponent (for example, acceptance of the negative attitude of the opponent to one’s actions). Transformation of quotes is analyzed: punning abbreviation expansion; quasi-quotes of the slogans of official Ukraine (they perform constructive function joining the images that discredit Ukraine into a cohesive accusing text). Special attention is paid to the use of Ukrainian quasi-quotes in the Russian media texts. The conclusion is made that a quote in the discourse of information warfare has a specific function of protest against the opponent’s view.*

KEYWORDS: *information war; Ukrainian conflict; political discourse; transformation of quote; precedent phenomena; Russia-Ukraine relations.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasovskaya Oksana Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Social Communication Department, Luhansk Taras Shevchenko State University, Luhansk, Luhansk People’s Republic, Ukraine.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Dialogicheskaya tsitatsiya (k probleme chuzhoy rechi) // Voprosy yazykoznanija. 1986. № 1.
2. Viren G. Sovremennye media: priemy informatsionnykh voyn. — M., 2016.
3. Glovinskaya M. Ya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov // Russkiy yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. — М., 1993.
4. Zemskaya E. A. Aktivnye protsessy v russkom yazyke na rubezhe XX—XXI vv. // E. A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'. — M., 2004a.
5. Zemskaya E. A. Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetskogo obshchestva // E. A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'. — M., 2004b.
6. Zemskaya E. A. Tsitatsiya i vidy ee transformatsii v zagolovkakh sovremennykh gazet // E. A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'. — M., 2004v.

6. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004в.

7. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53—59.

8. Красовская О. В. О «политической диглоссии» современных информационных войн // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015.

9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. — М., 2008.

10. Кронгауз М. А. Энергия клишированных форм // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : тезисы конф. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. — М., 1995.

11. Сковородников А. Н., Копнина А. Г. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55).

12. Сковородников А. Н., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).

13. Современный медиатекст / отв. ред. Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011.

14. Тагильцева Ю. Р. «Хто не каче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48).

15. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34.

7. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya voyna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. С. 53—59.

8. Krasovskaya O. V. O «politicheskoy diglossii» sovremennykh informatsionnykh voyn // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekatereburg, 27.11.2015) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2015.

9. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie. — M., 2008.

10. Krongauz M. A. Energiya klishirovannykh form // Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii : tezisy konf. / РАН, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki. — M., 1995.

11. Skovorodnikov A. N., Kopnina A. G. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55).

12. Skovorodnikov A. N., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikholo-

gicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53).

13. Sovremennyy mediatekst / otv. red. N. A. Kuz'mina. — Omsk, 2011.

14. Tagil'tseva Yu. R. «Khto ne skache, toy moskal'»: informatsionnaya agressiya kak komponent informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48).

15. Sheygal E. I. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34.

Е. Г. Малышева
Омск, Россия

**ДИСКУРСИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ИДИОСТИЛЬ ЖУРНАЛИСТА:
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ОМСКОГО ЖУРНАЛИСТА СЕРГЕЯ ШКАЕВА) ***

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются современные подходы к анализу языковой личности вообще и медийной языковой личности в частности. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода формулируется дефиниция термина «дискурсивная языковая личность» (языковая личность, специфические индивидуальные характеристики и коммуникативные компетенции которой проявляются в дискурсивной деятельности в рамках дискурса определенного типа) и определяются основные параметры описания специфики ее идиостиля. Анализируется жанровая специфика идиостиля журналиста на примере текстов Сергея Шкаева. В дискурсе этой языковой личности происходят количественные и качественные изменения канонических жанровых моделей, которые можно классифицировать как гибридизацию жанров. Дискурсообразующим жанром С. Шкаева является комментарий. С. Шкаев использует информационный повод не с тем, чтобы в дальнейшем проанализировать конкретное событие, выявить его предпосылки, причины, последствия и тенденции, а для того, чтобы оттолкнуться от него и обрисовать историко-культурное пространство события, обращается к ассоциациям и примерам из истории. Помимо комментария, С. Н. Шкаев также использует жанровый инвариант версии, в результате чего создает, по сути, не публицистический текст, а художественный. Качественное преобразование жанра версии задают такие параметры, как снижение информативности и доминирование «вымысла». Чрезмерная субъективность в оценке социально значимых феноменов, активное употребление специфических средств выразительности, концентрация индивидуальных черт и почти полный отказ от публицистического стандарта приводят к проблеме, связанным с восприятием предлагаемых текстов и их интерпретацией массовым адресатом региональных печатных СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; языковая личность; жанры журналистики; журналистика; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Вводные замечания

В рамках активно развивающейся в последние годы научной дисциплины — лингвистической персонологии [Нерознак 1996] — сегодня выделилось достаточное количество направлений, связанных с изучением языковой личности. Так, В. И. Карасик выделяет психологический, социологический, культурологический, лингвистический анализ языковой личности [Карасик 2004, 2007а, 2007б].

Одним из наиболее перспективных подходов к изучению языковой личности мы считаем дискурсивно ориентированный, в рамках которого можно говорить о существовании дискурсивной языковой личности; впрочем, в этом понятии могут акцентироваться разные аспекты. С одной стороны, дискурсивной языковой личностью называют языковую личность, которая «порождает определенный дискурс» [Плотникова 2005: 5]. С другой — дискурсивная языковая личность «принадлежит дискурсу и реализует себя как создатель текстов и сообщений в различных разновидностях дискурса» [Резина 2005 — цит. по: Кац 2009: 12]. Исходя из последнего, можно заключить, что дискурсивный анализ феномена языковой личности — это своего рода «анализ человека в языке с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует» [Карасик 2007а: 79].

Под дискурсивной языковой личностью

мы понимаем «такую языковую личность, специфические индивидуальные характеристики и коммуникативные компетенции которой проявляются в дискурсивной деятельности в рамках дискурса определенного типа» [Малышева 2011: 307].

Типологические характеристики моделей дискурсивных языковых личностей, с одной стороны, будут задаваться совокупностью дискурсивных характеристик (прежде всего коммуникативной и жанровой спецификой дискурса), а с другой — будут детерминироваться совокупностью индивидуальных особенностей языковой личности.

Особенности современной медиакоммуникации определяют необходимость комплексного изучения текстовой деятельности различных языковых личностей в медиасфере, в том числе в когнитивно-дискурсивной и коммуникативно-дискурсивной парадигмах. Действительно, за каждым медиатекстом «стоит» дискурсивная языковая личность со свойственными ей особенностями: картиной мира, тезаурусом, системой ценностей, общей и речевой культурой.

Примечательно, что предметом внимания исследователя могут стать как лингвистические особенности текстовой деятельности отдельно взятого журналиста, так и модельная личность как обобщенно-типичный образ.

Впрочем, параметры анализа дискурсивной языковой личности журналиста/теле-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта: 17-04-00635/17-ОГОН.

ведущего/спортивного комментатора схожи: как правило, за основу берутся стилистические, коммуникативно-прагматические, речежанровые, когнитивные характеристики.

Так, например, изучая речевое поведение телеведущих игровых программ, М. А. Канчер [Канчер 2002] предлагает технологию описания, которая включает стилистический и коммуникативно-прагматический анализ дискурса. Результаты данных типов анализа объединяются в выводы лингвокультурологического характера.

Н. Г. Шаповалова исследует модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса в коммуникативно-дискурсивной парадигме и приходит к выводам о стилистической и коммуникативной специфике данной модели: ведущие конфликтных шоу-программ сохраняют стремление к конфликтной манипуляции партнером по общению с помощью элементов лингвокреативности [Шаповалова 2008: 5—6].

Изучая идиостиль информационно-медийной языковой личности в коммуникативно-когнитивном аспекте, А. В. Болотнов, обобщая и систематизируя достижения как системно ориентированного подхода к языковой личности, берущего начало с работ Ю. Н. Караулова [Караулов 1987], так и коммуникативного и когнитивно-дискурсивного подходов, предлагает в «общей модели идиостиля, трактуемого как многообразное и многоаспектное проявление индивидуальных особенностей языковой личности в текстовой деятельности», выделить три базовых стиля: 1) культурно-речевой стиль языковой личности; 2) коммуникативный стиль; 3) когнитивный стиль личности [Болотнов 2015: 187—188]. Исследователь справедливо подчеркивает при этом, что «все аспекты идиостилевых проявлений языковой личности взаимосвязаны, материализуясь в ее дискурсивной (текстовой) деятельности» [Там же: 189].

Таким образом, подчеркнем, что специфика дискурсивной языковой личности журналиста в принципе определяется, как нам кажется, следующими факторами преимущественно дискурсивного порядка: 1) общими характеристиками современного медиатекста, которые не могут не влиять на текстовую деятельность журналиста в рамках дискурса; 2) особенностями дискурсообразующего жанра (или жанров) и их «индивидуально-авторской» модификацией; 3) спецификой базовой для дискурса коммуникативной интенции и особенностями ее индивидуально-авторской реализации, прежде всего речежанровой; 4) принадлежностью

журналиста к тому или иному типу по коммуникативной стратегии речевого поведения и доминированием в языковой личности фатической или информативной составляющих речевой коммуникации; 5) прагматилистическими особенностями речи субъекта дискурса; 6) характерными для дискурсивной языковой личности журналиста когнитивными доминантами (объективированными в создаваемых текстах концептами, концептуальными моделями, ментальными стереотипами и т. п.).

Очевидно, что названные параметры могут быть охарактеризованы и как самостоятельные этапы исследования, объединение которых позволит провести системное разноаспектное описание идиостиля дискурсивной языковой личности журналиста.

Жанровая специфика идиостиля омского журналиста Сергея Шкаева

В качестве примера выявления специфики дискурсивной языковой личности журналиста и особенностей его идиостиля предпримем анализ жанровых доминант идиостиля омского журналиста С. Шкаева.

Проведенное исследование позволяет сделать предварительный вывод о том, что в дискурсе изучаемой языковой личности происходят количественные и — главное — качественные изменения каноничных жанровых моделей, которые можно классифицировать как гибридизацию жанров.

На наш взгляд, дискурсообразующим жанром С. Шкаева является **комментарий**, с помощью которого «автор выражает отношение к актуальным событиям, формулирует связанные с ними задачи и проблемы в форме сжатого анализа недостатков или достижений, а также выражает их оценку, прогноз развития и так далее» [Тертычный 2000: 120].

Заслуживает внимания классификация комментариев на основе авторской стратегии: «точка зрения»; глоссированный комментарий (глосса); дискурсивный комментарий; диалектический комментарий [Колесниченко 2008: 74]. Особый интерес вызывают первые два подтипа, так как именно они, как представляется, частотно используются журналистом С. Шкаевым. Точка зрения — это «пропаганда автором своей позиции». Глоссированный комментарий, или глосса, — это «не анализ события, а нападение на реальность, которая воспринимается как плохая, несправедливая или фальшивая» [Колесниченко 2008: 74—79].

К основным речевым намерениям журналиста, пишущего комментарий, можно причислить выражение своего мнения, свое-

го отношения и своих оценок [Коньков 2004: 90]. Таким образом, жанр комментария концентрирует в себе авторскую позицию и вообще активно способствует персонализации журналистского дискурса.

Проанализируем комментарий С. Шкаева «По сусалу квашеной капустой» (Ваш Ореол. № 6. 6.02.2013). Вот начало этого текста:

*И смех и грех. Недавно Либералиссимуса Российской Федерации, неподражаемого и непревзойдённого, съевшего в мировой и отечественной политике пуд соли и пресловутую собаку, пресса вынесла на сцену из политической кухни в квашеной капусте. Одноактный спектакль с участием лидера ЛДПР шёл в Киеве и незатейливо назывался пресс-конференцией. Как говорится, ничто не предвещало. Жириновский, одетый в не „самый дорогой“ костюм, солировал перед публикой в присущей ему державной манере. Вдруг из партера маленького зала в него что-то полетело. Ну ладно бы гнилые помидоры, тухлые яйца, торт со сливками или национальный шмат сала. Нет! Кислая капуста. Смахнув с плеча продукт питания, Владимир Вольфович резко встал из-за стола и в ответ на девичий выкрик „украинофоб“ произнёс яростный монолог. Всего за каких-то полминуты либерал-демократ поставил диагноз капустной метательнице („тварь“ и „шизофреничка“), объявил строгий выговор своей нерадивой охране („уволю!“) и почему-то даже вспомнил о голодающих бомжах „Рідны нэньки“. *Bravissimo, Вольфыч, туды-т её в качель!* ...*

Итак, основной коммуникативной целью журналиста является комментирование события. Перед нами «точка зрения» — материал, в котором автор пропагандирует свою позицию. При этом четко прослеживается структура комментария: введение, в котором освещается информационный повод/событие (инцидент на конференции); основной текст, в котором автор рефлексировывает по поводу данного события, привлекает культурно-исторический контекст, пытается проанализировать логические связи между различными по своему характеру ситуациями; заключение, в котором актуализируется гротескная ассоциация украинской «капустной метательницы» с «тортометателем» Ноэлем Годеном.

С. Шкаев использует информационный повод не с тем, чтобы в дальнейшем проанализировать конкретное событие, выявить его предпосылки, причины, последствия и тенденции, а для того, чтобы оттолкнуться от него и обрисовать историко-культурное пространство события. Взяв в пример «ка-

пустную метательницу» Татьяну Лиходееву, журналист переходит к проблеме революционных процессов на Украине и, в частности, женского участия в этих процессах. Затем С. Шкаев «вспоминает» Веру Засулич и Фанни Каплан, проводя между этими историческими фигурами и девушкой, бросившей во Владимира Жириновского квашеную капусту, логическую связь. Таким образом, автор доводит до абсурда образ хулиганки, то называя ее амазонкой, то сравнивая ее с политическими убийцами. Заканчивается текст «параллелью» между Татьяной Лиходеевой и Ноэлем Годеном:

Известно, что лавры „тортометателя“ шелестят на голове некоего бельгийца по имени Ноэль Годен, который создал и возглавляет движение „Международные пирожные бригады“. Давным-давно он работал в дешёвом журнале и писал заметки о кино. Однажды это ему надоело, и Годен решил бросить торт в лицо писательнице Маргерит Дюрас, выступавшей в своих книгах против „бесцветности будничной жизни“. Вот ей первой и скрасили жизнь... Непростому искусству метания следует учиться у великого комика Бастера Китона. Тот однажды на съёмках швырнул сладкий снаряд на девять метров и попал точно в лицо. На этом фоне капустная атака в Киеве — пошлая художественная самодеятельность. В общем, и смех и грех.

Можно отметить слабый интертекстуальный потенциал данного прецедентного имени, о котором большая часть читательской аудитории не знает. Таким образом, автор не пытается анализировать причины и следствия события, он обращается к ассоциациям и примерам из истории, что приводит к созданию весьма странного и бесполезного эффекта. Наряду с прочими чертами, это составляет специфичность комментария С. Н. Шкаева.

Однако в дискурсе С. Н. Шкаева существуют комментарии, еще более отдаленные от стандартов жанра, например текст под названием «Повесть безвременных лет» («Бизнес-курс». 15.05.2013), в котором автор сочетает прозу и стихи.

Перед нами яркий результат двух основных процессов, происходящих в дискурсе С. Шкаева с жанрами: во-первых, качественное преобразование жанрового канона (образца, стандарта), во-вторых, приобретение текстом «имени» жанра — новой номинации. В данном случае это номинация «повесть».

С точки зрения качественных изменений, текст претерпевает реконструкцию, вследствие чего теряет первичные (формальные) признаки журналистского комментария и

становится похожим на художественное произведение. То же самое происходит и с общей тональностью текста, его семантикой и прагматикой. Данный текст вряд ли можно назвать комментарием, однако именно комментарий, на наш взгляд, является его жанровым инвариантом. Об этом говорит в первую очередь авторская интенция, заключающаяся в необходимости прокомментировать событие или — в данном случае — целую «эпоху», во время которой губернатором Омской области был Л. К. Полежаев (в тексте — *Морок*). Журналист подмечает основные «вехи» правления Л. К. Полежаева, в большей степени оценивает и в меньшей — анализирует их. Так, например, описывается журналистом деятельность «12 канала»:

Взойдя на трон, Он первым делом открыл „Тринадцатый канал“, где красовался во всем белом и грезы оптом продавал и всякий раз менял обличье. Сей Морок с детства слыл двуличным. Таким, как шварцевский Дракон... Вторым по счету стал Закон „О микрочипах для obsługi и имплантатах в ее мозге“: дабы пластичная, как воск, творила Бога, чтоб в округе иных божков знать не желала да страстью к Мороку пылала («Бизнес Курс». 15.05.2013).

Таким образом, личность главы региона рисуется С. Шкаевым в «монструозных тонах», активно используются гротеск и доведение до абсурда. Очевидно, что сам по себе акт комментирования сохраняется, однако его тональность изменяется: реалии действительности могут искажаться, вплоть до гротеска и карикатурного изображения; автор отходит от журналистского стандарта; автор стирает границы между публицистикой и художественной литературой; комментарий становится «упражнением для ума», «игрой с читателем» (не все из которых готовы играть с журналистом). Помимо комментария, С. Н. Шкаев также использует жанровый инвариант **версии**, однако преобразует его особым образом.

Версия как жанр исключает категоричность выводов, заключений и содержит в своей основе метод домысливания (или даже вымысла). Как правило, версия выступает в качестве жанра, предваряющего подготовку материалов более серьезных жанров, которые опираются на достоверные, проверенные сведения, факты [Тертычный 2000: 206].

Жанр версии в дискурсе С. Шкаева «мутирует» в «мистификацию». Специфичность альтернатив этого жанра в дискурсе С. Шкаева заключается в том, что тексты журналиста не соотносятся с реальной дей-

ствительностью и представляют собой вымысел в чистом виде. К таким произведениям можно отнести публикацию «Щелбаны для Перспективы: Ненаучно-фантастическая пьеса (отрывок)» (Ваш Ореол. 2009. № 31 (308). 19 авг.). В данном тексте С. Шкаев описывает будущее России и, в частности, будущее президента В. В. Путина.

Мы не берем на себя смелость утверждать, прав или не прав С. Н. Шкаев, описывая Россию будущего, имеет ли излагаемая им политическая картина мира почву для реализации, однако в данной статье информатизм и аналитизм используются автором исключительно как средства стилизации. Это означает, что объективная информация и ее аналитическая составляющая «стремятся к нулю». С. Шкаев рефлексировал на тему, которая не задается ни реальной действительностью, ни актуальными проблемами современной политики. Это тема, которую журналист сам же и создает. В данном случае мы можем говорить о том, что журналист создает, по сути, не публицистический текст, а художественный. Именно эти параметры — снижение информативности и доминирование «вымысла» — и задают качественное преобразование жанра версии в изучаемом дискурсе.

Специфика рубрикации текстов С. Шкаева

С. Шкаев долгое время работал в высокотиражном издании «Ваш Ореол», где печатался в рубрике «Историческая параллель», которую использовал для обобщения материалов, в которых предпринимается попытка наложить друг на друга аналогичные по своему сущностному и различные по историческому и/или культурологическому характеру «событийные пласты». Можно выделить основную функцию рубрики — освещение того или иного события сквозь призму истории и культуры. Исходя из этого можно констатировать важность ряда факторов, влияющих на понятность и уместность исторической параллели. Во-первых, она должна быть транспарентна: адресат, которому предлагается сложная аналогия (выходящая за рамки его индивидуальной когнитивной базы), не только не поймет сути сравнения, но и рискует искаженно понять актуальное событие. Во-вторых, историческая параллель должна отвечать требованию жесткой компаративности, или сравнительности. Иными словами, сравнение различных событий без учета их специфики бессмысленно.

Мы можем сделать вывод, что в большинстве случаев «параллели» С. Шкаева не

отвечают этим условиям. Параллели может не быть как таковой, а исторический фон может использоваться автором лишь для стилизации. С другой стороны, параллель может быть чрезвычайно сложной для интерпретации адресатом дискурса, за ней подчас трудно увидеть авторскую интенцию.

Так, например, в тексте «Сказание о встрече с Агасфером» (Ваш Ореол. 2012. № 13. 21 марта) С. Шкаев описывает свою встречу с библейским персонажем Агасфером, Вечным жидом.

Весьма сложно определить базовую интенцию данного текста, в котором доля объективно значимых реалий действительности ничтожно мала. На наш взгляд, автор злоупотребляет постмодернистскими средствами стилизации и создает своего рода имитацию журналистского текста, в котором хаотично смешиваются разные эпохи, лица и стили. Трудно говорить о том, что такого рода эстетически и формально «усложненные» произведения, опубликованные в еженедельной газете или в рекламно-информационном журнале, с легкостью воспринимаются и понимаются массовым адресатом. Неоднозначный выбор жанра, смысловая и композиционная усложненность, избыток отсылок к текстам, не являющимся прецедентными, и вообще повышенный уровень интертекстуальности затрудняют прочтение и понимание.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что дискурсивная языковая личность С. Шкаева, безусловно, выделяется из ряда региональных журналистов и обладает яркой индивидуальностью, в том числе с точки зрения жанровых характеристик его идеостиля. Тем не менее чрезмерная субъективность в оценке социально значимых феноменов, активное употребление специфических средств выразительности, концентрация индивидуальных черт и почти полный отказ от публицистического стандарта приводят к проблемам, связанным с восприятием предлагаемых им текстов и их интерпретацией

E. G. Malysheva
Omsk, Russia

DISCURSIVE LINGUISTIC PERSONALITY AND IDIOSTYLE OF THE JOURNALIST: METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS (BASED ON THE TEXTS OF OMSK JOURNALIST SERGEY SHKAEV)

ABSTRACT. *The paper analyzes modern approaches to the analysis of linguistic persona in general and media linguistic persona in particular. The term "discursive linguistic persona" is defined in the frames of cognitive-discursive approach as a linguistic persona whose specific, individual features and communicative competences reveal themselves in discursive activity in a certain type of discourse. The main parameters of the ideostyle of discursive linguistic persona are singled out. The genre specificity of the ideostyle of a journalist is revealed on the basis of the texts written by Sergey Shkaev. It is typical of this linguistic persona to change the canonic genres by means of combining them and thus presenting the so-called hybrid genres. The main genre of S. Shkaev is a comment. He uses new information not to analyze the event, reveal its prerequisites, causes and consequences, but to describe historical and cultural space of the event and to find associations and examples in the history. Apart from comment S. Shkaev also uses the genre invariant of the version, and as a result creates a literary text rather than a publicistic one. The qualitative changes in the genre of version add such parameters as lack of information and dominance of*

массовым адресатом региональных печатных СМИ.

Если же вернуться к нашим замечаниям теоретического характера относительно релевантных параметров исследования идеостиля дискурсивной языковой личности журналиста, то следует констатировать, что анализ жанровой специфики текстов, репрезентированных в дискурсе, является весьма важным этапом анализа особенностей идеостиля с точки зрения прагматилистического и коммуникативного аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнов А. В. Идеостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : дис. ... д-ра филол. наук. — Томск, 2015. 405 с.
2. Канчер М. А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 20 с.
3. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж : ВГУ, 2007а. Вып. 7. С. 78—86.
4. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. — Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007б. Вып. 5. С. 86—89.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004. 390 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987. 263 с.
7. Кац Е. А. Языковая личность в поэтическом идеолекте Георгия Иванова : дис. ... канд. филол. наук. — М. : МГУ, 2009. 267 с.
8. Колесниченко А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. 192 с.
9. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров : учеб. пособие. — СПб. : Роза мира, 2004. 221 с.
10. Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. — Омск : ОмГУ, 2011. 405 с.
11. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — М., 1996. Вып. 426 : Язык. Поэтика. Перевод. С. 112—116.
12. Плотникова С. Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Вестн. ИГЛУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Иркутск, 2005. С. 5—16.
13. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2000. 312 с.
14. Шаповалова Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2008. 19 с.

fiction. Abundance of subjective evaluations of socially meaningful phenomena, frequent use of specific stylistic devices and individual style of the author, together with rejection of publicistic standard lead to the problems in comprehension of such texts and their interpretation by the mass addressee of the regional print media.

KEYWORDS: *media discourse; linguistic persona; journalism genres; journalism; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Philology and Mediacommunication, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia.*

REFERENCES

1. Bolotnov A. V. Idiosti' informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Tomsk, 2015. 405 s.
2. Kancher M. A. Yazykovaya lichnost' televedushchego v ramkakh russkogo ritoricheskogo etosa (na materiale igrovyykh programm) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 20 s.
3. Karasik V. I. Diskursivnaya personologiya // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. — Voronezh : VGU, 2007a. Vyp. 7. S. 78—86.
4. Karasik V. I. Lingvokul'turnyy tipazh // Yazyk. Tekst. Diskurs : nauch. al'm. Stavropol'skogo otdeleniya RALK / pod red. prof. G. N. Manaenko. — Stavropol' : Izd-vo PGLU, 2007b. Vyp. 5. S. 86—89.
5. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M. : Gnozis, 2004. 390 s.
6. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1987. 263 s.
7. Kats E. A. Yazykovaya lichnost' v poeticheskom idiolekte Georgiya Ivanova : dis. ... kand. filol. nauk. — M. : MGU, 2009. 267 s.
8. Kolesnichenko A. V. Prakticheskaya zhurnalistika : ucheb. posobie. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. 192 s.
9. Kon'kov V. I. Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov : ucheb. posobie. — SPb. : Roza mira, 2004. 221 s.
10. Malysheva E. G. Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Omsk : OmGU, 2011. 405 s.
11. Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny // Sb. nauch. tr. Mosk. gos. lingv. un-ta. — M., 1996. Vyp. 426 : Yazyk. Poetika. Perevod. S. 112—116.
12. Plotnikova S. N. Yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost': k probleme razgranicheniya ponyatiy // Lingvistika diskursa. Vestn. IGLU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Irkutsk, 2005. S. 5—16.
13. Tertychnyy A. A. Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie. — M. : Aspekt Press, 2000. 312 s.
14. Shapovalova N. G. Model' konfliktnoy yazykovoy lichnosti uchastnika massmediynogo diskursa (na materiale radio, televideniya i Interneta) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Saratov, 2008. 19 s.

Т. В. Романова
Нижний Новгород, Россия

РЕЧЕВАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

АННОТАЦИЯ. Ассоциативная организация связей — одна из моделей хранения знаний в памяти человека. В ходе свободного ассоциативного эксперимента группе респондентов предлагалось реагировать на предоставленное слово-стимул первой возникшей в сознании ассоциацией или несколькими реакциями. Полученные реакции на слово-стимул проясняют для лексикографа актуальность разных значений многозначного слова, типовые сферы его употребления, частотные связи, позволяют реконструировать семантическую структуру слова. Слова-реакции содержат и паралингвистическую информацию о жестах, мимике, интонации, ассоциирующихся со словом; культурологическую информацию, прецедентные феномены, актуальные культурные метафоры. Поэтому ассоциативная статья, фиксирующая реакции, имеет не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус; ее данные можно использовать в медицине, культурологии (например, при реконструкции историко-культурного типа личности). Смысл нашего исследования заключался в том, чтобы охарактеризовать формат знания, который репрезентирует устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу русской языковой картины мира. По данным ассоциативного эксперимента можно смоделировать вербальную память и языковое сознание группы испытуемых. В данной статье рассматриваются реакции на стимул, предполагающей операцию самоидентификации — я: выявляются способы задания смысла в ассоциативной статье, референтные области языкового знака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ассоциативные эксперименты; речевая самоидентификация; слова-стимулы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: tromanova@hse.ru.

Статья ассоциативного словаря составляется по материалу, полученному посредством проведения свободного ассоциативного эксперимента, в ходе которого группе респондентов предлагается реагировать на предоставленное слово-стимул первой возникшей в сознании ассоциацией или несколькими ассоциациями, словами-реакциями. Такой эксперимент моделирует вербальную память и языковое сознание группы испытуемых. К таким словарям относится, например, «Русский ассоциативный словарь» [Русский ассоциативный словарь 2002]. Смысл нашего исследования заключается в том, чтобы охарактеризовать формат знания, который репрезентирует ассоциативная статья, отличие которой от статьи традиционного лексикографического источника в следующем: «Исходным материалом является не языковая семантика, а языковое сознание, складывающееся из стандартно организованных элементарных единиц знаний о мире, присущих носителю языка» [Русский ассоциативный словарь 2002: 19].

Термин «формат знания» широко используется в рамках когнитивного подхода к описанию языка [Лакофф 1995; Минский 1979; Рош 1978 и др.]. Согласно Е. С. Кубряковой, данное понятие должно было сформироваться в когнитивных исследованиях, так как структуры представления знания различаются по своему объему, форме и цели [Кубрякова 1996: 93].

Н. Н. Болдырев предлагает рассматривать единицы знания (когнемы) с точки зрения структуры и с точки зрения содержания. По структуре Н. Н. Болдыревым выделяются концептуально простые (перечень характеристик) и концептуально сложные (структу-

рированные) форматы знания. Первая группа включает в себя конкретно-чувственный образ, схему, представление, понятие и прототип. Ко второй группе можно отнести пропозицию, фрейм, сценарий, гештальт, категорию и матрицу.

Ясно, что репрезентация разных типов знания требует разработки и применения различных методов анализа и что перечень типов форматов знания открыт. С этой точки зрения продуктивными являются исследования в рамках когнитивного подхода к языку, проведенные Ю. Н. Карауловым и Ю. Н. Филипповичем [Караулов, Филиппович 2009]. Авторами была предпринята попытка смоделировать работу языкового сознания, используя ассоциативно-вербальное поле. В своей работе Ю. Н. Караулов и Ю. Н. Филиппович опирались на когнемную модель представления знания. Задачей исследования было запрограммировать процессы осознания в когнайзере. В качестве способа представления данных исследователями была выбрана графовая модель, где вершинами являлись единицы языка, т. е. стимулы и реакции, а в качестве дуг выступали отношения между этими единицами, выявленные в ходе эксперимента. Результатом исследования были цепочки, которые представляли собой пути от одной языковой единицы к другой, что и является моделью процесса осознания.

Проанализированный и классифицированный определенным образом экспериментальный материал позволяет установить крупные единицы когнитивного плана — концепты, из которых путем их самоорганизации (внутреннее структурирование «вглубь» каждого концепта и установление внешних свя-

зей между ними) и формируется устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу русской языковой картины мира [http://thesaurus.ru/http://thesaurus.ru/].

При проведении свободного ассоциативного эксперимента языковое сознание респондента работает в активном режиме: переход от языкового знака к его смыслу. Работу языкового сознания можно представить в виде когнайзера — когнемной модели вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл — способ — слово (знак) — область — функция [Караулов, Филиппович 2009]. В ассоциативной статье знание содержится в паре *стимул — реакция*, где слово-стимул — это языковой знак, а слово-реакция является формулой смысла.

Способы задания и расшифровки смысла подразделяются на несколько групп: лингвистические (афоризм, аббревиатура, антоним, внутренняя форма слова, гипоним, гипероним, литота, метафора, оксюморон, омоним, пароним, перифраза, поговорка, полисемия, пословица, рифма, синоним, словосочетание, смена кода, фразеологизм); логические (ассоциации, дескрипции, дефиниция, импликация, множество, предикат, пропозиция, сравнение, суждение, фрейм); способы визуальной модальности (жест, образ, символ); фактологические (прецедентный текст, непрецедентный текст, имя автора, название произведения, персонаж, художественная деталь, событие, деталь биографии, цитата, топоним, псевдоним); научные (термин, формула) [Караулов и др. 2013: 85—87].

Референтная область знаменует когнитивный переход от элементарных фигур на более высокий уровень знаний, к единицам языковой картины мира.

С точки зрения относительной ценности единиц знания принято различать два их типа — знание-рецепт и знание-ретушь [Wetler 1980] (термины были использованы автором источника применительно к когнитивному анализу текста). Первый тип фиксирует существенное, важное, основное с точки зрения понимания содержания текста и его воздействия знание. Второй тип, т. е. знание-ретушь, фиксирует второстепенные, необязательные, фоновые сведения, которые при анализе текста, например по ключевым словам, могут свертываться, опускаться, не учитываться. При определении функции знания, «основного» или «вспомогательного», используются соответственно термины «рецепт» и «ретушь».

Покажем это на конкретном примере. В ходе исследования была составлена ассоциативная статья для слова-стимула *Я* по примеру «Русского ассоциативного словаря». Респонденты, принявшие участие в эксперименте — учащиеся 9—11 классов школ г. Нижнего Новгорода (70 чел.).

Я: личность — 45; человек — 44; девушка, ученик — 15; индивид — 11; ученица — 10; дочь — 9; добрая, индивидуальность — 8; последняя буква в алфавите — 7; девочка, местоимение, ребенок, сестра — 6; люблю, семья, умная, школьник — 5; веселая, гражданин, дочка, ленивый, молодец, музыкант, ты — 4; брюнетка, друг, единственная, живу, любимая, милая, могу, русская, сок, танцор, умница, хочу спать, хочу, школьница — 3; абитуриент, абстракция, внучка, гимназист, друзья, есть, жизнь, красивая, лентяй, лицеист, мы, организм, подросток, помощница, свинья, сознание, сын, умный, характер, хочу домой, хочу есть, царь, целеустремленная, школа, эгоист, эгоистка, Я-Nikon — 2; А что сразу Я?, айфон 10, англ.яз., баклажан, балбес, балда, банан, бегу, без труда не выловишь и рыбку из пруда, блоггер, блондинка, большой, боюсь, брат, буду, будущая мать, будущий историк, буква, великан, вижу, внешность, внутреннее, воля, вредина, вредная, встаю в 6 утра, вы это я!, выпускница, гангстер!, гений, гимназистка, глаза, глупое подобие ленивого художника, голоден, горжусь собой, гражданин России, гражданин РФ, Гюго, дебил, девятиклассница, деградат, действия, деловой, Диана, динамичность, добрый, добьюсь целей, дом, дочь спецназовца, дура, душа, дыхание, дышу, Евгений Католкин, еда, единица, жадный, желаю, жена, живая, животное, живу в России, жираф, заинтересованная, занимаюсь спортом и очень это люблю, занимаюсь танцами, занятой, звезда, здесь, здоровье, и ты, импульсивность, инстаграмер, интересная, интересный человек, интересный, исключение, искренняя, Катюша, Катя, книги, книжный червь, комплекс, кошка, красавица, кто, лев, леди, ленивая, Лера, лечу, лидер, литература; личность, все-таки, да...; любитель музыки, любитель смеяться без причины, люблю английский; люблю Бонда =), смотреть боевички; люблю гулять, люблю друзей, люблю Катюшу, люблю маму, люблю музыку, люблю петь; люблю путешествовать, друзей; любящая, маленькая, маленький ребенок, мальчик, мама, мамина дочка, маргинал, материя, мафия, Махан, махановский айпад, минералка, мир, мистика (как ТВЗ), могу все!!!, мозг, молодец!!!, мудрец,

музыка, наглость, нарцисс, нахальство, не такая как все, не ты, не умею врать, не хочу учиться, не эгоистка, небесная, невозмутимость, независимая, независимый, незнание себя, ненавижу, неповторимая, непоседливость, никогда не изменюсь, нужна, облако, общество, общительная, один; окружение: семья, друзья, молодой человек; он, она, они, оптимизм, особенная, особенность, от скромности не умрешь, ответственный, охламон, очень плохой человек, очкарик, очки, парень, патриот, певец, первая, пишу, подруга, позитив, полиглот, пользователь социальных сетей, порядочный, последняя в алфавите, поступки, противоречие, птица, путешествовать; разговариваю сама с собой, разносторонний, разносторонняя, разные страны, разум, Рита, рыжая, с тараканами в голове, с чувством юмора, сам себе хозяин, самостоятельность, Света, свобода, свободная, сижу на лекции, сижу, сила, сильный, система, скромная, славянка, сладкоежка, сложная, слышу, смелый, создаю, социальная роль, спать, спортсмен, спортсменка, страх, стремление, структура, существую, счастлива, тактичный, талант, талантлива, твиттерник, творчество, темперамент, тетя, тормоз, тут; уважаю людей, которые не пьют и не курят; умею, уникальна, упала с Эвереста, упрямство, успешная, устройство, учитель, фанат, фантазерка, фрагмент, Фрося, хмырь, хороший друг, хороший человек, хорошо учусь, хочу в кино, хочу в объятия к любимому, хочу машину, хочу покрасить волосы в розовый, хочу теплую погоду (сколько можно терпеть холода?), хочу шоколадку, художник, целостность, частичка, часть общества, челка, честность, что это?; знаю, что я делаю; чувство, чувствую, щеки, экспрессивность, эмоции, энергичный, это местоимение, это сок, юноша, юрист, Я — король солнца Луи XIV, я не я и лошадь не моя, я репер!, яблоко, яд, Homo Sapiens, Logo Quiz, Subway, ****, 16 лет — 1 (616+338+0+273).

На местоимение я были получены реакции, выявляющие как общие категориальные родо-видовые признаки (человек, гражданин, девушка, ученица, ребенок и др.), так и реакции, обнаруживающие стремление к самоидентификации (личность, индивидуальность и др.), а также реакции, выявляющие индивидуальные концептуальные признаки: описание/характеристика конкретного человека, его занятий, внешности, характера и т. д.

По типу знаний большинство реакций относится к сфере знания-речушь [Wettler

1980] и представляют собой результат вторичной концептуализации (интерпретации) [Болдырев 2014]. Выявлены частотные референтные области ассоциаций: характер человека, возраст, семья, язык, образование. Респонденты пытаются описать себя через обозначение социальных ролей (ученик, сестра и др.), черт характера (добрая, веселая, ленивый), внешних характеристик (брюнетка, красивая, великан), образа жизни, ценностных приоритетов, поведенческих характеристик (здоровье, свинья, леди), интеллектуальных способностей (мудрец, умная), сферы интересов (искусство, музыка, хобби), и наконец, фиксируют пережитые ранее и переживаемые в момент эксперимента чувства, эмоции, состояние (люблю, хочу спать, боюсь). Особо следует выделить слова-реакции, относящиеся к области «Характер человека» и актуализирующие семантическое поле «Уникальность»: единственная (3), единица, исключение, не такая как все, неповторимая, особенная, уникальна и подобные. Я как слово-стимул полисеманлично. Это отражено в реакциях респондентов. Способом дефиниции образованы следующие реакции: последняя буква в алфавите (7), местоимение (6), буква, это местоимение. Область референции этих реакций — «Язык». Знания, актуализированные в данных реакциях, относятся к функции «рецепт», являются результатом первичной интерпретации, имеют элементарную структуру — понятие, так как каждая реакция дифференцирована и может отражаться, например, в статье толкового словаря.

Наиболее характерные способы задания смысла в полученных реакциях — это дескрипция, предикат, деталь биографии, словосочетания. Рассмотрим некоторые из них. Самый частотный способ — дескриптивные характеристики: я — девушка (15), девочка (6), брюнетка (3), лентяй (2), помощница (2), жираф и др. Как средство репрезентации смысла используются слова-дескрипторы и оценочная (часто бранная: дебил, дура) лексика. В данном случае мы можем говорить о фреймовой концептуальной структуре: в верхинные узлы попадают реакции личность, человек, индивид (их можно назвать стереотипами, сложившимися в сознании); в терминальные узлы — факультативные характеристики, например, девочка, брюнетка, эгоист. Следует отметить, что способом дескрипции образована и гештальтная концептуальная структура: я — жираф. Информация понятийного уровня соединяется с чувственным образом, перцептивным ('очень высокий человек', 'человек, не успевший уловить смысл высказывания или ситуации').

Нерасчлененность образа сохраняется и преобладает над деталями. Логически сходным с дескрипцией оказался по качеству реакций, полученных в эксперименте, такой способ образования смысла, как деталь биографии. Например, *ученик* (15), *дочь* (9), *сестра* (6), *музыкант*, *друг* (3), *будущий историк* и др. Эти единицы знания (стимул-реакция) подразумевают набор общих черт при идентификации индивидуальных признаков объекта. Данные реакции имеют следующую референцию: семья/родственники, отношения с окружающими, хобби, планы на будущее и др. Эти единицы знания представляют собой результат категоризации (при этом под категоризацией будем понимать акт причисления единицы к своему множеству) с помощью понятия: каждая реакция фиксирует существенную характеристику объекта.

Реакции, образованные способом «предикат» (*люблю* (5), *живу* (3), *могу* (3), *хочу спать* (3), *занимаюсь спортом и очень это люблю* и др.), организуют пропозицию как формат знания, который включает структурные элементы «субъект», «предикат», «объект» и др. Как свернутая пропозиция образованы реакции — характеристики человека (*динамичность*, *англ.яз.*, *здоровье* и др.). Отличительной чертой реакций данного типа является их абстрактность: *абстракция* (2) (философия, история; ретушь), *материя* (философия, история; ретушь).

Кроме рассмотренных, актуальны также такие способы задания смысла, как ассоциация, фрейм-структура, гипероним — гипоним, словосочетание, прецедентный феномен, множество. В целом среди ассоциаций преобладают субъективные реакции. Такие реакции, предположительно, могут быть обусловлены как возрастом испытуемых — старшекласников, так и общей прагматической направленностью сознания современного русскоязычного социума.

С помощью способа *словосочетание* актуализируются такие смыслы, как черты характера (*добрая* (8) (характер человека, ретушь)), внешности (*красивая* (2) (внешность человека, ретушь)), умственные способности (*умная* (5) (интеллект, ретушь)), этническая, национальная принадлежность (*русская*, *славянка* (3) (этнография, этнология; рецепт)). Данные реакции окрашены как отрицательно (*жадный*), так и положительно (*ответственный*). Каждая пара в данном случае реализует такой формат знания, как представление, набор характеристик. Исключением являются реакции *русская*, *славянка*, которые фиксируют категориальный формат знания.

На слово-стимул *я* было дано несколько реакций, образованных способом *ассоциация* (связь между словами, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого): *баклажан* (продукт, ретушь), *банан* (продукт, ретушь), *еда* (продукт, ретушь), *мафия* (криминал, правосудие; ретушь), *мир* (природа, природные явления; ретушь), *облако* (природа, природные явления; ретушь), *очки* (внешность человека, ретушь), *поступки* (поведение, образ жизни; ретушь), *чувство* (чувства, переживания; ретушь) и др.

Еще одним способом, о котором необходимо сказать, является *множество* (совокупность различных элементов, мыслимая как единое целое). Данный способ задания смысла предполагает поиск ответа путем перебора некоторой совокупности равноправных единиц и выбора наиболее подходящей из них. Это такие реакции, как *ты* (4) (язык, рецепт), *мы* (2) (язык, ретушь), *кто* (язык, ретушь), *он* (язык, рецепт), *она* (язык, рецепт), *они* (язык, рецепт), *часть общества* (общественные отношения, рецепт). В данном случае почти все слова-реакции имеют один категориальный признак — часть речи, организуют категорию «местоимение».

Следующую группу слов-реакций объединяет то, что они организуют фрейм «составляющие человека»: характер, физиология, внешность, эмоции (ментальные и физические характеристики): *сознание* (2) (интеллект, ретушь), *характер* (2) (характер человека, ретушь), *внешность* (внешность человека, ретушь), *глаза* (внешность человека, ретушь), *душа* (нереальное, ретушь), *мозг* (физиология, анатомия; ретушь), *эмоции* (чувства, переживания; ретушь). Все они образованы способом *гипероним* — *гипоним*, от общего понятия к частному.

Последний способ, который надо прокомментировать, — *прецедентный феномен*. Как правило, такие реакции должны быть центральным знанием для носителя культуры. Это такие реакции, как *сок* (3) (продукт, рецепт), *Я-Nikon* (2) (фото, рецепт), *минералка* (продукт, ретушь), *это сок* (продукт, рецепт). Источник этого знания — реклама. Единицы знания в данном случае имеют формат конкретно-чувственного образа.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Наиболее характерные способы задания смысла — *дескрипция*, *предикат*, *деталь биографии*, *словосочетание*. При ассоциировании используются дескрипторы различных семантических групп, в том числе оценочная лексика. Самые частотные рефе-

рентные области следующие: *характер человека, возраст, семья, язык, образование*. Среди когнем присутствуют прецедентные феномены, являющиеся результатом влияния социокультурных условий, языка СМИ: *Я — Nikon, это сок, минералка*.

Слово-стимул *я* отражается в сознании школьников, носителей русского языка, через описание как своих индивидуальных черт, так и общих, присущих всем людям, а также посредством обращения к знаниям о языке. Для данной ассоциативной статьи в большей степени характерны субъективные реакции.

Для каждой полученной единицы знания были определены способ задания смысла, референтная область и функция. Далее подсчитывалась абсолютная и относительная частота для каждого способа и области. В результирующей таблице представлены только релевантные (самые частотные) способы задания смысла (таблица 1) и референтные области (таблица 2) с количественными показателями: способы, относительная частота которых хотя бы для одного знака больше 0,021; области, относительная частота которых хотя бы для одного знака больше или равна 0,016.

Таблица 1

Способ	я (abs_freq)	я (rel_freq)
дефиниция	15	0,023
пропозиция	23	0,036
множество	15	0,023
деталь биографии	126	0,197
прецедентный феномен	23	0,036
ассоциация	18	0,028
словосочетание	74	0,116
дескрипция	218	0,341
предикат	79	0,123
Общее количество когнем	640	

Таблица 2

Область	я (abs_freq)	я (rel_freq)
характер человека	109	0,168
возраст	34	0,053
взаимоотношения людей	14	0,022
интеллект	16	0,025
семья	34	0,053
язык	31	0,048
человек	123	0,19
искусство	12	0,019
чувство, переживание	30	0,046
внешность человека	21	0,032
поведение, образ жизни	15	0,023
образование	47	0,073
продукт	11	0,017
техника	11	0,017
быт	21	0,032
Общее количество когнем	647	

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20—28.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
4. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. — М., 2009. 336 с.
5. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н., Романова Т. В., Черкасова Г. А. Информационная технология создания когнитивного тезауруса носителя русского языка и культуры: учеб. пособие. Сер. «Инфо-когнитивные технологии». — М.; Н. Новгород, 2013. 241 с.

6. Красных В. В. К вопросу о психолингвистическом анализе текста // Язык, сознание, коммуникация. — М.: Филология, 1998. Вып. 3. С. 111—118.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов: отв. ред. Е. С. Кубрякова. — М.: МГУ, 1996. 245 с.
8. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. — М.: Прогресс, 1995. С. 143—184.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Энергия, 1979.
10. Мишланова С. Л., Пермякова Т. М. Современная концептосфера: направления и перспективы // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. — Пермь: ПГУ, 2004. С. 351—364.
11. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. Н. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. — М., 2002. 784 с.

12. Проект «Лингвокультурный тезаурус русского языка» // Информационная система лингвокогнитивных экспериментов : сайт. URL: <http://tesaurus.ru/http://tesaurus.ru/> (дата обращения: 27.09.2014).

13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М. : Ин-т психологии РАН : Академический проект, 1999.

T. V. Romanova
Nyzhny Novgorod, Russia

SPEECH SELF-IDENTIFICATION ACCORDING TO THE RESULTS OF ASSOCIATION EXPERIMENT

ABSTRACT. *Associative organization is one of the models of knowledge storage in the memory of a person. In the course of our free associative experiment, a group of respondents was asked to respond to the given stimulus word. The received reactions to the word-stimulus clarify the relevance of different meanings of a multi-valued word for the lexicographer, the typical spheres of its use, frequency connections, allow us to reconstruct the semantic structure of the word. Words of reaction also contain paralinguistic information about gestures, facial expressions, intonation associated with the word; cultural information, precedent phenomena, actual cultural metaphors. Therefore, an associative article fixing reactions has not only a structural lexicographic, but also an ontological status. Its data can be used in medicine, cultural studies (for example, when reconstructing the historical-cultural type of personality). The aim of our research is to characterize the format of knowledge, which represents the structure of the linguistic cultural thesaurus. On the basis of an association experiment it is possible to make a model of the verbal memory and linguistic consciousness of a group of testees. The article deals with reactions to the stimulus that presupposes the operation of self-identification. The means of constructing the meaning and referential areas of a language sign are revealed in the article.*

KEYWORDS: *associative experiment; speech self-identification; stimulus word.*

ABOUT THE AUTHOR: *Romanova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nyzhny Novgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Interpretatsiya mira i znaniy o mire v yazyke // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2014. Vyp. XIX. S. 20—28.

2. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002.

3. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1987.

4. Karaulov Yu. N., Filippovich Yu. N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya. — M., 2009. 336 s.

5. Karaulov Yu. N., Filippovich Yu. N., Romanova T. V., Cherkasova G. A. Informatsionnaya tekhnologiya sozdaniya kognitivnogo tezaurusa nositelya russkogo yazyka i kul'tury : ucheb. posobie. Ser. «Info-kognitivnye tekhnologii». — M. ; N. Novgorod, 2013. 241 s.

6. Krasnykh V. V. K voprosu o psikholingvisticheskom analize teksta // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. — M. : Filologiya, 1998. Vyp. 3. S. 111—118.

7. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov : otv. red. E. S. Kubryakova. — M. : MGU, 1996. 245 s.

14. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. — М. : Академия, 2008.

15. Rosh E. H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. — Hillsdale ; N. J. : Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27—48.

16. Wettler M. Sprache, Gedächtnis, Verstehen. — Berlin ; New York, 1980.

8. Lakoff Dzh. Kognitivnoye modelirovanie // Yazyk i intellekt. — M. : Progress, 1995. S. 143—184.

9. Minskiy M. Freymy dlya predstavleniya znaniy. — M. : Energiya, 1979.

10. Mishlanova S. L., Permyakova T. M. Sovremennaya kontseptosfera: napravleniya i perspektivy // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Perm' : PGU, 2004. S. 351—364.

11. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii / Yu. N. Karaulov, G. N. Cherkasova, N. V. Ufimtseva i dr. — M., 2002. 784 s.

12. Projekt «Lingvokul'turnyy tezaurus russkogo yazyka» // Informatsionnaya sistema lingvokognitivnykh eksperimentov : sayt. URL: <http://tesaurus.ru/http://tesaurus.ru/> (data obrashcheniya: 27.09.2014).

13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М. : Ин-т психологии РАН : Академический проект, 1999.

14. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. — М. : Академия, 2008.

15. Rosh E. H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. — Hillsdale ; N. J. : Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27—48.

16. Wettler M. Sprache, Gedächtnis, Verstehen. — Berlin ; New York, 1980.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'27
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

А. Б. Алексеев
Москва, Россия

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЕКОНСТРУКЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается стратегия маргинализации в американском политическом дискурсе 2015—2016 гг. Существует видение маргинала как человека, оттесненного на периферию социальных отношений, не вписывающегося в общественные рамки. Однако это не всегда так. За основу берется тезис, что в области политики нередко бывает выгодным позиционировать себя в качестве маргинала. Предполагается, что коммуникативная стратегия маргинализации, с одной стороны, может служить целям языковой и политической деконструкции, а с другой — быть проявлением манипуляции. Выявлено, что в дискурсе президентской кампании маргинализация наблюдалась в речах многих политических деятелей. Они стремились дистанцироваться от политического класса, выставить себя «нетипичными» политиками, не имеющими ничего общего с ошибками и просчетами своих предшественников и однопартийцев. На уровне языка такая позиция выражалась в переосмыслении некоторых важных понятий, в нехарактерной для политиков манере говорения и поведении, в открытом пренебрежении конвенциями и условностями институциональной коммуникации. В такие слова и выражения, как «социализм», «капитализм», «политическая корректность», «кисстеблшмент», «элита» и другие был вложен несколько иной, совсем «неамериканский» смысл. Вежливость и нормативность, характерные, как правило, для общения в рамках политической интеракции, были отчасти отвергнуты. Тем не менее нельзя сказать, что произошла радикальная деконструкция политического дискурса. Это может быть объяснено тем, что люди, позиционировавшие себя в качестве политических маргиналов, таковыми на самом деле не являлись. Скорее они были манипуляторами, апеллировавшими к стереотипам и «слабостям» аудитории. Однако эта гипотеза требует проверки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: маргиналы; маргинализация; коммуникативные стратегии; манипуляция сознанием; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алексеев Александр Борисович, аспирант, кафедра английской филологии, Московский государственный областной университет; 105082, Россия, Москва, Переводенковский пер., д. 5/7, 4 корп., к. 62; e-mail: neuausstatten@mail.ru.

Тема маргинального человека неоднократно поднималась в рамках социологической науки, но, по имеющимся у нас данным, не нашла должного освещения в лингвистике. Между тем актуальность поднимаемого вопроса объясняется состоянием самого общества и все более усложняющейся сетью социальных отношений между людьми, что не может не найти отражения в их языковой деятельности.

Человек — существо деятельное. Будь то трудовая, экономическая или любая другая форма деятельности, она, как правило, носит коллективный характер. О маргинализации стоит говорить, если индивид внезапно обнаруживает себя невостребованным в коллективе, в котором он вынужден так или иначе находиться и жить. Человек может почувствовать (ему могут дать почувствовать), что он не принадлежит данному коллективу, что его манера поведения, говорения, характер работы, выполняемой им, и другое не соответствуют ожиданиям окружающих. В этом заключается первое, негативное понимание феномена маргинальности: маргинальная личность приравнивается к изгою, «пограничному» и опасному индивиду.

С другой стороны, как свидетельствует В. Г. Николаев, в выражение «маргинальный человек» может вкладываться совсем иной смысл: маргинальность — это не нахождение «с краю», а нахождение между различными социальными группами, культурами

и т. п. [Николаев 2010: 355]. При таком подходе стирается негативный оттенок, которое слово «маргинал» приобрело в языке, и многие явления современности могут классифицироваться как проявления «человека маргинального», его идеологических воззрений и установок, модусов существования. Билингвизм и мультикультурализм, демократия и плюрализм — эти формы мышления предполагают, что индивиду предоставляется свобода самоидентификации, свобода жить между мирами, языками, культурами, политическими партиями, движениями, идеями и убеждениями.

В политическом дискурсе маргинализация может сознательно использоваться как коммуникативная стратегия дистанцирования. Под коммуникативной стратегией условимся понимать «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2015: 54]. Какую же цель преследует политический маргинал?

Российский философ и публицист А. Ю. Ашкеров утверждает: «...маргинализация... является политической стратегией со своими маленькими и большими хитростями — иногда очень выгодной стратегией. Она, например, не предполагает ответственности, не связана с рутинной деятельностью... В итоге маргиналом оказывается не просто тот, кто не может быть никем другим, но тот, кто находит в этой возможности определенное удобство» [Кто сегодня дела-

ет философию в России 2007: 19]. И далее: «Эстетизация маргинальности как политического юродства связана с тем, что кому-то просто не предоставили клубного членства „во власти“ (или лишили этого клубного членства)» [Там же].

Другими словами, рассматриваемая стратегия — способ борьбы за власть, способ деконструкции сложившихся властных отношений. Именно поэтому мы считаем уместным говорить о деконструктивистском политическом дискурсе, разворачивающемся прежде всего на уровне языка. Язык, таким образом, становится полем борьбы за власть и одновременно средством подвергнуть устоявшиеся социальные отношения и связи радикальному пересмотру. Язык можно представлять себе оружием — «военная» метафора, впервые употребленная Д. Болинджером [Bolinger 1980].

В каком-то смысле понятие «деконструкция», ассоциируемое с изменением общественной практики, может быть соотнесено со словом «революция». Ряд зарубежных исследователей полагают, что революции эпохи постмодерна более не происходят с помощью овладения властью силовым путем. Скорее власть подрывается «мягким» воздействием. На это, в частности, указывает З. Бауман. В книге «Текущая современность» автор пишет: «Если время системных революций прошло, то лишь потому, что уже нет таких зданий, где находится пульт управления системы и которые могли бы штурмовать и захватывать революционеры; а также потому, что мучительно трудно, и даже невозможно, представить, как победители, оказавшись в этих зданиях... действительно сумели бы перевернуть эти пульта управления и навсегда покончить со страданиями, побудившими их к мятежу» [Бауман 2008: 12].

Журналист А. Схроуф выявляет непосредственную взаимозависимость между современными революциями и языком. По его мнению, уместно говорить о революции общества через язык и посредством языка. «Вместо захвата зданий правительства, захватываются понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...» — полагает исследователь [Shrouf 2006: 26].

Как можно захватить понятия? Ответ на этот вопрос находим у немецкого лингвиста Л. Макенсена. В работе «Обольщение языком» ученый проводит мысль, что все правила языкового употребления «подвижны» (wandelbar): они зависят от людей и их намерений, от обстоятельств протекания коммуникации. Они изменяются из поколе-

ния в поколение в соответствии с потребностями эпохи [Mackensen 1973: 14].

Дефиниции, даваемые понятиям, отличаются степенью точности. Как свидетельствует автор, в научном дискурсе часто используется определение по следующей модели: «Под X я понимаю предмет (процесс), обладающий характеристиками (свойствами) a, d, f и h» [Ibid.: 25]. В повседневном общении люди, несмотря на различия в коннотативном содержании, довольствуются синонимичными обозначениями. Они говорят что-то вроде: «X — это A». Однако даже самое точное определение является произвольным действием (Willkürakt), и поэтому оно не должно служить эрзацем для реальности. Нельзя ставить знак равенства между словами и понятиями, обозначаемыми ими.

Итак, окружающая действительность не сводима к набору дефиниций, но общий фонд знаний значительно облегчает процесс коммуникации: без него коммуникация даже невозможна. Тем не менее, для того чтобы общепринятое значение продолжало функционировать, оно должно быть не только всем понятным, но еще и полезным.

Полезность не стоит разуметь в свете приятности общения. На самом деле, мы часто стремимся к достижению собственных интересов и отнюдь не преследуем цели «идеальной коммуникации». Конфликты между людьми, как каждый знает из собственного опыта, неизбежны. И в этом заключается опасность для раз и навсегда устоявшегося положения вещей — предметы окружающей действительности и процессы, происходящие с ними, можно переименовать по модели: «Под X я буду подразумевать то-то вопреки ранее существовавшему пониманию» [Ibid.: 26]. Это ситуация, когда X фактически перестает быть X.

Барьером к переименованиям надо считать общепринятые, «правильные» дефиниции. Слово «правильные» мы взяли в кавычки не случайно, а потому что, по сути, строгие категории логики «правильно/неправильно», «правдиво/ложно» часто оказываются не более чем мнением, которого придерживаются все или почти все. Л. Макенсен пишет: «Предметы веры обычно остаются правдой до тех пор, пока люди не восстанут против них... страх перед силой или почтение к условности (Konvention) заставляют их молчать» [Ibid.: 26]. Исследователь придерживается мнения, что мы живем среди понятий, которые не всегда могут быть соотнесены с экстралингвистической реальностью. Они существуют, поскольку поддерживаются авторитетом традиции, соответствуют ценностям общества и интересам его отдель-

ных классов. «Что такое «красивое?», «Что такое «хорошее?» — спрашивает автор и отвечает: «Это не какие-нибудь проверяемые теоремы. Приходится перенимать значения, вкладываемые в них другими людьми, или переосмыслить их (тогда человек получает репутацию гения, аутсайдера или дурака)» [ibid.: 26].

Возможность переосмыслить, переименовать, «переиначить» действительность всегда имеет границы, что соотносится с самим определением дискурса. По мнению В. Е. Чернявской, «дискурс — это система ограничений...» [Чернявская 2013: 133]. Другими словами, общество изначально выделяет для индивида сферу дозволенного, и игнорировать ее — опасно. Но для маргинала или человека, старающегося выдать себя за такового, этот шаг — необходимость. Только переступив некую черту, человек становится в оппозицию к власти, бросает ей вызов.

Всю историю человечества можно представить себе как игру воли, пытающейся «утвердить прочную систему истины и заблуждения», но, несмотря на все ее старания, несмотря на насильственный характер истины, эта система остается «сингулярной и вечно обновляющейся» [Фуко 2014: 14]. В этом — ключ к деконструкции.

Обратимся к американскому политическому дискурсу и приведем конкретные примеры реализации стратегии маргинализации. Необходимо признать, что не всегда маргиналы стремятся к деконструкции — нередко они используют свое «пограничное» положение в целях манипуляции. Тем не менее мы предполагаем, что маргинальный и деконструктивистский типы дискурса имеют определенные точки соприкосновения, и даже если они не всегда очевидны, стоит обратить на них внимание.

Особенность президентской кампании в США 2015—2016 гг. заключается в том, что некоторые претенденты на высший пост в стране являлись начинающими политиками: бизнесмен Д. Трамп, нейрохирург Б. Карсон, главный исполнительный директор К. Фиорина. Им противостояли сенаторы и губернаторы — люди, традиционно баллотирующиеся в президенты. Демократы, правда, не выставили кандидатов, чья биография не «вписывалась» бы в строгие рамки политического. Конечно, госсекретарь Х. Клинтон, сенатор Б. Сандерс, сенатор Дж. Уэбб и другие были политиками «со стажем». Но было ли это обстоятельство серьезным преимуществом?

Актуализация рассматриваемой стратегии в американском политическом дискурсе

проявлялась в настойчивом желании соперников абстрагироваться от элит, ассоциировавшихся у республиканцев с коррупцией Б. Обамы и Х. Клинтон. Так, сенатор Т. Круз изначально противопоставил себя «политикам-карьеристам» обеих партий и отказался сотрудничать с лоббистами и представителями особых интересов:

Chris, I believe the American people are looking for someone to speak the truth. (AP-PLAUSE) If you're looking for someone to go to Washington, to go along to get along, to get — to agree with the career politicians in both parties who get in bed with the lobbyists and special interests, then I ain't your guy [1st Rep. deb].

Сенатор из Техаса подверг критике собственную Республиканскую партию за отсутствие лидеров и честности:

Because as conservatives, as Republicans, we keep winning elections. We got a Republican House, we've got a Republican Senate, and we don't have leaders who honor their commitments. I will always tell the truth and do what I said I would do [1st Rep. deb].

Против политиков из Вашингтона и политического класса, «подпитывающегося» средствами доноров, выступил и М. Хакаби:

But the problem is we have a Wall Street-to-Washington access of power that has controlled the political climate. The donor class feeds the political class who does the dance that the donor class wants. And the result is federal government keeps getting bigger [1st Rep. deb].

П. Рэнд также обвинил однопартийцев в многочисленных ошибках и просчетах, в особенности «воинствующих» (hawks) республиканцев. Это даже отмечали журналисты:

BAIER: Senator Paul, you recently blamed the rise of ISIS on Republican hawks. You later said that that statement, you could have said it better. But, the statement went on, and you said, quote, "Everything they've talked about in foreign policy, they've been wrong for the last 20 years." Why are you so quick to blame your own party? [1st Rep. deb].

Трудность, с которой должны были столкнуться Т. Круз, П. Рэнд и другие претенденты, желая встать в оппозицию к политической элите, заключалась в следующем: несмотря на все возражения, они являлись частью государственной машины. Действительно, они работали в американском сенате, принимали определенные решения. Любая критика в адрес правительства могла потенциально навредить и им. Именно поэтому они были вынуждены уделять пристальное внимание защите своего «послужного списка».

Напротив, Д. Трамп мог осуждать полити-

ков без опасений. Маргинализация Д. Трампа находила выражение, конечно, и в языке. Многое из того, что говорил бизнесмен, было непривычным (неприличным?) и явно не соответствовало статусу будущего президента. Именно поэтому никто не мог поверить, что Д. Трамп будет им! Тем не менее такие качества миллиардера, как непредсказуемость, демонстративная раскрепощенность, помноженные на чувство юмора, приносили политический капитал.

Очень скоро Д. Трамп стал ведущим кандидатом от республиканцев. Своей эпатажной манерой поведения и говорения бизнесмен не просто привлекал к себе внимание (это тоже немаловажно), но и показывал, что он «не как все», что ему можно доверять, что он сторонник радикальных перемен и т. п. Миллиардер уловил настроения большинства избирателей и открыто отказался от принципов политкорректности, заявив, что это серьезная проблема, требующая немедленного разрешения.

На своих митингах он называл лидеров США откровенно «глупыми», «слабыми» и т. п.:

I went to an Ivy League school. But there's some words that you can't describe any better. Our leadership is stupid. These are stupid people! So bad. These are stupid, stupid people, and they're leading us right down the tubes [Trump: Our Leadership Is Stupid...].

Заметим: для того, чтобы произвести наибольший эффект на избирателя, Д. Трамп повторяет *stupid* 4 раза! В психологии повторение как способ манипуляции и пропаганды нередко именуют методом Й. Геббельса [Шейнов [http](#)]. В книге «Майн кампф» А. Гитлер рекомендовал «постоянно повторять несколько одних и тех же идей и использовать стереотипы» [Вахитов [http](#)].

Д. Трампа часто критиковали за примитивность языка — именно поэтому перед тем, как употребить «лучшее» слово «глупый», бизнесмен напомнил о своей образованности. Впрочем, еще Н. Макиавелли утверждал: «Чем многочисленнее толпа, к которой ты обращаешься, тем проще для восприятия должна быть твоя речь» [цит. по: Шейнов [http](#)]. Будущий президент, по-видимому, инстинктивно или сознательно следовал этому принципу. Он неустанно говорил о нечестности и продажности политиков, их зависимости от крупных компаний-спонсоров:

...And if I'm negotiating in New York or in New Jersey or in California, I have like one bidder. Nobody can bid. You know why? Because the insurance companies are making a fortune because they have control of the politicians, of course, with the exception of the politicians on

this stage. But they have total control of the politicians. They're making a fortune [1st Rep. deb].

В приведенном примере Д. Трамп делает иронично-манипулятивную оговорку: отзываясь нелестно о государственных деятелях, он говорит, что все это так, но политики, стоящие рядом с ним, исключение. В последующих дебатах бизнесмен не будет столь снисходительным.

На глупость политиков намекал и Б. Карсон. В заключительном слове во время первых дебатов нейрохирург использовал с этой целью «медицинский» каламбур, вызвав смех и одобрение аудитории:

I'm the only one to separate Siamese twins... (LAUGHTER) The — the only one to operate on babies while they were still in mother's womb, the only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beat me to it. (LAUGHTER) [1st Rep. deb].

«Визитной карточкой» многих претендентов на пост президента, пытающихся представить себя в качестве поборников свободы и борцов за права американцев, стал имидж оппозиционера. Т. Круз заявлял, что он единственный, кто неоднократно бросал вызов «политикам-карьеристам»:

If you're fed up with Washington, if you're looking for someone to stand up to career politicians in both parties, I'm the only one on this stage who has done that over and over again, and if we stand together, we can bring America back [2nd Rep. deb].

Губернатор С. Уокер, апеллируя к фигуре Р. Рейгана, утверждал, что он, подобно 40-му президенту США, борется против статус-кво:

Ronald Reagan knew how to go big, and go bold. He understood the essence of moving this country forward, and that's what I did when I took on the status quo in my state, and the Washington based special interest [2nd Rep. deb].

К. Фиорина подчеркивала, что «люди, которые были частью системы всю свою жизнь, не представляют себе, насколько она несовершенна. Рыба плавает в воде и не знает, что это вода»:

I'll tell you why people are supporting outsiders. It's because you know what happens if someone's been in the system their whole life, they don't know how broken the system is. A fish swims in water, it doesn't know it's water. It's not that politicians are bad people, it's that they've been in that system forever [2nd Rep. deb].

Ту же самую линию проводил Д. Трамп. Штампы, такие как *broken system*, стали характерны для кандидатов, желающих отмежеваться от большинства политиков — а таких среди республиканцев было немало.

Но именно Д. Трамп ярче всего выражал подобные настроения.

Быть политиком впервые стало невыгодным. Это обстоятельство оказывало влияние и на дискурс демократов, где, напомним, в строгом смысле слова не было людей, далеких от политики. И, тем не менее, жаркие споры разгорелись вокруг того, кого считать представителем истеблишмента, а кого нет. Б. Сандерс — основной соперник Х. Клинтон в борьбе за выдвижение от демократов — отмечал, что бывшая госсекретарь заручилась поддержкой «губернаторов, мэров, конгрессменов». По его словам, почти весь истеблишмент сплотился вокруг нее. Напротив, он, Б. Сандерс, объединил простых американцев. Его кампания — это кампания «народа, движимая волей народа и проводимая во имя народа» (фраза А. Линкольна). Б. Сандерс использует прием антиномии — он противопоставляет себя Х. Клинтон, ее воззрениям и убеждениям:

I am — will absolutely admit that Secretary Clinton has the support of far more governors, mayors, members of the House. She has the entire establishment or almost the entire establishment behind her. That's a fact. I don't deny it.

But I am pretty proud that we have over a million people who have contributed to our campaign averaging 27 bucks apiece. That we have had meetings where 25,000-30,000 people have come out. That our campaign is a campaign of the people, by the people, and for the people. So, Rachel, yes, Secretary Clinton does represent the establishment. I represent, I hope, ordinary Americans, and by the way, who are not all that enamored with the establishment, but I am very proud to have people like Keith Ellison and Raul Grijalva in the House, the co-chairmen of the House Progressive Caucus [5th Dem. deb].

Х. Клинтон не только не приняла подобную постановку вопроса, но и поспешила опровергнуть заявление своего оппонента. Она обратила внимание на тот факт, что является первой женщиной, баллотирующейся в президенты США, и поэтому никак не может быть «служительницей» истеблишмента:

Well, look, I've got to just jump in here because, honestly, Senator Sanders is the only person who I think would characterize me, a woman running to be the first woman president, as exemplifying the establishment. And I've got to tell you that it is...[applause]...it is really quite amusing to me [5th Dem. deb].

И все же не вызывает сомнения, что Б. Сандерс «нащупал» трещину в политической платформе Х. Клинтон: пользуясь доверием высокопоставленных людей, экс-госсекретарь не могла эффективно апелли-

ровать к надеждам и чаяниям «рабочей Америки». Победа Д. Трампа во многом была обусловлена разочарованием американцев, настойчивым желанием перемен.

Б. Сандерс представлял, несомненно, «маргинальным» политиком — этим объяснялась его популярность. Провозгласив себя социалистом, сенатор из Вермонта, как и Д. Трамп, бросил вызов статус-кво, Вашингтону. Однако, в отличие от будущего президента США, Б. Сандерс боролся против устоявшихся стереотипов. Он переосмыслил «социализм», вызывающий в подавляющем большинстве случаев лишь негативные представления:

Well, we're gonna win because first, we're gonna explain what democratic socialism is. And what democratic socialism is about is saying that it is immoral and wrong that the top one-tenth of 1 percent in this country own almost 90 percent — almost — own almost as much wealth as the bottom 90 percent... [1st Dem. deb].

Более того, в понимании Б. Сандерса капитализм (столь ценимый в Америке) есть не более чем процесс игры в казино, узаконивающий неравенство и жадность Уолл-стрит:

COOPER: You don't consider yourself a capitalist, though?

SANDERS: Do I consider myself part of the casino capitalist process by which so few have so much and so many have so little by which Wall Street's greed and recklessness wrecked this economy? No, I don't. I believe in a society where all people do well. Not just a handful of billionaires [1st Dem. deb].

Д. Трамп, по нашим наблюдениям, напротив, стремился использовать стереотипные представления в своих целях. В этом смысле слова его трудно назвать «революционером». Деконструктивистским дискурс бизнесмена во многом делает его вольное обращение с языком, попрание правил политкорректности. Однако еще задолго до выхода эпатажного миллиардера на политическую арену многих американцев раздражали политики и насаждаемая политкорректная лексика. Д. Трамп дал голос недовольным людям, но насколько он был готов к реальным пертурбациям политической и экономической системы — вопрос спорный.

Между тем Б. Сандерс, оставаясь в значительной степени традиционным политиком, взял на вооружение концепт *political revolution*. Сенатор из Вермонта фактически провозглашал необходимость непрекращающейся, ежедневной борьбы за социальную и экономическую справедливость:

Election days come and go. But political

and social revolutions that attempt to transform our society never end. They continue every day, every week and every month in the fight to create a nation of social and economic justice. ... And that's what this campaign has been about over the past year. That's what the political revolution is about and that's why the political revolution must continue into the future [White 2016].

Некоторые фразы, такие как *rigged system, rigged economy, bad judgment*, были впервые произнесены Б. Сандерсом. Впоследствии Д. Трамп активно перенял эти и другие линии атак на политическую систему. Тем самым бизнесмен «протянул руку» сторонникам Б. Сандерса: будущий президент осознал, что «недовольная» Америка спланируется вокруг сенатора. Поскольку оба кандидата обращались именно к теме необходимости радикальных перемен (суть которых они понимали по-разному), между их политическими программами и воззрениями было намного больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

Д. Трамп приложил немало усилий, чтобы не допустить объединения демократов после номинации Х. Клинтон. Б. Сандерс, конечно, официально поддержал первую женщину, получившую шанс стать президентом, но несмотря на это немаловажное обстоятельство, кампании Х. Клинтон явно не доставало должной степени радикальности. В «Твиттере» и на митингах миллиардер старался провести простую мысль: Б. Сандерс, вступив в переговоры с Х. Клинтон, предал своих избирателей. Сенатор часто изображался слабым лидером, потерявшим веру в победу:

Even though Bernie Sanders has lost his energy and his strength, I don't believe that his supporters will let Crooked Hillary off the hook! [Trump Tries To Woo Sanders Supporters By Trolling Sanders 2016].

Х. Клинтон представала в дискурсе республиканцев «жуликоватой» и бесчестной. Д. Трамп называл ее «дьяволом»:

But he made a deal with the devil. She is the devil. (applause). He made a deal with a devil... He made a bad deal [Donald Trump: Bernie Sanders made a deal with the devil].

В противостоянии «Трамп — Клинтон» именно миллиардер выступал в качестве маргинала, человека, далекого от политики, готового к решительным действиям и переменам. Репутация бывшей первой леди, сенатора, госсекретаря нередко ассоциировалась с массовой коррупцией и скандалами. Этот имидж номинанта от Демократической партии явно не соответствовал планам и чаяниям большинства американцев. Д. Трамп

мастерски использовал сложившуюся ситуацию, открыто называя себя аутсайдером, — слово, которое в контексте других выборов не было бы столь лестным.

Подводя итог сказанному, признаем, что стратегия маргинализации была достаточно яркой чертой американского политического дискурса 2015—2016 гг. На наш взгляд, она ложилась в контекст того, что можно именовать политической деконструкцией, предполагающей достаточно вольное обращение с ключевыми понятиями и концептами и их переосмысление. Такие слова, как «политкорректность», «социализм», «аутсайдер», «истеблешмент», «элита», приобрели в пространстве американской политической коммуникации совершенно новые, не всегда естественные коннотации. Однако возникает вопрос, насколько эти оттенки смысла оказались устойчивыми. Мы предполагаем: радикальной деконструкции не произошло именно потому, что маргинализация как стратегия часто использовалась неискренне. В отдельных случаях она была не более чем манипулированием аудиторией, и проблема «маргинализация и манипуляция» является вектором наших будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. — М.: Поколение, 2007. 576 с.
2. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Вахитов Р. 5 методов гитлеровской пропаганды, которые применяют российские «демократы» против оппозиции. URL: http://www.patriotica.ru/actual/vahitov_5methods.html.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: ЛЕНАНД, 2015. 304 с.
5. Николаев В. Г. Человек маргинальный // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 354—372.
6. Фуко М. Мужество истины : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983—1984 уч. году / пер. с фр. А. В. Дьякова. — СПб.: Наука, 2014. 358 с.
7. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие. — М.: Флинта : Наука, 2013. 209 с.
8. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). URL: <http://shnurok14.narod.ru/Psih/Hidden/16-2.htm>.
9. Bolinger D. Language — the Loaded Weapon: the Use and the Abuse of Language Today. — New York : Longman, 1980. 214 p.
10. Donald Trump: Bernie Sanders made a deal with the devil — She's the devil! Hillary Clinton // Youtube. 2016. 1 Aug. URL: <https://youtu.be/gVJ07N1dzFI>.
11. Mackensen L. Verführung durch Sprache. — München : List Verlag, 1973. 327 s.
12. Shrouf A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949—1998. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2006. 349 s.
13. Trump Tries To Woo Sanders Supporters By Trolling Sanders // Roll Call. 2016. 25 Jul. URL: <http://www.rollcall.com/news/politics/trump-tries-to-win-sanders-supporters-by-attacking-sanders>.
14. Trump: Our Leadership Is Stupid, These Are Stupid People // Real Clear Politics. 2016. 24 Oct. URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2016/10/24/trump_our_leadership_is_stupid_these_are_stupid_people.html.
15. White D. Read Bernie Sanders' Speech to Supporters // Time. 2016. 17 Jun. URL: <http://time.com/4372673/bernie-sanders-speech-text-read-transcript/>.

A. B. Alekseev
Moscow, Russia

MARGINALIZATION AS A STRATEGY OF DECONSTRUCTION POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article dwells on the subject of the marginalization strategy in the American political discourse of 2015-2016. There is an opinion that a marginal is a person relegated to the periphery of social relationships and the one who does not fit in the normal society. However, this is not always the case. The thesis is accepted that in the field of politics it can sometimes be useful to pose oneself as a marginal. It is assumed that the communicative strategy of marginalization can serve the purposes of the linguistic and political deconstruction. On the other hand, it can be manifestation of manipulation. It has been discovered that in the discourse of the American presidential campaign marginalization was observable in the speeches of many politicians. They tried to distance themselves from the political class and present themselves as 'untypical politicians' who had nothing to do with the mistakes and miscounts of their predecessors and party comrades. At the level of the language such position manifested itself in redefinition of some important concepts, adoption of the uncharacteristic manner of speaking and behaving and obvious rejection of conventions of the institutional communication. The new un-American meanings were put in in such words and expressions as 'socialism', 'capitalism', 'political correctness', 'establishment', 'elite', etc. Politeness and normativity which are as a rule inherent to the political communication were partially rejected. Nevertheless, it cannot be said that the radical deconstruction of the political discourse transpired. One way to explain this is to assume that the people who posed themselves as political marginals, in fact, were not marginal at all. It is more likely that they were manipulators who tried to appeal to the stereotypes and gullibility of the audience. However, this hypothesis should be checked.*

KEYWORDS: *marginal; stigmatization; communicative strategy; mind control; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alekseev Alexander Borisovich, Post-graduate Student, Department of English Philology, Moscow Region State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. T. 1. — M. : Pokolenie, 2007. 576 s.
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' / per. s angl. pod. red. Yu. V. Asochakova. — SPb. : Piter, 2008. 240 s.
3. Vakhitov R. 5 metodov gitlerovskoy propagandy, kotorye primenyayut rossiyskie «demokraty» protiv oppozitsii. URL: http://www.patriotica.ru/actual/vahitov_5methods.html.
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : LENAND, 2015. 304 s.
5. Nikolaev V. G. Chelovek marginal'nyy // Voprosy sotsial'noy teorii. 2010. T. 4. S. 354—372.
6. Fuko M. Muzhestvo istiny : kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983—1984 uch. godu / per. s fr. A. V. D'yakova. — SPb. : Nauka, 2014. 358 s.
7. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2013. 209 s.
8. Sheynov V. P. Skrytoe upravlenie chelovekom (Psikhologiya manipulirovaniya). URL: <http://shnurok14.narod.ru/Psih/Hidden/16-2.htm>.
9. Bolinger D. Language — the Loaded Weapon: the Use and the Abuse of Language Today. — New York : Longman, 1980. 214 p.
10. Donald Trump: Bernie Sanders made a deal with the devil — She's the devil! Hillary Clinton // Youtube. 2016. 1 Aug. URL: <https://youtu.be/gVJ07N1dzFI>.
11. Mackensen L. Verführung durch Sprache. — München : List Verlag, 1973. 327 s.
12. Shrouf A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949—1998. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2006. 349 s.
13. Trump Tries To Woo Sanders Supporters By Trolling Sanders // Roll Call. 2016. 25 Jul. URL: <http://www.rollcall.com/news/politics/trump-tries-to-win-sanders-supporters-by-attacking-sanders>.
14. Trump: Our Leadership Is Stupid, These Are Stupid People // Real Clear Politics. 2016. 24 Oct. URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2016/10/24/trump_our_leadership_is_stupid_these_are_stupid_people.html.
15. White D. Read Bernie Sanders' Speech to Supporters // Time. 2016. 17 Jun. URL: <http://time.com/4372673/bernie-sanders-speech-text-read-transcript/>.

М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

**КОНТЕКСТНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена специфическим особенностям функционирования прецедентных феноменов в современном националистическом дискурсе. Наблюдения позволяют выделить в отдельную группу названные нами контекстуально обусловленные прецедентные феномены, создание которых основано на «игре» с различными сферами-источниками, кроме того, с применением манипуляторных технологий реконструкции культурных смыслов. Под контекстными прецедентными феноменами (КПФ) мы предлагаем понимать такие единицы, которые получают статус прецедентности только в определенном контексте, в котором актуализируют конкретный дискурсивно обусловленный источник. Важнейшей особенностью контекстуальных прецедентных феноменов является то, что, с одной стороны, они получают свое «новое» значение только в конкретном дискурсе (в нашем случае — националистическом), данное значение актуализируется контекстом использования (в широком понимании, включая мероприятие, на котором предъясняется соответствующий пропагандистский материал). Проанализированы конкретные визуальные образы: черно-желто-белый флаг (известен как гербовый флаг Российской империи во второй половине XIX в., в настоящее время часто называется имперским флагом; в сознании современной молодежи тесно связан с действующими сегодня националистическими организациями, часть респондентов даже называет его германским или фашистским); образ волка (символизирует связь с мифами, с прошлым, что позволяет придать образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение); образы белокурых мужчин и женщин, одетых в русские национальные костюмы, нередко — на фоне бескрайнего пшеничного поля или цветущего луга; образ ребенка как символ продолжения славянского рода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прецедентные феномены; националистический дискурс; национализм; креолизованные тексты; символ волка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Бабилова Марина Рашитовна, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: shinkari@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Межэтнические конфликты, проблема национальной идентичности — камни преткновения на пути достижения политической стабильности в современной России. Соответствующие проблемы все активнее обсуждаются в научном сообществе, перед которым встает необходимость более внимательного, разностороннего, а самое главное, углубленного анализа национализма. Националистические идеи довольно часто затрагивают интересы государства и провоцируют конфликты как внутри страны, так и за ее пределами. Любое проявление указанного феномена может стать основанием для серьезных исследований, каковыми, на наш взгляд, являются исследования способов пропаганды националистических идей.

С активным развитием Интернета и других интерактивных средств современной коммуникации набирают популярность паралингвистические (уже — визуальные) средства передачи информации. Визуальные образы становятся не только средством развлечения, но и привлечения и пропаганды: это важное орудие современных националистических движений, требующее особого внимания.

Неоднократно современные исследователи писали, что прагматический потенциал

визуальной информации намного выше вербальной. Визуальная информация рассчитана прежде всего на эмоциональное, интуитивное восприятие, а значит «зрительный, эмоционально насыщенный образ (изображение) схватывается сознанием быстро и легко, этот процесс не требует интеллектуального напряжения» [Корда 2013: 14].

Однако анализ визуальных образов должен носить комплексный, системный, дискурсивный характер: воспринимаемые отдельно от контекста или текста картинки утрачивают свой прагматический потенциал, становятся скорее материалом для научных и юридических манипуляций.

В рамках данного исследования мы рассматриваем визуальные образы как неотъемлемую часть креолизованного текста, например, демотиватора, интернет-мема, карикатуры, граффити. Именно эти жанры в настоящее время являются наиболее частотными в молодежной среде и используются как пропагандистские.

Напомним, что ключевыми характеристиками феномена креолизованного текста являются:

« 1) сложная форма;

2) сочетание единиц различных семиотических систем (двух и более);

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

© Бабилова М. Р., Ворошилова М. Б., 2017

3) отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния и т. д.;

4) комплексное воздействие текста на адресата» [Ворошилова 2013: 21—22].

Именно связь единиц вербальных и визуальных семиотических систем на содержательно-композиционном уровне, объединенных в единую целостную структуру, повышает прагматический потенциал креолизованных текстов. При этом отметим, что важнейшую роль играет включенность визуальных и вербальных элементов друг в друга.

В пропагандистский арсенал националистических объединений входят следующие типы креолизованных текстов: листовки, плакаты, демотиваторы, граффити, карикатуры, зачастую имеющие в своем составе широко известные визуальные образы. Мы относим такие образы к прецедентным феноменам, в связи с чем необходимо вкратце пояснить значение данного термина. Традиционно (вслед за В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, которые ввели данный термин в научный оборот и дали его первые определения) под прецедентными феноменами мы понимаем единицы:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества;

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных 2002: 44].

В ходе исследования мы выявили такую особенность функционирования прецедентных феноменов в современном националистическом дискурсе, как контекстуальная обусловленность. Прецедентные образы приобретают специфическое значение в процессе игры с различными сферами-источниками, при использовании манипуляторных технологий реконструкции культурных смыслов [Ворошилова 2016]: «...многие из приведенных символов в своем „чистом“ виде, исключенные из молодежного экстремистского дискурса, теряют свой статус националистического» [Антонова, Веснина, Ворошилова, Злоказов, Карапетян, Тагильцева 2014: 135].

Эти приемы эффективны как средство пропаганды и как способ защиты от юридического преследования — последнее особенно актуально в рамках практики судебной лингвистической экспертизы. В связи с этим нами было принято решение ввести понятие *контекстный прецедентный феномен*.

Под *контекстными прецедентными феноменами* мы предлагаем понимать такие единицы, которые получают статус прецедентности только в определенном контексте,

в котором актуализируют конкретный дискурсивно обусловленный источник.

В качестве яркого примера контекстного прецедентного феномена мы можем привести один из популярных в современном националистическом дискурсе визуальный образ: черно-желто-белый флаг. Черно-желто-белый флаг известен как гербовый флаг Российской империи во второй половине XIX в. [Шепелёв 2003], в настоящее время все чаще именуется как имперский флаг [Мединский 2012: 18].

На сегодняшний день, по результатам частотного анализа, имперский флаг — востребованный символ русских националистов, нередко выступающий в роли базового визуального компонента, воспетый в песнях российских ультраправых групп («Коловрат», «Гр. Ом.», «Лабарум», «Моя дерзкая правда» и др.), активно используемый на «Русских пробежках» и «Русских маршах».

Таким образом, данный символ не просто частотен в анализируемом дискурсе, а является знаковым, нередко выполняет функцию идентификации «своих». Проведенные нами эксперименты доказывают, что в сознании современной молодежи черно-желто-белый флаг тесно связан с действующими сегодня националистическими организациями, часть респондентов (от 2 % до 7 %) даже называет его германским или фашистским [Ворошилова 2016: 23].

В большинстве анализируемых текстов образ имперского флага используется в сочетании с различной националистической атрибутикой и символикой, что еще раз актуализирует его контекстуальную привязку и контекстуальную семантику. Например, на рисунке 1 полотно имперского флага дополнено прецедентным визуальным образом — трискелем, который отсылает нас к международной неонацистской организации «Blood&Honor» (название происходит от лозунга гитлерюгенда «Blut und Ehre» («Кровь и честь»), признанной судом запрещенной на территории РФ. Подтверждает наше предположение и вербальный компонент — текст: «Русские вперед».

Эксплуатация образа черно-желто-белого флага в националистическом дискурсе основана на технологии героизации. Представители националистических организаций полагают, что именно эта цветовая комбинация аутентична исконной русской государственности и объясняют использование имперского флага тем, что именно с этим флагом (как государственным символом России) связан золотой век Российской империи: «Остается верить, что старый Имперский флаг сплотит и усилит дальнейшее объеди-

нение Русских национальных патриотических движений. Если подумать, это ведь единственное наше государственное знамя, под которым Россия не потерпела НИ ОДНОГО поражения, знамя, ничем себя не запятнавшее и с честью прошедшее сквозь века». Следовательно, мы можем констатировать, что имперский флаг — это способ неявной апелляции к истории, причем истории военной, истории героической.

Также имперский флаг в анализируемом дискурсе нередко сочетается с образом волка (см. рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Вербальный компонент «Да воспрянет Русь да сгинут ее враги» является классическим лозунгом националистической идеологии, а вот образ волка, как и имперский флаг, следует рассматривать как контекстный прецедентный феномен. Однако

Рис. 3

технология контекстуального объяснения и внедрения образа будет иная: современному националистическому символу приписываются несуществующие исторические корни. Так, анализ образа волка в современном националистическом дискурсе (в частности, изображение головы волка в качестве эмблемы движения «Спротивление») свидетельствует об отсутствии прямых связей данного образа с такого рода образами Третьего рейха или какими бы то ни было аналогичными образами в истории России (вспомним, например, «Волчью сотню») [Ворошилова, Порозов, Грибан 2016]. Учитывая высокую популярность данного зооморфного символа в современном националистическом дискурсе, говорить о прямом наследовании образа, конечно, не стоит. Но «мифическая» связь с прошлым позволяет националистам придать указанному образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, оставаясь при этом юридически неуязвимыми.

Так, став прецедентным, изображение волка встречается и в других примерах националистических креолизованных текстов. На рисунке 3 мы видим изображение того же зверя с топором в руках, а на фоне безошибочно определяется традиционный в националистическом дискурсе символ — «коловрат». Рассматриваемый символ имеет древнеславянское происхождение и является одним из вариантов восьмилучевой прямой свастики. На рисунке 4, кроме образа волка и националистического символа «коловрат», присутствует вербальный компонент: «Умри, но с родной земли не сходи»; совокупность элементов рассматриваемого креолизованного примера в очередной раз передает идею сохранения нации, защиты родной земли и призывает адресата к воинственным действиям.

Рис. 4

Рис. 5

Контекстным прецедентным феноменом, а точнее сказать контекстным прецедентным визуальным образом, встречающимся в националистическом дискурсе, можно назвать образ человека славянской внешности.

Националистические идеи базируются на представлениях о необходимости сохранения «чистой» нации, классической славянской внешности, именно поэтому в пропагандистских текстах экстремистов зачастую встречаются образы белокурых мужчин, женщин (девушек) или детей, одетых в русские национальные костюмы, нередко — на фоне бескрайнего пшеничного поля или цветущего луга. Часто встречаются зарисовки влюбленных пар славянской внешности, дополненные вербальными лозунгами в защиту сохранения «чистой» нации. Например, на рисунке 5 мы видим изображение молодой влюбленной пары, встроенной в националистический контекст: вербальный компонент «Держи кровь чистой» и прецедентный визуальный образ — руна одал. Руна отсылает к лозунгу «Кровь и земля». В нацистской Германии была эмблемой различных организаций и воинских подразделений. После Второй мировой войны использовалась членами запрещенной немецкой неонацистской молодежной организации «Викингюгенд».

Популярен образ молодой девушки, как правило, одетой в белый сарафан, что символизирует ее чистоту, непорочность — такой образ всегда сопровождается призывом к молодым особам сохранить уникальность своего рода. Так, на рисунке 6 изображена молодая женщина в русском национальном одеянии, со светлыми волосами, имеющая изящные черты лица, на руках которой сидит

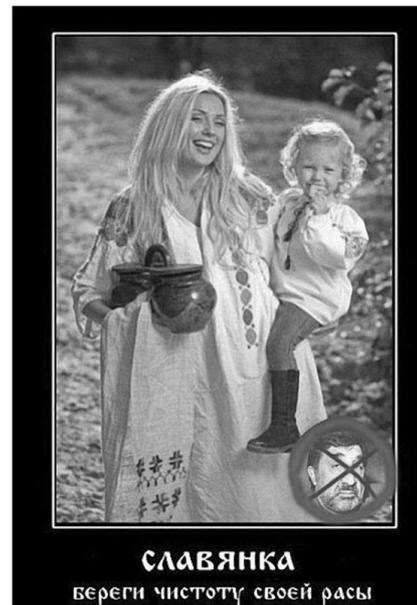

Рис. 6

ребенок, опять же имеющий типичную славянскую внешность; фотография дополнена вербальным компонентом с элементами призыва: «Славянка, береги чистоту своей расы».

Отметим, что образ ребенка как символ продолжения славянского рода также становится частым при создании националистического пропагандистского материала.

Важнейшей особенностью контекстуальных прецедентных феноменов является то, что, с одной стороны, они получают свое «новое» значение только в конкретном дискурсе (в нашем случае — националистическом), данное значение актуализируется контекстом использования (важно, что под контекстом мы понимаем не только иные элементы текста, но и ситуацию использования (например, акция «Русская пробежка»)), с другой стороны, данные прецедентные феномены сами становятся символом дискурса, который их породил, они воспринимаются молодежью как исконные и знаковые символы, нередко выполняют функцию идентификации своих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М. : Academia, 2003. 128 с.
2. Бабилова М. Р. Прецедентные имена в креолизованных текстах националистических организаций // Язык. Право. Общество : сб.ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, окт. 2016 г.) / под ред. канд. филол. наук О. В. Барабаш, д-ра филол. наук, доц. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, доц. Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. 390 с.
3. Бойко М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2006.
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный

текст: ключи к прочтению. — Екатеринбург, 2013. 193 с.

5. Ворошилова М. Б. Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе // Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов : сб. ст. / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Шуклиной. — Казань, 2016. С. 22—25.

6. Ворошилова М. Б. Руки сжаты, а в них автоматы: опыт анализа креолизованного текста листовки // Лингвокультурология. 2013. № 6. С. 24—29.

7. Ворошилова М. Б., Грибан И. В., Порозов Р. Ю. Образ волка в современном экстремистском дискурсе: в поисках истоков // Политический дискурс в парадигме научных исследований : 3-я Междунар. науч.-практ. конф. — 2016. С. 5—10.

8. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117—137.

9. Корда О. А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013.

10. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М. : Гнозис, 2002. 284 с.

11. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.

12. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202—209.

13. Мардиева Л. А. Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах // Филология и культура. Philology and Culture. 2007. № 1 (18). С. 62—68. (Вестн. ТГПУ).

14. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. 574 с.

15. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т социального образования. — Екатеринбург, 2007. 207 с.

16. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 166—174.

17. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Екатеринбург, 2003. 23 с.

18. Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 4 (46). С. 221—229.

19. Самарина М. С. Символика волка в культуре: от Капитолийской волчицы до волка Франциска Ассизского // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. Т. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-volka-v-kulture-ot-ka-pitolijskoj-volchitsy-do-volka-frantsiska-assizskogo>.

20. Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В., Вольская Н. П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : Филология, 1998. Вып. 4. С. 5—34. (6)

21. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. — М. : Либроком, 2013. 232 с.

22. Шепелёв Л. Е. Геральдика России: XVII — начало XX века. — М. : Аврора, 2003.

M. R. Babikova, M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

CONTEXTUAL PRECEDENT PHENOMENA AS A WAY TO REPRESENT NATIONALISTIC IDEAS

ABSTRACT. *The article studies the functioning of precedent phenomena in contemporary nationalistic discourse. The research reveals a group of contextual precedent phenomena that appear due to interaction of different source domains and with the help of manipulative technologies of cultural meanings reconstruction. Contextual precedent phenomena are defined in this study as the units that acquire the status of precedent only in a certain context in which they refer to a definite source. The important feature of contextual precedent phenomena is that they, on the one hand, get their "new" meaning only in certain discourse (in this case - nationalistic); this meaning depends on the context they are used in (in the wide sense, including the event where the phenomenon is used in some propaganda material). The article describes some visual images: black-and-yellow-and-white flag (known as heraldic flag of the Russian Empire in the second half of the XIXth century; it is called today imperial flag; in the minds of young people it is associated with nationalistic organizations, some call it German flag or Nazi flag); the image of a wolf (it symbolizes the myths and the past which allow to add the necessary connotation and emotions); the images of blond men and women dressed in Russian national costumes who are pictured on the background of an endless wheat field or a meadow in blossom; and he image of a child as a symbol of propagation of the Slavic people.*

KEYWORDS: *precedent phenomena; nationalistic discourse; nationalism; creolized texts; symbols.*

ABOUT THE AUTHORS: *Babikova Marina Rashitovna, Post-graduate Student, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. — М. : Academia, 2003. 128 s.

2. Babikova M. R. Pretsedentnye imena v kreolizovannykh tekstakh natsionalisticheskikh organizatsiy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb.st. 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, okt. 2016 g.) / pod red. kand. filol. nauk O. V. Barabash, d-ra filol. nauk, dots. T. V. Dubrovskoy, kand. ped. nauk, dots. N. A. Pavlovoy. — Penza : Izd-vo PGU, 2016. 390 s.

3. Boyko M. A. Funktsional'nyy analiz sredstv sozdaniya obraza strany (na materiale nemetskikh politicheskikh kreolizovannykh tekstov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2006.

4. Voroshilova M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu. — Ekaterinburg, 2013. 193 s.

5. Voroshilova M. B. Rekonstruktsiya kul'turnykh smyslov vizual'nykh simbolov v sovremennom natsionalisticheskom diskurse // Regional'naya kartina mira v yazykovoy konseptualizatsii: dinamika kul'turnykh smyslov : sb. st. / pod red. L. A. Mar-dievoy, T. Yu. Shchuklinoy. — Kazan', 2016. S. 22—25.

6. Voroshilova M. B. Ruki szhaty, a v nikh avtomaty: opyt analiza kreolizovannogo teksta listovki // Lingvokul'turologiya. 2013. № 6. S. 24—29.

7. Voroshilova M. B., Griban I. V., Porozov R. Yu. Obraz volka v sovremennom ekstremistskom diskurse: v poiskakh istokov // Politicheskii diskurs v paradi-gme nauchnykh issledovaniy : 3-ya Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — 2016. S. 5—10.

8. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretsedentnosti // Kritika i semiotika. 2013. № 1 (18). S. 117—137.

9. Kor-da O. A. Kreolizovannyi tekst v sovremennykh pechatnykh СМИ: strukturno-funktsional'nye kharakteristiki : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2013.

10. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya : kurs lektsiy. — М. : Gnozis, 2002. 284 s.

11. Mar-dieva L. A. Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsii v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. 358 s.

12. Mar-dieva L. A. Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2011. № 3 (15). S. 202—209.

13. Mardieva L. A. Pretsedentnye vizual'nye fenomeny v gazetno-zhurnal'nykh tekstakh // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2007. № 1 (18). S. 62—68. (Vestn. TGGPU).
14. Medinskiy V. R. O russkom p'yanstve, leni i zhestokosti. Izd. 4-e, ispr. i dop. — M. : OLMA Media Grupp, 2012. 574 s.
15. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t, In-t sotsial'nogo obrazovaniya. — Ekaterinburg, 2007. 207 s.
16. Nakhimova E. A. O kriteriyakh vydeleniya pretsedentnykh fenomenov v politicheskikh tekstakh // *Lingvistika : byul. Ural. lingvist. o-va*. — Ekaterinburg, 2004. T. 13. S. 166—174.
17. Pikuleva Yu. B. Pretsedentnyy kul'turnyy znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokul'turologicheskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Ekaterinburg, 2003. 23 s.
18. Saduov R. T. Pretsedentnye verbal'nye, vizual'nye i verbal'-no-vizual'nye fenomeny v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennogo rossiyskogo politicheskogo komiksa) // *Politicheskaya lingvistika*. 2013. Vyp. 4 (46). S. 221—229.
19. Samarina M. S. Simvolika volka v kul'ture: ot Kapitoliyskoy volchitsy do volka Frantsiska Assizskogo // *Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina*. 2012. № 4. T. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-volka-v-kulture-ot-kapitoliiyskoy-volchitsy-do-volka-frantsiska-assizskogo>.
20. Sorokin Yu. A., Gudkov D. B., Krasnykh V. V., Vol'skaya N. P. Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnye fenomeny // *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya : sb. statey / red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov*. — M. : Filologiya, 1998. Vyp. 4. S. 5—34. (b)
21. Chernyavskaya V. E. Tekst v medial'nom prostranstve. — M. : Librokom, 2013. 232 s.
22. Shepelev L. E. GERAL'DIKA ROSSII: XVII — NACHALO XX VEKA. — M. : Avror, 2003.

С. А. Громыко
Вологда, Россия

ЧЕРНОСОТЕННЫЕ ЛИСТОВКИ И ВОЗЗВАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА: РИТОРИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В работе на материале листовок и воззваний рассматриваются некоторые аспекты русской политической риторики начала XX века. В центре внимания — письменные обращения русских националистов 1905—1910 годов. Устанавливается жанровая специфика воззваний и листовок русских националистов. Анализируется адресат текстов, его эксплицированное и имплицитное обозначение, проявление в текстах оппозиции «свое» — «чужое». Рассуждения авторов воззваний имеют строгий бинарный характер: ядро «своих» — русские, православные, ядро «чужих» — евреи. Система аргументации в обращениях и листовках националистов послужила основой для последующей речевой деятельности в Государственной думе. В текстах широко используется национальный аргумент и доводы к истории. Исследуемые произведения имеют высокую степень манипулятивности, которая вытекает как из системы аргументов (основа — аргументы к пафосу и этосу), из использования риторических уловок, так и из средств художественной выразительности. Для воззваний характерен особый синтаксис. Большое количество текстов содержит обязательную стилистическую триаду: обращение — риторический вопрос — риторическое восклицание, причем вопрос и восклицание редко бывают единичными и гораздо чаще используются в каскаде — более 3 подряд.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; парламентские речи; парламентская риторика; риторические аргументы; персуазивность; листовки; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет, кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации; 160000, Россия, Вологда, пр-т Победы, д. 37, каб. 69; e-mail: ling2007@yandex.ru.

Начало XX века в России — время активного формирования публичной политической коммуникации нового типа. В связи с образованием в 1906 г. Государственной думы зарождается русский парламентский дискурс, а вместе с ним и парламентская риторика. Бурно развиваются и неинституциональные формы политической коммуникации: митинги, полемические статьи в газетах и журналах, листовки, воззвания, прокламации и т. п. Многочисленные формы и способы публичного общения по поводу власти взаимодействуют, переплетаются, заимствуют друг у друга различного рода речевые средства, которые, по мнению агентов дискурса, обладают наибольшим воздействующим и убеждающим потенциалом. В условиях острой общественно-политической борьбы идеологические группы стремились выработать свой собственный стиль воздействия на аудиторию, который был бы максимально эффективным с точки зрения достижения политических целей и узнаваемым для сторонников и противников.

Одной из наиболее активных идеологических групп рассматриваемого периода были праворадикальные объединения националистического толка. Как и социалисты, представители черносотенного движения пытались выстраивать диалог не с элитами, а с народом, поэтому использовали все имевшиеся на тот момент ресурсы публичной политической коммуникации, как уже привычные уличные и печатные, так и зарождавшиеся институциональные — черносотенцы активно участвовали в работе II, III

и IV Государственной думы, причем в парламенте они заняли лидирующие позиции не только по количеству выступлений с трибуны (особенно это касается таких одиозных политиков, как В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков), но и по богатству и разнообразию риторических приемов и средств речевого воздействия. В Думе националисты задавали тон парламентской дискуссии, их выступления практически никогда не проходили незамеченными, они были источниками большого количества парламентских прецедентов [Громыко 2016а]. Такая активность была следствием в том числе неинституционального опыта ораторов-черносотенцев, которые еще за два года до первых речей в парламенте начали оттачивать воздействие на массы при помощи листовок, воззваний, публикаций в газетах и продолжали подобные акции параллельно с думской деятельностью. В статье рассматриваются риторические средства, использовавшиеся членами Союза русского народа в листовках и воззваниях, а также виды риторических аргументов и их связь с типичной системой аргументов в думских выступлениях националистов. Персуазивность исследуемых текстов представляет интерес с точки зрения изучения как «речевого вкуса эпохи» (авторы листовок и воззваний выбирали такие речевые средства, на основе которых можно было, по их мнению, строить диалог с аудиторией, разговаривать с народом на одном языке), так и политического дискурса. При этом персуазивность мы понимаем как «стилистический вариант» реализации аргументирования, как «практическое аргументиро-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Проект № 16-34-01050/17-ОГОН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

вание» в реальных коммуникативных ситуациях [Голоднов 2008: 14].

Историография праворадикальных партий начала XX в. получила мощный импульс в конце 90-х гг. прошлого века в связи с изданием двухтомника «Правые партии 1905—1917. Документы и материалы». Важными в изучении текстов черносотенцев в аспекте эволюции их идеологии, взаимоотношения с политическими партиями, законотворческой деятельности в Думе являются работы И. Ю. Кирьянова [Кирьянов 2001]. Собственно же исследуемые тексты в историческом аспекте кратко проанализированы в работе Г. А. Ивакина «Черносотенная агитация и пропаганда в начале XX века (по материалам ГАРФ)» [Ивакин 2014]. В указанной статье, например, делается вывод об информационно-интерпретационной функции листовки черносотенцев: «Данный тип документов очень сублимированно разъяснял сквозь призму злободневных вопросов — аграрного, вопроса об образовании и др. — основные целевые установки и задачи движения. В тексте листовок проводился анализ существующей общественно-политической обстановки, приводились аргументы против противников абсолютной монархии в России, разъяснялась высочайшая воля Императора по изменению Основных законов Империи в части дарования политических свобод населению, а также содержался призыв активизировать борьбу с революционными элементами. Также в информационном плане они освещали деятельность правомонархистов: открытие новых отделов, рост численности движения и другие вопросы» [Ивакин 2014: 60]. Думается, что присутствие информационного, интерпретационного и аргументативно-воздействующего компонентов и есть жанрообразующие характеристики листовки как жанра политического дискурса начала XX в.

Гораздо большие затруднения возникают при попытке определить воззвание как жанр политической коммуникации, указать его отличия от листовки. Г. А. Ивакин отмечает, что воззвания писались с учетом потребностей различных слоев населения и в ряде случаев носили персонифицированный, авторский характер [Ивакин 2014: 61], т. е. прагматическая функция у воззвания выражена ярче, чем у листовки. В лингвистическом аспекте воззвания проанализированы Г. В. Судаковым в статье «„Отчизна к вам зовет“. Русская публицистика в 1812 году». Автор видит генезис многочисленных текстов этого жанра русской публичной коммуникации периода Отечественной войны в речевых произведениях более ранних эпох: «Ос-

нова этих воззваний — церковно-проповеднический стиль. По стилистическим средствам, по используемым жанрам здесь можно видеть продолжение традиций агитационной литературы начала XVII века — периода Смуты...» [Судаков 2004: 94]. Исследователь также подчеркивает сложность ситуации выбора автором языковых средств для создания воззвания, так как этот жанр требует диалогичности, эффекта живого разговора с читателями. Этим объясняется, например, успешность печатных воззваний государя, Священного синода и Главного штаба и неудача афиш Ростопчина, который не нашел правильного тона в разговоре с народом, смешивая сатиру и выпренность, грубое просторечие и церковнославянские архаизмы [Судаков 2004: 94—95]. Именно поэтому в воззвании особое внимание уделяется лексике, фразеологии и синтаксису текста. Таким образом, можно констатировать, что для воззвания как жанра политической коммуникации характерны следующие признаки:

- 1) ярко выраженная прагматическая направленность: воздействующий компонент выражен сильнее, чем информационный;
- 2) наличие прямого обращения к адресату (как правило, в начале текста и в начале структурных частей);
- 3) наличие призыва к действию (чаще всего в конце текста);
- 4) особый отбор языковых средств, зависящих от адресата текста;
- 5) наличие средств художественной выразительности;
- 6) доминирование аргументации *ad hominem*, широкие возможности для риторической манипуляции.

Первое, на что необходимо обратить внимание в процессе анализа текстов радикальных националистов начала XX в., — это четкое разделение жанров листовки и воззвания по критерию обращения к аудитории. Лишь в одной из проанализированных нами листовок (отнесение к жанру произведено редакторами сборника «Правые партии. 1905—1917») встретилось обращение к аудитории, в то время как в каждом воззвании такие обращения есть, причем чаще всего их несколько, они находятся в разных позициях текста и редко повторяют друг друга. Типичные вокативы — «братцы», «дорогие братья во Христе», «русские люди», «русские люди и другие народы, населяющие Россию и любящие Родину» — необходимо рассматривать как знаки солидаризации с аудиторией (по терминологии Е. И. Шейгал — интеграции). Лексические единицы с компонентом совместности, вы-

ступающие в функции вокатива, относятся к специализированным вербальным знакам интеграции, «позволяющим политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности» [Шейгал 2004: 119]. Листовки же черносотенцев не содержат таких знаков интеграции по причине адресованности текстов данного жанра совершенно иному типу аудитории — интеллигенции. Это отчетливо заметно по использованию нормированного литературного языка, холодному и малоэмоциональному тону рассуждения, содержанию, которое зачастую представляет собой разграничение дискуссионных общественно-политических терминов (самодержавие и абсолютизм), а также мягко сформулированных упреков в адрес интеллигенции: «По нашему глубокому убеждению основа всех непорядков на Руси коренится в оторванности от родной Земли наших образованных классов, из которых Государю приходится брать своих ставленников и советников. При всей их добросовестности в них ослабло понимание Русской жизни, они склонны видеть в преданности заветам нашей истории варварскую косность, а в простом народе — младенца несмышленного, которого следует заставить и думать и жить на иностранный лад» [Правые партии 1998: 109]. Адресат в листовках присутствует, но выражен он опосредованно, не в форме вокатива. Например, одна из листовок начинается словами: «Разговаривая с людьми самого разнообразного общественного положения, приходишь к убеждению, что громадное большинство их, даже среди лиц безусловно интеллигентных, совершенно не видит различия между настоящим, русским самодержавием и абсолютизмом, следствием чего и является какое-то отрицательное отношение к монархическому режиму вообще» [Правые партии 1998: 78]. Далее все содержание листовки представляет собой разъяснение этого различия. Черносотенцы избегали прямого обращения к интеллигенции, видимо, стремясь дистанцироваться от нее, что логично, так как в воззваниях оценки интеллигенции гораздо более жесткие, она составляет периферийную область образа врага. Интересно, что воззвания представителей Союза русского народа обращены и к тем адресатам, отождествление с которыми затруднено логически — «доблестные казаки» и «бедные, доверчивые люди». Однако семиотическая интеграция агентов политического дискурса в данном случае не страдает: жанр воззвания выбирается именно для того, чтобы подать знак об общности интересов, сочувствии, понимании.

Персуазивность исследуемых текстов основывается на системе аргументов, которую можно назвать типичной для русских националистов начала XX в. и которая была в дальнейшем апробирована, развита и усложнена в думских речах черносотенцев [Громыко 2016а]. Основной семиотической матрицей, системой координат, в которой разворачивалось речевое воздействие, была оппозиция «свои» — «чужие», вытекавшая из крайне правой идеологии. Четкость и простота этой оппозиции прекрасно подходила для формата листовки или воззвания, но потребовала пересмотра в дальнейшей институциональной деятельности националистов: для выступлений в Государственной думе лапидарное деление на черное и белое было слишком примитивно, поэтому такая матрица отошла на второй план. Однако в 1905—1906 гг. рассуждения авторов воззваний еще имеют строгий бинарный характер: ядро «своих» — русские, православные, ядро «чужих» — евреи. Ядерная зона «своих» — православные помещики, фабриканты, купцы, ядерная зона «чужих» — Америка, Европа, а также финны, поляки и прочие представители наций и народностей, населяющих Россию. Периферия «своих» — русские крестьяне, периферия «чужих» — интеллигенция. В листовках любые агенты и события политического дискурса интерпретировались сквозь призму этой схемы (например, кадеты — политические враги, потому что они в основном «жиды» и «слабая духом интеллигенция», а конституция — зло, потому что это иностранное изобретение). В воззваниях подчеркивалась непримиримость этой бинарной оппозиции, однозначное отнесение «чужих» к врагам, принципиальная невозможность достичь какого-либо компромисса с «чужими».

Обращает на себя внимание активное использование так называемого национального аргумента. Под национальным аргументом мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к истории становления нации, т. е. к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Особое распространение в исследуемых текстах получили такие разновидности национального аргумента, как довод к нации-жертве и к национальной слабости. В рамках первого довода оратор (автор) рассматривает русских как жертву иноземного и иноземного заговора с целью разорить Россию и уничтожить русский народ:

«Знаете ли, что жида всего мира, ненавидящие Россию, армяне и затем Германия и Англия составили союз и решили разорить Россию дотла, разделить ее на мелкие царства и раздать ее врагам народа русского?» [Правые партии 1998: 130]. Второй довод заключается в том, что русские излишне доверчивы и открыты, несамостоятельны и нуждаются в заступничестве. Авторы воззваний называют своих адресатов «бедными доверчивыми людьми» [Правые партии 1998: 130]. Оба аргумента служат доказательством к тезису о необходимости активного сопротивления врагам и содействию Союзу русского народа.

Практически каждый исследованный текст содержит аргумент к истории. Обращение к истории в политическом дискурсе можно рассматривать как знак ориентации: агенты дискурса, выбирая в качестве персуазивного ориентира исторический факт или известную личность, демонстрируют самим фактом обращения близость к определенной политической линии или, наоборот, удаленность от методов решения ряда политических проблем. Исторический аргумент входит в ядро системы персуазивности русских правых, так как посредством него происходило «присвоение» националистами семантического поля русской истории как типично патриотического дискурса, как средства убеждения, достойного исключительно националиста. При этом интересен выбор исторических периодов и фигур для убеждения аудитории. Так, Допетровский период — безусловный идеал развития нации, пример единения царя и народа, Смута — образец хищничества западных стран, народное ополчение и Минин — довод к тезису, что русская земля богата талантливыми гражданами, которые готовы спасти Отечество. В некоторых случаях развернутый довод к истории составлял все содержание текста, как, например, в воззвании «К славному казачеству», где хронологическое перечисление заслуг казаков перед Российским государством служит аргументом к тезису: «Мы не сомневаемся, что Вы вместе со всем храбрым и верным русским воинством можете нашему Самодержавнейшему Государю спасти обманутый народ от конечного разорения, охранить нашу Святую Веру и укрепить Отечество» [Правые партии 1998: 245]. Персуазивность довода к истории заключается в его сопоставительном и прогностическом характере, он помогает аудитории категоризировать непонятную, спонтанную, а иногда и пугающую политическую повестку дня: в Смутное время был X и делал Y, а в наше время есть Z, который также будет/может/способен делать Y.

Эта же особенность исторического аргумента объясняет и его высокий манипулятивный потенциал, который реализовывался в листовках черносотенцев. Когда оратор или автор текста не обозначал или попросту не имел оснований для сравнения, он начинал произвольно сопоставлять несопоставимые исторические периоды или совершенно непохожих деятелей. Другой вариант манипуляции — необоснованная прогностичность, или, по меткому выражению Е. И. Шейгал, «гадательность» [Шейгал 2004: 199], которая применительно к исследуемому материалу выражается в том, что довод к истории превращается в сослагательное наклонение, в «доказательство от противного» или в рассуждения о том, «что случилось бы со страной, если бы не произошло данного события». Приведем пример целого силлогизма, основанного на подобном доводе. «Предположим, что в России при восшествии на престол Царя-Освободителя была бы конституция. Так как в то время дворянство являлось самым сильным сословием, то крестьяне не были бы отпущены на волю с землей, тем более что тогда почти все власть имущие люди были против земельного надела. Но Государь, опираясь на мнение ничтожного меньшинства, признал необходимым для блага России и справедливым освободить крестьян, дав им землю на правах выкупа, и, хотя для многих это было совершенно разорительно, помещики не за страх, а за совесть выполнили волю Государя, так как она священна для подданных. Таким образом, великим делом освобождения крестьян с землей Россия обязана самодержавной власти Царя» [Правые партии 1998: 109].

Отдельно стоит сказать и о таком распространенном способе манипуляции, как демонизация врага. Стремление напугать читателя политическим оппонентом приводило к эмоциональному нагнетанию и изображению мрачных картин будущего России и русского народа. Манипулятивность этого довода заключается в заведомо утрированной, гиперболизированной интерпретации политических взглядов соперников, которая не имела отношения к мало-мальски объективному анализу политической программы. Зачастую авторы воззваний приписывали своим умеренным оппонентам совсем уж радикальные идеи: «Из этих партий самый опасный враг России — Конституционно-демократическая партия, в основу которой положено: созвать вместо Государственной думы Учредительное собрание, т. е. Новое правительство, и долой Царя и разделить Россию на части по народностям...! Всем известно, что эта партия вошла в союз с ре-

волюционерами финляндцами, армянами, поляками, латышами, не говоря уже о жидовском Бунде» [Правые партии 1998: 168]. Подобные высказывания были адресованы читателю, который очень плохо разбирался в политическом раскладе сил в стране, так как на момент создания и распространения текста (май 1906 г.) кадеты выступали за конституционную монархию, а вовсе не за свержение царя.

Особая эмоциональность текста достигалась и за счет широкого использования различных средств художественной выразительности. Метафоры и сравнения носят в основном традиционный для националистического дискурса характер, восходящий к устному народному творчеству, особенно когда речь идет о России и о земле: «матушка Русь, русским потом и кровью политая и приобретенная», «политый кровью край Новороссийский». Когда речь шла о политических и идеологических врагах, нагнетание пафоса происходило при помощи зооморфных метафор и сравнений: «...всякий христианин для жида хуже собаки, и нет у него к христианину ни совести, ни жалости, ни справедливости» [Правые партии 1998: 130—131], «ваши заступники... впадут в хищные лапы жидов» [Правые партии 1998: 131], «эти тигры ждут и волнуются в нетерпении, как бы скорей упал могучий русский медведь» [Правые партии 1998: 169]. В метафорической манифестации политического дискурса у националистов наблюдается логическая дихотомия по признаку ключевого понятия «кровь»: «свои» — те люди, которые проливали кровь за Россию, за землю и православную веру, «чужие» — люди, партии, нации, государства, которые хотят выпить кровь, пустить кровь и тем самым ослабить и умертвить страну и русских.

Однако с точки зрения развития пафоса гораздо большую роль в исследуемых текстах играет стилистический синтаксис. Листовки и воззвания насыщены фигурами речи даже в большей мере, чем метафорами, причем эти фигуры также дифференцируются в зависимости от используемого жанра. Так, в воззваниях обращает на себя внимание активное использование инверсии, в результате чего фрагменты текста приобретают сказовую форму изложения: «*Брань междоусобная, внутренняя смута грозят разрушить наше отечество и вконец уничтожить все то, что веками созидали наши предки, русские православные люди... Нельзя смотреть без душевной боли на то, что русские люди на *заграничный лад жить хотят**» [Правые партии 1998: 168—169]. Большое количество текстов содержит обя-

зательную стилистическую триаду: обращение — риторический вопрос — риторическое восклицание, причем вопрос и восклицание редко бывают единичными и гораздо чаще используются в каскаде — более 3 подряд. Праведный гнев, изумление перед наглостью и вероломством врага, ощущение национальной катастрофы — вот гамма чувств, которые должен был испытать читатель воззвания. Подтверждением тому служит и пунктуационное оформление высказываний: «Русские — подумайте — что с вами будет, если случится, что большинство голосов в такой Думе будет на стороне инородцев!!!» [Правые партии 1998: 169]. Создается впечатление, что автору воззвания тесно в пространстве печатного текста, который не может в полной мере передать интонацию сообщения. По-видимому, воззвания создавались в надежде на их устное произнесение. Листовка же менее эмоциональна, вопросы и восклицания в ней присутствуют не в таком количестве.

Листовки и воззвания — важнейшие жанры националистического дискурса начала XX в., которые, предшествуя институциональной политической коммуникации черносотенцев в Думе, а затем и существуя параллельно с ней, оказали существенное влияние на русскую парламентскую речь. Оба жанра имеют свои риторико-прагматические особенности, обусловленные адресованностью текста различным группам читателей. Воззвание у националистов было ориентировано на речевое воздействие в устной форме бытования (чтение вслух) при помощи средств выразительности, а листовка — на убеждение через рассуждение об актуальных проблемах политической повестки дня. Основу системы персуазивности текстов составляли дихотомия «свое» — «чужое» и четкий и доступный для понимания аудитории образ врага, который в думских выступлениях в дальнейшем трансформировался в образ более неопределенного и менее непримиримого политического противника. Аргументация (национальный аргумент, довод к истории) из неинституциональных текстов перекочевала в думские выступления (особенно Н. Е. Маркова и В. М. Пуришкевича) практически без изменений, однако усилилась в дальнейшем разнообразными аргументами *ad rem*. Исследуемые произведения имеют высокую степень манипулятивности, которая вытекает как из системы аргументов (основа — аргументы к пафосу и этосу), из использования риторических уловок, так и из средств художественной выразительности. Воззвания буквально «давят» читателя эмоционально,

навязывают аудитории чувства негодования, возмущения, опасности. Специфические метафоры и особый синтаксис были призваны помочь найти общий язык с аудиторией, что было довольно трудно, так как адресатом листовок и воззваний были в основном мещане и крестьяне, а ядро черной сотни составляли помещики и радикально настроенная интеллигенция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. Вып. 2. (13). С. 7—18.
2. Громько С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. 2016а. № 4 (58). С. 217—224.
3. Ивакин Г. А. Черносотенная агитация и пропаганда в начале XX века (по материалам ГАРФ) // Актуальные проблемы современного общества. — М.: Этносоциум, 2014. № 1 (67). С. 59—66.
4. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России 1911—1917 гг. — М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
5. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905—1910 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.

S. A. Gromyko
Vologda, Russia

LEAFLETS AND APPEALS OF RUSSIAN NATIONALISTS IN THE EARLY XX CENTURY: RHETORICAL AND PRAGMATIC ASPECT

ABSTRACT. *On the analysis of leaflets and appeals, the paper considers some aspects of Russian political rhetoric of the early twentieth century. The main attention is given to written appeals of Russian nationalists in 1905 — 1910. The paper studies genre specificity of leaflets and appeals. The paper discusses potential addressees of texts, his explicit and implicit designation and manifestation in the texts of the opposition “our — alien”. The reasoning of the leaflets’ authors is binary: the core of “our” is the Russians, the core of “alien” is made of the Jews. Argumentation in nationalists’ leaflets and appeals was the basis of subsequent speech activities at the State Duma. There are many national arguments and the arguments for history in the speeches of deputies. The analyzed texts are manipulative, which results from the argumentation, rhetorical tricks and means of artistic expressiveness. The appeals have a special syntax. A large number of texts contain compulsory stylistic triad: appeal, rhetorical question and rhetorical exclamation.*

KEYWORDS: *political linguistics; parliamentary speeches; parliamentary rhetoric; rhetoric arguments; persuasiveness; leaflets; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gromyko Sergey Alexandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Philological Faculty, Vologda State University, Vologda, Russia.*

REFERENCES

1. Golodnov A. V. Ritoricheskiy metadiskurs: k opredeleniyu ponyatiya // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2008. Vyp. 2. (13). S. 7—18.
2. Gromyko S. A. Osobennosti rechevoy agressii russkikh natsionalistov v dorevoluytsionnoy Gosudarstvennoy dume // Politicheskaya lingvistika. 2016a. № 4 (58). S. 217—224.
3. Ivakin G. A. Chernosotennaya agitatsiya i propaganda v nachale XX veka (po materialam GARF) // Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva. — M.: Etnosotsium, 2014. № 1 (67). S. 59—66.
4. Kir'yanov Yu. I. Pravye partii v Rossii 1911—1917 gg. — M.: ROSSPEN, 2001. 464 s.
5. Pravye partii. 1905—1917. Dokumenty i materialy. V 2 t. T. 1. 1905—1910 gg. — M.: ROSSPEN, 1998. 720 s.
6. Sudakov G. V. «Otchizna k vam vzyvaet». Russkaya publitsitika v 1812 godu // Russkaya rech'. 2004. № 6. S. 92—98.
7. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.

6. Судиков Г. В. «Отчизна к вам взывает». Русская публицистика в 1812 году // Русская речь. 2004. № 6. С. 92—98.

7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

8. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242—245.

9. Громько С. А. Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П. А. Крушевана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016б. № 6 (60). С. 70—73.

10. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: дис. ... д-ра ист. наук. — Пермь, 2009.

11. Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской риторике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.

12. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «Поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 165—170.

13. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Ю. А. Антонова и др. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014.

8. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 242—245.

9. Gromyko S. A. Kooperatsiya i konfrontatsiya v parlamentar'skikh rechakh russkikh natsionalistov v nachale XX veka (na primere vystupleniy P. A. Krushevana) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016b. № 6 (60). S. 70—73.

10. Kir'yanov I. K. Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve: dis. ... d-ra ist. nauk. — Perm', 2009.

11. Matveev A. V. Ideologema «russkiy» v dumskoy ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) // Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7 (69). Ch. 2. S. 118—122.

12. Tagil'tseva Yu. R. «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «Poeziya» informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya religiozno-politicheskogo ekstremizma // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 165—170.

13. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost': monogr. / Yu. A. Antonova i dr. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2014.

Т. В. Дубровская
Пенза, Россия

Я. А. Ярославцева
Ульяновск, Россия

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «СЛАБОСТЬ»
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. Проводится исследование семантической категории «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе. Рассматриваются корпусы текстов, состоящие из речей официальных представителей внешнеполитических ведомств России и США. Цель статьи — выявить языковые средства, выражающие категорию «слабость», а также функциональную роль этой семантической категории во внешнеполитическом дискурсе с точки зрения конструирования отношений между Россией и США. Методологически работа основывается на семантико-прагматическом подходе, который предполагает выявление конституирующих семантических компонентов категории «слабость» в социопрагматическом контексте и описание языковых способов реализации этих компонентов. Новизна исследования состоит в том, что в рамках изучения внешнеполитического дискурса ранее не рассматривалась категория «слабость» как член семантической оппозиции «сила — слабость», имплицитно задействованный в репрезентации России и США как политических акторов и отношений между ними. Слабость выступает в качестве вспомогательной категории, относительно которой конструируется сила. Языковые средства реализации категории «слабость» редко являются эксплицитными. Наряду с лексикой, имеющей семантические компоненты слабости, уменьшения, непостоянства и безысходности, реализация категории «слабость» происходит также за счет применения указаний на необходимость актора в защите и на перераспределение силы между акторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантические категории; внешнеполитический дискурс; дискурсивное конструирование; межнациональные отношения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык» историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: guenergy74@gmail.com.

Ярославцева Яна Алексеевна, аспирант, Пензенский государственный университет (Пенза); старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; 432071, Россия, Ульяновск, пер. Карамзина, д. 3/2; e-mail: yana.yaroslavcev@mail.ru.

Введение

Настоящая статья является частью научного проекта, направленного на выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в различных типах дискурса: политическом, юридическом и массмедийном. Конструкционистский подход, а также некоторые результаты проведенного исследования были изложены в ряде публикаций [Дубровская 2016б; Дубровская, Кожемякин 2015; Ярославцева, Дубровская 2015].

Конструирование межнациональных отношений во внешнеполитическом дискурсе изучается в том числе на основе анализа оппозиции между семантическими категориями «сила» и «слабость», которые задействованы в репрезентациях России и США как политических акторов и отношений между ними. В связи с этим материал исследования включает тексты устных выступлений официальных представителей дипломатических ведомств данных государств. Корпусы текстов охватывают период с 2014 по 2017 г. включительно. В качестве источника материалов были использованы официальные сайты Министерства иностранных дел Российской Федерации (www.mid.ru) и Государственного департамента США (www.state.gov).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

Категория «сила» была детально рассмотрена нами как средство репрезентации политических акторов — государств, их характеристик и действий на международной арене [Ярославцева 2015; Ярославцева 2016]. С точки зрения методологии в основе представленных исследований лежит семантико-прагматический подход, который предполагает выявление конституирующих семантических компонентов категории «сила» в контексте. Таким образом, семантическая структура категории «сила» моделируется «не на основе словарных дефиниций, толкований паремий или иных закреплённых в языковой системе значений, а на основе интерпретации корпуса внешнеполитических текстов в их социо-прагматическом контексте» [Дубровская 2016а: 30]. Исследования показали, что сила как характеристика политических акторов является востребованной во внешнеполитическом дискурсе. Востребованность и частое обращение к этой категории в дискурсе обуславливают ее сложный компонентный состав, возможность выделить следующие группы семантических компонентов, которые актуализируются в разных контекстах и прагматических ситуациях: 1) качества, присущие актору; 2) способы пове-

дения по отношению к другим акторам; 3) последствия действий актора.

Существуют различные работы, посвященные категории «сила», что подтверждает ее популярность, в том числе и в политической жизни. Так, в одной из таких работ отмечается важность концепта «сила» в России в Путинскую эпоху и предлагаются потенциальные объяснения этого феномена с исторической точки зрения [Вражнова и др. 2009]. Политологи рассматривают термины и концепции внешнеполитической риторики, уделяя значительное внимание инструментам внешней политики, включающим «мягкую», «жесткую» и «умную» силы [Гусаков 2011; Будаев 2014; Фурсов 2014; Пшегорский 2015 и др.].

Подобные работы о выражении слабости в политическом дискурсе нам не знакомы. Очевидно, категория «слабость» ярко не актуализируется, поскольку акторы в большей степени концентрируются на различных проявлениях силы, которая используется ими в целях завоевания и удержания власти на международной арене. В то же время категория «слабость» как имплицитная семантическая категории также фигурирует в дискурсе. Цель настоящей работы — выявить языковые средства, выражающие категорию «слабость», а также функциональную роль этой семантической категории во внешнеполитическом дискурсе с точки зрения конструирования отношений между Россией и США.

Анализ и обсуждение

Как мы отметили выше, категория «слабость» не получает эксплицитного выражения во внешнеполитическом дискурсе. Однако представляется возможным выделить ряд контекстов, в которых реализуется данная категория.

Во-первых, слабость может конструироваться как свойство, приписываемое актору-конкуренту. Эксплицитные формы выражения слабости достаточно редки, но отдельные примеры есть в нашем материале. Так, С. В. Лавров характеризует политического оппонента, обозначенного номинацией «Запад», как актора ослабевающего, теряющего силу и влияние:

(1) *Сказалось и желание западных элит показать, что отмечающаяся весь последний период тенденция снижения относительного веса Запада в глобальном балансе сил не является необратимой* (Лавров. 04.06.2014).

Видим, что категория «слабость» не получает прямой номинации, а конструируется посредством отглагольного существительного *снижение* перед указанием на силу (ба-

ланс сил). Сила и слабость образуют взаимосвязанную пару, и указание на снижение силы предполагает слабость.

В российском внешнеполитическом дискурсе США может получать репрезентации слабого актора межнациональных отношений:

(2) *Россией пугают во время американской предвыборной кампании с четко поставленными определенными целями. К сожалению, это показатель абсолютного бессилия, беспомощности, а может быть, даже тупика новых электоральных идей* (Захарова. 07.09.2016).

В представленном комментарии об обвинении России во вмешательстве в американскую предвыборную кампанию США репрезентируются как актор, вынужденный по причине своей беспомощности и слабости прибегать к грязным методам внешнеполитической борьбы. Категория «слабость» конструируется эксплицитно лексическими средствами — существительным *бессилие* и его синонимом *беспомощность*.

Неспособность США воздействовать на другой политический субъект представлена и в другом примере, в котором слабость выражается при помощи фразеологизма *тешить себя иллюзиями*:

(3) *В США, конечно, могут и дальше тешить себя иллюзиями насчет того, что на Россию можно „надавить“* (Рябков. 21.06.2017).

Отметим, что данный контекст конструирует выраженную оппозицию между слабым актором — США и сильным актором — Россией, внешнее воздействие на которого невозможно.

В американском внешнеполитическом дискурсе Россия как основной актор-оппонент также может конструироваться как слабая сторона:

(4) *Russia chose this brazen act of aggression and moved in with its forces on a completely trumped up set of pretext, claiming that people were threatened. And the fact is that **that's not the act of somebody who is strong. That's the act of somebody who is acting out of weakness and out of a certain kind of desperation*** (Kerry. 02.03.2014).

В приведенном примере проводимая политика России в отношении Украины эксплицитно конструируется как проявление слабости актора при помощи лексемы *weakness* и отрицательной конструкции от обратного (*not the act of somebody who is strong*). Агрессия РФ репрезентируется в дискурсе бывшего госсекретаря США как поступок, совершенный от безысходности (*out of a certain kind of desperation*), что лишь подчеркивает слабость актора.

В нашем материале американского дискурса были найдены и другие примеры актуализации категории «слабость» в контексте репрезентации России. Так, в следующем примере РФ конструируется как экономически слабый актер:

(5) *As investors' confidence **dwindles**, some \$70 billion in capital **has fled** the Russian financial system in the first quarter of 2014, more than all of last year. Growth estimates for 2014 **have been revised downward** by two to three percentage points. And this follows a year in which GDP growth was **already the lowest** since 2009. Meanwhile, the Russian Central Bank has had to spend more than \$20 billion **to defend the ruble, eroding** Russia's buffers **against external shocks*** (Kerry. 24.04.2014).

В репрезентации задействован ряд языковых средств, включая глаголы (*dwindles, has fled, have been revised downward*), а также превосходную степень прилагательного (*the lowest*), выражающих бедственное положение экономики России. Слабость РФ подчеркивается и необходимостью защиты актора, актуализируемой при помощи инфинитивной конструкции цели (*to defend the ruble*) и причастного оборота (*eroding against external shocks*).

Имплицитным способом конструирования слабости как качества иного актора представляются также рекуррентные ссылки на изменение мирового порядка и усиливающуюся многополярность мира. В речи С. В. Лаврова мы отметили два слова, которые можно назвать ключевыми: *полицентричный* и *многополярность*. Их упоминания встречаются почти в каждом его выступлении:

(6) *Мы наблюдаем процесс формирования новой **полицентричной международной системы*** (Лавров. 21.01.2014).

(7) *В значительной степени эти процессы связаны с продолжающимся формированием нового **полицентричного мироустройства*** (Лавров. 03.03.2014).

(8) *В последнее время все отчетливее проявляется противоречие между объективно **укрепляющейся многополярностью и стремлением США и исторического Запада сохранить свои привычные доминирующие позиции*** <...> (Лавров. 04.06.2014).

В последнем из приведенных примеров имплицитно конструируется оппозиция между доминирующими сильными США в прошлом и укрепляющейся многополярностью, предполагающей потерю Америкой части своего влияния и, как следствие, ослабление актора.

Использование лексем *полицентричный* и *многополярный* в предлагаемых выше

контекстах подразумевает изменения в распределении сил среди политических акторов: усиление одних и ослабление других. При этом актором, набирающим силу, всегда имплицитно репрезентируется Россия. Очевидно, что в следующем примере утверждение о стремлении «изолировать кого-то из ведущих игроков» касается России и санкций против нее. Высказывание конструирует оппозицию, приписывая слабость США (*не могут дать результата*), а силу — другим политическим акторам (*несколько самостоятельных центров силы, кого-то из ведущих игроков*):

(9) *В современном мире, где действуют несколько самостоятельных центров силы, попытки изолировать кого-то из ведущих игроков или навязывать свои односторонние рецепты с позиций некой „исключительности“ США не могут дать результата* (Лавров. 09.12.2014).

Во-вторых, категория «слабость» может актуализироваться в утверждениях о необходимости сотрудничества между политическими акторами. Основным семантическим компонентом слабости в таких контекстах является неспособность решать внешнеполитические вопросы индивидуальными силами. Так, в следующем русском примере слабость характеризует обоих акторов международных отношений: Россия и США репрезентируются как неспособные независимо друг от друга решить проблему борьбы с терроризмом, тогда как союз акторов делает их сильными:

(10) *Так что **в одиночку ни Россия, ни США, ни кто-либо другой ничего сделать не смогут, а вместе у нас получается*** (Лавров. 01.02.2014).

Категория «слабость» выражена предикатом *ничего сделать не смогут*, который относится и к России, и к США. В данном примере слабость не имеет выраженной оценочности, однако бессилие, неспособность выполнить какую-то задачу обычно оценивается отрицательно. Иными словами, отрицательная оценка слабости заложена в имплицатуре. В примере конструируется и оппозиция между слабостью и силой посредством синтаксической конструкции противопоставления (*в одиночку не смогут, а вместе получается*). Важно, что противопоставление конструируется не между двумя актерами (Россией и США), а между ситуациями, в которых акторы находятся в разных отношениях друг с другом, что определяет и качества каждого индивидуального актора: порознь — слабость, вместе — сила. Таким образом, категории силы и слабости вступают в оппозицию.

Наконец, слабость выступает как характеристика третьих акторов, связанных с Россией и США опосредованно. Это акторы, которые репрезентируются в российском и американском внешнеполитическом дискурсе как получающие поддержку сильных акторов, России и США. В российском внешнеполитическом дискурсе в качестве такого слабого актора, которому требуется помощь и поддержка, нередко выступает Украина:

(11) *Люди, которые хотят спастись на российской территории от ужаса, в который погружен Юго-Восток Украины, получают у нас пристанище* (Лавров. 10.06.2014).

В приведенном фрагменте Россия репрезентируется как актер, способный принять на своей территории нуждающихся и обеспечить их безопасность. На фоне слабости другого актора Россия конструируется через оппозицию как сильный актер.

В другом выступлении представителя дипломатического ведомства РФ слабым внешнеполитическим актором предстает Сирия, где продолжаются военные действия:

(12) *В свою очередь считаем, что в настоящее время необходимо приложить усилия для поддержания пока еще хрупких процессов стабилизации военно-политической обстановки на сирийской земле, создать условия для восстановления там мира, уничтожить террористическую угрозу, исходящую от ИГИЛ, „Хейят Тахрир аш-Шам“ и подобных им группировок* (Захарова. 14.07.2017).

В данном примере эксплицитное конструирование слабости Сирии достигается при помощи прилагательного *хрупкие*, характеризующего происходящие в Сирии процессы. Сирия репрезентируется как актер, нуждающийся в помощи сильной России, политика которой направлена на скорейшее урегулирование сирийского вопроса (*приложить усилия, создать, уничтожить угрозу*). Таким образом, сила России в этом примере конструируется за счет оппозиции — *сильная Россия vs слабая Сирия*.

В американском внешнеполитическом дискурсе также наблюдается конструирование силы актора на фоне слабости другого:

(13) *Our ultimate goal is the restoration of the rule of law and political expression, civil rights for the people of Venezuela. That's the United States — that's the United States goal in its urging the — our fellow members of the OAS to vote for this resolution as a step that we as an organization can take to facilitate a resolution of this crisis in Venezuela* (Sullivan. 20.06.2017).

В представленном отрывке слабость Венесуэлы конструируется как неспособность самостоятельно справиться с тяжелым внутривнутриполитическим кризисом. Обеспечить урегулирование политической ситуации в стране готовы сильные США (*to facilitate a resolution of this crisis*), несущие свои демократические ценности в другое государство.

Выводы

Кратко подведем итоги анализа. Несмотря на то что категория «слабость» гораздо более имплицитна, мы можем сделать некоторые заключения. Во внешнеполитическом дискурсе семантическая категория «слабость» представляется менее востребованной, чем категория «сила», поскольку для внешнеполитического дискурса характерна функция удержания власти и защиты национальных интересов, требующая вербальных проявлений силы. Категория «слабость» не имеет явно выраженной компонентной структуры, которая была выявлена нами при изучении категории «сила», но эта категория имеет свою функциональную специфику. Слабость практически никогда не выступает в качестве смыслового предиката в саморепрезентациях, поскольку всегда связана с отрицательным аксиологическим зарядом. Это либо утверждение слабости актора-оппонента, либо характеристика третьего актора, на фоне которого утверждается собственная сила. Слабость выступает в качестве вспомогательной категории, относительно которой конструируется сила. Менее эксплицитными представляются и языковые средства реализации «слабости». Наряду с лексикой, имеющей семантические компоненты слабости, уменьшения, непостоянства и безысходности, реализация категории «слабость» происходит также за счет применения указаний на необходимость актора в защите и на перераспределение силы между актерами.

Таким образом, можно говорить о функционировании категории «слабость» во внешнеполитическом дискурсе как члена семантической оппозиции «сила vs слабость», имеющего свои функции в дискурсе и специфические средства языкового выражения.

ИСТОЧНИКИ

1. Захарова. 07.09.2016 = Интервью официального представителя МИД России телеканалу «Россия 24». 2016. 7 авг. URL: <https://russian.rt.com/article/319953-zaharova-obvinenie-rossii-v-hakerstve--pokazatel> (дата обращения: 31.07.2017).

2. Захарова. 14.07.2017 = Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой (Москва, 14 июля 2017 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2815668 (дата обращения: 31.07.2017).

3. Лавров. 21.01.2014 = Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2013 году (21 янв. 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/79890 (дата обращения: 23.07.2017).

4. Лавров. 01.02.2014 = Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова и ответы на вопросы участников 50-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (Мюнхен, 1 февр. 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/78502 (дата обращения: 23.07.2017).

5. Лавров. 03.03.2014 = Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе сегмента высокого уровня 25-й сессии Совета ООН по правам человека (Женева, 3 марта 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/72642 (дата обращения: 23.07.2017).

6. Лавров. 04.06.2014 = Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с членами Российского совета по международным делам (Москва, 4 июня 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57150 (дата обращения: 20.07.2017).

7. Лавров. 10.06.2014 = Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Польши Р. Сикорским и Министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером (Санкт-Петербург, 10 июня 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56662 (дата обращения: 24.07.2017).

8. Лавров. 09.12.2014 = Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова МИА «Россия сегодня» (Москва, 9 дек. 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/817710 (дата обращения: 25.07.2017).

9. Рябков. 21.06.2017 = Комментарий заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябкова по поводу новых антироссийских санкций США (21 июня 2017 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publbaOCjv/content/id/2792045 (дата обращения: 28.07.2017).

10. Kerry. 02.03.2014 = Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation, Boston, MA, March, 3, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222783.htm> (date of access: 25.07.2017).

11. Kerry. 24.04.2014 = Remarks on Ukraine, Washington, DC, April, 24, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225166.htm> (date of access: 27.07.2017).

12. Sullivan. 20.06.2017 = Remarks at a Solo Press Availability, Cancun, Mexico, June 20, 2017. URL: <https://www.state.gov/t/pa/prs/ps/2017/06/272073.htm> (date of access: 24.07.2017).

ЛИТЕРАТУРА

13. Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2014. 24 с.

14. Вражнова И. Г., Дубровская О. Н., Ермакова Е. В., Харламова Т. В. Современный политический дискурс и СМИ: власть и общество / под ред. Т. В. Харламовой. — Саратов : Наука, 2009. 168 с.

15. Гусаков А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестн. Ин-та стратегических исследований ИГЛУ : сб. науч. тр. 2011. № 1. С. 15—17.

16. Дубровская Т. В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs. слабость») // Научный диалог. 2016а. № 7 (55). С. 23—44.

17. Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та : журн. теорет. и прикладных исследований. 2016б. № 3. С. 117—123.

18. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2015. № 8 (215). Вып. 27. С. 111—125.

19. Пшегорский А. С. Концепт «мягкой силы» в современном политическом дискурсе и современная внешнеполитическая риторика США // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. Т. 2. № 1 (4). С. 261—264.

20. Фурсов К. К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. № 2—3. С. 129—133.

21. Ярославцева Я. А. Репрезентация социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе // Язык. Право. Общество : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2016. С. 310—313.

22. Ярославцева Я. А. Языковые средства выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе // Язык. Право. Общество : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Н. А. Павловой. — Пенза : ПГУ, 2015. С. 199—202.

23. Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 182—191.

T. V. Dubrovskaya
Penza, Russia

Y. A. Yaroslavtseva
Ulyanovsk, Russia

SEMANTIC CATEGORY “WEAKNESS” IN RUSSIAN AND US FOREIGN POLICY DISCOURSE: FUNCTIONAL ASPECT

ABSTRACT. *The research of the semantic category of weakness in Russian and US foreign policy discourses is undertaken. The corpora of texts comprising the speeches of the official representatives of foreign policy institutions of Russia and the USA are analyzed. The goal of the article is to single out language means that express the category of “weakness” and to determine the functions of this semantic category in foreign policy discourse from the point of view of relations between Russian and the USA. The methodology of this research is based on semantic and pragmatic approach that implies identification of the constitutive elements of the category of “weakness” in sociopragmatic context and description of the language ways of introduction of these components. The novelty of this research is in the fact that the category of “weakness” in foreign policy discourse hasn’t yet been studied from the point of view of semantic opposition of “strength - weakness” representing relations between Russian and the USA implicitly. Weakness is an auxiliary category, with reference to which strength is constructed. The language means of the category of “weakness” are seldom explicit. Alongside with the words with semantic components of weakness, decrease, instability and despair, the category of “weakness” involves the need for protection and redistribution of powers between the actors.*

KEYWORDS: *semantic categories; foreign policy discourse; discursive modeling; intercultural relations.*

ABOUT THE AUTHORS: *Dubrovskaya Tatiana Victorovna, Doctor of Philology, Head of the English Language Department, Faculty of History and Philology, Penza State University, Penza, Russia.*

Yaroslavtseva Yana Alekseyevna, Post-graduate Student, Penza State University (Penza); Senior Lecturer, Department of the English Language, Faculty of Foreign Languages, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

REFERENCES

1. Zakharova. 07.09.2016 = Interv'yu ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii telekanalu «Rossiya 24». 2016. 7 avg. URL: <https://russian.rt.com/article/319953-zaharova-obvinenie-rossii-v-hakerstve-pokazatel> (data obrashcheniya: 31.07.2017).
2. Zakharova. 14.07.2017 = Brifing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M. V. Zakharovoy (Moskva, 14 iyulya 2017 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2815668 (data obrashcheniya: 31.07.2017).
3. Lavrov. 21.01.2014 = Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na press-konferentsii po itogam deyatelnosti rossiyskoy diplomatii v 2013 godu (21 yanv. 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/79890 (data obrashcheniya: 23.07.2017).
4. Lavrov. 01.02.2014 = Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova i otvety na voprosy uchastnikov 50-y Myunkhenskoj konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti (Myunkhen, 1 fevr. 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/78502 (data obrashcheniya: 23.07.2017).
5. Lavrov. 03.03.2014 = Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode segmenta vysokogo urovnya 25-y sessii Soveta OON po pravam cheloveka (Zheneva, 3 marta 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/72642 (data obrashcheniya: 23.07.2017).
6. Lavrov. 04.06.2014 = Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na vstreche s chlenami Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam (Moskva, 4 iyunya 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57150 (data obrashcheniya: 20.07.2017).
7. Lavrov. 10.06.2014 = Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode sovmestnoy press-konferentsii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannykh del Pol'shi R. Sikorskim i Ministrom inostrannykh del FRG F.-V. Shtaynmayerom (Sankt-Peterburg, 10 iyunya 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56662 (data obrashcheniya: 24.07.2017).
8. Lavrov. 09.12.2014 = Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova MIA «Rossiya segodnya» (Moskva, 9 dek. 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/817710 (data obrashcheniya: 25.07.2017).
9. Ryabkov. 21.06.2017 = Kommentariy zamestatelya Ministra inostrannykh del Rossii S. A. Ryabkova po povodu novykh anti-rossiyskikh sanktsiy SShA (21 iyunya 2017 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/2792045 (data obrashcheniya: 28.07.2017).
10. Kerry. 02.03.2014 = Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation, Boston, MA, March, 3, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222783.htm> (date of access: 25.07.2017).
11. Kerry. 24.04.2014 = Remarks on Ukraine, Washington, DC, April, 24, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225166.htm> (date of access: 27.07.2017).
12. Sullivan. 20.06.2017 = Remarks at a Solo Press Availability, Cancun, Mexico, June 20, 2017. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/06/272073.htm> (date of access: 24.07.2017).
13. Budaev A. V. Rol' «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii : avtoif. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 2014. 24 s.
14. Vrazhnova I. G., Dubrovskaya O. N., Ermakova E. V., Kharlamova T. V. Sovremennyy politicheskiy diskurs i SMI: vlast' i obshchestvo / pod red. T. V. Kharlamovoy. — Saratov : Nauka, 2009. 168 s.
15. Gusakov A. V. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila kak instrumenty vneshney politiki SShA // Vestn. In-ta strategicheskikh issledovaniy PGLU : sb. nauch. tr. 2011. № 1. S. 15—17.
16. Dubrovskaya T. V. Metodologicheskie voprosy issledovaniya oppozitsiy v politicheskom diskurse (na primere oppozitsii «sila vs. slabost») // Nauchnyy dialog. 2016a. № 7 (55). S. 23—44.
17. Dubrovskaya T. V. Yuridicheskiy diskurs kak predmet sotsial'nogo konstruksionizma (konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy) // Vestn. Kemerov. gos. un-ta : zhurn. teoret. i prikladnykh issledovaniy. 2016b. № 3. S. 117—123.
18. Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v SMI: spetsifika reprezentatsiy // Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiya. 2015. № 8 (215). Vyp. 27. S. 111—125.
19. Pshogorskiy A. S. Kontsept «myagkoy sily» v sovremenom politicheskom diskurse i sovremennaya vneshnepoliticheskaya ritorika SShA // Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy. 2015. T. 2. № 1 (4). S. 261—264.
20. Furov K. K. «Myagkaya», «zhestkaya» i «umnaya» sila v politicheskom diskurse mezhdunarodnogo krizisa vokrug Ukrainy // Diskurs-Pi. 2014. T. 11. № 2—3. S. 129—133.
21. Yaroslavtseva Ya. A. Reprezentatsiya sotsial'nykh aktorov vo vneshnepoliticheskom diskurse // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : materialy 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, A. K. Dyatlovoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : Izd-vo Penzen. gos. un-ta, 2016. S. 310—313.
22. Yaroslavtseva Ya. A. Yazykovye sredstva vyrazheniya kontseptov «sila» i «slabost'» vo vneshnepoliticheskom diskurse // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : materialy 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : PGU, 2015. S. 199—202.
23. Yaroslavtseva Ya. A., Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v zhanakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 182—191.

Р. И. Зарипов
Москва, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
В КОНТЕКСТЕ ВОЙНЫ В СИРИИ**

АННОТАЦИЯ. Целью настоящего исследования ставится характеристика метафорических образов России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии, а также анализ их манипулятивного воздействия на реципиента в результате политической коммуникации. Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и дескрипторной теории метафоры, а также опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Используются методы когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, моделирования, лингвостатистический метод, а также метод расчета экспрессивности и конфликтности политических метафор. Персуазивный потенциал метафорического воздействия реализуется в постоянном повторении в разных источниках готового образно-эмоционального выражения, нередко в формате «X — это Y». Анализируются конкретные метафоры: криминальная («крестный отец», «скамья подсудимых»), военная, игровая, театральная (деятельность российского контингента в Сирии — «сплошной театр»), спортивная, зооморфная (традиционное уподобление России опасному медведю и менее частотное двуглавому орлу, демонстрирующее, что Россия может одновременно смотреть в противоположные стороны). Роль России в войне против исламистов в Сирии оценивается неоднозначно: в России сомневаются, к ней часто относятся с недоверием, иногда даже враждебно. Она метафорически воспринимается в качестве блефующего игрока в карты, который играет сам за себя. Статья предназначена для студентов и аспирантов филологического направления, лингвистов, политологов и преподавателей иностранных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; образ России; политический дискурс; французские СМИ; информационные войны; средства массовой информации; политическая метафорология; метафорические образы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического МО РФ) Военного университета, Военный университет Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Володавская, д. 3/4; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Как показали наши предыдущие исследования метафорической репрезентации образа России в контексте противостояния власти и оппозиции, Олимпийских игр в Сочи и гражданской войны на Украине, одной из характерных черт французского политического дискурса является использование различных выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий [Зарипов 2016: 154].

В освещении политики России в Сирии французские СМИ руководствуются теми же концептуальными и мотивационными установками и реализуют формы ограничения реальности, присущие информационной войне. Они подчиняются генеральной линии политических и экономических элит и едины в своем подходе к освещению действий России независимо от совершаемой выборки источников, поскольку основные из них занимают 90 % всего информационного эфира, ретранслируют материалы нескольких ведущих агентств и испытывают влияние международных медиакорпораций (*Reuters, Associated Press, Agence France-Presse, Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company, Viacom/CBS Corporation, Comcast/NBCUniversal*) [Мировые медиамагнаты]. Как заявил глава МИД С. Лавров, «в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий поддержание стабильности в мировых делах во многом зависит от объективной

работы средств массовой информации. Этому не способствует проводимая на Западе целенаправленная кампания по дискредитации России» [Лавров назвал политику Запада кампанией по дискредитации России].

С лингвистической точки зрения одним из элементов информационной атаки западных СМИ на Россию выступают политические метафоры, которые за счет своего эмоционально-экспрессивного и манипулятивного (персуазивного/суггестивного) потенциалов способствуют искаженному восприятию действительности реципиентом.

Персуазивный потенциал метафорического воздействия реализуется в постоянном повторении в разных источниках готового образно-эмоционального выражения, нередко в формате «X — это Y», что вызывает у реципиента такое привыкание, что сообщаемые сведения уже не нуждаются в доказательстве: «Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что, в конце концов, она уже принимается как доказанная истина» [Лебон 2014: 290].

Например, с начала сирийского кризиса во французских СМИ периодически повторяется одна и та же простая формула:

“*La Russie est le parrain de la Syrie*” с вариациями “*parrain russe*” [Le Monde, 26.07.2017; L'Express, 12.04.2016; Le Monde, 26.06.2013]. К чему такая номинация? Дело в том, что как в криминальной, так и в политической сферах выражение «крестный отец»

несет не родственную (семейную), а преступную коннотацию, которая возникает в сознании реципиента сразу и не нуждается в дополнительных разъяснениях.

Крестный отец в кругах мафии — это глава преступного сообщества, «босс», который решает ключевые вопросы и знает о любом «деле», совершаемом ее членами. Таким образом, создается впечатление о преступном сообществе, в которое входят Россия и Сирия. В контексте приведенной криминальной метафоры эти страны предстают преступниками, а их действия видятся незаконными, что и нужно субъектам информационного воздействия — французским СМИ. Реципиенту открыто подают и повторяют интерпретацию, которую нужно усвоить.

Суггестивное воздействие политических метафор, как правило, скрыто. Манипулятивный посыл в этом случае приходится «расшифровывать». Так, в продолжение темы криминальных метафор приведем заголовок ведущего французского издания «Le Figaro»:

Retour de la Russie sur le banc des accusés («Возвращение России на скамью подсудимых») [Le Figaro. 26.09.2016].

Заголовок призван вызвать у реципиента мысль о возможной ответственности России за «разгром» (*débâcle*) Алеппо и нарушение своих международных обязательств. Как мы видим, здесь отсутствует строгое тождество типа «X — это Y», однако концепт «скамья подсудимых» вызывает у реципиента логичный ассоциативный ряд, который не всегда сознательно выстраивается им до конца, но обязательно «оседает» в подсознании: *Россия на скамье подсудимых* → *Россия — обвиняемая* → *Россия — преступник*. В этом и есть смысл суггестии, манипуляции — скрытно обеспечить формирование или изменение базовых концептуальных установок адресата сообщения.

В ряд криминальных метафор входит и выражение *clan Poutine*, которое без предлога принадлежности *de* приобретает характер эпитета и преподносит российское руководство как некую клику или мафиозную группу [L'Express. 12.04.2016]. Цель подобных выражений — дискредитировать действия России в Сирии.

Постоянное сочетание персуазивного и суггестивного метафорического воздействия проявляется и при анализе других метафорических моделей образа России: игровой, военной, театральной и пр.

Продолжая тему возврата Алеппо под контроль правительственных войск, отметим, что практически все посвященные это-

му политические тексты во французском информационном пространстве по умолчанию сводятся к обвинению России в непропорциональном применении силы, бомбардировках мирного населения и гуманитарной катастрофе — этот город называли «городом-мучеником» (*ville martyre*) [L'Express. 20.12.2016]. Соответственно при такой интерпретации ВКС России суггестивно предстают палачом. Многочисленные рассуждения и аргументы в пользу этой точки зрения подкрепляются военными метафорами:

La stratégie du régime et de ses alliés russe et iranien est une stratégie de la terre brûlée, qui rappelle celle menée par Vladimir Poutine en Tchétchénie («Стратегия режима и его российского и иранского союзников — это стратегия выжженной земли, которая напоминает действия Владимира Путина в Чечне») [L'Express. 05.02.2016].

Стратегия (или тактика) выжженной земли — это способ ведения боевых действий, подразумевающий полное и широкомасштабное уничтожение любых объектов, в том числе сельскохозяйственного и гражданского назначения, с целью не допустить их использование противником. Употребление этого термина для описания действий правительственных войск САР и их союзников (России и Ирана) обусловлено желанием преподнести их как избыточное применение силы, приводящее к страданиям мирного населения. В этой же фразе намеренно упоминается Чеченская Республика с целью освежить в сознании реципиента негативные образы, сформированные еще в начале 2000-х гг., а также создать впечатление, что российские войска ведут боевые действия подобным образом независимо от их времени и места.

В битве за Алеппо, как пишет французская пресса, «Путин разбил Обаму в пух и прах», но в ней «победа раздавила мораль» (*la force a écrasé la morale*) [L'Express. 20.12.2016]. Эта метафора призвана суггестивно приравнять Россию к силе без моральных ценностей. Циничным выглядит здесь то, что США ассоциируют с моралью.

Совершенно логично, что российская политика в Сирии часто ассоциируется с именем президента Путина, а все его действия и даже образ проецируются на Россию.

Практически все французские источники сходятся во мнении, что в сирийском вопросе Владимиру Путину, как и в ситуации на Украине, удастся переиграть всех соперников и отвести своей стране центральное место в «концерте держав» (*au coeur du concert des nations*) [Le Figaro. 16.03.2016]. Ли-

дерство и дальновидность шагов российского президента отражаются как в театральных (концертных), так и военных, игровых (спортивных) и авторитарных метафорах. Его называют задающим темп дирижером оркестра [Там же], королем международной шахматной доски [Le Figaro. 23.12.2015], великолепным тактиком, стратегом [Le Figaro. 10.02.2016] и жандармом Ближневосточного региона [Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 2)].

Президент России, по мнению французских СМИ, действует в Сирии прагматично и имеет там полный карт-бланш (*Poutine a la carte blanche*) [<https://www.youtube.com/watch?v=niYaT46jD7E>]. Его односторонние и независимые шаги в этом регионе характеризует метафора, актуальная и для украинского кризиса: *Poutine souffle le chaud et le froid* [“Le tsar Poutine débarque à Paris”]. Исползованный фразеологизм в значении «делать погоду, хозяйничать» [Гак, Ганшина, 2006: 995] создает у французского реципиента впечатление, что у России в Сирии полная свобода действий. Еще одна метафора лидерства, передающая тот же смысл, образована на основе фразеологической единицы *faire cavalier seul* в значении «обгонять конкурентов на скачках» или «исполнять танец соло»: *Sur la Syrie, Vladimir Poutine a fait cavalier seul jusqu'au bout, décidant — sans concertation — quand intervenir et quand s'en désengager* («В ситуации по Сирии Владимир Путин всё сделал в одиночку, решив без согласования, когда туда вмешиваться и когда оттуда выходить») [L'Express. 15.03.2016]. Вся политика российского президента в Сирии характеризуется как «геополитическое дзюдо» [Le Figaro. 10.02.2016], в результате которого Россия стала «верховным судьей» в сложившейся ситуации [Le Figaro. 01.05.2016].

Игровые метафоры выступают основой образа России в контексте войны в Сирии и составляют большинство от общего числа (38,2 %). Мы намеренно переводим некоторые выражения дословно, чтобы передать заложенные образы:

La Russie est au centre du jeu international, diplomatique et militaire en Syrie («Россия в центре международной, дипломатической и военной игры в Сирии») [Guerres en Syrie et en Ukraine : Poutine maître du jeu (partie 1); <https://www.youtube.com/watch?v=niYaT46jD7E>];

La Russie a pu montrer sa force, ce dont elle rêvait pour revenir dans le jeu («России удалось показать свою силу, о чем она мечтала, чтобы вернуться в игру») [L'Express. 21.12.2016];

Moscou calme le jeu («Москва разряжает

обстановку») [Europe 1. 21.06.2017];

La Russie joue un jeu trouble («Россия играет в мутную игру») [Le Monde. 02.10.2015];

joueur d'échecs (de poker) («игрок в шахматы (в покер)») [Les Echos. 14.06.2017];

maître du jeu (d'échecs) («хозяин положения в игре (в шахматы)») [L'Express. 21.12.2016; L'Express. 22.03.2016].

Россия действительно в игре и является в ней ведущей. Это проявляется и в других, более интересных метафорах:

La Syrie est plutôt un atout dont joue Vladimir Poutine dans la partie de poker générale qu'il a engagée avec l'Occident («Сирия скорее является тем козырем, который Владимир Путин использует в главной партии покера с Западом») [Le Figaro. 04.09.2013];

La Russie distribue les cartes désormais («Отныне Россия раздает карты») [Europe 1. 21.06.2017];

Mais Poutine sait que le temps finit souvent par jouer pour lui («Но Путин знает, что время часто играет на него») [Europe 1. 20.06.2017];

Par rapport à nous Vladimir Poutine joue sur du velours parce que nous nous comportons comme des amateurs («По сравнению с нами Владимир Путин действует верно, потому что мы действуем как дилетанты») [<https://www.youtube.com/watch?v=niYaT46jD7E>];

Poutine bouscule le jeu («Путин переворачивает игру») [Syrie: l'ours russe arrive sur le terrain];

C'est un jeu où Poutine joue gros («Это игра, в которой Путин играет по-крупному») [Syrie: soutien à Bachar al-Assad, que cherche donc Vladimir Poutine?];

Poutine pousse (avance) ses pions («Путин продвигает свои пешки») [Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 2)].

Как мы видим, вся ситуация в Сирии, как и любая тема международных отношений, неразрывно связана с образами азартных игр. В отличие от украинского кризиса, который вызывает глубокую озабоченность французов и потому отражается в политическом дискурсе значительным количеством военных метафор, образ России в контексте войны в Сирии преподносится в большей степени с позиции игрока в грандиозной международной игре, где каждый преследует свои цели.

Тем не менее в рамках этого политического сегмента встречаются единичные и групповые метафоры разных метафорических моделей. Россию называют одной из империй, вмешавшихся в сирийский кризис [L'Express. 28.02.2017], а ее лидера — царем

["Le tsar Poutine débarque à Paris"], для которого эта кампания — «крестовый поход» и «священная война» [L'Express. 05.10.2015; Russie : frappes aériennes et guerre médiatique]. Путина признают временным победителем [Le Monde. 15.03.2016], для которого тактическая победа в Сирии есть продолжение войны на Украине [Le Figaro. 10.02.2016]. Все эти военные, монархические и религиозные метафоры неявно, суггестивно передают реципиенту непредсказуемый, резкий, независимый и отчасти азартный характер шагов России в САР.

Касаясь причин начала российской военной операции, преподносящейся и как опасная карточная игра [Le Figaro. 16.03.2016; Russie : frappes aériennes et guerre médiatique], французские СМИ пишут, что российский лидер имел целью преодолеть международную изоляцию и «разбить стену, которая его окружает в Европе» ("*briser la muraille qui l'entoure en Europe*") — ограничительная метафора [L'Express. 22.03.2016]. Кроме того, часто упоминалась необходимость «спасти» своего союзника Б. Асада. В связи с этим отдельного внимания заслуживает периодически воспроизводимая метафорическая модель «РОССИЯ — это СПАСИТЕЛЬ АСАДА», которая конструируется даже без метафор — достаточно глагола «спасти» или выражения «прийти на помощь»:

La Russie et l'Iran, venus au secours d'un régime syrien aux abois il y a un an et demi... («Россия и Иран, пришедшие на помощь истощенному сирийскому режиму полтора года назад...») [L'Express. 23.12.2016];

Poutine a engagé une opération de sauvetage de son allié Assad («Путин начал операцию по спасению своего союзника Асада») ["Poutine est le bras armé de Bachar Al-Assad"];

Russie de Vladimir Poutine... est venue à la rescousse d'un régime honni après quinze mois de révolte populaire matée dans le sang («Россия Владимира Путина... пришла на помощь позорному режиму спустя полтора года после начала народного восстания, топляемого в крови») [Europe 1. 19.06.2017];

Prenons par exemple la Russie: son intérêt c'est de sauver le régime de Bachar el-Assad... («Возьмем, например, Россию: ее интерес в том, чтобы спасти режим Башара Асада...») [Europe 1. 21.06.2017];

En septembre 2015, l'intervention militaire russe en Syrie avait sauvé le régime de Bachar el-Assad et changé le cours de la guerre («В сентябре 2015 года военное вмешательство России в Сирии спасло режим Б. Асада и изменило ход войны») [Le Figaro. 30.11.2016].

Однако, несмотря на положительную

коннотацию концепта «СПАСИТЕЛЬ», утверждения, что Асад — тиран, диктатор, убийца, заставляют реципиента иначе воспринимать эту метафорическую модель. Редко, но весьма эффективно с точки зрения воздействия на адресата звучат в эфире выражения такого рода:

Poutine et Assad sont forgés sur le même moule... pour tous les deux le peuple n'existe pas («Путин и Асад скроены по одному лекалу... для обоих народа не существует») ["Poutine est le bras armé de Bachar Al-Assad"].

Приведенная развернутая метафора содержит два образа: первый основан на фразеологизме «скроены по одному лекалу», приравнивающим этих двух политиков друг к другу (а в контексте «кровавого» образа Асада во французском медиапространстве это сопровождается крайне негативными коннотациями и упоминание Путина — вспомним *régime de Poutine*); второй обозначает, что обоих, мягко говоря, не интересует население тех стран, которыми они правят. По сути, это продолжение первой отрицательной коннотации — кровавые диктаторы и тираны, один из которых помогает другому:

Poutine n'est que le bras armé (aérien) d'Assad («Путин не кто иной, как исполнитель воли Асада») ["Poutine est le bras armé de Bachar Al-Assad"]. Учитывая наличие во фразеологизме прилагательного *armé*, есть возможность создать игру слов, заменив его на *aérien* («вооруженный» на «воздушный», что намекает на ВКС РФ).

Справедливости ради стоит заметить, что иногда встречается и иная точка зрения, которая близка к истине: если бы Россия не вмешалась в войну на Ближнем Востоке в сентябре 2015 г., то Сирии уже бы не было и Дамаск был бы захвачен исламистами [BMF TV. 14.12.2016].

Театральные метафоры образа России представлены не так широко (8,8 %) и ограничиваются единичными образами, однако традиционно присутствуют в силу метафоричности политического языка и вводятся там, где необходимо подчеркнуть иронию. По мнению французских СМИ, деятельность российского контингента в Сирии — сплошной театр. Российские военнослужащие намеренно приглашают иностранных журналистов в освобожденные «сирийским режимом и его российским союзником» населенные пункты, чтобы показать «сцены радости жителей» (*scènes de liesse d'habitants*) [VIDEO. Syrie : malgré leur "retrait", des forces russes toujours très présentes]. Процесс примирения враждующих сторон и вовсе иронично преподносится как «гвоздь программы

спектакля) (*clou du spectacle*), в ходе которого боевики в отдельной палатке складывают оружие и амнистируются. Традиционно, как и в ситуации на Украине, отмечается, что *Vladimir Poutine est déterminé à passer du statut d'observateur (spectacteur) à celui d'acteur de premier plan* («Владимир Путин полон решимости перейти от статуса зрителя к статусу актера первого плана») [Grand: "Poutine a décidé de s'engager militairement en Syrie"].

Зооморфные метафоры также представлены ограниченно. Традиционно не обходится без стереотипного символа России — медведя, с помощью которого французскому реципиенту представляют нашу страну мощной, грозной, неуправляемой:

L'ours russe arrive sur le terrain («Российский медведь приходит к месту событий») [Syrie: l'ours russe arrive sur le terrain]. Эта метафора приобретает большую экспрессивность за счет скрытого намека на то, что до прихода «медведя» ситуация была еще хоть как-то контролируема.

После того, как Турцией был сбит самолет ВКС РФ, на канале France 24 прозвучали слова: *L'ours russe s'est mis en colère mais n'a pas réagi immédiatement* («Русский медведь впал в ярость, но не отреагировал немедленно») [Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 1)].

Другой пример зооморфной метафоры — символ двуглавого орла, встречающийся редко, однако выбранный в данном случае за основу с целью показать, что Россия может «одновременно смотреть в две противоположные стороны» и действовать как игрок не только в шахматы, но и в покер [Les Echos. 14.06.2017].

Во французском политическом дискурсе встречаются и достаточно грубые метафоры. В некоторых случаях Россию приравнивают к «властелину сирийского хаоса» (наряду с Ираном и Турцией) [L'Express. 21.12. 2016] и «хищнику» [L'Express. 28.02.2017], а иногда заявляют следующее:

S'il faut résumer toute cette honte internationale, osons reconnaître que les Russes gagnent leur sale guerre... («Если резюмировать весь этот международный стыд, осмелимся признать, что русские выигрывают свою грязную войну») [L'Express. 13.12.2016].

Подзаголовок этой статьи так и звучит: *Les Russes et leur sale guerre* [Там же]. Отметим, что прилагательное «грязная» в сочетании с любым существительным способно очернить действительность и исказить любые реалии без какой-либо аргументации: «грязная политика», «грязная репутация», «грязная война». Учитывая концептуальные

векторы этого слова: «подлый», «циничный», «безнравственный», «гадкий», мы относим эту метафору к модели «ЗЛОДЕЙ». Кроме того, на фоне рассуждений о расстановке сил в войне и отсутствия иных экспрессивных выражений неожиданно резкое заявление автора статьи придает ей статус окказиональной.

В целом в сообщениях французских СМИ целенаправленно искажается реальное положение дел в Сирии, где население якобы вынуждено противостоять армии оккупантов (*Les Syriens ont le sentiment d'affronter une armée d'occupation*) [L'Express. 05.02. 2016], для которой эта военная кампания может стать «новым Афганистаном» [Grand: "Poutine a décidé de s'engager militairement en Syrie"].

Таким образом, освещение ведущими французскими средствами массовой информации российской операции в Сирии с самого ее начала проходит в сдержанно отрицательной манере. По результатам исследования материалов более 100 печатных и электронных политических текстов можно заключить, что метафорический образ России формируется посредством умеренно негативных оценок: 27,9 % от общего числа составляют отрицательные образы, нейтральные — 66,2 %, положительные — 5,9 %. Метафорическая мозаика образа России в рамках рассмотренного политического сегмента вписывается в общий контекст развернутой на Западе информационной войны против нашей страны, является ее продуктом и способствует дезинформации, навешиванию негативных ярлыков и мифотворчеству.

Используя примененную нами в предыдущих исследованиях методику расчета экспрессивности и конфликтогенности метафор образа России, мы способны рассчитать в контексте настоящей темы их прагматический потенциал, т. е. степень их воздействия на реципиента с учетом их образности, эстетической красоты и уместности, а также актуальность и проблемность событий в Сирии с учетом их метафорического осмысления.

Стоит признать, что процесс дифференциации сфер-источников и присвоения им соответствующих числовых коэффициентов достаточно субъективен, однако результаты стремятся к более объективным числовым характеристикам при увеличении количества метафорических единиц в выборке и едином подходе к расчету искомым показателей.

Экспрессивность метафор политического сегмента рассчитывается по формуле, предложенной К. де Ландтшер [Цит. по: Баранов 2013: 271]:

$$I = \frac{1w+2n+3s}{t}, (1)$$

где

I — экспрессивность метафор политического сегмента;

w — количество «слабых» метафор (реализуют стандартные метафорические переносы значения);

n — количество узуальных (конвенциональных) метафор, частично фиксированных в качестве словарных значений;

s — количество новых, креативных (авторских) метафор;

t — общее количество метафор.

Частота употребления метафоры влияет на ее тип с точки зрения критерия стилистической значимости: чем чаще она употребляется в речи, тем больше теряет свою экспрессивность *I* и переходит в последующий разряд по шкале от авторской до «мертвой» (см. таблицу).

Таблица 1. Факторы, определяющие экспрессивность метафоры

метафора	экспрессия	непредсказуемость	новизна	синонимия
авторская	+	+	+	+
узуальная	+	частичная	частичная	+
«слабая»	+	–	–	+
«мертвая»	–	–	–	–

Умножение коэффициентов 1, 2, 3 на соответствующие им переменные позволяет учесть экспрессивность разных видов метафор в зависимости от их стилистической значимости. Так, количество «слабых» метафор (*w*) умножается на наименьший коэффициент 1, количество средних по своей экспрессивности конвенциональных метафор (*n*) — на коэффициент 2, количество наиболее эффективных, креативных (авторских) метафор (*s*) — на коэффициент 3. То есть чем больше окказиональных метафор в массиве выборки (*s*), тем выше будет показатель экспрессивности метафор *I*. И наоборот, «слабые» метафоры (*w*), которые выделяет А. Н. Баранов, хотя и не являются «мертвыми», представляют собой наименее экспрессивные выражения и осуществляют стандартные для соответствующего языка метафорические переносы, поэтому им присвоен наименьший коэффициент 1.

За счет перемножения переменных на коэффициенты в числителе достигается величина, не равная общему количеству метафорических словоупотреблений в рамках политического сегмента, а значительно его превышающая. Без такого математического действия экспрессивность *I* была бы равна 1, поскольку числитель, как и знаменатель, содержал бы только общую сумму метафорических словоупотреблений («слабые» + конвенциональные + авторские). Благодаря умножению переменных *w*, *n*, *s* на соответствующие им коэффициенты мы имеем дело с качественной характеристикой метафорического потенциала. При делении на общее количество выявленных метафор мы получаем числовой показатель экспрессивности метафор образа России в рассматриваемом политическом сегменте.

В ходе подсчета мы выявили:

– 8 «слабых» (по А. Н. Баранову) метафор: *au coeur du concert des nations; la Russie est au centre du jeu international (1), diplomatique (2) et militaire (3); la Russie: son intérêt c'est de sauver le régime de Bachar el-Assad; l'intervention militaire russe en Syrie avait sauvé le régime de Bachar el-Assad; bras armé; scènes de liesse d'habitants;*

– 53 конвенциональных (узуальных) метафоры: *parrain russe; le retour de la Russie sur le banc des accusés; clan Poutine; bourreau (суггестивно); la stratégie de la terre brûlée; chef d'orchestre; le roi de l'échiquier international; excellent tacticien; stratège; le gendarme du Proche-Orient; Moscou souffle le chaud et le froid; Poutine a fait cavalier seul; arbitre suprême; elle rêvait pour revenir dans le jeu; Moscou calme le jeu; la Russie joue un jeu trouble; joueur d'échecs; joueur de poker; maître du jeu; maître d'échecs; un atout (1) dont joue (2) Vladimir Poutine dans la partie de poker générale (3); Poutine sait que le temps finit souvent par jouer pour lui; par rapport à nous Vladimir Poutine joue sur du velours; Poutine bouscule le jeu; c'est un jeu (1) où Poutine joue gros (2); Poutine pousse (1) (avance (2)) ses pions; empire; tsar; croisade de Poutine en Syrie; guerre sainte; vainqueur temporaire; victoire tactique; jeu dangereux; briser la muraille qui l'entoure en Europe; la Russie venue au secours d'un régime syrien; une opération de sauvetage; Russie de Vladimir Poutine est venue à la rescousse; Poutine et Assad sont forgés sur le même moule (1)... pour tous les deux le peuple n'existe pas (2); clou du spectacle; Vladimir Poutine est déterminé à passer du statut du spectateur (1) à celui d'acteur de premier plan (2); l'aigle bicéphale; une armée d'occupation; nouveau Afghanistan; bras aérien; maître du chaos syrien; Poutine a battu*

Obama à plates coutures; la force a écrasé la morale;

– 7 авторских (оказиональных) метафор: *le judoka de la géopolitique; la Russie distribue les cartes désormais; Poutine et la Syrie : le dessous des cartes, l'ours russe arrive sur le terrain; prédateur; les Russes gagnent leur sale guerre; l'ours russe s'est mis en colère mais n'a pas réagi immédiatement.*

Подставим эти числовые значения в формулу вместо переменных w , n и s соответственно:

$$I = \frac{1w+2n+3s}{t} = \frac{1*8+2*53+3*7}{68} \approx 1,985.$$

Как показывает результат, при освещении российской политической действительности по темам судебного дела против Навального (2,206), Олимпийских игр в Сочи (2,306) и гражданской войны на Украине (2,409) французские СМИ использовали более действенные метафорические образы России, чем в контексте сирийского кризиса. Иначе говоря, метафоры рассматриваемого политического сегмента менее эффективны с точки зрения конструирования негативного образа России в сознании (подсознании) реципиента, т. е. обладают наименьшим прагматическим потенциалом. Это может быть вызвано намеренным замалчиванием информации о роли России в борьбе с терроризмом.

Конфликтогенность метафор рассчитывается по следующей формуле [см.: Баранов 2013: 271]:

$$D = \frac{1n+2p+3d+4sp+5m}{t}, \quad (2)$$

где m — морбиальные метафоры, а также метафоры нацизма, смерти, бедствий, распада;

sp — ограничительные, военные, криминальные, игровые (спортивные), авторитарные (диктаторские), социоморфные, монархические метафоры, а также метафоры лидерства, преследования, типа «злодей — спаситель», «жертва», «герой»;

d — театральные (цирковые и иных зрелищных искусств), религиозные, литературные, музыкальные, ориентационные метафоры, а также метафоры кино, искусства, персонификации, присоединения, движения, веса, физических (эмоциональных) качеств;

p — антропоморфные, контейнерные, цветочные, компьютерные метафоры, а также метафоры строения, механизма, пути, мореплавания;

n — природоморфные, гастрономические метафоры.

В ходе подсчета мы выявили 1 ограничительную, 11 военных, 3 криминальных, 26 спортивных (игровых), 3 авторитарных, 2 монархических, 2 религиозных, 6 театраль-

ных, 4 зооморфных метафоры, а также 2 метафоры лидерства, 1 — смерти, 2 — типа «Злодей», 5 — типа «Спаситель». Подставим эти числовые значения вместо переменных n , p , d , sp и m соответственно:

$$D = \frac{1n+2p+3d+4sp+5m}{t} = \frac{1*4+2*0+3*8+4*55+5*1}{68} \approx 3,721.$$

Результат этих расчетов показывает, что тема борьбы против терроризма занимает во французском политическом дискурсе особое место (3,721 против 3,409, 3,368 и 2,836 в других сегментах). Ее общественная значимость в свете недавних терактов в Европе и самой Франции отражается в использовании в подавляющем большинстве случаев (85,2 %) конфликтных (военных, спортивных, криминальных и др.) метафор. Роль нашей страны в войне против исламистов в Сирии оценивается неоднозначно: в России сомневаются, к ней часто относятся с недоверием, иногда даже враждебно. Она метафорически воспринимается в качестве блефующего игрока в карты, который играет сам за себя.

Наши выводы подтверждаются заявлением президента Франции Э. Макрона о России в ходе предвыборной кампании: *La France doit savoir discuter avec les grandes puissances même quand elles ne sont pas amies* («Франция должна уметь разговаривать с великими державами, даже когда они не друзья») [Macron sur la Russie: «La France doit savoir discuter avec les grandes puissances même quand elles ne sont pas amies»]. Для создания благоприятного информационного поля необходима политическая воля руководства конкретной страны к сближению и взаимовыгодному сотрудничеству, но в случае с Францией этой воли пока нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 368 с.
2. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. 11-е изд., стер. — М. : Рус. яз.-Медиа, 2006. XVI, 1160, [8] с.
3. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. — М. : Р. Валент, 2016. 220 с.
4. Лавров назвал политику Запада кампанией по дискредитации России // Россия сегодня. URL: <https://ria.ru/politics/20170317/1490242481.html> (дата обращения: 31.08.2017).
5. Лебон Г. Психология народов и масс. — М. : Челябинск : Социум, 2014. 379 с.
6. Мировые медиагиганты // Журналистская правда. URL: <https://jgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-media-giganty/amp/> (дата обращения: 29.08.2017).
7. Alep, tombeau de nos principes // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/alep-tombeau-de-nos-principes_1859736.html (дата обращения: 29.08.2017).
8. Colosimo: comment Poutine est devenu roi du grand échiquier international // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/12/23/31002-20151223ARTFIG00090-colosimo->

comment-poutine-est-devenu-roi-du-grand-echiquier-international.php (дата обращения: 20.08.2017).

9. Crise syrienne : la Russie fait tomber les masques — Zoom avec Alexandre Del Valle // TVLibertés. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_7Qim8onzI4 (дата обращения: 29.08.2017).

10. EN VIDEOS. Syrie: 5 mois d'intervention de la Russie en 5 moments-clés // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-videos-syrie-5-mois-d-intervention-de-la-russie-en-5-moments-cles_1773337.html (дата обращения: 29.08.2017).

11. Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 1) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=quNRH00g5Ks> (дата обращения: 22.08.2017).

12. Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 2) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CF8UZ85BOKk> (дата обращения: 22.08.2017).

13. Grand: "Poutine a décidé de s'engager militairement en Syrie" // Europe 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KnqZFsyhGgQ> (дата обращения: 22.08.2017).

14. Guerres en Syrie et en Ukraine : Poutine maître du jeu (partie 1) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPCbKTrZD4> (дата обращения: 22.08.2017).

15. Guerre en Syrie : la Russie au centre du jeu (partie 2) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GEAtmWO Bhl8> (дата обращения: 22.08.2017).

16. Guerre en Syrie : la Russie au centre du jeu (partie 2) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=niYaT46 jD7E> (дата обращения: 22.08.2017).

17. La croisade de Poutine en Syrie // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/la-croisade-de-poutine-en-syrie_1722469.html (дата обращения: 22.08.2017).

18. La guerre de Syrie n'est pas finie // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/07/26/la-guerre-de-syrie-n-est-pas-finie_5165219_3232.html (дата обращения: 29.08.2017).

19. La puissance militaire retrouvée de la Russie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/11/30/01003-20161130ARTFIG00333-la-puissance-militaire-retrouvee-de-la-russie.php> (дата обращения: 01.08.2017).

20. La Russie, arbitre suprême de la bataille d'Alep // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/05/01/01003-20160501ARTFIG00166-la-russie-arbitre-supreme-de-la-bataille-d-alep.php> (дата обращения: 21.08.2017).

21. La Russie déploie ses militaires en Syrie // France 2. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Tw_m-Xm0Bgg (дата обращения: 29.08.2017).

22. Le jeu de Poutine // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2013/09/04/10001-20130904ARTFIG00585-le-jeu-de-poutine.php> (дата обращения: 29.08.2017).

23. Macron sur la Russie: "La France doit savoir discuter avec les grandes puissances même quand elles ne sont pas amies" // Lci. URL: <http://www.lci.fr/elections/macron-1-2013119.html> (дата обращения: 21.08.2017).

24. Russie : frappes aériennes et guerre médiatique // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N9BIDolVoMI> (дата обращения: 21.08.2017).

25. Russie: la situation peut déraier à tout moment // Europe 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nn0mG-NIJvw> (дата обращения: 21.08.2017).

26. Les trois prédateurs de la Syrie // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/les-trois-predateurs-de-la-syrie_1884141.html (дата обращения: 21.08.2017).

27. "Le tsar Poutine débarque à Paris" // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dbQ0573-1eg> (дата обращения: 21.08.2017).

28. Poutine en Syrie: le judoka de la géopolitique // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/02/10/31002-20160210ARTFIG00338-poutine-en-syrie-le-judoka-de-la-geopolitique.php> (дата обращения: 21.08.2017).

29. "Poutine est le bras armé de Bachar Al-Assad" // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GsgY3Yx8AXw> (дата обращения: 29.08.2017).

30. Poutine et la Syrie: le dessous des cartes // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/03/16/31002-20160316ARTFIG00186-poutine-et-la-syrie-le-dessous-des-cartes.php> (дата обращения: 29.08.2017).

31. Poutine, l'homme de la "glasnostalgie" // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/06/26/poutine-l-homme-de-la-glasnostalgie_3437232_3232.html?xtmc=ne_dites_pas_a_vladimir_poutine_qu_il_est_un_homme_du_passe&xtcr=9 (дата обращения: 29.08.2017).

32. Poutine ou la stratégie du "coup d'avance" // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/poutine-ou-la-strategie-du-coup-d-avance_1775572.html (дата обращения: 01.08.2017).

33. Retour de la Russie sur le banc des accusés // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/09/26/01003-20160926ARTFIG00316-retour-de-la-russie-sur-le-banc-des-accuses.php> (дата обращения: 28.08.2017).

34. Rex Tillerson en Russie : une visite sous tension // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/USA/Rex-Tillerson-en-Russie-une-visite-sous-tension-859607> (дата обращения: 29.08.2017).

35. Russie, Iran, Turquie: les maîtres du chaos syrien // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/russie-iran-turquie-les-maitres-du-chaos-syrien_1862680.html (дата обращения: 29.08.2017).

36. Russie: la diplomatie du «spatiopolitique» // Les Echos. URL: <https://www.lesechos.fr/idees-debats/cercle/cercle-171015-russie-la-diplomatie-du-spatiopolitique-2094367.php> (дата обращения: 29.08.2017).

37. Russie-Turquie-Iran, une alliance d'intérêts divergents sur la Syrie // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/Russie-Turquie-Iran-une-alliance-d-interets-divergents-sur-la-Syrie-834151> (дата обращения: 29.08.2017).

38. Syrie: "A Alep, la stratégie de la terre brûlée du régime et de Moscou" // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-a-alep-l-armee-syrienne-pratique-la-strategie-de-la-terre-brulee_1760951.html (дата обращения: 02.08.2017).

39. Syrie: Barack Obama a "trumpé" son monde // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-barack-obama-a-trumpé-son-monde_1862053.html (дата обращения: 02.08.2017).

40. Syrie: comprendre qui soutient qui en deux clics // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/10/02/syrie-comprendre-qui-soutient-qui-en-deux-clics_4781545_4355770.html (дата обращения: 29.08.2017).

41. Syrie: "Il est impossible d'agir sans les Russes" // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/Sur-le-dossier-iranienn-comme-en-Syrie-il-est-impossible-d-agir-sans-les-Russes-754097>.

42. Syrie: la revanche de Bachar el-Assad // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-la-revanche-de-bachar-el-assad_1781780.html (дата обращения: 29.08.2017).

43. Syrie: la Russie bloque tout // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/Moyen-Orient/Actualite/Syrie-la-Russie-bloque-tout-a-l-ONU-518012> (дата обращения: 02.08.2017).

44. Syrie: la stratégie russe fonctionne // iTélé. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HnDeMyrDd2c> (дата обращения: 02.08.2017).

45. Syrie: la Turquie, la Russie et l'Iran se réuniront le 27 décembre à Moscou // BMF TV. URL: <http://www.bfmtv.com/mediaplayer/video/syrie-la-turquie-la-russie-et-l-iran-se-reuniro-nt-le-27-decembre-a-moscou-894999.html> (дата обращения: 29.08.2017).

46. Syrie: les conséquences de la chute d'Alep // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/ce-que-signifie-la-chute-d-alep-pour-les-rebelles-et-pour-daech_1860021.html (дата обращения: 29.08.2017).

47. Syrie: l'ours russe arrive sur le terrain // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tkwfykivzSc> (дата обращения: 02.08.2017).

48. Syrie: soutien à Bachar al-Assad, que cherche donc Vladimir Poutine? // TV5MONDE. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ISocx59tZo (дата обращения: 02.08.2017).

49. VIDEO. Syrie : malgré leur "retrait", des forces russes toujours très présentes // Franceinfo. URL: http://www.france2vinfo.fr/monde/revolte-en-syrie/video-syrie-malgre-leur-retrait-les-forces-russes-restent-tres-presentes_1438813.html (дата обращения: 29.08.2017).

50. Visite de Poutine à Paris : "Il y a beaucoup à faire pour rétablir la confiance" // France 24. URL: <http://www.france24.com/>

fr/20170528-visite-poutine-macron-retablir-confiance-france-russie-versailles-diplomatie (дата обращения: 29.08.2017).

51. «Vladimir Poutine a atteint ses objectifs» #Syrie5ans // Le Monde. URL: <http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/>

2016/03/15/la-russie-apparait-comme-le-vainqueur-au-moins-temporaire-syrie5ans_4883346_3218.html (дата обращения: 29.08.2017).

R. I. Zaripov
Moscow, Russia

RUSSIA'S METAPHORICAL IMAGES IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE WAR IN SYRIA

ABSTRACT. *The goal of this research is to characterize metaphorical images of Russian in French political discourses in the context of the war in Syria, as well as to analyze manipulative influence on the parties of political communication. The methodology of this research is based on the theory of metaphorical modeling and metaphor descriptive theory. It also uses the achievements of discourse analysis, cognitive linguistics and linguoculturology. The following methods are used in this research: cognitive-discursive analysis, contextual analysis, modeling, linguo-statistical, expressive potential and conflictogenity of political metaphors evaluation. Persuasive potential of metaphors reveals itself in constant repetition of the emotionally colored expression, that usually has the form "X is Y". The following metaphors are analyzed in this research: criminal ("God father", "prisoner's box"), military, game, theater ("activity of the Russian troops in Syria is a theatrical performance"), sport, zoomorphic (Russia is usually compared to a bear and less frequently a double-headed eagle, that says that Russia "can look in two opposite directions at a time"). The role of Russia in the war against Islamic activists in Syria arouses controversy: in Russia they doubt that it is helpful, they are even hostile. Russia is metaphorically represented as a bluffing player who tries to protect her interests. The paper may be useful for students and post-graduate students majoring in Philology, as well as for Linguists, Political science experts and foreign language teachers.*

KEYWORDS: *political metaphors; the image of Russia; political discourse; French mass media; mass media; information war; media; political metaphorology; metaphorical images.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zaripov Ruslan Irikovich, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyu lingvistiku : ucheb. posobie. Izd. 4-e, ispr. i dop. — M. : Knizhnyy dom «LIBRO-KOM», 2013. 368 s.
2. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'. 11-e izd., ster. — M. : Rus. yaz.-Media, 2006. XVI, 1160, [8] s.
3. Zaripov R. I. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse : monogr. — M. : R. Valent, 2016. 220 s.
4. Lavrov nazval politiku Zapada kampaniey po diskreditatsii Rossii // Rossiya segodnya. URL: <https://ria.ru/politics/20170317/1490242481.html> (data obrashcheniya: 31.08.2017).
5. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. — M. : Chelyabinsk : Sotsium, 2014. 379 s.
6. Mirovye mediagiganty // Zhurnalistskaya pravda. URL: <https://jpgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-mediagiganty/amp/> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
7. Alep, tombeau de nos principes // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/alep-tombeau-de-nos-principes_1859736.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
8. Colosimo: comment Poutine est devenu roi du grand échiquier international // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/12/23/31002-20151223ARTFIG00090-colo-simo-comment-poutine-est-devenu-roi-du-grand-echiquier-international.php> (data obrashcheniya: 20.08.2017).
9. Crise syrienne : la Russie fait tomber les masques — Zoom avec Alexandre Del Valle // TVLibertés. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7Qim8onzI4> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
10. EN VIDEOS. Syrie: 5 mois d'intervention de la Russie en 5 moments-clés // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-videos-syrie-5-mois-d-intervention-de-la-russie-en-5-moments-cles_1773337.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
11. Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 1) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=quNRH00g5Ks> (data obrashcheniya: 22.08.2017).
12. Frappes américaines en Syrie : Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 2) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CF8UZ85BOKk> (data obrashcheniya: 22.08.2017).
13. Grand: "Poutine a décidé de s'engager militairement en Syrie" // Europe 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KnqZFsyhGgQ> (data obrashcheniya: 22.08.2017).
14. Guerres en Syrie et en Ukraine : Poutine maître du jeu (partie 1) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tcPCbKTrZD4> (data obrashcheniya: 22.08.2017).
15. Guerre en Syrie : la Russie au centre du jeu (partie 2) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GEATmWOBh18> (data obrashcheniya: 22.08.2017).
16. Guerre en Syrie : la Russie au centre du jeu (partie 2) // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=niYaT46jD7E> (data obrashcheniya: 22.08.2017).
17. La croisade de Poutine en Syrie // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/la-croisade-de-poutine-en-syrie_1722469.html (data obrashcheniya: 22.08.2017).
18. La guerre de Syrie n'est pas finie // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/07/26/la-guerre-de-syrie-n-est-pas-finie_5165219_3232.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
19. La puissance militaire retrouvée de la Russie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/11/30/01003-20161130ARTFIG00333-la-puissance-militaire-retrouvee-de-la-russie.php> (data obrashcheniya: 01.08.2017).
20. La Russie, arbitre suprême de la bataille d'Alep // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/05/01/01003-20160501ARTFIG00166-la-russie-arbitre-supreme-de-la-bataille-d-alep.php> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
21. La Russie déploie ses militaires en Syrie // France 2. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Tw_m-Xm0Bgg (data obrashcheniya: 29.08.2017).
22. Le jeu de Poutine // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2013/09/04/10001-20130904ARTFIG00585-le-jeu-de-poutine.php> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
23. Macron sur la Russie: "La France doit savoir discuter avec les grandes puissances même quand elles ne sont pas amies" // Lci. URL: <http://www.lci.fr/elections/macron-1-2013119.html> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
24. Russie : frappes aériennes et guerre médiatique // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N9BIDoIVoMI> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
25. Russie: la situation peut dérapé à tout moment // Europe 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nn0mG-NIJvw> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
26. Les trois prédateurs de la Syrie // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/les-trois-predateurs-de-la-syrie_1884141.html (data obrashcheniya: 21.08.2017).
27. "Le tsar Poutine débarque à Paris" // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dbQ0573-Ieg> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
28. Poutine en Syrie: le judoka de la géopolitique // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/02/10/31002-20160210ARTFIG00338-poutine-en-syrie-le-judoka-de-la-geopolitiq-ue.php> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
29. "Poutine est le bras armé de Bachar Al-Assad" // France 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GsgY3Yx8AXw> (data obrashcheniya: 29.08.2017).

30. Poutine et la Syrie: le dessous des cartes // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/03/16/31002-20160316ARTFIG00186-poutine-et-la-syrie-le-dessous-des-cartes.php> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
31. Poutine, l'homme de la "glasnostalgie" // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/06/26/poutine-l-homme-de-la-glasnostalgie_3437232_3232.html?xtmc=ne_dites_pas_a_vladimir_poutine_qu_il_est_un_homme_du_passe&xtcr=9 (data obrashcheniya: 29.08.2017).
32. Poutine ou la stratégie du "coup d'avance" // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/poutine-ou-la-strategie-du-coup-d-avance_1775572.html (data obrashcheniya: 01.08.2017).
33. Retour de la Russie sur le banc des accusés // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/09/26/01003-20160926ARTFIG00316-retour-de-la-russie-sur-le-banc-des-ac-cuses.php> (data obrashcheniya: 28.08.2017).
34. Rex Tillerson en Russie : une visite sous tension // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/USA/Rex-Tillerson-en-Russie-une-visite-sous-tension-859607> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
35. Russie, Iran, Turquie: les maîtres du chaos syrien // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/russie-iran-turquie-les-maitres-du-chaos-syrien_1862680.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
36. Russie: la diplomatie du «spatiopolitique» // Les Echos. URL: <https://www.lesechos.fr/idees-debats/cercle/cercle-171015-russie-la-diplomatie-du-spatopolitique-2094367.php> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
37. Russie-Turquie-Iran, une alliance d'intérêts divergents sur la Syrie // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/Russie-Turquie-Iran-une-alliance-d-interets-divergents-sur-la-Syrie-834151> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
38. Syrie: "A Alep, la stratégie de la terre brûlée du régime et de Moscou" // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-a-alep-l-armee-syrienne-pratique-la-strategie-de-la-terre-brulee_1760951.html (data obrashcheniya: 02.08.2017).
39. Syrie: Barack Obama a "trumpé" son monde // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-barack-obama-a-trumpe-son-monde_1862053.html (data obrashcheniya: 02.08.2017).
40. Syrie: comprendre qui soutient qui en deux clics // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/10/02/syrie-comprendre-qui-soutient-qui-en-deux-clics_4781545_4355770.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
41. Syrie: "Il est impossible d'agir sans les Russes" // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/Sur-le-dossier-iranien-comme-en-Syrie-il-est-impossible-d-agir-sans-les-Russes-754097>.
42. Syrie: la revanche de Bachar el-Assad // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-la-revanche-de-bachar-el-assad_1781780.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
43. Syrie: la Russie bloque tout // Europe 1. URL: <http://www.lejdd.fr/International/Moyen-Orient/Actualite/Syrie-la-Russie-bloque-tout-a-l-ONU-518012> (data obrashcheniya: 02.08.2017).
44. Syrie: la stratégie russe fonctionne // iTélé. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HnDeMyrDd2c> (data obrashcheniya: 02.08.2017).
45. Syrie: la Turquie, la Russie et l'Iran se réuniront le 27 décembre à Moscou // BMF TV. URL: <http://www.bfmtv.com/mediaplayer/video/syrie-la-turquie-la-russie-et-l-iran-se-reuniro-nt-le-27-decembre-a-moscou-894999.html> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
46. Syrie: les conséquences de la chute d'Alep // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/ce-que-signifie-la-chute-d-alep-pour-les-rebelles-et-pour-dae-ch_1860021.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
47. Syrie: l'ours russe arrive sur le terrain // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tkwyfkyvzSc> (data obrashcheniya: 02.08.2017).
48. Syrie: soutien à Bachar al-Assad, que cherche donc Vladimir Poutine? // TV5MONDE. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ISocx59tZo (data obrashcheniya: 02.08.2017).
49. VIDEO. Syrie : malgré leur "retrait", des forces russes toujours très présentes // Franceinfo. URL: http://www.francetvinfo.fr/monde/revolte-en-syrie/video-syrie-malgre-leur-retrait-les-forces-russes-restent-tres-presentes_1438813.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).
50. Visite de Poutine à Paris : "Il y a beaucoup à faire pour rétablir la confiance" // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20170528-visite-poutine-macron-retablir-confiance-france-russie-versailles-diplomatie> (data obrashcheniya: 29.08.2017).
51. «Vladimir Poutine a atteint ses objectifs» #Syrie5ans // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2016/03/15/la-russie-apparaît-comme-le-vainqueur-au-moins-temporaire-syrie5ans_4883346_3218.html (data obrashcheniya: 29.08.2017).

А. А. Кирдун, А. В. Андреева
Минск, Республика Беларусь

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ С НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОЙ ЭКСПРЕССИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена актуальной проблеме — изучению словообразовательных окказионализмов как средств выражения негативной оценочной экспрессии в политическом дискурсе Республики Беларусь. Под окказионализмами понимаются новые слова с ингерентной (внутренне присущей) и адгерентной (проявляющейся в контексте) экспрессивностью, порожденные в речи и не зафиксированные в лексикографических источниках. На большом материале русскоязычных и белорусскоязычных текстов рассмотрены наиболее продуктивные способы образования окказионализмов (как узуальные, так и неуззальные). Наиболее продуктивными уззальными словообразовательными способами являются суффиксация, префиксация, чистое сложение, аббревиация и суффиксально-сложный способ. От имен собственных отечественных и зарубежных политиков образуются дериваты-аббревиатуры. Из собственно окказиональных способов активно используется контаминация (гибридизация, блендинг). Семантика контаминантов состоит из значений мотивирующих единиц и, как правило, усложняется коннотацией оценки, экспрессией. Встречаются и другие окказиональные способы словообразования — заместительная деривация (по образцу конкретных слов), графикация. Такие окказиональные единицы выступают в качестве своеобразных графических и орфографических средств. Показано, что негативный характер экспрессии новообразований обусловлен семантическими и (или) стилистическими особенностями мотивирующих слов, оценочностью словообразовательных формантов, а также отношением говорящего к денотату, обозначенному окказиональным словом. Отмечено, что значительная часть новообразований создается на базе имен собственных политических деятелей. Такие окказиональные единицы выступают в качестве своеобразных словесных ярлыков, с помощью которых демонстрируется негативное эмоционально-оценочное отношение к объекту номинации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словообразовательные окказионализмы; словообразование; политический дискурс; негативная оценочная экспрессия; речевая агрессия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Кирдун Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, начальник научного отдела речеведческих, криминалистических и экономических исследований, государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»; 220114, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Филлимонова, 25, к. 504; e-mail: allakirdun@mail.ru.

Андреева Алеся Владимировна, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией психолого-лингвистических исследований научного отдела речеведческих, криминалистических и экономических исследований, государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»; 220114, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Филлимонова, 25, к. 504; e-mail: andreeva_alesya@inbox.ru.

Современный политический дискурс приобретает все более открытый, агрессивный характер. Как справедливо отмечают ученые, в настоящее время неотъемлемой и естественной составляющей политического дискурса является речевая (вербальная) агрессия [Шейгал 2000: 131]. В лингвистической науке термином «речевая агрессия» принято обозначать выражение языковыми средствами негативного эмоционально-оценочного отношения к кому- или чему-либо, нередко с нарушением представлений об этической и эстетической нормах, а также с перенасыщением текста негативной информацией [Петрова 2014: 19]. При этом все формы речевой агрессии реализуются различными средствами языка: лексическими, словообразовательными, синтаксическими, интонационными и др. Исследователи выделяют две основные группы языковых средств, используемых при агрессивном речевом поведении: негативно-оценочные лексические средства (инвективная и стилистически сниженная, ненормативная лексика, окказионализмы, агрессивная метафора и нек. др.), с помощью которых проявляется активная, открытая речевая агрессия, и дискурсивные (речевая демагогия, тенденциозное использование негативной информации, интертекстуальность и др.), которые исполь-

зуются преимущественно для выражения не прямой, скрытой агрессии [Петрова 2014: 29—30; Культура русской речи 2007: 562—564].

Сегодня особую актуальность представляет изучение словообразовательных окказионализмов, которые являются ярким средством выражения негативной оценочной экспрессии и которыми насыщены тексты политического дискурса (понятие «политический дискурс» используется нами, вслед за Е. И. Шейгал, в широком смысле — для обозначения таких форм коммуникации, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения) Республики Беларусь. Следует отметить, что до настоящего времени такие окказиональные единицы не были объектом специального лингвистического исследования.

Материалом для нашего исследования послужили словообразовательные окказионализмы, зафиксированные в статьях на общественно-политические темы и комментариях пользователей к ним, размещенных на белорусских оппозиционных сайтах (<https://charter97.org>, www.belaruspartisan.org, <https://nn.by>, <http://1863x.com> и др.). Выбор источника фактического материала не случаен. В Республике Беларусь оппозицион-

ные общественно-политические интернет-ресурсы представляют собой коммуникативную среду, характеризующуюся установкой на речевую агрессию и враждебность, довольно широким представлением о свободе слова, формированием своей «коммуникативной нормы» публичного общения, которая зачастую не согласуется с морально-этическими и правовыми нормами белорусского общества. Некоторые из оппозиционных ресурсов неоднократно подвергались блокированию со стороны государственных органов Республики Беларусь, а ряд конфликтных публикаций становился предметом судебного разбирательства, в том числе и по делам, связанным с противодействием экстремизму (авторы данной публикации привлекались в качестве экспертов для производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы, объектами которой являлись публикации, размещенные на одном из оппозиционных сайтов и впоследствии по решению суда признанные экстремистскими информационными материалами). Целевой аудиторией обозначенных ресурсов являются белорусские граждане, которые не разделяют политику белорусских органов власти и не согласны с их действиями. Оппозиционные сайты предоставляют пользователям возможность обсуждать международные и внутривнутриреспубликанские новости, в частности политические, и совершенно свободно (в любой языковой форме) выражать свою позицию. Нередко размещенные на сайтах публикации задают эмоционально негативный, агрессивный тон, который провоцирует неконструктивную дискуссию в комментариях. Однако, по нашим наблюдениям, именно в этой коммуникативной среде наиболее ярко появляется лингвокреативность пользователей.

Окказионализмы понимаются нами как новые слова с ингерентной (внутренне присущей) и адгерентной (проявляющейся в контексте) экспрессивностью, порожденные в речи и не зафиксированные в лексикографических источниках.

Проведенный анализ позволяет говорить об активности как узуальных способов, при помощи которых образуются окказионализмы стандартной структуры (созданные по образцу словообразовательных типов или с несистемными отклонениями от условий словообразовательного типа), так и незузуальных способов, при помощи которых образуются окказионализмы нестандартной структуры (созданные с системными отклонениями от условий словообразовательного типа).

В политической коммуникации (в русскоязычных и белорусскоязычных текстах)

наиболее продуктивными узуальными словообразовательными способами являются суффиксация, префиксация, чистое сложение, аббревиация и суффиксально-сложный способ.

При образовании экспрессивных оценочных окказионализмов суффиксальным способом особую активность проявляют морфемы *-щин(а)/-овщин(а) / -шчын(а)/-аўшчын(а)*, *-изм / -ізм/-ызм*, *-ист / -іст/-ыст*, *-ец/-овец / -ец/-эц/-овец/-авец*, *-ун / -ун* и *-авк(а) / -аўк(а) / -яўк(а)*.

Как показывает исследованный материал, в белорусском политическом дискурсе неологизмы с суффиксами *-щин(а)/-овщин(а) / -шчын(а)/-аўшчын(а)* и *-изм / -ізм/-ызм* обозначают крайне негативно оцениваемые частью социума явления современной общественной жизни, политические или идеологические течения и т. п. Например, в русскоязычных текстах функционируют лексемы **лукашизм** (*Наше общество больно „лукашизмом“*. „Лукашизм“ — это не ругательство. Это обозначение очень популярного стиля мышления в белорусской политической сфере по имени одного из самых ярких его представителей); **путинизм** („Путинизм“ — это паразитическая власть, которая подмяла под себя большой кусок мира...); **трамповщина** (*Щас в моде трамповщина, режь правду-матку без оглядки*) и др. В белорусскоязычных текстах зафиксирован более широкий набор «отрицательно заряженных» суффиксальных дериватов: **абамаўшчына** (*Гэта ўсё Абамаўшчына. Палітыка адсежвання ў куце. Лідэр павінен быць заўсёды і Ромні гэта разумее* — здесь и далее в примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация); **жырыноўшчына** (*Калі так разважаць, то трэба ўсю нямецкую нацыю назваць подлай, бо немцы масава падтрымалі Гітлера ў кідаліся за яго пад савецкія танкі. Так разважаюць манкурты, якія заблыталіся ў хочуць сябе апраўдаць, плюючы на сьвятое — на свой народ. Зь іншага боку, такія разважаньні — гэта жырыноўшчына, эпатаж. Зьявіўся цэлы тып людзей, якія паказваюць сябе цынікамі, але ведаюць, што пра іх будуць гаварыць*); **зьяноншчына** (*Я апошнія гады шмат чую ..., што „этнічныя бабкам па хутарах і сумныя студэнты-этнографы“ нешта разумеюць, а іншыя — прафанатары і ворагі беларушчыны. Карацей, такая Зьяноншчына, толькі замест палітыкі — культура. Баюся, калі такі падход пераможа, то і вынік будзе такі ж, як у Зьянона: маральныя ўсе такія аўтарытэты, у эміграцыі і безвынікова для Беларусі*); **лукашызм** (*Як любыя таталітарныя рэжы-*

мы, **лукашизм** у тым ліку, праз голасныя заявы сыходзяць з добрых намераў для сваіх народаў, але дзейнічаюць для іх дасягнення несправедлівымі сродкамі); **пуціншчына** (...ўся гэтая закасьнелая, бессэнсоўная, бяздарная, пазбаўленая якой бы то ні было творчай, стваральнай энэргіі **пуціншчына** расьцягваецца на бясконца даўгі тэрмін, што ня можа не прывесць да краху і развалу Расеі) і др. Все зафіксаваныя суфіксальныя аказіянальныя адзінцы створаны на базе імен сабствённых (фамілій і рэжэ імен), называючых палітычэскіх ці агульных дэятэлей Рэспублікі Беларусь (А. Г. Лукашэнка / А. Г. Лукашэнка, Зенон Позняк / Зянон Пазняк і др.) ці другіх краін. Нэгаціўная сэмантыка новаабраўаваных с фармантам **-шчын(а)/-авшчын(а) / -шчын(а)/-аўшчын(а)** яўляецца рэзультам дэрыўацыі: іменна фармант прывносіт ў мавіўаваннае слова экспрэсіўную нэадобрэньня, асуджэньня. Нэгаціўны характэр экспрэсіўнага аказіяналізму с суфіксам **-ызм / -ізм / -ызм** абумоўлен кантэкстуальна і абьясьняецца аўтраціцатэльным адношэньнем гаворачага к таму ці іншаму ліцу, названаму мавіўаваным словам.

Дэрыўаты с суфіксамі **-ыст / -іст / -ыст, -ец / -овец / -ец / -ец / -овец / -авец** такжэ абраўаваны ад асноваў фамілій палітычэскіх дэятэлей і абазначают іх стравоннікаў, ставленнікаў, саратнікаў лібо прывэржэньцаў прамовімай імі палітыкі. В руско-язычных тэктах в Белнэце зафіксаваны такія лексэмы: **лукашыст** (Сам я Беларус, вмесце с сямьей прыехалі жыць в Германію. Здэсь бываю ачэнь рэдка. С каждым разам прыезжая в эту прэвосходітэльную Рэспубліку, паражаясь, насколькэ здэсь із-за грязной палітыкі **Лукашыстэв** вся стравна пугрузілась в дэрьмо); **трамповец** (Вот **Трамповецы** пару раз якшанулісь с Пуцінскімі — пол года тэпэр атмытэсья нэ могуць), **порошенковец**, **яценюковец** (Іностраницы в правітэльствэ — это людэ, котрые поставлены іностраницамі жэ для того, чтобы контроліровать распрэделэньне денэгов, чтобы іх тупо нэ разворовалі „**яценюковецы**“ і „**порошенковецы**“) і др. В беларускаязычных тэктах частотны следуючыя дэрыўаты: **пуцініст** (Па лібэральным сэгмэнтэ блогасфэры ішпацыруэ зборны партрэт прыхільніка Пуціна. Гэта нэйкі малаадукаваны, бедны чалавек у ватойцы — абавязковым атрыбуцэ расейскай галечы. Аднак спяшаюся расчараваць нашых сеткавых снобаў. Тыповы „**пуцініст**“ носіць хутчэй Prada. А бедныя — гэта найменш лаяльная да ўладаў катэгорыя насельніцтва); **мэджэвэдзіст** (Тым ча-

сам у глыбіні сібірскіх руд набіраэ ўсэ большую вагу новы кшталт даўбабэаў, поўная мужыковая супрацьлегаласьць (умоўна кажучы, калі мужык, як і кожны сапраўдны мужык — пуцініст, то гэтых назавэм **мэджэвэдзістамі**): людзі, якія дыхаць ня могуць без тэхналёгіі!); **парашэнкавец** (А ў тэй час украінска-расейскую мяжу беспэрашкодна перасякаюць патроны ў выгядзе ракет. І гарматы, і танкі. А **парашэнкаўцы** з пуціноідамі, між тым, вядуць рэй пра нэйкія непакараньні й амністыі для трымальнікаў тых „патронаў“) і др. Прыведзеныя нэмінацыі ліц с суфіксамі **ыст / -іст / -ыст, -ец / -овец / -ец / -ец / -овец / -авец** савэржэат краіне нэгаціўную ацэньку с экспрэсіўнаю нэадобрэньня, асуджэньня, котрая абумоўлена тэм, что дэнататы мавіўаваных словаў вызываюць у адрэделэньнай часты агульства нэгаціўныя ассыацыі.

В беларускай палітычэскай каммунацыі шырока прэставлены новаабраўаванія, сздаваемыя прэімульствава на базе імен сабствённых (антропанімаў і рэжэ топанімаў) пры помашы суфіксаў **-ун / -ун і -авк(а) / -аўк(а) / -яўк(а)**. Напрымэр: русск. **дроздуны** (Я прэдлагаю вэсем, кто ещэ работат — прэкратіть это с понэдэльніка дэлать! ЗАБАСТОВКА по вэсей стравне прывэдэ к тому, что этим молотчикам прідэтсья мэншэ кушать! І еслы іх гнэв прэвэвэсты на **дроздунов**, то понятно, что будэт! ТОЛЬКО ЗАБАСТОВКА по вэсей стравне!!!!); **шунявкы** (Вот скажы мнэ Лукашэнка в чэм сіла? Развэ во власты? У тэбя многов власты і чэгов? Я вот думаю, что сіла в правдэ. У кого правда, тот і сілнэй! Разогнал ты **шунявкы** мірныі народ 25 марта і что думаеш сілнэй стал? Нэт нэ стал. Правда за народом, значыт он сілнэй!) і др.; бел. **дроздуны** (У сваю чаргу старшыня АГП Анатоль Лябэдзька заявіў: пагаршэньнэ ўмоў жыцця беларусаў — гэта наступствы дзэяньняў „тых, хто жывэ ў Драздах“. „**Драздуноў**“ у адстаўку! — заявіў Лябэдзька. — Сэньня мы павінны канстатаваць, што ў нас няма права выбару, нам нэабходны новы эканамічны курс, нам патрэбная еўрапэйская будучыня. За 22 гады „**дроздуны**“ пабудавалі толькі сваю будучыню); **ціхуны** (Тым ня мэнш мы зноў назіраэм дзіўныя на першы погляд паводзіны штатных нібыта апазыцыйных структур. Нэ разумець цяпер, што ўдзел у псэўдавыбарэх ёсьць падтрымка рэжыму — ужэ немагчыма. Тым ня мэнш яны ўдзельнічаюць. Пры гэтым міліцыя (**ціхуны**, гэб’ё і інш.) перашкаджаюць ім праводзіць законную выбарчую агітацыю, хапаюць спадароў Лябэдзек ды іншых тыпу

„хрысьціянскіх дэмакратаў“, адвозяць у міліцыю, у суд, прысуджаюць штрафы і г.д.); **шуняўкі** (Будуць правакацыі з боку расыстаў, **шуняўкі** павінны займацца імі, а не журналістамі Белсату) и др.

Окказионализм *дроздуны* / *дроздуны* обозначает жителей элитного коттеджного поселка «Дрозды», расположенного на северо-западе Минска (преимущественно представителей власти, проживающих в нем), и в выявленных нами контекстах употребляется исключительно с негативной коннотацией. Неологизм *шунявки* / *шуняўкі* образован от фамилии министра внутренних дел Республики Беларусь И. А. Шуневича, который накануне 100-летнего юбилея белорусской милиции в интервью газете «Советская Белоруссия» важными функциями сотрудников внутренних дел назвал сохранение национальной безопасности и охрану общественного порядка. Изначально слово *шунявки* / *шуняўкі* употреблялось в отношении милиционеров в штатском, которые были задействованы в задержании участников уличных акций. В последнее время это слово расширило свою семантику и обозначает всех представителей правоохранительных органов. Окказионализм *шунявки* / *шуняўкі* благодаря звуковому сходству со словом *шавки* / *шаўкі* формирует ассоциативную связь «представители правоохранительных органов — послушные исполнители приказов, направленных на расправу с теми, кто не поддерживает власть». Ср. пейоративы с тем же значением *псы системы* / *псы сістэмы* и *псы режима* / *псы рэжыму*, широко используемые в политическом дискурсе Республики Беларусь. Окказионализм *ціхуны*, зафиксированный в белорусскоязычных текстах, образован от основы имени прилагательного *ціхі* и обозначает одетых в штатское милиционеров, принимающих участие в задержании митингующих. В данном новообразовании негативный характер семантики контекстуально обусловлен и связан с отношением говорящего к лицу, названному окказиональным словом.

Нередко в политическом дискурсе используются производные с суффиксом *-ат(а) / -ат(ы) / -ят(ы)*: русск. **лукашата** (Но фишка в том, что какие бы фарсы ни устраивали, экономика от этого лучше не станет, и денег от Запада они уже не получают на халяву. Так что сколько бы **лукашата** не орали что все в их болоте хорошо, конец режима от этого только ближе); бел. **лукашаты** и **шэйманяты** (Лукашэнку й Шэйману трэба зразумець, што на Беларусі без беларускай мовы й культуры правіць баль будуць не лукашаты і шэйманяты, а пуці-

ноіды) и др. Приведенные дериваты образованы от фамилий А. Г. Лукашенко и В. В. Шеймана (главы Администрации Президента Республики Беларусь). В узувальном словообразовании суффикс *-ат(а) / -ат(ы) / -ят(ы)* имеет значение невзрослости и придает лексеме позитивную коннотацию: *октябрыта* / *акцябраты*, *котята* / *кацяняты* и под. Однако, в отличие от этих слов, приведенные новообразования в исследованных нами контекстах употребляется исключительно с негативной коннотацией и обозначают подчиненных (или сторонников) того, кто назван мотивирующей основой. Привносся в семантику окказиональных слов негативную сему 'несамостоятельность, зависимость', суффикс *-ат(а) / -ат(ы) / -ят(ы)* служит средством придания лексеме уничижительной окраски.

В последнее время в политическом дискурсе Республики Беларусь отмечается активизация префиксального способа образования окказионализмов от именных основ, что ученые связывают с установкой на повышенную экспрессивность и оценочность речи, возрастанием роли личностного начала. Для выражения негативной оценочной экспрессии активно используются четыре приставки: *анти-* / *анты-*, *квази-* / *квazi-*, *псевдо-* / *псеўда-*, *недо-* / *неда-*, — которые легко сочетаются с именными основами (существительными или прилагательными) и не вызывают каких-либо изменений на стыке морфем.

Окказионализмы с префиксом *анти-* / *анты-* выражают значение 'противоположное, враждебное тому, что названо мотивирующим словом, направленное против того, что названо мотивирующим словом'. Неологизмы отражают противостояние социальных сил, партий, движений и т. п. в современном обществе и являются действенным средством создания в тексте бинарной оппозиции «свой — чужие». Например: русск. **антибелорусский** (Национальное собрание Беларуси на совместном заседании обеих палат 29 апреля приняло заявление в связи с усилением **антибелорусской** кампании, развернутой рядом европейских государств и США. ...Данная кампания построена на политике двойных стандартов в отношении соблюдения прав человека в Беларуси); **антимайдан** (С резкой критикой действующих в Беларуси пророссийских организаций выступила популярная „ВКонтакте“ группа „**Антимайдан** Беларусь“. Причиной послужило то, на постаменте могилевского памятника Александру Пушкину были затерты стихи „Клеветникам России“) и др.; бел. **антыбеларускі** (Калі хто скажа, што „экспэртыза“ мытні пра

Куропаты — гэта чарговая праява адсталасьці і дурноты хамскай ўлады, той скажа толькі палову праўды. Гэта ёсьць перш за ўсё праява акупацыйнай палітыкі **антыбеларускага** рэжыму па ліквідацыі беларускай культуры); **антырасейскі, антыпуцінскі** (На сёньняшні дзень масавай беларускай контрінфармацыі мы амаль што ня маем. Наша інфармацыя кропкая і лакальная. Арганізацыя **антырасейскай, антыпуцінскай** кааліцыі... першым чынам, на мой погляд, мусіла б вырашыць... інфармацыйную задачу ў барацьбе чалавецтва супраць пуцінскага рускага фашызму); **антыўкраінскі** (Расійскі канал „Улыбка ребенка“ звярнуўся да **антыўкраінскай** прапаганды і прадэманстраваў мульцік, у якім Украіна бамбуе Данбас. Відэа пачынаецца з дзіцячых малюнкаў мірнага жыцця, якое разбурыла, як гэта сцвярджаюць аўтары муьтфільма, украінская армія. Ролік пераконвае, што менавіта яна бамбіла гарады і мірных жыхароў Данбаса. Бягучым радком праходзіць лозунг: „Выратуйце жыхароў Данбаса ад украінскай агрэсіі“) і др.

Довольно часто образуются окказиональные единицы с оценочными приставками квази- / квази- и псевдо- / псевдо-, имеющими значение ‘ненастоящий, неправдивый, фиктивный’. Например: русск. **квазидемократический** (Однако судьба диктаторских режимов без преемника, то есть без того, кто перевел бы общество от диктатуры хотя бы к **квазидемократическим** формам правления, незавидна. После прессинга диктатуры наступает упоение... не свободой даже, а послаблением. И это может разнести вдребезги и пополам любую страну); **квазипарламент** (Через несколько дней после голосования Верховный Совет и Конституционный Суд были разогнаны. Новый состав **квази-парламента** — „палата представителей“ из 110 человек — была назначена указом президента из лояльных по отношению к нему депутатов Верховного Совета); **псевдовыборы, псевдопрезидент** (в этой стране **псевдовыборы псевдопрезидент** это не страна, а виртуальная реальность, черная дыра и параллельный мир, здесь произошло искривление реальности сипатым пенсионером и его системой пора менять власть !!!); **псевдочиновники** (У нас не только **псевдочиновники**, у нас еще и псевдопрезидент есть !) и др.; бел. **квазідзяржава** (А Лукашэнка пайшоў па шляху ўсталяваньня аўтарытарызму, стрымліваньня ці нават згортваньня рынковых рэформаў і ператварэньня Беларусі ў **квазідзяржаву, сатэліта Расеі** (што, між іншым,

рэзка пагоршыла пэрспэктыву ўсталяваньня нармальных стасункаў Украіны і Расеі, бо Расея, натуральна, бачыць ў беларуска-расейскіх адносінах і гатоўнасьці Лукашэнкі прыняць на сябе ролю „малодшага брата“ мадэль, якой абавязана прытрымлівацца Ўкраіна)); **псеўдаапазіцыя** (Для **псеўдаапазіцыі** добра ўсё тое, што разбурае Беларусь як незалежную дзяржаву); **псеўдабеларус** (Спадар Шымаў звычайны **псеўдабеларус**, які ніколі не адчуваў і ня можа адчуваць сувязі з гэтай краінай, шляхам беларусаў, які пранікнуты крывею, рэвалюцыямі і цягай да культурнага і дзяржаўнага самавызначэння); **псеўдаўлада, псеўдасуддзя** (У прысудзе братам Навальным **псеўдасуддзя** Алена Каробчанка не толькі сама сталася ідыёткай, але і прадэманстравала тое, што **псеўдаўлада** ў Расеі — клінічныя ідыёты) і др.

Растет число окказионализмов, которые образованы с помощью префикса недо- / неда- и передают значение ‘недостаточный, ненастоящий, неполноценный, не соответствующий норме’ (с оттенком уничижения или презрения). Например: русск. **недоопозиционер** (Евгений Константинов — бывший витебский **недоопозиционер, страстный любитель русской монархии**); **недополитик** (как уже достали эти стенания различного рода американских **недополитиков** сказано же на высшем американском уровне — никаких кибератак во время выборов не было, так нет же, отдельным всё поджорает!); **недострана** (Оказывается борцам за русский мир не нравится, когда русский мир побеждает. Оказывается, обитателей очередной **недостраны**, созданной усилиями русских танкистов, нельзя назвать людьми. Вот это я понимаю антифашизм!) и др.; бел. **недадэпутат** (Мяркую, **недадэпутатаў** гэтых такое становішча рэчаў задавальняе: працы няпыльная, добра аплачваная, адказнасьць нулявая — галоўнае не рыпацца...); **недавыбары** (гэта толькі бачнасьць нечага цывілізавага, што можа адбывацца з нашымі выбарамі.. пыл у вочы.. цалкам бутфорскія плакаты.. але і яны пэўна мусяць некага прымусіць прыйсці на гэтыя **недавыбары**.. ганьба тым, хто на іх красуецца); **недакраіна, недадзяржава** (За два стагодзьдзі ў сьвядомасьці народа глыбока ўкарэнены комплекс дзяржаўнае непаўнаwartасьці Беларусі. Беларусь — гэта якбы **недакраіна, недадзяржава**. Адсюль несур’ёзныя адносіны да беларускай мовы, да гісторыі) і др.

Мотивирующими для выявленных новообразований с префиксами квази- / квази-

и псевдо- / псеўда-, недо- / неда- выступают преимущественно существительные со значением лица (наименования по социальному статусу), а также слова, относящиеся к общественно-политической лексике. Дериваты с названными приставками в политическом дискурсе являются маркерами негативного эмоционально-оценочного отношения к денотату, средством унижения, девалоризации лица. Как показывают наши наблюдения, негативная оценочная экспрессия окказионализмов поддерживается и усиливается самим контекстом — с помощью различных пейоративных единиц (вплоть до обценных).

Окказиональные единицы, образованные чистым сложением и суффиксально-сложным способом, являются эффективным средством негативной оценки, что чаще всего связано с негативной семантикой и (или) стилистической сниженностью мотивирующих слов. Например, в политической коммуникации Республики Беларусь нередко встречается неологизм *маскалафашисты*, используемый белорусскими националистами. Новообразование создано на основе ненормативного этнонима *маскалі* (в среде белорусских националистов наблюдается тенденция замены нормативных номинаций *рускія, расіяне* стилистически сниженными словами *маскалі* или *кацапы*) и лексемы *фашисты*, которая актуализирует негативные значения 'очень жестокие люди, садисты', 'оккупанты'. Например: «*Маскалафашисты кінулі беларуса ў засценкі за яго пазыцыю, заўважу, нармальную пазыцыю. Свабоду беларусу!*»; «*Звычайныя маскалафашисты. Украінцы ачысцяць сваю хату ад гэтага смецця*». Новообразование *маскалафашисты*, которое обладает повышенной экспрессивностью, можно считать своеобразным словесным ярлыком, способствующим формированию негативного этнического стереотипа о русских.

Суффиксально-сложный окказионализм *хатаскрайники* образован на базе разговорного фразеологизма *мая хата с краю* с негативной коннотацией, с помощью которого зачастую характеризуется жизненный принцип белорусов: не имею к этому никакого отношения, меня это совершенно не касается. Данное слово используется в русскоязычных текстах в отношении белорусов, не склонных к солидарности и безразличных к общественно-политической жизни страны: «*Пропутинские цепные и служаки — 10%, ярые патриоты бчб-Беларуси — 3%, осмелевшие сочувствующие — 17%. Уехавшие на заработки в Мск или струсившие — 10%. Ок, эти все будут вне игры. А остальные 60% абыякавых хатаскрайни-*

ков будут стоять плотненьким живым щитом за Цалдырбию, т.к. Присягу нарушать низзззя..»; «Страна хатаскрайников, пока гроши есть и никто не трогает — Лукашенко хороший, как только под ложечкой сосать начинает — задумываются. С единством здесь проблема».

Окказионализм *борщеварка / баршчаварка*, образованный от словосочетания *варить борщ / варыць боршч*, содержит негативную статусную оценку женщины-политика с экспрессией неодобрения, осуждения: 'она не соответствует занимаемой должности, ее место на кухне, а не в политике': русск. «*В Беларуси есть четыре зверь-бабы, от слов и дел которых не знаешь или плакать, или смеяться: считалка-борщеварка Ермошина, баба „одним словом — коня на повал“ Котковец, работница на все руки и язык — Щеткина, и баба „всем молчать, думать не можно“ — Ананич!*»; бел. «*як непрадказальна часам складаюцца-пераплятаюцца лёсы. гадоў 20 таму хто б мог уявіць, што вось так простая баба без асаблівага розуму і нават зьнешнасьці (даруй Божа) будзе наўпрост рабіць гучныя заявы пра швэдаў і выбары, а яе пакупкі ў д'юці фры будзе абмяркоўваць ледзь не ўся краіна. Лідка-баршчаварка... крыў нас, Божа, дай сілы і розум перажыць і пераадолець гэтыя часы, каб хоць дзеці нашыя змаглі жыць у краіне, дзе людзі будуць адпавядаць сваім пасадам*».

Как в русскоязычных, так и в белорусскоязычных текстах представлены окказионализмы, образованные способом аббревиации. Чаще всего такие дериваты мотивируются именами собственными известных отечественных или зарубежных политиков. Так, например, номинация *АГЛ / агл* образована путем объединения начальных букв полного имени собственного *Александр Григорьевич Лукашенко*: русск. «*АГЛ человек советского строя и с амбициями, получив власть он полностью перенес идеологию управления СССР на республику, ничего не меняя...*»; «*...Уже второй десяток лет АГЛ со всех высоких трибун заявляет одни и те же лозунги, что мы должны стать крутой ИТ-державой и, наверное, сам начал себя ловить на мысли, что как то эти лозунги так и остаются лозунгами*». В ряде контекстов фиксируются номинации *АГЛы / Аглу*, содержащие аллюзию на морфему *оглы*, используемую в именах собственных тюркского происхождения, в том числе президентов стран Средней Азии: русск. «*Аглу не на что больше рассчитывать. Его последнее „прости“ было красноречивым, даром, что многословным. Умные многохо-*

довки с ним никто просчитывать не будет, он выболтает все и сразу»; «А зачем АГЛы поменял символы как только пришёл к власти?! Не надо думать, что он колхозный простачок»; бел. «Якая Незалежнасць Рэспублікі Беларусь? ...Гэта даўно ўжо губернія Масковіі з дзіўным губернатарам ТНП АГЛы!»; «...З аглом яшчэ трохі пажыруюць і какеісты і фудбалісты. Будзя іншы прэзідэнт будуць іншыя жыраваць...». Использование номинаций АГЛы / Аглу реализуется прием намека на продолжительный срок пребывания А. Г. Лукашенко на должности президента страны.

В белорусскоязычных текстах наряду со словом АГЛ используется окказионализм АлРыг, образованный путем объединения усеченных основ имени и отчества Аляксандр Рыгоравіч (Лукашэнка): Але ж калі прааналізаваць, дык рыторыка нянавісці, якой сёння карыстаюцца Дугін і Ко, робячы з украінцаў фашыстаў, і якая распаўсюдзілася як зараза на „шырако страну маю радную“ пачыналася менавіта ад яго, нашага АлРыга. Гэта ён, пырскаючы нейтаймаванай злосьцю, пляжыў сьвядомых, гэта з яго падачы практычна ўсе тыя, хто карыстаецца беларускай мовай, сталіся запраданцамі і здраднікамі, каторыя за долары зліваюць Беларусь Захаду.

В выявленных нами окказионализмах-аббревиатурах негативная оценочная экспрессия обусловлена контекстуально и связана с авторским отношением к лицу, названному окказиональным словом.

Окказионализмы нетипичной структуры образуются собственно окказиональными словообразовательными способами, среди которых наиболее продуктивным является контаминация (гибридизация, блендинг). Характерной особенностью контаминации как специфического способа словообразования выступает объединение двух мотивирующих слов в рамках одной мотивированной единицы, что содействует компрессии и «свертыванию» семантики словосочетания или предикативной единицы в одно слово. Семантика контаминантов состоит из значений мотивирующих единиц и, как правило, усложняется коннотацией оценки, экспрессией [Минеева 2015: 58]. Дериваты, образованные путем контаминации с произвольным совмещением формально тождественных частей, обладают яркой экспрессией и широко используются в качестве средства негативной авторской оценки, вербальной агрессии [Петрова 2014: 84]. Например, номинация *быдлорусы* / *быдларусы* создана путем объединения стилистически сниженного слова *быдло* / *быдла* с презрительной

окраской и этнонима *белорусы* / *беларусы*. И в русскоязычных, и в белорусскоязычных текстах данный негативно-оценочный контаминант используется для обозначения: 1) белорусов, в том числе чиновников, как духовно неразвитых людей (в частности, не имеющих национального сознания): русск. *Не образованность и незнание своей истории просто бесит, какой на фиг флаг оппозиции, и тем более братья россияне, по истории всю жизнь с ними воевали, короче одним словом **Быдлорусы***; бел. *Калі ў краіне пры ўладзе **быдларусы** то не быць выставам гісторыі ліцьвінаў як і не быць ліцьвінскамоўных клясаў у школах не гаворачы ўжо пра школы а каб былі ліцьвінскамоўныя ВНУ дык гэта навогул з вобласці фантастыкі. Калі ласка не блытаць ліцьвінаў з літоўцамі(жмуддю). Хаця ім, літоўцам, вялікі дзякую што захоўваюць гісторыю ВКЛ*; 2) белорусов как бессловесно покорных людей, подчиняющихся чужой воле, позволяющих себя эксплуатировать: русск. *не гоже быть быдлом! надо быть человеком! а у человека есть принципы... самоуважение... а у **быдлорусов** этого нет!*

Путем контаминации — объединения узуального слова *роботы* / *робаты* и имени собственного (фамилии) Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко — образован окказионализм *лукоботы* / *лукаботы*, который в русскоязычных и белорусскоязычных текстах фиксируется со значениями: 1) интернет-пользователи, позитивно отзывающиеся в своих комментариях о Президенте Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и проводимой им политике: русск. *„**лукаботы**“ — лукашенковские тролли, расплодившиеся в последнее время. их тезисы одним словом — „россиядолжна“*; бел. *...Мадэратары, забараніце нарэшце ананімных лукаботаў!*; 2) чиновники, представители власти Республики Беларусь: русск. *лукоботы гоняются за оппозицией..; Рыгорыч, ты еще **лукаботам** вручи лопаты — пусть страна посмотрит ни их рыла.*; бел. *Вангую наплыву крэмле- і **лукаботаў***. Негативная оценочная экспрессия окказиональной номинации *лукоботы* / *лукаботы* связана прежде всего с семой 'управляемость', которая наследована от мотивирующего слова *роботы*.

Как в русскоязычных, так и в белорусскоязычных текстах широко представлены окказионализмы, которые создаются путем заменительной деривации (или деривации по аналогии, по конкретному образцу). Например, номинация *лукасеки*, в качестве мотивирующих которой выступают имя собственное (фамилия) Президента Республики

Беларусь А. Г. Лукашенко и слово *сектор*, возникла по аналогии со словом *правосеки* (от *правый сектор* 'объединение активистов ряда украинских националистических праворадикальных организаций, сформировавшееся в декабре 2013 — феврале 2014 гг. в ходе протестных акций в Киеве' [Правый сектор]), прочно вошедшим в публицистический «арсенал» российских СМИ под влиянием украинского политического дискурса. Номинация *лукасеки*, как и слово *лукаботы*, используется для обозначения интернет-пользователей, позитивно отзывающихся в своих комментариях о Президенте Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и проводимой им политике, а также для обозначения чиновников, представителей власти Республики Беларусь: русск. — *Нам бы такого Президента! — Вздыхают лукасеки на разных форумах, в комментариях к статьям про Беларусь. — Молодец Лукашенко! — Вопят лукасеки разглядывая фотографии где ОМОН жестоко избивает людей на площади...; бел. Дарэчы, маскоўскі рупар Андрэй Суздальцаў калісьці запісаў асабліва адыёзныя перадачы ды сюжэты БТ. Нават круціў іх дзеля блазнаваньня барыну Пуціну.... Ён казаў, што пасья іх немагчыма будзе знайсці, бо лукасекі ўсё такое зьнішчаюць.*

В русскоязычных текстах нередко встречается окказионализм *бульбосрач / бульбасрач*, образованный от слова *бульба* (белорусский национальный символ) и вульгаризма *срач* по аналогии с окказиональным словом *хохлосрач*, которое активно употребляется в российской части интернет-пространства. Белорусское новообразование *бульбосрач / бульбасрач* передает крайне негативную оценку сообщений, комментариев, споров и т. п., касающихся тематики взаимоотношений России и Беларуси, а также белорусского национального вопроса. Например: русск. «*Живу в РБ и что-то ни разу не заметил тех ужасов о которых говорят те авторы-блогеры. Даже близко нет. А ведь им верят. Потому, что хотят верить. Тянутся за тем бульбосрачем, который они разводят*»; «*Очень уж интересно читать бульбосрач и здесь, и в Блоке Единства Славян, и др. Когда паратройка „патрыётаў“ начинает восхвалять и воздымать до небес гос.строй ВКЛ и РП. Да только изжили себя эти государственные образования. И винить здесь прежде всего нужно себя самих. А Русь стояла и стоять будет!*»; бел. «*Калі б нехта ўзяўся за складанне Кароткага слоўнічка беларускага блогера, то распачаў бы гэты слоўнік артыкул пад назвай БУЛЬБАСРАЧ*».

Узуальная лексема *гитлерюгенд / гитлерюгенд*, которая обозначает молодежную организацию НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии), послужила образцом для создания синонимических окказиональных единиц *БРСМюгенд*, *лукашенкоюнегд / лукашэнкаюгенд*, *лукаюгенд / лукаюгенд*, *сашаюгенд*, *югендбел*, широко употребляемых в политической коммуникации в качестве альтернативного наименования Белорусского республиканского союза молодежи (БРСМ). Например: русск. «*Закидать яйцами нужно было их и всё. А Лука ещё на финансирование для брсмюгенда даёт деньги, что бы таких отморозков встречали*»; «*...подозреваю, что на ЧМ после Олимпиады придут с большего только россияне средней и ниже средней платежеспособности. Вряд ли будет ажиотаж среди остальных болельщиков. Поэтому наверняка на матчах типа Австрия-Норвегия или Дания-Франция на трибунах традиционно для нас будет лукашенко-югенд из брсм и солдатня*»; «*народ разбегается (молодёжь всё больше разъезжается за рубеж, остаются лукаюгенды, которые способны работать только в идеолухтических отделах)...*»; бел. «*Бозятымойбозя... Лукашэнка-югенд у бой кінулі нарэшце...*»; «*На пачатку ліпеня антыбеларускі рэжым пачаў татальную мабілізацыю моладзі ў лука-югенд. На прадпрыемствах і ў інстытуцыях замітусіліся камісары ад адміністрацыі, патрабуючы, каб усе супрацоўнікі, маладзейшыя за 30 год, запісаліся ў БРСМ ... Аднак, на прызначаны ўрачысты сход маладыя супрацоўнікі дружна не з'явіліся (і так па ўсёй краіне). Камісары пачалі запалохваць маладых звальненнямі, нявыплатамі прэміі і г.д. ... Перад беларускай моладдзю стаіць выбар: даць свой подпіс нячысьціку альбо не запляміцца супрацоўніцтвам з рэжымам*». В качестве одного из мотивирующих слов для выявленных нами окказионализмов выступают узуальная аббревиатура *БРСМ*, фамилия или неполное имя Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, а также прилагательное *белорусский*. Негативная экспрессия в новообразованиях обусловлена возникновением исторических параллелей, соотношением организации, названной окказиональными словами, с той, которая известна как *гитлерюгенд / гитлерюгенд* и осуждается в белорусском обществе.

В политической коммуникации Республики Беларусь встречается особый тип контаминированных единиц с графическим выделением сегмента, так называемые «графи-

ческие окказионализмы». Например, в белорусскоязычных текстах зафиксирован неологизм *АМАлПАЎЦЫ*, образованный путем наложения слова *МАЛПА* (русс. *обезьяна*) на отаббревиатурную лексему *АМАПАЎЦЫ* (русс. *ОМОНОВЦЫ*) с одновременным выделением одной буквы на фоне прописных с целью привлечения внимания читателей: *афігець !! бедныя АМАлПаўцы працавалі як таты карлы, зьбіваючы яго. а ён, скацінка такая, ня хоча аплаціць дзяржаве гэтую тытанічную працу зьнясіленых „абаронцаў“ грамадзкага парадку. во людзі пайшлі !!* В результате аппликации смыслов контаминированная единица приобрела значение 'амапаўцы-малпы'. Следует отметить, что существительное *малпа* в белорусском политическом дискурсе часто используется метафорически для обозначения представителей правоохранительных органов и при этом исключительно в негативных контекстах, за счет чего актуализируются значения 'утративший человеческую сущность', 'не отличающийся высокими моральными и интеллектуальными качествами', 'обладающий грубой физической силой': *АМАПаўцы — самая подлая частка беларускага грамадства. Маючы толькі сілу, яны пазбаўлены чалавечнасьці, сумленьня, беларускасьці. Гэтыя малпы вельмі падобныя на людзей з першага погляду, за кавалак, які ім брасае іх патрон-Лука, яны прадалі і Радзіму, і сваіх родных, і сваю чалавечую сутнасьць.*

Еще одним средством выражения негативной экспрессивной оценки являются дериваты, образованные путем графикации, когда в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства [Изотов 1998: 76]. Например: *PaSSiя, Pa44iя (Жыве Беларусь!!! Беларусь не paSSiя!!! Не Дзяржынск, а Койданава!!!)*. В данном случае окказионализм образован средствами разных графических систем. Выделенные в слове элементы «SS» и «44» отсылают к соответствующей аббревиатуре, обозначающей вооруженные формирования НСДАП (1923—1945 гг.). За счет полиграфикации актуализируется сема 'фашизм', и у читателя формируется ассоциативная связь «Россия — фашистское государство».

Таким образом, одним из ярких средств выражения негативной оценочной экспрессии в политической коммуникации Республики Беларусь являются словообразовательные неологизмы. Как показал анализ выяв-

ленных новообразований, негативный характер их экспрессии обусловлен семантическими и (или) стилистическими свойствами мотивирующих слов, оценочностью словообразовательных формантов, а также характером денотата, обозначенного окказионализмом. Значительная часть новообразований создается на базе имен собственных политических деятелей. Номинативные единицы *лукасеки, лукашата, лукашизм, шунявки* и прочие можно признать словесными ярлыками, т. е. лексическими единицами с гипертрофированной односторонне пейоративной коннотацией, используемыми без опоры на этико-речевую норму и коммуникативный постулат истинности высказывания [Булгаков 2012: 46]. Цель приема навешивания ярлыков — демонстрация негативного эмоционально-оценочного отношения к денотату, обозначенному окказиональным словом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова Н. Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42—47.
2. Ворошилова М. Б., Пашкова А. Д. Баба ЕГЭ: креолизованная метафора как орудие дискредитации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 91—95.
3. Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. — М., 1986.
4. Земская Е. А. Словообразование и текст // Вопр. языкозн. 1990. № 6. С. 17.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: КомКнига, 2005. 224 с.
6. Зубова Л. В. Поэзия М. Цветаевой: лингвистический аспект. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
7. Изотов В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Орлов. гос. ун-т. — Орел, 1998. 36 с.
8. Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. 2-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.
9. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. — М., 1973.
10. Минеева З. И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестн. Удмурт. ун-та. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 58—68.
11. Мухортов Д. С., Краснова А. В. Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 120—125.
12. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. — Ростов н/Д, 1986.
13. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 3-е изд., стер. — М.: Флинта: Наука, 2014. 160 с.
14. Правый сектор: боевой отряд Евромайдана // BBC Украина. 2014. 20 янв. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/01/140120_ru_s_right_sector.shtml (дата обращения: 19.09.2017).
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

A. A. Kirdun, A. V. Andreeva
Minsk, The Republic of Belarus

WORD-FORMATIVE OCCASIONALISMS WITH NEGATIVE EVALUATION EXPRESSION IN THE POLITICAL DISCOURSE OF BELARUS

ABSTRACT. *The article discusses the current problem of linguistics – word-formative occasionalisms as a means of negative evaluation expression in political discourse of Belarus. Occasionalisms are the words with inherent and adherent expressiveness that appear in speech and are not included in dictionaries. The study analyzes the most productive ways of occasionalism formation based on the scope of texts in Russian and Byelorussian. The most productive usual means of formation are suffixes, prefixes, word composition, abbreviation and complex formation. The names of domestic and foreign politicians give rise to derivative abbreviations. Contamination is one of the most wide spread occasional means of word formation (hybrid and blending). Semantics of contaminants includes the meanings of the constitutive units and connotative or expressive evaluation. There are some other means of occasional word formation, they are: substitutive derivation (following the model of some words), graphixation (graphic and orthographic means are word-formative bases). It is shown that the negative expression of occasionalisms is caused by semantic and stylistic features of the base word, evaluative potential of word-formative units, and the attitude of the speaker towards the denotatum expressed by the occasionalism. It is underlined that most of occasionalisms are built on the basis of the names of political leaders. Occasionalisms serve as a kind of labels to express the negative attitude to the named phenomenon.*

KEYWORDS: *word-building occasionalism; word formation; political discourse; negative evaluative connotation; hostile rhetoric.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kirdun Alla Anatolievna, Candidate of Philology, Head of the Scientific Department of Speech, Forensic and Economic Research, Scientific and Practical Center of the State Committee of Forensic Expertise of the Republic of Belarus; Minsk, The Republic of Belarus.*

Andreeva Alesia Vladimirovna, Candidate of Philology, Head of Laboratory of Psychological and Linguistic Studies of the Scientific Department of Speech, Forensic and Economic Research, Scientific and Practical Center of the State Committee of Forensic Expertise of the Republic of Belarus; Minsk, The Republic of Belarus.

REFERENCES

1. Bulgakova N. E. Slovesnye yarlyki kak leksiko-semanticheskoe i lingvoekologicheskoe ponyatie // *Mir russkogo slova*. 2012. № 2. S. 42—47.
2. Voroshilova M. B., Pashkova A. D. Baba EGE: kreolizovannaya metafora kak orudie diskreditatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 6 (60). S. 91—95.
3. Grigor'ev V. P. Slovo tvorchestvo i smezhnye problemy yazyka poeta. — M., 1986.
4. Zemskaya E. A. Slovoobrazovanie i tekst // *Vopr. yazykozna*. 1990. № 6. S. 17.
5. Zemskaya E. A. Slovoobrazovanie kak deyatelnost'. — M. : KomKniga, 2005. 224 s.
6. Zubova L. V. Poeziya M. Tsvetaevoy: lingvisticheskiy aspekt. — L. : Izd-vo LGU, 1989.
7. Izotov V. P. Parametry opisaniya sistemy sposobov slovoobrazovaniya (na materiale okkazional'noy leksiki russkogo yazyka) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Orlov. gos. un-t. — Orel, 1998. 36 s.
8. Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova [i dr.]. 2-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2007. 840 s.
9. Lopatin V. V. Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazional'nye obrazovaniya. — M., 1973.
10. Mineeva Z. I. Kontaminatsiya v obrazovanii nominatsiy cheloveka // *Vestn. Udmurt. un-ta*. 2015. T. 25. Vyp. 2. S. 58—68.
11. Mukhortov D. S., Krasnova A. V. Diskursivnye markery manipulatsii kak realizatsiya sub"ektivno-otsenochnogo akta govoryashchego // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 6 (60). S. 120—125.
12. Namitokova R. Yu. Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyy aspekt. — Rostov n/D, 1986.
13. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii : ucheb. posobie. 3-e izd., ster. — M. : Flinta : Nauka, 2014. 160 s.
14. Pravyi sektor: boevoy otrjad Evromaydana // *BBC Ukraina*. 2014. 20 yanv. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/01/140120_ru_s_right_sector.shtml (data obrashcheniya: 19.09.2017).
15. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.

М. А. Климова (Фокина)
Нижний Новгород, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В ИНТОЛЕРАНТНОМ ДИСКУРСЕ БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ**

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме роли прецедентных феноменов в построении имиджа политика в интолерантном дискурсе. Объектом исследования выступили прецедентные феномены, употребленные в записях электронного дневника Эдуарда Лимонова на платформе «Livejournal» за 2014—2017 годы. В качестве предмета исследования были выбраны особенности функционирования прецедентных феноменов в рамках стратегии самопрезентации. В ходе исследования установлена актуальность прецедентных феноменов в качестве средства построения компонентов имиджа политика через доминирующие речевые действия, автохарактеристику и характеристику «я со стороны». Анализ задействованных автором сфер-источников прецедентности позволил выделить значимые компоненты имиджа — роли интеллектуала и проповедника. Установлено, что сферой-мишенью прецедентности зачастую выступает антиреферентная группа политика. Обоснован вывод об использовании прецедентных феноменов в рамках стратегии самопрезентации не только с целью создания имиджа, но и в качестве знаков ориентации и интеграции для выстраивания базовой для интолерантного дискурса оппозиции «свой — чужой». Ориентация подразумевает деление мира на «своих» и «чужих», нередко в качестве чуждой автору группы выступает другое государство и его отдельные представители. Наиболее характерным вариантом круга «своих» в блоге Эдуарда Лимонова выступает народ России, интеграция с которым часто происходит за счет использования инклюзивного «мы», также типичной группой «своих» для Эдуарда Лимонова являются его политические соратники. Интеграция с ними происходит за счет употребления социально-прецедентного высказывания — лозунга.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *блоги политиков; самопрезентация; политические деятели; интолерантность; прецедентные феномены.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Климова Маргарита Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: mfokina@hse.ru.*

Востребованность жанра блогов в политическом дискурсе и необходимость его лингвистического осмысления порождают множество исследований данной формы электронной коммуникации: внимание языковедов привлекают особенности блогов как вида интернет-коммуникации [Горшкова 2013], место электронных дневников в политической интернет-коммуникации [Морозова 2011], отличительные черты блогов на политическую тему [Рогачева 2009], жанровая специфика блогов политиков и особенности реализации прецедентных феноменов в данной форме дискурса в рамках интолерантных тактик стратегии дискредитации [Фокина 2014, 2016]. Настоящее исследование посвящено рассмотрению роли прецедентных феноменов в формировании имиджа политика им самим в собственном блоге, а также установлению потенциала данных единиц в качестве средства построения интолерантного дискурса на этапе самопрезентации. Материалом для исследования выступили тексты записей электронного дневника Эдуарда Лимонова на платформе «Livejournal» за 2014—2017 г. Выбор блога обусловлен его стабильной популярностью и высокой степенью задействованности прецедентных феноменов.

Стратегия самопрезентации представляет собой создание имиджа, под которым подразумевается «обобщенный портрет личности, создающийся в представлении обществу на основании заявлений и прак-

тических дел личности» [Романова 2009: 110]. Имидж политика имеет сложную структуру, в которой Т. В. Романова выделяет коммуникативную роль и автоимидж, включающий, в свою очередь, такие компоненты, как «собственно я», «я со стороны» и «я идеальное». Ключевую роль стратегии самопрезентации в агональном политическом дискурсе подчеркивает О. В. Атьман, характеризуя создание имиджа как универсальную стратегию, используемую всеми политиками без исключения [Атьман 2011]. Данная стратегия может рассматриваться как основополагающая макростратегия дискурса блогов политиков, подчиняющая себе другие стратегии.

Рассматривая употребление прецедентных феноменов в рамках стратегии самопрезентации, необходимо отметить, что, на наш взгляд, имидж политика во многом определяется отбором прецедентных феноменов, вводимых в текст записи блога. По утверждению Е. А. Нахимовой, рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить интересный материал «как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата» [Нахимова 2007: 88].

Блог Эдуарда Лимонова отличает разнообразие задействованных сфер-источников прецедентности. Популярность фразеоло-

гизмов (*кусать локти, насильно мил не будешь, старый друг лучше новых двух*), очевидно, вызвана наибольшим соответствием критерию доступности, т. е. отсутствием у автора сомнений в знакомстве адресата с данными прецедентными феноменами. Л. Н. Синельникова характеризует соблюдение рамок читательского культурного и языкового тезауруса как норму оппозиционного дискурса: «...адресат должен почувствовать себя включенным в „свой круг“, а адресант всячески стремится утвердить это чувство» [Синельникова 2010: 35].

Весьма востребована история как сфера-источник прецедентности. В качестве прецедентной ситуации, как правило, выбирается такой ключевой и переломный момент истории России, как Великая Отечественная война: *Наступаем! С 1945-го не наступали, пора!; Так что тревожимся, но победа-то будет за нами, вот что!; Да пошли они! Или мы не брали Берлин! Или мы забыли победоносную твердость предков?* Как видно из примеров, прецедентные ситуации вербализуются описательно либо через прецедентное высказывание (лозунг). Возможна и комбинация средств: *Или придётся на вопрос американского корреспондента „Что случилось с Украиной?“ отвечать „Она утонула.“* В последнем примере моделируемое интервью В. В. Путина строится по образцу ответов президента на вопросы журналистов о подводной лодке «Курск» и представляет собой трансформированное прецедентное высказывание. Помимо обеспечения информационной конгруэнтности, история как сфера-источник прецедентности раскрывает метафорический потенциал прецедентных феноменов: прецедентные ситуации, связанные с поворотными моментами российской истории, используются автором блога для осмысления текущей ситуации и ее гипотетических последствий.

Электронный дневник Эдуарда Лимонова рассчитан на образованных читателей, знакомых с классическими произведениями русской и зарубежной литературы, о чем свидетельствуют прецедентные феномены со сферой-источником «Литература», восходящие к произведениям А. С. Пушкина (*Народ безмолвствует*), Н. В. Гоголя (*Сплошные „Страшная месть“ и „Вий“ Гоголя, эти хохлы*), А. А. Блока (*То-есть будет не атмосфера блоковских „Двенадцати“, а жаль*). О высоком интеллектуальном и культурном уровне как автора, так и предполагаемого адресата свидетельствуют отсылки к прецедентным текстам в широком понимании — произведениям музыки (Ис-

торический центр заставленный плотно соборами, как бабушкиной мебелью, а ещё-похож на декорации к опере „Жизнь за царя“; Хочу, чтобы понималось, как „Хованщина“, оперу Мусоргского знаете?) и живописи (Особый мир. Ночное кафе Ван-Гога, только что холодно; В субботу горожане, как на добродушных картинах Брейгеля шли по реке Вологда на лыжах).

Примечательно, что прецедентные феномены со сферой-источником «Искусство» сосуществуют в дискурсе политика с разностилевыми языковыми средствами: англицизмами, явно нацеленными на молодежную аудиторию (*speech-writer, forever, space-колони, мэсидж, фейк, фрик*) и грубо-просторечной лексикой с максимальным радиусом воздействия (*муйня, скоты, дрянь, хамье, задница, ублюдочный*). Большое значение для имиджа автора имеет роль писателя, согласно которой Эдуард Лимонов не только рассказывает читателям о своих новых произведениях, но и воплощает писательское мастерство на страницах блога, включая в свои записи элементы художественного стиля в виде ярких образов, метафор и сравнений: *Украина вцепится России в рукав окровавленными руками...; а потом выкинул Каспарова и из Солидарности, как тот переросток-кукушенок, выкидывает соперников из гнезда, движимый прожорливостью всего навсего; Делают поблажки либералам, выборочная такая лужицами точечная теплота.* Зачастую стиль политика приближается к разговорному, длина предложений резко сокращается: *ВВП всё-таки полетел из Хабаровска в Волгоград. Сразу нужно было. В Хабаровске всё давно высохло. А Волгоград весь в кровище.*

Особый интерес при рассмотрении блога Эдуарда Лимонова вызывают частотные прецедентные феномены со сферой-источником «Религия», не только поддерживающие имидж интеллектуала, но и моделирующие новый компонент образа политика — роль проповедника — в контексте интержанрового взаимодействия. Большому количеству записей в сильной позиции конца текста эксплицитно присвоен статус проповеди: *Это была утренняя проповедь 1 января 2014 года; Это была проповедь о Мохнаткине. Сегодня 2 января 2014 года. Я — Эдуард Лимонов; Это была моя вторая проповедь за день. Сегодня 13 марта. Я — Эдуард Лимонов. Вас, прихожан, в моей церкви, я заметил становится всё больше и больше. Спасибо что интересуетесь.* Интержанровое взаимодействие поддерживается соответствующими обращениями к читателям («дети мои», «прихожане моей

церкви») и многочисленными прецедентными феноменами религиозного происхождения: *Обыватели всегда Фомы-неверующие; Sic transit gloria mundi ! Это как если бы расследование по делу Христа провёл бы Иуда; „Не убий!“ учит нас христианская цивилизация. Исходя из заповедей — совершенно злодеяние. Роль проповедника маркируется подчеркнута эксплицитно, что дает повод для самоиронии, снимающей излишний пафос. Пример находим в записи «Простираемся у ног твоих, отец Эдуард !»: *Что я проповедую в своём Живом Журнале, я не отрицаю, напротив — подчёркиваю, я проповедник. И агитатор. Веду пропаганду и агитацию, проповедую здоровый взгляд на окружающий нас мир.**

Прецедентные феномены со сферой-источником «Религия» погружают записи блога Эдуарда Лимонова в религиозный контекст, который направляет читательское восприятие текстов в нужное русло. Ярким примером создания такого контекста является следующая запись.

Городу и Миру

Сообщаю Городу и Миру, что сегодня оргкомитет Стратегии-31 вновь подал уведомление о проведении 31 января сего года митинга на Триумфальной площади с 18.00 до 20.00. Заявители те же. Буковский, Кузьмин („Левый Фронт“), Лимонов, Цария.

Я слышал от товарищей, что некоторые из них намереваются придти на площадь с портретами Сергея Мохнаткина, задержанного на Триумфальной 31 декабря 2013 года, арестованного, в настоящее время держащего голодовку в штрафном изоляторе Бутырской тюрьмы.

<...>

Капля долбит камень. *Везде так. Триумфальная площадь — не исключение. На ней также, капли годами долбят камень.*

Для полноценного восприятия данного текста необходимо учитывать экстралингвистический параметр, а именно источник прецедентных высказываний, маркирующих сильные позиции текста — начало и конец. Оба высказывания принадлежат служителям церкви, при этом прецедентное высказывание *Городу и Миру* актуализирует фрейм «благословение папы», что соотносится с ситуацией, описанной в тексте, и создает для нее модальную рамку: Эдуард Лимонов «благословляет» планируемый митинг и его участников. Прецедентное высказывание *Капля долбит камень* введено автором в усеченном виде, полная версия *Капля долбит камень не силой, а частым паденьем* принадлежит английскому епископу Латиме-

ру и присутствует в тексте имплицитно, актуализируя скрытый призыв к читателям прийти на митинг.

Таким образом, анализ сфер-источников прецедентности, задействованных в блоге Эдуарда Лимонова, позволяет говорить об актуализации такого компонента имиджа, как интеллигент, а также роли проповедника.

В анализе имиджа политика Н. Б. Руженцева использует понятие образа (лика) автора, конструируемого через доминирующие речевые действия [Руженцева 2015]. Анализ блога Эдуарда Лимонова позволил выделить широкий спектр доминирующих образов автора.

- Прогнозирующий автор. Как позитивная, так и негативная перспектива обосновывается автором с использованием прецедентных феноменов: *Я склонен считать, что нет добра без худа, и всё обернётся для России удачей; А пока Киев не будет так потрепан и истощён, как грелка, которой упорно и долго играл Тузик. Только дойдя до состояния грелки Тузика, Киев пересилит свою гордыню и отведёт свои войска из колоний, которые принадлежали ему только во времена советской власти. Зачастую речевое действие прогнозирования оказывается обозначенным эксплицитно в составе формулы, претендующей на статус социумно-прецедентной для автора блога и его читателей: *Это было предсказание от 26 января 2014 года. Я — Эдуард Лимонов.**

- Предостерегающий автор. *Все одинаково думать не должны, но он [Карагодин] нам топор гражданской войны откапывает, а нам красно-белая резня опять не нужна. Остановись, слышь, чего делаешь, безумный, это как могильник с сибирской язвой вскрыть...* Данный отрывок содержит не только негативный прогноз, выраженный через прецедентное высказывание — фразеологизм (*откопать топор войны*) и двойное (прямое и перифрастическое) наименование прецедентной ситуации Гражданской войны (*гражданской войны; красно-белая резня*), но и эксплицитный призыв (*остановись*), обоснованный указанием на смертельный и непоправимый характер последствий с помощью яркого сравнения (*это как могильник с сибирской язвой вскрыть*).

- Торжествующий автор. *И теперь нахрапистому Навальному грозит не условный срок. Попал, что называется как кур во щи; Простому народу арест Улюкаева — бальзам на душу. „Господи, неужели у нас стала появляться справедливость!“, думают в Бирюлёво и в Капотне. <...> Мне — ещё один довод против олигархического капитализма. Вспоминается нацбольский*

лозунге — **„Завершим реформы так, — Сталин, Берия, Гулаг !“** <...> Ну что же, любил кататься, люби и саночки возить. Вот, повози теперь.. Как видно из примеров, торжество политика связано с заслуженным, по его мнению, наказанием, постигшим представителей его антиреферентной (чуждой автору) группы. Прецедентные высказывания фольклорного происхождения маркируют иронию Эдуарда Лимонова по отношению к объектам наказания (*Попал, что называется как кур во щи; любил кататься, люби и саночки возить*) и его реакцию, разделяемую народом (*бальзам на душу*). Примечательно, что для интеграции с политическими союзниками автор использует социумно-прецедентное высказывание — лозунг (*Завершим реформы так, — Сталин, Берия, Гулаг !*).

• Разоблачающий автор. Постпозитивными маркерами данного речевого действия зачастую выступают прецедентные высказывания, активизирующие соответствующий фрейм: *Увы, это так, если смотреть на мир не сквозь розовые глупые очки; Вот где собака-то зарыта*. Прецедентные феномены могут и предвещать разоблачающую информацию: *Широкая публика (ну, общественность!) на самом деле не знает как похабно проводилась залоговая приватизация. (Ваучерную многие испытали на себе, но ваучерная, — это были ещё цветочки, мощной было залоговая приватизация)*. Прецедентное высказывание в усеченной форме используется для стимуляции интереса читателя к последующему тексту.

• Наставляющий автор: *Вообще кто сказал „а“, должен сказать и „б“, это мудрость наших предков, с виду нехитрая, но глубокая. Главе государства нужно теперь быть мужественным, иначе его не станут принимать всерьёз; Надо ковать железо, Владимир Владимирович, пока оно горячо. Мой совет. Возьмём и эти регионы в состав России!* Как видно из примеров, прецедентные высказывания фольклорного происхождения используются автором в персуазивной функции для обоснования советов. В следующем примере применяются (в исходном и трансформированном виде) четыре прецедентных высказывания из трех сфер-источников (художественной литературы, фольклора, кино): *Как правильно было замечено в популярном российском фильме „Восток — дело тонкое“. Ещё какое тонкое! Перефразируя знаменитое „С кем вы мастера культуры?“, я советую российским мастерам политики вспомнить другую крылатую фразу нашего народа „Старый друг лучше новых двух“, и ре-*

комендую лучше дружить с Ираном, а то эти короли в шлёпанцах с их эмоциональными сыновьями не выглядят достаточно надёжными. А всем мил не будешь. Подобное нагнетание прецедентности подкрепляет точку зрения автора, усиливая степень воздействия на адресата.

• Обличающий автор: *Помните сказку о волшебном зеркальце, как там „ну-ка зеркальце скажи да всю правду расскажи, кто на свете всех милее, всех румяней и белее“ — естественно хозяин айпеда. А уж хозяйка! Человечество упрямо избрело и изготавливает волшебные зеркальца и через „скайп“ можно общаться папе с детьми, маме с детьми, зятю с тёщей и так далее.* Прецедентный текст сказки А. С. Пушкина, введенный описательно и через прецедентное высказывание, функционируя в качестве когнитивной метафоры, сатирически проецируется автором на современность. Объектом обличения становится такой порок обывателей, как самолюбование.

• Вразумляющий автор. *О Серебренникове. Как что украдут в культуре, собутыльники начинают орать „Он творец! Творец не может украсть! Руки прочь от творца!“ Ха-га! Ещё и убить творец запросто может. Хоть „Моцарта и Сальери“ перечтите Пушкина. Пушкин же наше всё....? Так кому верить будем? Унылым подписям собутыльников, или Пушкину? Эдуард Лимонов побуждает читателей отказаться от ложной, по его мнению, точки зрения с помощью ее эксплицитного высмеивания (*Ха-га!*) и нивелирования статуса ее носителей (*собутыльники*). Собственную, истинную, точку зрения автор обосновывает указанием на ситуацию из прецедентного текста А. С. Пушкина (*Хоть „Моцарта и Сальери“ перечтите Пушкина*). При этом авторитетность поэта дополнительно подкрепляется прецедентным высказыванием (*Пушкин же наше всё....?*), что подчеркивает мнимость выбора, предоставленного читателю в риторическом вопросе: *Так кому верить будем? Унылым подписям собутыльников, или Пушкину?**

Итак, анализ доминирующих речевых действий позволил выявить разнообразный арсенал образов (ликов) Эдуарда Лимонова, используемых в блоге. Устойчивая дискурсивная роль проповедника обуславливает наличие вразумления, наставления и обличения. Будучи задействованными в ключевых речевых действиях в качестве самостоятельных единиц или в корреляции с метафорой, прецедентные феномены облегчают восприятие читателем сути происходящего,

используются автором в качестве самостоятельного обоснования или поддержки основной аргументации, моделируют перспективу развития событий, как правило негативную.

Компоненты имиджа политика могут быть представлены им через эксплицитные автохарактеристики, проиллюстрированы примерами из жизни, сконструированы через «я со стороны» и «я идеальное».

Эдуард Лимонов иллюстрирует примерами из жизни следующие роли.

Опытный оппозиционер, участник митингов. *Мне, к примеру, 31 октября 2010-го сломали палец. Я не стал жаловаться, поскольку сломали не намеренно, но в общей свалке, и к тому же я твёрдо выучил, что если ты жалуешься на полицейских, то они пожалуются на тебя и суд решит дело в их пользу.*

Сильная личность, закаленная обширным жизненным опытом. *В 2001 — 2002 я сидел в Лефортово во время следствия, и написал там шесть книг, потому знаю эту тюрьму очень хорошо. Если бы были рейтинги у тюрем, как у отелей, то Лефортово получила бы статус тюрьмы пятизвёздочной, это лучшая тюрьма в России. Если уж и сидеть где, так это в Лефортово.*

Писатель. *Следуя поверью, что как год начнёшь, то таким он и будет, сижу пишу с утра. Пять страниц уже сделал.*

Интеллектуал. *Живя в Париже я его много читал по-французски.*

Принципиальный человек, верный своим убеждениям: *И честное слово я бы и в пропаганде участвовал, за правое дело -то не грех, я только не смог привыкнуть что слева от меня — депутат, который вчера „переобулся“ в патриота, справа — бывший либерал, а напротив — продажная шкура, просто приспособленец и карьерист. И чтоб меня считали одним из этой компании? Мой отец был честным советским офицером. Моя мать была во всех отношениях достойной женщиной. Нельзя позорить семью.*

Как видно из примеров, в блоге политика иллюстративно представлены самые разнообразные компоненты имиджа. Невостребованность прецедентных феноменов в данном типе самопрезентации обусловлена его сугубой фактографичностью.

Автохарактеристика, утверждающая наличие у автора черты характера либо компонента опыта, частично дублирует роли, введенные иллюстративно. Эдуард Лимонов утверждает наличие у себя следующих качеств.

Патриот. *Мой компас — Россия, пусть он будет и вашим! Лично моя магнитная*

стрелка безошибочно указывает мне верный путь всегда на север, и этот „север“ — Россия. Полезно для России или вредно для России. — вот критерий. Как и в предыдущем случае, Эдуард Лимонов использует метафорическое указание на свои приоритеты, употребляя развернутую метафору компаса. В дискурсе автора приоритет интересов государства над личными конфликтами с представителями власти выражается и с помощью лозунга: **Россия — все, остальное — ничто!**

Авторитетный писатель. *В то время как современники по большей части пишут статьи (в которых неуверенно выступают „с одной стороны“, „с другой стороны“), такие как я, убедительно действуют тяжелым оружием — книгами. А что статьяшка по сравнению с книгой, она как пистолетик по отношению к гаубице. <...> И что написано моим пером не вырубишь топором.* С помощью метафорической антитезы с агрессивным концептуальным вектором и прецедентного высказывания, прагматический смысл которого «присвоен» автором за счет расширения притяжательным местоимением, автор утверждает значимость своего творчества, его актуальность в будущем.

Опытный оппозиционер.

Таковы мои будни

Что зимой, что летом одним цветом, — коридоров судов.

Вообще-то я в судах, как рыба в воде.

Да и в тюрьме я был как рыба в воде.

Автор подчеркивает, что привык к судам и тюремному заключению, они — составная часть его жизни. Соответствующее отношение маркировано не только с помощью прецедентного высказывания и лексемы будни, но и с помощью прецедентного текста загадки, привносящего оттенок иронии и снимающего ложный пафос.

Проницательный человек.

Шерлок Холмсом
За большие деньги пойду работать

Ну как вам, новость? Спасатели самолёта AirAsia сообщили сегодня что самолёт мог взорваться в воздухе. Но проницательный Эдуард Вениаминович (я) повторяет вам уже столько времени, что повидому все три малайзийских самолёта или по крайней мере два, были взорваны.

Помимо эксплицитного обозначения проницательности, автор использует прецедентное имя, примеряя на себя роль детектива.

Предсказатель, носитель эзотерического знания. Прогнозирующий автор приобретает в дискурсе Эдуарда Лимонова черты автора-пророка. Данная роль маркируется как эксплицитно (*Мне вообще-то надо*

верить, когда я говорю про будущее. У меня есть скромный дар его чують...; Но вообще, у меня злой и верный глаз пророка), так и с помощью прецедентного имени с соответствующим дифференциальным признаком (*Зацените мой талант **Нострадамуса**; Вот еще вам доказательство крупницы **Нострадамуса** во мне*).

Как видно из примеров, Эдуард Лимонов активно задействует прецедентные феномены разных структурных типов с целью построения компонентов имиджа через автохарактеристику.

«Я со стороны» объективизирует имидж автора, делает его укорененным в реальности. В создании данного компонента автоимиджа Эдуард Лимонов активно задействует прецедентные феномены: *Вчера выход книги поприветствовал Лев Данилкин в „Афише“, немногими словами, но заметно, сравнил меня с Лениным, что ударяет в голову, конечно. Спасибо, Лев! В данном примере «я со стороны» представлено через сопоставление с В. И. Лениным. Несмотря на отсутствие эксплицитного указания на набор дифференциальных признаков прецедентного имени, распространяемых на политика, читательская интерпретация направлена в нужное русло с помощью положительной оценки данного сравнения самим Эдуардом Лимоновым (*ударяет в голову*). В другой записи представлено противоположное отношение политика к мнению других: *Пишу роман. И сам над собой издеваюсь : „Ты же поносил и поносишь жанр романа последними словами, а вот пишешь ! Непоследовательно, непоследовательно... вездливые читатели заметят эту белую нитку на твоём поэтическом фраке и назовут сумасшедшим злобным стариком, как они любят. Кроме моего возраста им же нечего мне предъявить.“ (Был такой француз — писатель **Вольтер**, его тоже называли сумасшедшим злобным стариком...)* Автора и Вольтера объединяет восприятие со стороны, однако данное восприятие имплицитно развенчивается Эдуардом Лимоновым за счет актуализации таких дифференциальных признаков прецедентного имени, как писательский талант и гениальность. Отталкиваясь от «я со стороны», Эдуард Лимонов проецирует на свой имидж выгодные характеристики Вольтера, используя для подтверждения своего писательского мастерства яркую креативную метафору (*заметят эту белую нитку на твоём поэтическом фраке*).*

Итак, политики задействуют разнообразные способы самопрезентации: автохарактеристики, элементы автобиографии, образ

«я со стороны». Прецедентные феномены оказываются актуальными средствами моделирования компонентов имиджа через обозначение принимаемых и отвергаемых ролей в автохарактеристике и характеристике «я со стороны».

Интолерантность выступает закономерным выражением агональности политического дискурса — борьбы за власть, закрепленной в нем. Т. В. Романова выделяет следующие проявления интолерантности, которые условно составляют компоненты фрейм-структуры «интолерантность»: этноцентризм, предубеждение, предрассудок, дискриминация, ксенофобия, экстремизм, национализм, терроризм [Романова 2015: 43]. Все многообразие явлений, обозначаемых данным термином, может быть сведено к реализации бинарной оппозиции «свой — чужой». Она является основополагающей в модели семиотического пространства политического дискурса, разработанной Е. И. Шейгал: «...в семиотическом пространстве политического дискурса будем разграничивать три типа знаков: знаки ориентации, интеграции и агональности. Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса „свой — чужие“: ориентация есть не что иное, как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), интеграция — сплочение „своих“, агональность — борьба против „чужих“ и за „своих“» [Шейгал 2000: 149].

С опорой на данную модель можно говорить о поэтапном создании интолерантного дискурса с использованием знаков ориентации, интеграции и агональности. Необходимым условием интолерантности текста или дискурса выступает агональность как совокупность негативных действий против «чужого», в том числе речевых. Выстраивание агональности блогов политиков с помощью прецедентных феноменов в рамках стратегии дискредитации было рассмотрено нами ранее [Фокина 2016]. В рамках стратегии самопрезентации реализуются такие этапы построения интолерантного дискурса, как ориентация и интеграция, значимые для моделирования оппозиции «свой — чужой». Рассмотрим функционирование прецедентных феноменов в качестве знаков ориентации и интеграции в блоге Эдуарда Лимонова.

Ориентация подразумевает деление мира на «своих» и «чужих», причем основное внимание оказывается уделено конкретизации круга последних. Зачастую в качестве чуждой автору группы выступает другое государство и его отдельные представители.

Сколько Эрдогану не уступает Россия,

Эрдоган всё в лес смотрит. Он собирает-ся встретиться с Дональдом Трампом и премьером Ирака Хейдером аль-Абади. <...> Россию Эрдоган в гробу видал в белых тапочках.

Россию Эрдоган обдуривает как слабую. То-есть Эрдоган выбрал нас на роль потерпевшей страны, на роль „терпицы“, как презрительно называют потерпевших на судебном жаргоне.

Негативная характеристика президента Турции осуществляется с помощью прецедентных высказываний и поддерживается употреблением лексики с пейоративной коннотацией (*обдуривать, терпица*). В качестве группы «своих» Р. Т. Эрдогану противопоставлена Россия, с которой в конце текста происходит интеграция с помощью инклюзивного «мы» (*выбрал нас на роль потерпевшей страны*). Противопоставление России и Турции является устойчивой чертой блога Эдуарда Лимонова и находит воплощение в следующем отрывке: *Турки — ироды, дьяволы, почитайте подробности того как они армян резали, волосы дыбом встают. А то руссо туристо считает толстого шалычника или хозяина гостиницы дружелюбным, в то время как он завтра по приказу Эрдогана вам глотку вскроет*. Помимо эксплицитных негативных характеристик турок как группы «чужих» (*ироды, дьяволы, резали, глотку вскроет*), локализованных не только в прошлом, но и в будущем, и реакции автора, выраженной эмоционально-экспрессивным прецедентным высказыванием, в тексте записи фигурирует антиреферентная группа, претендующая на статус «чужих». Автор высмеивает неосмотрительное поведение русских туристов, отдыхающих в Турции, их неоправданную симпатию к турецким работникам сферы услуг с помощью ироничной номинации *руссо туристо*, представляющей собой усеченное прецедентное высказывание из советской комедии.

Будучи оппозиционным политиком, в группу «чужих» Эдуард Лимонов зачастую включает представителей действующей власти: *Россией правит группа, состоящая в большинстве своём из „докторов Живага“*. *Типичный Живаго — Герман Греф. Помните его свадьбу в Константиновском дворце? Почему он должен был праздновать свою свадьбу в Историческом памятнике? Он кто такой? Он всего лишь Греф. И Дворкович Живаго, и Кудрин — Живаго. Потому нам так рьяно втюхивают белых в качестве героев. Белые потому что социально близки Живагам*. Г. Греф, А. Дворкович и А. Кудрин объединены в группу «чу-

жих» при сопоставлении с прецедентным именем «Доктор Живаго». На неденотативное использование данного имени указывает возможность употребления во множественном числе (*докторов Живага; близки Живагам*) и препозитивное качественное прилагательное (*Типичный Живаго*). Однако следует отметить, что однозначность интерпретации, являющаяся актуальной для данного имени ввиду его неоднозначной оценки лингвокультурным сообществом и наличия более одного дифференциального признака в когнитивной базе, не гарантируется автором. В тексте отсутствует эксплицитное указание на желательные признаки прецедентного имени, основание для метафорического переноса также дано лишь имплицитно: *Типичный Живаго — Герман Греф. Помните его свадьбу в Константиновском дворце? Почему он должен был праздновать свою свадьбу в Историческом памятнике?* Таким образом, в данном примере политики объединяются в группу «чужих» скорее формально, аналогично — с помощью инклюзивного «мы» — происходит интеграция автора с читателем (*нам так рьяно втюхивают*).

В зависимости от тематики записи блога и информационного повода группа «чужих» может сужаться до отдельного представителя действующей власти или оппозиционных сил: *Он думает что вся Россия — это как в Москве будет, и без конкурентов, конкурентов, думает, ему власть уберёт. Губа не дура, раскатал губу* (об Алексее Навальном); *Вот кто угрём и ужом везде проползает, балансирует, не сваливаясь, в огне не горит и в воде не тонет* (об Алексее Венедиктове); *Жириновский в скафандре (ну такое впечатление, тело малоподвижно, только рот открывается) явно восхищённый. покрутил головой и издал если не ошибаюсь, звук „Да-а!“*. *Ну типа, старик Державин нас заметил, хотя я на пару лет старше даже Жириновского (о Владимире Жириновском)*. Используемые в составе тактики издевки прецедентные высказывания указывают на принадлежность объекта насмешки к группе «чужих». При этом единицы, узואльно не имеющие пейоративной коннотации (*губа не дура; старик Державин нас заметил*) и служащие для выражения одобрения (*в огне не горит и в воде не тонет*), становятся контекстуальными маркерами отрицательной оценки за счет «семантического заражения» от единиц с неодобрительной эмоционально-экспрессивной окраской: прецедентного высказывания (*раскатал губу*), метафоры (*в скафандре*), сравнения (*угрём и ужом везде проползает*).

В связи с устойчивой негативной оцен-

кой представителей власти и оппозиции (кроме представителей возглавляемой Э. Лимоновым партии «Другая Россия») примечателен следующий отрывок из записи блога политика.

*Сейчас увидел почти к полуночи, на сайте „Лимонов вне политики“ анонс книги, предлагаемой издательством „Алгоритм“, якобы написанной мною, под названием „Нео-Большевизм“. Там же, **ни к селу ни к городу** приплетён Путин, который видимо издательству **спать не даёт**.*

Прецедентные высказывания в данном отрывке используются для негативной характеристики личности и деятельности представителей «чужой» группы — недобросовестных издателей. При этом В. В. Путин не включен Эдуардом Лимоновым в круг «чужих», наоборот, политики оказываются объединены общей ролью жертвы игры на громком имени, что уравнивает их в статусе в глазах читателя.

Наиболее характерным вариантом круга «своих» в блоге Эдуарда Лимонова выступает народ России, интеграция с которым, как отмечалось выше, зачастую происходит за счет использования инклюзивного «мы». Прагматический эффект данного типичного для политического дискурса приема усиливается за счет дополнения знаками ориентации и агональности: *И чтобы вы к нам, вонючки германские, не бросились бежать и прятаться, мы построим на наших границах настоящий железный занавес, стену со скользкими стальными склонами, с которых вы будет обратно к себе сваливаться*. Подчеркнутая интеграция (*мы, к нам, на наших границах*) акцентируется с помощью знака ориентации — неоднократно повторенного местоимения *вы*. Группа «чужих» конкретизируется и обособляется от круга «своих» с помощью знака агональности — оскорбительной номинации *вонючки германские*. Граница между «своими» и «чужими» визуализируется в сознании реципиента за счет буквализации и развертывания метафорического именованного прецедентной ситуации (*железный занавес*).

В качестве средства косвенной интеграции в блоге Эдуарда Лимонова выступает изображение одинаковых поступков и речевых действий: *Непонятно, по какой причине, на площади не было полицейских ограждений и мне, впервые можно сказать за последние пару лет, удалось пройти к памятнику Маяковскому, где народ уже всюю скандировал „Свободу собраний всегда и везде!“*

Лица у народа были весёлые, кое-кто кричал что мы победили.

Мне сунули в руки мегафон, и я успел

проскандировать „Свободу собраний всегда и везде!“ и начал было произносить речь, но полицейские 2-го оперативного набросились сзади.

Народ и автор оказываются объединены присутствием на митинге и прецедентным высказыванием — лозунгом.

Естественная для политика интеграция с народом в отдельных случаях нарушается: *Я просто изнемогаю от этой дебильности. И почему мои соотечественники и современники не покروют это хохотом либо матом. Ну так же нельзя, Это же чёрт знает что. Мы что страна-дураков ? Или на всех кроме меня-розовые очки идиотов ?* В данном отрывке происходит акцентуация авторского «я» по признаку наличия пронительности (*Я просто изнемогаю от этой дебильности; на всех кроме меня-розовые очки идиотов*). Несмотря на присутствие формальной интеграции (*Мы что страна-дураков*), «я» оказывается более значимым, чем «мы» (включая количественное превосходство). Автор дистанцируется от окружения (*соотечественников и современников*), не способных, по его мнению, замечать очевидного, что маркируется с помощью тематической лексики (*дебильности, идиотов*) и прецедентных феноменов (*страна-дураков, розовые очки*). Стоит отметить, что нарушение привычной для аудитории интеграции не является самоценным, а призвано привлечь внимание читателей к обсуждаемой проблеме и заставить их пересмотреть свои взгляды.

Помимо народа, типичной группой «своих» для Эдуарда Лимонова являются его политические соратники. Интеграция с ними происходит за счет употребления социумно-прецедентного высказывания — лозунга (*Россия- всё, остальное — ничто !*), примечательно также использование приема разделения вины: *Мы тут немного ошиблись, чуть в лужу сели, я имею в виду нацболов, нас*. Используя инклюзивное «мы», автор выступает в роли лидера национал-большевиков, признавая их вину. При этом сама формулировка смягчается автором с помощью лексем со значением невысокой степени проявления признака (*немного, чуть*) и прецедентного высказывания в эвфемистической функции (*в лужу сели*).

Таким образом, в контексте бинарной оппозиции «свой — чужой» в рамках стратегии самопрезентации происходят ориентация и интеграция: маркируя политических акторов как «своих» или «чужих», автор составляет для читателя ориентиры на политической арене и закладывает основу для агональности — ключевого компонента ин-

толерантного дискурса. Прецедентные имена, высказывания и ситуации используются автором для дистанцирования от круга «чужих» за счет отрицательной оценки их действий, акцентуации границы между «своими» и «чужими» и кооперации с кругом «своих» — народом России и политическими единомышленниками.

Итак, прецедентные феномены являются актуальными средствами моделирования компонентов имиджа политика через широкий спектр доминирующих речевых действий, обозначение принимаемых и отвергаемых ролей в автохарактеристике и характеристике «я со стороны». Задействованные автором сферы-источники прецедентности помогают акцентировать значимые компоненты имиджа — роли интеллектуала и проповедника, а сферой-мишенью зачастую выступает круг «чужих» (антиреферентная группа политика). Таким образом, в рамках стратегии самопрезентации прецедентные феномены не только служат построению имиджа, но и помогают автору взаимодействовать с аудиторией, различать «своих» и «чужих», т. е. являются знаками ориентации и интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова С. А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 77—83.
2. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации

М. А. Klimova (Fokina)
Nizhny Novgorod, Russia

PRECEDENT PHENOMENA AS A MEANS OF REALISATION OF THE SELF-PRESENTATION STRATEGY IN INTOLERANT DISCOURSE OF BLOGS OF POLITICIANS

ABSTRACT. *The article is devoted to the problem of the role of precedent phenomena in the modeling of a politician's image in intolerant discourse. The precedent phenomena used in the blog of Eduard Limonov on the Livejournal platform in the period 2014 to 2017 constitute the object of research. The functional peculiarities of the precedent phenomena within the framework of self-presentation have been chosen as the subject of this research. In the course of research it was observed that precedent phenomena are central in building up the image components through the dominant speech actions, self-characterizing and the "me to onlookers" method. The analysis of the source spheres of precedence revealed the crucial components of the politician's image — the roles of an intellectual and a preacher. It has been observed that the target spheres of precedence commonly coincide with the groups alien to the author. It is concluded that within the self-presentation strategy precedent phenomena are used not only in order to project an image but also as signs of orientation and integration. These are needed to create the "friend / foe" opposition vital to intolerant discourse. This opposition divides the world into friends and foes, where the foe is another state or its citizens. The most typical example of "friends" in E. Limonov's blog is the people of Russia, which is proved by the frequent use of the pronoun "we"; the other typical group of "friends" for Limonov is his political supporters, which is proved by the use of the precedent phrase — the slogan.*

KEYWORDS: *politician's blog; self-presentation; political leaders; intolerance; precedent phenomena.*

ABOUT THE AUTHOR: *Klimova Margarita Andreevna, Candidate of Philology, Assistant Lecturer of the Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Anisimova S. A. Rol' pretsedentnykh fenomenov v formirovani natsional'nogo mental'nogo prostranstva (po materialam sopostavitel'nogo analiza diskursov prezidentov V. V. Putina i B. Obamy) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 77—83.
2. At'man O. V. Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh debatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 96—102.
3. Gorshkova E. I. Blog kak vid internet-kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — SPb., 2013.

в президентских предвыборных дебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96—102.

3. Горшкова Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — СПб., 2013.
4. Морозова О. Н. Особенности лингвистического контента современных британских политических персональных сайтов // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 146—151.
5. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург, 2007.
6. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 44—48.
7. Орехова Е. Н. Трансформации прецедентных феноменов в политических текстах российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 146—149.
8. Рогочева Н. Б. Речежанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация : материалы Всерос. науч. школы для молодежи (Екатеринбург, 25 авг. — 8 окт. 2009 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 97—99.
9. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет политика // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 109—117.
10. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 39—49.
11. Руженцева Н. Б. Лики автора в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 46—53.
12. Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34—38.
13. Фокина М. А. Жанровые и языковые особенности блогов политиков // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 187—192.
14. Фокина М. А. Прецедентные феномены в интолерантных тактиках российского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 139—147.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. — Волгоград, 2000.

8. Rogacheva N. B. Rechezhanrovaya vtorichnost' v politicheskom diskurse (na materiale zhanra bloga) // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Vseros. nauch. shkoly dlya molodezhi (Ekaterinburg, 25 avg. — 8 okt. 2009 g.) / Ural. gos. ped. un-t ; gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2009. T. 2. S. 97—99.
9. Romanova T. V. Kommunikativnyy imidzh i rechevoy portret politika // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1 (27). S. 109—117.
10. Romanova T. V. Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskiy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 39—49.
11. Ruzhentseva N. B. Liki avtora v rossiyskom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 46—53.
12. Sinel'nikova L. N. Kommunikativnye modeli oppozitsionnogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 34—38.
13. Fokina M. A. Zhanrovye i yazykovye osobennosti blogov politikov // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 187—192.
14. Fokina M. A. Precedentnye fenomeny v intolerantnykh taktikakh rossiyskogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 139—147.
15. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01, 10.02.19. — Volgograd, 2000.

Л. В. Коцюбинская
Санкт-Петербург, Россия

ИНФОРМАЦИОННАЯ АТАКА: ПОНЯТИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена изучению такого феномена, как «информационная атака». Обращение к исследованию лежащей в основе этого понятия метафоры позволяет выявить сущностные характеристики рассматриваемого явления и разработать его дефиницию. Информационная атака определяется как спланированное, целенаправленное, массированное информационное воздействие на адресата, результатом которого является формирование запрограммированного общественного мнения, а следовательно, и поведения. Информационная атака, в отличие от перманентного состояния информационной войны, имеет четко выраженные временные границы. Массированность информационной атаки проявляется как в количественном, так и в качественном аспекте. При изучении информационной атаки учитывается фактор множественности адресата, влияющий на выбор вербальных и невербальных средств, посредством которых осуществляется эффективное воздействие. Эффективность информационной атаки становится осязаемой после ее проведения и проявляется в конечном итоге на невербальном уровне. В работе также рассматривается модель информационной атаки, анализируются такие ее составляющие, как коммуникатор, сообщение, канал, адресат, эффект. В качестве материала использованы статьи авторитетных британских СМИ в период с ноября 2015 г. по август 2016 г., посвященные употреблению допинга российскими спортсменами (эти сведения были названы официальными лицами России информационной атакой).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные атаки; политическая метафорология; политические метафоры; СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; допинг; спортсмены.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: luba.74@mail.ru.

В современных условиях глобального информационного межгосударственного противостояния, нацеленного на снижение экономического и военного потенциала противника, а также «на уничтожение духовных ценностей, составляющих фундамент государственной и общественной жизни» [Щекотихин 2011: 7], проблематика информационного противоборства становится одним из основных объектов исследований в разных научных областях.

Информационный век, как указывает Р. Фоглеман, порождает новые средства опровержения, эксплуатации, искажения и уничтожения информации: «*the information age has provided new and practical means to deny, exploit, corrupt, or destroy information*» [Fogleman 1995]. Одним из таких средств является информационная атака. Практика проведения информационных атак опережает процесс теоретического осмысления данного явления, что и обуславливает актуальность данной работы.

Цель работы состоит в определении понятия «информационная атака» путем выявления онтологических свойств данного феномена. В качестве материала использованы статьи авторитетных британских СМИ в период с ноября 2015 г. по август 2016 г., посвященные употреблению допинга российскими спортсменами, поскольку именно эти сведения были названы официальными лицами России информационной атакой. Так, в частности, В. Мутко заявил, что «информационная атака на российский спорт продолжается. Это как эстафета, передается от одного зарубежного средства массовой

информации другому...» [tass.ru]. В исследовании используются такие методы, как критический анализ дискурса, метод лингвистического наблюдения, дефиниционный анализ словарных статей, кейс-метод, контент-анализ.

Словосочетание *information attack/s* впервые употребляется американскими военными специалистами в связи с формированием концепции информационной войны [Fogleman 1995; Shafranski 1995]. Хотя эти работы касаются в основном информационно-технического аспекта, положения, высказанные в них, имеют основополагающий характер.

Во-первых, американские эксперты отмечают, что определение информационной атаки во многом обусловлено пониманием содержания информационной войны, поскольку отношение между этими феноменами классифицируется по модели «часть — целое». Так, например, Р. Шафрански, рассматривая информационную войну как войну знаний и убеждений: *information warfare is hostile activity directed against any part of the knowledge and belief systems of an adversary*, определяет в свою очередь информационную атаку как конкретное действие, направленное против этой системы.

Во-вторых, информационная атака — это сложный и многогранный феномен, что объясняется следующим: информационные атаки генерируются человеческим сознанием и направлены на него: *the attacks are crafted by minds to affect minds*. Оружием информационных атак выступают вполне обычные вещи — слова, картины, образы, хотя в настоящее время их использование и

функционирование представляется не столь обычным: *the weapon employed are and always have been as common as words, pictures, and images, even though today these may be communicated or manipulated in uncommon ways*. И наконец, последствия информационных атак столь же разрушительны и непредсказуемы, как при физическом уничтожении объектов и людей: *information attacks can have consequences that are as unpredictable as attacks aimed at the physical destruction of property or combat equipment or those aimed at killing human beings*.

В-третьих, информационные атаки подразделяются на два вида: прямые (*direct*) и косвенные (*indirect*). Прямая информационная атака заключается в непосредственном вмешательстве в информационное пространство противника, внедрение в его среду ложной информации. Косвенная — в создании недостоверной информации, которую недруг будет принимать за истину. При этом никакого внутреннего вмешательства в информационное поле противника не происходит.

И последнее: на стратегическом уровне информационная атака признается успешно проведенной, если индивид не осознал, что на него воздействовали.

Настоящее исследование сфокусировано на рассмотрении информационных атак, проводимых в ходе информационно-психологического типа информационной войны (иногда его называют «информационно-психологическая война»). Информационно-психологическая война — «это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сковородников, Копнина 2016: 43].

Информационно-психологическая война состоит из комплекса мероприятий, проводимых в мирное и военное время, одним из которых является информационная атака. Представляется, что изучение лежащей в основе данного понятия метафоры позволит «вскрыть» существенные свойства рассматриваемого явления. Ведь, как справедливо отмечает А. П. Чудинов, сила метафоры содержится в «постоянном балансировании между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом, в сохранении ассоциативного потенциала сферы-источника при использовании метафоры для характеристики объектов в сфере-мишени» [Чудинов 2001].

В первичном номинативном значении «атака» определяется:

– как *нападение, наиболее решительный этап наступления; стремительное, безостановочное и целенаправленное движение подразделений, частей и соединений (отдельных самолетов, вертолетов, кораблей и их групп) в боевом порядке по направлению к противнику в сочетании с интенсивным огнем в целях его уничтожения* [Военный энциклопедический словарь];

– *стремительное движение в боевом порядке подразделений, частей, соединений, а также самолетов, вертолетов, кораблей и их групп в сочетании с огнем наивысшего напряжения с целью уничтожения противника; наиболее решительный период наступательных действий* [Словарь военных терминов].

Из определений очевидно, что атака — это нападение, характеризующееся как стремительное, безостановочное, целенаправленное, решительное движение, нацеленное на уничтожение противника. В метафорическом переосмыслении с учетом ракурса данного исследования есть все основания рассматривать информационную атаку как **спланированное** (организованное и целенаправленное), **массированное** (решительное/стремительное/безостановочное) **информационное воздействие на адресата с целью формирования общественного мнения и поведения в соответствии с задачами организаторов атаки**.

Для описания воздействующего потенциала информационной атаки и детального рассмотрения ее онтологических свойств используется линейная модель коммуникации, разработанная Г. Лассуэллом и состоящая из «5W»:

1. Who — refers to the communicator who formulates the message;
2. Says What — the content of message;
3. In Which Channel — the medium of transmission;
4. To Whom — either an individual recipient or the audience of mass communication;
5. With What Effect? — outcome of the message + the “effect” also refers to feedback in public relations.

Известно, что информационные атаки целенаправленно планируются и организуются на государственном уровне, в самых высоких эшелонах политической власти. Косвенным подтверждением этого служат слова Д. Пескова, пресс-секретаря российского президента, о том, что за информационными атаками на Владимира Путина в марте 2016 г. стояли Международный консорциум журналистов-расследователей (ICIJ),

представители спецслужб и другие организации, выполняющие политический заказ [vedomosti.ru]:

Мы получили бумаги от организации, которая именуется себя международным консорциумом журналистских расследований, в который входят разные СМИ и журналисты разных стран. Мы уверены, что не только журналисты, но и представители других организаций и служб. ... стоит задача выполнить информационную атаку, срежиссировать, сострять и внедрить в информационную повестку дня.

Диапазон информационных атак широк. Он охватывает политику, культуру, спорт, экономику, национальное самосознание и другие сферы деятельности человека. Анализ содержания информационных атак представляет большой интерес и становится предметом многочисленных разноплановых исследований в зависимости от цели и методологических установок конкретного ученого. Так, объектом внимания исследователя-лингвиста становится специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн [Сквородников, Копнина 2016]. С другой стороны, именно язык выступает проводником к мыслительным структурам. Как указывает Н. Н. Болдырев, лучший доступ к сознанию — это не только наблюдение за предметно-познавательной деятельностью человека как таковой, но это наблюдение за языком как формой отражения и выражения мыслительных процессов [Болдырев 2000: 7].

Каналом передачи информационной атаки, так же как ее оружием, выступают СМИ и сеть Интернет. В современных условиях СМИ — это мощный ресурс воздействия на человеческое сознание. Так, по замечанию А. В. Бедрицкого, средства массовой информации, будучи неотъемлемым, широко распространенным и очень важным элементом повседневной жизни всех экономически развитых стран мира, создали условия для появления принципиально новых возможностей воздействовать на восприятие и сознание [Бедрицкий 2008]. В то же время общественность не расценивает СМИ как арену ведения геополитической борьбы, продолжая считать ее традиционным источником информации, правдивой и непредвзятой [Иудин 2011: 7].

При проведении информационной атаки проявляются такие ее свойства, как «решительность», «стремительность», «безостановочность», которые заключаются в массивном распространении враждебной информации по отношению к стране-противнику. Массивность проявляется как на

количественном уровне, так и на качественном (содержательном). На количественном уровне она отражается в объеме публикаций на одну и ту же тему за определенный период времени, а на содержательном (качественном) — во внедрении факта и/или оценки события. Так, например, в период с 19 по 20 июля 2016 г. в информационном пространстве Великобритании появляется сразу 5 публикаций на схожую тему — обвинение России в существовании государственной допинг-программы: *a state — controlled doping system / a state-run doping system*. Выбор данного отрезка времени для массивной атаки не случаен: он предшествует заседанию МОК (24 июля 2016 г.) по принятию решения об участии российской сборной в Олимпиаде. В этих публикациях, как показывает материал исследования, создается крайне негативный образ России — мошенницы и лгуны. Объективация данной мысли осуществляется за счет метафоры *Russia — a cheater*. Следует отметить, что в англоязычном социокультурном сообществе лексема *cheat* обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией и включает в себя следующие семы (Merriam — Webster):

- 1) *to deprive of something valuable by the use of deceit or fraud;*
- 2) *to influence or lead by deceit, trick, or artifice;*
- 3) *to elude or thwart by or as if by outwitting <cheat death>;*
- 4) a: *to practice fraud or trickery;*
b: *to violate rules dishonestly <cheat at cards><cheating on a test>;*
- 5) *to be sexually unfaithful — usually used with on <was cheating on his wife>;*
- 6) *to position oneself defensively near a particular area in anticipation of a play in that area <the shortstop was cheating toward second base>.*

Частотное употребление лексемы «cheat» и ее производных: «*cheating stars*», «*cheating athletes*», «*full extent of cheating*», «*the Russian who cheated*» и др. работает на закрепление создаваемого образа. В этой связи хотелось бы отметить, что «контент-анализ предоставляет важный инструментальный исследования информационной атаки, позволяющий перевести вербальную информацию в более объективную невербальную форму» [Почепцов 2001: 378]. Согласно данным, полученным с помощью компьютерной программы «Textus Pro», количество слов с основой *cheat-* составляет 34 единицы в общем массиве анализируемых публикаций: *cheats* — 14, *cheating* — 11, *cheat* — 5, *cheated* — 2, *cheater* — 2. При этом плотность использования этих языковых единиц равняется 0,62 %.

Задача этой информационной атаки, как справедливо пишет профессор А. Манойло, заключается не в дискредитации российских спортсменов, а в общей дегуманизации населения РФ, «чтобы широкая западная общественность представляла русских людей как неких дикарей и преступников, пренебрегающих общеустановленными правилами и моралью» (vesti.ru).

Требование отстранить Россию от участия в Олимпиаде в свете представленного метафорического образа кажется вполне обоснованным, ибо основополагающими принципами современного олимпийского движения являются честность и равноправие.

В некоторых случаях интенсивному периоду атаки предшествует так называемая подготовительная фаза, однако по своей разрушительной силе и глубине воздействия она не уступает массовой. Говоря о подготовительном этапе, имеем в виду выход на экраны «якобы» документального фильма, соотнесенного по своему содержанию с будущей информационной атакой. Так, например, массированная атака на российский спорт началась с показа на немецком канале ARD в 2014 г. «документального» фильма Hajo Seppelt «Geheimsache Doping wie Russland seine Sieger macht» (Хайо Зеппельт. «Секретные акты. Допинг. Как Россия творит своих чемпионов»).

Как указывает И. Н. Панарин, «среди СМИ телевидение обладает наибольшим воздействующим ресурсом, поскольку оно создает иллюзию присутствия при действии, которое показывается на телеэкране. Накладывая свои ощущения подсознательно на ощущение происходящего на экране, зритель зачастую воспринимает видимую информацию как абсолютно достоверную» [Панарин 2003: 237—238]. Интересно заметить, что в преддверии чемпионата мира по футболу — 2018, проводимого в России, вышел фильм компании BBC о российских болельщиках *Russia's Hooligan Army*; последует ли за этим массированная информационная атака, покажет время.

Информационная атака имеет как внутреннего, так и внешнего адресата, поэтому при ее изучении необходимо учитывать фактор множественности адресата. Согласно С. В. Ивановой, данный фактор предполагает направленность сообщения как на внутреннего, так и на внешнего адресата, что подразумевает такое использование разнообразных вербальных и невербальных ресурсов, которое позволяет выстроить адресную коммуникацию [Иванова 2014].

Внутренним адресатом информационной атаки являются представители «своего»

лингвокультурного сообщества. На этом этапе она камуфлируется под обычную новостную статью, информирующую общественность о негативных явлениях и фактах, наблюдающихся в государстве-противнике. Данный квант информации, выходя за границы «своего» информационного пространства и достигая внешнего адресата, т. е. государства-жертвы, становится по своей сути информационной атакой. Кроме того, как указывает С. В. Иванова, «как внутренний, так и внешний адресат не гомогенен. Внутри каждой категории могут быть оппоненты и сторонники» [Иванова 2014: 80]. То, как будет декодироваться информация адресатом, во многом зависит от его (адресата) идеологических и культурных установок.

Множественность адресата оказывает влияние на выбор вербальных и невербальных средств, с помощью которых будет осуществляться адресное воздействие [Иванова 2014: 79]. Речь здесь идет о «нескольких линиях эшелонирования вербальной аргументации» внутри одного сообщения [Иванова 2014: 80]. Поскольку противоборствующими сторонами являются представители разных лингвокультурных сообществ, особый интерес может представлять исследование культурных кодов и знаков.

Эффективность информационной атаки становится видимой после ее окончания и проявляется на вербальном и невербальном уровнях [Коцюбинская 2017]. Можно утверждать, что информационная атака на российский спорт в частности и Россию в целом в период с ноября 2015 г. по август 2016 г. была достаточно эффективной. Российская олимпийская команда частично дисквалифицирована, официальные лица не получили аккредитацию на Игры-2016 в Рио, паралимпийская команда отстранена от участия в Играх в полном составе. Кроме того, во время проведения Олимпиады российские спортсмены подвергались психологическому давлению: российская национальная мужская команда по плаванию была освистана болельщиками.

Страны, проигравшие информационное сражение, по мнению В. М. Щекотихина, проигрывают его «навсегда», поскольку их возможные шаги по изменению ситуации «требуют колоссальных материальных и интеллектуальных затрат, будут контролироваться и нейтрализовываться победившей стороной» [Щекотихин 2011: 8]. События, происходящие сегодня, доказывают справедливость этого замечания. Известно, что на чемпионате мира по легкой атлетике, проходящем с 4 по 13 августа 2017 г. в Лондоне, приняло участие всего лишь 19 рос-

сийских атлетов, которые вынуждены были выступать как нейтральные спортсмены, что исключает использование символики России и исполнение гимна страны. Таким способом не только в очередной раз подрывается имидж российского государства, но и закрепляется созданная ранее когнитивная структура о «нечестном» спорте в России.

Каждый элемент описанной модели, безусловно, требует дальнейшего тщательного, самостоятельного изучения. В этой работе был лишь очерчен тот круг вопросов, который предстоит решить для создания целостной модели информационной атаки.

Итак, как следует из вышеизложенного, информационная атака — это спланированное, целенаправленное, массированное информационное воздействие на адресата, результатом которого будет формирование запрограммированного общественного мнения, а следовательно, и поведения. Информационная атака, в отличие от перманентного состояния информационной войны, имеет четко выраженные временные границы. К онтологическим свойствам информационной атаки относятся организованность, целенаправленность, массированность — последняя проявляется как на количественном, так и содержательном уровне. Каналом передачи информационной атаки, так же как ее оружием, выступают СМИ и сеть Интернет. Информационная атака имеет как внутреннего, так и внешнего адресата, поэтому при ее изучении необходимо учитывать фактор множественности адресата. Множественность адресата оказывает влияние на выбор вербальных и невербальных средств, с помощью которых осуществляется адресное, а потому эффективное воздействие. Информационная атака поддается моделированию. Ее модель включает в себя такие элементы, как коммуникатор, сообщение, канал, адресат, эффект. Эффективность информационной атаки становится ощутимой после ее проведения и проявляется в конечном итоге на невербальном уровне.

ИСТОЧНИКИ

1. Shute J. Russia's doping scandal: who's telling the truth? 2012. 28 May. URL: <http://s.telegraph.co.uk/graphics/projects/russia-doping-scandal-london-2012-olympics/index.html> (date of access: 03.09.2016).
2. Oliphant R. The Moscow laboratory at the heart of the Russian doping scandal // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11990199/The-Moscow-lab-at-the-heart-of-the-Russian-doping-scandal.html> (date of access: 03.09.2016).
3. Hayward Paul. Doping scandal: Russia have been let off the hook by dirty backroom deal // The Telegraph. 2015. 17 Nov. URL: <http://www.telegraph.co.uk/sport/othersports/athletics/1200>

0881/Doping-scandal-Russia-have-been-let-off-the-hook-by-dirty-backroom-deal.html (date of access: 03.09.2016).

4. Rio 2016: Russia 'sorry' for cheats but should be allowed to compete. 2016. 15 May. URL: <http://www.bbc.com/sport/athletics/36295481> (date of access: 03.09.2016).
5. Ziegler M., Westerby J. Russia's Rio hopes hang by a thread. 2016. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/russias-rio-hopes-hang-by-a-thread-36c6f8pfv> (date of access: 03.09.2016).
6. Dickinson M. Time to kick Russia out // The Times. 2016. 19 July. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/comment-time-to-kick-russia-out-rkp9hsqkl> (date of access: 03.09.2016).
7. Ziegler M. 577 positive drug tests. 30 tainted sports. Endless lies // The Times. 2016. 29 July. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/577-positive-drug-tests-30-tainted-sports-endless-lies-vk6s0q6rf> (date of access: 03.09.2016).

ЛИТЕРАТУРА

8. Бедрицкий А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США. — М. : РИСИ, 2008.
9. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика : курс лекций по английской филологии. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. 123 с.
10. Военный энциклопедический словарь. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=3051@morf> Dictionary (дата обращения: 10.02. 2017).
11. Иванова С. В. Тактико-стратегический рисунок текста и фактор множественности адресата // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе. — Екатеринбург, 2014. С. 79—89. URL: <http://politlinguist.ru/materials/conf/%D0%A6%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%852014.pdf> (дата обращения: 15.05. 2017).
12. Иудин А. А., Рюмин А. М., Шпилев Д. А. Информационная война в Интернет: западные обыватели о России. — Н. Новгород : НИСОЦ, 2011.
13. Козлов П. Песков предупредил о «вбросах» против Путина. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/28/635377-vbrosov-agitokkremlya> (дата обращения: 14.03.2017).
14. Коцюбинская Л. В. Эффективность «информационной атаки»: к постановке проблемы // Политическая лингвистика. 2017. Вып. 1 (61). С. 74—80.
15. Лукьян К. Допинг и Евро-2016: спорт стал частью информационной атаки на Россию. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2767579> (дата обращения: 25.02.2017).
16. Мутко: материал о допинге, готовящийся в США, станет продолжением информационной войны. URL: <http://tass.ru/sport/3273566> (дата обращения: 10.02.2017).
17. Панарин И. Н. Технология информационной войны. — М. : КСП+, 2003.
18. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М. : Киев, 2001.
19. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 1 (55). С. 42—50.
20. Словарь военных терминов / сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. — М. : Воениздат, 1988.
21. Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Изв.я Урал. гос. пед. ун-та. Лингвистика. Вып. 7. — Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01a.htm> (дата обращения: 12.03.2017).
22. Щекотихин В. М., Королев А. В., Королева В. В. Информационная война: информационное противоборство: теория и практика : моногр. — М. : Акад. ФСО России, ЦАТУ, 2011.
23. Fogleman Ronald R. Cornerstones of information warfare. URL: <http://www.c4i.org/cornerstones.html> (date of access: 10.02.2017).
24. Szafranski Richard. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/szfran.htm> (date of access: 15.02.2017).
25. Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/cheater>.

L. V. Kotsyubinskaya
St. Petersburg, Russia

INFORMATION ATTACK: DEFINITION AND ESSENTIAL CHARACTERISTICS

ABSTRACT. *The paper discusses the phenomenon of "Information attack". The study of the metaphor making the basis of this concept helps reveal the essential characteristics of the phenomenon and define it. Information attack is a planned, purposeful, mass information manipulation of addressee, the result of which is formation of pre-planned public opinion and, consequently, behavior. Information attack, as different from the permanent state of information war, has specific timeframes. The mass character of information attack manifests itself both in quantitative and qualitative aspects. When we study information attack, it is necessary to take into account multiplicity of addressee that influences the choice of verbal and non-verbal means used to manipulate. Efficiency of information attack is perceived in the aftermath and reveals itself on non-verbal level. The paper presents the model of information attack and analyzes its components including communicator, message, channel, addressee and effect. The material for this research is made of the articles discussing doping in Russian sport published in quality British media in November 2015-August 2016. Russian authorities consider this information to be an information attack.*

KEYWORDS: *information attacks; political metaphors; political metaphors; mass media; mass media; political discourse; media discourse; media texts; doping; athletes*

ABOUT THE AUTHOR: *Kotsyubinskaya Lyubov Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Shute J. Russia's doping scandal: who's telling the truth? 2012. 28 May. URL: <http://s.telegraph.co.uk/graphics/projects/russia-doping-scandal-london-2012-olympics/index.html> (date of access: 03.09.2016).
2. Oliphant R. The Moscow laboratory at the heart of the Russian doping scandal // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11990199/The-Moscow-lab-at-the-heart-of-the-Russian-doping-scandal.html> (date of access: 03.09.2016).
3. Hayward Paul. Doping scandal: Russia have been let off the hook by dirty backroom deal // The Telegraph. 2015. 17 Nov. URL: <http://www.telegraph.co.uk/sport/othersports/athletics/12000881/Doping-scandal-Russia-have-been-let-off-the-hook-by-dirty-backroom-deal.html> (date of access: 03.09.2016).
4. Rio 2016: Russia 'sorry' for cheats but should be allowed to compete. 2016. 15 May. URL: <http://www.bbc.com/sport/athletics/36295481> (date of access: 03.09.2016).
5. Ziegler M., Westerby J. Russia's Rio hopes hang by a thread. 2016. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/russias-rio-hopes-hang-by-a-thread-36c6f8pfv> (date of access: 03.09.2016).
6. Dickinson M. Time to kick Russia out // The Times. 2016. 19 July. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/comment-time-to-kick-russia-out-rkp9hsqkl> (date of access: 03.09.2016).
7. Ziegler M. 577 positive drug tests. 30 tainted sports. Endless lies // The Times. 2016. 29 July. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/577-positive-drug-tests-30-tainted-sports-endless-lies-vk6s0q6rf> (date of access: 03.09.2016).
8. Bedritskiy A. V. Informatsionnaya voyna: kontseptsii i ikh realizatsiya v SShA. — M. : RISI, 2008.
9. Boldyrev N. N. Kognitivnaya lingvistika : kurs lektsiy po angliyskoy filologii. — Tambov : Izd-vo Tamb. un-ta, 2000. 123 s.
10. Voenny entsiklopedicheski slovar'. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=3051@moriDictionary> (data obrashcheniya: 10.02. 2017).
11. Ivanova S. V. Taktiko-strategicheskiy risunok teksta i faktor mnozhestvennosti adresata // Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeskom politicheskom diskurse. — Ekaterinburg, 2014. S. 79—89. URL: <http://politlinguist.ru/materials/conf/%D0%A6%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%852014.pdf> (data obrashcheniya: 15.05. 2017).
12. Iudin A. A., Ryumin A. M., Shpilev D. A. Informatsionnaya voyna v Internet: zapadnye obyvateli o Rossii. — N. Novgorod : NISOTs, 2011.
13. Kozlov P. Peskov predupredil o «vbrosakh» protiv Putina. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/28/635377-vbrosov-agitokkremlia> (data obrashcheniya: 14.03.2017).
14. Kotsyubinskaya L. V. Effektivnost' «informatsionnoy ataki»: k postanovke problemy // Politicheskaya lingvistika. 2017. Vyp. 1 (61). S. 74—80.
15. Lukiyaniy K. Doping i Evro-2016: sport stal chast'yu informatsionnoy ataki na Rossiyu. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2767579> (data obrashcheniya: 25.02.2017).
16. Mutko: material o dopinge, gotovyashchiysya v SShA, stannet prodolzheniem informatsionnoy voyny. URL: <http://tass.ru/sport/3273566> (data obrashcheniya: 10.02.2017).
17. Panarin I. N. Tekhnologiya informatsionnoy voyny. — M. : KSP+, 2003.
18. Pocheptsov G. G. Teoriya kommunikatsii. — M. : Kiev, 2001.
19. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 1 (55). S. 42—50.
20. Slovar' voennykh terminov / sost. A. M. Plekhov, S. G. Shapkin. — M. : Voenizdat, 1988.
21. Chudinov A. P. Finansovaya metafora v sovremennoy politicheskoy rechi // Izv.ya Ural. gos. ped. un-ta. Lingvistika. Vyp. 7. — Ekaterinburg, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01a.htm> (data obrashcheniya: 12.03.2017).
22. Shchekotikhin V. M., Korolev A. V., Koroleva V. V. Informatsionnaya voyna: informatsionnoe protivoborstvo: teoriya i praktika : monogr. — M. : Akad. FSO Rossii, TsATU, 2011.
23. Fogleman Ronald R. Cornerstones of information warfare. URL: <http://www.c4i.org/cornerstones.html> (date of access: 10.02.2017).
24. Szafranski Richard. A Theory of Information Warfare. Preparing for 2020. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/szfran.htm> (date of access: 15.02.2017).
25. Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/cheater>.

А. Г. Фомин, Р. Р. Мавлеев
Москва, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА И ПРЕЗИДЕНТА РФ В. В. ПУТИНА
В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»)**

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена исследованию метафоры как эффективного инструмента воздействия в политической сфере. Авторы проводят качественный и количественный анализ употребления политической метафоры в выступлениях Президента РФ В. В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина в рамках Международного форума «Один пояс — один путь». В исследовании использован метод определения индекса силы метафоры (MPI) для выявления персуазивной силы метафоры в процессе формирования общественного мнения. Для определения индекса силы метафоры должны быть интегрированы несколько типов исследования: лингвистическая идентификация метафоры (важнейшая роль отводится использованию словарей и интерпретации исследователей; в случае, если значения не совпадают с зафиксированными в словаре, но значение одного элемента может быть интерпретировано сквозь призму другого, единица анализа считается метафорой); анализ контекстов сквозь призму теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (концептуальный анализ метафоры выявляет инструменты создания метафоры, объект, на который направлена метафора, и лексическое значение языковых единиц, которые создают метафорический эффект; устанавливается концептуальная область, к которой относится метафора); непосредственно определение индекса силы метафоры. Результаты исследования показывают, что индекс силы метафоры Председателя КНР Си Цзиньпина выше аналогичного показателя Президента РФ В. В. Путина, однако данная разница не выглядит столь значительной, если учесть особенность китайской лингвистической традиции, где метафорам и идиомам уделяется особое внимание при составлении текста выступления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; политическая метафорология; политическая риторика; речевое воздействие; политические речи; политические деятели; языковая личность; концептуальные метафоры; семантическое поле.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор Академии управления МВД РФ; 125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; e-mail: andfomin67@mail.ru.

Мавлеев Руслан Рафаэльевич, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны РФ; 125047, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая д. 14; e-mail: rmaevlev@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

До 70-х гг. XX в. метафора считалась исключительно декоративным элементом, который не выполняет никаких других функций, кроме украшения речи. С тех пор было проведено много исследований, выявляющих функции метафоры в различных областях, включая и политическую сферу, где метафора используется как эффективный инструмент воздействия на аудиторию. Так, большое внимание получили персуазивный и пропагандистский аспекты метафоры. Была выявлена ценность метафорического анализа как научно-исследовательского метода в гуманитарных науках. В данной статье приводится обзор исследований, содержащих качественный и количественный анализ политической метафоры, представлены результаты практического анализа использования метафоры в политическом дискурсе с применением метода определения индекса силы метафоры (MPI), предложенного К. де Ландшер (2011) и позволяющего дать количественную оценку эмоциональной силе в политическом дискурсе [De Landtsheer 2011: 3].

Долгое время метафора рассматривалась исключительно в качестве хоть и значимого, но все же украшения политического языка. Мысль о том, что метафора на самом деле создает представление или новое зна-

чение, появилась в работе Макса Блэка в 1979 году, в которой он представил теорию взаимодействия. Данная теория утверждает, что в основе метафоры лежит взаимодействие между двумя ее субъектными членами, которое создает условие для получения дополнительного значения, не существующего ни у одного из субъектных членов вне метафорического контекста. Основной субъект в метафоре, по его словам, окрашен набором «связанных импликатур», которые обычно определяют второстепенным субъектом [Black 1979: 28]. Исходя из количества возможных значений, которые могут возникнуть в разных контекстах, у первого субъекта метафоры отсеиваются те качества, которые могут выступать в качестве предиката для второго субъекта, и остаются только те, которые являются релевантными в данном контексте. Взаимодействие как процесс порождает то, что Макс Блэк называет «импликативным комплексом», системой связанных импликатур, а также импульсом свободного значения. Свободного в том плане, что оно было недоступно до введения метафоры в обиход [Black 1979: 28]. Таким образом, метафору можно определить как слово или словосочетание, в котором один предмет (А) описывается терминами (значениями) другого (В). Приведем пример:

— «Белый путь»建设

不是另起炉灶、推倒重来，而是实现战略对接、优势互补 (Строительство «Одного пояса — одного пути» предполагает не начало с чистого листа, а работу на основе сопряжения уже существующих стратегий и использования взаимодополняющих преимуществ). В данном случае предмет (A) 建设 — *строительство* описывается значениями (B) 另起炉灶 — *сложить другой очаг* (обр. начать все заново) [Речь председателя КНР Си Цзиньпина на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс — один путь» 2017].

Один из основоположников современной политологии и теории коммуникации, представитель бихевиоризма в политической науке Гарольд Лассуэлл подчеркивал «декоративный» характер речей во время политического кризиса [Lasswell, Leites 1949]. Таким образом, метафора может служить и источником информации о надвигающихся кризисных ситуациях для ученых, которые работают в сферах коммуникации, политической психологии и управления. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон объяснили, почему использование повседневного языка в публичных выступлениях имеет политическое значение: из-за лежащих в его основе концептуальных метафор, которые, оставаясь незаметными, формируют у людей восприятие жизни и политики [Lakoff, Johnson 1980]. С тех пор ученые, особенно те, которые занимаются исследованиями в области международных отношений, всесторонне изучили персуазивную силу метафоры в политике [Beer, Landtsheer 2004]. Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980) открыла глаза многим специалистам на значение влиятельной цепной метафоры, которую использовали США во внешней политике для реализации стратегии и идеологии «холодной войны». Поэтому среди множества актуальных вопросов изучения метафоры в политическом дискурсе одним из основных является изучение персуазивной силы метафоры как эффективно-го инструмента воздействия на аудиторию. В современной лингвистике сформировались методы изучения метафоры, которые в основном имеют качественный характер, поскольку в большинстве случаев выдвигают на первый план исследование чрезвычайно малых текстовых корпусов. В сферу нашего научного интереса входит исследование особенностей употребления метафоры в публичных выступлениях, нацеленных на широкую аудиторию для формирования

общественного мнения. В качестве инструмента исследования будет использован метод определения индекса силы метафоры (MPI), который по своей природе является количественным методом, взятым из социальных и политических наук [De Landtsheer 2009].

Данный метод включает в себя два типа исследования. **Первый тип** основывается на классическом лингвистическом анализе — процедуре идентификации метафоры (MIP), который был представлен научным коллективом Pragglejazz [Pragglejazz Group]. **Второй тип** связан с популярной теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и может быть охарактеризован как один из методов когнитивной лингвистики [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2000]. Эта теория идентифицирует несколько ключевых исходных областей метафоры; она концентрируется на тех метафорах, которые могут выступать в качестве инструмента фрейминга и которые получили название концептуальных метафор. Метод определения индекса силы метафоры (MPI), включающий в себя эти два подхода, является **третьим типом исследования**. Индекс силы метафоры обусловлен количественной семантикой, о которой впервые зашла речь в исследовании пропаганды, проведенном Г. Лассуэллом с группой ученых [Lasswell, Leites 1949]. Метод определения индекса силы метафоры является основным при изучении влияния метафоры на процесс формирования политическими лидерами и элитами общественного мнения. Рассмотрим данные типы.

1. Первый тип исследования. Лингвистическая идентификация метафоры

Цель исследования — разработка понятной и надежной техники выявления метафор в письменных источниках. Процедура состоит из пяти этапов. При этом важнейшая роль отводится использованию словарей и интерпретации исследователей.

- Исследователь знакомится с содержанием текста, например: *Открытость для страны подобна тому, как, разрушив свой кокон, на свет появляется бабочка* («对一个国家而言，开放如同破茧成蝶») [Речь председателя КНР Си Цзиньпина на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс — один путь» 2017].

- Исследователь решает, что будет принято за единицу анализа: слово, словосочетание, предложение. В нашем случае предполагаемая метафора *破茧成蝶* (разрушив кокон, стать бабочкой (образное выражение), приложив много усилий, выйти из труд-

ной ситуации) является устойчивым словосочетанием.

- Далее исследуется значение каждой языковой единицы, входящей в состав предполагаемой метафоры. В приведенном примере речь идет о том, что открытость государства позволяет ускорить развитие. Выявляем все зафиксированные в словаре значения данных лексических единиц. Таким образом получаем буквальное значение выражения: «бабочка, которая разрушает свой кокон» и «появляется на свет».

- Далее сравниваем значение лексической единицы, закрепленное в словарной статье, со значением данной единицы в конкретном контексте.

- В случае, если значения не совпадают с зафиксированными в словаре, но значение одного элемента может быть интерпретировано сквозь призму другого, единица анализа считается метафорой. В приведенном примере контекстуальное значение становится понятным сквозь призму буквального значения. Поэтому данный пример является метафорой.

Проблема процедуры идентификации метафоры (МIP) заключается в том, что она является продолжительной по времени и не подходит для работы с большими корпусами текстов.

2. Второй тип исследования. Концептуальная метафора

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона — одна из наиболее часто используемых теорий для анализа метафор. Согласно этой теории, мы используем ряд метафорических концептов, которые называются концептуальными метафорами, для осмысления окружающего нас мира. Эти концепты структурируют наше восприятие, опыт и показывают наше отношение к другим людям или событиям. Они являются источником большинства метафор, которые используются в повседневной речи. Концептуальный анализ метафоры выявляет инструменты создания метафоры, объект, на который направлена метафора, и лексическое значение языковых единиц, которые создают метафорический эффект. Часто источник метафоры уже не используется или неизвестен пользователю метафоры — в таком случае используемое выражение является «мертвой» («стертой») метафорой. В «живых метафорах», или «обычных метафорах», источник все еще очевиден и может быть определен пользователем. В приведенном выше примере концептуальной метафорой является процесс построения открытой внешнеторговой политики государ-

ства, представленный в качестве рождения бабочки, при этом источник все еще может быть определен, что говорит о «живом» характере метафоры.

Проблема теории концептуальных метафор заключается в том, что метафора может быть связана с несколькими концептуальными областями, что усложняет ее использование для достижения перлокутивного эффекта.

Для иллюстрации использования метафоры в качестве инструмента концептуализации рассмотрим ее структуру. В первую очередь метафора состоит из содержательной части, которую можно назвать «проводником» (*vehicle*) [Richards 1936], «фокусом» (*focus*) [Kittay 1987], «основой» (*ground*) [Cacciari 2001] или «вспомогательным субъектом» (*subsidiary subject*) [Black 1979]. Содержательная часть указывает на литературный прием перехода из одной семантической области в совершенно иную, которая является тем «субъектом», который и используется в данном контексте. Таким образом, во вторую очередь метафора состоит из «субъекта», который называют «лейтмотивом» (*tenor*) [Richards 1936], «фреймом» (*frame*) [Kittay 1987], «темой» (*topic*) [Cacciari 2001] или «главным субъектом» (*principal subject*) [Black 1979] метафоры. В-третьих, существует «напряжение» (*tension*) между этим субъектом и содержанием метафоры [Cacciari 2001; Kittay 1987; Richards 1936]. В то же время это напряжение является мостом между различными областями. В качестве примера приведем выражение из выступления Председателя КНР Си Цзиньпина: “金融是现代经济的血脉。血脉通，增长才有力” (*Финансы — это кровь современной экономики. Рост возможен только тогда, когда кровь циркулирует*). Слово 血脉 — «кровь» в данном случае обладает как значением первого порядка (семантическим), так и значением второго порядка (прагматическим), так как контекст показывает адресату, что значение первого порядка является неподходящим. В приведенном примере словосочетание “现代经济的血脉” (кровь современной экономики) является «вспомогательным субъектом», а финансы являются «главным субъектом», в свою очередь «напряжение» между ними обеспечивает понимание того, что именно «финансы», а не «кровь» являются основой современной экономики. Лексическое значение «фокуса» относится к исходной области «Медицина», а «фрейм», в отличие от «фокуса», относится к другой исходной области — экономике. «Контраст» между этими исходными областями создает эффект «напряжения», кото-

рый обуславливает перлокутивный эффект и усиливает метафору.

3. Третий тип исследования. Метод определения индекса силы метафоры (MPI)

Использование метафоры как одного из средств пропаганды основывается на эмоциональном воздействии. Метод определения индекса силы метафоры (MPI) позволяет дать количественную оценку эмоциональной силе в публичном дискурсе. Данный метод направлен на определение количественного показателя метафорической (а также эмоциональной, риторической) силы текста. Индекс силы метафоры может быть рассчитан для каждой части текста. Данный индекс является индикатором стиля текста («метафорический стиль», «информативный стиль» и т. д.). Метафоры (1) идентифицируются и подсчитываются, (2) классифицируются по оригинальности и (3) содержанию (исходной области). Метод определения индекса силы метафоры (MPI) сочетает в себе два методологических подхода. Изучая каждую метафору, необходимо обратить внимание на комплексный эффект. Метод определения индекса силы метафоры (MPI) в первую очередь направлен на выявление всех метафор, которые были использованы в конкретном тексте для определения риторического эффекта (**первый тип исследования**). Теория когнитивной метафоры (**второй тип исследования**), напротив, идентифицирует несколько ключевых универсальных исходных областей метафоры. С помощью данной теории определяется набор метафор, которые выступают в качестве инструментов фрейминга и получают название концептуальных метафор. Благодаря данному методу все метафоры заданного текста или корпуса текстов классифицируются в соответствии с конкретными исходными областями, которые определяют восприятие адресатом заданного объекта (**второй тип исследования**). Например: “对一个国家而言, 开放如同破茧成蝶” (*Открытость для страны подобна тому, как, разрушив свой кокон, на свет появляется бабочка*). С точки зрения повседневной речи, метафорой является фрагмент *разрушив свой кокон, на свет появляется бабочка* (**первый тип исследования**). В данном примере значение метафоры устанавливается с учетом исходной области «Природа», что говорит об амбивалентной эмоциональной природе данной метафоры (**второй тип исследования**).

Идея выделения эмоциональной составляющей в метафоре базируется на теориях из области когнитивной психологии, которые

берут свое начало в учении Аристотеля. Эмоции управляют нашим познанием: они обуславливают наши убеждения, отражают наши приоритеты, определяют наше внимание и даже искажают наши воспоминания. Метафоры имеют схожие с эмоциями функции, они направляют наши знания в определенное русло и помогают выбрать конкретную точку зрения [Kittay 1987].

Для выявления эмоциональной составляющей в выступлениях политиков предлагается использовать количественный метод определения метафорической силы дискурса — MPI. Дискурс с высоким MPI является дискурсом, в котором используется «метафорический стиль». Данный тип дискурса характеризуется эмоциональной составляющей, высокой степенью персуазивности и использованием риторических тропов, что, в свою очередь, обеспечивает прямой и живой контакт с аудиторией. Особое социальное значение подобного дискурса, в котором используется метафорический стиль, можно выявить путем изучения его возможных функций в социальном контексте. В этой связи необходимо изучить не только соответствующие дискурсивные переменные, но и контекстуальные переменные, которые могут вступать с ними во взаимодействие. Дискурс с низким индексом силы метафоры (MPI) свидетельствует об «информационном стиле». Данный тип дискурса в первую очередь опирается не на эмоции, а на аргументацию и логику. Индекс силы метафоры рассчитывается на основе индекса частотности метафоры (MFI, Metaphor Frequency Index), индекса интенсивности метафоры (MII, Metaphor Intensity Index) и индекса содержания метафоры (MCI, Metaphor Content Index).

Индекс частотности метафоры (MFI) показывает дискурсивную частотность метафоры (m) на 100 слов (w). Чем выше количество (n) метафор по отношению к количеству (n) слов, тем выше индекс частотности метафоры (MFI) [De Landtsheer 2011: 8].

$$MFI = nme \times 100/nwo$$

Индекс интенсивности метафоры (MII) соотносится с новым и оригинальным характером метафоры и отражает степень присутствия «некоторой сферы жизни» (например, «медицины») в новом значении метафоры.

Индекс интенсивности метафоры (MII) представляет собой показатель уровня «оригинальности» и основывается на двух концепциях: концепции различия между обычными и оригинальными метафорами Коллера [Koeller 1975], а также концепции трех измерений метафоры [Mooy 1976], одним из которых является сила привязки к

буквальному значению метафоры, или, как мы называем это в нашей работе, слова и выражения со значением первого порядка, которые формируют «вспомогательный субъект» метафоры. В оригинальных метафорах значение первого порядка все еще прочно присутствует, а различие или несоответствие между значениями «вспомогательного» и «основного субъекта» является значительным, настолько, что придает метафоре яркий характер [Gibbs, Colston 2012]. Метафоры, в зависимости от создаваемого контраста и «напряжения», получают значения интенсивности от «слабых» (w) (weak) с коэффициентом 1 («стертые метафоры», которые реализуют стандартные метафорические переносы значения), «обычных» (a) (average) с коэффициентом 2 («конвенциональные» метафоры, незафиксированные как словарные значения) и заканчивая «сильными» (s) (strong) с коэффициентом 3 (новые, «креативные» метафоры). Индекс интенсивности метафоры равен сумме значений интенсивности метафоры, поделенной на общее количество метафор (*nme*):

$$MII = \frac{1w + 2a + 3s}{nme}$$

Очевидно, что использование более интенсивных, креативных и/или новых метафор приводит к повышению уровня индекса интенсивности метафоры (MII) [De Landtsheer 2011: 9].

Модель также учитывает содержание метафоры, семантическое поле исходной области метафоры, которое представлено **индексом содержания метафоры (МСИ)**. Метафоры, относящиеся к определенным исходным областям (например, «Болезнь» или «Спорт»), обладают большей силой, чем те, которые отражают в своем содержании такие понятия, как «семья» или «природа». Посредством использования конкретных метафор для деструктивных целей может эксплуатироваться чувство тревоги или беспокойства. Такое происходит, когда на некоторые группы людей систематически вешаются ярлыки, связанные с животными, грязью или болезнями — такие ярлыки, которые поощряют «чистки» (этнические, религиозные, идеологические или националистические). В случае индекса содержания метафоры (МСИ) метод определения индекса силы метафоры (МПИ) использует эмпирически обоснованную шкалу, которая располагает категории содержания в порядке возрастания в зависимости от их эмоционального потенциала и того, в какой степени они подтверждают или опровергают существующий уклад жизни [De Landtsheer 2009]. Индекс содержания метафоры опирается на ключе-

вые характеристики исходных областей, которые являются относительно универсальными: «повседневная материальная реальность жизни» (популярные метафоры, P), «природа» (метафоры природы, N), «политика, интеллект, технологии» (технологические метафоры, T), «насилие и катастрофы» (метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям, D), «спорт, игры и театр» (спортивные и игровые метафоры, Sp), а также «смерть, тело и заболевания» (медицинские метафоры и метафоры болезни, M). В результате масштабного исследования К. де Ландшер присвоила метафорам, которые соответствуют ключевым характеристикам исходных областей, коэффициенты от 1 до 6. Каждой из ключевых характеристик был присвоен коэффициент на основе шкал значений, взятых из таких областей, как психолингвистика, социальная психология, в том числе из модели «кризисного поведения» Гауса (1981), которая увязывает необходимость ментального эскапизма с экономическим кризисом. Оптимистичные и популярные метафоры (P) меньше подходят для эскапизма, таким образом, они получают наименьший коэффициент (1) (например, **瓶颈** — **бутылочное горлышко** (обр. *слабое место*), в то время как медицинские метафоры (M) рассматриваются в качестве высказываний и ключевых характеристик, отражающих тревогу, и, таким образом, получают наивысший коэффициент (6). Медицинские метафоры обозначают процессы в обществе как биологические и тем самым навязывают идею того, что врач (авторитарный лидер) должен решать проблемы путем хирургического вмешательства, а не путем переговоров (демократически), например: **要着力推进反恐, 标本兼治** — **мы должны расширять контртеррористические меры, устраняя симптомы и первопричины терроризма** (标本兼治 — *кит. мед.* Одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания) [De Landtsheer 2009].

Метафоры природы (N) получают коэффициент (2), так как они схожи с популярными (P), но у них обнаруживается амбивалентная природа (оптимистическая в противовес пессимистической), например: **破茧成蝶** — **разрушив кокон, стать бабочкой**. Политические, интеллектуальные и технологические метафоры (T), которые относятся к реальной жизни и не подходят для эскапизма, получают коэффициент (3), например: **建设六大经济走廊框架** — **строить основу** (словарное значение — **каркас**) **шести важнейших экономических коридоров**. Метафоры бедствий (D) отражают отчаяние, депрессию и

агрессию, часто они используются в апокалиптическом значении и получают коэффициент (4), например: 惊涛骇浪 — **страшные валы и яростные волны** (обр. о необычайных перипетиях). Спортивные, игровые и театральные метафоры (Sp) адресованы большому количеству людей, обладают высоким манипулятивным уровнем и получают коэффициент (5), например: 相互尊重壮丽诗篇 — **великолепная поэзия взаимного уважения**. Индекс содержания метафоры (MCI) высчитывается по следующей формуле, где (nme) отражает общее количество метафор:

$$MCI = \frac{1P + 2N + 3T + 4D + 5Sp + 6M}{nme}$$

В случае высокой социальной и экономической напряженности в обществе финансовые, политические и медиаэлиты, вероятнее всего, будут использовать метафоры с наиболее высоким коэффициентом, которые вызывают самые сильные эмоции (коэффициенты от 4 до 6) и имеют максимальное значение MCI [De Landtsheer 2011: 3].

Расчет индекса силы метафоры (MPI) является результатом умножения индекса частотности метафоры (MFI), индекса интенсивности метафоры (MII) (1-3) и индекса содержания метафоры (MCI) (1-6):

$$MPI = MFI \times MII \times MCI$$

Индекс силы метафоры (MPI) раскрывает характер метафорического стиля финансового, политического, медиа- или иного дискурса. Допустим, что индекс силы метафоры у различных адресантов будет отличаться. И тот, кто использует менее интенсивные метафоры, вызывающие слабые эмоции или не вызывающие их вовсе, получает более низкие значения индекса силы метафоры (MPI) по сравнению с оппонентами. Полученное в результате исследований К. де Ландшер среднее значение индекса силы метафоры в публичных выступлениях равно 5. В данном случае цифра «5» является точкой отсчета: индекс силы метафоры (MPI) со значением выше 5 указывает на «метафорический стиль» дискурса, ниже 5 — на «содержательный стиль» и низкую метафорическую силу дискурса [De Landtsheer 2009].

Материалом настоящего исследования являются стенограммы выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина на полях Международного форума «Один пояс — один путь», который состоялся 14 мая 2017 г. Ниже приведены две таблицы с примерами метафор, комментариями и коэффициентами MCI и MII, а также таблица схожих концептуальных метафор, которые встречаются в выступлениях обоих глав государств.

Таблица 1

Примеры метафор из выступления Председателя КНР Си Цзиньпина

Содержание	Перевод	Комментарий	Оценка MCI и MII
融资瓶颈是实现互联互通的突出挑战。	„Бутылочное горлышко“ в финансовом секторе является первостепенной проблемой при построении взаимных связей.	瓶颈 — бутылочное горлышко (обр. слабое место)	Популярная метафора, P, (a)
对一个国家而言，开放如同破茧成蝶。	Открытость для страны подобна тому, как, разрушив свой кокон, на свет появляется бабочка.	破茧成蝶 — разрушив кокон, стать бабочкой, обр.	Метафора природы, N, (s)
和平赤字、发展赤字、治理赤字，是摆在全人类面前的严峻挑战。	Дефицит мира, развития и управления представляет собой серьезный вызов для человечества.	和平赤字 — дефицит мира 赤字 — дефицит (финансовый термин)	Технологическая метафора, T, (s)
地区热点持续动荡，恐怖主义蔓延肆虐。	Горячие точки в регионе приводят к нестабильности, а террористическая зараза распространяется.	热点 — горячие точки (переносное значение)	Метафора бедствия, D, (a)
携手给就共同发展的美好画卷。	Рука об руку писали прекрасную картину о совместном развитии.	画卷 — картина (в свитке)	Метафора искусства, Sp, (a)
要着力反恐，标本兼治，消除贫困落后和社会不公	Необходимо прикладывать усилия в сфере борьбы с терроризмом, устранять его симптомы и первопричины, искореняя бедность, отсталость и социальную несправедливость.	标本兼治 — кит. мед. одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания	Медицинская метафора, M, (s)

Таблица 2

Примеры метафор из выступления Президента РФ В. В. Путина

Содержание	Комментарий	Оценка MCI и MII
<i>И в этом отношении Большая Евразия — это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее.</i>	Цивилизационный проект — 文明工程	Популярная метафора, P, (s)
<i>Оно (будущее евразийского партнерства. — А. Ф., Р. М.) должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни.</i>	Политический и экономический ландшафт континента — 大陆政治、经济景观	Метафора природы, N, (a)
<i>Чтобы создать такой фундамент, предлагаем активно развивать совместные образовательные платформы, укреплять взаимодействие университетов и бизнес-школ.</i>	Образовательные платформы — 教育平台; тех. платформа, площадка, плита	Технологическая метафора, T, (a)
Спортивные, игровые и театральные метафоры (Sp) отсутствуют		
Метафоры бедствий (D) отсутствуют		
<i>Бедность, социальная неустроенность, колоссальный разрыв в уровне развития стран и регионов порождают питательную среду для международного терроризма, экстремизма, незаконной миграции.</i>	Питательная среда для международного терроризма — 国际恐怖主义培养基	Медицинская метафора, M, (s)

В результате анализа полного текста выступления Председателя КНР Си Цзиньпина было выявлено 86 метафор на 3320 слов. Из них 36 — популярные метафоры (P) с индексом 1; 24 — метафоры природы (N) с индексом 2; 29 — политические, интеллектуальные и технологические метафоры (T) с индексом 3; 3 — метафоры бедствия (D) с индексом 4; 2 — спортивные и театральные метафоры (Sp) с индексом 5; 4 — медицинские метафоры (M) с индексом 6. Среди них 13 — «слабые» (w) с коэффициентом 1; 54 — «обычные» (a) с коэффициентом 2 и 19 — «сильные» (s) с коэффициентом 3.

В результате анализа полного текста выступления Президента РФ В. В. Путина нами было выявлено 20 метафор на 1238 слов.

Из них 7 — популярные метафоры (P) с индексом 1; 3 — метафоры природы (N) с индексом 2; 8 — политические, интеллектуальные и технологические метафоры (T) с индексом 3; 2 — медицинские метафоры (M) с индексом 6. При этом отсутствуют метафоры бедствия (D) и спортивные метафоры (Sp). Среди них 1 — «слабая» (w) с коэффициентом 1; 13 — «обычные» (a) с коэффициентом 2 и 6 — «сильные» (s) с коэффициентом 3.

На основе полученных данных подсчитаем индекс интенсивности метафоры (MII), индекс содержания метафоры (MCI), индекс частотности метафоры (MFI) и затем индекс силы метафоры (MPI) для выступлений.

Председатель КНР Си Цзиньпин

$$MCI = \frac{1 \times 36 + 2 \times 24 + 3 \times 29 + 4 \times 3 + 5 \times 2 + 6 \times 4}{86} = 2,24$$

$$MFI = \frac{86 \times 100}{3320} = 2,59$$

$$MII = \frac{1 \times 13 + 2 \times 54 + 3 \times 19}{86} = \frac{178}{86} = 2,06$$

$$MPI = MFI \times MII \times MCI = 2,24 \times 2,59 \times 2,06 = 11,95$$

Президент РФ В. В. Путин

$$MCI = \frac{1 \times 7 + 2 \times 3 + 3 \times 8 + 6 \times 2}{20} = 2,45$$

$$MFI = \frac{20 \times 100}{1238} = 1,61$$

$$MII = \frac{1 \times 1 + 2 \times 13 + 3 \times 6}{20} = 2,25$$

$$MPI = 2,45 \times 1,61 \times 2,25 = 8,87$$

В ходе исследования нами было выявлено 9 схожих концептуальных метафор, которые использовались и Президентом РФ В. В. Путиным, и Председателем КНР Си

Цзиньпином. Ниже приведена таблица с примерами употребления данных метафор в выступлениях глав двух государств.

Таблица 3

Сходные концептуальные метафоры

Номер	Президент РФ В. В. Путин	Комментарий	Председатель КНР Си Цзиньпин	Комментарий
1	<i>Наш континент — это родина великих цивилизаций.</i>	伟大文明的发祥地 发祥地 — колыбель	跨越埃及文明、巴比伦文明、印度文明、中华文明的发祥地	Великий Шелковый путь пересекал колыбели египетской, вавилонской, индийской и китайской цивилизаций.
2	<i>В знаменитой китайской «Книге перемен» колодец — это образ, символизирующий источник жизненной силы.</i>	活力源泉 活力 — жизненная сила, энергия	(我们要) <...> 培育新业态, 保持经济增长 活力	(мы должны)... создавать новые компании и поддерживать динамичный рост.
3	<i>Это касается <...> поисков новых драйверов роста.</i>	发展 驱动 驱动 — тех. привод, комп. драйвер	我们要坚持创新 驱动 发展	Нам надо содействовать инновационному развитию.
4	<i><...> Создавать систему современных связанных транспортных коридоров</i>	现代交通走廊框架 走廊 — коридор, галерея	我们已经确立“一带一路”建设六大经济走廊框架。	建设六大经济走廊框架 — строить каркас (основу) шести важнейших экономических коридоров
5	<i><...> чтобы он стал глобальной конкурентной транспортной артерией.</i>	交通大动脉 大动脉 — анат. аорта	在这条大动脉上, 资金、技术、人员等生产要素自由流动, 商品、资源、成果等实现共享	По этой главной артерии свободно перемещались такие факторы производства, как капитал, технологии и люди.
6	<i>...ключ к освоению территории, оживлению экономической и инвестиционной активности.</i>	掌握地区搞活经济积极的总钥匙 总钥匙 — ключ (от замка)	发展是解决一切问题的总钥匙。	Развитие — ключ к решению всех проблем.
7	<i>...дороги развития и процветания.</i>	繁荣及发展之路 路 — дорога, путь	<...> 共同 发展之路, <...>。	...на путь взаимопонимания и совместного развития <...>.
8	<i>Чтобы создать такой фундамент, предлагаем активно развивать совместные образовательные платформы <...>.</i>	教育平台 (框架) 平台 — тех. Платформа, площадка, плита	我们要建立多层次人文合作机制, 搭建更多合作平台, 开辟更多合作渠道。	Мы должны установить многоярусный механизм культурных и межличностных обменов, создавать больше площадок для сотрудничества и открывать больше каналов для кооперации.
9	<i><...> цивилизационный проект, устремленный в будущее.</i>	文明工程 工程 — инженерные работы, стройка, тех. проект	让这一世纪工程造福各国人民	Позволит этому эпохальному проекту охватить народы всех стран.

Индекс силы метафоры (MPI) в речи Председателя КНР Си Цзиньпина составил 11,95, что свидетельствует о намерении китайской стороны убедить присутствующих на форуме глав государств и представителей бизнеса в необходимости развития масштабного инфраструктурного проекта «Один пояс — один путь», который был предложен лично Председателем КНР. В связи с нарастающим социально-экономическим кризисом в мире и стартом политики протекционизма США (главного торгового партнера КНР), реализация данного проекта жизненно необходима для КНР.

Речь Президента РФ В. В. Путина также обладает высоким уровнем персуазивности, подтвержденным достаточно большим значением индекса силы метафоры (MPI), которое составляет 8,87. Это также свидетельствует о том, что данный проект представляет большой интерес для Российской Федерации.

Использование главами РФ и КНР схожих концептуальных метафор свидетельствует о близости позиций Президента РФ В. В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина в области реализации данного проекта.

Результаты исследования показывают, что индекс силы метафоры (MPI) Председателя КНР Си Цзиньпина значительно выше индекса силы метафоры (MPI) Президента РФ В. В. Путина, однако данная разница не выглядит столь значительной, если учесть особенности китайской лингвистической традиции, где метафорам и идиомам уделяется особое внимание при составлении текста выступления. Учитывая лингвистические особенности китайской культурной традиции, представляется интересным продолжить исследования в направлении анализа метафорической силы политического и других институциональных видов дискурса в КНР.

ИСТОЧНИКИ

1. 习近平在“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲 (全文) URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html>. = Речь председателя КНР Си Цзиньпина

A. G. Fomin, R. R. Mavleyev
Moscow, Russia

POLITICAL METAPHOR AS AN EFFECTIVE MEANS OF INFLUENCE (CASE STUDY OF THE SPEECHES OF THE PRESIDENT OF RUSSIAN FEDERATION VLADIMIR PUTIN AND THE PRESIDENT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA XI JINPING AT THE BELT AND ROAD FORUM FOR INTERNATIONAL COOPERATION)

ABSTRACT. *The article studies metaphor as an effective tool of manipulation in political sphere. The article discusses the results of a qualitative and quantitative analyses of political metaphors found in the speeches of the President of Russia V.V. Putin and the President of the People's Republic of China Xi Jinping at the Belt and Road Forum for International Cooperation. The method of Metaphor Power Index (MPI) calculation is used to reveal persuasive potential of a metaphor in public opinion formation. To calculate MPI it is necessary to integrate several approaches: linguistic identification of a metaphor (an important role is given to dictionaries and interpretations found in research works; in case the meaning of the metaphor is different from the one found in the dictionary, but the meaning of one unit can be interpreted with the help of the other, the phenomenon under study is a metaphor); contextual analysis with the help of the conceptual metaphor theory by G. Lakoff and M. Johnson (conceptual analysis of a metaphor reveals the tools used for coinage of a metaphor, the object of*

на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс — один путь» 2017. URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html>.

2. Международный форум «Один пояс — один путь». URL: <http://kremlin.ru/president/news/54491>.

ЛИТЕРАТУРА

3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М., 2001.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Идеология как феномен общественного сознания (лингвостатистический анализ) // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. — М., 1997.
5. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований / СПбГУ. — СПб.: СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88—108.
6. Паршин П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования — 1986. — М., 1987.
7. Black Max. «More about metaphor» // Metaphor and Thought / ed. Anthony Ortony. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1979. P. 19—43.
8. Cacciari Catarina. The language of money: How verbal and visual metonymy shapes public opinion about financial events // International journal of Language studies 2001. № 7(2). P. 31—60.
9. De Landsheer C. The political rhetoric of a United Europe // Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / ed. by O. Feldman. — New York, 1998.
10. De Landtsheer C. Collecting political meaning from the count of metaphor // Metaphor and Discourses / A. Musolff, J. Zink (eds.). 2009. P. 73—96.
11. De Landtsheer C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies: paper presented at the Conference of ECPR, Glasgow, September 3—6, Univ. of Glasgow. 2011.
12. Beer F. A., Landtsheer Christ'1 de. Metaphorical World Politics. — East Lansing MI: Michigan State Univ. Pr., 2004.
13. Gaus. Helmut. Human behavior during long-term economic recession. — Malle, Belgium: De Sikkel, 1981.
14. Kittay E. Metaphor: its cognitive force and linguistic structure. — Oxford; New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 1987. ISBN 9780198249351
15. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Human Feeling. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2000.
16. Lakoff George, Johnson Mark. Metaphors we live by. — Chicago: The Univ. of Chicago Pr., 1980.
17. Lasswell Harold D., Leites Nathan C. The Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. — The MIT Press, 1949.
18. Mooy J. J. A study of metaphor: on the nature of metaphorical expressions with special reference to their reference. — Amsterdam: North Holland Publ. Comp., 1976.
19. Praggeljaz Group. A practical and flexible method of identifying metaphorically used word in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. № 22. P. 1—39.
20. Gibbs Jr, Raymond W., Colston Herbert L. Interpreting Figurative Meaning. — New York, USA: Cambridge Univ. Pr., 2012.
21. Richards I. A. A Philosophy of Rhetoric. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 1936.

metaphor and lexical meaning of the units that create metaphorical effect; conceptual domain which the metaphor refers to is identified); and MPI calculation. The results of this research show that that MPI in Xi Jinping's speeches is higher than that of V.V. Putin's speeches. However these differences are may be explained by the linguistic traditions of China where metaphors and idioms are frequently used in public addresses.

KEYWORDS: *political metaphors; political metaphorology; political rhetoric; persuasive rhetoric; political speeches; political leaders; linguistic persona; conceptual metaphors; semantic field.*

ABOUT THE AUTHORS: *Fomin Andrey Gennadiyevich, Doctor of Philology, Professor, Academy of Management of Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia.*

Mavleyev Ruslan Rafaelevitch, Adjunct, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. — M., 2001.
2. Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O., Mikhaylov M. N. Ideologiya kak fenomen obshchestvennogo soznaniya (lingvostatisticheskii analiz) // Rossiya v poiskakh idei. Analiz pressy. — M., 1997.
3. Gavrilova M. V. Lingvisticheskii analiz politicheskogo teksta // Politicheskii analiz. Doklady empiricheskikh politicheskikh issledovaniĭ / SPbGU. — SPb. : SPbGU, 2002. Vyp. 3. S. 88—108.
4. Parshin P. B. Lingvisticheskie metody v kontseptual'noy rekonstruktsii // Sistemnye issledovaniya — 1986. — M., 1987.
5. Black Max. «More about metaphor» // Metaphor and Thought / ed. Anthony Ortony. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1979. P. 19—43.
6. Cacciarri Catarina. The language of money: How verbal and visual metonymy shapes public opinion about financial events // International journal of Language studies 2001. № 7(2). P. 31—60.
7. De Landsheer C. The political rhetoric of a United Europe // Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / ed. by O. Feldman. — New York, 1998.
8. De Landsheer C. Collecting political meaning from the count of metaphor // Metaphor and Discourses / A. Musolf, J. Zink (eds.). 2009. P. 73—96.
9. De Landsheer C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies : paper presented at the Conference of ECPR, Glasgow, September 3—6, Univ. of Glasgow. 2011.
10. Beer F. A., Landsheer Christ'l de. Metaphorical World Politics. — East Lansing MI : Michigan State Univ. Pr., 2004.
11. Gaus. Helmut. Human behavior during long-term economic recession. — Malle, Belgium : De Sikkel, 1981.
12. Kittay E. Metaphor: its cognitive force and linguistic structure. — Oxford ; New York : Clarendon Press, Oxford University Press, 1987. ISBN 9780198249351
13. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Human Feeling. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000.
14. Lakoff George, Johnson Mark. Metaphors we live by. — Chicago : The Univ. of Chicago Pr., 1980.
15. Lasswell Harold D., Leites Nathan C. The Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. — The MIT Press, 1949.
16. Mooy J. J. A study of metaphor: on the nature of metaphorical expressions with special reference to their reference. — Amsterdam : North Holland Publ. Comp., 1976.
17. Praggeljaz Group. A practical and flexible method of identifying metaphorically used word in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. № 22. P. 1—39.
18. Gibbs Jr, Raymond W., Colston Herbert L. Interpreting Figurative Meaning. — New York, USA : Cambridge Univ. Pr., 2012.
19. Richards I. A. A Philosophy of Rhetoric. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1936.
20. Rech' predsedatelya KNR Si Tszin'pina na Tseremonii ot-krytiya Mezhdunarodnogo foruma «Odin poyas — odin put'» 2017. URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html>.
21. Mezhdunarodnyy forum «Odin poyas — odin put'». URL: <http://kremlin.ru/president/news/54491>.

Е. А. Нечаева
Иваново, Россия

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТАКТИК РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ,
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ**

АННОТАЦИЯ. В фокусе размышлений — один из способов конструирования имиджа политического лидера, создание политической листовки. Анализ многочисленных предвыборных листовок разных городов СНГ показал, что несколько тактик речевого воздействия являются основными и используются практически во всех предвыборных листовках. Основной целью исследования является раскрытие сути этих тактик. В статье приводятся конкретные примеры из реально существовавших в разное время политических листовок. Наш выбор не случайный, мы считаем этот вопрос одним из наиболее важных и интересных в современной лингвополитологии. Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и дескрипторной теории метафоры, а также опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Для исследования используются методы когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, моделирования, а также лингвостатистический метод. Описанные в статье тактики сохраняют актуальность и могут быть использованы как базовые тактики речевого воздействия в современной политической листовке. Данная статья адресована всем интересующимся вопросам современной политической коммуникации: филологам, журналистам, политическим консультантам, имиджмейкерам, специалистам по Public Relations и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нейролингвистическое программирование; политические деятели; политическая риторика; речевое воздействие; политическая коммуникация; коммуникативные тактики; манипулятивное воздействие; массовое сознание; предвыборные кампании; листовки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нечаева Елена Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет; 153021, Россия, г. Иваново, пер. Шевченко, 4, к. 37; e-mail: fallow-deer@mail.ru.

— Папа, а правда, что все сказки в мире начинаются со слов: «Опсе урон а time...»?

— Нет, сынок, многие сказки начинаются со слов: «Если избиратели остановятся на моей кандидатуре и я приду к власти...»

Популярный американский анекдот

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В политологии, теории и практике Public Relations, имиджмейкинге, консалтинге и других областях в настоящее время все более активно используются технологии нейролингвистического программирования. Как известно, с позиций NLP-технологий (neuro-linguistic programming), в опыте человека нет ничего, кроме эмоций, ощущений и образов. Слово — это сигнал образов (вторая сигнальная система, согласно учению И. П. Павлова). В современном политическом консалтинге ведущая роль отводится речевому программированию аудитории, с точки зрения которого человек рассматривается своего рода биокомпьютером. Центральным звеном вербального программирования является удачный выбор ключевых слов, т. е. в создании имиджа любого политического деятеля главную роль играет слово. Слово, обладающее изначальной императивностью, может менять семантику в сознании. Посредством грамотного использования слов в предвыборной листовке в массовом сознании может быть создан как положительный, так и отрицательный имидж политического лидера, который необходимо либо поддерживать, либо корректировать в

дальнейшем.

Различные печатные материалы могут по-разному преподнести тот или иной фрагмент речи политика, вложить в него особое значение, которое может быть далеким от истинного содержания. Автор статьи, публикуя свои материалы, может вкладывать свой смысл — и все это происходит посредством использования слова. Речь политического деятеля представляется, выражаясь языком политической лингвистики, инвариантом, т. е. неизменяемой частью, а появляющиеся в предвыборных листовках слова и словосочетания являются соответственно вариантами этой речи. Варианты имеют, как правило, разную форму, разное содержание и функцию (информационную, оценочную и т. д.).

Слова должны актуализировать нужные семантические структуры у аудитории, вызывать образы и эмоции, соответствующие целям воздействия. Например, слова должны быть конкретны и образны, необходимо избегать использования отрицательных частиц «не» и «нет», использовать крылатые выражения, встроенные в семантику сознания электората, и т. д. Для имиджмейкинга, консалтинга, политологии, теории и практики

Public Relations и других сфер наибольшее значение имеют операции со словами, выражениями, высказываниями и их смыслами, для представления действительности в том виде, который выгоден политконсультанту и соответствует интересам политического лидера.

Не секрет, что каждый политический деятель должен уметь завоевывать симпатии населения. Один из способов это сделать — распространить в народе те убеждения, которые соответствуют целям данного политика, но завуалированы под мнения широких масс. Поскольку отнюдь не всегда эта задача может быть решена с помощью «корректного» рационального убеждения, основанного на логическом доказательстве, естественно, что политконсультанты прибегают к иным способам воздействия — к определенным тактикам речевого воздействия на чувства, эмоции, подсознание адресата.

Для победы в политической борьбе политическому лидеру прежде всего необходима грамотно составленная предвыборная листовка. Анализ многочисленных предвыборных листовок разных городов РФ показал, что несколько тактик речевого воздействия являются основными и используются практически во всех изданиях данного типа. Мы проиллюстрируем эти тактики речевого воздействия примерами из русскоязычных предвыборных листовок, а именно из текстов предвыборных материалов разных городов СНГ (примеры берутся из текстов реальных предвыборных листовок). Наш выбор не случаен, озвученную проблему мы считаем одной из наиболее важных и интересных в современной лингвополитологии. Данная статья представляет интерес как для лингвистов, так и для практикующих политконсультантов.

Итак, перечислим основные тактики речевого воздействия, которые используются в предвыборных листовках. Данные тактики приводятся в соответствии с частотой их использования в предвыборных листовках (в порядке от наиболее до наименее частотной тактики).

1. Различные положительные оценочные номинации личностных качеств кандидата, наиболее лестные из которых даются с использованием ссылки на авторитет известных в городе или стране людей. Можно привести следующий пример: *У нас были близкие, даже дружеские отношения с Юрием Владимировичем, и все же я сказал: „Юрий Владимирович, разрешите остаться“. Он все-таки настоял, и я переехал в Москву.* Однако подобный прием не всегда способствует формированию положительного имиджа кандидата, привлечению голосов изби-

рателей, так как не у всех потенциальных избирателей совпадает список авторитетов, нет людей, которые обладали бы положительным имиджем в глазах всего электората. Так, например, один из кандидатов, разместив в своих листовках положительные отзывы о себе бывшего мэра, еще раз подчеркнул, что находится в довольно «теплых» с ним отношениях, в то время как уход мэра города с занимаемой должности был весьма скандальным. Данный прием имплицитно моделирует привычную для русского человека ситуацию, обозначенную известной народной мудростью: *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.* Только вот реакция избирателя не всегда оказывается на пользу кандидату.

2. Прием метафорического моделирования социально-политической действительности города в негативном ключе. Метафора является мощным средством воздействия на адресата, в ее основе лежит эмоционально-ценностное отношение к описываемым явлениям, формируемое прагматической составляющей сферы-источника. Так называемая «медицинская метафора» характерна для текстов большинства кандидатов. Город с его застаревшими проблемами осмысляется как больной организм, требующий немедленного и серьезного лечения. Например: *«рецепты для ивановского ТСЖ»*; *«геморрой старых властей»*; *«зубная боль коммунальщиков»*; *«новый геморрой ЖКХ»* и т. д. Подобная метафорика является своего рода модулятором, усиливающим негативное отношение жителей города к действующей власти и имплицитно транслирующим призыв к переменам, а следовательно, к активному участию в выборах.

3. Использование индивидуальных, «имиджевых» метафор, разворачивающихся как в отдельных агитационных текстах, так и в агитационном дискурсе политика в целом. Согласно нашим наблюдениям, за «имиджевыми» метафорами, которые используются известными людьми, баллотирующимися на определенный политический пост, часто стоит их основная профессиональная деятельность: развернутые медицинские метафоры широко распространены у кандидата — бывшего главврача детской больницы; военные метафоры и в целом стилизация агиток под боевой листок — у бывшего полковника; банковская и строительная метафоры — у кандидата — председателя правления единственного в городе самостоятельного банка, а по совместительству — руководителя городского строительного треста; педагогическая метафора — у бывшей руководительницы известного в городе

учебного учреждения и т. д. Подобными «имиджевыми» метафорами кандидаты в большинстве случаев стремятся доказать избирателям, что их прошлая или нынешняя профессиональная деятельность — это залог успеха на определенном государственном посту. Например, бывший главный врач районной больницы Татьяна Владимировна Яковлева в 2003 г. на выборах в городскую думу г. Иваново использовала в своей предвыборной кампании такой слоган: *Врач придет на помощь всегда!*

4. Обращение к прецедентным феноменам (каноническим и трансформированным) как весьма действенному приему скрытой политической агитации. Прецедентные феномены демонстрируют знание кандидатом культурно-исторических реалий страны, указывают на его культурные предпочтения и обладают некоторой эстетической ценностью. Отметим, что данные единицы могут быть гендерно и профессионально маркированными. Прецедентные феномены — это своего рода лакмусовые бумажки, с помощью которых проницательный читатель-избиратель открывает для себя истинное лицо кандидата. Например: *Я, конечно, интересовался религией. Я с интересом читал на русском языке Коран и многое другое из религиозной литературы. Знакомился с историей Ислама, историей Мекки, Медины.* Иногда прецедентные феномены не столько «украшают» кандидата, сколько выдают его и становятся антиагитационными.

5. Использование личного местоимения *мы* с прагматическим смыслом *я и вы* — жители города, формирующим у избирателя представление о собственной значимости в контексте социально-политического устройства города, о возможности совместной с будущей властью деятельности. Особенно продуктивно в этом и особенно широко распространено употребление местоимений *мы* и *наш* в русском языке. В графическом плане это может подкрепляться написанием *Мы* с заглавной буквы, которое должно сформировать представление значимости избирателя в его собственных глазах. Похвала акционеру, избирателю, покупателю и т. д. в той или иной форме содержится почти в каждой предвыборной листовке. Например: *«Это наш город. Кто за него в ответе? — Мы»; «Мы сделаем город чище, красивее, более благоустроенным»; «Мы за коммунистов»* и др. Данный прием путем повтора позволяет «закрепить» в сознании адресата определенную идею.

6. Использование приема метафоризации явлений живой и неживой природы. Этот прием связан с созданием четких концепту-

альных моделей. Политические оппоненты часто представляются как хищники, кровососущие насекомые. Город — это засеянная земля, которую необходимо удобрять, поливать, рыхлить, орошать и т. д., — другими словами, все время за ней ухаживать, чтобы собрать урожай, т. е. получить достойную жизнь при новом мэре или губернаторе. Само собой разумеется, что сам участник предвыборной гонки относит себя к опытному «полеводу», в то время как все другие политики не могут быть хорошими «земледельцами». Приведем следующий пример: *«Наш регион — это аграрный регион, а на земле должен быть хороший хозяин, земля должна быть в надежных руках».*

7. Употребление в предвыборных текстах оценочной лексики, которая несет существенную часть смысловой нагрузки. В языке существует немало слов, которые употребляются в некотором сообществе с достаточно определенной окраской. В частности, в нашем обществе сейчас определен знак оценочности для таких слов и словосочетаний, как *коммуняки*, *совки*, *посовковому*, *фашист* и др. Можно привести следующие примеры: *«Во всем были виноваты коммуняки»; «Они привыкли жить по-совковому».*

8. В предвыборных текстах используются такие речевые акты, для которых осуществление иллокутивного акта обязательно влечет за собой вполне определенный перлокутивный эффект, для усиления которого используются специальные инструменты воздействия, в том числе:

а) выбор синтаксических конструкций.

Синтаксис предоставляет исследователю широкий спектр средств речевого воздействия, в том числе прием парцеллирования — использование одного высказывания, состоящего из нескольких фраз. *«Цены были ниже, денег было достаточно...»;*

б) использование контекстуального или конситуативного эллипсиса.

В этом случае наблюдается пропуск того или иного члена синтаксической конструкции высказывания, ясного только из контекста или конситуации (т. е. при определенных условиях). *«Кажутся СТРАННЫМИ...»; «Изначаете главные причины инфляции?».* Используя более короткие, лаконичные фразы, политики — адресанты коммуникации стараются придать своей речи динамичность, сделать ее более оживленной. Перлокутивный эффект усиливается также за счет использования средств метаграфематики, к которым относится употребление различных шрифтов для осуществления экспрессивной функции политической коммуникации.

9. Представление субъективного мнения в виде объективного факта или истины, не требующих доказательств, в форме категорического суждения. Эта тактика речевого воздействия обходится без слов-эпистемиков. Например: *«Как всем известно, Россия — это аграрная страна»*; *«Ивановская область — это текстильный край»* (это давно уже не так).

10. Выражение уверенности политика в согласии адресата. При этом может быть использована фраза *«каждый, я думаю, давно уже решил для себя...»*. Например: *«Каждый, я думаю, давно уже решил для себя, за кого он будет голосовать на этих выборах»*.

11. Использование специфичной для предвыборных листовок риторической стратегии — «стратегии демобилизации» общественного мнения. Мы можем утверждать, что при этой стратегии ситуация подается как нормальная, хотя и сложная, а события — как идущие своим чередом, требующие терпения от членов общества. Например: *«К сожалению, в переходный период после 1988—1989 годов многое из того, что мы создали, разрушили. Первый удар был нанесен, когда Горбачев начал антиалкогольную кампанию, и стали вырубать плантации. Затем, став независимым государством, мы лишились той экономической интеграции, которая была в Советском Союзе»*.

Итак, выше мы проанализировали основные тактики речевого воздействия, используемые в предвыборных листовках, с целью создания условий для построения предсказуемых моделей в политологии и выработки оптимальных тактик политической деятельности.

Данные тактики коммуникации и воздействия на аудиторию универсальны, но их языковое, терминологическое наполнение национально-специфично, вот почему весьма перспективным представляется изучение речевых тактик воздействия, используемых в предвыборных листовках, в сравнительно-сопоставительном аспекте.

В заключение необходимо добавить, что речевое программирование предполагает грамотный выбор не только словаря, но и вербальной стратегии, времени и места вербализации и т. д. Передаваемая информация должна адекватно усваиваться получателем. В связи с этим особую роль имеет выбор языкового кода. На его выбор влияют тематика, жанр публикации, тип радио- и телепередач. Выбор кода определяется реально функционирующими в прессе, на радио и телевидении видами языков. Свой языковой код подбирается для людей соот-

ветствующего образовательного и культурного уровня, при этом необходимо учитывать национальные языки и особенности вербальной и невербальной коммуникации, знакового характера определенных явлений. В настоящее время особую важность приобретают используемые графические средства оформления текста, выбор цвета. О важности визуальной коммуникации можно судить по предвыборным и протестным кампаниям на Украине, где сигнальная роль цвета приобретает большое значение: например, оранжевый или голубой галстук политического деятеля, использование протестующими двухцветных георгиевских ленточек или желто-голубых, белых, красных, синих цветов национального флага и т. д. — все это говорит больше, чем слова, о политической ориентации демонстрантов. Визуализация становится еще более многомерной, поскольку появился технологический аспект, который усиливает эффект визуализации в политтехнологиях, теории и практике Public Relations, имиджмейкинге, консалтинге и других сферах. В политическом дискурсе нет мелочей, здесь важно все: владение ситуацией, концептами, знание психологии и др.

Коммуникативная направленность речи ориентирована на понимание другими людьми с целью воздействия на их сознание и деятельность, а также на социальное взаимодействие. Таким образом, мы приходим к выводу, что использование различных тактик воздействия при помощи слова в политических листовках, а также факторов, способствующих воздействию на индивидов и социальные группы, позволяет политконсультанту направлять процесс информирования в нужное русло и добиваться поставленных им целей, а именно побуждать избирателей проголосовать за определенного кандидата на выборах.

Указанные в данной статье тактики речевого воздействия, используемые в предвыборных листовках, направлены на формирование выгодных адресанту-политику представлений и установок у избирателя, однако недальновидность политика и его политконсультантов способна превратить эти тактики в тактики формирования антиимиджа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдина Ю. В., Нечаева Е. А. Значимость профессиональной PR-коммуникации для коммуникативного пространства современной России // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2008. № 3. С. 156—164.
2. Боярских О. С. Речевые приемы коррекции модели мира адресата в политическом дискурсе // Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург : УрГПУ, 2009. С. 23—25.
3. Боярских О. С. Политический афоризм и политическое

прецедентное высказывание: к проблеме соотношения // Политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2013. С. 49—55.

4. Баранов А. Н. Политическая лингвистика // Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

5. Вишневская Г. М. Новые формы существования языка и языковая вариантность: XXI век // Успехи современного естествознания. 2013. № 5. С. 121—122.

6. Вишневская Г. М. Язык политики в эпоху глобализации // Языковое и культурное взаимодействие в условиях Арктического региона : материалы Междунар. конф. / отв. ред. Н. И. Курганова. — 2014. С. 88—92.

7. Вишневская Г. М. Политическая лингвистика в эпоху глобализации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 6. С. 48—49.

8. Григорьева Н. Ю. Особенности использования приемов экспрессивного синтаксиса в поликодовом тексте СМИ (на примере политического комикса США) // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. — 2015. С. 48—49.

9. Исенина Е. И. К вопросу о формировании образа слова // Вопросы психологии. 1967. № 1. С. 51.

10. Исенина Е. И. Язык как структура, процесс и переживание в теории Юджина Т. Джендлина // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 28—36.

11. Нечаева Е. А. Зарождение и развитие PR в зарубежном социуме // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2009. № 4. С. 172—180.

12. Нечаева Е. А. К вопросу об изучении современного PR-дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. Серия Филология. 2010. Т. 1. № 3. С. 225—236.

13. Нечаева Е. А. Современная PR-коммуникация как яркий пример постепенного перехода к диалогической коммуникации // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 6 (6). С. 42—53.

14. Нечаева Е. А. Приемы речевого манипулирования сознанием, используемые в агитационном тексте // Современные технологии и тактики в преподавании профессионально-ориентированного иностранного языка : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. М. Мекеко. — М. : РУДН, 2013. С. 180—185.

15. Нечаева Е. А. Современный PR-дискурс как объект комплексного лингвистического исследования // Коммуникация в современном поликультурном мире: диалог культур : ежегод. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. А. Барановская. — М. : Pearson, 2014. Вып. 2. С. 57—67.

16. Нечаева Е. А. Стратегии воздействия в PR-дискурсе // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (26—28 авг. 2014 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 175—180.

17. Нечаева Е. А. К вопросу исследования политического дискурса: употребление речевых приемов в агитационном тексте // Коммуникация в современном поликультурном мире: национально-культурная специфика построения дискурса : ежегод. сб. науч. тр. / под общ. ред. Т. А. Барановской. — М. : Российское представительство издательства ПИРСОН ЭДЬЮ-КЕЙШН ЛИМИТЕД, 2016. Вып. 4. С. 114—119.

18. Нечаева Е. А. К вопросу о необходимости знания особенностей межкультурной коммуникации в работе переводчика // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : междунар. сб. науч. ст. — Н. Новгород : Бюро переводов «Альба», 2016. Вып. 6. С. 174—183.

19. Нечаева Е. А. К проблеме необходимости учета дискурсивных особенностей ведения коммуникации в работе переводчика // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : междунар. сб. науч. ст. — Н. Новгород : Бюро переводов «Альба», 2017. Вып. 7. С. 115—123.

20. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. — М., 2000. С. 55—73.

21. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. 254 с.

22. Чудинов А. П. Идеи и принципы политической метафорологии // Филология и человек. 2014. № 2. С. 103—113.

23. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

24. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (26—28 авг. 2014 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 269—270.

25. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: наука — научное направление — симулякр // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 126—134.

26. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000.

27. Kazanova E. M. Political metaphors in Russian and German: congruences and differences // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (26—28 авг. 2014 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 2014. С. 105—111.

E. A. Nechaeva
Ivanovo, Russia

TO THE QUESTION OF THE RESEARCH OF SPEECH INFLUENCE TACTICS USED IN THE PRE-ELECTION LEAFLETS

ABSTRACT. *The focus of the paper is one of the ways of political leader's image construction, namely creation of a political leaflet. The analysis of numerous political leaflets of different cities of CIS shows that several tactics of speech influence are basic and used in almost all pre-election leaflets. The main aim of the study is these tactics essence explanation. The article is provided with specific examples of actually existing political leaflets in different time. Our choice is not accidental, because we think this question is one of the most important and interesting in the modern political linguistics. Methodology of the present study is grounded on the theory of metaphorical modeling and descriptor theory of metaphor, as well as the achievements of discourse analysis, cognitive linguistics and cultural linguistics. The techniques of cognitive-discursive and contextual analysis, the modeling method, and the method of statistic-linguistic analysis are used in this article. The tactics under analysis preserve their significance; they can be used as basic tactics of speech influence in a modern political leaflet. The results would be useful for those interested in the current processes in political discourse, for linguists, journalists, political scientists, image-makers, Public Relations specialists, etc.*

KEYWORDS: *neurolinguistic programming; political leaders; political rhetoric; manipulative rhetoric; political communication; communicative tactics; manipulation; mass consciousness; election campaign; leaflets.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nechaeva Elena Aleksandrovna, Senior Lecturer Foreign Languages and Linguistics Department, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; Ivanovo, Russia.*

REFERENCES

1. Baldina Yu. V., Nechaeva E. A. Znachimost' professional'noy PR-kommunikatsii dlya kommunikativnogo prostranstva sovremennoy Rossii // Vestn. gumanitarnogo fakul'teta Ivanov. gos. khimiko-tehnologich. un-ta. 2008. № 3. S. 156—164.
2. Boyarskikh O. S. Rechevye priemy korrektsii modeli mira adresata v politicheskom diskurse // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg : UrGPU, 2009. S. 23—25.
3. Boyarskikh O. S. Politicheskii aforizm i politicheskoe pret-sedentnoe vyskazyvanie: k probleme sootnosheniya // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2013. S. 49—55.
4. Baranov A. N. Politicheskaya lingvistika // Vvedenie v prikladnyy lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Editorial URSS, 2001.
5. Vishnevskaya G. M. Novye formy sushchestvovaniya yazyka i yazykovaya variantnost': XXI vek // Uspekhi sovremen-nogo estestvoznaniya. 2013. № 5. S. 121—122.
6. Vishnevskaya G. M. Yazyk politiki v epokhu globalizatsii // Yazykovoie i kul'turnoe vzaimodeystvie v usloviyakh Arkticheskogo regiona : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. N. I. Kurganova. — 2014. S. 88—92.
7. Vishnevskaya G. M. Politicheskaya lingvistika v epokhu globalizatsii // Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2014. № 6. S. 48—49.
8. Grigor'eva N. Yu. Osobennosti ispol'zovaniya priemov ekspressivnogo sintaksisa v polikodovom tekste SMI (na primere politicheskogo komiksa SShA) // Obrazovanie i nauka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya : sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — 2015. S. 48—49.
9. Isenina E. I. K voprosu o formirovanii obraza slova // Voprosy psikhologii. 1967. № 1. S. 51.
10. Isenina E. I. Yazyk kak struktura, protsess i perezivanie v teorii Yudzhina T. Dzhendlina // Vestn. Ivanov. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2012. № 3. S. 28—36.
11. Nechaeva E. A. Zarozhdenie i razvitie PR v zarubezhnom sotsiume // Vestn. gumanitarnogo fakul'teta Ivanov. gos. khimiko-tehnologicheskogo un-ta. 2009. № 4. S. 172—180.
12. Nechaeva E. A. K voprosu ob izuchenii sovremennoy PR-diskursa // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. Ser.: Filologiya. 2010. T. 1. № 3. S. 225—236.
13. Nechaeva E. A. Sovremennaya PR-kommunikatsiya kak yarkiy primer postepennoy perekhoda k dialogicheskoy kommunikatsii // Biznes. Obshchestvo. Vlast'. 2011. № 6 (6). S. 42—53.
14. Nechaeva E. A. Priemy rechevogo manipulirovaniya soznaniem, ispol'zuemye v agitatsionnom tekste // Sovremennyye tekhnologii i taktiki v prepodavanii professional'no-orientirovan-nogo inostrannogo yazyka : sb. nauch. tr. / otv. red. N. M. Mekeko. — M. : RUDN, 2013. S. 180—185.
15. Nechaeva E. A. Sovremennyy PR-diskurs kak ob'ekt kompleksnogo lingvisticheskogo issledovaniya // Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: dialog kul'tur : ezhegod. sb. nauch. tr. / otv. red. T. A. Baranovskaya. — M. : Pearson, 2014. Vyp. 2. S. 57—67.
16. Nechaeva E. A. Strategii vozdeystviya v PR-diskurse // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (26—28 avg. 2014 g.) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2014. S. 175—180.
17. Nechaeva E. A. K voprosu issledovaniya politicheskogo diskursa: upotreblenie rechevykh priemov v agitatsionnom tekste // Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: natsional'no-kul'turnaya spetsifika postroeniya diskursa : ezhegod. sb. nauch. tr. / pod obshch. red. T. A. Baranovskoy. — M. : Pearson, 2016. Vyp. 3. S. 114—119.
18. Nechaeva E. A. K voprosu o neobkhodimosti znaniya osobennostey mezhkul'turnoy kommunikatsii v rabote perevodchika // Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda : mezhdunar. sb. nauch. st. — N. Novgorod : Byuro perevodov «Al'ba», 2016. Vyp. 6. S. 174—183.
19. Nechaeva E. A. K probleme neobkhodimosti ucheta diskursivnykh osobennostey vedeniya kommunikatsii v rabote perevodchika // Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda : mezhdunar. sb. nauch. st. — N. Novgorod : Byuro perevodov «Al'ba», 2017. Vyp. 7. S. 115—123.
20. Parshin P. B. Rechevoie vozdeystvie: osnovnye sfery i raznovidnosti // Reklamnyy tekst. Semiotika i lingvistika. — M., 2000. S. 55—73.
21. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 254 s.
22. Chudinov A. P. Idei i printsipy politicheskoy metaforologii // Filologiya i chelovek. 2014. № 2. S. 103—113.
23. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2013. 176 s.
24. Chudinov A. P. Ponyatiyno-terminologicheskii apparat politicheskoy lingvistiki // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (26—28 avg. 2014 g.) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2014. S. 269—270.
25. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: nauka — nauchnoe napravlenie — simulyakr // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 1. S. 126—134.
26. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. — Volgograd : Peremena, 2000.
27. Kakzanova E. M. Political metaphors in Russian and German: congruences and differences // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (26—28 avg. 2014 g.) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t. 2014. S. 105—111.

Н. А. Синеокая
Санкт-Петербург, Россия

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ФЕМИНИННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ)**

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются лингвистические особенности женского политического дискурса на материале интервью играющих ключевые роли в политике современной Германии женщин. Анализируются тексты интервью с целью установления лексических маркеров фемининности. В ходе исследования применяются метод контекстологического анализа и семантико-стилистического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл высказывания и установить их различные стилистические функции в политическом дискурсе. Для подтверждения достоверности полученных результатов применялся также метод количественного подсчета. Закрытость сферы политики для женщин вплоть до успехов феминистского движения в XX в. делает актуальным рассмотрение характерных черт дискурса женщин-политиков. Раньше такие политические лидеры тяготели к мужскому стандарту поведения, однако, как отмечают некоторые исследователи, в последнее время очевидна определенная тенденция к смягчению женского стиля политического лидерства. Несмотря на то что сфера политики требует от женщин маскулинного поведения, им все же свойственно употреблять в коммуникации маркеры женственности: лексику с семантикой восприятия действительности на уровне чувств и ощущений; междометия, которые указывают на эмоциональность; частицы и модальные слова, которые указывают на эмоциональность говорящего и делают речь более живой; единицы семантического поля «Семья»; местоимения «wir», «ich», «insgesamt», которые указывают на такие личностные характеристики говорящего, как стремление к единению и готовность помочь; отрицания «nicht», «kein», парный союз «nicht... sondern...», которые помогают говорящему сделать акцент на конкретной мысли; личные местоимения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическое интервью; фемининность; лексические маркеры; политические деятели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Синеокая Наталья Алексеевна, старший преподаватель Департамента «Иностранные языки», Высшая школа экономики; 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: natalya-sineokaya@yandex.ru.

Постановка проблемы

Изменения в современном обществе диктуют новые условия коммуникативного взаимодействия во всех типах дискурса. Не является исключением и политический дискурс, равноправными участниками которого являются как мужчины, так и женщины. Некогда закрытая для женщин сфера большой политики требует от них большей решительности и целеустремленности, чем от мужчин. Оказавшись на достаточно высоком уровне власти, постепенно женщины-лидеры меняют свое поведение, которое начинает соответствовать мужскому стандарту поведения. Тем не менее некоторыми исследователями отмечается, что в последнее время очевидна определенная тенденция к смягчению женского стиля политического лидерства в связи с тем, что женщине стало легче вступить в политику [Стрелкова 2006: 76]. Данный факт подтверждается лидирующими позициями женщин-политиков в современной Европе: Англии (Т. Мэй), Германии (А. Меркель), Дании (Т. Шмидт), Ирландии (М. Макэлис), Литве (Д. Грибауйскайте), Норвегии (Э. Сольберг), Финляндии (Т. Халонен); в Северной и Южной Америке: Аргентине (К. Ф. Де Киршнер), Бразилии (Д. Русефф), США (Х. Клинтон), Канаде (К. Кэмпбелл), Чили (М. Бачелет), а также в Индии (П. Патиль), в Корее (Пак Кын Хе); в Либерии (Э. Джонсон-Серлиф), России (В. Матвиенко, Э. Набиуллина) и многих других странах. При этом именно политическая арена в Герма-

нии достаточно ярко демонстрирует многообразие политических взглядов у женщин-лидеров (ХДС — А. Меркель, У. фон дер Ляйен, Ю. Клёкнер; Левая партия — С. Вагенкнехт, Я. Висслер, К. Киппинг, К. Лэй; СПГ — Ю. Зайферт, А. Налес, М. Швезиг; «Альтернатива для Германии» — М. Мерц, Ф. Петри, Б. Шторх).

Необходимо отметить, что для женского политического дискурса в Германии характерно долгое поступательное развитие, в ходе которого значительное влияние на процесс вовлечения женщин в политику оказало феминистское движение по всему миру. Первая волна феминизма (1840—1920 гг.) завершилась получением избирательного права для женщин. «Женская революция» второй волны феминизма (1960—1970 гг.) оказалась социальной революцией, навсегда разрешившей проблему экономической незащищенности женщин и позволившей женщинам войти в структуры власти. Как результат, женщине открывается выход на политическую трибуну. «Третья волна» феминизма (90-е гг. XX в. — настоящее время) характеризуется закреплением позиций женщин на политической арене, при этом одной из основных характеристик современного женского политического дискурса является симбиоз маскулинности и фемининности, что отражается в различных видах жанров политического дискурса.

Под речевым жанром понимаются «относительно устойчивые типы высказываний, которые вырабатываются различными сферами использования языка» [Бахтин 1996:

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ 16-34-00014а1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа»

160]. По типам коммуникативных установок, по способу участия партнеров в коммуникации, характерам реплик, соотношению диалогической и монологической речи различаются следующие жанры: беседа, разговор, рассказ, история, предложение, признание, просьба, спор, замечание, совет, письмо, записка, сообщение на пейджер, дневник [Арутюнова 1992; Бахтин 1996; Чудинов 1997; Шейгал 2010; Шмелёва 2010; Dürscheid 2017; Fischer 2009; Günthner 1995].

Одной из самых распространенных форм политической коммуникации становится устная публичная речь, и в первую очередь интервью. Выступления политиков с речью и их участие в интервью предполагает такой канал связи, как устный вид речевой деятельности. Особенность устной речи — необратимость устного вида речевой деятельности и личный «интимный» контакт участников речевого события. Именно к такому жанру публичного выступления, как интервью, чаще всего прибегают женщины-политики.

Целью настоящей статьи является анализ текстов интервью женщин-политиков и установление лексических маркеров феминности на материале политического интервью.

Материалы и методы исследования

Материалом послужили находящиеся в открытом доступе в Интернете тексты интервью женщин-политиков Германии (А. Merkel (CDU), U. von der Leyen (CDU), К. Kipping (die Linke), S. Wagenknecht (die Linke), А. Nales (SPD), В. Storch (AfD), F. Petry (AfD)). Методом сплошной выборки было отобрано 678 примеров, которые иллюстрируют значимые с точки зрения демонстрации феминности лексические маркеры. Нами были выбраны по две женщины-политика от партий CDU, die Linke, AfD и одна женщина-политик партии SPD. Выбранные нами женщины-политики являются лидерами современных политических партий Германии. Каждая политическая партия имеет свой сайт (www.cdu.de, www.alternativefuer.de, www.die-linke.de, www.spd.de), на котором в свободном доступе находятся политические выступления и интервью всех политиков. Каждая женщина-политик имеет также официальную личную страницу, на которой представлены тексты ее политических выступлений и интервью. Тексты семи интервью, которые были взяты для анализа, охватывают временной период с 2015 по 2017 г. За единицу исследования принималось одно высказывание.

Приведем краткую характеристику женщин-политиков Германии.

Ангела Меркель (нем. *Angela Merkel*, 1954 г. р.) — с 2005 г. федеральный канцлер Германии; первая женщина на посту канцлера в истории Германии.

Урсула фон дер Ляйен (нем. *Ursula von der Leyen*, 1958 г. р.) — с 2013 г. министр обороны; первая женщина на посту министра обороны Германии. *А. Меркель и У. фон дер Ляйен* принадлежат к одной политической партии — ХДС.

Сапа Вагенкнехт (нем. *Sahra Wagenknecht*, 1969 г. р.) — с 2011 г. заместитель председателя Левой партии Германии (ЛПГ), депутат бундестага.

Другой представитель этой же партии *Катя Киппинг* (нем. *Katja Kipping*, 1978 г. р.) — с 2005 г. депутат бундестага.

Андреа Налес (нем. *Andrea Maria Nales*, 1970 г. р.) — со студенческих лет немецкий политик, с 2003 г. является членом президиума Социал-демократической партии (СДПГ); с 2013 г. министр труда и общественных дел Германии.

Представителями партии «Альтернатива для Германии» являются *Беатрис фон Шторх* (нем. *Beatrix von Storch*, 1971 г. р.) — вице-председатель партии «Альтернатива для Германии»; с 2014 г. член Европейского парламента от Германии, член Европейского христианского политического движения; *Фрауке Петри* (нем. *Frauke Petry*, 1975 г. р.) — с 2013 г. лидер партии «Альтернатива для Германии» (AfD).

В ходе исследования применяются методы контекстологического и семантического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл высказывания в политическом дискурсе. Для обеспечения достоверности полученных результатов применялся также метод количественного подсчета.

Результаты исследования

Популярность интервью как жанра в политическом дискурсе объясняется многими факторами. Во-первых, интервьюируемый может свободно высказывать свое мнение в беседе с журналистом. Во-вторых, интервью — это жанр, позволяющий получить информацию «из первых рук», привлечь внимание к определенной проблеме. В-третьих, современному читателю или слушателю интересны факты, комментарии, а не сухой анализ какой-либо проблемы, с которым можно ознакомиться в газетной статье. Именно в интервью проявляется процесс межличностного общения. Коммуникация происходит между журналистом, интервьюируемым и аудиторией.

Жанр интервью предполагает беседу в вопросно-ответной форме, которая дает

возможность достаточно детально проследить выбор соответствующих стратегий и тактик. Интервью характеризуется ориентацией на собеседника и установкой на позитивную самопрезентацию [Каракулова 2016: 41]. В процессе коммуникации проявляются личностные характеристики участников разговора, их внутренний мир, жизненная позиция, моральные установки. Важной является и гендерная принадлежность интервьюируемого [Лукина 2003 http]. Имеются специфические особенности, различающие политические интервью женщин-политиков и мужчин-политиков. Чтобы не уступать в политической деятельности мужчинам-политикам, женщина-политик вынуждена вести себя на политической арене более жестко. В то же время существуют гендерные маркеры феминности, употребления которых женщине любой сферы деятельности не избежать.

Под *феминностью* нами понимается совокупность личностных характеристик, соответствующих женственности: мягкость, заботливость, нежность, слабость, беззащитность, готовность помочь, уступчивость и т. п. [Большой толковый социологический словарь 1999: 208]. Перечисленные выше личностные характеристики находят свое отражение в интервью женщин-политиков на лексическом уровне.

В работах многих ученых осуществляется сравнительный анализ мужской и женской коммуникации [Lakoff 1975; Oppermann, Weber 1995; Linke 1994; Tannen 1992]. А. Линке полагает, что женщины избегают выражения силы и используют более слабые формы [Linke 1994]. Р. Лакофф в своей статье «Женский язык» («Woman's Language») составила список характерных черт, присущих женскому речевому стилю: вежливые клише, «пустые» оценочные прилагательные, выражения неопределенности, уклончивости, прямое цитирование (мужчины чаще используют перифраз), более детализированный лексикон, избегание грубого языка и ругательств, косвенные приказы и просьбы, отсутствие чувства юмора, правильная грамматика и произношение, усиленные частицы, разделительные вопросы, обращения, использование модальных конструкций, более частое по сравнению с мужчинами использование восклицательных предложений [Lakoff 1975].

Д. Таннен отмечает, что в лексиконе женщины больше междометий и слов, описывающих чувства, эмоции [Tannen 1990: 29—190]. В женской речи можно встретить больше восклицательных предложений, в чем проявляется эмоциональность. Женской речи также присуща высокая частотность

модальных глаголов, эллиптических конструкций [West 1983].

На основе представленных языковых средств, характерных для женской речи, и проанализированных текстов интервью женщин-политиков нами были выявлены типичные и наиболее употребительные для текстов женщин-политиков маркеры феминности на **лексическом уровне**: употребление лексики с семантикой восприятия действительности на уровне чувств и ощущений, употребление частиц и модальных слов, усилительных наречий, единиц семантического поля семьи, отрицаний *nicht, kein*, парного союза *nicht... sondern...*, личных местоимений *ich, mein(e), mir, mich*, модального глагола *müssen* и др.

Женщины-политики используют лексику с семантикой восприятия действительности на уровне чувств и ощущений (глаголы *sich fühlen, sich freuen, beneiden, traurig sein*), что указывает на их склонность прямо выражать свои чувства, не стесняться их [Багуза, Черкун 2013: 6]. Так, в приведенном ниже примере А. Налес делится с журналистом своими чувствами к дочери, своими переживаниями.

(1) Journalist: *Haben Sie schon mal daran gedacht, alles hinzuschmeißen?*

Nahles: *Nein, das ist mir noch nicht passiert. Aber ich bin schon manchmal traurig, dass ich meine Tochter so lange nicht sehe.*

В речи женщин часто встречаются междометия, заполняющие паузы (*ja, nun, Gott sei dank, oh, ah*), которые позволяют политичке привлечь внимание собеседника к отдельным, наиболее важным моментам разговора:

(2) Journalist: *Sie hatten auch schon mal einen schweren Unfall. Wie ist das passiert?*

Nahles: (...) *Ich bin mit 50, 60 Stundenkilometern unangeschnallt gegen einen Baum geschleudert und habe mich sehr schwer verletzt. Davon habe ich immer noch die Narbe auf der Stirn. **Gott sei dank** ist meinem Beifahrer, einem Freund, nichts passiert.*

Речь женщин-политиков насыщена использованием частиц с модальным и эмоциональным значением (*schon, nur, doch, mal, aber, gar*), усилительных частиц (*ja, zu, gar, ganz, aber, doch, auch*), усилительно-вопросительных частиц (*denn, nicht, also*), ограничительных частиц (*nur, aber, noch, fast, beinahe*), которые эмоционально усиливают высказывание, утверждение; модальных слов с утвердительным значением (*bestimmt, zweifellos, natürlich, sicher*), усилительных модальных слов (*tatsächlich, selbstverständlich, unbedingt, zweifellos*) с целью подчеркивания высказываемой мысли; оценочных модаль-

ных слов для выражения субъективной оценки высказывания (*hoffentlich, lieber, leider*); модальных слов для выражения предположения (*vermutlich, möglicherweise, vielleicht, wahrscheinlich, wohl*), которые выражают различную степень достоверности либо сомнения; суммирующих модальных слов (*eigentlich, jedenfalls, übrigens, überhaupt, alledings*) для уточнения высказывания, усилительных наречий (*sehr, höchst, ganz, genug, ziemlich, etwas*). Такие междометия и частицы говорят об эмоциональности говорящего и делают речь более живой, а также помогают с уверенностью выразить свое мнение, сделать акцент на чем-либо, подчеркнуть особенно важную мысль либо высказать предположение, неуверенность. Политики часто используют для смягчения в интервью частицы *doch, mal, nur, etwa, vielleicht, dann, wohl*.

Так, А. Меркель для усиления уверенности в высказываемой мысли употребляет усилительные слова, которые помогают ей также чувствовать себя более уверенно:

(3) BUNTE: *Wenn man Sie hier in Ihrem Büro im Kanzleramt besucht, scheint die normale Welt draußen ganz weit weg zu sein ...*

Merkel: *In meinem Büro kann ich mich **sehr gut** konzentrieren, aber **natürlich** bin ich **auch ständig unterwegs**: Ich treffe bei unterschiedlichsten Terminen Menschen in ganz Deutschland, ich bin in meinem Wahlkreis, im Parlament — und ich habe **natürlich auch** ein Privatleben.*

С. Вагенкнехт открыто называет Берлин «другим пластырем», с уверенностью говорит, что в Берлине Левая партия набрала голоса в первую очередь не среди рабочих, занятых нестандартным трудом, или безработных, а в городских округах, в городской академической среде:

(4) ZEIT ONLINE: *Warum war die Linke in Berlin erfolgreicher als in Mecklenburg-Vorpommern oder Sachsen-Anhalt?*

Wagenknecht: *Der Wahlkampf in Berlin war fantasievoll und eben nicht dröge staatstragend und er hat soziale Themen in den Vordergrund gestellt. Man muss allerdings ehrlicherweise dazu sagen, dass Berlin auch ein anderes Pflaster ist. Auch in Berlin hat die Linke nicht in ers-*

ter Linie bei Arbeitern, prekär Beschäftigten oder Arbeitslosen zugelegt, sondern in den Innenstadtbzirken, in den urbanen akademischen Milieus.

Женщины часто делают акцент на своей женственности, упоминая в интервью свою семью, детей, мужа, и употребляют такие слова, как *Mutter, Frau, meine Familie, meine Kinder* (семантическое поле семьи). В приведенном ниже примере А. Налес говорит о своей семье, о своей дочери, за которую она переживает, так как постоянно находится в разъездах ввиду специфики своей работы:

(5) Journalist: *Pendelt Ihr Kind manchmal mit nach Berlin?*

Nahles: ***Mein Kind, meine Familie** kommen ganz selten nach Berlin. Das haben die schon mal gemacht, wenn ich gar nicht nach Hause konnte übers Wochenende. Aber das ist selten. Ich möchte den Stress, den ich habe, **nicht auf meine Tochter** übertragen (...).*

Употребление отрицаний *nicht, kein*, парного союза *nicht... sondern...* помогает сделать акцент на определенной теме, они выступают в качестве усилительной частицы. В интервью С. Вагенкнехт с помощью отрицательной частицы *nicht* подчеркивает тот факт, что избиратели НПГ не являются потенциальными избирателями для «Альтернативы для Германии»:

(6) ZEIT ONLINE: *Hat Ihre Partei bisher die richtigen Schlussfolgerungen aus dem Erstarken der AfD gezogen?*

Wagenknecht: (...) *Klar gibt es da auch ehemalige NPD-Wähler, die ganz sicher **nicht unser Potenzial** sind.*

Отрицание помогает С. Вагенкнехт с уверенностью сказать, что «Альтернатива для Германии» **не является партией протестов**, помогает тем самым сделать акцент на сказанном.

Обобщим результаты проведенного нами анализа текстов интервью женщин-политиков Германии (табл.).

Проведенный нами анализ текстов интервью показал, что женщинами-политиками используются чаще всего частицы, модальные слова, усилительные наречия, личные местоимения *ich, mein(e), mir, mich*.

Таблица

Использование лексических маркеров фемининности
в политическом интервью женщин-политиков Германии, %

Политик	Лексика с семантикой восприятия действительности на уровне чувств и ощущений	Частицы и модальные слова, усилительные наречия	Семантическое поле семьи	Отрицания, парный союз	Личные местоимения <i>ich, mein(e), mir, mich</i>
Merkel A.	3,4	47	–	2,2	18
Kipping K.	2,3	32	–	11,4	20,4
Nahles A.	2,6	30	9	5	44,7
Wagenknecht S.	4,8	49		14,3	9,5
Petry F.	–	43	3,4	12	17,2
Storch B.	–	38	8,5	4	17
von d. Leyen U.	0,6	33	1,2	4,8	27

А. Меркель чаще всего использует в своей речи частицы и модальные слова, усилительные наречия (*auch, natürlich, sehr, wirklich, ganz sicher, selbstverständlich, schon*) и личное местоимения *wir*. Для речи К. Киппинг характерно употребление частиц, модальных слова, усилительных наречий (*auch, sehr, ja, schließlich*), личных местоимений *ich, wir*. А. Налес часто использует в своей речи личное местоимение *ich, wir* и частицы, модальные слова, усилительные наречия (*auch, schon, ja, zu, sehr, wirklich, ganz, ganz klar, gar, besonders*). С. Вагенкнехт также часто употребляет в своей речи частицы и модальные слова, усилительные наречия (*auch, natürlich, sehr, klar, schon, ganz sicher, selbstverständlich, ganz*). При помощи отрицаний и отрицательных двойных союзов *nicht nur... sondern auch* она пытается сделать акцент на интересующих ее моментах. Речь Ф. Петри насыщена частицами, модальными словами, усилительными наречиями (*auch, sehr, wirklich, völlig, zu, gar*), личными местоимениями *wir, ich*, отрицаниями *nicht... sondern, gar nicht, nicht nur*. Б. Шторх предпочитает использовать в своей речи частицы, модальные слова, усилительные наречия (*schon, klar, auch, ja, wirklich, natürlich, schließlich, gar, ganz*) и личное местоимение *wir*. У. фон дер Ляйен прибегает к использованию суммирующих модальных слов и усилительных наречий для уточнения высказывания (*sehr, auch, noch, völlig, klar, ja, natürlich*) и употреблению личных местоимений *ich, mein(e), mir, mich*.

Выводы

Женский политический дискурс имеет специфические особенности. Анализ политического интервью женщин-политиков позволяет нам выделить лексические маркеры, относящиеся к женской речи и отличающие женское речевое поведение от мужского. Таким образом, в интервью прослеживается гендерная маркированность на лексическом

уровне. Проведенный нами анализ текстов политических интервью женщин-политиков подтвердил тот факт, что женщинам-политикам действительно свойственно употребление выделенных маркеров женственности на лексическом уровне. Несмотря на то, что сфера политики требует от женщин маскулинного поведения, им всё же свойственно употреблять в коммуникации маркеры женственности.

Анализ лексических маркеров женственности на примере текстов политического интервью показал, что для женщин-политиков Германии характерно употребление следующих маркеров фемининности:

- лексики с семантикой восприятия действительности на уровне чувств и ощущений, что указывает на склонность женщин прямо выражать свои чувства;
- частиц и модальных слов, которые указывают на эмоциональность говорящего и делают речь более живой;
- единиц семантического поля семьи, характерного для женщин как для хранительниц семейного очага и заостряющих свое внимание именно на этой теме;
- отрицаний *nicht, kein*, парного союза *nicht... sondern...*, которые помогают говорящему сделать акцент на конкретной мысли, но при этом сделать это мягко;
- личных местоимений *ich, mein(e), mir, mich*.

Наиболее используемыми женщинами-политиками лексическими маркерами женственности являются частицы, модальные слова, усилительные наречия (*ja, auch, schon, sehr, natürlich*), которые помогают женщинам-политикам чувствовать себя более уверенно, или, точнее сказать, использование этих усилительных слов помогает женщинам-политикам звучать более уверенно. Употребление в речи личных местоимений *ich, mein(e), mir, mich* всеми женщинами-лидерами указывает на ориентированность женщин на сферу личного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — М.: Наука, 1992. С. 52—56.
2. Багуза В. М., Черкун Е. Ю. Гендерная специфика интервью (на материале немецкого языка) // Проблемы общего языкознания и когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2013. С. 5—9.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940—1960 гг. С. 159—206.
4. Большой толковый социологический словарь: (Collins): рус.-англ., англ.-рус. Т. 2. П — Я / сост. Дэвид Джери, Джулия Джери; пер. с англ. Н. Н. Марчук. — 1999. 527 с.
5. Каракулова С. Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками: дис. ... канд. филол. наук / Каракулова Салтанат Шукругалиевна. — Волгоград, 2017. 199 с.
6. Лукина М. Технология интервью: учеб. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2003.
7. Стрелкова О. А. Особенности современного женского политического дискурса (на примере речевых портретов женщин-политиков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Курск, 2006. 183 с.
8. Чудинов А. П., Чудинова И. С. О классификации риторических жанров: тез. // Функционирование языка в различных языковых жанрах / Ростов. гос. ун-т. — Ростов-н/Д, 1997.
9. Шейгал Е. И. Жанровое пространство политического дискурса [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://www.filologija.vukhf.lt/5-10/doc/1.2%20Sheigal%20RED_VM.doc (дата обращения: 22.12.2010).
10. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://www.library.krasu.ru/ft/_articles/0114396.pdf (дата обращения: 22.12.2010).
11. Dürscheid C. Medien, Kommunikationsformen, kommunikative Gattungen. [Electronic resource]. 2017. URL: http://www.linguistik-online.de/22_05/duerscheid.html [date of access: 20.05.2017].
12. Fischer C. Texte, Gattungen, Textsorten und ihre Verwendung in Lesebüchern. [Electronic resource]. 2009. URL: http://geb.uni-giessen.de/geb/volltexte/2010/7732/pdf/FischerChristian_2010_01_11.pdf [date of access: 20.05.2017].
13. Günthner S. Gattungen in der sozialen Praxis. Die Analyse kommunikativer Gattungen als Textsorten mündlicher Kommunikation // Deutsche Sprache. 1995. № 25/1. S. 193—218.
14. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. — New York: Broadway Books, 1997.
15. Lacoff R. Language and Woman's Place. — New York: Harper and Row, 1975. 269 p.
16. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. — Tübingen, 1994. 384 s.
17. Oppermann K., Weber E. Frauensprache Mannersprache — Die verschiedenen Kommunikationsstile von Männern und Frauen. — Zurich: Orell Fussli, 1995. 197 s.
18. Tannen D. That's not What I Meant! — New York: Balentine Books, 1992. 214 p.
19. West C., Zimmerman D. H. Small Insults: A Study of Interruptions in Conversations Between Unacquainted Persons // Language, Gender and Society. — Rowley: Newbury House, 1983. P. 102—117.

N. A. Sineokaya
Saint Petersburg, Russia

LEXICAL MARKERS OF FEMININITY IN THE POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF INTERVIEWS OF WOMEN POLITICIANS OF GERMANY)

ABSTRACT. *The article describes linguistic features of the female political discourse on the basis of the interviews of contemporary women politicians in Germany. The texts of interviews are analyzed to single out lexical markers of femininity. The following methods are used in this analysis: contextual and semantico-stylistic; such combination allows to reveal the meaning of an utterance and its stylistic functions in political discourse. Quantitative method helps to prove reliability of the results of this research. Women had no access to politics until the spread of feminism in the XXth century, so it is especially important to analyze the discourse of women politicians. Some time earlier, women-politicians tended to borrow male standard of behavior, however there is a tendency today to change the female style of political leadership. In spite of the fact that the sphere of politics prescribes women to accept masculine behavior, there appear markers of femininity in the speech of women-politicians. They are: emotionally colored vocabulary; particles and modal words that make the speech more emotional and live; vocabulary of the sphere of "Family"; pronouns "wir", "uns", "unser" that express the desire of the speaker to unite and help the people; negative words "nicht", "kein", "nicht... sondern..." that help the speaker emphasize certain idea; personal pronouns.*

KEYWORDS: *political discourse; political interview; femininity; lexical markers; political leaders.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sineokaya Natalya Alekseevna, senior lecturer, Department "Foreign Languages", Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Zhanry obshcheniya // Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deyxsis. — M.: Nauka, 1992. S. 52—56.
2. Baguza V. M., Cherkun E. Yu. Gendernaya spetsifika interv'yuu (na materiale nemetskogo yazyka) // Problemy obshchego yazykoznaneya i kognitivnoy lingvistiki: sb. nauch. st. / Chuvash. gos. ped. un-t im. I. Ya. Yakovleva, 2013. S. 5—9.
3. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Sobr. soch. / M. M. Bakhtin. — M.: Russkie slovari, 1996. T. 5: Raboty 1940—1960 gg. S. 159—206.
4. Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskyy slovar': (Collins): rus.-angl., angl.-rus. T. 2. P — Ya / sost. David Dzheri, Dzhuilya Dzheri; per.s angl. N. N. Marchuk. — 1999. 527 s.
5. Karakulova S. Sh. Mitigativnye strategii i taktiki v politicheskikh interv'yuu s germanskimi politikami: dis. ... kand. filol. nauk / Karakulova Saltanat Shukurgalievna. — Volgograd, 2017. 199 s.
6. Lukina M. Tekhnologiya interv'yuu: ucheb. posobie dlya vuzov. — M.: Aspekt Press, 2003.
7. Strelkova O. A. Osobennosti sovremenno go zhenskogo politicheskogo diskursa (na primere rechevykh portretov zhenshchin-politikov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. — Kursk, 2006. 183 s.
8. Chudinov A. P., Chudinova I. S. O klassifikatsii ritoricheskikh zhanrov: tez. // Funktsionirovaniye yazyka v razlichnykh yazykovykh zhanrakh / Rostov. gos. un-t. — Rostov-n/D, 1997.
9. Sheygal E. I. Zhanrovoye prostranstvo politicheskogo diskursa [Elektronnyy resurs]. 2010. URL: http://www.filologija.vukhf.lt/5-10/doc/1.2%20Sheigal%20RED_VM.doc (data obrashcheniya: 22.12.2010).
10. Shmeleva T. V. Zhanrovedeniye? Genristika? Genologiya? [Elektronnyy resurs]. 2010. URL: http://www.library.krasu.ru/ft/_articles/0114396.pdf (data obrashcheniya: 22.12.2010).
11. Dürscheid C. Medien, Kommunikationsformen, kommunikative Gattungen. [Electronic resource]. 2017. URL: http://www.linguistik-online.de/22_05/duerscheid.html [date of access: 20.05.2017].
12. Fischer C. Texte, Gattungen, Textsorten und ihre Verwendung in Lesebüchern. [Electronic resource]. 2009. URL: http://geb.uni-giessen.de/geb/volltexte/2010/7732/pdf/FischerChristian_2010_01_11.pdf [date of access: 20.05.2017].
13. Günthner S. Gattungen in der sozialen Praxis. Die Analyse kommunikativer Gattungen als Textsorten mündlicher Kommunikation // Deutsche Sprache. 1995. № 25/1. S. 193—218.
14. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. — New York: Broadway Books, 1997.

15. Lacoff R. Language and Woman's Place. — New York : Harper and Row, 1975. 269 p.

16. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. — Tübingen, 1994. 384 s.

17. Oppermann K., Weber E. Frauensprache Mannersprache — Die verschiedenen Kommunikationsstile von Mannern und Frauen. — Zurich : Orell Fussli, 1995. 197 s.

18. Tannen D. That's not What I Meant! — New York : Balentine Books, 1992. 214 p.

19. West C., Zimmerman D. H. Small Insults: A Study of Interruptions in Conversations Between Unacquainted Persons // Language, Gender and Society. — Rowley : Newbury House, 1983. P. 102—117.

Сюй Лихун
Харбин, КНР

МЕТАФОРА В РЕЧИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА

АННОТАЦИЯ. Экономическое развитие Китая и России приводит обе страны к сотрудничеству, причем не только в экономической и политической сферах, но и в области культуры, сельского хозяйства, авиации и космонавтики и др. Важнейший элемент сотрудничества между Китаем и Россией связан с поддержкой на внешнеполитической арене. Это делает актуальными исследования речи лидеров обеих стран. В настоящей работе рассматривается функционирование метафор в речи председателя Китая Си Цзиньпина. Этот политик демонстрирует глубокое знание китайской культуры, в его речи часто встречаются пословицы, поговорки и фразеологизмы, которые трудно понять в рамках русской культуры. Особое значение для развития двусторонних отношений между странами приобретает достоверная передача идей лидеров государств при переводе, выражение политической позиции с учетом культурных особенностей другой страны. В свете этого метафоры в речи председателя КНР Си Цзиньпина рассматриваются в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; когнитивная лингвистика; лингвокультурология; межкультурная коммуникация; политические деятели; политические речи; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сюй Лихун, магистр, старший преподаватель, Хэйлуцзянский университет «Хэйда», Харбин, провинция Хэйлуцзян, КНР; 150080, КНР, г. Харбин, район Наньган, ул. Сюефулу, д. 74; e-mail: 153980880@qq.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

1. Речевые особенности выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина

С XVIII съезда КПК у председателя Си Цзиньпина были сотни изданных выступлений, докладов, указов, интервью и прочих документов. Многие слова из его выступлений уже стали крылатыми и пользуются популярностью среди людей. Почему его речи так легко воспринимаются? В чем состоят главные особенности его выступлений? Перечислим основные риторические особенности выступлений Си Цзиньпина.

1.1. В простых словах — глубокий смысл

Говоря о методе работы, Си Цзиньпин заявил, что у нас должен быть дух «забить гвоздь». В этих простых словах был выражен глубокий смысл «настойчивым трудом добиться больших успехов» и то, что в таком процессе нужно найти точную цель и неуклонно работать.

Когда политик указал преподавателям и студентам на необходимость воспитывать в себе правильные ценности, он образно преподнес это как застегивание первой пуговицы жизни. Если неправильно застегнуть первую пуговицу, то и остальные окажутся застегнуты неправильно.

1.2. В кратких формулировках — ведущая идея

Как всем известно, Генеральный секретарь Си Цзиньпин сформулировал ведущую идеологию и главенствующую концепцию «китайской мечты». В кратком обозначении на китайском языке для указания на соответствующий комплекс идей требуется только три иероглифа, а замысел обширен: добиться великого возрождения китайского народа. Основная цель данных планов — «два столетия». Это мечта, к реализации которой стремится китайский народ.

1.3. В речи — классики и известные стихи

Сославшись на цитату из «Сюнь-цзы настоятельно советовать учиться» «вещь сама испортится, и потом опарыш родится», Си Цзиньпин выразил свое мнение об искоренении предпосылок коррупции. Этими словами он предупредил об опасности коррупции. Коррупция — это важный источник бедствий партии и государства. Порядочность руководителей является гарантией долговременной безопасности.

Характеризуя сложившуюся ситуацию с борьбой против коррупции, политик заявил о необходимости решительно «скрести по костям, чтобы извлечь яд» и напомнил, что «смелый муж отрубает укушенную змеей руку». Таким образом была выражена

Данная работа является результатом этапа реализации программы для научного фонда молодежи Хэйлуцзянского университета на 2016 г. № QW201610 «Исследование перевода политических терминов в китайском и русском языках», выполнена в рамках ведущей тематики социально-экономического развития провинции Хэйлуцзян в 2017 г. (специальная программа иностранных языков) № WY2017021-A «Исследование перевода экономических терминов в китайском и русском языках» и программы инновационной подготовки молодых ученых в вузе провинции Хэйлуцзян в 2016 г. № UNPYSCT-2016170 «Исследование метафоры в полном китайско-русском переводе».

непреклонность и достаточная идеологическая подготовка в деле борьбы с коррупцией.

С помощью таких классических выражений из стихов Си Цзиньпин не только ясно выразил свои цели в политике, но и продемонстрировал высокий уровень владения китайским языком и литературой.

1.4. Выражение лица передает искренность

Председатель Си Цзиньпин очень тепло относится к простым людям. Он любит народ и всегда разговаривает с рабочими и крестьянами ласково, демонстрируя добродушие и улыбки. Такое отношение к людям придает его речи обаяние. В то же время по отношению к негативным явлениям, чиновникам — казнокрадам и взяточникам политик строг, резок и даже грозен. Таков его личный стиль общения.

Речь председателя Си Цзиньпина изучается не только филологами, но и политологами. Причина заключается в том, что в выступлениях этого политика проявляются не только политическая тактика, политический ум, но и уникальное очарование и сила китайского народа, китайской культуры и китайского языка. Безупречный выбор слов, верное интонирование, отсылка к классике и метафоры служат предпосылками для широкого признания его риторических умений и эффективности выступлений.

2. Взаимодействие метафоры с единицами разных языковых уровней

2.1. Метафора и фонетические явления

Во многих языках пословицы, поговорки, фразеологизмы основаны на фонетическом сопоставлении. Метафора, поддержанная на фонетическом уровне, придает речи большую выразительность и красоту и эффективно воздействует на слушателей. Обычно успешная метафора помогает в распространении речи.

В речи Си Цзиньпина множество демонстрирующих верность этого утверждения пословиц, поговорок, фразеологизмов, например: 小康不小康, 关键看老乡 («Сяоканбусяокан, гуаньцзяньканлаосян» — «Благосостояние или неблагополучие зависит от простого народа») — рифма «ан»; 基础不牢, 地动山摇 («Цзичубулао, дидуншаньяо» — «Если основа не стабильна, то будет большая беда») — рифма «ао»; 兄弟同心, 其利断金 («Щодитонсинь, чилидунаньцзинь» — «Если братья приложат усилие вместе, сила будет настолько мощна, что можно резать золото») — рифма «инь»;

从善如登, 从恶如崩 («Цуншаньжудэн, цунъэжубэн» — «Трудно стать добрым, легко стать злым») — рифма «эн»; 一厘一毫, 民之脂膏 («Илиихао, миньчжигао» — «Хоть и зернышко, но это труд и хлеб народа») — рифма «ао». В каждом из этих парных предложений всего 4—5 иероглифов, последние иероглифы рифмуются — «ан», «ао», «инь», «эн» и т. д. Такие выражения легко запоминаются и звучат красиво и эффектно.

2.2. Метафорическое использование грамматики

Китайский исследователь Ху Чжуанлинь (1996) отметил, что «грамматическая метафора» подчеркивает связь между грамматическим понятием или формой и реальным миром или семантикой. Он выделил три вида грамматической метафоры: сопоставления грамматических терминов с реальным миром, сравнение грамматической конструкции с реальным миром, сравнение грамматических теорий с реальным миром.

Говоря о реформе и открытиях, Си Цзиньпин заявил, что для реформы и открытий есть только несовершенное время, нет совершенного времени: «Реформа и открытие — это долговременная политика, мы не должны останавливаться на достигнутом, а нужно идти вперед, чтобы успешно строить социализм».

2.3. Метафора и синтаксис

Чаще и эффективнее всего употребляются метафоры, представляющие собой законченные предложения. 11 марта 2017 г. на заседании с делегацией Синьцзяна Си Цзиньпин заявил, что разные национальности должны понимать, уважать, любить друг друга, помогать друг другу, учиться друг у друга, держаться плотно, как гранатовые семена. Такая метафора образно выражает надежду всех мирных людей Китая.

Официальный визит в Южную Корею политик сравнил с навещением соседей и друзей. По поводу внимательности руководителей председатель заявил: «Некоторые руководители невнимательно относятся к такому мероприятию, они сидят в машине, смотрят в окно, но видят только дверь и окно, их не интересуют задний двор и закоулки». Таким образом подверглись критике несерьезно относящиеся к своей работе руководители.

3. Разновидности метафоры в речи Си Цзиньпина

3.1. Метафорические поговорки и пословицы

Программный сборник выступлений Си

Цзиньпина — «Си Цзиньпин о государственном управлении». В этой книге демонстрируется гибкое употребление метафоры. Поэтому мы подробно исследуем метафоры на примере этого сборника (примечание: следующие примеры брались из упомянутого сборника, после цитаты приводится номер страницы).

1. 打铁还需自身硬 (Датэй-хайцзуишэньин) (4).

Перевод: «Чтобы ковать железо, необходимо и самому быть крепким как сталь» (5).

Железо твердое и жесткое. Чтобы ковать железо, нужно быть более твердым и жестким. Это всем известная в Китае поговорка.

2. 世界上热点问题不少,按下葫芦起了瓢 (Шицзэшанжэдианьвэньтиигшао, аньсяхулучилэпяо) (251)

Перевод: «В мире немало „горячих“ вопросов, разрешается одно, поднимается другое» (342).

В этом предложении рифма «ао» повторяется в конце частей сложного предложения и создает мелодику фразы. «Хулу» — это тыква-горлянка, а «пяо» — ковш из тыквы. В Китае тыква-горлянка и ковш из тыквы часто встречаются. Люди знают, что они легче воды, на воде они плавают. Если дословно перевести процитированное предложение на русский язык, то вряд ли его смысл будет понят. Подобные метафоры требуют творческого подхода при переводе.

3. 鞋子合不合脚 自己穿了才知道 (Шецзихэбухэцзяо, зицзичуаньлэсайчжидао) (273)

Перевод: «О том, подходят ли туфли, узнаешь только когда примеришь их» (370).

Таким образом политик выразил свое мнение о желающих обсуждать пути развития чужой страны. Народ нашей страны имеет право говорить о преимуществах и недостатках своего пути. В этой поговорке тоже есть рифма «ао».

3.2. Метафоры, основанные на научных знаниях

4. 理想信念就是共产党人精神上的“钙”,没有理想信念,理想信念不坚定,精神上就会“缺钙”,就会得“软骨病”。(15)

Перевод: «Вера и убеждения являются духовным „кальцием“ коммунистов. Когда нет ни веры, ни идеалов или когда идеалы и убеждения недостаточно тверды, человек ощущает „недостаток кальция“ и страдает от „хондропатии“» (21).

Понимание высказывания требует энциклопедических знаний: кальций — всем необходимый химический элемент. Без кальция люди болеют и плохо себя чувствуют. Си Цзиньпин сравнил научное знание с идеей, верой и волей коммунистов, подчер-

кивая важность идеи, веры и воли.

5. 每个人的世界都是一个圆,学习是半径,半径越大,拥有的世界就越广阔。(59)

Перевод: «Личный мир каждого человека кругообразный, где учеба играет роль радиуса: чем больше он учится, тем шире становится его внутренний мир» (82).

Радиус и круг — геометрические термины. Выступающий сравнил кругозор человека с геометрическим кругом, а учебу — с радиусом круга. Таким образом, необходимо больше учиться, чтобы расширить свой круг и мир.

6. 解决“四风”问题,要对准焦距、找准穴位、抓住要害、不能“走神”,不能“散光”。(374)

Перевод: «В борьбе с „четырьмя поветриями“ нужно найти фокус, найти точку для укола, захватить больное место, а нельзя отвлекаться и терять внимание» (506).

«Четыре поветрия» — это формализм, бюрократизм, гедонизм и расточительство. Политик сравнил наведение оптики с решением серьезных проблем в партии. Нужно четко и точно определить суть проблемы.

Подобные метафоры основаны на общеизвестных знаниях и легко понимаются всеми слушателями и читателями.

3.3. Метафоры в стихотворной форме

7. 行百里者半九十 (цинбай-личжэбаньцзюйши) (50).

Перевод: «Девяносто ли пройдено из ста — считай за половину пути» (67).

Это высказывание прозвучало на выступлении при собеседовании с ведущими представителями разных областей. В русском языке есть похожее выражение: «Не говори „гоп“, пока не перепрыгнешь». Это означает «чем ближе к успеху, тем труднее и нужно серьезнее относиться к делу». «Ли» в китайском языке единица расстояния, полного аналога которой в русском языке нет. Так что лучше это слово заменить при переводе на «версты» («из ста вёрст»).

8. 一花独放不是春, 百花齐放春满园。(258)

Перевод: «Лишь один вид цветов не создает весны. Когда все цветы цветут, весна будет в самом разгаре» (351).

Это стихи из выступления на встрече под эгидой ЮНЕСКО. Высказывание можно трактовать так: китайская цивилизация и другие цивилизации, существующие в мире, — плоды общечеловеческой цивилизации. Слова со значением «весна» и «цветы» в китайском и русском языках эквивалентны, поэтому при переводе можно взять за образец русскую поговорку «Один в поле не воин» — тогда может получиться такой вариант: «Один цветок в саду не делает весну, весна

приходит, когда распускаются все цветы».

9. 山重水复疑无路，柳暗花明又一村。
(344)

Перевод: «Гряды гор, сеть ручьев — вроде бы уже в тупике; но вдруг открылось предо мной селение в окружении ив» (465).

Это цитата из выступления на саммите руководителей АТЭС. Выражается мысль о том, что АТЭС должно открыть новую страницу в строительстве открытой экономики и изменении второстепенного положения Азии и Тихоокеанского региона в возрождении экономики. Однако буквальный перевод не достигнет требуемого эффекта. С точки зрения понятности лучше такой вариант: «Забрезжил свет надежды в конце туннеля».

3.4. Метафора со сферой-источником «История»

10. 制定出一个好文件，只是万里长征走完了第一步，关键还在于落实文件。(106)

Перевод: «Разработка хорошего документа — лишь первый шаг Великого похода, а главное заключается в воплощении решений в жизнь» (150).

«Великий поход» происходил в 30-х гг. прошлого века. Было преодолено расстояние примерно 1250 км. Сейчас выражение «великий поход» означает очень долгое, трудное дело. Си Цзиньпин сравнил исторические события с выполнением документа, указав на сложность воплощения положений документа в жизнь.

11. 俄罗斯有句谚语“大船必能远航”。中国有句古诗：“长风破浪会有时，直挂云帆济沧海。” (277)

Перевод: «Русская пословица гласит: „Большому кораблю — большое плавание“. В одном из китайских стихотворений есть похуже по смыслу строчки: „Ветер окрепнет, ударит волна, время еще придет, облачно-белый поднимем парус в просторах синих морей“» (376).

В данном отрывке из выступления в МГИМО 23 марта 2013 г. Си Цзиньпин сослался на пословицу и стихи. Значение двух цитат разное, но в них упоминается один предмет — корабль/парус. Их упоминание в одном контексте позволяет, с одной стороны, отметить, что преподаватели и студенты МГИМО талантливы и вносят свой вклад в строительство гармоничного мира, с другой — подчеркнуть трудность и сложность в работе: нужно настойчиво работать и учиться, чтобы достичь цели.

12. 仪式一场接着一场，总结一份接着一份，评奖一个接着一个，最后都是“客里空”。 (369)

Перевод: «За одной церемонией сле-

дует другая, один отчет сменяет другой, одна награда — другую. Крикуны наших дней» (499).

Крикун (от слова «крикнуть») — человек, который говорит много и попусту. В произведении советского писателя А. Е. Корнейчука «Фронт» корреспондент по имени Крикун говорит неправду, выдумывает факты. Таким образом, перед нами метафора, основанная на произведении мировой литературы.

3.5. Метафоры со сферой-источником «Природа»

13. 坚持“老虎”、“苍蝇”一起打，形成了对腐败分子的高压态势。(393)

Перевод: «Мы наносили решительные удары и по „тиграм“, и по „мухам“, и таким образом наблюдалась жесткая позиция в отношении наказания коррупционеров» (534).

«Тигр» и «муха» обозначают «крупного» и «мелкого» коррупционера. «Крупный» коррупционер занимает высокий пост в государстве и имеет больше прав и возможностей по сравнению с «мелким» коррупционером. Си Цзиньпин сравнил их с тигром и мухой, подчеркивая тем самым неприятие коррупции любого масштаба и то, что коррупционерам следует серьезно скорректировать свое поведение.

14. 有人说要“爱惜羽毛”，也就是所谓“声誉”。 (414)

Перевод: «Некоторые говорят, что надо „беречь свои перья“, или так называемую свою „репутацию“» (563).

Птица должна беречь свои перья, чтобы не терять тепло и выглядеть красиво. Высокоставленные руководители точно так же должны заботиться о своей репутации: репутация для них — это признание народа. Надо ее беречь как свое лицо, свою душу, чтобы в старости не жалеть за свои поступки.

15. 这种不求有功、但求无过的“圆滑官”、“老好人”、“推拉门”、“墙头草”多了，党和人民事业还怎么向前发展啊？ (416)

Перевод: «Если в нашей партии всё больше и больше таких „скользких“, „добрых“ и тех, кто держит нос по ветру, то как будет дело нашей партии и народа развиваться дальше?» (566).

В этой метафоре на китайском языке упоминаются такие предметы, как «раздвижная дверь», «трава на верхней грани стены» (куда ветер подует, туда и качнётся трава). Эти предметы упоминаются для обозначения руководителей, не имеющих твердой позиции и не вносящих вклад в благо народа. Дословный перевод на русский язык сделать сложно. В русском языке есть вы-

ражение «тот, кто держит нос по ветру», соответствующее «раздвижной двери» и «траве на верхней грани стены». С помощью упоминания данных предметов Си Цзиньпин образно указал на вред или угрозу таких людей для партии и народа.

Заключение

Си Цзиньпин много читает: в одном из интервью он рассказал об этом корреспонденту. Внушительный читательский опыт позволяет политику очень гибко и мастерски употреблять китайский язык. В речи руководителя государства важную роль играет метафора. С помощью метафоры политик получает возможность донести до слушателей трудную концепцию или понятие в виде всем понятной поговорки или пословицы. В таких фразеологизмах отражается мудрость китайского народа.

Из перечисленных выше видов метафоры наиболее сложный — метафора в стихотворной форме. Си Цзиньпин мастерски употребил такую метафору, потому что хорошо начитан, хорошо разбирается в китайской литературе с древнейшего периода и китайском языке. Чтобы понять некоторые высказывания Си Цзиньпина, нужно много читать и прилежно изучать литературу Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. — М.: Рема, 1997.
2. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). — М.: Флинта, 2002.
3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта наука, 2012.
4. Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедиче-

Xu Lihong
Harbin, China

METAPHOR IN THE SPEECH OF CHINESE PRESIDENT XI JINPING

ABSTRACT. *Economic development of China and Russia promotes cooperation of these countries not only in economic and political spheres, but also in the field of culture, agriculture, aviation and space, etc. The most important element of cooperation between China and Russia is linked with support in the international arena. This makes the analysis of the speeches of the leaders of the two countries especially urgent. The paper considers the functioning of metaphors in the speech of China's President Xi Jinping. This politician demonstrates a deep knowledge of Chinese culture, he uses proverbs, sayings and idioms in his speech that are difficult to understand in the framework of Russian culture. Of particular importance for the development of bilateral relations between the two countries is proper translation of the speeches pronounced by the leaders, the expression of a political position, taking into account cultural peculiarities of another country. In the light of this, metaphors in the speech of Chinese President Xi Jinping are analyzed in linguocultural and linguocognitive aspects.*

KEYWORDS: *political metaphor; cognitive linguistics; linguoculturology; intercultural communication; political leaders; political speeches; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Xu Lihong, Magister, Senior Lecturer, University of Heilongjiang, Harbin, People's Republic of China.*

REFERENCES

1. Caiyi, Sun Guifen. *Yeihan jiaocheng*. Vol. 1. — Beijing : Yu yanjiuchu chubanshe, 2006.
2. Chen Xixi. *Pingyi jinren Xi Jinping de yuyan lilian*. — Shanghai : Shanghai jiaotong daxue chubanshe, 2014.
3. Cun Liyuan. *Fanyi lilun yujiqiao*. — Beijing : Beijing chubanshe, 2007.
4. Hu Guming. *Han e fanyi jiaocheng*. — Shanghai : Shanghai haiwai waiyu jiaoyu chubanshe, 2010.
5. Liu Yuying, Song Qingsen. *Si Jinping zongshuji zhiguoli-*

zheng xin reci. — Beijing : Zhong gong zhongyang dangxiao chubanshe, 2016.

6. Renmin ribao pinglun bu. *Xi Jinping*. — Beijing : Renmin ribao chubanshe, 2015.

7. Wang Yulun. *Eihan jiaocheng*. — Harbin : Heilongjiang daxue chubanshe, 2002.

8. Wenxiu. *Xi Jinping jianghua de yuyanfengge ji tedian // Nanning dangdai guangxi*. 2014. № 1. = 文秀. 习近平讲话的语言风格及特点[J]. 南宁:当代广西, 2014.1

9. Xi Jinping. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平. 习近平谈治国理政[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

10. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

11. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

12. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

13. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

14. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

15. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

16. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

17. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

18. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

19. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

20. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

21. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

22. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

23. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

24. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

25. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

26. Xi Jinping *zhuo, ewen fanyui zu yi*. *Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen*. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014. = 习近平著, 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政: 俄文[M]. 北京: 外文出版社, 2014.

10. Xi Jinping zhuo, ewen fanyui zu yi. Xi Jinping pingtan zhiguolizheng : ewen. — Beijing : Waiwen chubanshe, 2014.

11. Xi Jinping zhu. Zhijiang xinyu. — Hangzhou : Zhejiang renmin chubanshe, 2007.

12. Zhong gong zhongyang zhongyang xuanchuanbu. Xi Jinping zongshuji xilie zhongyao jianghua duben, 2014.

13. Komissarov V. N. Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya perevodu. — M. : Rema, 1997.

14. Solodub Yu. P., Al'brekht F. B. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt). — M. : Flinta, 2002.

15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta nauka, 2012.

16. Yartseva V. N. Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 1998.

Чжан Жуньмэй
Москва, Россия

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК АДАПТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на примере этнокультурных стереотипов носителей китайского языка о русских)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена роли этнокультурных стереотипов в межкультурной коммуникации. Для выявления этнокультурных стереотипов носителей китайского языка о русских было проведено психолингвистическое исследование, в ходе которого испытуемым предлагалось ответить на вопросы анкеты; кроме того, были проанализированы высказывания с интернет-форумов. Формирование представлений о другом народе происходит в результате сравнения с реалиями собственной жизни и культуры, которые объективно существуют (внешний фактор). Но при этом естественные различия культур, как правило, не принимаются во внимание, и «чужие» культурные явления оцениваются как соответствующие или не соответствующие нормам, существующим в «своей» культуре (внутренний фактор). Деятельностно-коммуникативные лакуны включают несколько разновидностей: кинесические (жесты и мимику), рутинные (поведение, обычаи и т. д.) и др. Стереотипное выражение в языке имеет большинство рутинных лагун, которые отражают представления носителей китайской культуры о повседневном поведении русских. Этнокультурные стереотипы, функционирующие в процессе межкультурной коммуникации, являются адаптивным механизмом, помогающим коммуникантам заполнять лакуны, объясняя для себя причины непонятных явлений. Несмотря на то что стереотипы помогают экономить силы и время, они часто имеют неполное и искаженное содержание, затрудняющее адекватную интерпретацию лагуны. Изучение интеркультурных лагун и стереотипов должно способствовать оптимизации межкультурного диалога между Китаем и Россией, необходимо совершенствовать каналы передачи научных знаний, т. е. позволить и специалистам, и обычным людям получать достоверную информацию о том, как формируются и как функционируют этнокультурные стереотипы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнокультурные стереотипы; этнолингвистика; этнокультурология; этносы; китайский язык; межкультурная коммуникация; психолингвистические эксперименты; сопоставительный анализ; деятельностно-коммуникативные лакуны; элиминирование лагун; русские.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чжан Жуньмэй, аспирант отдела психолингвистики Института языкознания РАН; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1с1; e-mail: runmei.zhang@yandex.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Введение

Китай и Россия — это две совершенно разные страны, и каждая имеет богатую культуру и долгую историю. С древних времен народы наших стран начали вести диалог и постепенно сформировали первые представления друг о друге. В последние десятилетия между Китаем и Россией интенсивно развивается межкультурная коммуникация. После того, как в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Один пояс — один путь», китайские и русские ученые стали уделять больше внимания исследованию представлений своих народов друг о друге.

Китайская и русская культуры очень разные, и это приводит к формированию различных менталитетов (Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева) двух народов. Менталитет играет важную роль в развитии представлений о другом народе — этнокультурных стереотипов.

Стереотипы, в свою очередь, тесно связаны с языком: например, они могут репрезентироваться в языковой форме, в виде отдельных высказываний, имеющих определенную структуру. Проанализировав материалы интернет-форумов, на которых обсуждались проблемы взаимодействия разных народов и их культур, мы выявили, что языковая репрезентация этнокультурных

стереотипов может иметь стандартный вид: «номинация (имя, название) + атрибуты (характеристики)». С точки зрения логики, существуют атрибутивные суждения, которые показывают, что признак (предикат) связан (либо не связан, при отрицании) с конкретным субъектом; в случае со стереотипами мы говорим о приписывании определенному субъекту (в этой функции может выступать, например, этноним) тех или иных характеристик. Перед именем субъекта могут быть так называемые кванторные слова — *все, каждый, любой* и др. Их сочетание с наименованием субъекта представляет собой номинацию (*все китайцы, любой русский* и т. п.).

Говорящий, строя предложение, использует и наименования объекта, и наименования признака [Мурзин, Штерн 1991: 44]. В число атрибутов, характеризующих субъекта, могут входить модификаторы (*часто, никогда не, иногда, редко*), указывающие на особенности проявления признака (*Китайцы всегда едят рис* и т. п.). Такие формы языковой репрезентации этнокультурных стереотипов являются типичными, хотя и допускают вариативность своих компонентов.

Многие ученые обсуждают истинность и ложность стереотипов. У. Липпман в свое время писал об их положительной роли — это возможность познавать окружающий мир и экономить усилия, но потом ученые все чаще стали говорить об отрицательной роли

стереотипов в межкультурной коммуникации. С нашей точки зрения, роль этнокультурных стереотипов неоднозначна. Человек приписывает определенные признаки этнокультурной группе (например, китайцам), интерпретируя эти признаки и даже обозначая их средствами языка так, как позволяет ему собственный опыт и своя культура. Кроме того, приписывание определенных признаков всем или большинству людей создает иллюзию в отношении тех, которые не принадлежат к большинству. Таким образом, содержание этнокультурных стереотипов может быть отчасти истинным, а отчасти ложным.

Этнокультурные стереотипы разделяются многими людьми. Это связано с тем, что в одной социокультурной группе у людей формируется сходный менталитет. Действительно, говоря о другом народе, мы чаще используем структуру «Все S есть P» вместо «Некоторые S есть P». Это мнение передается от одного человека другому и постепенно в конкретном обществе становится **знанием (убеждением)**. Это знание позволяет адаптировать новый объект к своей системе знаний, ценностей и т. д.

В межкультурной коммуникации из-за различий национально-культурных систем возникают лакуны. Российские ученые, рассматривающие это явление (Ю. А. Сорокин, В. И. Жельвис, И. Ю. Марковина, Ю. С. Степанов, В. Л. Муравьев, Г. В. Быкова, Г. Д. Гачев и др.), понимают лакуны по-разному, но признают, что их основными признаками являются «непонятность, непривычность, незнакомость, ошибочность» [Марковина, Сорокин 2010: 34]. Лакуны отражают несоответствие элементов национальных культур и при межкультурном общении возникают как явление, непонятное наблюдателю или участнику этого общения — например, особенности поведения, внешность, привычки и т. д.

Чтобы объяснить для себя какое-то явление и преодолеть барьер непонимания, воспринимающий человек должен заполнить лакуну. Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина указывают, что специалисты-переводчики при элиминировании лакун пытаются раскрыть их смысл через адаптацию чужих образов сознания с помощью своих [Там же: 89]. По мнению О. В. Балясниковой, при восприятии лакуны обычными носителями языка имеют место процессы субъективной «интерпретации и перемещения (адаптации либо отторжения)» [Балясникова 2015: 16—17], т. е. носители обыденного сознания могут не учитывать культурную специфику лакуны. Вследствие этого происходит неправильное понимание чужих культурных явлений, но-

сущее лакунизированный характер, что приводит к образованию этнокультурных стереотипов.

Таким образом, между лакунами и некоторыми этнокультурными стереотипами существует связь: возникновение лакун → формирование этнокультурных стереотипов в процессе адаптации лакун к системе воспринимающей культуры → интерпретация содержания лакун с помощью уже сформированных стереотипов. Ранее мы уже упоминали, что в процессе межкультурной коммуникации этнокультурные стереотипы могут выступать как адаптивный механизм, участвующий в элиминировании деятельности-коммуникативных лакун [Чжан Жуньмэй 2017: 169], включающих жесты, мимику, движения, привычное поведение, обряды и т. д. В данной статье мы сконцентрируемся на содержании этнокультурных стереотипов носителей китайского языка о русских и уточним роль адаптивного механизма в процессе элиминирования деятельности-коммуникативных лакун.

Экспериментальное исследование

Методы исследования

Формула языковой репрезентации этнокультурных стереотипов «номинация + (модификатор) атрибуция» является универсальной. Методы, использованные О. А. Леонтович [Леонтович 2003] для изучения стереотипов, соответствуют данной формуле. С помощью методики О. А. Леонтович мы сформировали опросник, который затем был дополнен двумя вопросами, позволяющими выявить содержание русских деятельность-коммуникативных лакун.

На втором этапе исследования мы рассмотрели несколько деятельность-коммуникативных лакун, полученных методом сплошной выборки с интернет-форумов. О наличии лакуны свидетельствуют высказывания китайцев (на китайском языке) об особенностях поведения русских: *почему русские везде встают в очередь? Почему русские девушки курят? Почему русские не улыбаются? Почему русские любят пить алкоголь?*

Цель и задачи исследования

Цель нашего исследования — выявление содержания этнокультурных стереотипов о русских у носителей китайского языка как адаптивного механизма этнокультурных стереотипов, действующего при заполнении деятельность-коммуникативных лакун.

Задачи исследования:

1) выявление содержания и особенностей этнокультурных стереотипов о русских,

существующих в обыденном сознании носителей китайского языка;

2) выявление содержания деятельностно-коммуникативных лакун, которые фиксируют носители китайской культуры при восприятии элементов русской культуры;

3) установление взаимосвязи между этнокультурными стереотипами и деятельностно-коммуникативными лакунами.

Выборка первого этапа исследования

В пилотажном эксперименте, проведенном нами в 2016 г., приняли участие 50 китайских информантов, в основном студентов и аспирантов г. Ланьчжоу и г. Шаньси, в возрасте от 17 до 40 лет, из которых 48 побывали в России. Отметим, что поскольку испытуемыми являлись в основном студенты, полученные результаты дают представление о содержании современных этнокультурных стереотипов китайцев только данного возраста и не могут быть распространены на этнокультурные стереотипы всех китайцев.

Процедура первого этапа исследования

Анкета предъявлялась на родном языке испытуемых. Паспорт анкеты включал данные о возрасте (возрасте),性别 (поле), 母语 (родном языке), 去过哪些国家 (пребывании в других странах), 前往的目的和时间 (цели и времени пребывания).

Основной опросник представлял собой совокупность открытых и косвенных вопросов. Первый вопрос был ориентирован на получение общих характеристик (атрибуций) представителей русской культуры.

1. 俄罗斯人是什么样的? 您认为俄罗斯人什么样的? 请写下您对俄罗斯人的印象。 (*Какими вам кажутся русские? Какими вам показались русские? Опишите свое впечатление от русских.*)

Остальные вопросы имели вид незаконченных предложений (стимулов), где предполагалось указание испытуемыми типичных действий русских или действий и объектов действий, которые выражаются определенными средствами языка:

2. 俄罗斯人喜欢 (*Русские любят*)... <что?> <делать что?> <когда... (происходит) что?>

3. 俄罗斯人不喜欢 (*Русские не любят*)... <что?> <делать что?> <когда... (происходит) что?>

4. 俄罗斯人总是 (*Русские всегда*)... <делают что?> <какие?> <когда... (происходит) что?>

5. 俄罗斯人有时候 (*Русские иногда*)... <делают что?> <какие?> <когда... (происходит) что?>

6. 俄罗斯人从来不 (*Русские никогда не*)... <делают что?> <какие?> <когда... (происходит) что?>

Таким образом, в пунктах 2—6 испытуемым предлагалось дописать недостающую часть предложения. Кроме того, есть еще два последних вопроса: 您不明白哪些俄罗斯人的手势语? (*какие русские жесты и мимика вам непонятны?*); 在您看来, 俄罗斯人的哪些行为是奇怪的或是不明白的? (*что в поведении русских кажется вам странным или непонятным?*).

Результаты первого этапа исследования

Данные обрабатывались с помощью компьютерной программы *Excel*. После анализа всех результатов аналогичные варианты были распределены по категориям и подсчитаны.

Наиболее частотные ответы приведены ниже (с указанием частотности).

俄罗斯人是这样的 (русские такие): 礼貌, 守规矩 (вежливые, соблюдают правила) — 64 %; 善良, 好客 (добрые, гостеприимные) — 60 %; 懒惰 (ленивые) — 48 %; 直爽, 真诚 (прямые, искренние) — 21 %; 勇敢 (смелые) — 40 %; 形式主义 (формалисты) — 26 %; 比较冷漠 (довольно равнодушные) — 30 %; 漂亮 (красивые) — 30 %; 开放 (открытые) — 26 %; 会享受生活 (умеют наслаждаться жизнью) — 24 %; 自大 (высокомерные) — 24 %; 战斗民族 (военная нация) — 24 %; 爱喝酒 (любят пить алкоголь) — 20 %; 热爱祖国 (любят родину) — 18 %; 认真 (аккуратные) — 18 %; 乐观 (активные) — 14 %; 身材高大 (высокого роста) — 14 %; 脾气暴躁 (нервные) — 12 %; 热爱艺术 (любят искусство) — 12 %; 鲁莽 (грубые) — 10 %; 信仰宗教 (верят в религию) — 10 %; 不爱微笑 (не любят улыбаться) — 10 %; 极端 (экстремальные) — 10 %; 身材好 (прекрасная фигура) — 10 %; 幽默 (с чувством юмора) — 8 %; 两面性格 (двойственный характер) — 6 %; 大度 (великодушные) — 6 %; 俄罗斯女人勤劳勇敢 (русские женщины смелые и трудолюбивые) — 6 %; 耐心 (терпеливые) — 6 %; 排外 (противостоят всему чужеродному) — 6 %; 不怕冷 (не боятся холода) — 6 %; 欺软怕硬 (запугивают слабых и боятся сильных) — 4 %; 腐败严重 (коррупция серьезная) — 4 %; 爱读书 (любят читать книги) — 4 %; 较早成熟 (довольно быстро взрослеют) — 4 %; 独立性很强 (сильная самостоятельность) — 4 %.

俄罗斯人喜欢 (русские любят): 喝酒 (пить алкоголь) — 98 %; 吃面包, 土豆等 (есть

хлеб, картофельное пюре и т. д.) — 64 %; 运动 (спорт) — 44 %; 度假 (отпуск) — 42 %; 去剧院 (посещать театр) — 34 %; 读书 (читать книги) — 30 %; 要烟, 抽烟 (просить сигареты, курить) — 28 %; 吃甜食 (есть сладкое (шоколад)) — 28 %; 艺术 (искусство) — 24 %; 跳舞 (танцевать) — 20 %; 喝茶 (пить чай) — 20 %; 散步 (гулять) — 20 %; 俄罗斯大自然 (природу России) — 18 %; 聚会 (вечеринку) — 16 %; 鲜花 (свежие цветы) — 16 %; 聊天 (разговаривать) — 16 %; 冒险 (рисковать) — 14 %; 骑自行车 (кататься на велосипеде) — 14 %; 晒太阳 (загорать под солнцем) — 14 %; 排队 (вставать в очередь) — 10 %; 交友 (знакомства) — 10 %; 宠物 (животных (кошек, собак)) — 10 %; 数字 7 (цифру 7) — 8 %; 睡懒觉 (поздно вставать) — 8 %; 钱 (деньги) — 8 %; 享受生活 (наслаждаться жизнью) — 6 %; 开玩笑 (шутить) — 6 %; 送礼物 (дарить подарки) — 6 %; 化妆 (делать макияж) — 6 %; 喝咖啡 (пить кофе) — 6 %; 美女 (красавиц) — 6 %; 打架 (драться) — 4 %; 自由 (свободу) — 4 %; 普京 (Путина) — 4 %; 桑拿 (баню) — 4 %; 迟到 (опаздывать) — 4 %; 中餐 (китайскую кухню) — 4 %.

俄罗斯人不喜欢 (русские не любят): 大声喧哗 (шуметь) — 44 %; 吃辣 (есть острую еду) — 20 %; 美国 (США) — 16 %; 被人管 (когда другие управляют ими) — 14 %; 双数和13 (четные цифры и цифру тринадцать) — 14 %; 工作 (работать) — 14 %; 微笑 (улыбаться) — 12 %; 不守规则 (несоблюдение правил; нарушать правила) — 13 %; 被人过问自己隐私 (открываться другим) — 10 %; 同性恋 (гомосексуализм) — 10 %; 黄色 (желтый цвет) — 8 %; 插队 ((делать что-либо) — не по очереди) — 8 %; 冬天穿着外套进室内 (зимой надевать верхнюю одежду и входить в комнату) — 8 %; 黑猫 (черных кошек) — 6 %; 不速之客 (неприглашенных гостей) — 6 %; 外国人 (иностранцев) — 6 %; 休息时被打扰 (когда их беспокоят во время перерыва) — 4 %; 中国人 (китайцев) — 4 %; 迟到 (опоздание) — 4 %; 喝水 (пить воду) — 4 %.

俄罗斯人经常 (русские всегда): 喝酒 (пьют алкоголь) — 48 %; 旅游 (путешествуют) — 40 %; 散步 (гуляют) — 26 %; 烧烤, 聚会 (едут на пикники, устраивают вечеринки) — 26 %; 逛博物馆 (посещают музеи и галереи) — 24 %; 健身 (занимаются фитнесом) — 24 %; 读书 (читают книги) — 22 %; 不准时, 迟到 (опаздывают) — 16 %; 抽烟 (курят) — 14 %; 晒太阳 (загорают) — 14 %; 能歌善舞 (умеют танцевать и петь) — 14 %; 闲聊

(办事效率低) (болтают (неэффективно работают)) — 8 %; 节日时送女士鲜花 (в день праздника дарят женщинам букеты цветов) — 8 %; 过节 (празднуют) — 6 %; 交友 (знакомятся с друзьями) — 6 %; 泡吧 (сидят в баре) — 6 %; 打架 (дерутся) — 6 %; 睡懒觉 (поздно встают) — 6 %; 洗桑拿 (делают СПА-массаж) — 4 %; 喷香水 (пользуются духами) — 4 %.

俄罗斯人有时 (русские иногда): 打架骂人 (дерутся и матерятся) — 24 %; 理事情不够灵活 (недостаточно гибко подходят к проблемам) — 28 %; 冷漠 (равнодушные, недобрые) — 16 %; 娱乐 (развлекаются) — 14 %; 旅游 (путешествуют) — 14 %; 脾气暴躁 (нервные) — 12 %; 会很热情 (очень радушные) — 10 %; 不守时 (приходят не вовремя) — 10 %; 喝酒 (пьют алкоголь) — 8 %; 和朋友聚会 (устраивают вечеринки с друзьями) — 6 %; 犯蠢 (глупые) — 6 %; 幽默 (с чувством юмора) — 6 %; 问路人要烟 (просят прохожих дать сигареты) — 6 %; 高傲 (гордые) — 4 %; 工作 (работают) — 4 %.

俄罗斯人从来不 (русские никогда не): 怕冷, 怕死 (боятся холода, смерти) — 12 %; 在公共场合大声说话 (говорят громко в общественных местах) — 8 %; 在正式场合穿着不得体 (в официальных местах не надевают деловую одежду) — 6 %; 夏天打伞 (летом пользуются зонтиком) — 6 %; 动脑子 (работают головой) — 6 %; 喝白开水 (пьют воду) — 4 %; 服输 (сдаются) — 4 %; 准时 (приходят вовремя) — 4 %; 在街上对陌生人微笑 (на улице улыбаются чужим) — 4 %; 说话慢 (говорят медленно) — 4 %.

您不明白哪些俄罗斯人的手势语? (Какие русские жесты и мимика вам непонятны?)

Ответы: 把帽子扔在地上 (бросать шапку на землю) — 6 %; 握住拳头, 将拇指从食指与中指中间伸出来 (кулак, в котором большой палец просунут между средним и указательным; показывание «фиги») — 6 %; 用手指弹脖子 (щелчок пальцем по шее) — 6 %; 男生见面要和每一位男生握手 (мужчины при встрече здороваются за руку) — 2 %; 往后扭头做吐的动作 (плюют через плечо) — 2 %.

在您看来俄罗斯人的哪些行为是奇怪的或不明白的? (Что в поведении русских кажется вам странным или непонятным?)

Ответы: 办事效率比较低 (медленно и неэффективно работают) — 14 %; 不爱微笑 (не любят смеяться) — 8 %; 酗酒 (пьют алкоголь) — 6 %; 总是迟到 (всегда опаздывают) — 6 %; 找陌生人要烟要火 (просят у не-

знакомых закурить или прикурить, «стреляют сигареты») — 6 %; 乱排队 (встают в бесполезные очереди) — 4 %; 女孩抽烟 (девушки курят) — 4 %; 朝自己的左后肩吐口水 (плюют через левое плечо) — 2 %; 一去超市就采购一周的食物 (в супермаркете покупают продукты на всю неделю) — 2 %; 经常给身强力壮的乞丐钱 (часто дают здоровым нищим деньги) — 2 %; 不喝白开水 (не пьют воду) — 2 %.

Обсуждение результатов первого этапа исследования и выводы

Приведенные выше данные показывают следующее.

Полученные от испытуемых ответы на стимул «Русские такие» (по сравнению с китайцами) можно распределить по нескольким категориям. По своей внешности русские 漂亮 (красивые) — 30 %, 身材高大 (высокого роста) — 14 %, 身材好 (с прекрасной фигурой) — 10 %. По эмоциональности 比较冷漠 (довольно равнодушные) — 30 %, 不爱微笑 (не любят улыбаться) — 10 %. По характеру русские 直爽, 真诚 (прямые, искренние) — 21 %, 开放 (открытые) — 26 %, 自大 (высокомерные) — 24 %, 乐观 (активные) — 14 %, 脾气暴躁 (нервные) — 12 %, 鲁莽 (грубые) — 10 %, 极端 (экстремальные) — 10 %, 幽默 (с чувством юмора) — 8 %, 两面性格 (имеют двойственный характер) — 6 %. По качествам русские 善良, 好客 (добрые, гостеприимные) — 60 %, 懒惰 (ленивые) — 48 %, 勇敢 (смелые) — 40 %, 大度 (великодушные) — 6 %, 耐心 (терпеливые) — 6 %, 俄罗斯女人勤劳勇敢 (русские женщины смелые и трудолюбивые) — 6 %. Указывается также, что русские люди верующие. Все остальные ответы связаны с наблюдаемым в обычной жизни поведением русских и их привычками.

Вопросы «русские любят» и «русские не любят» затронули культуру еды, развлечения и хобби, обычаи и привычки и т. д. Ответы на эти два вопроса содержательно дополняют друг друга, например:

1) русские любят 喝酒 (пить алкоголь) — 98 %; 吃面包, 土豆等 (есть хлеб, картофельное пюре и т. д.) — 64 %, 吃甜食 (есть сладкое (шоколад)) — 28 %, 喝茶 (пить чай) — 20 %, 喝咖啡 (пить кофе) — 6 %, 中餐 (китайскую кухню) — 4 %; русские не любят 吃辣 (кушать острую еду) — 20 %, 喝水 (пить воду) — 4 %;

2) русские любят 数字7 (цифру 7) — 8 %; не любят 双数和13 (четные цифры и цифру тринадцать) — 14 %, 黄色 (желтый цвет) — 8 %, 黑猫 (черных кошек) — 6 %;

3) русские любят 排队 (вставать в очередь) — 10 %; русские не любят 不守规则 (несоблюдение правил) — 13 %, 插队 ((делать что-либо) — не по очереди) — 8 %.

Блок ответов «Русские всегда, иногда, никогда не...» содержит в основном представления о привычках (поведении) русских по частоте повторения; иногда ответы совпадают, например: русские всегда 喝酒 (пьют алкоголь) — 48 %, 烧烤, 聚会 (устраивают вечеринки) — 26 %, 旅游 (путешествуют) — 40 %, 不按时, 迟到 (приходят не вовремя, опаздывают) — 16 %, 闲聊 (общение с низкой эффективностью) (болтают (неэффективно работают)) — 8 %, 打架 (дерутся) — 6 %; русские иногда 打架骂人 (дерутся и матерятся) — 24 %, 旅游 (путешествуют) — 14 %, 不守时 (приходят не вовремя) — 10 %, 喝酒 (пьют алкоголь) — 8 %, 和朋友聚会 (устраивают вечеринки с друзьями) — 6 %, русские никогда не 准时 (приходят вовремя) — 4 %. Кроме того, блок «русские иногда» включает такие черты характера русских, как 冷漠 (равнодушные, недобрые) — 16 %, 脾气暴躁 (нервные) — 12 %, 会很热情 (очень радушные) — 10 %, 幽默 (с чувством юмора) — 6 %, 高傲 (гордые) — 4 %.

В содержание стереотипов иногда включаются ситуации (*русские не любят <когда происходит что>*): например, русские «не любят, когда кто-либо беспокоит их во время отдыха» или «всегда в праздник дарят цветы женщинам».

Все эти вопросы составляют целую систему, отражающую фрагмент картины мира (языкового сознания) [Тарасов 1996] носителей китайского языка. Стереотипы о русских включают особенности внешности, характера, общие качества, специфику национальной кухни, отношение к работе, проведение свободного времени, обычаи, традиции и т. д. Характер и общие качества русских оказываются тесно связаны с привычным поведением, например: русские довольно равнодушные — не любят улыбаться; экстремальные — любят рисковать.

Содержание деятельностно-коммуникативных лакун иногда аналогично содержанию этнокультурных стереотипов, например: 总是迟到 (всегда опаздывают) — 6 % — 俄罗斯人经常不守时, 迟到 (русские всегда опаздывают) — 16 %; 找陌生人要烟要火 (просят у незнакомых закурить или прикурить) — 6 %; 问路人要烟 (просят прохожих дать сигареты) — 6 %; 不喝白开水 (не пьют воду) — 2 %; 俄罗斯人不喜欢喝水 (русские не любят пить воду) — 4 % и т. д. Интересно, что ла-

куны, являясь причиной возникновения стереотипов, сами имеют стереотипные формы выражения.

Здесь мы хотели бы упомянуть об ответах носителей русского языка на аналоги последних двух вопросов.

Какие китайские жесты и мимика вам непонятны?

Ответы: постоянная улыбка — 4 %; не говорят „Спасибо“ в кругу семьи; не возьмутся за решение неразрешимых задач.

Что в поведении китайцев кажется вам странным или непонятным?

Ответы: почему так шумят — 10 %; лезут в автобус без очереди — 6 %; громко едят (чавкают и т. д.) — 6 %; плюют на улице — 6 %; муж и жена живут в разных странах из-за работы — 6 %; отдают детей на воспитание бабушкам и дедушкам — 6 %; слишком быстрая речь — 6 %; почему так мало выходных — 4 %; скромность — 4 %; спят на рабочем месте — 4 %; не здороваются за руку; зимой в помещении ребята не снимают верхнюю одежду; блюдо «столетнее яйцо»; фотографируют без разрешения незнакомых людей; непрозрачность принятия решений.

Сопоставив данные ответов на последние два вопроса на китайском языке с результатами опроса на русском языке, мы выбрали для второго этапа исследования интересные материалы, включающие одинаковые типы лакун. Например: (1) 不爱微笑 (не любят смеяться) — 8 % / постоянная улыбка — 4 % (мимика; кинесические лакуны); (2) 排队 (встают в очередь) — 4 % / лезут в автобус без очереди — 6 % (повседневное поведение; поведенческие лакуны); (3) 男生见面要和每一位男生握手 (мужчины, встречаясь с друзьями, пожимают руку каждому) — 2 % / китайцы не здороваются за руку (жесты; кинесическая лакуна); (4) 酗酒 (пьют алкоголь) — 6 % / китайцы кушают столетнее яйцо (повседневное поведение; рутинные лакуны); (5) 女孩抽烟 (девушки курят) — 4 % / зимой в помещении ребята не снимают верхнюю одежду (повседневное поведение; поведенческие лакуны).

Второй этап нашего исследования был посвящен определению взаимосвязи между этнокультурными стереотипами и деятельностью-коммуникативными лакунами, т. е. попытке выявить роль этнокультурных стереотипов как адаптивного механизма в процессе элиминирования деятельность-коммуникативных лакун.

Сплошная выборка и процедура второго этапа исследования

Материалы второго этапа исследования получены с помощью сплошной выборки.

Иными словами, мы можем с помощью эффективного инструмента — «Google», «Baidu» — получить ответы на следующие вопросы: *почему русские не любят улыбаться? почему русские пьют алкоголь? почему девушки курят? почему русские встают в очередь?* На первый вопрос, «Почему русские не любят улыбаться?», который обсуждался на нескольких сайтах (например, <https://www.zhihu.com/question/55413696> (интернет-форум 知乎), <http://heller10.blog.sohu.com/321989402.html> (新浪 «Weibo»)), были получены четыре ответа. На второй вопрос — <https://zhidao.baidu.com/question/1307908777895496379.html> (百度知道), http://jiu.ifeng.com/a/20151222/41527627_0.shtml (凤凰酒业) — было получено пять ответов. На третий вопрос было дано четыре ответа: <https://zhidao.baidu.com/question/323655660.html> (百度知道), <http://tieba.baidu.com/p/5248345980> (百度贴吧). На последний вопрос, который обсуждался на сайте <http://wenda.sohu.com/q/1398015335066421> (搜问答), было также дано четыре ответа. Мы выбрали все ответы на эти вопросы.

Результаты второго этапа исследования

Почему русские не любят улыбаться?

Ответы: (1) Россия — это очень холодная страна, где 80 % земли целый год покрыто льдом и снегом. Такие жизненные условия формируют у русских мрачный характер; (2) Россия пережила больше трех тысяч агрессивных войн. К тому же причины социального характера не дают русским чувствовать себя в безопасности. Поэтому русские равнодушны и не любят улыбаться; (3) наверное, у русских есть такое правило: если на улице человек без причины улыбается тебе, то он либо дурак, либо презирает тебя. Поэтому на улице у людей равнодушные лица. Еще одна причина связана с современностью: в любых странах в больших городах люди быстро перемещаются туда и сюда и равнодушны друг к другу, поэтому самыми неулыбчивыми в России являются москвичи; (4) там холодно, и если на морозе ты улыбаешься, то онемает рот, а если ты будешь сильно улыбаться с закрытым ртом, тебя посчитают дураком.

Почему русские пьют алкоголь?

Ответы: (1) в России температура низкая, а водка помогает согреться; (2) зимой тепло, летом прохладно; (3) спирт доставляет человеку приятные ощущения; (4) водка — дух и духовная поддержка русских; (5) помогает от скуки.

Почему девушки курят?

Ответы: (1) это проблемы семейного воспитания; (2) это связано с национальным характером, у кочевых народов характер очень грубый; (3) мода; (4) они курят при стрессе.

Почему русские встают в очередь?

Ответы: (1) это свидетельство неэффективности их работы; (2) русские терпеливы; (3) это показатель культурности; (4) у русских такая традиция: еще со времен СССР люди вставали в очередь перед дверями не только магазинов, но и государственных учреждений.

Обсуждение результатов второго этапа исследования и выводы

Приведенные выше вопросы и ответы на них отражают связь между явлениями и их характеристиками (атрибуциями). Распространенные атрибуты одновременно представляют собой часть национальной картины мира (языкового сознания) данного общества, в таком случае могут функционировать как стереотипы о чужой культуре (стране). Например, носители китайского языка, отвечающие на вопрос «Почему русские не любят улыбаться?», считают причиной суровый и холодный климат, т. е. воспроизводят один из самых распространенных стереотипов о России.

В ответах на вопросы стереотипы о России и русских появляются часто, например: Россия — холодная, СССР, водка, зима, войны, снег; русские — не улыбаются, встают в очереди, равнодушные, грубые, неэффективно работают, культурные (образованные). Эти стереотипы в качестве части картины мира носителей китайского языка как адаптивный механизм заполняют лакуны.

Эти ответы выявляют не только стереотипы о России и русских, но и специфику китайской культуры, в том числе отношение к нормам социального поведения в китайском обществе. Например, (1) в Китае не принято, чтобы девушки курили. Поэтому если девушка курит, то считается, что она плохо воспитана либо это странное увлечение как дань моде; (2) в Китае обычно нет очередей, а если они появляются, это указывает на неэффективность работы чиновника, продавца, кассира и т. д. Поскольку у китайцев есть представление о русских как о «ленивых» людях, носители китайского языка невольно устанавливают связь между часто наблюдаемыми в России очередями и нежеланием эффективно работать у русских вообще.

С точки зрения социальной психологии атрибуция включает внутренние и внешние факторы [Myers 2010: 103]. Наше исследо-

вание показывает, что формирование представлений о другом народе происходит в результате сравнения с реалиями собственной жизни и культуры, которые объективно существуют (внешний фактор). Но при этом естественные различия культур, как правило, не принимаются во внимание, и «чужие» культурные явления оцениваются как соответствующие или не соответствующие нормам, существующим в «своей» культуре (внутренний фактор). Все это способствует адаптации «чужого» явления к «своей» культуре.

Заключение

Деятельностно-коммуникативные лакуны включают несколько разновидностей: кинесические (жесты и мимику), рутинные (поведение, обычай и т. д.) и др. Стереотипное выражение в языке имеет большинство рутинных лакун, которые отражают представления носителей китайской культуры о повседневном поведении русских. Наличие лакун — причина формирования устойчивых представлений о русских и последующего закрепления этих представлений в виде стереотипов. Основное содержание лакун (как и стереотипов) формируется в результате наблюдаемого обыденного поведения представителей другой культуры. Очевидно, что непонятные для китайцев элементы поведения отдельных русских (лакуны) — это источник для формирования мнения о русских вообще. Распространяясь все больше в китайском обществе, эти мнения приобретают статус истинного знания.

Результаты показывают, что этнокультурные стереотипы, функционирующие в процессе межкультурной коммуникации, являются адаптивным механизмом, помогающим коммуникантам заполнять лакуны, объясняя для себя причины непонятных явлений. Несмотря на то что стереотипы помогают экономить силы и время, они часто имеют неполное и искаженное содержание, затрудняющее адекватную интерпретацию лакун. В итоге адаптивный механизм, по сути, мешает глубокому проникновению в чужую культуру.

Мы полагаем, что изучение интеркультурных лакун и стереотипов должно способствовать оптимизации межкультурного диалога между Китаем и Россией. Тем не менее даже профессионалы — преподаватели, журналисты и т. д. — при интерпретации лакун могут использовать стереотипы, что свидетельствует о недостаточной распространенности необходимой информации и о тех, и о других. Если мы действительно хотим улучшить процесс межкультурной коммуникации, необходимо совершенствовать кана-

лы передачи научных знаний, т. е. позволить и специалистам, и обычным людям получать достоверную информацию о том, как формируются и как функционируют этнокультурные стереотипы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балясникова О. В. Возможность и перспективы этнолингвистического исследования конфликта // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4. С. 12—20.
2. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию. — Волгоград : Перемена, 2003. 399 с.
3. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст: введение в лакунологию. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. 138 с.
4. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 44.
5. Тарасов Е. Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 1988. С. 176—177.

Zhang Runmei
Moscow, Russia

ETHNIC-CULTURAL STEREOTYPES AS AN ADAPTIVE MECHANISM IN INTERCULTURAL COMMUNICATION (examplified by the Chinese ethnic-cultural stereotypes about the Russian)

ABSTRACT. *The article describes the role of ethnic and cultural stereotypes in intercultural communication. We made a psycholinguistic research to single out cultural stereotypes about the Russians that circulate among the speakers of Chinese. During the experiment the testees were asked to fill in the questionnaire; besides we analyzed some phrases found in the Internet forums. The image of the other people appears as a result of comparison of their life with one's own life and culture that are real (the outer factor). But the natural differences between the cultures are, as a rule, not taken into account, and thus the "alien" cultural phenomena are regarded as not meeting the standards of one's own culture (the inner factor). The communicative lacunas may be of different kinds: kinesic (gestures and mimic), routine (behavior, habit, etc.) and others. Stereotype expression in the language has a lot of lacunas that reflect the view of the Chinese on the behavior of the Russians. Ethnic and cultural stereotypes that exist in intercultural communication serve as adaptive mechanisms that help interlocutors fill in the lacunas explaining the essence of the unknown phenomena. In spite of the fact that stereotypes help to save energy and time, they often make an abridged and distorted picture that hinders adequate interpretation of the lacuna. The study of intercultural lacunas and stereotypes should bring harmony in the dialogue between Russia and China. It is necessary to exchange scientific knowledge so that scientists and ordinary people might have true to life information about stereotypes.*

KEYWORDS: *ethnocultural stereotypes; etholinguistics; ethoculturology; ethnos; Chinese language; intercultural communication; psycholinguistic experiment; comparative analysis; activity-based and communicational gaps; gaps elimination; the Russians.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zhang Runmei, Post-Graduate Student of Department of Psycho-linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Balyasnikova O. V. Vozmozhnost' i perspektivy etnopsikholingvisticheskogo issledovaniya konflikta // Voprosy psikholingvistiki. 2015. № 4. S. 12—20.
2. Leontovich O. A. Rossiya i SShA: vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu. — Volgograd : Peremena, 2003. 399 s.
3. Markovina I. Yu., Sorokin Yu. A. Kul'tura i tekst: vvedenie v lakunologiyu. — M. : GEOTAR-Media, 2010. 138 s.
4. Murzin L. N., Shtern A. S. Tekst i ego vospriyatie. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 44.
5. Tarasov E. F. Metodologicheskie problemy yazykovogo soznaniya // Tezisy IX Vsesoyuz. simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. — M., 1988. S. 176—177.
6. Ufimtseva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. — M. : Nauka, 1996. S. 139—162.

6. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М. : Наука, 1996. С. 139—162.

7. Чжан Жуньмэй. Этнокультурные стереотипы в условиях межязыковой/межкультурной лакунарности // Жизнь языка в культуре и социуме — 6. — 2017. С. 169.

8. David G. Myers. Social psychological. Hope college. — Holland, Michigan : Connect Learn Succeed, 2010. P. 103.

9. URL: <http://wenda.so.com/q/1398015335066421> (date of access: 09.08.2017).

10. Zhihu (知乎) : интернет-форум. URL: <https://www.zhihu.com/question/55413696> (дата обращения: 09.08.2017).

11. Xinglang (新浪). «Weibo». URL: <http://heller10.blog.sohu.com/321989402.html> (date of access: 09.08.2017).

12. Baidu zhidao (百度知道). URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1307908777895496379.html> (date of access: 09.08.2017).

13. Fenghuang jiu ye (凤凰酒业). URL: http://jiu.ifeng.com/a/20151222/41527627_0.shtml (date of access: 09.08.2017).

14. Baidu zhidao (百度知道). URL: <https://zhidao.baidu.com/question/323655660.html> (date of access: 09.08.2017).

15. Baidu tieba (百度贴吧). URL: <http://tieba.baidu.com/p/5248345980> (date of access: 09.08.2017).

7. Chzhan Zhun'mey. Etnokul'turnye stereotipy v usloviyakh mezh'yazykovoy/mezhkul'turnoy lakunarnosti // Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume — 6. — 2017. S. 169.

8. David G. Myers. Social psychological. Hope college. — Holland, Michigan : Connect Learn Succeed, 2010. P. 103.

9. URL: <http://wenda.so.com/q/1398015335066421> (date of access: 09.08.2017).

10. Zhihu : internet-forum. URL: <https://www.zhihu.com/question/55413696> (data obrashcheniya: 09.08.2017).

11. Xinglang. «Weibo». URL: <http://heller10.blog.sohu.com/321989402.html> (date of access: 09.08.2017).

12. Baidu zhidao. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1307908777895496379.html> (date of access: 09.08.2017).

13. Fenghuang jiu ye. URL: http://jiu.ifeng.com/a/20151222/41527627_0.shtml (date of access: 09.08.2017).

14. Baidu zhidao. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/323655660.html> (date of access: 09.08.2017).

15. Baidu tieba. URL: <http://tieba.baidu.com/p/5248345980> (date of access: 09.08.2017).

Чэнь Хун
Далянь, Китай

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В современной политической коммуникации часто встречаются метафоры, что объясняется их особенностями: метафора — одно из наиболее действенных языковых средств выражения мысли и даже манипулирования общественным мнением. Однако новые политические метафоры в языке российской политики начала XXI в. являются малоизученными. В статье рассматриваются функции метафоры в политической коммуникации. Методология основана на пересечении подходов политической лингвистики и социологии. Сначала систематизируются направления изучения метафоры и политической метафоры в политической лингвистике некоторых стран Европы, в США, в Китае и в России. Затем на основе авторского эмпирического исследования с использованием социологического подхода и инструментария, охватывающего 418 метафор из 30 текстов, представляющих собой выступления политиков, а также журнальные и газетные статьи авторитетных журналистов, ученых, религиозных и общественных деятелей, раскрывающие общественно-политический контекст, анализируется структура политической метафоры в российском политическом языке начала XXI века. Подобные исследования позволяют лучше понимать как российскую политику и политическую культуру, так и связанные с их воздействием актуальные тенденции развития русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политические метафоры; политическая метафорология; русский язык; политическая коммуникация; эмпирические исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чэнь Хун, аспирант Центра исследования Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков; 116044, КНР, г. Далянь, пр. Люйшунь Наньлу, западный квартал, 6; e-mail: douduoc_369@163.com.

Постановка проблемы

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из примеров этого стала политическая лингвистика, новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и политической социологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии, эмпирической социологии и других гуманитарных и социальных наук. Как самостоятельная дисциплина, российская политическая лингвистика сформировала собственную дисциплинарную структуру и научные жанры. За два десятилетия в России растет интерес к политической лингвистике, появились монографии, учебники и научные журналы по этой дисциплине, возникла Екатеринбургская, Волгоградская, Санкт-Петербургская, Московская школа и другие научные школы. В российской лингвистике уделяется большое внимание метафоричности языка в целом, метафоре как средству реализации властных отношений и политических интересов, технике политического манипулирования, анализу функций метафоры в политических понятиях и терминах, советскому дискурсу, традициям политической коммуникации элиты и общества, жанрам политических выступлений и текстов и многим другим аспектам политического языка [Лу 2016: 41].

Изучение политической метафоры является одним из быстро развивающихся направлений политической лингвистики в России, Китае и в других странах, потому что метафора — важный инструмент влияния на общественное мнение. Использование ме-

тафор в политическом дискурсе нередко оказывается для политического деятеля удачным способом «выразить многое, сказав немного».

С тех пор, как в 1994 г. в России был издан словарь политических метафор [Баранов, Караулов 1994], подобных книг больше не издавалось ни в России, ни за ее пределами. Между тем в стране уже сменилось поколение политической элиты, поменялась политическая жизнь и политический язык. Поэтому современный русский политический язык, его метафоры оказались практически неизученными. Возникает необходимость описать метафоры современного русского политического языка в структурном и содержательном аспектах.

1. Определения политического языка, политического дискурса и общественно-политической коммуникации в рамках политической лингвистики

Некоторые специалисты считают, что политическая коммуникация — это любая коммуникация, так или иначе связанная с политикой. Другие подчеркивают, что субъектами политической коммуникации являются политические деятели [Чудинов 2012: 53—59].

Мы придерживаемся более широкого понимания, согласно которому политическая коммуникация — это коммуникация, связанная с политикой, включающая выступление автора (адресанта), политическое сообщение (текст, речь) и адресата, т. е. получателя политического текста или выступления — прежде всего это аудитория средств массовой коммуникации.

Исследование политического дискурса началось в 1980-е гг., но до сих пор не разработано устраивающего всех определения

этого понятия и непротиворечивой теории. «Добрый видит добро, мудрый — мудрость» — у каждого специалиста свой подход, свой взгляд. Европейские ученые, как правило, считают, что политический дискурс входит в стиль политического поведения лидеров, связан с политическим влиянием [Вэнь 2014: 12]. Китайские ученые считают, что политический язык (язык политики) является элементом политического дискурса. Изучая политический язык с разных точек зрения, при некоторых различиях в трактовке политического языка китайские специалисты считают, что ему присущи три характеристики [Тянь 2014: 24].

1. Целенаправленность.

Сущность политической деятельности предполагает, что политическому языку необходима целенаправленность. Политика является выражением власти: если язык сопровождает реализацию властных полномочий, то он является политической силой, его использование — политическим действием. Политический язык не так эстетичен, как художественный язык, не так точен, как деловой язык, направлен на достижение четких целей.

2. Публичность.

Кроме выступлений политиков в широком смысле, к участникам политической коммуникации и деятельности относится множество других лиц, связанных с политическими событиями и мероприятиями. Политический язык также охватывает язык их сообщений.

3. Жанровое разнообразие.

К политическому языку относятся произведения многих жанров: выступления политиков, ответы на вопросы репортеров, декларации политических партий, лозунги, рекламные материалы и выступления журналистов на политические темы, транслируемые посредством СМИ.

С учетом вышеизложенного политический дискурс — это использование участниками политической коммуникации речи, продуцирование текстов для поддержания порядка, формирования и задействования властных отношений, влияния на общественное мнение и для других целей. Политический дискурс реализуется через политическое выступление, политическое интервью, законодательные акты, официальные документы, редакционные статьи и пресс-конференции, новостные сообщения СМИ, политические колонки в газетах и т. д., в него входят различные типы слов и выражений.

Таким образом, мы считаем, что политическая коммуникация — это коммуникация, связанная с политикой, в том числе вы-

ступления авторов политических текстов и реакция адресатов на них. Политический дискурс является важным фактором осуществления политической коммуникации. Он возникает, когда политические деятели обращаются для достижения своих коммуникативных целей к отправке публичного сообщения, управлению общественным мнением и др. Политический дискурс охватывает публичное политическое выступление, политическое интервью, обсуждение законодательных вопросов в СМИ, редакционные статьи и пресс-конференции, политические новости, официальные документы и многое другое. В него входят различные типы слов и выражений. Политический дискурс задействует три характеристики политического языка: целенаправленность, публичность выступлений участников и жанровое разнообразие.

Определив содержание понятий политической коммуникации и дискурса, перейдем к рассмотрению роли метафоры в соответствующих феноменах. Начнем с обобщения исследовательского опыта.

2. История изучения метафоры

Еще в 300 г. до н. э. Аристотель в трудах по поэтике и риторике неоднократно подчеркивал роль метафоры и описывал ее речевые функции. Аристотель считал, что метафора — это языковое средство, состоящее в использовании одного слова вместо другого слова, чтобы образно выразить тот же смысл.

С 1930-х гг. до начала 1970-х гг. исследование метафоры сосредоточивалось в основном на рассмотрении ее семантических особенностей с позиций логики, философии и лингвистики.

С 1970-х гг. до настоящего времени исследования метафоры осуществляются с позиций мультидисциплинарного подхода, в том числе в рамках когнитивной психологии, философии, прагматики, семиотики, феноменологии и с точки зрения других наук. В своей книге «Метафоры, которыми мы живем» представители когнитивной лингвистики Джордж Лакофф и Марк Джонсон пишут: «Суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах другого вида» [Лакофф 2004: 27]. Они считают, что метафора служит и оформлению мысли, и передаче смысла, помогая при его восприятии.

В Китае еще в 1980-е гг. теория метафоры была не так разработана, как в Европе. Исследование метафор сводилось к изучению основных понятий и терминов и сравнительному анализу стилей речи. В конце 1990-х гг. у китайских лингвистов повысился интерес к изучению метафор. В своей рабо-

те «Введение в теорию семиотики» [Ли 2007] Ли Ючжэн ознакомил китайских специалистов с исследованиями метафор французского философа Поля Рикёра и понятием традиционной метафоры. Лингвист Гэн Чжаньчунь в книге «Метафора» [Гэн 2007] подробно описал воззрения на метафору в философии и поэтике. Исследователь Шу Динфан в книге «Изучение метафоры» [Шу 2000] проанализировал причины и цель использования метафоры, характер и особенности функционирования метафоры в языке и коммуникации.

В начале XXI в. человек столкнулся с новыми вызовами и явлениями. Для осмысления новых проблем часто используются метафоры, потому что всегда нужно опираться на что-то привычное, чтобы понять и охватить неизвестное. У китайских ученых повысился интерес к комплексным исследованиям политической метафоры. Они осуществляются по следующим направлениям: 1) функции метафоры в политическом дискурсе; 2) концептуальные метафоры в политическом дискурсе; 3) анализ концептуальной метафоры в контексте теории перевода и фрейминга; 4) изучение мультимодальной метафоры; 5) теория грамматической метафоры, разработанная М. А. К. Халлидеем [Halliday 1989: 51—118], и теория концептуальной метафоры, которые взаимодействуют и дополняют друг друга; 6) критический анализ метафор.

Хотя интерес китайских ученых к комплексным исследованиям политической метафоры и повысился, заметно, что в их работах основное внимание уделяется изучению англоязычной традиции, а работ, посвященных анализу метафоры в русском политическом дискурсе, с нашей точки зрения, очень мало.

В последние два десятилетия в России также появилось множество трудов, посвященных изучению метафоры в различных видах текстов. Большинство работ касается метафоры в художественном тексте, которая рассматривается в когнитивном, сопоставительном, переводоведческом и других аспектах. Можно назвать работы, изданные в 1988—2017 гг., Н. А. Кожевниковой, Л. О. Чернейко, Б. П. Иванюка, В. М. Жирмунского, О. А. Макаровой, Н. И. Маругиной, Л. В. Калашниковой, А. Н. Баранова, Н. В. Головенкиной, Е. В. Шустровой, В. К. Харченко, Лай Инчуань, О. В. Тимофеевой, Т. В. Лапутиной, И. А. Ярощука, М. А. Заниной, И. В. Щуровой, М. В. Конториной, Н. З. Кольцова, Т. Е. Логачева, А. Ю. Большой и др.

Встречаются исследования метафоры в научном тексте в когнитивном, прагматическом и других аспектах; упомянем таких ав-

торов, как Т. А. Дубовая, А. Ю. Фетисов, М. А. Бурмистрова, М. А. Никитина, Л. О. Чернейко, А. В. Карташова, М. А. Занина, Т. Рыбакова, В. Н. Пестерев, М. Б. Антонова, Т. Г. Стул, Е. В. Мальчикова и др. (публикации 1997—2017 гг.).

С точки зрения прагматики, когнитивной теории метафоры и других аспектов проводились исследования, касающиеся политической проблематики. Их авторами являются А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов, Ем Су Чжин, Э. В. Будаев, В. В. Лапшина, А. П. Сковородников, Г. А. Копнина, О. Г. Ананченко, Ю. Н. Кириллова, О. С. Кузоятова, Е. А. Семко, Л. В. Щукина, Е. В. Ковалевская, А. В. Цыганкова, Л. В. Балашова и др. (публикации 1997—2017 гг.).

Это свидетельствует о том, что метафоры постоянно используются в текстах различных жанров и стилей и представляют собой большой интерес для исследования. Как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, «рост теоретического интереса к метафоре был стимулирован увеличением ее присутствия в различных видах текстов, начиная с поэтической речи и публицистики и кончая языками разных отраслей научного знания» [Арутюнова 1990: 1].

Кроме упомянутых выше трудов, появились и работы, посвященные изучению функционирования метафоры в ситуациях повседневного речевого общения (С. В. Агеев, В. К. Харченко, А. Б. Максимова и другие, 2002—2012 гг. и позже).

Таким образом, российские ученые исследуют метафоры в разных аспектах, причем работ о метафоре в политической коммуникации не так много. С нашей точки зрения, этот пробел необходимо восполнить.

3. Структурные особенности современной российской политической метафоры

Напомним, что политическая метафора — это метафора, связанная по смыслу с политикой и властью. Если общеречевые метафоры используются в политическом дискурсе, то мы также относим их к политическим метафорам. Поэтому политическая метафора в значительной степени отражает этническое самосознание, этнические стереотипы и ценности, национальную картину мира, а также политическую культуру общества. В политической коммуникации метафора является важным средством понимания и объяснения мира и политического устройства общества, она может эффективно использоваться для управления общественным мнением.

В России, как и в современном мире в целом, политическая ситуация меняется быстро, что отражается при описании этих изменений в политическом дискурсе и в политической метафоре. Для того чтобы выявить роль и структурные особенности метафоры в составе политического дискурса российской политической элиты начала XXI в., мы провели эмпирическое исследование, сочетающее рассмотрение метафор в количественно-статистическом аспекте с анализом их семантических особенностей в конкретных контекстах. Объектом исследования стали авторитетные политические материалы, отражающие дискурс политической элиты: послания, выступления Президента РФ, Председателя Правительства РФ, депутатов Госдумы, лидеров политических партий, материалы СМИ. Источниками проанализированных материалов, в том числе стенограмм, являются сайты Президента РФ (*kremlin.ru*), Госдумы (*duma.ru*), сайты политических партий. Аналитические статьи и выступления политической и интеллектуальной элиты среднего уровня (политики, журналисты, писатели, ученые) были взяты из влиятельных изданий: журнала «Огонек», газеты «Аргументы и факты» и газеты «Известия» за 2000—2017 гг. Данные издания влияют на политические взгляды среднего класса, который, наряду с просмотром ТВ и изучением материалов сети Интернет, читает печатные издания. Мы использовали целевую выборку, запланировав собрать 400—500 метафорических единиц для анализа, так как при таком числе метафор уже можно говорить о статистически значимых закономерностях. В 30 обработанных текстах политиков было выявлено 418 метафор, что представляется достаточным для количественных выкладок относительно структуры современной российской политической метафоры. (Известно, что есть и другие подходы к составлению выборки: сплошная или целенаправленная выборка с указанием количества страниц. Например, в автореферате диссертации М. Р. Желтухиной сообщается, что было просмотрено 32 579 страниц текстов. Приниматься во внимание может и количество текстов: Т. С. Вершинина проанализировала 348 текстов, А. А. Каслова — 950, Р. Д. Керимов — 800, Н. А. Красильникова — 200, А. Б. Ряпосова — 1000, Т. Б. Соколовская — 141, О. А. Солопова — 847, А. М. Стрельников — 827, Н. М. Чудакова — 1000, О. А. Шаова — 1743, Н. Г. Шехтман —

820 текстов. Некоторые исследователи указывают количество проанализированных метафор: Э. В. Будаев — 5600, Э. В. Ерилова — 3110, Э. В. Каслова — 4120, Э. В. Колотина — более 2000, Э. В. Красильникова — 1500, Э. В. Никонова — 5000, Э. В. Стрельников — 3042, Э. В. Чудакова — 2300. Объем материала может быть выражен и количеством рассмотренных слов: например, в исследовании Д. Берхо [Berho 2000] проанализировано 98 995 слов [Будаев 2008: 50].).

Была разработана анкета, содержащая вопросы о метафоре политического языка в целом и об общих структурных особенностях политических метафор, в том числе такие:

1. Является ли метафора политической (в ней говорится о власти) или общеречевой?
2. К какому литературному типу относится метафора?
3. К какому семантическому разряду относится метафора (антропоморфная метафора — человек, часть его тела; природоморфная — погода, климат, недра земли, вода; зооморфная — животные и птицы; растительная метафора — «корень зла», «искусственное выращивание», «цветы жизни» и т. д.)?
4. С какими направлениями политики связана метафора (внутренняя, внешняя политика, международные отношения, молодежная политика)?
5. С каким историческим событием она связана (охвачены только события начиная с 2000 г., когда РФ вышла из глубокого экономического и политического кризиса и начался период относительной стабильности)?
6. С какими политическими ценностями связана метафора (консервативные ценности — «Единая Россия», советские ценности — КПРФ, русские национально-государственные ценности — ЛДПР, социальная справедливость — «Справедливая Россия»). Были и другие вопросы.

Полученный массив данных позволяет выполнить многомерный анализ связи метафоры и политической метафоры не только с тематическим контекстом, но и со статусными характеристиками участников коммуникации, затронуть другие связи языка и политической реальности. Ниже мы ограничимся изложением лишь структурных особенностей современной российской политической метафоры.

Благодаря анализу данных с помощью пакета статистических программ SPSS были установлены характеристики метафоры в российском политическом дискурсе, обобщенные в табл. 1.

Таблица 1. Соотношение политических и общеречевых метафор

Вид метафоры	Частота	Процент
Политическая (о политике и о власти)	50	12,0
Общеречевая	368	88,0
Итого	418	100,0

Таблица 2. Соотношение обычных и расширенных метафор

Литературный тип метафоры	Частота	Процент
Обычная	400	95,7
Расширенная	18	4,3
Итого	418	100,0

Таблица 3. Распределение метафор по семантическим разрядам

Семантический разряд метафор	Частота	Процент
Антропоморфная	83	19,9
Техническая	66	15,8
Военная	45	10,8
Спортивная	42	10
Экономическая	32	7,7
Природоморфная	30	7,2
Зооморфная	28	6,7
Растительная	20	4,8
Пищевая	11	2,6
Социоморфная	9	2,2
Артефактная	9	2,2
Пространственная	8	1,9
Медицинская (большое общество)	4	1
Другое	31	7,4
Итого	418	100

Как видно из табл. 1, в российском политическом языке используются в основном общеречевые метафоры, составляющие 88 % их общего числа. Чисто политические метафоры, посвященные власти, составили лишь 12 %. Заметим, что общеречевая метафора, даже не содержащая образа власти, обладает сильной убедительностью, способствует укреплению чувства единства между отправителем и получателем, облегчает восприятие чужого политического мнения массовой аудиторией.

Согласно табл. 2, преобладают обычные метафоры (почти 96 %), расширенных очень мало. Руководствуясь мудростью «краткость — сестра таланта», политические деятели стремятся использовать обычную метафору, чтобы достигнуть цели «выразить многое, сказав немногое», охватив всех, а не только увлеченных политикой.

Напомним что, в 2001 г. А. П. Чудинов в книге «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)» выделил четыре вида политической метафоры: антропоморфную, природоморфную, социоморф-

ную и артефактную метафору. В 2015 г. Т. В. Кортова в книге «Русский язык и культура речи» [Кортова 2015: 242] обобщила пять семантических разрядов политических метафор: антропоморфную, природоморфную, социоморфную, зооморфную и артефактную метафору.

В процессе нашего исследования мы заметили еще несколько активно используемых семантических разрядов метафор, которые, как считаем, заслуживают изучения (см. табл. 3). Поэтому мы задали 13 семантических разрядов для их анализа. Анализ выявил, что самыми частотными метафорами являются антропоморфные, затем идет техническая метафора, что говорит о связи политической элиты и политического языка с реалиями индустриального общества, в котором выросло большинство специалистов и тех, кто сегодня в РФ находится у власти. Значительное количество военных и спортивных метафор отражает не только конфликтность российской политики, но и предметы национальной гордости общества. Наименее частотными метафорами являются медицинские и пространственные.

Примеры метафор разных семантических разрядов согласно табл. 3 (метафоры выделены подчеркиванием).

1. Антропоморфная метафора: *Мы хорошо помним, кто и как в тот период практически в открытую поддерживал у нас сепаратизм и даже прямой террор, называл убийц, у которых **руки были по локоть в крови**, не иначе как повстанцами, принимал их на самом высоком уровне* [Послание 2014].

2. Техническая метафора: *Вы упомянули о нашем взаимодействии с Председателем Китайской Народной Республики. Это действительно так. Наша с ним работа, работа на нашем уровне, конечно, является определенным **драйвером** наших отношений, подталкивает* [Интервью 2016].

3. Военная метафора: *Понимая всю остроту этой проблемы, мы не должны повторять ошибок Советского Союза, ошибок эпохи **„холодной войны“** — ни в политике, ни в оборонной стратегии* [Послание 2006].

4. Спортивная метафора: *Для дипломата, прежде всего, необходимо понимать свой народ. Это уж точно. Иначе ты будешь **„плавать“** в своей профессии* [Выступление 2016].

При изучении связи метафоры с направлениями и видами политики, затронутыми выступающим, оказалось, что метафора в российском политическом дискурсе используется в связи с четырьмя политиче-

скими направлениями и темами: 1) внешняя политика и международные отношения; 2) экономика и финансы; 3) партии, выборы; 4) внутренняя политика. На эти темы приходится более ¾ всех метафор в политических посланиях.

Примеры метафор.

1. Экономика и финансы: *Значительная часть российской экономики до сих пор **„в тени“*** [Послание 2000].

2. Внешняя политика и международные отношения: *Под международный контроль поставлены химические арсеналы Сирии. Их ликвидация — **важный шаг** в укреплении режимов нераспространения оружия массового уничтожения* [Послание 2013].

3. Партии, выборы: *Сегодня проходит XV съезд **„Единой России“**, столько же лет и самой партии. В принципе, не много, даже мало для серьезной, мощной политической силы. Но за это время она смогла стать самой массовой и самой влиятельной, и это **доверие завоевано огромными усилиями**, его важно не потерять* [Выступление 2000].

4. Внешняя политика и международные отношения: *Активно продвигать деловые и гуманитарные контакты, научные, образовательные, культурные связи. И делать это даже в тех случаях, когда правительства некоторых стран пытаются выстроить вокруг России чуть ли не новый **„железный занавес“*** [Послание 2014].

Таблица 4. Связь метафоры с тематикой политического выступления

Темы	Частота	Процент
Внешняя политика, международные отношения	107	25,6
Экономика, финансы, банки	91	21,8
Партии, выборы	66	15,8
Внутренняя политика	55	13,2
Культура, театр, кино, книги	22	5,3
Законы, законы о политике	12	2,9
Национальная оборона, безопасность	12	2,9
ИТ, компьютеры, ПО, игры	7	1,7
Профессиональный спорт	6	1,4
Пенсии, пособия, социальная политика	5	1,2
Нефть, газ, природные ресурсы	5	1,2
Журналисты, СМИ, сайты	5	1,2
Дети, молодежь	4	1
Трудовые отношения	4	1
Медицина, аптеки, лекарства	3	0,7
Транспорт	2	0,5
Образование, школы, студенты, трудоустройство	1	0,2
Невозможно указать точно	11	2,6
Итого	418	100,0

Таблица 5. Связь с историческими событиями

События	Частота	Процент
2011. Выборы в ГД	9	2,2
2014. Референдум в Крыму	10	2,4
2016. Выборы в ГД	20	4,8
Другое	379	90,7
Итого	418	100,0

Таблица 6. Связь метафор с политическими ценностями

Ценности	Частота	Процент
Консервативные ценности (правящая элита)	310	74,2
Советские ценности (КПРФ)	58	13,9
Русские нац.-гос. ценности (ЛДПР)	15	3,6
Другое/невозможно определить	35	8,4
Итого	418	100

5. Экономика и финансы: *Мы видим, как стремительно в последние десятилетия продвигается вперед Азиатско-Тихоокеанский регион. Россия, как тихоокеанская держава, будет всесторонне использовать этот громадный потенциал. Хорошо известны и лидеры, локомотивы глобального экономического развития. Среди них немало наших искренних друзей и стратегических партнеров* [Послание 2014].

Русская политическая метафора слабо связана с определенными историческими событиями (табл. 5). В 91 % случаев такую связь невозможно четко указать. Метафоры выполняют роль выразительного средства в речевом высказывании, а не служат для обозначения исторических событий. В случае нашего исследования лишь 9 % метафор оказались прямо связаны с выборами и с возвращением Крыма в состав РФ в 2014 г.

Судя по табл. 6, в русской политической метафоре явно лидируют консервативные ценности. Это неудивительно, ведь с 2013 г. политический консерватизм активно используется российской правящей элитой в диалоге с обществом. Еще раньше, в 1991 г., неоконсервативная теория в виде неолиберализма, т. е. экономические ценности консерватизма, были взяты на вооружение при

проведении экономической реформы в форме «шоковой терапии». Теперь, несмотря на неприятие обществом «шоковой терапии», с 2000 г. при укреплении государственности используются не только экономические, но и общественно-политические ценности консерватизма (патриотизм, традиции, своя история, семья). Таким образом, консерватизм усвоен в полном объеме. Современный политический язык России вместе с его метафорами передает обществу целостные консервативные установки, как это ни странно, обеспечивая тем самым ценностное единство России и с большинством развитых стран мира.

Примеры метафор, используемых для обеспечения связи политического текста с историческими событиями:

1. **Главное — не допустить развала страны. А если так будет продолжаться, как сегодня, развал неизбежен** [Выступление 2016].

2. **Пятая колонна продолжает гнать мутную воду русофобии и антисоветизма** [Доклад 2016].

3. **Залог успешной борьбы со многими ошибками властей, и в первую очередь с повсеместной коррупцией** [Жириновский 2012: 6—9].

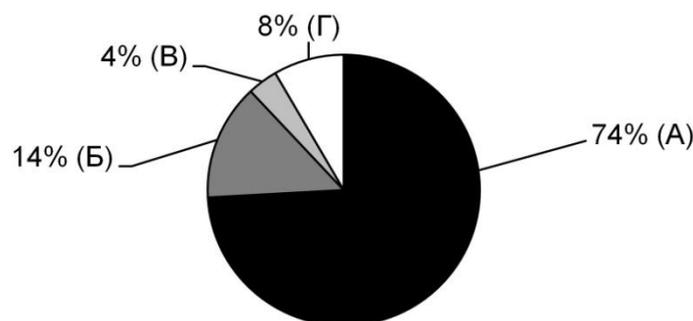

Рис. Связь метафор с политическими ценностями. Обозначения: А) консерватизм; Б) советские ценности; В) русские национальные ценности; Г) другое / невозможно определить

4. Выводы

В России изучение политической метафоры давно стало одним из важных направлений специальных и междисциплинарных исследований политического языка, но метафоры современного русского политического языка, использующиеся в начале XXI в., после смены общественно-политической системы, оказались практически неизученными. Китайские ученые проявляют большой интерес к комплексным исследованиям политической метафоры, но в их работах основное внимание уделяется англоязычной исследовательской традиции (таких трудов большинство), а работ, посвященных анализу русского дискурса, с нашей точки зрения, недостаточно. Возникла необходимость восполнить этот пробел, используя достижения англоязычной, российской, китайской научной традиции, чтобы описать метафорическое содержание и структуру русского политического языка.

Попытку сделать это мы предприняли в данной статье, рассмотрев определения политического языка, политического дискурса и политической коммуникации, систематизировав подходы к рассмотрению метафоры и политической метафоры, а также полученные достижения, в политической лингвистике некоторых стран Европы, в Китае и в России. С учетом этого мы проанализировали структуру российской политической метафоры в начале XXI в. (2000—2017) с использованием политологического и социологического подходов при анализе метафорических контекстов.

Статистическая обработка данных выявила, что 1) общеречевая метафора в политической коммуникации гораздо более частотна, чем политическая метафора в узком смысле этого термина (связанная с представлениями о власти). Обычная метафора распространена гораздо больше, чем расширенная; 2) самыми частотными метафорами являются антропоморфные, затем идет техническая метафора, что говорит о связи русского политического языка с реалиями индустриального общества, в котором выросло большинство политиков и населения. Значительное количество военных и спортивных метафор отражает конфликтность политики и гордость общества за свою историю; 3) российская политическая метафорика тесно связана с четырьмя политическими темами: внешняя политика и международные отношения; экономика и финансы; партии и выборы и внутренняя политика; 4) в ней ведущее место занимают консервативные ценности — это новое явление в российской политике и в политическом языке.

ке. Политический язык передает обществу через метафоры ценности консерватизма. Тем самым обеспечивается ценностное единство России и с большинством развитых стран мира. Несомненно, что изучение российской политической метафоры в начале XXI в. не только полезно для понимания дискурса политических деятелей и ориентации в российском политическом пространстве в новом периоде истории, но и принесет большую пользу в межкультурном общении с гражданами России, будет способствовать сокращению барьеров в политической и общественной коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. Выступление В. В. Путина на XV съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия». 2016. 27 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52279>. (дата обращения: 28.07.2016).
2. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме», Владимирская область. 2016. 22 июля. URL: <https://gov-news.ru>. (дата обращения: 20.10.2016).
3. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на XVI Съезде партии. 2016. 25 июня. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/> (дата обращения: 01.08.2016).
4. Интервью Президента РФ китайскому информационному агентству «Синьхуа». 2016. 23 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52204> (дата обращения: 05.07.2016).
5. Пленарное заседание Санкт-Петербургского международного экономического форума. 2016. 17 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 27.06.2016).
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 2000. 8 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22480> (дата обращения: 11.10.2016).
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 2006. 10 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/president/news/35527> (дата обращения: 11.05.2016).
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 2013. 12 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 02.11.2016).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 2014. 4 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 07.10.2015).

ЛИТЕРАТУРА

10. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990.
11. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994.
12. Будаев Э. В. [и др.]. Метафора в политической коммуникации. — М.: Флинта: Наука, 2008.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
14. Жириновский В. В. ЛДПР всегда в центре, а значит реальная демократия в России неизбежна // За русский народ: обществ.-полит. журн. ЛДПР. 2012. № 4.
15. Кортава Т. В. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. — М.: Москов. отд-ние изд-ва «Учитель», 2015.
16. Цыганкова А. В., Чудинов А. П. Современная школа в зеркале метафор // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. — СПб., 2016. Вып. 10.
17. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. — М., 2012. Вып. 2.
18. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. — М.: Флинта: Наука, 2006.

19. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — М. ; Екатеринбург, 2001.

20. Halliday M. A. K., Hassan R. Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1989.

21. 文旭. 政治话语与政治隐喻. 当代外语研究. 2014. № 9. = Вэнь Сюнь. Политический дискурс и политическая метафора // Исследование современных иностранных языков. 2014. № 9.

22. 耿占春. 隐喻. 开封: 河南大学出版社, 2007. = Гэн Чжаньчунь. Метафора. — Кайфэн : Изд-во Хэнаньского ун-та, 2007.

23. 李幼蒸. 理论符号学导论. 北京: 中国人民大学出版社, 2007. = Ли Ючжэн. Введение в теорию семиотики. — Пекин : Изд-во Китайского ун-та «Жэньминь». 2007.

24. 卢婷婷. 俄罗斯政治语言学的主要论题及其特点. 外语学刊, 2016. № 5. = Лу Тинтин. Главные темы и особенности российской политической лингвистики // Языкознание и иностранные языки. 2016. № 5.

25. 田海龙. 政治语言研究: 评述与思考. 外语教学, 2002. № 1. = Тянь Хайлон. Изучение политического языка: обзор и размышление // Обучение иностранным языкам. 2002. № 1.

26. 束定芳著. 隐喻学研究. 上海, 上海外语教育出版社, 2002. = Шу Динфан. Инъюйсюэ яньцзю (Изучение метафоры). — Шанхай : Изд-во «Шанхай Вайюй цзяюй», 2002.

Chen Hong

Dalian, China

STRUCTURAL SPECIFICS OF RUSSIAN POLITICAL METAPHOR OF EARLY XXI CENTURY (BASED ON EMPIRIC SURVEY OF SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION)

ABSTRACT. *Present-day political communication is full of metaphors, as metaphor itself is one of the most effective language means of expressing ideas and even manipulating popular opinion. However, new political metaphors within Russian political language of early XXI century are still underresearched. The article describes the functions of political metaphor within the framework of both sociology and political linguistics. After systematically streamlining the ways of researching political metaphor and metaphor in general in the US, China, Russia and some European countries, we analyzed the structure of political metaphor in Russian political language in the early XXI century. The analysis was based on the author's empiric survey, comprised of 418 context-revealing metaphors from 30 texts (including political speeches, magazine and newspaper articles of renowned media persons, experts, social and religious activists), utilizing elements of sociological research means. The goal of the survey was better understanding of Russian politics and political culture, as well as modern state of the Russian language influenced by the former two factors.*

KEYWORDS: *political discourse; political metaphors; Russian; political communication; empiric research.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chen Hong, Post-graduate Student of North-Eastern Asia Research Center of Dalin Foreign Languages University; Dalian, China.*

REFERENCES

1. Vystuplenie V. V. Putina na XV s"ezde Vserossiyskoy politicheskoy partii «Edinaya Rossiya». 2016. 27 iyunya. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52279>. (data obrashcheniya: 28.07.2016).

2. Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v ramkakh Vserossiyskogo molodezhnogo obrazovatel'nogo foruma «Territoriya smyslov na Klyaz'me», Vladimirskaya oblast'. 2016. 22 iyulya. URL: <https://gov-news.ru>. (data obrashcheniya: 20.10.2016).

3. Doklad Predsedatelya TsK KPRF G. A. Zyuganova na XVI S"ezde partii. 2016. 25 iyunya. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/> (data obrashcheniya: 01.08.2016).

4. Interv'yu Prezidenta RF kitayskomu informatsionnomu agentstvu «Sin'khua». 2016. 23 iyunya. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52204> (data obrashcheniya: 05.07.2016).

5. Plenarnoe zasedanie Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 2016. 17 iyunya. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (data obrashcheniya: 27.06.2016).

6. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF. 2000. 8 iyulya. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22480> (data obrashcheniya: 11.10.2016).

7. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF. 2006. 10 maya. URL: <http://www.kremlin.ru/president/news/35527> (data obrashcheniya: 11.05.2016).

8. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF. 2013. 12 dek. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (data obrashcheniya: 02.11.2016).

9. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF. 2014. 4 dek. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (data obrashcheniya: 07.10.2015).

10. Arutyunova N. D. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М. : Progress, 1990.

11. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — М. : Pomovskiy i partnery, 1994.

12. Budaev E. V. [i dr.]. Метафора в политической коммуникации. — М. : Flinta : Nauka, 2008.

13. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Метафоры, которыми мы живем / per. s angl. A. N. Baranova i A. V. Morozovoy. — М. : Editorial URSS, 2004.

14. Zhirinovskiy V. V. LDPR vseгда v tsentre, a znachit real'naya demokratiya v Rossii neizbezhna // Za russkiy narod : obshchestv.-polit. zhurn. LDPR. 2012. № 4.

15. Kortava T. V. Russkiy yazyk i kul'tura rechi : ucheb. posobie. — М. : Moskov. otd-nie izd-va «Uchitel'», 2015.

16. Tsygankova A. V., Chudinov A. P. Sovremennaya shkola v zerkale metafor // Lingvokultura i kontseptual'noe prostranstvo yazyka. — SPb., 2016. Vyp. 10.

17. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. — М., 2012. Vyp. 2.

18. Chudinov A. P. Politicheskaya kommunikatsiya. — М. : Flinta : Nauka, 2006.

19. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kog-nitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991—2000). — М. ; Ekaterinburg, 2001.

20. Halliday M. A. K., Hassan R. Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1989.

21. Ven' Syun'. Politicheskii diskurs i politicheskaya metafora // Issledovanie sovremennykh inostrannykh yazykov. 2014. № 9.

22. Gen Chzhan'chun'. Метафора. — Kayfen : Изд-во Khe-nan'skogo un-ta, 2007.

23. Li Yuchzhen. Vvedenie v teoriyu semiotiki. — Pekin : Изд-во Kitayskogo un-ta «Zhen'min'». 2007.

24. Lu Tintin. Glavnye темы i osobennosti rossiyskoy politicheskoy lingvistiki // Yazykoznanie i inostrannye yazyki. 2016. № 5.

25. Tyan' Khaylon. Izuchenie politicheskogo yazyka: obzor i razmyshlenie // Obuchenie inostrannym yazykam. 2002. № 1.

26. Shu Dinfan. In'yuysyue yan'tszyu (Izuchenie metafor). — Shankhay : Изд-во «Shankhay Vayuyy tszyaoyuy», 2002.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'25: 811.581'25
ББК ШП41.12-8+ШП71.1-8

ГСНТИ 16.31.41

Код ВАК 10.02.20

Т. А. Волкова
Челябинск, Россия

МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ. Целью работы является краткий сравнительный анализ концепций российского и китайского переводоведения на материале статей, диссертационных исследований, учебников и учебных пособий. Моделям и стратегиям перевода в российской и китайской традициях уделяется особое внимание. Современное российское переводоведение демонстрирует интерес к моделированию перевода с различных позиций в русле изменения парадигмы — от лингвистической к коммуникативной, от структурной к деятельностной. Стратегия перевода трактуется как программа, план, алгоритм, совокупность переводческих решений, способ, установка; умение (компетенция) переводчика; когнитивный механизм. Тематика исследований по вопросам перевода в Китае охватывает историю и традиции перевода; межкультурную коммуникацию и перевод; теории и направления изучения перевода; виды перевода, проблемы перевода, виды перевода, типы переводимых текстов. В моделировании перевода отмечены две основные тенденции: доминирующее положение лингвистической теории перевода и интерес китайских и зарубежных ученых к изучению перевода на материале китайского языка в сопоставлении с другими языками на фоне подъема теории перевода в Китае и стремления к междисциплинарности. Стратегии перевода трактуются как способы (методы) перевода; способы (методы) и проблемы перевода; способы (методы) и принципы перевода; принципы перевода и установки переводчика. Результаты исследования лежат на стыке китаеведения, теории и практики перевода и вносят вклад в активно развивающееся направление сопоставительного анализа национальных теорий и школ перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория перевода; переводоведение; китаеведение; сопоставительный анализ; модели перевода; стратегии перевода.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Волкова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: tatia.volkova@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В статье предлагается краткий сравнительный анализ концепций российского, западного (в той или иной степени) и китайского переводоведения — теории перевода и сравнительно-сопоставительных исследований. Мы анализируем направления и тенденции современной китайской науки о переводе на материале обзоров и статей преимущественно на русском и английском языках (с опорой на наукометрические базы «Scopus» и РИНЦ), диссертационных исследований. Моделям и стратегиям перевода в китайской и российской традиции уделяется особое внимание^[1]. Обращаясь к понятиям «модель перевода» и «стратегия перевода», мы опираемся на более раннюю работу [Волкова 2016] и, принимая во внимание цель и обзорный характер настоящей статьи, ограничиваемся основными положениями.

Позволим себе поместить настоящий обзор в более широкий контекст тенденций современной науки, намеченный Моной Бейкер на примере современного переводоведения: «большой интерес к социальному влиянию явлений, нежели к их внутренней структуре»; «саморефлексия в науке, интерес к метаязыку и метатеориям»; «признание субъективности научного исследова-

ния»; «внимание к вопросам методологии, в том числе в поисках баланса между субъективностью и объективностью»; «признание сложности объекта исследования и отказ от идеализации и искусственной категоризации явлений» (перевод наш. — Т. В.) и т. д. [Baker 2001].

1. Модель перевода и стратегия перевода в российском переводоведении

Список традиционных и относительно новых моделей перевода довольно обширен, например: герменевтическая, диалогическая, дискурсивно-коммуникативная, информативная, когнитивно-эвристическая, коммуникативная, констелляционная, лингвокультурологическая, людическая, психолингвистическая, семантическая, семиотическая, ситуативно-денотативная, трансформационная, функционально-прагматическая (динамическая) модели перевода, эмпатическая модель в формировании стратегии перевода, использование фреймов при выстраивании структуры переводимого текста, лингвокультурологические схемы перевода с учетом предпочтительных структурно-функциональных моделей представления реальности в различных языках, модель социальной регуляции переводческой деятель-

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ (тема «Медиаперевод в современных информационных условиях»).

© Волкова Т. А., 2017

ности, коммуникация перевода, понятие интерпретативно-порождающего дискурса и т. д.

«Модели перевода» как «результат анализа переводческой деятельности <создаются> с разных теоретических и практических позиций и с разными целями»: «обучение переводу», «связь перевода с различными уровнями языка», «отношения с экстралингвистическими факторами», «отношение перевода к передаче смысла и содержания», «автоматизация перевода» [Марчук 2010: 6].

«Перевод может сводиться к языковому перекодированию, в процессе которого переводчик сначала выступает в функции получателя исходного текста, после чего им осуществляется функция смены вербального кода с последующим вторичным отправлением переведенного текста получателю» — «лингвистические, текст-лингвистические и вычислительные модели» [Роговская 2004: 70]. Перевод можно рассматривать «как мыслительный процесс, набор определенных стратегий, осуществляемых в голове переводчика» — «игровые, когнитивные и психолингвистические модели» [Там же]. «Возможно акцентирование цели текста перевода, тех психологических причин, которые вызвали к жизни тот или иной перевод»; «перевод приравнивается к межкультурному действию, а основная цель перевода рассматривается в рамках культуры-реципиента» — «социолингвистическая модель» [Там же: 71].

Метафорическое осмысление перевода [Шаталов 2014] обнаруживает «историческую тенденцию к переходу от бинарного метафорического осмысления перевода к осознанию многовариантности и многофакторности процесса перевода, что характерно для высказываний переводчиков двадцатого и двадцать первого веков» [Шаталов 2014: 22]. «Перевод как переход», «перевод как преобразование» и ряд других моделей [Там же] уступают место новым концепциям. «Сопоставляя традиционное (структурное) и <когнитивно-деятельностное> (лично-ориентированное) переводоведение», исследователи отмечают ряд различий [Алексеева 2010: 50]:

- цели — от изучения «пределов варьирования языкового знака» в текстах оригинала и перевода к «выявлению природы переводческой деятельности»;
- задачи — от «достижения адекватности перевода» к «созданию коммуникативно пригодного текста перевода»;
- объект исследования — от «партиципного» к «интегральному», от «единиц перевода» к «стратегии перевода»;

– методы — от «монопарадигмальных» к «полипарадигмальным», от основанных на «лексико-грамматической эквивалентности» к основанным на анализе дискурса, от «субституционно-трансформационных» к «когнитивным», от «формального» к «интерпретативному» анализу.

Стратегия перевода в современных исследованиях преимущественно связывается с (пред)переводческим анализом исходного текста и может рассматриваться в следующих формах:

1. Стратегия перевода как «программа»^[2], «план» [ср.: Сдобников 2011], «алгоритм» [ср.: Алексеева 2004], «совокупность переводческих решений» [ср.: Волкова 2016], «способ», «установка».

2. Стратегия перевода как умение переводчика, в том числе в контексте исследования языковой личности переводчика [ср.: Абдулмянова 2009; Шевченко 2005]; «стратегическая компетенция переводчика» [ср.: Гавриленко 2015]; «медиативные стратегии» [ср.: Ковалевский 2013].

3. Стратегия перевода как когнитивный механизм [ср., напр.: Гусев 2003 URL; Тарнаева 2011; Фесенко 2002].

Объект исследования составляют закрытые жесткие и открытые гибкие системы переводческих действий, решений, операций, комбинации стратегий и тактик перевода и т. д.

2. Современное китайское переводоведение: краткий обзор тематики исследований

Для обзора тематики исследований мы проанализировали результаты поисковых запросов в международной базе цитирования «Scopus», Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) и Российской государственной библиотеке (РГБ), преимущественно сосредоточившись на публикациях двух видов:

- работы по теории и практике перевода;
- сравнительно-сопоставительные исследования.

Выборку составили исследования, в которых обозначенные вопросы рассматриваются преимущественно для языковых комбинаций «китайский — русский» и «китайский — английский». Отметим, что мы не рассматривали труды по теории китайского языка, посвященные тем или иным его особенностям (лексика, грамматика, etc.), однако в выборку вошли некоторые работы по межкультурной коммуникации и Китаеведению, затрагивающие исследовательское поле современной науки о переводе.

Таким образом, тематика исследований по вопросам перевода и смежным направ-

лениям в Китае может быть охарактеризована следующим образом.

1. История, традиции.

Вклад отдельных китайских мыслителей в развитие теории перевода в Китае.

Исторические исследования [ср.: Кротова 2017].

Переводы классических китайских произведений.

2. Межкультурная коммуникация и перевод.

Адаптация и перевод, *tradaptation*.

Глобализация, языковые контакты и перевод [ср.: Чистова 2014; Sokolovskaya, Sokolovsky 2011].

Лингвокультурология и перевод (преимущественно китайская культура и перевод с китайского языка, меньше работ о переводах на китайский язык; репрезентация концептов^[3]).

3. Теории и направления.

Когнитивное переводоведение.

Корпусное переводоведение [ср.: Мухин, Ян 2016].

Междисциплинарные исследования перевода^[4].

Дискурсивные исследования перевода^[5].

Прагматика перевода.

Семиотика перевода.

Экология перевода (в российском переводоведении ср., напр.: [Кушнина, Пылаева 2014; Прошина 2014; Экология перевода 2013]).

4. Переводоведение в Китае и на Западе.

Метаязык переводоведения [ср.: Tang 2007].

Сравнительно-сопоставительные исследования теории перевода.

5. Проблемы перевода, виды перевода, типы переводимых текстов (как видно, этот блок охватывает тематику исследований разного объема, от частных проблем перевода к более общим областям).

Грамматические проблемы перевода.

Перевод фразеологизмов.

Проблемы эквивалентности перевода (перевод лакун [ср.: Глазачева 2006], лексическая безэквивалентность).

Специальный перевод [ср.: Лу 2016; Маланханова, Сысоев 2015; Митчелл, Сысоев 2014; Ai 2013; Bo 2014; Hsu 2011; Neather 2012].

Перевод терминологии.

Особенности переводного дискурса (translated language).

Перевод имен собственных и обращений.

Устный перевод [ср.: Chen 2017; Xu 2017; Zhang, Bailey 2015].

Переводческие ошибки.

Локализация.

Художественный (литературный) перевод (проза, поэзия, детская литература).

Список, безусловно, ограничен нашей выборкой и не является исчерпывающим.

Китайские и западные подходы к переводу сравниваются в ряде исследований, об интересе к теме свидетельствует и обширная библиография в проанализированных работах. Авторы подчеркивают актуальность сравнительно-сопоставительных исследований национальных теорий перевода^[6], востребованность исследований по теории перевода в Китае [Sun 2012: 45; Zhong 2003 URL] и необходимость создания «теории перевода с национальной спецификой» [Ван 2014b: 18; Sun 2012]^[7]. Интересно, что «одна часть китайских ученых выступает за создание... „китайской школы переводоведения“, <призванной> служить практике перевода. Другая — за создание переводоведения как универсальной академической науки, ...развитие которой необходимо осуществлять в русле развития всей мировой науки о переводе» [Ван 2014a: 64—65].

Оценивая влияние зарубежного переводоведения на китайскую науку о переводе, В. Ф. Щичко подчеркивает, что «в своих теоретических изысканиях китайские лингвисты опираются в основном на работы западных ученых, хотя они знакомы и с состоянием дел в науке о переводе, которое сложилось в СССР, а позднее и в России»^[8] [Щичко 2010: 23]. Аналогичные идеи находим в исследовании Ван Мэняо: «...современная теория перевода Китая <есть> результат взаимодействия китайской традиционной теории перевода и современных достижений зарубежного переводоведения» [Ван 2014b: 7]; «на переводческую науку Китая значительное влияние оказала советская школа переводоведения» [Ван 2014a: 14]; «в различных китайских работах и статьях китайским читателям объясняются позиции и идеи <ряда российских авторов>» [Там же: 87]. По мнению исследователя, «современное развитие теории перевода в Китае основывается на... традиции, заимствовании, их синтезе и систематизации» [Ван 2014b: 8]. Пань Вэйминь и Мин Хао предлагают следующую периодизацию современного китайского переводоведения в зависимости от влияния западных теорий на развитие теории перевода в Китае с 1980 по 2009 г.: переходный период, период адаптации и период расцвета (transition, adjustment, prosperity) [Pan, Ming 2011].

Сравнивая западное и китайское переводоведение, Ван Мэняо обозначает следующие отличия: «...китайская теория перевода... отдает предпочтение функциональности и нормативности перевода, изучению практических вопросов» [Ван 2014b: 8], за-

падные ученые «более активно используют новые концептуальные достижения смежных наук» [Там же: 8]. «Для китайских исследований перевода в большей степени свойственен консерватизм, <для западных> — новаторство» [Там же: 13]. В то время как «западная наука о переводе <опирается на> дедуктивный метод, разработку законченных концепций и моделей перевода» [Там же: 8], китайские исследователи «склонны оставлять больше места для интерпретации определенных идей и смыслов» [Там же: 13]. Последнее замечание проливает свет на интересную особенность развития метаязыка китайского переводоведения: китайские авторы в большей степени склонны исследовать явления, составляющие поле науки о переводе, нежели давать им четкие дефиниции^[9], тогда как «традиционная западная теория перевода... предпочитает точное объяснение и определение. Такой формализм на Западе дал возможность для следующего: а) появления большого количества работ по теории перевода; б) разработки переводческой терминологии» [Ван 2014а: 100].

В фокус внимания авторов попадают также гендерные исследования перевода [Hu, Meng 2017; Sun 2012: 43—44], «вариативная теория перевода» [приводится по: Щичко 2010: 22—23], «теория множественной комплементарности» и «теория гармонии как стандарт перевода» [приводится по: Ван 2014а: 103—104], функциональный подход к переводу [Ping 2002; Sun 2012: 38].

По мнению профессора Московского городского педагогического университета В. А. Курдюмова, «перспективные области для исследования китайского языка на современном этапе включают лингвистику текста, изучение типологии китайского языка с выходом в большие массивы текста и машинный перевод, изучение китайских диалектов», однако «трагедия восточного, в частности, китайского языкознания — поиск того, чего в нем нет, но якобы должно быть»^[10]. Ван Мэняо выражает сходное мнение следующим образом: «Преемственность, заимствование и развитие являются главными принципами китайской теории перевода. При этом многие китайские ученые считают, что зарубежная теория перевода связана в первую очередь с неазиатскими языками, то есть с языками индоевропейской семьи. Китайский как язык китайско-тибетской семьи имеет немало особенностей, которые должны учитываться при переводе на другие, в том числе западные, языки» [Ван 2014а: 92].

3. Модель перевода и стратегия перевода в китайском переводоведении

Пань Вэйминь и Мин Хао отмечают, что «переходный период» (transitional period) в китайской науке о переводе ассоциируется с развитием лингвистической теории перевода в Китае, которая затем обрела статус магистрального направления исследований [Pan, Ming 2011: 93]. Ван Мэняо отмечает, что «лингвистическая модель перевода как более близкая китайской ментальности остается господствующей в науке о переводе по сей день, а „верность“ — основным критерием перевода» [Ван 2014b: 12]. С одной стороны, доминирующее положение лингвистической теории перевода в определенной степени ограничивает исследовательское поле китайского переводоведения; с другой стороны, интерес китайских и зарубежных ученых к исследованию перевода на материале китайского языка в сопоставлении с другими языками, подъем теории перевода в Китае, междисциплинарные концепции позволяют обогатить национальную науку о переводе новыми данными, что не может не сказаться на результатах прикладных и фундаментальных исследований. Безусловно, те или иные современные модели перевода, изучаемые в китайском переводоведении, могли оказаться за пределами нашей выборки, что оставляет возможности для дальнейшего исследования.

В китайской науке о переводе рассматриваются стратегии форенизации и доместикации [напр.: Sun 2012], документальный и инструментальный перевод (в терминах К. Норд) [Ping 2002]. На наш взгляд, в китайском, как и в российском переводоведении, авторы по-разному трактуют понятие «стратегия перевода», которое может рассматриваться в следующих формах:

1) способы / методы перевода: например, стратегии перевода каламбура с английского языка на китайский [Wu, Pan 2012], к которым автор относит примечания (*footnotes*) и создание новой игры слов с аналогичным эффектом (*rewriting*). Подчеркнем обращение исследователя к критериям традиционной китайской теории перевода для оценки качества перевода^[11]: 信, 达, 雅 (*синь, да, я*) — «достоверность, норма, стиль» (русская терминология приводится по [Щичко 2010: 8; Ван 2014а: 13]);

2) способы/методы + проблемы перевода: например, в исследовании стратегий перевода китайских фразеологизмов (чэньюй) на английский язык [Yang, Dai, Gao 2012] авторы рассматривают буквальный и вольный перевод (*literal translation, free translation*) в купе со структурными и стилистическими

проблемами перевода фразеологизмов (*words' structure, style*);

3) способы/методы + принципы перевода: в исследовании стратегий перевода фразеологизмов с китайского языка на английский и с английского языка на китайский [Wang, Wang 2013] авторы предлагают буквальный перевод, вольный перевод, сокращенный перевод и заимствование в качестве стратегий перевода, дополняя их следующими принципами: «...не толковать фразеологизмы слишком буквально, при переводе учитывать национальный колорит и использовать художественные средства языка»^[12]. В исследовании стратегий перевода названий фильмов с английского языка на китайский [Shi 2014] автор формулирует «принцип художественности» (*artistic principle*), «принцип культурной трансформации» (*cultural transformation principle*), «принцип привлекательности» (*commercial and entertainment principle*; перевод наш. — Т. В.) и выделяет стратегии буквального перевода, вольного перевода и транслитерации;

4) принципы перевода + установки переводчика: в исследовании принципов и стратегий перевода табличек и указателей с китайского языка на английский [Qiannan 2012] к принципам автор относит «простоту», «ясность», «тональность», «стандартизацию» (*principles of translation: simple; clear; appropriate tone; normalization*), а стратегии трактует, на наш взгляд, скорее как установки для переводчика: «учитывать культурные различия», «анализировать контекст», «стремиться сделать перевод понятным реципиенту» (*strategies of translation: importance of cultural realization; analyze the context; strive for easy understanding*).

Список, безусловно, не является исчерпывающим, однако позволяет заметить, что стратегия перевода рассматривается преимущественно применительно к четко очерченным объектам (фразеологизмы, каламбуры, названия фильмов, указатели) и не трактуется как совокупность переводческих решений в отношении целого текста.

Представляется, что обозначенные вопросы, анализируемые с позиций национальных научных школ на стыке китаеведения, теории и практики перевода, открывают широкое поле для дискуссии и совместных исследований с целью обмена опытом на национальном и международном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Автор выражает благодарность организаторам и участникам Восьмых международных методических сборов «Текущее состояние и перспективы изучения китайского языка в России», прове-

денных ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» и Столичным педагогическим университетом (16—30 июля 2017 года, г. Пекин, КНР), за ценные замечания и комментарии по содержанию настоящего исследования.

[2]. Ср.: [Сдобников 2011; Псурцев 2013]. Д. В. Псурцев также трактует стратегию перевода как «определенные установки, касающиеся перевода вообще, тех или иных стилей и жанров, типов текста», «теоретическую категорию и... инструмент формирования и выбора переводческих решений» [Псурцев 2013: 22].

[3]. Преимущественно в российской традиции сравнительно-сопоставительных исследований для языковой комбинации «китайский — русский».

[4]. Исследователи привлекают для изучения перевода широкий спектр теорий: *relevance theory, thematic theory, frame theory, cultural manipulation theory, figure and ground theory, postcolonial theory*, etc.

[5]. «The period from 2000 to 2010 witnessed a steep increase in the number of relevant volumes [on discourse analysis and translation] published in China, which suggests sharpened interest in the discourse approach to translation studies from Chinese scholars» [Discourse Analysis in Translation Studies 2017: 5].

[6]. «[Pilot] a cross-national comparative study of the [Translation Studies] communities [to] identify and map research foci and standards of TS communities located in different geographical areas and cultures» [Wang, Li 2017].

[7]. «The overriding concern of many Chinese translation scholars is how to develop Translation Studies in China with its own theoretical system and methodology so as to claim to create the so-called Chinese characteristics» [Sun 2012: 35—36].

[8]. Однако В. Ф. Щичко справедливо замечает, что «работ, в которых изучение проблем перевода осуществляется на материале сопоставления китайского языка с русским, сейчас выходит очень мало. Основная масса сопоставительных работ сделана на материале английского и китайского языков» [Щичко 2010: 23—24].

[9]. «Chinese translation scholars ... are less inclined to define translation; instead they seek to explore rather than to define various aspects of translation» [Sun 2012: 35].

[10]. Лекции Владимира Анатольевича Курдюмова, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, в рамках Восьмых международных методических сборов «Текущее состояние и перспективы изучения китайского языка в России», организованных ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» и Столичным педагогическим университетом (16—30 июля 2017 г., г. Пекин, КНР).

[11]. «A perfect pun's translation is impossible according to the three traditional principles of faithfulness, smoothness and elegance» [Wu, Pan 2012: 2138].

[12]. «The first principle is not to take idioms too literally... The second principle is that the national color should be noted first for idiom translation... The third principle is that language artistic features should be noted in idiom translation» [Wang, Wang 2013: 1695—1696].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулмянова И. Р. Теоретические основы формирования профессионального тезауруса переводчика // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 30—33.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. — М. : Академия, 2004. 352 с.
3. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 1 (7). С. 45—51.
4. Ван М. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014а. 153 с.
5. Ван М. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014б. 19 с.
6. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2016. 304 с.
7. Гавриленко Н. Н. Попытка систематизации переводческих компетенций // Вестн. Перм. нац. исследов. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 2 (12). С. 70—77.
8. Глазачева Н. Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006. 18 с.
9. Гусев В. В. Эмпатическая модель в формировании стратегии перевода [Электронный ресурс] // Вестн. МГЛУ. 2003. Вып. 840 : Перевод как когнитивная деятельность. С. 26—41. URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/gusev-empstrat.pdf> (дата обращения: 17.11.2017).
10. Ковалевский Р. Л. Перевод versus коммуникативная медиация // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : коллектив. моногр. / В. А. Митягина [и др.]; под общ. ред. В. А. Митягиной. 2-е изд., стер. — М. : Флинта, 2013. С. 66—87.
11. Кротова М. В. Востоковеды-переводчики на КВЖД // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 2. С. 72—83.
12. Кушнина Л. В., Пылаева Е. М. Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 2 (26). С. 70—76.
13. Лу Т. Политическая лингвистика в Китае: теория и основные направления // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 46—55.
14. Маланханова А. Е., Сысоев П. В. Особенности перевода текстов экономического дискурса с китайского языка на русский язык // Язык и культура. 2015. № 4. С. 31—45.
15. Марчук Ю. Н. Модели перевода : учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. — М. : Изд. центр «Академия», 2010. 176 с.
16. Митчелл П. Д., Сысоев В. А. Способы достижения переводческой эквивалентности при переводе военных документов (на примере китайского языка) // Индустрия перевода. 2014. Т. 1. С. 55—59.
17. Мухин М. Ю., Ян И. Проект создания китайско-русского параллельного корпуса официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 4. С. 23—31.
18. Прошина З. Г. Переводческий анализ в свете экпереводоведения // Перевод и переводчики : науч. альм. — Магадан : Кордис, 2014. Вып. 10 : Художеств. пер.: наука и искусство : к 70-летию д-ра филол. наук, проф. Р. Р. Чайковского. С. 39—45.
19. Псурцев Д. В. Стратегия перевода : пособие по письм. пер. с англ. яз. на рус. для завершающего этапа обучения. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Р. Валент, 2013. 188 с.
20. Роговская Е. Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент перевода : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004. 165 с.
21. Слобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2011. Вып. 1. С. 165—172.
22. Тарнаева Л. П. Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — СПб., 2011. 31 с.
23. Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода : учеб. пособие. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 228 с.
24. Чистова Е. В. Глобализация в аспекте лингвистической экологии (англо-русско-китайские параллели) // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1 (1). С. 182—196.
25. Шаталов Д. Г. Метафорическое осмысление перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2014. 32 с.
26. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2005. 255 с.
27. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие. — М. : Восточная книга, 2010. 224 с.
28. Экология перевода: перспективы междисциплинарных исследований : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 4—5 окт. 2013 г.). — Тюмень : Шуклин & Александров, 2013. 275 с.
29. Ai B. Soil Restaurant? An Investigation into the English Translation of Travel Signs in China // Journ. of China Tourism Research. 2013. Vol. 9. No. 3. P. 244—256. DOI: 10.1080/19388160.2013.812894.
30. Baker M. The pragmatics of cross-cultural contact and some false dichotomies in translation studies // CTIS Occasional Papers / M. Olohan, ed. — Manchester : UMIST, 2001. Vol. 1. P. 7—20.
31. Bo T. A study on advertisement translation based on the theory of eco-translatology // Journ. of Language Teaching and Research. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 708—713. DOI: 10.4304/jltr.5.3.708-713.
32. Chen S. Note-taking in consecutive interpreting: New data from pen recording // Translation and Interpreting. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 4-23. DOI:10.12807/ti.109201.2017.a02.
33. Discourse Analysis in Translation Studies // Benjamins Current Topics / J. Munday, M. Zhang, eds. — John Benjamins Publishing Company, 2017. № 94. 151 p.
34. Hsu T.-W. Translating politeness strategies in commercial correspondence in Chinese and Spanish language // Sendebarr. 2011. No. 22. P. 43—71.
35. Hu K., Meng L. Gender differences in Chinese-English press conference interpreting // Perspectives: Studies in Translatology. 2017. P. 1—18. DOI:10.1080/0907676X.2017.1337209.
36. Neather R. Intertextuality, translation, and the semiotics of museum presentation: The case of bilingual texts in Chinese museums // Semiotica. 2012. No. 192. P. 197—218. DOI: 10.1515/sem-2012-0082.
37. Pan W., Ming H. Third Wave of Globalization: Thirty Years' Influence of Western Theories on Chinese Translation Studies // Journ. of Cambridge Studies. 2011. Vol. 6. No. 4. P. 90—102.
38. Ping H. Functional Typology and Translation Strategies // Chinese Translators Journ. 2002. Vol. 23. No. 5. P. 19—23.
39. Qiannan M. Research on the translation of public signs // English Language Teaching. 2012. Vol. 5. No. 4. P. 168—172. DOI:10.5539/elt.v5n4p168.
40. Shi X. The English film title translation strategies // Journ. of Language Teaching and Research. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 606—610. DOI:10.4304/jltr.5.3.606-610.
41. Sokolovskaya O. V., Sokolovsky Ya. V. Factors influencing translation within the framework of language contacts: on the interaction between the Russian and Chinese languages // Журн. Сибирск. федерал. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 4. № 10. С. 1454—1461.
42. Sun Y. The Shifting Identity of Translation Studies in China // Intercultural Communication Studies. 2012. Vol. XXI. No. 2. P. 32—52.

43. Tang J. The metalanguage of translation: A Chinese perspective // *Target*. 2007. Vol. 19. No. 2. P. 359—374. DOI: 10.1075/target.19.2.12tan.

44. Wang L., Wang S. A study of idiom translation strategies between English and Chinese // *Theory and Practice in Language Studies*. 2013. Vol. 3. No. 9. P. 1691—1697. doi: 10.4304/tpls.3.9.1691-1697.

45. Wang W., Li X. Translation studies communities in Spain and South Korea: A diachronic comparative study // *Translation and Interpreting Studies*. 2017. Vol. 12. No. 2 (forthcoming). DOI: 10.1075/tis.12.2.05wan.

46. Wu Y., Pan Q. Strategies on translation of English puns // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. No. 10. P. 2133—2138. DOI:10.4304/tpls.2.10.2133-2138.

47. Xu Z. The ever-changing face of Chinese interpreting studies: A social network analysis // *Target*. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 7—38. DOI:10.1075/target.29.1.01xu.

48. Yang W., Dai W., Gao L. A study on Chinese continuous four-character collocations and their translation into English strategies // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. No. 5. P. 995—1002. DOI:10.4304/tpls.2.5.995-1002.

49. Zhang I. A., Bailey M. Chinese-English retour: analysing the impact of language errors // *Журн. Сибир. федерал. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 8. № 12. С. 2970—2981.

50. Zhong W. An Overview of Translation in China: Practice and Theory // *Translation Journal*. Vol. 7. No. 2. 2003, April. URL: <http://www.translationjournal.net/journal/24china.htm> (date of access: 30.08.2017).

T. A. Volkova

Chelyabinsk, Russia

TRANSLATION MODELS AND TRANSLATION STRATEGIES IN RUSSIAN AND CHINESE TRANSLATION STUDIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT. *The paper aims to briefly compare the main conceptual frameworks of Russian and Chinese translation studies based on a corpus of scholarly articles, theses, and coursebooks with a special focus on translation models and translation strategies in the Russian and the Chinese traditions. Contemporary Russian translation studies show interest in translation modeling viewed from various angles in the generally changing research paradigm, demonstrating a shift from linguistic and structural approaches towards communicative and action-based ones. A translation strategy is viewed as a program, a plan, an algorithm, a set of translation solutions, a procedure, a line of action; a translator's skill (competence); a cognitive mechanism. Translation research in China covers the traditions and history of translation; intercultural communication and translation; translation theories and research fields; a comparative analysis of the Chinese and Western translation studies; translation problems, types of translation and interpreting, and source text types. Translation modeling exhibits two major trends: a dominating position of the linguistic theory of translation and the Chinese and international scholars' interest to translation research based on comparing Chinese with other languages against a larger backdrop of the general rise of translation studies and interdisciplinary research in China. Translation strategies are viewed as translation procedures (methods); translation procedures (methods) and translation principles; translation principles and a translator's line of action. Positioned at the intersection of Chinese studies, translation theory and translation practice, this paper contributes to the growing field of comparative research of national translation theories and schools of thought.*

KEYWORDS: *translation theory; translation studies; Chinese studies; comparative analysis; translation models; translation strategies.*

ABOUT THE AUTHOR: *Volkova Tatiana Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Translation, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Abdulmyanova I. R. Teoreticheskie osnovy formirovaniya professional'nogo tezaurusa perevodchika // *Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2009. № 1. S. 30—33.

2. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie : ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh fakul'tetov vshikh uchebnykh zavedeniy. — M. : Akademiya, 2004. 352 s.

3. Alekseeva L. M. Perevod kak refleksiya deyatel'nosti // *Vestn. Perm. un-ta*. 2010. Vyp. 1 (7). S. 45—51.

4. Van M. Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendentsii razvitiya : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2014a. 153 s.

5. Van M. Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendentsii razvitiya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2014b. 19 s.

6. Volkova T. A. Ot modeli perevoda k strategii perevoda : monogr. — M. : Flinta : Nauka, 2016. 304 s.

7. Gavrilenko N. N. Popytka sistematizatsii perevodcheskikh kompetentsiy // *Vestn. Perm. nats. issledov. politekh. un-ta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2015. № 2 (12). S. 70—77.

8. Glazacheva N. L. Model' lakunizatsii kak sostavlyayushchaya teorii perevoda (na primere russkogo i kitayskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2006. 18 s.

9. Gusev V. V. Empaticheskaya model' v formirovanii strategii perevoda [Elektronnyy resurs] // *Vestn. MGLU*. 2003. Vyp. 840 : *Perevod kak kognitivnaya deyatel'nost'*. S. 26—41. URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/gusev-empstrat.pdf> (data obrashcheniya: 17.11.2017).

10. Kovalevskiy R. L. Perevod versus kommunikativnaya mediatsiya // *Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didakticheskie aspekty : kollektiv. monogr. / V. A. Mityagina [i dr.] ; pod obshch. red. V. A. Mityaginoy. 2-e izd., ster. — M. : Flinta, 2013. S. 66—87.*

11. Krotova M. V. Vostokovedy-perevodchiki na KVZhD // *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2017. № 2. S. 72—83.

12. Kushnina L. V., Pylaeva E. M. Ekologiya perevoda: sovremennye tendentsii i podkhody // *Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2014. № 2 (26). S. 70—76.

13. Lu T. Politicheskaya lingvistika v Kitae: teoriya i osnovnye napravleniya // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 5. S. 46—55.

14. Malankhanova A. E., Sysyov P. V. Osobennosti perevoda tekstov ekonomicheskogo diskursa s kitayskogo yazyka na russkiy yazyk // *Yazyk i kul'tura*. 2015. № 4. S. 31—45.

15. Marchuk Yu. N. Modeli perevoda : ucheb. posobie dlya studentov uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya. — M. : Izd. tsentr «Akademiya», 2010. 176 s.

16. Mitchell P. D., Sysyov V. A. Sposoby dostizheniya perevodcheskoy ekvivalentnosti pri perevode voennykh dokumentov (na primere kitayskogo yazyka) // *Industriya perevoda*. 2014. T. 1. S. 55—59.

17. Mukhin M. Yu., Yan I. Proekt sozdaniya kitaysko-russkogo paralelnogo korpusa ofitsial'no-delovykh tekstov s diskursivno-strukturnoy razmetkoy // *Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika*. 2016. T. 13. № 4. S. 23—31.

18. Proshina Z. G. Perevodcheskiy analiz v svete ekoperevodovedeniya // *Perevod i perevodchiki : nauch. al'm. — Magadan : Kordis, 2014. Vyp. 10 : Khudozhestv. per.: nauka i iskusstvo : k 70-letiyu d-ra filol. nauk, prof. R. R. Chaykovskogo*. S. 39—45.

19. Psurtsev D. V. Strategiya perevoda : posobie po pis'm. per. s angl. yaz. na rus. dlya zavershayushchego etapa obucheniya. Izd. 2-e, pererab. i dop. — M. : R. Valent, 2013. 188 s.

20. Rogovskaya E. E. Emotsional'naya dominanta kak strukturoobrazuyushchiy komponent teksta perevoda : dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2004. 165 s.

21. Sdobnikov V. V. Strategiya perevoda: obshchee opredelenie // *Vestn. Irkut. gos. lingvist. un-ta*. 2011. Vyp. 1. S. 165—172.

22. Tarnaeva L. P. Obuchenie budushchikh perevodchikov translyatsii kul'turno-spetsificheskikh smyslov institucional'nogo diskursa : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. — SPb., 2011. 31 s.

23. Fesenko T. A. Spetsifika natsional'nogo kul'turnogo prostanstva v zerkale perevoda : ucheb. posobie. — Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2002. 228 s.

24. Chistova E. V. Globanglizatsiya v aspekte lingvisticheskoy ekologii (anglo-russko-kitayskie paralleli) // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 1 (1). S. 182—196.
25. Shatalov D. G. Metaforicheskoe osmyslenie perevoda : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2014. 32 s.
26. Shevchenko O. N. Yazykovaya lichnost' perevodchika (na materiale diskursa B. V. Zakhodera) : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2005. 255 s.
27. Shchichko V. F. Kitayskiy yazyk. Teoriya i praktika perevoda : ucheb. posobie. — M. : Vostochnaya kniga, 2010. 224 s.
28. Ekologiya perevoda: perspektivy mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy : materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Tyumen', 4—5 okt. 2013 g.). — Tyumen' : Shuklin & Aleksandrov, 2013. 275 c.
29. Ai B. Soil Restaurant? An Investigation into the English Translation of Travel Signs in China // *Journ. of China Tourism Research*. 2013. Vol. 9. No. 3. P. 244—256. DOI: 10.1080/19388160.2013.812894.
30. Baker M. The pragmatics of cross-cultural contact and some false dichotomies in translation studies // *CTIS Occasional Papers / M. Olohan, ed.* — Manchester : UMIST, 2001. Vol. 1. P. 7—20.
31. Bo T. A study on advertisement translation based on the theory of eco-translatology // *Journ. of Language Teaching and Research*. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 708—713. DOI: 10.4304/jltr.5.3.708-713.
32. Chen S. Note-taking in consecutive interpreting: New data from pen recording // *Translation and Interpreting*. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 4-23. DOI:10.12807/ti.109201.2017.a02.
33. Discourse Analysis in Translation Studies // *Benjamins Current Topics / J. Munday, M. Zhang, eds.* — John Benjamins Publishing Company. 2017. № 94. 151 p.
34. Hsu T.-W. Translating politeness strategies in commercial correspondence in Chinese and Spanish language // *Sendebär*. 2011. No. 22. P. 43—71.
35. Hu K., Meng L. Gender differences in Chinese-English press conference interpreting // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2017. P. 1—18. DOI:10.1080/0907676X.2017.1337209.
36. Neather R. Intertextuality, translation, and the semiotics of museum presentation: The case of bilingual texts in Chinese museums // *Semiotica*. 2012. No. 192. P. 197—218. DOI: 10.1515/sem-2012-0082.
37. Pan W., Ming H. Third Wave of Globalization: Thirty Years' Influence of Western Theories on Chinese Translation Studies // *Journ. of Cambridge Studies*. 2011. Vol. 6. No. 4. P. 90—102.
38. Ping H. Functional Typology and Translation Strategies // *Chinese Translators Journ.* 2002. Vol. 23. No. 5. P. 19—23.
39. Qiannan M. Research on the translation of public signs // *English Language Teaching*. 2012. Vol. 5. No. 4. P. 168—172. DOI:10.5539/elt.v5n4p168.
40. Shi X. The English film title translation strategies // *Journ. of Language Teaching and Research*. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 606—610. DOI:10.4304/jltr.5.3.606-610.
41. Sokolovskaya O. V., Sokolovsky Ya. V. Factors influencing translation within the framework of language contacts: on the interaction between the Russian and Chinese languages // *Zhurn. Sibirsk. federal. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2011. T. 4. № 10. S. 1454—1461.
42. Sun Y. The Shifting Identity of Translation Studies in China // *Intercultural Communication Studies*. 2012. Vol. XXI. No. 2. P. 32—52.
43. Tang J. The metalanguage of translation: A Chinese perspective // *Target*. 2007. Vol. 19. No. 2. P. 359—374. DOI: 10.1075/target.19.2.12tan.
44. Wang L., Wang S. A study of idiom translation strategies between English and Chinese // *Theory and Practice in Language Studies*. 2013. Vol. 3. No. 9. P. 1691—1697. doi: 10.4304/tpls.3.9.1691-1697.
45. Wang W., Li X. Translation studies communities in Spain and South Korea: A diachronic comparative study // *Translation and Interpreting Studies*. 2017. Vol. 12. No. 2 (forthcoming). DOI: 10.1075/tis.12.2.05wan.
46. Wu Y., Pan Q. Strategies on translation of English puns // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. No. 10. P. 2133—2138. DOI:10.4304/tpls.2.10.2133-2138.
47. Xu Z. The ever-changing face of Chinese interpreting studies: A social network analysis // *Target*. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 7—38. DOI:10.1075/target.29.1.01xu.
48. Yang W., Dai W., Gao L. A study on Chinese continuous four-character collocations and their translation into English strategies // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. No. 5. P. 995—1002. DOI:10.4304/tpls.2.5.995-1002.
49. Zhang I. A., Bailey M. Chinese-English retour: analysing the impact of language errors // *Zhurn. Sibir. federal. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2015. T. 8. № 12. S. 2970—2981.
50. Zhong W. An Overview of Translation in China: Practice and Theory // *Translation Journ.* Vol. 7. No. 2. 2003, April. URL: <http://www.translationjournal.net/journal/24china.htm> (date of access: 30.08.2017).

М. Б. Ворошилова, О. А. Адясова
Екатеринбург, Россия

КОГНИТИВНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ОСНОВА ДЕМОТИВАТОРА

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования настоящей статьи является популярная в последнее время разновидность креолизованных интернет-жанров — демотиваторы. Выделяется ряд научных традиций интерпретации демотиватора: когнитивная, психолингвистическая, лингвокультурная, коммуникативная. Определяется, что привлекательность демотиваторов для адресата (особенно для молодежи) заключается в юмористической природе данных креолизованных текстов: это делает их близкими и понятными для молодого поколения. Ориентация демотиваторов на молодое поколение обусловлена также функциональной направленностью данных текстов, которые позволяют лаконично и точно представить собственную, нередко оппозиционную идею. Актуальность исследования заключается в малой изученности особой структуры демотиваторов, где визуальная и вербальная части не просто дополняют друг друга, а вступают в сложные отношения, нередко основанные на парадоксе, на «когнитивном конфликте», в основе которого лежит контраст между изображением и слоганом-подписью. Цель статьи — показать особенности отношений между вербальным и визуальным компонентами в демотиваторах, популярных и распространенных в виртуальных социальных сетях. Делается вывод о том, что процесс прочтения демотиватора строится по принципу обманутого ожидания, когда адресат изначально знакомится с визуальной, а затем с вербальной частью, в результате чего создается метафорический образ, который может быть интерпретирован при комплексном восприятии всех его составляющих и с учетом особенностей функционирования в определенном дискурсе. Особенность метафорического образа в демотиваторах состоит в нарушении традиционных семантических связей между визуальным и вербальными компонентами, что создает основу для реализации комического эффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованные тексты; когнитивный конфликт; интернет-мемы; демотиваторы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: shinkari@mail.ru.

Адясова Оксана Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lokotkova.oksana@gmail.com.

В неформальном пространстве социальных виртуальных сетей все большую популярность получают такие креолизованные интернет-жанры, как интернет-мемы и одна из самых известных их разновидностей — демотиваторы. Под демотиватором понимается изображение, состоящее, как правило, из картинка в черной рамке и комментирующего слогана, четко различимого на темном фоне [Бабина 2014; Нежуря http; Голиков, Калашникова 2010].

Простота жанра и доступность современных технологий позволяют каждому пользователю Всемирной паутины попробовать себя в роли творца, а социальные сети становятся доступным и простым способом распространения «творений».

Юмористическая природа стала еще одной причиной востребованности демотиваторов в неформальной коммуникации. Именно благодаря своей юмористической природе демотиваторы становятся действенным орудием манипуляции, они позволяют формировать необходимые взгляды, влиять на сознание и поведение людей, особенно молодых. Обусловлено это тем, что юмористические жанры близки и понятны молодежи, ведь именно юмор является ведущим способом восприятия и освоения окружающего мира юными умами.

Популярность среди молодежи данного жанра обусловлена и его функциональной

направленностью. Данные жанры позволяют лаконично, точно представить собственную позицию, нередко оппозиционную, не совпадающую с общепринятой и тем более с официальной. И. В. Букреева отмечает: «Ключевая функция демотивационных постеров, что непосредственно следует из определения, сводится к критике объективной реальности, впрочем, не всегда конструктивной» [Букреева 2011: 119]. Критическое восприятие мира, отрицание принятых норм и ценностей, свержение авторитетов — это потребность молодого поколения, желающего разрушить старый мир и создать новую реальность. Демотиватор — это то, что «рушит какой-либо из общественных устоев или просто мысленных штампов, навязанных рекламой, воспитанием, культурой» [Ухова 2012: 79].

Востребованность данного жанра обусловила и повышенное внимание к нему исследователей самых разных специальностей. В настоящее время в научном дискурсе уже сложился ряд научных традиций «прочтения», интерпретации демотиватора: когнитивный [Бабина 2014; Букреева 2011], психолингвистический [Викторова 2014; Касьянова 2013], лингвокультурный [Громова 2015], коммуникативный [Иванова 2014] анализ.

Сложная семиотическая природа жанра демотиватора обуславливает необходи-

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ №17-03-0756 «Культура виртуальных социальных сетей: формирование и перспективы развития».

мость развития междисциплинарных разработок, привлекающих исследовательский аппарат и методы не только лингвистики текста, но и теории коммуникации, семиотики, психолингвистики и, конечно, когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика, изучающая язык как когнитивный механизм, играющий важнейшую роль в кодировании и трансформировании информации [см. подр.: Кубрякова 1997: 53—55], устанавливающая и определяющая базовые образные схемы, в рамках которых человек познает мир, должна стать научной платформой для создания и развития этого междисциплинарного исследования.

Как известно, центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в чем играет метафора, понимаемая как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира: человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорой, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет [Чудинов 2001—2002]. Именно метафорический способ постижения мира, по мнению большинства исследователей, имеет всеобщий и обязательный характер, поэтому метафора может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого сознания. Таким образом, одним из самых востребованных инструментов анализа текста, в том числе поликодового текста демотиватора, неким ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации становится метафора.

Возможность использования данного термина в исследованиях поликодового текста обусловлена отчасти и тем, что в когнитивной лингвистике распространено так называемое «широкое» понимание метафоры, которая рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Артунова 1990], в том числе и невербальный.

Также подчеркнем, что, основываясь на результатах психолингвистических исследований, согласно которым информация, воспринимаемая по разным каналам, — вербальный текст и изображение — «интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления» [Жинкин 1982], мы утверждаем взаимную обусловленность вербальных и визуальных образов в структуре поликодо-

вого текста: «союз» разнородных семиотических единиц приводит к созданию нового образа, комплексного, креолизованного метафорического образа, семантика которого не может быть воспринята как сумма значений данных единиц.

Также важно учитывать, что когнитивная метафора создается за счет монтажа двух и более образов (вербальных, визуальных), данный монтажный механизм функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план, т. е. новая художественная реальность [Крюкова 1988: 85], что, в свою очередь, является базовой функцией метафоры. Аналогичный прием когнитивного столкновения (об этом термине см.: [Лазарева, Горина 2003]) лежит в основе любого поликодового текста, что делает когнитивную метафору востребованным инструментом построения и прочтения текста демотиватора.

Итак, мы утверждаем, что метафорический образ в креолизованном тексте может быть «прочитан» только при комплексном восприятии его составляющих и особенностей функционирования в определенном дискурсе. Поэтому мы предлагаем использовать понятие «креолизованная метафора». Это понятие значительно шире понятия визуальной метафоры, данный термин позволяет подчеркнуть сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и на взаимодействии нескольких образов. Именно идея взаимодействия, с нашей точки зрения, лежит в основе данного понятия, которое обозначает не простой синтез двух элементов, а их совместное развитие, совместное прочтение, результаты которого более точны и глубоки.

В этом смысле именно жанр демотиватора представляет для нас особый интерес, так как в его структуре визуальная и вербальная часть не просто дополняют друг друга, их отношения намного сложнее и нередко основаны на парадоксе, на «когнитивном конфликте», в основе которого лежит контраст между изображением и слоганом-подписью. Как пишет И. В. Бугаева, «последний (вербальный уровень — комментарий автора) часто представляет собой неожиданную интерпретацию основного сообщения, смысл подписи иногда нарушает логику и имеет эмоционально противоположное значение» [Бугаева 2017: 135].

Таким образом, прочтение демотиватора зачастую происходит по принципу обманутого ожидания: первоначально читатель знакомится с визуальным компонентом (он рас-

положен в центре, занимают большую часть текста), на следующем этапе читает тему (слоган, лозунг — в иной терминологии), ту часть текста, что написана крупным шрифтом. В результате и создается метафорический образ, особенность которого состоит в нарушении традиционных семантических связей между визуальным и вербальным компонентами. Данное нарушение формирует основу для реализации комического эффекта.

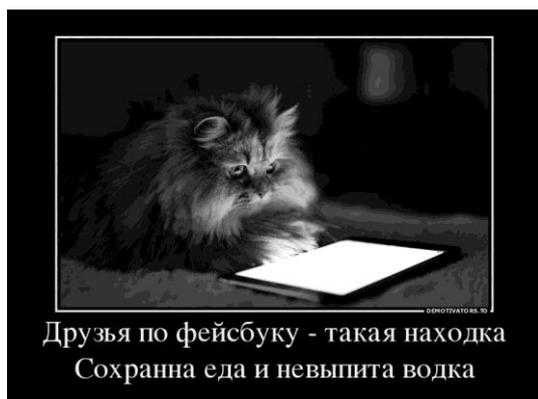

Рис. 1 [URL: <https://demotivators.to/p/610494/druzya-po-fejsbuku-takaya-nahodka-sohranna-eda-i-nevyipita-vodka.htm>]

На рис. 1 представлена особенность виртуальной коммуникации, исключаящей непосредственное личное общение лицом к лицу, живое общение друзей. Однако визуальный и вербальный компоненты вступают в семантический конфликт, поскольку изображение милого кота на первый взгляд никак не соотносится с приведенной подписью. На самом же деле именно кот в современной культуре становится символом вынужденного одиночества: одинокая женщина, спасаясь от страха одиночества, заводит себе кота, заядлый холостяк несет в дом кошку. Важно и наше восприятие общения с кошкой, зачастую кот выступает милым собеседником, который молча слушает, все понимает и преданно смотрит в глаза: именно этого мы ожидаем от нашего собеседника в сети.

На рис. 2 обыгрывается набравшая огромную популярность в последнее время социальная сеть Instagram. Посредством семантического сложения двух слов: «пентаграмма» и «Instagram» формируется новое условное название вымышленной сети дьявола — «пентаграм». В данном демотиваторе обыгрывается очень популярное на сегодняшний день движение — фотографирование еды и размещение этих фотографий в сети «Instagram». Юмористический эффект создается за счет переноса этого достаточно обыденного явления в религиозно-мифологическую плоскость.

Рис. 2 [URL: <https://zasmeshi.ru/demotivator/view/black-humor/pentagram.html>]

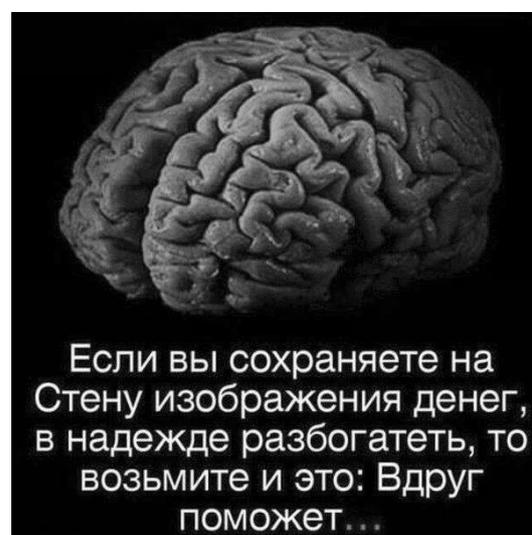

Рис. 3 [URL: https://vk.com/socmediaethnography?z=photo-116766006_403442276%2Falbum-116766006_229454074]

На рис. 3 высмеиванию подвергается идея репостов (размещения на личной странице в социальных сетях) изображений с материальными благами как реализация возможности обрести эти блага в реальности. Одновременно с этим четко прослеживается негативное отношение автора демотиватора к таким людям: призыв сделать репост изображения головного мозга как вполне ясное указание на отсутствие какой-либо мыслительной деятельности у людей, верящих в репост в социальной сети как возможность обретения реального, а не виртуального блага.

В качестве тематической основы демотиватора могут выступать различные явления, связанные с интернет-коммуникацией, нейтральные по отношению к человеку или напрямую с ним не связанные.

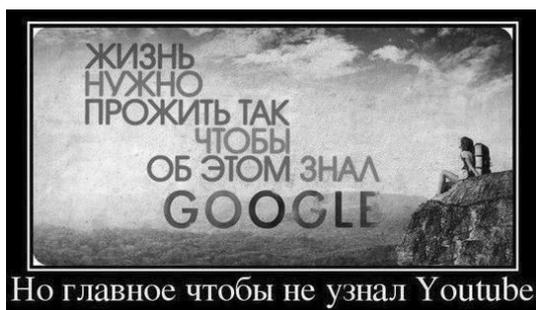

Рис. 4 [URL: https://vk.com/socmediaethnography?z=photo-116766006_403441569%2Falbum-116766006_229454074]

На рис. 4 комический эффект создается за счет контекстуального смыслового противопоставления представлений, стоящих за наименованиями *Google* и *Youtube*. Одна из возможных интерпретаций может состоять в том, что данный демотиватор пропагандирует вести интересную, разнообразную жизнь, полную новых впечатлений, знакомств и путешествий, но при этом вести себя в пределах установленных общественных норм. Данная интерпретация обусловлена представлениями о *Google* как глобальной и популярной поисковой системе и о *Youtube* как не менее популярном видеопортале, где часто размещаются видео с людьми, попадающими в смешные или неприятные для них самих ситуации. В современной коммуникации функционирует фраза «выложить на Youtube», т. е. разместить видео на портале, сделать достоянием общественности как хорошие или нейтральные поступки, так и отрицательные, имеющие не самые приятные последствия для участников видео.

Рис. 5 [URL: <http://dem-dem.ru/home/post/26240>]

Альтернатива виртуальному пространству из времен Советского Союза нашла отражение на рис. 5, где в шуточной форме визуализировано представление об информационной вирусной рассылке в сети Интернет в эпоху СССР.

В настоящей статье мы охватили сравнительно небольшой материал для исследования, иллюстрирующий ряд средств создания комического эффекта в таком популярном типе креолизованных текстов в современных виртуальных социальных сетях, как демотиваторы. Комический эффект таких текстов создается за счет репрезентации при помощи вербальных и визуальных компонентов когнитивного конфликта. Когнитивный конфликт лежит в основе метафорического образа, возникающего в процессе интерпретации такого поликодового текста, в котором актуализируется семантическое несоответствие вербального и визуального компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.
2. Бабина Л. В. Приемы создания комического смысла демотиватора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 284—288.
3. Бугаева И. В. Демотиваторы как инструмент формирования религиозной вражды // Век информации. 2017. Т. 1. № 2. С. 134—135.
4. Букреева О. В. Образ российской власти и политических лидеров в концептуальном пространстве демотивационных постеров // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 117—122.
5. Викторова О. А. Демотивационный постер как поликодовый текст // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 103—107.
6. Голиков А. С., Калашникова А. А. Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестн. Харьков. гос. ун-та. 2010. Вып. 16. С. 124—130.
7. Громова М. И. Интернет-мем как лингвокультура современного филологического анализа // Мова. 2015. № 23. С. 27—31.
8. Дмитриев А. В. Социология юмора [Электронный ресурс]. 1996. URL: http://polbu.ru/dmitriev_humoursociology/ (дата обращения: 01.03.2017).
9. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М., 1982.
10. Иванова А. В. Коммуникативный потенциал демотиваторов // Язык в различных сферах коммуникации: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатовича. — Чита, 2014. С. 77—80.
11. Касьянова Ю. А. Типы демотиваторов в современном социальном дискурсе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/014-007.pdf> (дата обращения: 27.02.2017).
12. Крюкова Н. Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста // Языковое общение: процессы и единицы: сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. — Калинин, 1988. С. 81—86.
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
14. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе СМИ // Лингвистика. — Екатеринбург, 2003. Вып. 11. С. 103—112.
15. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-007.pdf> (дата обращения: 01.03.2017).
16. Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста: моногр. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. 375 с.
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1, 3, 4; 2002. № 1, 2, 3.

M. B. Voroshilova, O. A. Adyasova
Ekaterinburg, Russia

COGNITIVE CONFLICT AS A BASIS FOR DEMOTIVATIONAL POSTERS

ABSTRACT. *The object of this research is a popular type of creolized Internet genres called demotivational posters or motifake. The article presents a number of scientific approaches to interpretation of motifake: cognitive, psycholinguistic, linguo-cultural and communicative. It is found that humor of such poster is the main component that attracts the audience (especially young people). Humour makes these posters clear and interesting for the young people. The focus of motifake on the younger generation lies also in the function of such texts which allow to express one's idea (often oppositional one) in a clear and laconic way. This research is topical because there are few studies devoted to the analysis of the structure of demotivational posters in which visual and verbal parts not only complement each other, but also make complex relations based on paradox and "cognitive conflict" between the image and the words. The goal of this article is to reveal the relations between the verbal and visual components of motifakes circulating on the Internet and in social networks. The following conclusion is made: comprehension of demotivational posters is based on defeated expectancy when an addressee first looks at the picture and then reads the text; as a result a metaphorical image is built that can be interpreted with the help of complex comprehension of all of its components functioning in certain discourse. The peculiarity of metaphorical image of motifakes is in violation of traditional sematic relations between visual and verbal components that create humorous effect.*

KEYWORDS: *creolized texts; cognitive conflict; Internet meme; motifake; demotivational poster; metaphors; metaphorical modeling.*

ABOUT THE AUTHORS: *Voroshilova maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Adyasova Oksana Aleksandrovna, Competitor for Scientific Degree, Editor of Editorial Department, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 136—137.*
2. Babina L. V. Priemy sozdaniya komicheskogo smysla demotivatora // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2014. № 16. S. 284—288.*
3. Bugaeva I. V. Demotivatory kak instrument formirovaniya religioznoy vrazhdy // *Vek informatsii. 2017. T. 1. № 2. S. 134—135.*
4. Bukreeva O. V. Obraz rossiyskoy vlasti i politicheskikh liderov v kontseptual'nom prostranstve demotivatsionnykh posterov // *Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 5. S. 117—122.*
5. Viktorova O. A. Demovatitsionnyy poster kak polikodovyy tekst // *Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod. 2014. № 14. S. 103—107.*
6. Golikov A. S., Kalashnikova A. A. Demotivatory v internet-kommunikatsii: genezis, smysl, tipologiya // *Vestn. Khar'kov. gos. un-ta. 2010. Vyp. 16. S. 124—130.*
7. Gromovaya M. I. Internet-mem kak lingvokul'turema sovremennogo filologicheskogo analiza // *Mova. 2015. № 23. S. 27—31.*
8. Dmitriev A. V. Sotsiologiya yumora [Elektronnyy resurs]. 1996. URL: http://polbu.ru/dmitriev_humoursociology/ (data obrashcheniya: 01.03.2017).
9. Zhinkin N. I. Rech' kak provodnik informatsii. — M., 1982.
10. Ivanova A. V. Kommunikativnyy potentsial demotivatorov // *Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii : materialy mezhdunar. nauch. konf. / pod red. T. Yu. Ignatovicha. — Chita, 2014. S. 77—80.*
11. Kas'yanova Yu. A. Tipy demotivatorov v sovremennom sotsial'nom diskurse [Elektronnyy resurs] // *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 2. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/014-007.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2017).*
12. Kryukova N. F. Metafora kak pragmaticheskoe sredstvo pri postroenii khudozhestvennogo teksta // *Yazykovo obshchenie: protsessy i edinitiy : sb. nauch. tr. / Kalinin. gos. un-t. — Kalinin, 1988. S. 81—86.*
13. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
14. Lazareva E. A., Gorina E. V. Ispol'zovanie priema kognitivnogo stolknoveniya v politicheskom diskurse SMI // *Lingvistika. — Ekaterinburg, 2003. Vyp. 11. S. 103—112.*
15. Nezhura E. A. Novye tipy kreolizovannykh tekstov v kommunikativnom prostranstve Interneta [Elektronnyy resurs]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-007.pdf> (data obrashcheniya: 01.03.2017).
16. Ukhova L. V. Effektivnost' reklamnogo teksta : monogr. — Yaroslavl' : Izd-vo YaGPU, 2012. 375 s.
17. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale // *Russkaya rech'. 2001. № 1, 3, 4; 2002. № 1, 2, 3.*

И. В. Кожухова
Челябинск, Россия

РЕЧЕВОЙ АКТ «ПРИВЕТСТВИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье приводится описание речевого акта «Приветствие» в английском языке: его место в речевых теориях, составляющие речевого акта и функционирование рассматриваемого речевого акта с точки зрения теории вежливости. В теории речевых актов приветствия относят к экспрессивам. В приветствиях отсутствует пропозиционное содержание, денотат и нет предпосылок к реализации условия искренности. В зависимости от средств реализации в приветствии отражается социальный статус и дистанция, горизонтальные и вертикальные отношения. В английских приветствиях нередко можно выделить три элемента: непосредственно приветствие, обращение и элемент «small talk» (замечания по поводу погоды). Обобщаются различные классификации приветствий в английском языке. По временному критерию выделяются приветствия с индикацией времени, не указывающие на время и приветствия на праздники. Приветствия можно разделить на формальные и неформальные, личные и безличные («What a sunny day!»), указывающие на равно- или разностатусное общение. Отдельно рассматриваются собственно приветствия и обращения в приветствиях, дается классификация вокативов — обращений (имена собственные, гоноративные вокативы, степени и звания, степени родства, ласкательные, уменьшительные формы обращения, разговорные формы обращений, клички и прозвища). Характеризуется несоответствие сфер употребления приветствий «Hi» и «Hello», культурно-специфические особенности использования классического английского приветствия «How are you?». Элементы фатической коммуникации, семантически опустошенные и нередко неинформативные, тем не менее очень показательны в определении статусных ролей, отношений и социальных характеристик коммуникантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые акты; приветствие; английский язык; фатическая коммуникация; экспрессив.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кожухова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454000, Россия, г. Челябинск, ул. Братев Кашириных, 129, ауд. 336; e-mail: vinantov@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Приветствие, часто являясь символическим, играет немаловажную роль в установлении и поддержании контакта между людьми. Форма приветствия служит маркером отношений между людьми: показывает их вертикальные и горизонтальные отношения.

Приветствие — основной акт стратегии сближения (в терминах П. Браун и С. Левинсона), являющийся ключевым при установлении контакта между собеседниками, создающим первое впечатление, зачастую предопределяющее дальнейший ход коммуникации. «Вежливость ярко проявляется уже в самой начальной стадии речевого общения, когда между говорящим и адресатом устанавливается контакт. Нередко начальная стадия общения предопределяет достижение говорящим коммуникативной и социальной целей. Вежливое и уместное установление контакта с помощью стереотипных и конвенциональных формул, в которых отражается модель вежливости, является неотъемлемым элементом межличностного общения. Отсутствие формул приветствия может быть интерпретировано коммуникантом как проявление недоброжелательного и неуважительного отношения к нему. Н. И. Формановская пишет: „Здороваться — значит проявить доброжелательство и уважение, вежливость по отношению к иногда и незнакомому человеку“. В этом определении раскрыта функция речевого акта привет-

ствия, которая сводится к созданию благоприятной тональности общения. Создание этой тональности происходит с помощью использования различных языковых средств» [Баранова 2013: 37—38].

О важной роли приветствия (в том числе в английском языке), вслед за Дж. Лейвером и Т. В. Лариной, говорит и В. В. Леонтьев: «Приветствие не только снимает потенциальную враждебность в ситуациях, где предполагается вербальная коммуникация. Приветствие служит сигналом социальной солидарности коммуникантов и показывает им, какую социальную роль они отводят друг другу» [Леонтьев 2006: 134].

В теории речевых актов приветствия относят к экспрессивам (Дж. Серль). Полный обзор различных классификаций речевых актов приводится у В. В. Богданова [Богданов 1989: 27—37], рассмотрим некоторые варианты категоризации речевого акта приветствия. Компанейскую иллокутивную функцию отмечает Дж. Лич, само приветствие также относящий к экспрессивным глаголам и экспрессивным речевым актам. Согласно классификации Дж. Остина, приветствия относятся к бехабитивам, Г. Г. Почепцов относит приветствия к перформативам. Согласно классификации иллокутивных глаголов К. Баха и с учетом выражаемого говорящим отношения приветствия относятся к Признаниям (Acknowledgements). Принимая во внимание

различные подходы к классификациям речевых актов, можно отметить, что характеристиками приветствия являются их отношение к Слушающему, выражение вежливости (приветствие олицетворяет собой позитивную вежливость), инициируемое определенной ситуацией. То есть можно утверждать, что в приветствиях, согласно терминологии Дж. Серля, отсутствует пропозиционное содержание, денотат и нет предпосылок к реализации условия искренности.

Согласно лексикографическим источникам, *greeting* — *a polite word or sign of welcome or recognition / something friendly or polite that you say or do when you meet or welcome someone* [Oxforddictionaries <http>] (*Приветствие — вежливое слово и знак узнавания / Вежливый или дружелюбный знак, который вы показываете или делаете при встрече*).

И. Гофман включает приветствия (наравне с приглашениями, комплиментами и мелкими услугами) в ритуалы презентации, т. е. в предписываемые модели уважительного поведения, служащие цели поощрения и активизации взаимодействия [Goffman 1971: 62].

С точки зрения теории вежливости, приветствия традиционно относятся к позитивной вежливости в связи с отсутствием угрозы лицу, коммуникативного давления и импозитивности. Дж. Лич относит приветствия к вежливым по своей природе («intrinsically polite») [цит. по: Ларина 2009: 323], наравне с другими экспрессивами.

Универсальный характер приветствия, тем не менее, не столь однозначен. В зависимости от средств реализации в приветствии отражается социальный статус и дистанция, горизонтальные и вертикальные отношения. Также стандартно выделяются особенности выражения и употребления приветствия в различных лингвокультурах. В английских приветствиях нередко можно выделить три элемента: непосредственно приветствие (*Hi / Good morning*, etc.), обращение (*Mr. Potter / dear / Larry* и другие типы в зависимости от типа отношений между коммуникантами) и элемент *small talk* (замечания по поводу погоды). Использование сразу трех выделенных компонентов является опциональным, наиболее характерным можно считать употребление непосредственно приветствия. Также отметим нередкое использование невербальных элементов. Согласно Дж. Лейверу, приветствие относится к инициальным фатическим высказываниям, тем не менее оно далеко не всегда используется механистически и служит важной стратегией общения и контроля социальных отношений между участниками коммуникации

[Laver 1981: 304], о чем шла речь выше.

Теория П. Браун и С. Левинсона не освещает отдельно рассматриваемый речевой акт, однако очевидно, что приветствия (при их корректном употреблении) относятся к поддерживающим репутацию речевым актам ввиду реализации стратегий сближения, контактоустановления и фатики. Тем не менее пренебрежение использованием приветствий может обнаружить угрозу позитивному социальному облику («позитивному лицу») говорящего.

Обзор исследований приветствий в английском языке с точки зрения фонетики приводится у Н. П. Деревянкиной: «Г. Пальмер дает 4 интонационных модели английского приветствия. В. Кук не только приводит интонационные варианты приветствия, но и комментирует их коннотативные значения. А. Гимсон расширяет круг вариантов приветствия и их интонационных структур. Дж. О'Коннор и Г. Арнольд описывают интонационную структуру и модальность высказывания в терминах пяти типов — повествования, специального вопроса, общего вопроса, побуждения (command) и восклицания (interjection). В разряд последнего включены собственно восклицания, междометия, реплики, выражающие благодарность, прощание и приветствие. Практически любая из 10 тоногрупп, выделяемых авторами, может реализоваться во всех типах высказывания, модифицируя их модальность. Одно из наиболее детальных описаний просодической реализации английского приветствия мы находим у Р. Кингдона (Kingdon R., 1958: 237—238). Принципы его классификации приветствий, а также их интонация, описанная Р. Кингдоном, положена в основу многих отечественных пособий по фонетике английского языка. Следуя влиятельной традиции в английской фонетике (см., напр., Schubiger M., 1935, 1958; Bodelsen C. A., 1943; Pike K., 1945; Jassem W., 1952), Р. Кингдон исходит из модальности (attitude) высказывания. В данном случае это степень вежливости, теплоты дружеского чувства, сердечности, радушия (cordiality). В соответствии с таким подходом им выделяются три типа приветствия — немаркированный и два маркированных» [Деревянкина 2008: 12].

Существует несколько традиционных классификаций приветствий английского языка. При разбиении по категориям учитывается ряд параметров: наличие или отсутствие временного показателя, контекст и лексико-семантические особенности.

М. Халлидей классифицирует приветствия исходя из временной привязки: приветствия с

индикацией времени (*Good morning! Good afternoon*), безвременные (*time-free*) приветствия (*Hello, Hi-ya, How are you?*) и приветствия на праздники (*Happy New Year*) [Halliday 1975].

Далее, приветствия можно разделить на формальные и неформальные (см., напр.: [Leech, Svartvik 2002: 134—137]). Формальные приветствия обычно используются в официальных ситуациях, с коллегами, при асимметричных социальных отношениях. Они также используются среди незнакомых людей.

В. В. Леонтьев, рассматривая комплименты как компоненты формул приветствия и благодарности, отмечает нередкое употребление эмотивных вокативов в равностатусных комплиментах-приветствиях:

“Hello, Queen of my Heart”, I said, taking a cup of tea. “It’s always nice to see you. Every day you look more beautiful”.

«Мужчина-адресант, высказывая этикетную похвалу, предметом которой является красота женщины-адресата, обращается к ней при помощи эмотивного вокатива *queen of my heart* = дама (покорительница) моего сердца. Известно, что данный тип вокативов отличается большой прагматической силой» [Леонтьев 2006: 134].

В ситуации статусного превосходства адресатов также можно говорить о нередком употреблении комплиментов. При обращении (будь то обращение по имени (наиболее частотно) или с употреблением общих статусных вокативов типа *sir, Mr.*) в разностатусных отношениях использование комплиментов говорит о «конвенциональности, формальной вежливости, а в силу чего и большей семантической опустошенности комплиментов-приветствий в английском языке по сравнению с русскими этикетными аналогами» [Ларина 2009: 209].

Можно говорить и о средней степени официальности при употреблении приветствий. Н. П. Деревянкина отмечает, что средняя степень «наблюдается в ситуациях общения, когда необходимо соблюдать регламент межличностной дистанции между коммуникантами, своего рода статус персональной автономности в сфере институционального делового дискурса, контакта незнакомых или малознакомых речепартнеров (например, в ситуациях „безличности“ — в больнице, в транспорте, в магазине и др.) при симметричных и асимметричных отношениях между ними» [Деревянкина]. Там же автор приводит наиболее типичные приветствия данной степени официальности: *Good morning, Good afternoon, good evening, Hello, Hi.*

Также приветствия могут встречаться и в разноплановых социальных пространствах:

теле- и радиопередачи, телефонное обращение в службу поддержки и др. Каждая из ситуаций имеет свои устоявшиеся формы инициации разговора. Например, в работе [Schegloff 2007] рассматриваются четыре основных этапа телефонного разговора: 1) «вызов» — ответ, показывающий, что канал связи открыт; 2) «идентификация» — показатель того, что участники коммуникации узнали друг друга; 3) приветствие (выражается одной или обеими сторонами коммуникации); 4) завязывание разговора — определение основной темы.

Личные приветствия характеризуют целенаправленное приветствие человека и показывают заинтересованность в общении, безличные приветствия зачастую являются классической составляющей *small talk* (*What a sunny day!*).

Ниже рассмотрим наиболее важные составляющие речевого акта: собственно приветствия и обращения в приветствиях.

Собственно приветствия зависят от контекста и отношений между коммуникантами. Приветствие *Hello* традиционно относится к нейтральным, *Hi* и *Hey* звучат менее формально. Исследователями отмечается, что сферы употребления *Hello* и *Hi* не совпадают. Первое предполагает дальнейшее продолжение беседы, в то время как *Hi* является нейтральным приветствием, не требующим продолжения коммуникации. Необходимо отметить и статусность *Hi*: «...при помощи формулы *Hi* здороваются коллеги, секретарь может поприветствовать своего начальника, студент — преподавателя, школьник — учителя» [Ларина 2008: 324]. Там же Т. В. Лариной отмечается любопытная тенденция: «Приветствие проходящего мимо знакомого может быть сведено всего лишь к произнесению его имени: *Tom / Ann / Eddie*. Таким образом, прослеживается следующая тенденция: чем более кратким является приветствие, тем оно менее формально: *Good morning, Tom — Morning, Tom — Tom*» [Там же: 325].

Классическое английское приветствие *How are you?* нередко вызывает затруднения у не носителей английского языка, поскольку расходится с представлениями о вежливости в коммуникативном поведении языка говорящего. Являясь семантически опустошенной, данная речевая формула показывает, что говорящий замечает и признает адресата и его значимость. Ответ на этот фатический вопрос может быть положительным, нейтральным или отрицательным. Нейтральный ответ типа *OK* не предполагает дальнейшего обсуждения. Положительные ответы, вне зависимости от реального

состояния собеседника, являются конвенциональными и иллюстрируют реализацию стратегий позитивной вежливости.

Формы обращения (вокативы) включают в себя:

- имена собственные;
- гоноративы типа *Mr./Mrs., Sir/Madame*;
- степени и звания типа *Doctor, Professor, Major*;
- степени родства (могут быть использованы как прямо, так и в переносном значении);
- ласкательные, уменьшительные формы обращения к детям и близким друзьям (*honey, sweetie, buddy*);
- разговорные формы обращений: *dude, bro* и др.;
- клички и прозвища.

Использование форм обращения зависит от набора экстралингвистических факторов: отношений между коммуникантами, возрастом, полом, образованием, социальным статусом и др. [Shleykina 2016: 67].

Элементы фатической коммуникации, семантически опустошенные и нередко неинформативные, тем не менее очень показательны в определении статусных ролей, отношений и социальных характеристик коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барина И. П. Сопоставление форм приветствия в польском и русском языках как одного из основных речевых актов вежливой коммуникации // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2013. № 2. С. 38—43.

I. V. Kozhukhova
Chelyabinsk, Russia

THE SPEECH ACT OF GREETING IN THE ENGLISH LANGUAGE

ABSTRACT. *The article describes the speech act of greeting in the English language focusing on: its place in the theories of speech act, its components and functions from the point of view of the theory of politeness. Speech act theory refers greeting to expressive acts. Greetings have propositional content and denotatum, and at the same time they do not contain components of sincerity. Depending on the constituents, greeting points out the social status and distance, horizontal and vertical relations. English greetings often consist of three elements: greeting itself, address and the elements of "small talk" (for example, remarks about the weather). The article provides an overview of different classifications of greetings in the English language. Due to the temporal component there are greetings with time indication, greetings without time indication and greetings of the holidays. Greetings may be formal and informal, personal and non-personal ("What a sunny day!"), indicating the status of speakers or not. Special attention is given to greetings proper and addresses in greetings; classification of vocatives – addresses (proper names, honorary vocatives, degrees and titles, relations, diminutive forms of addresses, colloquial greetings, nicknames and epithets). Discrepancy of the spheres of «Hi» and «Hello» is described, as well as the cultural features of the traditional English greeting «How are you?». The elements of phatic communication that semantically empty and devoid of information, can indicate the status of the speakers, their social hierarchy and characteristics.*

KEYWORDS: *speech acts; greeting; the English language; phatic communication; expressive.*

ABOUT THE AUTHOR: *Irina Vladimirovna Kozhukhova, Candidate of Philology, Associate Professor of Theory and Practice of the English Language Department, Chelyabinsk State University; Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Barinova I. P. Sopotavlenie form privetstviya v pol'skom i russkom yazykakh kak odnogo iz osnovnykh rechevykh aktov vezhliyoy kommunikatsii // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvis-tika. 2013. № 2. S. 38—43.
2. Bogdanov V. V. Klassifikatsiya rechevykh aktov // Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya. — Kalinin, 1989. S. 27—37.
3. Derevyankina N. P. Prosodicheskie struktury dialogicheskikh edinstv s vzaimnym privetstviem // Prosodicheskie struktury dialogicheskikh edinstv s vzaimnym privetstviem. — Pyatigorsk, 2008. S. 70—73. (Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-

2. Bogdanov V. V. Klassifikatsiya rechevykh aktov // Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya. — Kalinin, 1989. S. 27—37.

3. Derevyankina N. P. Prosodicheskie struktury dialogicheskikh edinstv s vzaimnym privetstviem // Prosodicheskie struktury dialogicheskikh edinstv s vzaimnym privetstviem. — Pyatigorsk, 2008. S. 70—73. (Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta; 2008, № 3).

4. Derevyankina N. P. Foneticheskie karakteristiki dialogicheskikh edinstv s vzaimnym privetstviem v usloviyakh mnogofaktornoy determinirovannosti (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2005. 29 s.

5. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 512 s.

6. Leont'ev V. V. Komplimenty kak komponenty formul privetstviya i blagodarnosti (na materiale angliyskogo yazyka) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2006. S. 132—137.

7. Goffman E. Relations in public: Microstudies of the public order. — Harmondsworth, UK : Penguin. 1971. 416 p.

8. Halliday M. Learning how to mean: Explorations in the development of language. — London, UK : Edward Arnold. 1975. 164 p.

9. Laver J. Linguistic routines and politeness in greeting and parting // Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech / F. Coulmas (ed.). — The Hague, the Netherlands : Mouton Publishers, 1981. P. 289—304.

10. Leech G., Svartvik J. A communicative grammar of English. — London : Longman group, 2012. 324 p.

11. Oxforddictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition> (date of access: 04.07.2017).

12. Schegloff E. A. Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis. — Cambridge, UK : Cambridge Univ. Pr., 2007. 300 p.

13. Shleykina G. The speech act of greeting performed by Russian EFL learners. — Oklahoma : Oklahoma Univ. Pr., 2016. 222 p.

ta; 2008, № 3).

4. Derevyankina N. P. Foneticheskie karakteristiki dialogicheskikh edinstv s vzaimnym privetstviem v usloviyakh ikh mnogofaktornoy determinirovannosti (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2005. 29 s.

5. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 512 s.

6. Leont'ev V. V. Komplimenty kak komponenty formul privetstviya i blagodarnosti (na materiale angliyskogo yazyka) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2006. S. 132—

137.

7. Goffman E. Relations in public: Microstudies of the public order. — Harmondsworth, UK : Penguin, 1971. 416 p.

8. Halliday M. Learning how to mean: Explorations in the development of language. — London, UK : Edward Arnold, 1975. 164 p.

9. Laver J. Linguistic routines and politeness in greeting and parting // Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech / F. Coulmas (ed.). — The Hague, the Netherlands : Mouton Publishers, 1981. P. 289—304.

10. Leech G., Svartvik J. A communicative grammar of English. — London : Longman group, 2012. 324 p.

11. Oxforddictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition> (date of access: 04.07.2017).

12. Schegloff E. A. Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis. — Cambridge, UK : Cambridge Univ. Pr., 2007. 300 p.

13. Shleykina G. The speech act of greeting performed by Russian EFL learners. — Oklahoma : Oklahoma Univ. Pr., 2016. 222 p.

Е. В. Литовская
Екатеринбург, Россия

КНИГА ПО ДОМОВОДСТВУ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме интеграции идеологических компонентов в текст бытовой направленности. Материалом исследования стали две наиболее значимые советские книги по домоводству, предназначенные для разных целевых аудиторий и призванные сформировать у читателей идеологически правильную картину мира. Показан новаторский характер книги, в которых идеология вторгается в новое тематическое поле. На материале «Книги о вкусной и здоровой пище» анализируется модель построения советского бытового текста, включающего помимо собственно рецептурной части ряд разделов, научно обосновывающих новый тип гастрономической культуры и создающих идеологически значимую текстовую рамку. На материале произведения С. Могилевской «Девочки, книга для вас» прослеживается преемственная связь с главной кулинарной книгой Советского государства, рассматривается типовая для советских кулинарных книг структурная модель, включающая текстовую рамку для передачи дополнительной, не собственно кулинарной, информации. Рецепты и практические рекомендации выступают тематическим стержнем, организующим вокруг себя идеологически заряженные тексты. Анализируются предпосылки появления идеологического бытового текста, предназначенного для детей, в частности такого как «Моральный кодекс строителя коммунизма». Основные идеологические постулаты государственного документа определяют целевые установки детского издания: воспитание гражданской позиции, любви к труду, коллективизма и товарищеской взаимопомощи, социальной ответственности. Особое внимание в статье уделяется способам репрезентации основных постулатов, а также механизмам их объяснения детской аудитории. Показано, что идеологические постулаты представлены преимущественно имплицитно: они не цитируются прямо, но легко опознаются и многократно повторяются на протяжении всего текста. Общественно значимый их смысл раскрывается через конкретные поступки советских школьников. Наглядность становится способом донести важные для гражданина новой формации правила, на доступном читателям языке задать модель поведения в той или иной повседневной ситуации и сформировать идеологически верное мировоззрение у советских школьников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: книги по домоводству; домоводство; кулинарный дискурс; советская идеология; идеологические тексты; бытовая культура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Литовская Елизавета Владимировна, аспирант, кафедра риторики и стилистики русского языка, департамент «Филологический факультет», ИГНИ, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: elizabethliter@gmail.com.

Жанр кулинарной книги на протяжении XX в. прошел несколько этапов эволюции. Начинаясь с практических рекомендаций в помощь молодым хозяйкам и их кухаркам литература о том, как готовить и как есть, в ходе своего исторического развития претерпевала многочисленные изменения, связанные не только с основными тенденциями в мире публичной словесности, но и с господствовавшими социальными, культурологическими и идеологическими течениями.

Кулинарная литература советского периода представляет интерес в первую очередь как пример соединения текста бытовой направленности и государственной идеологии. О. А. Михайлова пишет о том, что «в советскую эпоху политизируются все участки жизни, тотальная идеологизация охватывает все социальные сферы. Официальная идеология должна была вращаться в массовое сознание, с этой целью у советского человека формировалось запрограммированное коммунистическое мировоззрение. Различные постановления, распоряжения, инструкции регулировали поведение людей во всех жизненных сферах, не осталась в стороне и такая, казалось бы, сугубо бытовая область, как кулинария» [Михайлова 2008].

До тридцатых годов кулинарные книги как жанр не были востребованы государством и, следовательно, не издавались, а интерес к гастрономическим изыскам рассматривался как «проявление буржуазности

и мещанства» [Литовская 2015: 266] и не приветствовался. Гастрономическая тема «ассоциировалась со сферой принижающего человека быта» [Долешаль 2015: 13] и шла вразрез с идеями освобождения женщин от «кухонного рабства», создания комбинатов общественного питания, призванного заменить домашние кухни, и др. Но к концу тридцатых годов произошло осознание утопичности идей о коммунистической перестройке кулинарной бытовой практики и сформировался запрос на новое позиционирование кулинарии. Появляется «Книга о вкусной и здоровой пище» — квинтэссенция новых представлений о еде как объекте идеологического осмысления.

Впервые опубликованная в 1939 г. «Книга о вкусной и здоровой пище» была создана в ходе реализации микояновского проекта, но культовым текстом стала уже после войны: издание 1952 г., значительно переработанное по сравнению с первоначальным вариантом, представляло собой манифест нового государства благополучия и изобилия, в первую очередь продовольственного. Основной задачей книги было формирование нового взгляда советского человека на бытовую комфорт, до этого считавшийся буржуазным пережитком.

Новаторским стало не только то, что идеология вторгается в ранее не свойственное ей тематическое поле, но и сам способ организации книги, каждая часть которой

была призвана подчеркнуть важнейшую идею самодостаточности советской пищевой промышленности и государства в целом. Рецепты стали лишь одной из частей книги и были дополнены цитатами вождей и классиков марксизма-ленинизма, красочными иллюстрациями и дополнительной текстовой рамкой, в которой в полной мере проявлялась идеологическая природа издания — «повседневная забота партии и государства о повышении благосостояния советского народа» [Моральный кодекс строителя коммунизма].

Книга открывается программным введением «К изобилию», в котором особое внимание уделяется достижениям государства в области выполнения и перевыполнения плана послевоенной пятилетки, в частности в области сельского хозяйства, а также обличению капиталистического строя как негуманного, ведущего к гастрономическому «расслоению» общества. Советское пищевое производство показано как самое передовое: его достижения направлены на освобождение работающих женщин от тяжелой домашней работы. Этому способствовало активное освоение технологий консервирования, приготовления полуфабрикатов и др., а использование новых видов продуктов должно было стать маркером отказа от консервативной привязанности к старым вкусам и революционного новаторства, открытости новым вкусовым ощущениям как характерной черты человека нового времени.

До собственно рецептурной части в книге приводятся несколько разделов, подводящих научную базу под новый тип гастрономической культуры: статья академика И. П. Павлова «Основы рационального питания»; правила выбора блюд для завтрака, обеда и ужина; порядок приготовления обеда; правила обустройства кухни и сервировки стола. Цель этих дополнений — внушить советским гражданам, что соблюдение указанных правил является залогом здоровья, помогает упорядочить процессы приготовления пищи и сэкономить затрачиваемое на домашнее хозяйство время.

В рецептурную часть книги регулярными вкраплениями включаются графически выделенные материалы различного содержания. Это энциклопедические сведения о разновидностях тех или иных продуктов, местах их добычи или производства, объемах производства на территории СССР, полезных свойствах и основных способах использования; рассказы о производстве различных консервов и полуфабрикатов, составляющих компонентах и технологии изготовления; рекомендации в форме совета по приготовлению тех или иных блюд; старинные рецепты

из дореволюционных книг. Содержание данных материалов преследовало идеологические цели. Во-первых, сведения о разнообразии продуктов, об объемах производства и прочем демонстрировали высоты, которых достигла советская пищевая промышленность в послевоенный период. Во-вторых, в поле бытовой культуры вводились новые продукты и ранее не освоенные широкими слоями населения национальные рецепты кухонь союзных республик. И, наконец, они должны были верифицировать тезис, заявленный во введении: советская кулинария нового образца является честной, в ней полностью отсутствует продуктовая и рецептурная фальсификация.

«Книга о вкусной и здоровой пище» задала модель, по которой строились многие советские кулинарные книги, вышедшие в последующие годы. Текстовая рамка в дальнейшем активно используется авторами для передачи дополнительной, не собственно кулинарной, информации.

«Книга о вкусной и здоровой пище» доказала, что издание бытовой направленности может стать рупором идеологии, внедряя ее на уровне повседневных практик. Идеология детерминирует и процесс трансформации русской кулинарной традиции, появление нового вида кухни — советской. Русская кулинарная традиция в советском изводе должна стать важной частью жизни человека новой формации — строителя коммунизма, деятельной личности, работающей на благо своей страны.

Жизнь такого человека нуждалась в регуляции не только в области быта, но и в области морали. Формально решением этой задачи стало появление «Морального кодекса строителя коммунизма» (1961; далее «Кодекс»), принятого на XXII съезде КПСС, включающего в себя 12 основных пунктов, являющихся переложением библейских заповедей на коммунистический лад [См.: Бусел; Звягельский 2007]. Советские школьники стали одной из наиболее значимых целевых аудиторий, на которую был направлен «Кодекс», так как их ценностная система могла быть сформирована или скорректирована в соответствии с новыми положениями.

Книга С. Могилевской «Девочки, книга для вас» (1962) — одна из первых советских книг по домоводству для детей — предназначалась для школьниц младших и средних классов, чтобы привить им навыки ведения домашнего хозяйства, но, главное, дать правильные идеологические установки, поэтому в ней явно просвечивает новый свод моральных правил.

По способу организации детская книга повторяет «Книгу о вкусной и здоровой пище», открываясь идеологически окрашенным введением, объясняющим важность труда, определяющим место пищи в новой ценностной иерархии (она должна обеспечивать трудоспособность, но при этом быть вкусной и разнообразной). В книге С. Могилевской «Девочки, книга для вас» помимо рецептов представлены и тексты другой тематики, в частности практические рекомендации по домоводству (выкройки, правила ухода за растениями и др.); истории из жизни советских пионеров и вожатых; краткие графически выделенные материалы с информацией о продуктах питания и истории их появления. Рецепты и рекомендации практического толка (по садоводству, уборке дома, шитью и др.) выступают тематическим стержнем, организующим вокруг себя другого рода тексты, составляющие идеологическую рамку книги.

В текстовой «рамке» мы находим очевидную переключку с постулатами «Кодекса»: они не цитируются прямо, но легко опознаются и многократно повторяются на протяжении всего текста, определяя целевые установки издания.

В первую очередь перед автором стоит задача сформировать у читателя правильное самовосприятие, основанное на том, что роль гражданина должна являться первостепенной по отношению к роли частного лица. Эта установка формулируется уже в первом абзаце введения: *Прежде чем ты начнешь читать эту книгу, я хочу тебе сказать о самом главном, о чем ты должна всегда помнить. Ты не только мама и папина дочка и не только девочка-школьница. Ты, прежде всего, советская девочка и пионерка* [Могилевская 1962: 6]. Такая расстановка приоритетов полностью согласуется с первым пунктом «Кодекса», гласившим, что ведущим принципом для «нового» человека является «преданность делу коммунизма» [Моральный кодекс строителя коммунизма].

Второй важнейшей задачей являлось воспитание любви к труду, при этом труд должен восприниматься как личный вклад в коллективное дело: *Вокруг тебя все работают, все стремятся сделать что-нибудь полезное для людей и страны. И ты не можешь оставаться в стороне от общего дела. Тебе нужно многое знать и многому учиться. Приобретая с каждым днем все больше знаний и умений, ты должна, где только можешь, участвовать в большом труде советского народа* [Могилевская 1962: 6].

Важность темы труда задокументирована во втором пункте «Кодекса», в котором

говорится о необходимости «добросовестного труда на благо общества» [Моральный кодекс строителя коммунизма]. Разумеется, читатель книги по домоводству, скорее всего, является человеком, любящим трудиться, но в книге С. Могилевской неоднократно акцентируется необходимость воспитания в себе данного качества. И желание учиться является для школьницы важной вехой в формировании любви к труду.

В книгу «Девочки, книга для вас» вводятся две сюжетные линии, связанные со школьницами Капой и Таней, которые постоянно демонстрируют свою внутреннюю потребность в обучении, но выполняют задания совершенно по-разному и получают, соответственно, разные результаты.

Капа, которой приписывается следующая самопрезентация: *в классе и отряде меня часто дразнят „Капа-растяпа!“*. Но это не потому, что я какая-нибудь белоручка... *Вовсе нет! Я очень люблю работать и ни за что не хочу прослыть бездельницей. Но вот беда, я ничего не умею делать! А так хочется всему поучиться!* [Могилевская 1962: 42] — всегда поспешна и невнимательна, что становится причиной ее неудач. Энтузиазм Капы одобряется автором, но именно эта девочка становится «отрицательным» примером: разбирая ее ошибки, автор дает советы читательницам, как не следует поступать; рассказывает, как правильно справляться с поставленной задачей.

Таня как антипод Капы является типичной советской ученицей, которая выполняет все действия последовательно и усердно, следует правилам, спрашивает совет у взрослых и неизменно получает положительные результаты. Она представляет образец, на который должны равняться читательницы.

Начальные этапы ведения домашнего хозяйства — это всегда история ошибок и маленьких подвигов конкретного человека. С. Могилевская дает рекомендации после каждой истории о неудачах, предупреждает читательниц о том, что обучение всегда связано с преодолением трудностей и собственных страхов. В тексте, дополняющем рецепты пирогов, автор делится своим личным опытом: *Помню, когда я была маленькой, я всякий раз изумлялась, когда дома ставили кислое тесто для пирогов. Я пристально следила за тем, как это делается, и все равно казалось, что существует секрет, который мне почему-то не хотят раскрыть <...> Но и потом, став взрослой, я считала, что поставить кислое тесто — это высокое поварское искусство, чуть ли не волшебство, которое мне ни за что не одолеть! Но однажды — было это в канун*

майских праздников — я вдруг решила: „Э, была не была! Все кругом пекут пироги, почему же я не могу?“. И, взяв все, что полагается, я поставила кислое тесто. Оказывается, это совсем простая штука, которая доступна всем, даже тебе, моя молодая хозяйка [Там же: 112—113].

Эта история призвана показать юному читателю, что не стоит бояться сложных задач, так как нередко они оказываются значительно проще, чем кажутся на первый взгляд. Если же задача действительно представляет сложность, можно проявить изобретательность и найти другой способ решения: *Случайно один из таких старых, испытанных рецептов попался мне в руки. Сказать тебе по правде, я не решилась сделать по нему пончики. Мне показалось это слишком сложным. Но я научу тебя делать пирожки по другому, более простому рецепту [Могилевская 1962: 124].*

Автор, выступая с позиции взрослого, показывает читателям пример решительности, но одновременно учит упрощать сложные рецептурные задачи. Такой подход соответствует общей тенденции советской кулинарной традиции к упрощению процесса приготовления, заявленной в «Книге о вкусной и здоровой пище», а также дает читательницам урок на будущее: само желание что-то делать уже является хорошим мотивом для деятельности, а трудности — это временное явление, которое преодолевается при наличии желания. Это полностью согласуется с основным пафосом историй про Таню и Капу.

В концепции книги труд как идея не замыкается на одном человеке — он становится важной социализирующей практикой: благодаря труду каждый может стать частью коллектива, в частности школьного (*И тогда уже не на словах, а на деле будут выполняться одно из главных октябрятских правил: „Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут“ [Там же : 287]). «Добросовестный труд на благо общества»* отмечается во втором пункте «Кодекса», и его расположение в списке подчеркивает высокую значимость коллективной и общественной роли труда.

Коллективизм как «принцип организации взаимоотношений и совместной деятельности людей, проявляющийся в осознанном подчинении личных интересов общественным интересам, в готовности к взаимодействию и взаимопомощи» [Психологический лексикон] был одной из конституирующих черт советского общества. Это выражалось не только в большом количестве обязательных групповых мероприятий, но и в идее то-

варищеской взаимопомощи, занимающей важное место в морально-ценностной системе человека. Коллективистские идеи находят отражение в ряде пунктов «Кодекса» («Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: один за всех, все за одного»; «Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат» [Моральный кодекс строителя коммунизма]) и аналогично встраиваются в текст книги С. Могилевской, развиваясь по двум тематическим направлениям.

Первое направление связано с идеей социальной ответственности и передачей полученных навыков менее опытным членам коллектива. По убеждению автора, получение навыка не является самоцелью, а сам навык становится значимым лишь в социальной перспективе: *Научившись простой и нужной домашней работе, поделись своим умением с товарищами; Но научиться самой — еще полдела. Раз ты вожатая октябрятской звездочки, научи этому и своих октябрят; Вот и ты, когда летом будешь в пионерском лагере, попробуй устроить такую веселую и красивую игру с октябрятами своей звездочки. Научи их собирать полевые цветы, делая из них букеты и угадывая название каждого цветка [Могилевская 1962: 191].* Читательнице задается модель, в которой она выступает в роли вожатого — человека более опытного и взрослого, чем его подопечные, и потому он должен вести себя как взрослый. В смоделированной автором ситуации вожатому предлагают передать полученные знания своим октябратам, потому что обучение младших входит в число его обязанностей.

Проявление помощи как социальной ответственности должно восприниматься не как навязанная необходимость, а как внутренняя потребность человека и не должно оставаться без поощрения и благодарности: *Через несколько дней Степа подошел ко мне и молча показал свои руки. Потом сказал: Спасибо тебе за хороший совет. А я была очень рада, что помогла Степе [Могилевская 1962: 224].* Однако получение внешнего одобрения не должно быть главной мотивацией — более ценным является внутреннее удовлетворение человека, который помог другим (*Когда всем отрядом вы пойдете в туристический поход, как приятно будет тебе, когда все ребята за обе щеки начнут уплетать приготовленный тобой обед [Там же]).*

Важность взаимопомощи демонстрируется и на исторических примерах. В издании «Девочки, книга для вас» есть ряд историй, связанных со Второй мировой войной, которая становится фоном для маленьких подвиги-

гов советских детей. Эта группа текстов связана с личным опытом автора, работавшего в военное время воспитателем в детском доме.

Выбор такого исторического паттерна можно объяснить тем, что к моменту выхода книги уже был выработан официальный «военный» нарратив, в котором значимая роль отводилась общему подвигу советского народа. Таким образом, советские дети военных лет априори становились участниками героической борьбы с врагом. Хотя возраст не позволял им участвовать в военных действиях, дети могли проявлять свою гражданскую ответственность в повседневной жизни, быть стойкими, помогать тем, кто нуждается в этом, и верить в свою страну.

Одна из таких историй рассказывает о том, как старшие девочки в детском доме помогли маленькому мальчику, приобретя первый опыт в качестве швей. *Три дня девочки трудились, можно сказать, не выходя из кладовой* [Могилевская 1962: 276] и к Первому сентября сшили Николке пальто, которое вызвало общее одобрение: *Николка был счастлив, девочки-швей горды собой, и все остальные тоже были очень довольны* [Там же]. Позднее девочки открыли свою швейную мастерскую при детском доме (*История с Николкиным пальто положила начало швейной мастерской, которая была организована в детском доме. А наши девочки стали искусными мастерицами и шили отличные вещи не только себе, но и многим ребятам* [Там же]) и поняли, чем могут быть полезны для общества: шитье стало делом их жизни. Урок, который читательница должна была извлечь из этой истории, заключается в том, что помощь другому может стать основой для будущего самоопределения.

Второе направление связано с идеей коллективизма как основы отношений в семье, что также согласуется с положением «Кодекса»: важно «взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей» [Моральный кодекс строителя коммунизма]. Работа над общим делом объединяет разные поколения семьи (*Идет генеральная уборка! Это значит: вся семья, не отлынивая, берется за дело!* [Могилевская 1962: 171]), при этом не должно быть исключений: все должны выполнять посильные задачи, а отказ от работы осуждается как неприемлемое поведение. Дети становятся активными участниками процесса, так как помощь старшим дает им возможность включиться в семейную коллективную работу на правах равного. Выполнение домашних обязанностей является показателем сознательности ребенка и его желания освободить старших от допол-

нительной нагрузки (*Но ты им все-таки скажешь: „С сегодняшнего дня все полы дома буду мыть я сама!“ Хватит и маме и бабушке гнуть спину, если у них есть такая взрослая помощница* [Могилевская 1962: 168]).

Автор описывает ряд ситуаций, которые могут случиться с каждой девочкой, которая начинает помогать по дому (*Раз ты начала хозяйничать и помогать маме, в один прекрасный день она тебе, конечно, скажет: — Сходи-ка, дочка, в магазин и купи того-то и того-то...* [Могилевская 1962: 57]; *Свари-ка братишке манную кашу! — попросила тебя мама. Что ж, это совсем нетрудно!* [Могилевская 1962: 69]). В них показана модель поведения, которая должна стать базовой для советской девочки: она должна быть готова сделать все, о чем ее попросят старшие (*В воскресенье мама тебе сказала:— Сегодня будут гости. Посмотри-ка, дочка, что у нас есть дома и сделай салат. А я пойду что-нибудь куплю в магазине... Ты тотчас же распахнула дверцу буфета и принялась за поиски* [Могилевская 1962: 80]).

С. Могилевская показывает важность коллективизма как организующего принципа взаимодействия в двух наиболее значимых и понятных для ее целевой аудитории группах — семье и детских организациях. Но воспитание чувства общности, формирование групповой идентичности строится не только на понимании «своего» круга, но и на противопоставлении себя «другим».

В одной из военных историй находим следующую цитату: *Первое сентября сорок первого года было по-летнему жарким днем. Только кисти рябины, ярко рдеющие на солнце, напоминали об осени. Не верилось, что под этим праздничным, ярчайшей синевы небом где-то идет жестокая, навязанная нам война* [Могилевская 1962: 278]. СССР представлен как изначально мирное государство, которому навязывают участие в конфликте, а руководство страны не является агрессором и вступает в конфликт только в том случае, если под угрозу попадают его граждане. Вера в государство, которое поможет своему населению, является важной идеей советской пропаганды и находит отражение в цитате из другой истории про детей во время войны: *Повторяю, это было самое трудное время — военная зима с сорок первого на сорок второй год. В нашем детском доме, как и всюду тогда, было не очень сытно. Но на это никто не жаловался. И дети, и взрослые знали: страна дает нам все, и даже больше того, что может...* [Могилевская 1962: 53—54].

Представление о «других» было сформировано в советской пропаганде и включа-

ло в себя, с одной стороны, идеологических противников, а с другой — широкий круг лиц, чье поведение маркировалось как ненормативное. Отношение к ним в «Кодексе» определяется как «нетерпимость» и «непримиримость»: «Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов»; «Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству» [Моральный кодекс строителя коммунизма].

Советское государство идеологически противопоставляло себя окружающему «враждебному» капиталистическому миру и его системе ценностей, построенной на принципах индивидуального, а не коллективного достижения, а также имперскому прошлому России и жизненному укладу этого периода.

Нивелирование достижений предыдущей политической эпохи было одной из основных задач советского пропагандистского аппарата. Царская Россия представлялась как страна богатых бездельников, угнетавших рабочий класс, а ее гастрономическая культура — как избыточная, о чем свидетельствует активная критика самой популярной дореволюционной кулинарной книги «Подарок молодым хозяйкам» Е. Молоховец. Наиболее известны в популярной культуре стихотворение А. Тарковского «Елена Молоховец» (1957), начинавшееся словами *Где ты, писательница малосольная, // Молоховец, холуйка малахольная* [Сюткина, Сюткин 2011: 188], а также ставшая анекдотической не существующая в книге цитата: «...если к вам неожиданно пришли гости, пошлите девку в погреб, пусть она принесет холодной телятины и клубники со сливками».

В книге С. Могилевской встречаются однозначно негативные характеристики образа жизни аристократов времен Российской империи: *возмутительное расточительство аристократов в царской России* [Могилевская 1962: 128]; *Так разнообразили свою жизнь в России богатые бездельники, в то время как тысячи крепостных недоедали, питаясь кислым квасом и хлебом* [Могилевская 1962: 118]; *Наша с тобой жизнь занята важной, полезной и интересной работой. Нам не нужны ни „жаркое императрицы“, ни телята, откормленные вином и сливками. Нам слишком дорого время, чтобы его расходовать на такие бесполезные излишества. Много больших и важных дел ждет каждого из нас — и тебя, и меня, и наших товарищей и родных. Но, чтобы по-настоящему, в полную меру, работать для нашей страны, мы все должны быть здоровыми, сильными, трудоспособными. Мы должны хорошо, вкусно, сытно питаться. Поэтому давай учиться и тому, как быстро приго-*

товить аппетитный борщ и щи, и как поджарить котлеты с хрустящей корочкой, и как вскипятить молоко, чтобы оно не пригорело, и как испечь пышную кулебяку к какому-нибудь из наших веселых праздников [Могилевская 1962: 129].

Книга задает курс на приготовление блюд, не отнимающее времени у действительно ценного занятия — труда (*Если ты поймешь, какое великое значение имеет труд для каждого советского человека, как ненавистно нам всякое проявление барства и тунеядства, ты захочешь приносить пользу людям* [Могилевская 1962: 6]). Коллективное порицание праздности, а также страх быть публично обвиненными в ней становятся одной из причин, по которой школьницы должны учиться быть полезными обществу, и начинать следует с посильной помощи старшим членам семьи, школьным товарищам, а через них — всему советскому обществу.

Привитие гордости за свою страну и ее достижения также являлось важной задачей идеологического воспитания школьников. Первым положением «Кодекса» было следующее: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма» [Моральный кодекс строителя коммунизма]. В книге для девочек СССР позиционируется как страна рекордов, достигнутых коллективными усилиями: *Ни в одной стране мира нет таких колоссальных тиражей книг, как у нас* [Могилевская 1962: 212]; *Но ни в одной стране мира нет такого высокого урожая хлопка, как в СССР* [Могилевская 1962: 278]. Местоимения «мы», «наш» включают читателя в общность советских граждан (*нет таких колоссальных тиражей книг, как у нас; идет жестокая, навязанная нам война; как ненавистно нам всякое проявление барства; как испечь пышную кулебяку к какому-нибудь из наших веселых праздников; У нас принято, чтобы перед октябрьскими и майскими праздниками все хозяйки делали у себя дома генеральную уборку*).

Расширяя группу «своих», автор не забывает о том, что «Кодекс» предписывает проявлять братскую солидарность «с трудящимися всех стран, со всеми народами». В книге это проявляется через кооперацию с другими социалистическими странами, например Вьетнамом, Чехословакией, Китаем и Ганой (*Вот как описывает рынок в Ханое один советский инженер, побывавший в Демократической республике Вьетнам* [Могилевская 1962: 46]; *Раньше государство Гана было английской колонией и называлось „Золотой берег“. Так прозвали европейцы эту древнюю страну, обнаружив в ее недрах*

огромные запасы золота. А теперь Гана — независимая страна [Могилевская 1962: 210]; *Чехословацкая республика славится своей обувью. <...> Обувь эту, красивую и крепкую, носят люди многих стран* [Могилевская 1962: 249]; *Здоровое, сильное поколение растит китайский народ для своей страны* [Могилевская 1962: 311]).

Тема поддержания мультикультурных отношений между социалистическими странами находит отражение в одной из историй о Тане, которая учится выращивать цветы и приходит за советом к садоводу-энтузиасту Евгению Павловичу. В его доме на подоконнике растут цветы из разных южных стран, но только дружелюбно настроенных по отношению к СССР:

Евгений Павлович рассказал нам о каждом растении своего сада:

— *Житель Индии. — Хозяин показал нам инжир с широкими лапчатыми листьями. — А это, посмотрите, какой прелестный амариллис! Родина его Южная Африка, пустыня... А как вам нравится этот красавец из Занзибара? Великолепно чувствует себя на московском подоконнике!*

— *Они из разных мест, — сказала Тая. — А им всем хорошо на одном и том же окошке.*

— *Ты умница! — похвалил мою Таню Евгений Павлович. — Ты поняла самое главное и поэтому разведешь у себя на окошке отличный сад* [Могилевская 1962: 193].

Этот диалог воспринимается как аллегория: растения из разных стран, благополучно уживающиеся друг с другом на московском подоконнике, символизируют организованные СССР и сосуществующие в едином пространстве страны социалистического блока.

«Честность и справедливость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни» [Моральный кодекс строителя коммунизма], патриотизм, любовь к труду и желание помогать обществу — те черты, которые необходимо воспитать в советских школьниках. Большое количество разнообразных историй, приведенных С. Могилевской в издании «Девочки, книга для вас», должно наглядно продемонстрировать, что названные качества приносят положительные плоды самому человеку и одобряются другими, т. е. становятся залогом успешной социализации в будущем.

Для государства, в идеологии которого труд занимает важное место, выбор книги по домоводству в качестве площадки для идеологического воспитания советского школьника, в качестве посредника, формирующего у ребенка «правильное» мышление, определяющего границу между плохим и хорошим,

является безупречно логичным.

За счет тематического расширения и использования текстовой рамки, составляющей примерно половину всего текста книги, автор создает для себя возможность в доступной для детей развлекательной форме представить все постулаты «Морального кодекса строителя коммунизма», вышедшего за год до публикации самой книги. В историях, сопровождающих практические рекомендации по домоводству, постулаты «Кодекса» становятся частью повествования, часто выводом и моралью, до которых читатели должны прийти. Это позволяет глубже осмыслить их, а также увидеть, как государственные предписания входят в жизнь простых людей и дают положительные результаты.

Формирование отрицательного образа, на контрасте с которым можно ярче показать положительные стороны советского общества, также является важной идеологической задачей. В качестве идейных противников советской власти выступают как частные лица, носители негативных качеств, так и государства с иным типом идеологического устройства (капиталистический Запад и до-революционная Россия). Формирование пула отрицательных персонажей, чье поведение маркируется как однозначно неправильное, важно для идеологического воспитания, так как дети должны понимать причину публичного осуждения определенных качеств (лени, индивидуализма, приверженности буржуазным и капиталистическим ценностям).

В книге дается и урок кооперации — важного качества советского человека как носителя коллективистского типа сознания. Умению и желанию работать сообща посвящено большое количество текстов книги. В картину мира читателя вводится также представление о странах — союзниках СССР: факт обращения к их опыту и культуре служит формированию их позитивного образа.

Таким образом, «Девочки, книга для вас» дает своим читателям представление о наиболее важных положениях государственной идеологии, продолжает и развивает заданную «Книгой о вкусной и здоровой пище» модель кулинарно-бытовой книги, меняя способ построения идеологического нарратива. Используя форму рассказа, автор подталкивает читателя к рефлексии и поиску смысла той или иной истории. Но в этих историях сложно видеть разную модальность, их мораль очевидна, и «Моральный кодекс строителя коммунизма» является ключом к разгадке и одновременно разгадкой секретов каждой из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусел А. Последний зов : сайт Анны Бусел. URL: http://www.hrist-commun.ru/commun_codex.htm.
2. Долешаль У., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Пищевое поведение и язык // Еда по-русски в зеркале языка. — М. : РГГУ : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. С. 7—24.
3. Звягельский Р. А. Федор Бурлацкий: «Судьба дала мне шанс» // Российский адвокат. 2007. № 5. URL: <https://web.archive.org/web/20130823004817/http://gra.ros-adv.ru/magazine.php?m=60&a=3>.
4. Литовская М. «История с географией» в советских и постсоветских кулинарных текстах // Топография популярной культуры : сб. ст. — М. : Новое литературное обозрение,

2015. С. 262—281.

5. Михайлова О. А. Советская риторика в кулинарной книге // Советская культура в современном социопропространстве России: трансформации и перспективы : материалы науч. интернет-конф. (Екатеринбург, 28—29 мая 2008 г.). — Екатеринбург, 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1853/1/Part1%202008-10.pdf>.
6. Могилевская С. Девочки, книга для вас. — М. : Детская литература, 1962. 442 с.
7. Моральный кодекс строителя коммунизма. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/mor_kod.php.
8. Психологический лексикон : энцикл. слов. : в 6 т. URL: <http://vocabulary.ru/termin/kollektivizm.html#item-48108>.
9. Сюткина О., Сюткин П. Непридуманная история русской кухни. — М. : АСТ : Corpus, 2011. 512 с.

E. V. Litovskaya
Ekaterinburg, Russia

HOUSEKEEPING BOOKS AS AN IDEOLOGICAL TEXT

ABSTRACT. *The article is devoted to the problem of integration of ideological components in the text about housekeeping. The two most significant Soviet books on housekeeping, designed for different target audiences to create an ideologically correct picture of the world for readers make the basis for this study. The research reveals an innovative character of the books, where ideology invades a new thematic field. On the basis of the book "Books on Delicious and Healthy Food" a model of the Soviet everyday text is analyzed, which in addition to the recipe includes a number of sections that describe a new type of gastronomic culture and create an ideologically meaningful text frame. The material of S. Mogilevskaya's "Girls, a book for you" shows a succession link to the main culinary book of the Soviet state and a typical structure model of Soviet culinary books which considered a textual frame for the transfer of additional non-culinary information. Recipes and practical recommendations act as a thematic core, organizing ideological texts around them. The prerequisites for the emergence of an ideological everyday text intended for children, particularly, the "Moral Code of the Constructor of Communism", were analyzed. The main ideological postulates of the state document determine the target setting of the children's publication: the education of a civic position, love for work, teamwork and comradesly mutual assistance, social responsibility. In the article particular attention is paid to the ways of representation of the basic postulates, as well as to the mechanisms for their explanation to the children's audience. It is shown that ideological postulates are represented mainly implicitly: they are not quoted directly, but were easily recognized and multiply repeated throughout the text. Their socially significant meaning was revealed through the certain actions of Soviet schoolchildren. Visibility becomes the way to convey important rules for the citizen of the new formation, to set the model of behavior in this or that everyday situation and to form an ideologically correct worldview among Soviet schoolchildren using a language suitable for the readers.*

KEYWORDS: *housekeeping books; housekeeping; culinary discourse; Soviet ideology; ideological texts; domestic culture.*

ABOUT THE AUTHOR: *Litovskaya Elizaveta Vladimirovna, Post-graduate Student, Department of Rhetoric, Stylistics and Russian Language, Philological Faculty, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Busel A. Posledniy zov : sayt Anny Busel. URL: http://www.hrist-commun.ru/commun_codex.htm.
2. Doleshal' U., Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Pishchevoe povedenie i yazyk // Eda po-russki v zerkale yazyka. — М. : РГГУ : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. С. 7—24.
3. Zvyagel'skiy R. A. Fedor Burlatskiy: «Sud'ba dala mne shans» // Rossiyskiy advokat. 2007. № 5. URL: <https://web.archive.org/web/20130823004817/http://gra.ros-adv.ru/magazine.php?m=60&a=3>.
4. Litovskaya M. «Istoriya s geografiey» v sovetskikh i postsovetskikh kulinarnykh tekstakh // Topografiya populyarnoy kul'tury : sb. st. — М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. С. 262—281.

5. Mikhaylova O. A. Sovetskaya ritorika v kulinarnoy knige // Sovetskaya kul'tura v sovremennom sotsioprostanstve Rossii: transformatsii i perspektivy : materialy nauch. internet-konf. (Ekaterinburg, 28—29 maya 2008 g.). — Ekaterinburg, 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1853/1/Part1%202008-10.pdf>.
6. Mogilevskaya S. Devochki, kniga dlya vas. — М. : Detskaya literatura, 1962. 442 s.
7. Moral'nyy kodeks stroitelya kommunizma. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/mor_kod.php.
8. Psikhologicheskiy leksikon : entsikl. slov. : v 6 t. URL: <http://vocabulary.ru/termin/kollektivizm.html#item-48108>.
9. Syutkina O., Syutkin P. Nepridumannaya istoriya russkoy kukhni. — М. : AST : Corpus, 2011. 512 s.

Лю Лифэнь
Гуанчжоу, Китай

РУССКИЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА САНЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается использование русского языка в коммуникативном пространстве южнокитайского города Санья. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить функциональное соотношение языковых кодов на вывесках, надписях и объявлениях в Санья и создать базу для разработки соответствующей части государственной языковой политики, способствующей гармонизации языковой сферы жизни общества. Официальных вывесок, созданных Управлением общественной безопасности, очень мало, они выполняют указательные и предупреждающие функции, регламентируют въезд русскоговорящих туристов в Китай. Основная часть вывесок (98 %) представлена неофициальными, которые выполняют инструктивную, предупреждающую, запрещающую, рекламную, агитационную и разъяснительную функции. Языковые коды разнообразны, в порядке убывания частотности они располагаются так: китайский язык, переданный иероглифкой или транскрипцией пиньинь, английский язык, русский язык; также употребляются корейский и японский языки. Языки могут использоваться и по отдельности, и сочетаться на одной вывеске. Реальная востребованность того или иного языка прямо зависит от количества туристов из страны (стран) этого языка. Выявлено отсутствие вывесок на русском языке, связанных с важными туристическими сферами: дорожно-транспортных указателей, объявлений на случай чрезвычайных ситуаций. Отмечается, что, хотя в Санья русскоговорящих туристов приезжает намного больше, чем англоговорящих, вывесок на русском языке, размещенных официальными организациями, меньше, чем на английском. Это объясняется функциональной неравновесностью языков вследствие глобализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистический ландшафт; русский язык; вывески; языковые коды.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Лифэнь, доктор филологических наук, профессор Исследовательского центра переводоведения и Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли; 510420, Китайская Народная Республика, провинция Гуандун, город Гуанчжоу, район Байюнь, пр-т Байюньдадао Бэй, 2; e-mail: liulifen2016@hotmail.com.

1. Введение

Санья — тропический приморский курорт на самом юге китайского острова Хайнань, международный и туристический центр. Город в основном расположен на берегах залива Саньявань. На данный момент имеется пять зон отдыха — пять заливов Южно-Китайского моря (Саньявань, Сяодунхай, Дадунхай, Ялунвань, Хайтанвань), на берегах которых расположены пляжи. Климат Санья позволяет отдыхать на побережье круглый год. Курорт привлекает зарубежных туристов, в частности из России, своими уникальными рекреационными ресурсами. По новейшим статистическим данным туристической ассоциации Санья за 2017 г., среди приезжающих на этот курорт иностранных туристов русскоговорящие занимают первое место. Быстрый рост числа туристов из России формирует потребность в организации русскоязычного информационного пространства. В настоящее время в тех местах, куда массово приезжают русскоговорящие, представлено много вывесок на русском языке, которые образуют уникальный лингвистический ландшафт.

Лингвистический ландшафт города отражает не только специфику использования языков, но и открытость города, его экономическую активность и стиль жизни, более того, демонстрирует ориентацию власти и ее политики, общественное положение, статус языков, скрывающиеся за выбором языков вывесок [Шан Говэнь 2017: 12].

2. Современное состояние лингвистического ландшафта в Санья

Описание лингвистического ландшафта — один из способов характеристики повседневного использования языков, состоящий в исследовании письменных знаков в коммуникативном пространстве городской среды [Backhaus 2007: 158]. Лингвистический ландшафт — не простое распределение и представление знаков, в нем таится определенный механизм создания знаков и стоящая за ним идеология. Исследование лингвистического ландшафта фокусирует внимание не на содержании вывесок, а на социальной языковой действительности, которую отражают языки вывесок. Характер представленности языков в общественных местах в большей или меньшей степени, косвенно или непосредственно свидетельствует о том, что некоторые языки находятся в центре, а некоторые — на периферии данного пространства [Shohamy 2006: 110].

Представленный в настоящей статье анализ русского компонента лингвистического ландшафта Санья базируется на собственной картотеке автора — фотографиях 198 письменных текстов общественной сферы. Среди них только пять официальных вывесок, созданных правительством, а остальные 193 вывески принадлежат частным предприятиям и лицам. Фотографирование осуществлялось на Дадунхае, в Этнографической деревне Ли и Мяо, в даосском парке «Небесные гроты», парке «Край све-

Данная статья выполнена при финансовой поддержке Минобразования КНР для проекта 2014 г. № 14JJD740010 и при финансовой поддержке гранта научного социального фонда КНР 2016 г. №16BYU188.

© Лю Лифэнь, 2017

та», тропическом парке «Янода» и других живописных местах, на пляжах морского побережья, в центрах отдыха у горячих источников, в пятизвездочных отелях, туристических фирмах — в основных местах концентрации русскоговорящих туристов. Мы классифицировали использование русского языка на вывесках Санья по типам вывесок, их авторам, функциям, языкам, сферам использования и содержанию (см. табл. и диаг.).

Таблица и диаграмма позволяют сделать следующие выводы.

1. Разница в процентах официальных и неофициальных вывесок на русском языке весьма значительна. Официальных вывесок, созданных Управлением общественной без-

опасности, очень мало, они составили только 2 % от общего количества собранных текстов (см. рис. 2). Эти вывески в основном выполняют указательные и предупреждающие функции, регламентируют въезд русскоговорящих туристов в Китай. А неофициальных вывесок, созданных коммерческими организациями или частными лицами, очень много, на них пришлось 98 % (см. рис. 3 и 4). Данные вывески выполняют инструктивную, предупреждающую, запрещающую, рекламную, агитационную и разъяснительную функции. Главным образом они мотивируют туристов к приобретению товаров и услуг, но в то же время знакомят их с элементами китайской культуры.

Таблица

Официальная и неофициальная разновидности русского компонента лингвистического ландшафта города Санья

Типы вывесок	Авторы	Функции	Языки
Официальные (2 %)	управление общественной безопасности, отделение милиции	указательная, предупреждающая	китайский + английский + русский (80 %) ; китайский + английский + русский + корейский + японский (20 %)
Неофициальные (98 %)	отели, парки, зоны отдыха, туристические агентства, развлекательные центры, центр отдыха в районе горячих источников, пункты лечебно-оздоровительных процедур китайской медицины, частные магазины, рестораны, супермаркеты	инструктивная, предупреждающая, запрещающая, рекламная, агитационная, разъяснительная	китайский + английский + русский + корейский + японский (32 %) китайский + английский + русский + корейский (22 %) китайский + английский + русский (22 %) китайский + русский (9 %) русский язык (15 %)

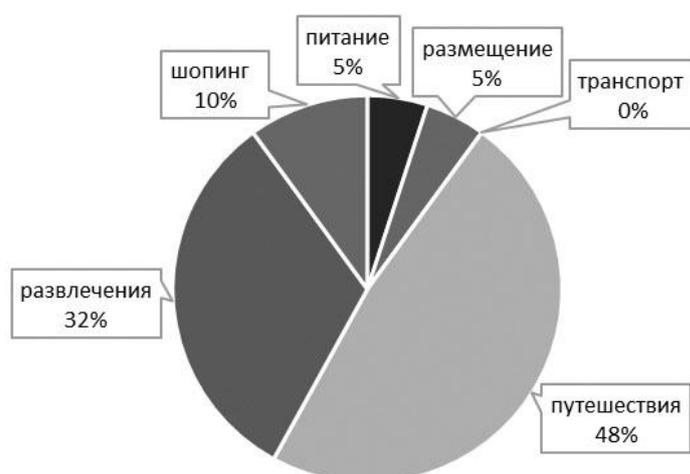

Диаграмма. Функциональные сферы русского компонента лингвистического ландшафта города Санья

Рис. 1

Рис. 2

外国人住宿登记 **温馨提示** **WARM TIPS!** **Внимание!**

ACCOMMODATION REGISTRATIONS FOR FOREIGNERS **Правила проживания иностранцев**

0004670

《中华人民共和国出境入境管理法》规定：外国人在旅馆以外的其他住所居住或者住宿的，应当在入住后24小时内由本人或者留宿人，向居住地的公安派出所办理登记。违反规定的，公安机关将依法给予警告，可以并处人民币二千元以下的罚款。

咨询电话：0898-8886 9136。紧急求助请拨打110。

Due to the Exit and Entry Administration Law of the People's Republic of China, for foreigners who reside or stay in domiciles other than hotels, they or the persons who accommodate them shall, within 24 hours after the foreigners' arrival, go through the registration formalities with the public security organs in the places of residence. The public security organs will give the warning and fined of maximum RMB 2000 if do not follow this rule.

For further information please dial 0898-8886 9136.
For any emergency please dial 110.

В соответствии с миграционным законом КНР, иностранцы проживающие в квартирах или апартаментах должны быть зарегистрированы владельцем квартиры или лицом, сдающим эту квартиру в аренду, в местных органах полиции в течение 24 часов с момента заселения. Нарушители данного положения, могут быть подвергнуты штрафу в сумме 2000 юаней.

Телефон для справок: 0898-8886 9136.
Для срочной помощи наберите 110.

三亚市公安局 THE PUBLIC SECURITY BUREAU OF SANYA CITY
Управление общественной безопасности города Санья

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

2. Языковые коды разнообразны: это китайский язык, переданный иероглификой или транскрипцией пиньинь, английский язык, русский язык, корейский язык, японский язык, цифры и другие знаковые системы. Языки используются и по отдельности, и в сочетаниях, например, существуют вывески, надписи и объявления только на русском языке, на китайском и русском языках, а также на русском и других языках (английском, корейском и японском). Разнообразие языков привело к тому, что в одной местно-

сти количество языков на вывесках широко варьируется. Так, на пляжах Дадунхуа существуют вывески, надписи и объявления на пяти, трех, двух и одном языках, например, на китайском, английском, русском, корейском и японском языках (см. рис. 5), китайском, английском и русском языках (см. рис. 7), китайском и русском языках (см. рис. 6), только на русском языке (см. рис. 8). Иногда даже на вывесках, надписях и объявлениях, созданных официальными организациями, нет унифицированных кодов (см. рис. 2 и 9).

Рис. 9

По порядку расположения языков на вывесках китайский язык закономерно находится на первом месте — в соответствии с социальным статусом, основным составом населения и приоритетами языковой политики. После китайского языка следует английский, потому что это главное общемировое средство международного общения, важный показатель открытого международного туристического города, язык, обладающий большим влиянием в современном мире. На третьей позиции — русский язык; среди не столь распространенных (по сравнению с английским) языков он преобладает в пространственном и в количественном отношении, в частности, в зоне Дадунхай. Кроме того, снаружи и внутри отелей, на пляжах представлены вывески, надписи и объявления на английском языке, а в большинстве частных предприятий — магазинов, ресторанов, супермаркетов, туристических фирм — информация дается сначала по-китайски, потом по-русски, а некоторые названия — только по-русски; вывески и надписи последнего типа составили 15 % от общего количества собранных текстов.

3. Всемирная туристическая организация в соответствии с основными требованиями туристического бизнеса выделяет такие шесть сфер деятельности, как «Питание», «Размещение», «Транспорт», «Путешествия», «Развлечения», «Шопинг», «Питание». Предприятия общественного питания, такие как рестораны, кафе, бары, предоставляют услуги по удовлетворению потребностей туристов в пище. Сфера «Размещение» касается проживания в отелях, «Транспорт» — транспортного обеспечения, «Путешествия» — экскурсионной деятельности, «Развлечения» — организации досуга и увеселительных мероприятий, «Шопинг» — покупок. В содержательном аспекте единицы русского компонента лингвистического ландшафта распределяются по пяти сферам индустрии туризма со следующим процентным соотношением: 48 % — «Путешествия», 32 % — «Развлечения», 10 % — «Шопинг», 5 % — «Питание», 5 % — «Проживание». Русскоговорящие туристы приезжают на Хайнань, чтобы путешествовать и отдыхать, кроме того, они наслышаны о китайской медицине и поэтому часто прибывают в поисках лечебно-оздоровительных услуг. Вывесок на тему путешествий и развлечений много: они составляют до 80 %. Вывески, надписи и объявления на тему путешествий в основном расположены в даосском парке «Небесные гроты», парке «Край света» и других местах притяжения туристического интереса, снаружи и внутри

отелей, туристических агентств и т. п. К рубрике «Развлечения» относятся лечение средствами китайской медицины, водные виды спорта, горячие источники, косметические процедуры, например, по уходу за кожей лица и т. д. Вывесок, связанных с «Шопингом», «Питанием» и «Размещением», немного. Тема «Шопинг» представлена объявлениями о покупке лекарств, очков, чая, местных продуктов, одежды, бытовых принадлежностей, шелка, кожаных изделий и др. Вывески на тему питания часто можно увидеть на зданиях ресторанов морепродуктов, русских ресторанов, баров, ресторанов северовосточной китайской кухни и др. Вывески на тему проживания сосредоточены на побережье, на зданиях пятизвездочных отелей.

Мы не обнаружили дорожно-транспортных указателей на русском языке. Даже в международном аэропорту Санья Феникс, т. е. в первом пункте, где окажутся русскоговорящие туристы, нет указателей на русском языке, имеются только указатели на китайском или на английском языках. Очевидно, что по шести сферам туристической индустрии, выделяемым Всемирной туристической организацией, вывески распределяются неравномерно. «Транспорт» также является ключевым элементом в системе этих сфер. Не встречаются и вывески, объявления на случай чрезвычайных ситуаций. Правительство и частный бизнес должны учесть эти моменты при создании вывесок на русском языке.

Лингвистический ландшафт — это та «сцена», на которой происходит общественная жизнь» [Исмагилова 2015: 140]. По статистическим данным, в Санья русскоговорящих туристов приезжает намного больше, чем англоговорящих. Но вывесок на русском языке, размещенных официальными организациями, меньше, чем на английском языке. Это обусловлено не только тем фактором, что английский язык в настоящее время используется повсеместно, является своеобразным символом глобализации, но и функциональной неравновесностью языков вследствие этой глобализации; по сути дела, английский язык несет угрозу другим языкам. Это показывает, что официальные организации придают большее значение символической функции лингвистического ландшафта. Кроме того, из-за несовершенства работы по формированию лингвистического ландшафта и недостатков управления в некоторых местах отсутствуют необходимые вывески и указатели на русском языке, а имеющиеся не в полной мере удовлетворяют потребности русскоговорящих туристов.

3. Заключение

Проведенный анализ показывает, что лингвистический ландшафт в городе Санья характеризуется значительным разнообразием. Государственный язык занимает доминирующее положение, играет ведущую роль во всех сферах жизни общества. Английский язык является наиболее распространенным языком в мире и, естественно, часто используется. Русский язык по сравнению с другими менее распространенными языками используется активно, в некоторых местах больше, чем английский. Это свидетельствует о том, что реальная востребованность того или иного языка прямо зависит от количества туристов из страны (стран) этого языка. Объем использования русского языка в Санья прямо пропорционален числу русскоговорящих туристов: чем больше таких туристов приедет в Санья, тем в большем количестве сфер деятельности и мест будут представлены русскоязычные вывески, надписи и указатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутакова Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2013. 26 с.

Liu Lifen

Guangzhou, China

RUSSIAN IN THE CITY OF SANYA: CURRENT STATE

ABSTRACT. *The paper discusses the use of Russian in the Southern Chinese city Sanya. The goal of this research is to reveal the functional correlation of language codes in sign-boards, billboards and advertising in Sanya to develop the state language policy and to bring harmony in the society. There are few official sign-boards approved by the Public Safety Department, they serve the function of indication and prevention and set the limits for Russian speaking tourists coming to China. Most part of the sign-boards (98%) are unofficial, they have the functions of instruction, prevention, restriction, advertising, propaganda and explanation. Language codes are different, and their hierarchy in descending frequency is the following: Chinese language in hieroglyphs or pinyin, English language, Russian language; there are also Korean and Japanese languages. The languages may be used separately or, there may be phrases in two languages on one sign-board. The real importance of this or that language depends on the number of tourists from the countries where it is spoken. It is found out that there are no sign-boards in Russian connected with such important tourist spheres as: road signs and emergency signs. Although in Sanya there are more Russian speaking tourists than English speaking ones, there are less signs in Russian than in English. This may be explained by the global status of the English language.*

KEYWORDS: *linguistic landscape; Russia; signs; language codes.*

ABOUT THE AUTHOR: *Liu Lifen, Doctor of Philology, Professor of Center for Translation and Interpreting Studies and the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guandun University of Foreign Languages and Foreign Trade, Guangzhou, China.*

REFERENCES

1. Butakova E. S. Ergonimy inoyazychnogo proiskhozhdeniya v kommunikativnom prostranstve goroda : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2013. 26 s.
 2. Ismagilova A. R. Ergonimy kak sredstva vizualizatsii lingvisticheskogo landshafta goroda // Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike : sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Kazan' : Kazan. federal. un-t, 2015. S. 139—143.
 3. Krykova I. V. Angloyazychnye ergonimy i slovesnye tovarnyye znaki Yaponii kak oposredovannoe otrazhenie natsional'noy kul'tury : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — Vladivostok, 2004. 170 s.
 4. Shan Goven'. Lingvisticheskiy landshaft i prepodavanie yazykov: ot resursov k instrumentam // Issledovanie yazykovykh strategiy. 2017. № 2. S. 11—19.
 5. Backhaus P. Linguistic landscapes: A Comparative Study Of Urban Multilingualism In Tokoy // Clevedon: Multilingual Matter. 2007. P. 158.

2. Ismagilova A. P. Эргонимы как средства визуализации лингвистического ландшафта города // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — Казань : Казан. федерал. ун-т, 2015. С. 139—143.

3. Крыкова И. В. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Владивосток, 2004. 170 с.

4. Шан Говэнь. Лингвистический ландшафт и преподавание языков: от ресурсов к инструментам // Исследование языковых стратегий. 2017. № 2. С. 11—19. = 尚国文. 语言景观与语言教学:从资源到工具. 语言战略研究. 2017 (2): 11—19.

5. Backhaus P. Linguistic landscapes: A Comparative Study Of Urban Multilingualism In Tokoy // Clevedon: Multilingual Matter. 2007. P. 158.

6. Gorter D. Linguistic landscape: a new approach to multilingualism. — Bristol : Multilingual Matters, 2006.

7. Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journ. of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. Iss. 1. P. 23—49.

8. Scollon R., Scollon S. W. Discourse in Place: Language in the Material World. — London : Routledge, 2003.

9. Shohamy E. LL research as expanding language and language policy // Linguistic Landscape. 2015. Iss. 1:1/2. P. 152—171.

10. Shohamy E., Eliezer Ben-Rafael. Introduction // Linguistic Landscape. 2015. № 1 (1/2). P. 1—5.

11. Torkington K. Exploring the linguistic landscape: the case of the "Golden Triangle" in the Algarve, Portugal // Linguistics & Language Teaching. 2009. Vol. 3 : Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference 2009. P. 122—145.

6. Gorter D. Linguistic landscape: a new approach to multilingualism. — Bristol : Multilingual Matters, 2006.

7. Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journ. of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. Iss. 1. P. 23—49.

8. Scollon R., Scollon S. W. Discourse in Place: Language in the Material World. — London : Routledge, 2003.

9. Shohamy E. LL research as expanding language and language policy // Linguistic Landscape. 2015. Iss. 1:1/2. P. 152—171.

10. Shohamy E., Eliezer Ben-Rafael. Introduction // Linguistic Landscape. 2015. № 1 (1/2). P. 1—5.

11. Torkington K. Exploring the linguistic landscape: the case of the "Golden Triangle" in the Algarve, Portugal // Linguistics & Language Teaching. 2009. Vol. 3 : Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference 2009. P. 122—145.

К. А. Мележик
Симферополь, Россия

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО АНГЛИЙСКОГО ЛИНГВА ФРАНКА УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье определяются факторы, характеризующие процесс концептуализации контактного английского языка, представляющего собой частный случай предметно-ориентированного английского лингва франка (ПОАЛФ) как инструмента интернационализации университетского сообщества. Под языковой концептуализацией ПОАЛФ понимается структуризация и вербализация знаний, составляющих лингвокультурную компетенцию, необходимую для участия в межнациональной и межкультурной коммуникации, которая регулируется определенными идеологическими установками. Идеология ПОАЛФ представляет открытую вариативную систему некодифицированного языка; языковая компетенция пользователя ПОАЛФ выступает как реализуемая в практике межнациональной коммуникации индивидуальная способность применения вариативного набора языковых средств и стратегий; пользователи ПОАЛФ руководствуются прагматической мотивацией участия в межнациональной коммуникации и отличаются вариативностью коллективного и индивидуального отношения к речепроизводству на ПОАЛФ. Анализ языковой идеологии пользователей ПОАЛФ осуществляется в качестве предварительного этапа исследования особенностей функционирования английского языка в сообществе Крымского федерального университета, на материале опросов и интервью, проведенных с тремя группами преподавателей и студентов. В условиях ограниченного объема языковых средств ПОАЛФ информанты раскрывают языковую идеологию, выраженную в стереотипных представлениях об идентифицирующих признаках языка, предпочтениях языковой нормативности и структуре лингвокультурной компетенции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: университетское сообщество; предметно-ориентированный английский лингва франка; языковая идеология; лингвокультурные компетенции; лингвокультурология; языковые компетенции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мележик Карина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4; e-mail: melezhhik.karina@yandex.ru.

Термин «концептуализация» трактуется в Словаре когнитивных терминов как обозначение «процесса структуризации знаний, выделения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении», обозначение «живого процесса порождения новых смыслов» [Кубрякова 1996: 93]. Концептуализация — это первичная теоретическая форма, обеспечивающая теоретическую организацию материала; схема связи понятий, отображающая возможные тенденции изменения, позволяющая продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей; способ организации мыслительной работы, позволяющий двигаться от материала и первичных теоретических концептов к все более и более абстрактным конструктам, отображающим в пределе допущения, положенные в основание построения картины видения исследуемого сегмента реальности [Рыбникова 2001: 3].

Концептуальное осмысление природы и характера контактного английского языка (АЯ), используемого в качестве инструмента межнациональной коммуникации, исходит из понимания современного этапа глобализации как совокупности процессов, в ходе которых мир оказывается все более взаимосвязанным на местном, региональном и глобальном уровне, в условиях интенсификации и акселерации взаимодействия языков, культур и социумов. Соответственно основным языковым каналом взаимодействия всех элементов инфраструктуры глобализации служит общий, самый распространенный, контактный АЯ, английский как лингва франка (АЛФ).

АЛФ представляет собой язык, ориентированный на какую-либо предметную область, поскольку он предназначен для выполнения функций, связанных с обменом информацией в контекстах целенаправленной коммуникации, отражающей различные домены социально-культурного разнообразия современного общества, поэтому мы характеризуем его как предметно-ориентированный английский лингва франка (ПОАЛФ). В сообществах, включающих представителей одного исходного языка, он выполняет функцию инструмента интернационализации в ситуациях возможных контактов с представителями других исходных языков. Частным примером такого ПОАЛФ интернационализации может служить АЯ, функционирующий в университетском сообществе.

Под языковой концептуализацией ПОАЛФ в нашем исследовании понимается языковое оформление, структуризация знаний, вербализация существующих смыслов, образов, ассоциаций, составляющих языковую и культурную компетенцию и связанных со сферой использования ПОАЛФ в межнациональной и межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникативная компетенция предполагает владение специфическими знаниями о лингвокультурных концептах, т. е. «такую личность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и осуществлять медиативную деятельность, не утрачивая собственной культурной идентичности» [Елизарова 2005: 6, 7]. В первую очередь это общие для пользователей ПОАЛФ лингвокуль-

турные концепты, составляющие разделяемую языковую картину мира (в понимании З. Д. Поповой и И. А. Стернина, совокупность зафиксированных в единицах языка представлений социума о действительности на определенном этапе развития [Попова, Стернин 2002: 5]). Мы назовем ее виртуальной языковой картиной мира, так как она является совокупностью представлений, зафиксированных в дискурсе участников коммуникации на АЛФ.

Поведенческие нормы, усваиваемые индивидами в процессе межкультурной коммуникации на ПОАЛФ, регулируются культурными контекстами, т. е. представители контактирующих культур определяют для себя разделяемые и взаимоприемлемые ценности, соответственно и разделяемые наборы языковых средств.

Мы считаем, что межкультурная коммуникация на ПОАЛФ — это динамический процесс накопления и реализации языковых средств, передающих совместный опыт, символизируемый набором разделяемых и взаимоприемлемых ценностей. Межкультурная компетенция предусматривает «понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок и вытекающих из них моделей поведения, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры, а также основных концептов культуры» [Кудрина 2000: 16], т. е. того, как в конкретных контекстах передается культурная специфика конкретного лингвокультурного сообщества. Однако индивидуальная межкультурная компетенция не может замыкаться на специфике одной культуры, если одни и те же пользователи ПОАЛФ реализуют его в контекстах разных лингвокультурных сообществ.

Базовым лингвокультурным концептом межкультурной коммуникативной компетенции в ПОАЛФ служит концепт политкорректности, которая характеризуется заменой устоявшихся обозначений, имеющих отрицательные коннотации, эвфемизмами, такими коннотациями не обладающими, и речеповеденческими стратегиями. Она предусматривает запрещение обсуждать негативные стороны собеседника и его группы самоидентификации [Панин 2004: 5]. Философ М. Эпстайн называет политкорректность системой идеологем, «элементарных частиц идеологически окрашенного мышления, которые являются не просто словами, а категоричными суждениями, выраженными в словесной форме» [Epstein 1991: 19].

Политкорректность регулирует дискурс межнациональной коммуникации, выявляя культурно обусловленные противопоставле-

ния в широком диапазоне социальных, этнокультурных, профессиональных групп. По утверждению Р. и С. Сколлонов, каждый человек одновременно является членом разных систем дискурса, поскольку вынужден в процессе коммуникации пересекать границы, разделяющие различные группы или системы дискурса. При этом ученые выделяют четыре фактора, определяющих систему дискурса: 1) набор идеологических норм, 2) общепринятые правила социализации, 3) регулярный набор форм дискурса и 4) набор пресуппозиций относительно отношений, принятых в данной системе дискурса [Scollon R., Scollon S. 2001: 16—23]. Эти четыре фактора раскрывают механизм использования ПОАЛФ в институциональной и неинституциональной коммуникации.

Институциональная коммуникация на ПОАЛФ регулируется специализированными, идеологически политкорректными правилами социализации, принятыми в конкретном сообществе, требует нормализации морфосинтаксической структуры и политкорректной нейтрализации словаря АЛФ, ограничивает вариативность клишированными языковыми формами и предсказуемым выбором коммуникативных стратегий.

Неинституциональная коммуникация на ПОАЛФ руководствуется общепринятыми политкорректными нормами социализации, необходимыми для интерактивного взаимодействия участников. Соответственно языковая структура ПОАЛФ должна отличаться максимальной вариативностью языковых форм и допускать свободный выбор той или иной стратегии в пределах политкорректно ограниченной функциональной направленности. И то, какая стратегия и какие языковые формы будут выбраны, зависит от культурных особенностей соответствующей коммуникативной общности, от ее идеологических норм, регулирующих политкорректную коммуникацию.

Следуя определению К. Вулард и Б. Шиффлин, языковая идеология — это совокупность представлений о языке, формулируемых его пользователями для обоснования своего выбора структур и единиц языка. Языковая идеология выражается в коллективных представлениях о роли языка в социальном опыте членов данного сообщества, в культурной системе лингвистических отношений, осложненных морально-политическими интересами, и, наконец, в общественно согласованном наборе разделяемых представлений о природе языка [Woolard, Schieffelin 1994: 57]. Языковая идеология заставляет людей так или иначе структурировать свои языковые ресурсы, чтобы они

могли отразить в коммуникации определенную социокультурную тематику, взгляды и ценности.

Языковая идеология пользователей ПОАЛФ мотивирует систематический выбор языковых средств, используемых в социокультурных контекстах межнациональной коммуникации. Мотивация выбора морфосинтаксического оформления и лексико-семантических средств является ключом к пониманию языковой идеологии, лежащей в основе социокультурного контекста коммуникации на лингва франка. Обращаясь к своим языковым ресурсам, говорящие раскрывают не только свои знания языка, но и свои представления об АЯ и его функциональной роли в конкретном социокультурном окружении, т. е. раскрывают языковую идеологию, которой они придерживаются.

Исследователи предлагают выделять три типа языковой идеологии АЯ межнациональной коммуникации: идеологию стандартного английского языка, идеологию стандартного АЯ носителя одного из национальных вариантов и идеологию не носителя АЯ [Pilkinton-Pihko 2010: 58].

Идеология стандартного АЯ, абстрагированного от реальной коммуникативной практики, идеализированного языка, основана на убеждении в необходимости следования стандартной, прескриптивной модели как единственно приемлемой формы межнациональной коммуникации [Lippi-Green]. Этой идеологией, как правило, руководствуются официальные институты при выборе целевой модели преподавания в системе образования. Ее корни кроются в насаждающих инвариантность и единообразие прескриптивных грамматиках, учебниках, справочниках и словарях АЯ, обязывающих употреблять правильные нормы и стандарты кодифицированного языка. Модель стандартного языка утратила связь с реальностью еще в период легитимации национальных вариантов АЯ и распространения идеологии стандартного АЯ носителей национальных вариантов [Graddol 2006: 82].

Идеология стандартного АЯ носителя, который может принадлежать к любому из национальных вариантов, основана на представлении о том, что эти варианты прошли процесс кодификации и систематизации, в результате чего появился фиксированный стандарт данного варианта, т. е. для носителя данного варианта его стандартные формы предпочтительны, а все другие избирательны и/или нелегитимны [Milroy 2001: 552].

Изучение языковой идеологии неносителей, использующих ПОАЛФ в качестве контактного языка межнациональной коммуни-

кации, должно начинаться с идентификации участников коммуникации, определения их относительных позиций в данном сообществе, выяснения их мотивации и отношения к языку. Эти факторы лежат в основе представлений индивидуума о своем АЯ, вариативность которого вытекает из особенностей локального контекста, а участники самостоятельно определяют оптимальную модель языка, связанную с определенными идеологическими установками.

Основные факторы идеологии ПОАЛФ раскрываются путем сопоставления с идеологией стандартного АЯ по четырем критериям.

Во-первых, идеология стандартного АЯ представляет инвариантную систему кодифицированного языка как совокупность эмпирических данных, характеризуемую прескриптивной грамматикой и номенклатурой обязательных правил речепроизводства. В противоположность ей, идеология ПОАЛФ представляет открытую изменениям вариативную систему некодифицированного языка, которая отличается нестабильностью и дополнительностью форм грамматики и прагматически регулируемым вариативным набором языковых средств и коммуникативных стратегий в локальном контексте речепроизводства.

Во-вторых, языковая компетенция носителя АЯ выступает как способность индивидуальной реализации языка в соответствии со стандартными нормативными установками. Языковая компетенция пользователя ПОАЛФ выступает как реализуемая в практике межнациональной коммуникации индивидуальная способность применения вариативного набора языковых средств и стратегий согласования.

В-третьих, лингвокультурное сообщество носителей АЯ характеризуется языковой однородностью и инвариантным отношением к своему языку, т. е. все они, независимо от каких-либо индивидуальных и групповых факторов, являются его носителями. Пользователи ПОАЛФ принадлежат к разным исходным лингвокультурным сообществам, руководствуются прагматической мотивацией участия в обсуждениях в рамках межнациональной коммуникации и отличаются вариативностью коллективного и индивидуального отношения к речепроизводству с помощью ПОАЛФ.

В-четвертых, стандартный АЯ носителей характеризуется рационально построенным вербальным планом выражения и инвариантным статусом по отношению к факторам окружающей социальной и физической среды. Коммуникация на ПОАЛФ зависит от отношений между пользователями языка и их

социальной средой, от функциональной нагрузки ПОАЛФ в данном сообществе, от применения различных невербальных стратегий, рассчитанных на мультисенсорное восприятие информации. Можно сказать, что языковые идеологии обуславливают выбор на всех уровнях — от выбора национального варианта языка до выбора языка в конкретной коммуникативной ситуации [Joseph 2004: 359].

В идеологии ПОАЛФ есть еще один важный фактор — это отношение пользователей ПОАЛФ к АЯ носителей. Иначе говоря, это идеологические представления об отношениях «центра» (АЯ его носителей) и «периферии» (АЯ тех, для кого он является вторым или иностранным языком), ставшие предметом оживленной дискуссии сторонников и противников теории языкового империализма АЯ, выдвинутой Р. Филлипсоном [Phillipson 1992]. По словам Р. Филлипсона, который трактует отношения «центра» и «периферии» в негативном плане, языковой империализм заключается в глобальном распространении и доминировании АЯ, вызванном структурным и культурным неравенством между АЯ и другими языками [Phillipson 1992: 47]. Р. Филлипсон называет языковой империализм АЯ «лингвизмом» (*linguicism*) и определяет его как «идеологии, структуры и практики, используемые для легитимации, активизации и воспроизводства неравенства в разделении власти и ресурсов между группами, которые идентифицируются на основе языка» [Phillipson 1992: 47].

В противовес теории языкового империализма была выдвинута концепция языковой гибридности (*linguistic hybridity*), которая отвергает роль АЯ как «языка-убийцы» других языков и культур и положительно оценивает появление новых гибридных вариантов АЯ [Pennington]. Тем не менее чуть ли не единственной областью, в которой сохраняется традиционная гегемония центра и идеология стандартного языка, является преподавание АЯ, где преобладающей целевой моделью остается британский или американский стандарт [Canagarajah 2006: 198]. Модель носителя языка считается более приемлемой в преподавании английского как второго или иностранного языка, чем модель «урезанного и неполного АЛФ» [Kuo 2006: 220].

Однако С. Канагараджа, М. Модино и многие другие авторы настаивают на том, что для сохранения этнокультурной идентичности не носителей АЯ необходима модификация целевой модели преподавания в соответствии со структурными особенностями грамматики и дискурса родного языка обучаемых [Canagarajah 2006: 212; Modiano 2009: 64].

Позиция этих исследователей АЛФ далеко не безупречна, так как остаются такие вопросы, как, например: насколько такая модификация будет отвечать интересам «периферийных» студентов и преподавателей, когда система образования и общество в целом еще не готовы отказаться от традиционных представлений о стандартной целевой модели АЯ? Каковы предпочтения речевой нормативности пользователей ПОАЛФ? Способны ли они осознать, что их АЯ представляет собой нестабильную вариативную систему языковых средств и коммуникативных стратегий? Какова социально обоснованная прагматическая мотивация подключения к межнациональной коммуникации? Те или иные ответы на эти вопросы зависят от языковой идеологии участников межнациональной коммуникации, в нашем случае членов университетского сообщества — пользователей ПОАЛФ.

Анализ языковой идеологии пользователей ПОАЛФ осуществлялся в качестве предварительного этапа исследования особенностей функционирования английского языка в сообществе Крымского федерального университета, на материале опросов и интервью, проведенных с тремя группами преподавателей и студентов. Поскольку опрос информантов проводился на английском языке, критерием включения респондента в группу было владение АЯ на уровне достаточно свободном, чтобы ответить на вопросы интервьюера.

На этом основании были отобраны около трехсот студентов и преподавателей неязыковых специальностей, представляющих основные социально-возрастные страты сообщества Крымского федерального университета. В первую группу информантов, использующих АЯ в профессиональной коммуникации, были включены 50 преподавателей (из 117 опрошенных) в возрастном интервале 28—50 лет, имеющих от 5 до 20 лет стажа педагогической и научной деятельности. Не смогли отвечать по-английски 67 респондентов. Во вторую группу вошли 100 молодых преподавателей, аспирантов и соискателей (из 200 опрошенных) в возрасте от 23 до 30 лет, которые начинают педагогическую карьеру и работают в различных областях вузовской науки в течение 1—4 лет. Около половины респондентов не смогли отвечать по-английски. Третью группу составили 150 студентов 4—5 курсов (из 400 опрошенных) в возрастном интервале 21—24 года. Не смогли отвечать по-английски 250 респондентов.

Анкетирование и интервью проводились с сентября 2013 г. по май 2015 г. на услови-

ях анонимности с тем, чтобы в режиме свободной беседы информанты могли продемонстрировать реальный уровень владения АЯ, не опасаясь какой-либо критики и оценки интервьюеров. Информантам сообщалось, что все ссылки на их высказывания будут маркироваться только теми инициалами, которые они сочтут нужным указать.

Респондентам первой группы предлагалось ответить на следующие вопросы (в скобках указано количество выбранных ответов):

1. Согласны ли Вы с тем, что назрела необходимость вводить обучение на основе интеграции содержания и языка, т. е. преподавание специальных предметов на АЯ, в процессе которого студенты усваивают язык, изучая излагаемое на нем содержание? Ответ: 1) да (21); 2) нет (74); 3) затрудняюсь ответить (22).

2. Готовы ли Вы разрабатывать учебно-методическое обеспечение таких программ путем подготовки англоязычных учебных и научно-исследовательских материалов? Ответ: 1) да (18); 2) нет (75); 3) затрудняюсь ответить (24).

3. Полагаете ли Вы, что Ваш АЯ соответствует задаче преподавания Вашего предмета по-английски? Ответ: 1) да (21); 2) нет (78); 3) затрудняюсь ответить (18).

4. Важно ли для Вас говорить по-английски грамматически правильно и стремиться соблюдать нормы и стандарты носителей АЯ? Ответ: 1) да (49); 2) нет (47); 3) затрудняюсь ответить (21).

5. За последние 15—20 лет распространилось представление об АЯ науки и образования как о лингва франка, который не должен подчиняться британским или американским языковым нормам и стандартам. Поддерживаете ли Вы это мнение? Ответ: 1) да (50); 2) нет (34); 3) затрудняюсь ответить (33).

6. Если завтра Вам предложат прочесть Ваш курс на АЯ в зарубежном университете, Вы согласитесь? Ответ: 1) да (21); 2) нет (72); 3) затрудняюсь ответить (24).

Ответы «да» (21) на первый, третий и шестой вопросы подтверждают сложившееся у небольшой части респондентов представление о возможности преподавания специальных предметов на АЯ, а ответы «нет» (72—78) на вопросы 1, 2, 3, 6 свидетельствуют, что большинство респондентов к этому не готово.

Респондентам второй группы предлагалось ответить на следующие вопросы (в скобках указано количество выбранных ответов):

1. Полагаете ли Вы, что Ваш уровень владения АЯ достаточно высок, чтобы соответствовать требованиям интернационализации высшего образования? Ответ: 1) да (73); 2) нет (39); 3) затрудняюсь ответить (88).

2. В каких коммуникативных ситуациях Вы используете английский язык? Можете выбрать несколько ответов: 1) для общения в социальных сетях (57); 2) в интернет-поиске информации по теме своего исследования (200); 3) в чтении и реферировании специальной англоязычной литературы (200); 4) в зарубежных поездках (11); 5) затрудняюсь ответить (—).

3. За последние 15—20 лет распространилось представление об АЯ науки и образования как о лингва франка, который не должен подчиняться британским или американским языковым нормам и стандартам. Поддерживаете ли Вы это мнение? Ответ: 1) да (96); 2) нет (35); 3) затрудняюсь ответить (69).

4. Согласны ли Вы с тем, что назрела необходимость вводить обучение на основе интеграции содержания и языка, т. е. преподавание специальных предметов на АЯ, в процессе которого студенты усваивают язык, изучая излагаемое на нем содержание? Ответ: 1) да (96); 2) нет (55); 3) затрудняюсь ответить (49).

5. Готовы ли Вы разрабатывать учебно-методическое обеспечение таких программ путем подготовки англоязычных учебных и научно-исследовательских материалов? Ответ: 1) да (76); 2) нет (75); 3) затрудняюсь ответить (49).

В результате обработки ответов респондентов на вопросы 2—5 выяснилось, что около половины начинающих преподавателей, аспирантов и соискателей осознают, что их АЯ отличается от норм и стандартов носителей и назрела необходимость изменения целевой модели обучения языку в системе образования.

Третью группу респондентов составили студенты выпускных курсов неязыковых специальностей, планирующие или осуществившие сдачу международных квалификационных тестов по АЯ (TOEFL или IELTS), что может свидетельствовать о достаточно высоком уровне владения языком. Им были предложены 2 вопроса, сопровождавшихся шестью вариантами ответов. В скобках указано количество выбранных ответов.

1. С какой целью Вы сдаете эти тесты? Можете выбрать несколько ответов: 1) усовершенствовать свой уровень владения английским языком (311); 2) использовать английский язык в профессиональных и/или научных интересах (227); 3) продолжить учебу за рубежом по своей инициативе (99); 4) найти достойную работу по специальности за рубежом (218); 5) найти высокооплачиваемую работу в международной организации в России (172); 6) затрудняюсь ответить (156).

Таблица.

Предпочтения речевой нормативности информантов (БрА — британский английский; АМА — американский английский; ЕА — европейский английский; НО — не определились), %

	Какой вариант АЯ следует преподавать?			Какая модель произношения наиболее предпочтительна?		
	1 группа	2 группа	3 группа	1 группа	2 группа	3 группа
БрА	43	38	36	59	63	61
АМА	19	16	17	11	18	17
ЕА	26	31	33	17	9	3
НО	12	15	14	13	10	19

2. В каких коммуникативных ситуациях Вы используете английский язык? Можете выбрать несколько ответов: 1) для общения в социальных сетях (244); 2) в интернет-поиске информации по теме своего исследования (318); 3) в чтении и реферировании англоязычных статей и монографий по специальности (73); 4) в общении с иностранными посетителями вашего университета (42); 5) в зарубежных поездках (111); 6) затрудняюсь ответить (156).

Ответы на первый вопрос подтверждают сложившееся у респондентов представление о необходимости знания АЯ, а выбор вариантов 4 и 5 свидетельствует о прагматическом подходе к овладению АЯ. Ответы на второй вопрос показывают, что превалирует использование АЯ в двух сферах коммуникативной деятельности — академической и виртуальной.

В последовавших после анкетирования интервью ставилась задача получения данных о предпочтениях речевой нормативности информантов, в частности, о том, какой вариант АЯ информанты считают образцовым и какую модель произношения они хотели бы воспроизводить. Результаты ответов рассчитаны в процентном отношении и обобщены в таблице.

Сравнивая результаты интервью, прежде всего отметим, что в среднем 39 % всех респондентов считают, что преподавать следует нормы британского варианта АЯ, 30 % склоняются к европейскому варианту, лишь 17 % — к американскому, и у 14 % мнение не сложилось. Также преобладает выбор британской модели произношения — 61 %, тогда как другие варианты набирают всего 10—15 % предпочтений. В представлении большинства респондентов выбор британского варианта как идеальной модели АЯ безусловно соответствует традиционному статусу его норм в учебных программах.

В ходе интервью выяснилось, что в картину мира пользователей ПОАЛФ входят англоязычные культурно-специфические реалии, усвоение которых характеризует вторичную социализацию, имеющую место в процессе коммуникативной практики на ПОАЛФ. Линг-

вокультурный компонент ПОАЛФ проявляется эксплицитно в двух аспектах: во-первых, в интернациональном аспекте — а) через когнитивно-специфические концепты и когнитивно-специфическую терминологическую лексику, которые варьируются в зависимости от конкретного подразделения университетской структуры, и б) через социальные концепты, характерные для молодежной интернет-коммуникации, отражающие интересы молодых людей и свидетельствующие об особенностях их образа жизни. Это могут быть реалии, характеризующие моду и внешность, например: *combats, piercing, tattoo, makeup, unisex style*; музыку и развлечения, например: *gangsta rap, hip-hop, DJ, clubber* и т. д.; спорт, например: *scuba-diving, wind-surfing, skate-boarding, parkour*; Интернет и компьютер, например: *blogger, gamer, coder, cyberland, smiley, on-line* и т. д.

Во-вторых, лингвокультурный компонент ПОАЛФ проявляется эксплицитно в национальном аспекте — через национально-специфические реалии базовой культуры носителей русского языка и реалии англоязычной культуры. Это могут быть личные имена, например: *President Putin, President Obama, Dostoyevski, Leo Tolstoy, Jennifer Lopez, Hugh Laurie, Rihanna, Batman, Sleeping Beauty*; наименования стран и национальностей, например: *Russia, USA, United Kingdom, England, English, Russian*; топонимы, например: *New York, Moscow, Sevastopol, Volga, Crimea, Black Sea*; наименования валют, например: *dollar, rouble* и т. д.

Как оказалось, в полученном материале количество национально-специфических реалий было небольшим и ограничивалось отдельными географическими названиями, личными именами и реалиями быта. Это позволяет утверждать, что такие реалии не представляют интерес для университетской молодежи.

Элементы лингвокультурного компонента ПОАЛФ подвержены двойной трансферации: из национальных вариантов АЯ — в глобальный английский язык-посредник межкультурной и межнациональной комму-

никации, и из него — в ПОАЛФ. При этом происходит трансферация и аккомодация не отдельных англоязычных культурно-специфических реалий, а целых секторов глобальной англоязычной реальности, которые охватывают различные сферы человеческой деятельности. В языковом плане это распространение наименований элементов культуры ограниченных сообществ, члены которых принадлежат к различным исходным лингвокультурным сферам и национальным языкам.

Таким образом, специфика лингвокультурного аспекта ПОАЛФ заключается в том, что культурный компонент вторичной социализации пользователей формируется на основе культурного компонента первичной социализации на родном языке и эмоционально-личностного фильтра пользователей. Лингвокультурный аспект ПОАЛФ оформляется языковыми средствами на соответствующем уровне владения языком и получает вторичную культурную ориентацию в условиях вторичной социализации.

Завершая обсуждение факторов концептуализации ПОАЛФ университетского сообщества, необходимо подчеркнуть, что принципиально важным моментом является идентификация того или иного варианта АЯ по критериям языковой идеологии. Лингвистическое содержание языковой идеологии ПОАЛФ университетского сообщества заключается в мотивированном и систематическом выборе языковых средств в зависимости от социокультурного контекста. Мотивация объясняет характер речевого действия, в котором реализуются как прагматически мотивированные стереотипы коммуникантов, так и индивидуальный опыт реального участия в межнациональной коммуникации. Мотивационные предпочтения коммуникативной практики способствуют формированию индивидуального набора языковых средств, языковой компетенции и способности межъязыкового переноса коммуникативных умений и навыков.

Мотивация выбора в условиях ограниченного объема языковых средств ПОАЛФ реализуется в том, как говорящие раскрывают не только индивидуальные знания языка, но и стереотипные представления об идентифицирующих признаках языка и его функциях в конкретных социокультурных контекстах. Такие стереотипы характеризуют взаимоотношения между коллективной иден-

тичностью членов сообщества и ПОАЛФ, перспективой его использования в качестве модели обучения АЯ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам : учеб. пособие. — СПб. : КАРО, 2005. 352 с.
2. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 93.
3. Кудрина Н. А. Прецедентные высказывания как одно из средств формирования культурологической компетенции // Изучение и преподавание современных языков: проблемы и решения : сб. науч. ст. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. С. 12—19.
4. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. — Тюмень, 2004. 19 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. — Воронеж : Истоки, 2002. 60 с.
6. Рыбникова В. А. Языковая концептуализация социума (на материале английских дидактических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка. — Краснодар, 2001. 18 с.
7. Canagarajah S. Changing communicative needs, revised assessment objectives: Testing English as an International Language // Language Assessment Quarterly. 2006. N 3 (3). P. 229—242.
8. Epstein M. Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. — Washington : The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991. 94 p.
9. Graddol D. English Next: Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language'. — London : British Council, 2006. 128 p.
10. Joseph J. E. Language and Politics // The handbook of applied linguistics / A. Davies, C. Elder (eds.). — Blackwell Publishing Ltd, 2004. P. 347—366.
11. Kuo I.-C. Addressing the issue of teaching English as a lingua franca // ELT Journal. 2006. N 60 (3). P. 213—221.
12. Lippi-Green R. Accent, standard language ideology, and discriminatory pretext in the courts // Language in Society. — Cambridge : CUP, 1994. N 23. P. 163—198. URL: independent.academia.edu/RosinaLippiGreen/Papers/769885/ (date of access: 19.12.2015).
13. Milroy J. Language ideologies and the consequences of standardization // Journ. of Sociolinguistics. 2001. N 5 (4). P. 530—555.
14. Modiano M. EIL, Native-speakerism and the Failure of European ELT // Farzad Sharifian (ed.). — Bristol, UK : Multilingual Matters, 2009. P. 58—80.
15. Pennycook A. Language as a local practice. — London : Routledge, 2010. 174 p.
16. Phillipson R. Linguistic Imperialism. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1992. 376 p.
17. Pilkinton-Pihko D. English as a lingua franca lecturers' self-perceptions of their language use // Helsinki university: Helsinki English Studies. 2010. Vol. 6. P. 58—74. URL: http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/files/2010/12/Pilkinton-Pihko_HES_Vol6.pdf (date of access: 19.12.2015).
18. Scollon R., Scollon S. Intercultural Communication: A Discourse Approach. 2nd ed. — Blackwell Publishers, 2001. 316 p.
19. Woolard K., Schieffelin B. Language Ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55—82.

K. A. Melezhik
Simferopol, Russia

**THE ROLE OF LANGUAGE IDEOLOGY IN CONCEPTUALIZATION
OF DOMAIN-ORIENTED ENGLISH LINGUA FRANCA OF A UNIVERSITY COMMUNITY**

ABSTRACT. *The article discusses factors pertaining to the problem of conceptualization of the specific variant of English used as a domain-oriented lingua franca (DOELF) that is instrumental in the process of internationalization of university community. Linguistic conceptualization of DOELF is defined as structuring and verbal implementation of language proficiency, cultural knowledge and communicative strategies which constitute the linguocultural competence necessary for participation in international and intercultural communication. DOELF linguistic conceptualization is modeled in accordance with language ideology prevailing in the community. The DOELF ideology is studied in comparison to the standard language ideologies of native speakers. The DOELF ideology is claimed to be that of an open variable system of a non-codified language; the DOELF user's language competence is argued to be realized in international communication as unstable proficiency of employing limited selection of language means and communicative strategies; the DOELF user is pragmatically motivated in his/her attitude to communication and language. The analysis of DOELF ideology is based on the study of language use of teachers and students of Crimean Federal University. Employing their limited language means the respondents give a general idea of their language ideology through language model preferences, attitudes to DOELF and stereotyped patterns of linguocultural competence.*

KEYWORDS: *university community; subject-focused English lingua franca; language ideology; linguocultural competences; linguoculturology; language competences.*

ABOUT THE AUTHOR: *Melezhik Karina Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol, Russia.*

REFERENCES

1. Elizarova G. V. Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam : ucheb. posobie. — SPb. : KARO, 2005. 352 s.
2. Kubryakova E. S. Kontseptualizatsiya // Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / sost. E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yan'kov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — M. : Izd-vo MGU, 1996. S. 93.
3. Kudrina N. A. Pretsedentnye vyskazyvaniya kak odno iz sredstv formirovaniya kulturologicheskoy kompetentsii // Izuchenie i prepodavanie sovremennykh yazykov: problemy i resheniya : sb. nauch. st. — Tambov : Izd-vo TGU, 2000. S. 12—19.
4. Panin V. V. Politicheskaya korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 — Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie. — Tyumen', 2004. 19 s.
5. Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i natsional'naya kartina mira. — Voronezh : Istoki, 2002. 60 s.
6. Rybnikova V. A. Yazykovaya kontseptualizatsiya sotsiuma (na materiale angliyskikh didakticheskikh tekstov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 — Teoriya yazyka. — Krasnodar, 2001. 18 s.
7. Canagarajah S. Changing communicative needs, revised assessment objectives: Testing English as an International Language // Language Assessment Quarterly. 2006. N 3 (3). P. 229—242.
8. Epstein M. Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. — Washington : The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991. 94 p.
9. Graddol D. English Next: Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language'. — London : British Council, 2006. 128 p.
10. Joseph J. E. Language and Politics // The handbook of applied linguistics / A. Davies, C. Elder (eds.). — Blackwell Publishing Ltd, 2004. P. 347—366.
11. Kuo I.-C. Addressing the issue of teaching English as a lingua franca // ELT Journal. 2006. N 60 (3). P. 213—221.
12. Lippi-Green R. Accent, standard language ideology, and discriminatory pretext in the courts // Language in Society. — Cambridge : CUP, 1994. N 23. P. 163—198. URL: independent.academia.edu/RosinaLippiGreen/Papers/769885/ (date of access: 19.12.2015).
13. Milroy J. Language ideologies and the consequences of standardization // Journ. of Sociolinguistics. 2001. N 5 (4). P. 530—555.
14. Modiano M. EIL, Native-speakerism and the Failure of European ELT // Farzad Sharifian (ed.). — Bristol, UK : Multilingual Matters, 2009. P. 58—80.
15. Pennycook A. Language as a local practice. — London : Routledge, 2010. 174 p.
16. Phillipson R. Linguistic Imperialism. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1992. 376 p.
17. Pilkinton-Pihko D. English as a lingua franca lecturers' self-perceptions of their language use // Helsinki university: Helsinki English Studies. 2010. Vol. 6. P. 58—74. URL: http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/files/2010/12/Pilkinton-Pihko_HES_Vol6.pdf (date of access: 19.12.2015).
18. Scollon R., Scollon S. Intercultural Communication: A Discourse Approach. 2nd ed. — Blackwell Publishers, 2001. 316 p.
19. Woolard K., Schieffelin B. Language Ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55—82.

Н. В. Ройба
Благовещенск, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Глобализация политических процессов и политико-медийного дискурса не способствует унификации способов представления политической информации. Особенности национальной культуры участников политической коммуникации играют первостепенную роль в успешном проведении политических преобразований и в определении функциональных, содержательных и структурных особенностей политического дискурса. Для исследования политического дискурса в глобальном коммуникативном контексте интерес представляет сопоставление картин мира агентов политической коммуникации, принадлежащих к разным этносам, нациям и цивилизациям, но использующих единый полиэтничный язык как средство конструирования политической реальности. Указывается на основные функции полиэтничного языка в качестве средства общения участников политического дискурса на материале разных вариантов английского языка могут способствовать описанию роли английского языка в его консолидирующей и этноидентифицирующей функциях и уточнению характеристик, природы и функций глобального политического дискурса как социально значимой культурной модели в разных социумах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; политический дискурс; глобализация; английский язык; полиэтничный язык; консолидирующая функция языка; этноидентифицирующая функция языка; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ройба Наталья Владимировна, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук; начальник международного отдела, Амурский государственный университет; 675028, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: nat.roy@bk.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Политические процессы, протекающие на современном этапе развития цивилизации, приобретают масштабные, глобальные формы, втягивая в свою орбиту все большее количество участников, часть которых не занимается этим видом деятельности профессионально. Современные политические институты оказывают влияние на жизнь отдельных людей, целых народов и наций.

В исследовании политических институтов не последнюю роль играет описание языка как инструмента, организующего данную сферу деятельности человека. Политическая коммуникация является «средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей», оказывает эмоциональное воздействие и преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира [Чудинов 2013: 10]. Язык представляется условием существования политики, средством конструирования политической реальности и дискурса и социальной силой, способом навязывания взглядов в процессе политической коммуникации.

Основной задачей лингвистического анализа политического дискурса является описание механизма сложных взаимоотношений между познанием, речью, властью, поведением и политическим состоянием общества [Шейгал 2000: 5; Nacker 1996: 5; Чудинов 2013: 10].

Термин «политический дискурс», как и другие наименования многогранных социально обусловленных явлений, используется в современной лингвистике в широком и

узком толковании. Широкого понимания политического дискурса придерживаются авторы, включающие в сферу политической коммуникации «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2000: 23]. Особенностью современного политического дискурса является его опосредованность средствами массовой информации, или медиатизация [Добросклонская 2012].

При узком понимании политический дискурс ограничивается институциональными формами общения в общественно-политической сфере, т. е. публичной коммуникацией профессиональных политиков. В этом случае дискурс сопровождает «политический акт в политической обстановке» [Dijk 1998]. Данный подход предполагает рассмотрение политического дискурса как институционального. С этой позиции политический дискурс представлен как «языковое выражение общественной практики в сфере политической культуры, представляющее собой профессиональное использование языка, за которым стоит национально и социально-исторически обусловленная ментальность его носителей» [Левенкова 2011: 14—15].

Разделяя мнение Е. И. Шейгал, В. И. Карасика, М. В. Желтухиной, мы включаем в понятие политического дискурса как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих — субъект, адресат или содержание общения. Исключение неинституциональных форм об-

щения или переходных, «гибридных» образований из пространства политического дискурса не позволяет описать его специфику. При попытках дать более точное определение политического дискурса за счет сужения рамок его функционирования возникает опасность неполноценного описания объекта исследования. К примеру, исключив тексты СМИ, которые являются результатом пересечения массмедийного и политического видов дискурса, из исследовательской практики описания политического дискурса, мы существенно ограничим наши представления о прагматическом потенциале данного вида дискурса.

В лингвистическом плане политический дискурс рассматривается как вид коммуникативной деятельности, которая характеризуется особой социокогнитивной, прагматической и идеолого-аксиологической направленностью.

Термин «политический дискурс», несмотря на неоднозначную трактовку в современной лингвистике, может считаться устоявшимся в широком и узком понимании. Изменение условий современной политической коммуникации заставляет исследователей говорить о приобретении им глобального характера [Ильин 2011; Павлова 2013; Петров 2009; Archetti 2004; Simons 1986].

Необходимость расширения границ политического дискурса обусловлена комплексом экстралингвистических факторов, главным из которых является появление технических средств осуществления глобальной политической коммуникации. Важную роль играют экономическая интеграция и необходимость международного взаимодействия для решения глобальных проблем. Как отмечает И. В. Ильин, процессы интеграции и глобализации стимулировали появление так называемой «глобалистики» — междисциплинарной области исследования глобальных процессов и систем, включающей и политическое знание [Ильин 2011: 3].

Определение глобального политического дискурса с позиции лингвистики представлено в исследовании Е. К. Павловой: «...дискурс, осуществляемый через глобальные средства массовой информации, доступный глобальной аудитории, то есть аудитории с максимальным разнообразием языков и политических картин мира» [Павлова 2013: 14]. Глобальный дискурс имеет набор характеристик: публичность, медийность, многоязычность, интерцивилизационность и дисгармоничность. «Этот дискурс доступен глобальной аудитории; он адресован широким массам; этот дискурс осуществляется через глобальные средства массовой информа-

ции; его адресат представляет собой многоязычную аудиторию, в которую включены представители разных цивилизаций...» [Павлова 2013: 3].

Взгляды ученых на процессы, происходящие в рамках этого глобального явления, вряд ли возможно назвать гомогенными. Так, по мнению политолога К. Е. Петрова, глобальный дискурс ориентирован на преодоление культурных границ и «стремится обойти культурные различия», и именно поэтому глобальная политическая коммуникация строится преимущественно с использованием «концептов, апеллирующих к простейшим потребностям» [Петров 2009: 14]. В то же время лингвист Е. К. Павлова полагает, что глобальное коммуникативное пространство полицивилизационно и политический дискурс в нем сейчас может быть только интерцивилизационным, т. е. осуществляемым в рамках одной цивилизации [Павлова 2013: 17]. Цивилизационно обусловленные лингвокультурные различия картин мира в массовом сознании народов, идеологические противоречия и стереотипы национального политического сознания вызывают дисгармонию дискурса [Павлова 2013: 3]. Пытаясь определить перспективы развития глобальной политической коммуникации, политолог И. В. Ильин предполагает, что «переход к многополярному устойчивому мировому сообществу будет идти через формирование многополярного, точнее, полицентричного консенсусного мироустройства, совместимого с целями нового типа развития человечества, более справедливого для всех стран и народов планеты» [Павлова 2013: 13].

В определении глобального политического дискурса следует особо отметить необходимость выделения общего средства общения, без которого невозможно осуществлять коммуникацию на глобальном уровне. Этим уникальным средством общения в настоящий момент является английский язык, используемый в качестве официального рабочего языка в 85 % международных организаций, в том числе ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, АСЕАН, Евросовет, НАТО, ОПЕК, ВТО и др. По словам профессора З. Г. Прошиной, «английский язык превратился в связующий язык, используемый как язык-посредник для коммуникации в любой точке земного шара и особенно в поднимающейся экономически, бурно развивающейся Азии» [Прошина 2009; Proshina 2012]. Согласившись с Б. Качру, Л. Смитом, З. Г. Прошиной, следует признать факт, что английский язык, став языком межкультурного общения, перестал принадлежать только

его носителям. Он в равной мере принадлежит всем, кто им пользуется [Прошина 2005; Kachru 1992].

Английский язык является ярким примером глобализации или глокализации на лингвистическом уровне [Pakir 1999: 111]. Глокализация свидетельствует о взаимодействии и взаимовлиянии процессов в разных регионах планеты. «Глокальность» отражается в увеличении словарного состава английского языка за счет слов с местным колоритом и, наоборот, заимствовании локальными языками новых слов, не только английских, но и слов иного происхождения через английский язык [Прошина 2010].

Общаясь на английском языке, представители каждого этноса стремятся сознательно и неосознанно выразить особенности своей культуры, что привело к появлению многообразия равноправных вариантов английского языка, используемых в разных культурах [Прошина 2009, 2010]. По словам З. Г. Прошиной, все региональные варианты имеют свои языковые и функциональные особенности, проявляющиеся в отклонениях (девиациях) от норм британского и американского вариантов английского языка. Девиации возникают в результате интерференции автохтонного языка и отражают когнитивные особенности картины мира, свойственной данному этносу [Прошина 2005].

Именно различия в когнитивной и, опосредованно, в языковой картине мира взаимодействующих в политическом дискурсе агентов, представляющих разные нации и цивилизации и использующих английский язык в качестве лингва франка, приводят к непониманию и конфликтным ситуациям в межкультурной коммуникации. Как заявляет Е. К. Павлова, «никакой лингва франка (в том числе, английский язык) не может обеспечить гармонизацию глобального политического дискурса» [Павлова 2013: 7].

Несмотря на глобализацию политических процессов и политического и медийного дискурса, которая должна бы привести к унификации способов представления политической информации, по утверждению некоторых исследователей, особенности национальной культуры играют первостепенную роль в успешном проведении экономических и политико-административных преобразований [Bauylis 2011] и в определении функциональных, содержательных и структурных особенностей политического дискурса [Archetti 2004]. Следовательно, анализируя политическую коммуникацию в глобальном контексте, необходимо учитывать как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на содержание и структуру политического

дискурса.

Таким образом, глобальный политический дискурс характеризуется наличием полиэтнического языка в качестве средства общения участников политической коммуникации, основными функциями которого является *консолидирующая* и *этноидентифицирующая*.

Для исследования политического дискурса в глобальном коммуникативном контексте интерес представляет сопоставление картин мира агентов политической коммуникации, принадлежащих к разным этносам, нациям и цивилизациям, но использующих единый полиэтнический язык как средство конструирования политической реальности.

Одной из первых работ в данном направлении можно считать диссертацию Е. Р. Левенковой «Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США», посвященную исследованию британского и американского национальных вариантов политического дискурса [Левенкова 2011]. В результате работы автор вводит критерий дискурса, связанный со специфической культурной определенностью коммуникации — признак национально-культурной маркированности дискурса полигосударственного языка, а также понятия «национальный вариант дискурса полигосударственного языка» и «национальный вариант англоязычного политического дискурса».

В 2013 г. в практике анализа политического дискурса появился термин «межнациональный дискурс», под которым авторы понимали «речь и ее порождение — текст, взятые в контексте межнационального взаимодействия» и одновременно «совокупность самых разных дискурсивных практик (частных разновидностей дискурса, его форматов), включающих развернутые во времени прямые и опосредованные контексты взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, а часто и к языковым семьям» [Руженцева, Антонова 2013: 12].

В *глобальном* политическом дискурсе и агенты, и клиенты представляют разные национальные, этнические картины мира, разные риторические традиции и разные способы политической коммуникации. Единственным объединяющим их звеном является глобальный английский язык и сфера, цель и предмет общения, т. е. политическая борьба за власть, влияние. Таким образом, с одной стороны, глобальный политический дискурс отражает стремление к глобализации как на политическом, так и на языковом уровне, с другой — текстовые, речевые, символические формы политического дискурса не могут не отражать национальную,

этнокультурную специфику его субъектов, что естественным образом влияет на результат политического взаимодействия.

Включение таких показателей, как ценности, идеологии и нормы, относящихся к так называемому «культурному элементу», в сферу исследований политического дискурса необходимо для определения эффективности взаимодействия различных политических институтов, социума в целом и отдельных его представителей. В частности, политический дискурс является выражением комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, так как политическая культура — составная часть общей интегрированной культуры и отражает ее основополагающие ценности. По сути, политический дискурс функционально направлен на формирование у реципиента некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира, поскольку в основе этого дискурса лежат оценочные концепты. Исследуя его, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу [Токарева 1998: 25—26]. В этой связи возникает необходимость исследовать национально-культурный компонент политического дискурса в глобальном контексте, что отмечается, в частности, в работах С. В. Ивановой, Е. Р. Левенковой, Е. К. Павловой, Н. В. Сальниковой. По словам Е. Р. Левенковой, недифференцированное описание англоязычного политического дискурса приводит к его неадекватному представлению в языковой теории и в практике [Левенкова 2011: 4—5].

Лингвокультурная маркированность англоязычного политического дискурса проявляется во всех его аспектах: социокогнитивном (моделях и способах метафоризации и номинации), аксиолого-идеологическом (декларации национальных ценностей и способах вербализации общечеловеческих ценностей, специфике оценочности), прагматическом (стереотипных прагматических ситуациях, дистанционности субъектов политического дискурса).

Гипотетически можно предположить, что нейтрализация лингвокультурных особенностей политического дискурса затронет прежде всего так называемый «интрацивилизационный» дискурс (термин Е. К. Павловой) [Павлова 2013: 6], осуществляемый представителями одной цивилизации, и проявится в ролевой структуре дискурса и его специфической информативности. Однако точ-

ный ответ может быть получен только при контрастивном исследовании вариантов англоязычной политической коммуникации, способствующем изучению вопросов, связанных с общими и национально-специфическими характеристиками глобального политического дискурса. Выявление специфики языковой реализации дискурсивного содержания в зависимости от культурной принадлежности дискурса, представленного национальными вариантами полигосударственного языка, возможно с введением в аппарат анализа дискурса методов лингвокультурологического описания и достижений вариатологии.

Общность языка глобального политического дискурса, который, в свою очередь, отражает ценности и когнитивную картину мира англоязычного мира и предлагает использование единых риторических канонов в сфере политики, не может скрыть «просвечивающих» через языковую ткань социокогнитивных, аксиолого-идеологических и прагматических маркеров этнокультурной принадлежности участников этого дискурса.

Исследования политического дискурса на материале разных вариантов английского языка могут способствовать описанию роли английского языка в его консолидирующей и этноидентифицирующей функциях и уточнению характеристик, природы и функций глобального политического дискурса как социально значимой культурной модели в разных социумах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т. Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во Москов. ун-та, фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2012. С. 741—784.
2. Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2011. 53 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000. С. 5—20.
4. Левенкова Е. Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Самара : Поволжская гос. социально-гуманитарная акад., 2011. 42 с.
5. Павлова Е. К. Гармонизация глобального политического дискурса на сигнификативном уровне (на примере дискурса США и России) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2013. 36 с.
6. Петров К. Е. Роль политического дискурса в политических изменениях: глобальный, региональный и национальный уровни : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М.: МГИМО, 2009. 25 с.
7. Прошина З. Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1 (5). С. 124—128.
8. Прошина З. Г. Глокальный английский язык как средство опосредованного выражения культурной идентичности // Язык, культура, перевод : материалы Междунар. оч.-заоч. науч.-практ. конф. (15—16 июня 2010 г., Магадан). — Магадан : Изд-во СВГУ, 2010. С. 93—99.
9. Прошина З. Г. Интегративная роль английского языка

как лингва франка в АТР // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы : материалы 6-й Междуна. науч.-практ. конф. (12 дек. 2008 г.) / отв. ред. И. С. Трусова. — Владивосток : Мор. гос. ун-т им. Адм. Г. И. Невельского, 2009. С. 6—10.

10. Руженцева Н. Б., Антонова, Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 292 с.

11. Сальникова Н. В. Национально-культурная риторика политического дискурса (на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М. С. Горбачева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь : Ставропольск. гос. ун-т, 2011. 29 с.

12. Токарева И. И. Этнолингвистика и политический дискурс // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / ред. И. Ф. Ухванова-Шмыгова. — Минск : Белгосуниверситет, 1998. Вып. 1. С. 26—39.

13. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал / Ин-т языкознания РАН ; Волгоград. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.

14. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

N. V. Royba

Blagoveshchensk, Russia

NATIONAL AND CULTURAL DIMENSIONS IN GLOBAL POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *Globalization of political processes and media and political discourse don't contribute to unification of the ways of political information presentation. The peculiarities of the national cultures of political communication participants play the primary role in successful introduction of political changes and in determination of functional, conceptual and structural features of political discourse. To study political discourse in the global communicative context, it is important to compare the worldviews of the agents of political communication belonging to different ethnic communities, nations or civilizations but speaking the same poly-ethnic language as a means of political reality reconstruction. The main functions of poly-ethnic language as a means of communication between political communication participants: consolidating and ethno-identifying. The language of global political discourse, on the one hand, reflects the values and the cognitive worldview typical of the English-speaking world and suggests using the same rhetorical canon that exists in politics, on the other hand, it preserves socio-cognitive, axiological, ideological and pragmatic markers of ethnic and cultural belonging of the participants of this discourse. The research works devoted to political discourse in different variants of the English language help to describe the role of English in its consolidating and ethno-identifying functions, as well as to single out the features, nature and functions of the global political discourse as a socially-important cultural models in different communities.*

KEYWORDS: *political communication; political discourse; globalization; English; poly-ethnic language; consolidating function of language; ethno-identifying function of language; linguoculturology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Royba Natalia Vladimirovna, Associate Professor, Department of Translation and Intercultural Communication, Candidate of Philology, Head of International Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.*

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya T. G. Yazyk politicheskogo mediadiskursa Velikobritanii i SSHA // Yazyk SMI i politika. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, fak. zhurnalistik MGU im. M. V. Lomonosova. 2012. S. 741—784.

2. Il'in I. V. Globalistika v kontekste politicheskikh protsessov : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk / MGU im. M. V. Lomonosova. — M., 2011. 53 s.

3. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs. — Volgograd, 2000. S. 5—20.

4. Levenkova E. R. Konvergentnye i divergentnye tendentsii v politicheskom diskurse Velikobritanii i SSHA : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Samara : Povolzhskaya gos. sotsial'no-gumanitarnaya akad., 2011. 42 s.

5. Pavlova E. K. Garmonizatsiya global'nogo politicheskogo diskursa na signifikativnom urovne (na primere diskursa SSHA i Rossii) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M. : Ros. un-t družby narodov, 2013. 36 s.

6. Petrov K. E. Rol' politicheskogo diskursa v politicheskikh izmeneniyakh: global'nyy, regional'nyy i natsional'nyy urovni : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M. : MGIMO, 2009. 25 s.

7. Proshina Z. G. Lingvokontaktologiya: status, problemy, perspektivy // Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2005. № 1 (5). S. 124—128.

8. Proshina Z. G. Glokal'nyy angliyskiy yazyk kak sredstvo oposredovannogo vyrazheniya kul'turnoy identichnosti // Yazyk, kul'tura, perevod : materialy Mezhdunar. och.-zaoch. nauch.-

15. Archetti C. Are the Media Globalising Political Discourse? The War on Terrorism Case Study // International Journal of the Humanities. 2004. Vol. 2. № 2. P. 1303—1308.

16. Baylis J., Smith S., Owens P. The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations. — New York, USA : Oxford Univ. Pr., 2011. 636 p.

17. Dijk T. A. van. What is Political Discourse Analysis? // Political Discourse / ed. J. Blommaert, Ch. Bulcaen. — Amsterdam : John Benjamins Publ. Comp., 1998. P. 11—52.

18. Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. — New York : State Univ. of New York Pr., 1996. P. 28—55.

19. Kachru B. Teaching World Englishes // The Other Tongue: English Across Cultures. 2d ed. — Urbana & Chicago : Univ. of Illinois Pr., 1992. P. 355—365.

20. Pakir A. Connecting with English in the Context of Internalization // TESOL Quarterly. 1999. Vol. 33. № 1. P. 103—114.

21. Proshina Z. Global And Local English in Asian Education // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — Хабаровск, 2012. № 3 (35). P. 95—99.

22. Simons H. W., Aghazarian A. A. Genres, Rules and Political Rhetoric: Toward a Sociology of Rhetorical Choice // Form, Genre and the Study of Political Discourse. — USA : Univ. of South California Pr., 1986. P. 45—58.

prakt. konf. (15—16 iyunya 2010 g., Magadan). — Magadan : Izd-vo SVGU, 2010. S. 93—99.

9. Proshina Z. G. Integrativnaya rol' angliyskogo yazyka kak lingva franka v ATR // Rossiyskiy Dal'niy Vostok i integratsionnye protsessy v stranakh ATR: politiko-ekonomicheskie, sotsial'no-kul'turnye problemy : materialy 6-y Mezhduna. nauch.-prakt. konf. (12 dek. 2008 g.) / отв. red. I. S. Trusova. — Vladivostok : Mor. gos. un-t im. Adm. G. I. Nevel'skogo, 2009. С. 6—10.

10. Ruzhentseva N. B., Antonova, Yu. A. Mezhnatsional'nyy diskurs: model' v kontekste epokhi : monogr. — Ekaterinburg : Ural. gos. pед. un-t, 2013. 292 s.

11. Sal'nikova N. V. Natsional'no-kul'turnaya ritorika politicheskogo diskursa (na materiale pубличnykh vystupleniy R. Reygana i M. S. Gorbacheva) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Stavropol' : Stavropol'sk. gos. un-t, 2011. 29 s.

12. Tokareva I. I. Etnolingvistika i politicheskii diskurs // Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy soderzhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov / red. I. F. Ukhvanova-Shmygova. — Minsk : Belgosuniversitet, 1998. Vyp. 1. S. 26—39.

13. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. / E. I. Sheygal / In-t yazykoznaneya RAN ; Volgograd. gos. pед. un-t. — Volgograd : Peremena, 2000. 368 s.

14. Chudinov A. P. Oчерки по современной политической метафорологии : monogr. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. pед. un-t, 2013. 176 s.

15. Archetti C. Are the Media Globalising Political Discourse? The War on Terrorism Case Study // International Journal of the Humanities. 2004. Vol. 2. № 2. P. 1303—1308.

16. Baylis J., Smith S., Owens P. *The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations.* — New York, USA : Oxford Univ. Pr., 2011. 636 p.

17. Dijk T. A. van. *What is Political Discourse Analysis? // Political Discourse / ed. J. Blommaert, Ch. Bulcaen.* — Amsterdam : John Benjamins Publ. Comp., 1998. P. 11—52.

18. Hacker K. L. *Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research.* — New York : State Univ. of New York Pr., 1996. P. 28—55.

19. Kachru B. *Teaching World Englishes // The Other Tongue: English Across Cultures.* 2d ed. — Urbana & Chicago : Univ. of Illinois Pr., 1992. P. 355—365.

20. Pakir A. *Connecting with English in the Context of Internalization // TESOL Quarterly.* 1999. Vol. 33. № 1. P. 103—114.

21. Proshina Z. *Global And Local English in Asian Education // Sotsial'no-gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke.* — Khabarovsk, 2012. № 3 (35). P. 95—99.

22. Simons H. W., Aghazarian A. A. *Genres, Rules and Political Rhetoric: Toward a Sociology of Rhetorical Choice // Form, Genre and the Study of Political Discourse.* — USA : Univ. of South California Pr., 1986. P. 45—58.

Д. В. Третьякова
Тольятти, Россия

РЕЛИГИОЗНОЕ, СЕКУЛЯРНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ В РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА *ПОП* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье представлено комплексное исследование семантики слова «поп» в русском языке в диахроническом аспекте. Актуальность исследования связана с потребностью выявления закономерностей семантического развития религиозной лексики в различные периоды развития российского общества. Целью исследования является выявление соотношения религиозного, секулярного и политически обусловленного в семантике лексических единиц. Материалом исследования является слово «поп» в словарях, текстах и языковом сознании носителей современного русского языка. Применяются методы лексикографического, психолингвистического описаний и контекстуального анализа. Результаты исследования показывают процесс секуляризации и политизации значения слова «поп» в русском языке на протяжении всего периода наблюдений. До начала XX в. при достаточно большой роли церкви в Российском государстве секуляризация значения слова «поп» уже наблюдалась. В советский период, когда с религией в обществе велась борьба, этот процесс продолжался. В 90-е гг. XX столетия, после распада СССР, когда происходит воцерковление многих российских граждан и появляется лояльность государства к церкви, религиозной «реабилитации» слова «поп», как могло бы ожидать, не происходит, церковь не признает этого слова, но при этом слово «поп» не вытесняется на периферию языкового сознания и продолжает достаточно активно использоваться. Семантическое обновление семантики слова «поп» проявляется в выходе из употребления многих старых его значений и появлении новых, нерелигиозных и политически мотивированных, что характеризует доминирующее направление динамики развития исследуемого слова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поп; номинация; лексикология русского языка; лексическая семантика; этимология; интернет-коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Третьякова Диана Викторовна, старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики, магистрант, гуманитарно-педагогический институт, Тольяттинский государственный университет; 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14; e-mail: dixi29@yandex.ru.

Различные процессы в обществе влияют на изменения в семантике единиц активного словаря эпохи: новые реалии требуют языковой реализации. Так, интерес к религиозной сфере, активная «воцерковленность» значительной части населения России за последние 25 лет привели к появлению и функционированию в речи больших пластов соответствующей лексики, а также к активизации словарного запаса дореволюционного периода, описывающего реалии религиозной жизни человека. Изменения касаются не только употребления, но и значения подобной лексики. Данное исследование посвящено анализу изменений в семантике слова *поп*. Именно это слово на протяжении последних трех столетий претерпевало значительные семантические изменения.

Этимология и употребление слова до начала XX в.

Слово *поп* имеет давнюю историю в русском языке. Поп — герой многих жанров русского фольклора (сказок, пословиц, поговорок, чистоговорок, докучных сказок и т. п.) [Венгранович 2014]. Н. М. Тупиков указывает, что имена собственные с этим словом и его производными встречаются в источниках с 1400 г. [Тупиков 1903: 315].

Ср.: «Поп — священник (разг., уничиж.); рюха, которую ставят вертикально в игре городки. ▲ В рус. языке XI—XVII вв. изв. *поп*, *попадъишко*, *попадиа*, *попадья*, *попась*, *попин*, *попище*, *попишко*, *попов*, *попова*, *попович*, *поповский*, *поповственный*, *поповство*, *поповый*. ▲ Через цслав. из балкано-

романск. *pop*, *pore*, результата вульгаризации лат. *papa*. Первоисточник: др.-греч. *πάππας* „титул главы александрийской или карфагенской христианских общин во II—III вв. н. э.“. Слово могло попасть в праслав. язык из народных лат. говоров в середине IV в. н. э. в Паннонии и Трансильвании, куда Аттила переселил огромное количество пленных из Иллирика и Паннонии. См. *папа*» [Шапошников 2010: 171].

Отметим, что данный этимологический словарь дает стилистические пометы, относящиеся к слову *поп* в современный период, словари же XIX в. указывают на греческое происхождение слова, не давая каких-либо стилистических помет, ср.: «**Поп**, Прол; Март: 10. Есть речение испорченное, вошедшее в употребление в грубые времена вместо *папа*, то есть отца» [Алексеев 1818: 263]; «**Поп** [под. *попа*] м., а стар. иногда **попин** [греч. *πάππας*], священник, иерей, пресвитер; человек поставленный, посвященный, помазанный, рукоположенный в духовный чин или сан пастыря душ. *Черный поп*, стар. иеромонах. *Поп*, *папа*, конечно общ. корня, отец; поминается у нас впервые в Песнословии Пророков, 1047 г. *Купить попа*, стар. облюбовав попу из чужого прихода, давали туда вклад, или на богдельню. || *Поп*, в игре в городки, рюхи, чушки: выбитая из кона чушка, ставшая опять торчком или *на попу*, что говор. и о бочке, или тюке; стойком, торцем, торчмя; в игре в козны, бабки, при конании, то же, стоячее положение бабки» [Даль 1907: стб. 803]; «**Поп** — священник. Прол. Мар. 10. Это испорченное слово,

вошедшее в употребление вместо греч. πατήρ папа, т. е. отец» [Дьяченко 1900: 456].

Упомянув Песнословие Пророков 1047 г., В. И. Даль имеет в виду хрестоматийно известную приписку «азъ *попъ оупирь лихьи*», толкование имени которого до сих пор вызывает интерес у исследователей [Бобрик 2014].

Обратим внимание на тот факт, что П. А. Алексеев — составитель словаря и представитель общественной группы «просвещенного» духовенства, возникшего в XVIII в. (см.: [Ряжев 2004]) — дает значение, поддержанное затем Г. Дьяченко и актуализированное в наши дни: «Поп — испорченное слово».

У М. Фасмера в издании 1987 г. читаем: «**Поп**, род.п. -а, в настоящее время имеет презрительный оттенок знач., укр. піп, род.п. попа, блр. поп, др.-русск., ст.-слав. попь [...] „священник, учитель“» [Фасмер 1987: 326].

Следует отметить, что данное слово не всегда имело статус разговорного и экспрессивно-оценочного, сниженного. Вплоть до конца XVIII в. оно носило терминологический характер и буквально называло священника. Приведем выдержки из законодательных документов Петра I, а именно из нормативного акта «Духовный регламент» (1725 г.), в котором регулируется правовое положение церкви: *Число особ правительствующих доволное есть, 12. Быть же лицам разного чина: архиереем, архимандритом, игуменом, протопопом* [Законодательство Петра I 1997: 577]; *26. Не дерзатъ священнику самоволно, без благословения своего епископа, приставать к полку воинскому, и воинским властям не принимать таковых; за преступление же сего священника взять под жестокое наказание, а власти воинская [аще же кто не обманом поповским, но самоволием так погрешит и силою попа заступать станет] епископом о том писать в Синод, а из Синода будет о управе искано в Военной коллегии* [Законодательство Петра I 1997: 592]. Как видим, *протопоп* — официальный чин, а *поп* и *поповский* упоминаются в документе по отношению к священнику.

XX век

После 1917 г. в связи с активной антирелигиозной кампанией (см., например, тексты агитационных плакатов: *Долой попа и знахаря!*) появляется окказионализм *попоед*, сходный по образованию с современным *исламоедом* (см.: [Третьякова 2015: 221—223]). Так, в 1924 г. в журнале «Веселый ткач» печатается *Поэт-попоед* (псевдоним Д. Н. Семеновского) [Масанов, т. 2 1957:

375]. Данная номинация образована путем соединения корня *поп* с аффиксоидом *-ед*, что также привносит негативно-оценочную семантику: «...**ЕД**, а, м. (<едать) — в словах, отрицательно оценивающих кого-л. *В далекие годы он был брошен вместе с другими комсомольцами... на раскулачивание таежных мироедов*. Е. Евтушенко, Ягодные места» [Козулина 2009: 90—91]. Примечательно, что А. В. Петров приводит 78 слов-композигов на *-ед*, но идеологем *попоед* (равно как и *исламоед*) мы среди них не находим [Петров 2003: 83—84].

Именно в XX в. слово *поп* приобретает в русском языке устойчивый негативный *пренебрежительный* оттенок, что фиксируется словарями. Так, словарь под ред. Д. Н. Ушакова (изд. 1939 г.) содержит следующие пометы:

«**Поп**, попа, муж. (от греч. πάππας). 1. Священник (*разг.* в старину — официальное название). „Произнося обет перед налоем, ты солгала попу“. А. Островский. „Каков поп, таков и приход“. погов. „Что ни поп, то батька“. погов. || Вообще — служитель культа всякого ранга (*разг. пренебр.*). || только мн., собир. Духовенство (*разг. пренебр.*). 2. В игре в городки: сбита яриха, которую вновь ставят стоймя, если она упадет на линии. *Сбить попу легко*. На попу (ставить, поставить; *прост.* и *спец.*) — стоймя. *Поставить кирпич на попу*» [Поп [http](http://)].

Слова, относящиеся к *попу* (священнику), содержат помету *разговорное*, само слово *поп* — дополнительную помету, *пренебрежительное*. Даже семантика терминологического слова *поповщина* подвергается изменению и тоже приобретает негативную окраску. Исключения по-прежнему составляют терминологические наименования — *поповка* (броненосец), *поповец* и *поповщина* (старобрядчество).

Таким образом, после 1917 г. и на протяжении практически всего XX в. слово *поп* начинает активно употребляться в русском языке в контекстах, актуализирующих негативную оценку и эмоции, напр.: *Люди хотели скорее затемнить, чем раскрыть родословную: вдруг выскочит какой-нибудь враг народа: поп, офицер, кулак, коммерсант* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].

Можно предположить, что именно неодобрительная оценочность и стилистическая сниженность слова *поп* в этот период обуславливают его активную секуляризацию, т. е. выход из чисто религиозной сферы. На базе актуализации негативной оценки слово *поп* начинает осваиваться, например, криминальным жаргоном, появляется ирониче-

ское *поп* в значении «Политработник, профессиональный коммунист» [Елистратов 2000: 353]: *Политработник у них „поп“, оперуполномоченный — „кум“, „опер“...* [Быков 1992: 127]. Слово в этом значении довольно быстро выходит из криминальной сферы в общее употребление, начинает использоваться для иронического наименования политработников-пропагандистов.

Рубеж XX—XXI вв.

В 90-е гг. XX столетия, после распада СССР, вновь происходит воцерковление многих российских граждан. Однако, несмотря на лояльность к церкви, на насыщенную религиозную жизнь, «реабилитации» слова *поп*, которую можно было бы ожидать, не происходит. Церковь, как и век назад, не признает этого слова, и в официальных словарях, энциклопедиях и справочниках оно отсутствует. Но при этом слово не вытесняется на периферию языка и продолжает достаточно активно использоваться. Более того, оно начинает обрастать «народной этимологией» — доморощенными толкованиями, преимущественно ироническими, которыми пестрят страницы форумов и чатов в Интернете.

Поисковые системы выдают многомиллионные страницы (70—100 млн по данным www.yandex.ru) с ответами на следующие запросы: «Почему священника раньше называли попом?»; «А почему именно поп?»; «Допустимо ли обращение „поп“ к священнику?»; «ПОП и священник — это одно и то же ???»; «Поп, батюшка, священник — чем они отличаются друг от друга» и другие, что демонстрирует активный интерес к этому наименованию среди пользователей сети Интернет разных возрастных, профессиональных и прочих групп, а также, очевидно, свидетельствует о его смысловой неопределенности для носителей языка.

Активно обсуждается функционирование слова *поп* как обращения. Отметим, что на форуме дают ответы как православные священники и верующие, так и неверующие люди. На прямой вопрос о допустимости представлены, например, такие ответы: *Само слово запретным не является. Все нужно смотреть в контексте. Но в подавляющем большинстве случаев употребление этого слова носит именно оскорбительный оттенок. Вот про эти случаи и говорим.*

Стилистические особенности слова отмечены форумчанами, например, так: *От людей мирских это обращение всегда звучит невежественно-презрительно.*

Отдельно обсуждается вопрос функционирования слова «поп» как наименования

священника в третьем лице: *„поп“ — это не обращение, а наименование, такое же, как „священник“. Мы же не говорим, например: „Священник Николай, благословите!“, так же и „поп“ в этом случае не скажешь.*

Отношение к слову *поп* становится показателем политических и идеологических пристрастий, поводом для ёрничества и политических дискуссий. Так, в блогах в качестве реакции на резонансные дела, связанные с РПЦ, появляется стремление эвфемизировать упоминание религиозных деятелей, и, как следствие этого, — новое наименование «*поп-музыка*» (названа по аналогии с «блатной музыкой» — феней): *Слово ПОП теперь тоже нецензурное (известная сказка — в отказе). Остерегитесь от чрезмерного употребления! Нам Вас будет жалко... Когда очень захочется, говорите и пишете „поп-музыка“. Мы поймем, а к Вам не придется* [Владимир Варфоломеев. Блог [http](http://)]. Таким образом, поп-музыка — это ироническое наименование всего, что связано с высказываниями религиозных деятелей.

В лингвокриминалистическом анализе текстов часто возникает необходимость описания семантики слова *поп* в том или ином спорном тексте. В этом случае необходимо опираться на *современное языковое сознание*, которое может быть описано комплексом методов. Нами было проведено такое комплексное исследование для установления семантики слова *поп* в современном языковом сознании носителей русского языка. Исследование проводилось с использованием словарного, контекстного и психолингвистического описания: 1) словарное описание осуществлялось методом обобщения словарных дефиниций [Стернин, Саломатина 2011; Стернин, Рудакова 2017]; 2) изучение контекстного употребления — через анализ более 100 контекстов употребления слова *поп* (основной и газетный корпусы НКРЯ) и 3) путем формулирования психолингвистического значения слова [Стернин, Рудакова 2011] при помощи свободного ассоциативного эксперимента (106 опрошенных).

Приведем интегрированные результаты, представляющие собой верификацию психолингвистическим экспериментом результатов словарного и контекстуального описания.

Свободный ассоциативный эксперимент

Поп — 106: церковь — 18, батюшка — 10, священник — 6, ряса — 6, крест — 5, толконный лоб — 4, чёрный — 3, балда — 3, священнослужитель — 2, купола — 2, колокол — 2, борода — 2, толстый — 2, деревня — 2, деревенский, служитель церкви,

сказка, «Сказка о попе и работнике Балде», православный, православие, бог, исповедание, вода, золото, высоко, белый, вера, святой, попадья, крестьяне, Русь, свеча, церковный, приход, русские сказки, молитва, народ, патер, мужчина в церкви, вредный, богатый, «заевшийся», жадный, алчный, Украина, актёр, поп-музыка, поп-культура, от Поперечного, нехорошее слово, рок, гор — 1.
Отказ — 3.

Интегрированное описание семантики слова «поп» в современном языковом сознании

1. Священник русской православной церкви.

Православный — 2 (православный, православие — 1), **священник** — 21 (священник — 6, батюшка — 10, священнослужитель — 2, служитель церкви, служитель в России (Русь — 1), Украине (Украина — 1)); **служит в церкви** — 29 (церковь — 18, купола — 2, колокол — 2, свеча, Бог, вера, церковный, приход, мужчина в церкви, золото — 1); **в деревне** — 5 (деревня — 2, деревенский, крестьяне, народ — 1); **одет в рясу** — 6, **носит крест** — 5, **бороду** — 2, **толстый** — 2; **крестит** — 1 (вода — 1), **молится** — 1 (молитва — 1), **исповедует** — 1 (исповедание — 1), **святой** — 1; **у него есть попадья** — 1, **отражен в русских сказках** — 2 (русские сказки — 2).

СИЯ (СИЯ — совокупный индекс яркости, вычисляется как сумма количества ИИ, актуализировавших семантические компоненты данного значения) — 83.

2. Разг. пренебр. уничижит. **Священник.**

Православный — 2 (православный, православие — 1), **священник** — 21 (священник — 6, батюшка — 10, священнослужитель — 2, служитель церкви, служитель в России (Русь — 1), Украине (Украина — 1)); **служит в церкви** — 29 (церковь — 18, купола — 2, колокол — 2, свеча, Бог, вера, церковный, приход, мужчина в церкви, золото — 1); **негативно отражен в русских сказках** — 8 («Сказка о попе и работнике Балде» — 1, балда — 3, толоконный лоб — 4), **толстый** — 2, **вредный, богатый, «заевшийся», жадный, алчный, вульгарное слово** — 1.

СИЯ — 71.

3. Разг. **Вообще служитель культа всякого ранга.**

Не представлено.

4. Ирон., совет. время. **Политработник, профессиональный коммунист.**

Не представлено.

5. Фигура в городках.

Не представлено.

6. Популярная музыка, попса.

(То же, что) поп-культура — 1, поп-музыка — 1; ее представляют актеры (актер — 1), противоположна рок-музыке — 1 (рок — 1).

СИЯ — 4.

7. Кличка, образованная по усеченной форме от фамилии Попов и под.

Не представлено.

8. Название современного видеоклипа.

(Клип) «Поп-культура» от Поперечного — 1.
СИЯ — 1.

Устойчивые сочетания:

— **чёрный поп** — *устар.* монах, исполняющий обряды православного священника, иерея; иеромонах (чёрный — 3, черное духовенство — 3); СИЯ — 6;

— **белый поп** — *устар.* священник, принадлежащий к белому (женатому) духовенству (белый — 1); СИЯ — 1.

То же, что *патер*.

Не интерпретируются: *высоко* — 1, *гор* — 1.

Не актуально — 3 (отказы).

Таким образом, слово *поп* упоминается в текстах на русском языке с 1047 г. (*азъ поль оупирь лихыи*), как имя собственное оно фиксируется с 1400 г. (Попко, Офонасей Поп и др.). Из стилистически нейтрального и религиозно-терминологического оно становится разговорным (конец XVIII в.) и уничижит.-пренебрежит. (XIX—XXI вв.), т. е. выходит из узкой религиозной сферы в общеупотребительный пласт лексики — происходит процесс секуляризации слова.

Экспериментальное исследование показало, что в современном языковом сознании религиозное и светское значения слова *поп* по совокупному индексу яркости примерно одинаковы — 83 и 71. Остальные религиозные значения устарели и не характерны для актуального языкового сознания современного носителя русского языка, они встречаются только в исторических описаниях сугубо религиозной сферы. Новые же значения, которые появились в процессе семантического развития слова, — *политработник, популярная музыка, кличка по фамилии, прецедентный клип* — все являются светскими, хотя при этом в рамках проведенного эксперимента со 100 ИИ некоторые из этих значений, как и старое значение слова «поп» — *фигура в городках*, оказались не актуализованными в языковом сознании испытуемых в силу конкретных причин — исчезновения политикаторов, выхода из моды игры в городки. Характерно, что третье место по совокупному индексу яркости в смысловой структуре слова в современном языковом сознании

занимает светское значение — популярная музыка.

Секуляризация семантики слова *поп* отражена и в появлении иронических толкований значения слова **ПОП** как аббревиатуры (*пастырь овец православных*) и проч. Появляются многочисленные прецедентные имена со словом *поп* (фамилии конкретных людей, названия книг, кинофильмов и под.), которые актуализируют преимущественно неодобрительно-оценочное значение слова. В прецедентных именах отмечается процесс автономии (по типу: *поп Гапон — гапоны современности*).

Для адекватного толкования семантики слова *поп* в конкретном тексте необходимо рассматривать все выявленные значения данного слова и установить, в каком значении — религиозном или светском — исследуемое слово актуализовано в данном конкретном тексте; необходимо учитывать также возможные семантические процессы усиления или ослабления, нейтрализации оценочной семантики в конкретном употреблении, ср.: *Геть московского попа!* (о патриархе МП РПЦ) и *Он был простой интеллигентный сельский поп*.

Таким образом, можно сделать вывод о процессе секуляризации и политизации значения слова *поп* в русском языке на протяжении всего периода наблюдений. До начала XX в. при достаточно большой роли церкви в Российском государстве секуляризация значения слова *поп* уже наблюдалась. В советский период, когда с религией в обществе велась борьба, этот процесс продолжался. В 90-е гг. XX столетия, после распада СССР, когда происходит воцерковление многих российских граждан и государство становится лояльным к церкви, религиозной «реабилитации» слова *поп*, чего можно было ожидать, не происходит, церковь не признает этого слова, но при этом слово *поп* не вытесняется на периферию языкового сознания и продолжает достаточно активно использоваться.

Обновление семантики слова *поп* проявляется в выходе из употребления многих старых его значений и появлении новых, нерелигиозных и политически мотивированных, что характеризует доминирующее направление динамики развития исследуемого слова.

ИСТОЧНИКИ

1. А почему именно «поп»? URL: <http://forums.drom.ru/garazh/t1151490592.html> (дата обращения: 20.05.2017).
2. Владимир Варфоломеев. Блог // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/blog/varfolomeev/>.
3. Кто такие попы? URL: <https://otvet.mail.ru/question/18814167> (дата обращения: 20.05.2017).
4. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

5. Обращение «поп» к священнику // Слово : открытый православный форум. URL: http://forum-slovo.ru/index.php?PH_PSESSID=tfuleu6utu2js5rv222gqcv0e6&topic=31145.0 (дата обращения: 20.05.2017).

6. Поп // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова // Энциклопедиям : сайт. URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/%201176430_POP.

7. Поп, батюшка, священник — чем они отличаются друг от друга? URL: <https://otvet.mail.ru/question/43012780> (дата обращения: 20.05.2017).

8. ПОП и священник — это одно и то же ??? URL: <https://otvet.mail.ru/question/92112462> (дата обращения: 20.05.2017).

9. Почему священника раньше называли попом? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/895687-pochemu-svjasczen-nika-ranshe-nazyvali-popom.html> (дата обращения: 20.05.2017).

10. Почему священники не любят когда их называют попами? URL: <https://otvet.mail.ru/question/87427852> (дата обращения: 20.05.2017).

ЛИТЕРАТУРА

11. Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании и содержащихся в других церковных и духовных книгах, с присовокуплением некоторых церковных ирмосов, в российском переводе изъясненных и в стихи переложенных, и степенных первого гласа. Т. 3. М — Р. — СПб. : Тип. Ивана Глазунова, 1818. 368 с.

12. БАС = Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 10. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 1774 стб.

13. БТСРЯ = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

14. Бобрин М. А. Лих ли поп Упырь? : значение эпитета «лихый» в записи писца «Толковых пророков» // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 265—272.

15. Быков В. Русская фея : слов. современного интержаргона асоциальных элементов. — München : Verlag Otto Sagner, 1992. 182 с.

16. Венгранович М. А. Лексико-семантические константы как формы стилистического канона фольклорного текста // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Баженовой ; Пермск. гос. нац. исследоват. ун-т. — Пермь, 2014. С. 250—258.

17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. И. А. Бодуна де Куртенэ. — СПб. ; М. : Изд-во Т-ва М. О. Вольф, 1903—1909. Т. 1 (1903); т. 3 (1907).

18. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений, содержащий в себе объяснения малопонятных слов и выражений, встречающихся в церковно-славянских и древне-славянских рукописях и книгах... начиная с X до XVIII вв. включительно. — М. : Изд. отд. Москов. патриархата, 1993. 1120 с. (репринт издания 1900 г.).

19. Елистратов В. С. Словарь русского арго : материалы 1980—1990 гг. : ок. 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. — М. : Русские словари, 2000. 694 с.

20. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. — М. : Юрид. лит., 1997. 880 с.

21. ИСЗиТС = Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII—XIX вв. — Оренбург : Оренбург. книж. изд-во, 1998. 280 с.

22. Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксонды русского языка : опыт словаря-справочника / отв. ред. Е. А. Левашов. — СПб. : Нестор-История, 2009. 288 с.

23. МАС = Малый академический словарь / ред. А. П. Евгеньева ; АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1957—1960 ; М. : Русский язык, 1981—1984.

24. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 2. — М., 1957.

25. Петров А. В. Гнздовий тлумачно-словотворчий словник композитів. — Сімферополь, 2003. 286. (Рос. мовою).

26. Рязев А. С. Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII — первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М. : Ин-т российской истории РАН, 1995. 30 с.

27. Рязев А. С. «Просвещенный абсолютизм» и старообрядцы. Ч. 2. — Тольятти : Тольяттин. гос. ун-т, 2006. 332 с.
28. Рязев А. С. Просвещенное духовенство Екатерины II // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 43—57.
29. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. — Ярославль : Истоки, 2013. 34 с.
30. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. — Воронеж : Ламберт, 2011. 192 с.
31. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. — Воронеж : Истоки, 2017. 34 с.
32. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. — Воронеж : Истоки, 2011. 150 с.
33. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П — Рязка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 1424 стб. // Энциклопедум. URL: <http://enc.biblio>

D. V. Tretyakova

Togliatti, Russia

RELIGIOUS, SECULAR AND POLITICALLY RELEVANT IN THE DEVELOPMENT OF SEMANTICS OF THE WORD *ПОП* (POPE) IN RUSSIAN

ABSTRACT. *The article presents a complex study of the semantics of the word POPE (ПОП) in the Russian language in the diachronic aspect. The relevance of the research is related to the need to identify patterns of semantic development of religious vocabulary in different periods of development of Russian society. The aim of the research is to reveal the correlation of religious, secular and politically conditioned lexical changes in the semantics of a word. The material for the research is the word ПОП (POPE) in dictionaries, texts and linguistic consciousness of the speakers of modern Russian language. The methods of lexicographic, psycholinguistic description and contextual analysis are applied. The results of the research show the process of secularization and politicization of the meaning of the word ПОП (POPE) in Russian throughout the entire period of observation. Until the beginning of the twentieth century, with a sufficiently large role of the church in the Russian state, secularization of the meaning of the word ПОП (POPE) was already observed. In the Soviet period, when there was a struggle with religion in the society, this process continued. In the 90-ies of the twentieth century, after the collapse of the USSR, when many Russian citizens are churching and the state becomes loyal to the church, religious "rehabilitation" of the word ПОП (POPE), as might be expected, does not happen, the church does not recognize this word, but still, the word ПОП (POPE) remains in language consciousness of the native speakers and it continues to be actively used. Semantic renewal of the meaning of the word ПОП (POPE) is manifested in the withdrawal from the use of many of its old meanings and the emergence of new, non-religious and politically motivated ones, which characterizes the dominant trend in the development of the word under investigation.*

KEYWORDS: *pope; nomination; lexicology of Russia; lexical semantics; etymology; Internet communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tretyakova Diana Viktorovna, Senior Lecturer, Master's Degree Student, Department of Russian Language, Literature and Forensic Linguistics, Humanitarian-Pedagogical Institute, Togliatti State University, Togliatti, Russia.*

REFERENCES

1. A pochemu imenno «pop»? URL: <http://forums.drom.ru/garazh/t1151490592.html> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
2. Vladimir Varfolomeev. Blog // Ekho Moskvy. URL: <https://echo.msk.ru/blog/varfolomeev/>.
3. Kto takie popy? URL: <https://otvet.mail.ru/question/18814167> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
4. NKRYa = Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Obrashchenie «pop» k svyashchenniku // Slovo : otkrytyy pravoslavnyy forum. URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?PHPSESSID=tfuleu6utu2js5rv222gqcv0e6&topic=31145.0> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
6. Pop // Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova // Entsiklopedium : sayt. URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/%201176430_POP.
7. Pop, batyushka, svyashchennik — chem oni otlichayutsya drug ot druga? URL: <https://otvet.mail.ru/question/43012780> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
8. POP i svyashchennik — eto odno i tozhe ??? URL: <https://otvet.mail.ru/question/92112462> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
9. Pochemu svyashchennika ran'she nazyvali popom? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/895687-pochemu-svja-schennika-ranshe-nazyvali-popom.html> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
10. Pochemu svyashchenniki ne lyubyat kogda ikh nazyvayut popami? URL: <https://otvet.mail.ru/question/87427852> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
11. Alekseev P. A. Tserkovnyy slovar', ili Istolkovanie slaven-skikh, takzhe malovrazumitel'nykh drevnikh i inoyazychnykh recheniy, polozhennykh bez perevoda v Svyashchennom Pisanii i sodержashchikhsya v drugih tserkovnykh i dukhovnykh knigakh, s prisovokupleniem nekotorykh tserkovnykh imosov, v rossiyskom perevode iz "yasennykh i v stikhi perelozhennykh,

- club.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russkogo_jazyka_pod_red_d_n_ushakova (data obrashcheniya: 23.06.2017).
34. Третьякова Д. В. Негативно-оценочные номинации специалиста с общей корневой морфемой -ислам- в интернет-публикациях // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : материалы V Международ. науч. конф. — Тольятти : Изд-во ТГУ, 2015. С. 216—224.
35. Тупиков Н. М. Словарь древне-русских личных собственных имен. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. Муза — Сят / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М. : Прогресс, 1987. 832 с.
37. Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2 / сост. А. К. Шапошников. — М. : Фланта : Наука, 2010. 576.

- i stepennykh pervogo glasa. Т. 3 М — R. — SPb. : Tip. Ivana Glazunova, 1818. 368 s.
12. BAS = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. Т. 10. — М. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. 1774 stb.
13. BТСRYa = Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2000. 1536 s.
14. Bobrik M. A. Likh li pop Pypyr'? : znachenie epiteta «dikhiy» v zapisi pистsa «Tolkovykh prorokov» // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2014. № 1 (27). S. 265—272.
15. Bykov V. Russkaya fenyа : slov. sovremennogo interzhargona asotsial'nykh elementov. — München : Verlag Otto Sagner, 1992. 182 s.
16. Vgranovich M. A. Leksiko-semanticheskie konstanty kak formy stilisticheskogo kanona fol'klornogo teksta // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. E. A. Bazhenovoy ; Permsk. gos. nats. issledovat. un-t. — Perm', 2014. S. 250—258.
17. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. 3-e izd., ispr. i dop. / pod red. prof. I. A. Boduena de Kurtenne. — SPb. ; M. : Izd-vo T-va M. O. Vol'f, 1903—1909. Т. 1 (1903); t. 3 (1907).
18. Dyachenko G. Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' so vneseniem v nego vazhneyshikh drevne-russkikh slov i vyrazheniy, sodержashchiy v sebe ob'yasneniya maloponyatnykh slov i vyrazheniy, vstrechayushchikhsya v tserkovno-slavyanskikh i drevneslavyanskikh rukopisyakh i knigakh... nachinaya s XX do XVIII vv. vklyuchitel'no. — М. : Izd. otd. Moskov. patriarkhata, 1993. 1120 s. (reprint izdaniya 1900 g.).
19. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo : materialy 1980—1990 gg. : ok. 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazheniy. — М. : Russkie slovari, 2000. 694 s.
20. Zakonodatel'stvo Petra I / otv. red. A. A. Preobrazhenskii, T. E. Novitskaya. — М. : Yurid. lit., 1997. 880 s.

21. ISZiTS = Illyustrirovanny slovar' zabytykh i trudnykh slov iz proizvedeniy russkoy literatury XVIII—XIX v. — Orenburg : Orenburg. knizh. izd-vo, 1998. 280 s.
22. Kozulina N. A., Levashov E. A., Shagalova E. N. Affiksoidy russkogo yazyka : opyt slovarya-spravochnika / otv. red. E. A. Levashov. — SPb. : Nestor-Istoriya, 2009. 288 s.
23. MAS = Malyy akademicheskiy slovar' / red. A. P. Evgen'eva ; AN SSSR, In-t rus. yaz. — M., 1957—1960 ; M. : Russkiy yazyk, 1981—1984.
24. Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley. V 4 t. T. 2. — M., 1957.
25. Petrov A. V. Gnizdoviy tlmachno-slovotvorchiy slovnik kompozitiv. — Simferopol', 2003. 286. (Ros. movoyu).
26. Ryazhev A. S. Irgizskie staroobryadcheskie obshchiny vo vtoroy polovine XVIII — pervoy polovine KhKh v. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. — M. : In-t rossiyskoy istorii RAN, 1995. 30 s.
27. Ryazhev A. S. «Prosveshchennyi absolyutizm» i staroobryadtsy. Ch. 2. — Tol'yatti : Tol'yattin. gos. un-t, 2006. 332 s.
28. Ryazhev A. S. Prosveshchennoe dukhovenstvo Ekateriny II // Voprosy istorii. 2004. № 9. S. 43—57.
29. Sternin I. A. Metody issledovaniya semantiki slova. — Yaroslavl' : Istoki, 2013. 34 s.
30. Sternin I. A., Rudakova A. V. Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye. — Voronezh : Lambert, 2011. 192 s.
31. Sternin I. A., Rudakova A. V. Slovarnye definitsii i semanticheskii analiz. — Voronezh : Istoki, 2017. 34 s.
32. Sternin I. A., Salomatina M. S. Semanticheskii analiz slova v kontekste. — Voronezh : Istoki, 2011. 150 s.
33. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. P — Ryashka / pod red. D. N. Ushakova. — M. : Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1939. 1424 stb. // Entsiklopedium. URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyy_slovar_russkogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova (data obrashcheniya: 23.06.2017).
34. Tret'yakova D. V. Negativno-otsenochnye nominatsii spetsialista s obshchey kornevoy morfemoy -islam- v internet-publikatsiyakh // Tekst: filologicheskii, sotsiokul'turnyy, regional'nyy i metodicheskii aspekty : materialy V Mezhdunar. nauch. konf. — Tol'yatti : Izd-vo TGU, 2015. S. 216—224.
35. Tupikov N. M. Slovar' drevne-russkikh lichnykh sobstvennykh imen. — SPb. : Tip. I. N. Skorokhodova, 1903.
36. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. Muza — Syat / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. — M. : Progress, 1987. 832 s.
37. Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t. T. 2 / sost. A. K. Shaposhnikov. — M. : Flinta : Nauka, 2010. 576.

У Яньцю
Шаосин, КНР

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ И КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В КИТАЕ ДО 1917 ГОДА

АННОТАЦИЯ. Автором ставится цель рассмотреть в социально-политическом, этническом, культурологическом, лингвистическом ракурсах российскую диаспору в Китае в дореволюционный период, т. е. до 1917 г. Автором полностью раскрыты политические и национальные характеристики диаспоры того времени. Новизна научной статьи очевидна, поскольку автор четко указывает начало периода формирования российских этнических диаспор в Китае, а именно конец XIX в. Этот процесс был связан со строительством Китайско-Восточной железной дороги. Среди строителей Китайско-Восточной железной дороги были представители самых разных национальностей Российской империи. Рассматриваемые автором предреволюционные годы жизни многонациональной российской диаспоры в Китае были периодом бурных событий, политической и трудовой активности россиян-мигрантов. Реализация такого крупного проекта, как строительство КВЖД, привлекала в Маньчжурию не только обычных строителей разных национальностей, желающих улучшить свое материальное положение, убежать от политических преследований и национального гнета, но и немало представителей частного капитала самого разнообразного национального состава — таким предпринимателям требовалось придать некоторое организационное единство и заинтересовать их во внешнеполитических и внешнеэкономических успехах России на Дальнем Востоке. На рубеже XIX—XX вв. идет сложный и противоречивый процесс формирования и становления национальных диаспор в Китае, их адаптации к новым условиям азиатской жизни. Однако они не растворились, не ассимилировались в «желтом» Китае, сохранив свою этническую, в том числе языковую идентичность, свою национальную культуру, свою веру и т. д. Несомненно, объединял и консолидировал эти этнические группы в одну российскую большую диаспору великий русский язык и литература.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный вопрос; лингвокультурология; русский язык; российская диаспора; национальная идентичность; этносы; этнолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У Яньцю, кандидат исторических наук, старший преподаватель, заведующий кафедрой русского языка, Чжэцзянский институт иностранных языков «Юесяо»; 312000, Unit 1001, China, Zhejiang Province, Shaoxing City, Yuecheng District, Jinghu campus of Zhejiang Yuexiu university of foreign language; e-mail: 254319172@qq.com.

Формирование российских этнических диаспор в Китае начинается в конце XIX в. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и образованием в Маньчжурии русской полосы отчуждения.

Среди строителей Китайско-Восточной железной дороги были представители самых разных национальностей Российской империи. По данным известного исследователя русского Китая, бывшего эмигранта Г. В. Мелихова, в 1899 г. в полосе отчуждения проживали 14 тысяч человек, представлявших 28 национальностей [Мелихов 1991: 75].

Высокие заработки, неплохие условия для развития предпринимательства плюс романтика новой жизни на неосвоенных далеких территориях привлекали на строительство железной дороги представителей разных национальностей.

Уже к 1910 г. из 32 320 человек, проживавших в Харбине, русских было 31 269, евреев — 452 человека [Василенко 1995: 68]. По мнению профессора Е. Н. Чернолуцкой, к группе русскоподанных (32 320) могли быть отнесены и представители других российских национальностей — украинцы, белорусы, татары, представители кавказских народов [Чернолуцкая 1999: 26—33].

Большой приток в Маньчжурию национальных меньшинств, особенно евреев и поляков, подвергавшихся дискриминации в России, не случаен. Так, не имевшие прав на жительство во многих частях России евреи с удовольствием уезжали в

Маньчжурию и Шанхай. Строительство КВЖД сулило немалую выгоду, что не могло не привлечь евреев.

«Вместе с тем, — пишет профессор В. В. Романова, — неясным был их правовой статус на новой территории. С одной стороны, Маньчжурия находилась в пределах 100-верстовой пограничной полосы, куда евреям, как известно, въезд запрещался. В декабре 1898 г. военный министр Сахаров своей телеграммой специально уведомил Приамурского генерал-губернатора Гродекова о том, что он „признает соответствующим не допускать вовсе евреев к водворению на Квантун впредь до решения сего вопроса в установленном порядке“» [Романова 2011: 193]. Такова была, как известно, общегосударственная позиция в «еврейском вопросе» в целом, и, следовательно, требовалась ее корректировка в связи с необходимостью скорейшего строительства КВЖД и улучшения экономической ситуации в регионе. Это обуславливало известный прагматизм взглядов представителей власти на пути и методы колонизации данной территории.

Следовательно, приток еврейских мигрантов в Маньчжурию был во многом обусловлен толерантной политикой царского правительства в отношении переселения евреев из черты оседлости в районы, имеющие стратегическую важность для Российской империи [ZviaShiclman 1999: 187]. По оценке С. Ю. Витте, еврейские поселенцы, обладающие изначальным капиталом,

предпринимательским талантом, знаниями и желанием, способные расширить формальные границы Российской империи через Маньчжурию с первыми стратегическими центрами в Харбине, Мукдене и Даляне, были крайне необходимы. Именно евреи, с точки зрения С. Ю. Витте, были тем необходимым «социальным инструментом», который мог в полном объеме способствовать реализации этой задачи [Владимирский 2008: 44].

Еврейские торговцы поставляли различные материалы для КВЖД, обеспечивали ее строителей продовольствием, бытовыми товарами. Они создали лесную и лесоперерабатывающую промышленность, организовали торговлю зерном.

Крупными торговцами и промышленниками были евреи Л. С. Скидельский, Роман и Яков Кабалкины, братья Семен, Харитон и Исаак Соскины, братья Илья и Абрам Лопато, братья Бреннер, Гольдмены, Голды, Зондовичи, Ульманы и многие другие.

Еще до 1917 г. в еврейской общине в Харбине начала формироваться разветвленная социальная система с различными комитетами, благотворительными организациями, имевшими немалые денежные средства. Уже в 1903 г. в Харбине возникло более десяти торговых предприятий с еврейским капиталом, и число их быстро росло. В городе существовала еврейская общественная библиотека, которая к 1912 г. насчитывала 13 тысяч томов.

Еврейская община была первой национальной общиной, основанной в Харбине выходцами из Российской империи [Мелихов 1991: 294—295]. Еврейская община, во главе которой с 1912 г. стоял известный доктор Е. С. Кауфман, была колонией крупных предпринимателей, концессионеров, банкиров, владельцев контор, мельниц, складов [Кауфман 1958: 107]. В Харбине российские евреи преимущественно занимались недвижимостью, они открыли мелкие перерабатывающие заводы, создали мукомольное дело, винокурение, маслوبيчное и табачное дело. Кроме того, среди них было немало юристов, врачей, художников, артистов и т. д., многие работали в сфере обслуживания [Балакшин 1958: 107].

В начале XX в. под эгидой еврейской буржуазии возникает Русско-китайский, а затем Русско-азиатский банк, филиалы которых открылись в Китае. Оба эти учреждения находились в теснейшем контакте с российским правительством, да и отдельные представители правящей элиты при царе играли в них важную роль. Можно упомянуть министра финансов, а позднее премьер-

министра С. Ю. Витте, который понимал, что без привлечения крупного международного капитала, тесно связанного с еврейскими кругами в России и за рубежом, осилить такой проект, как КВЖД, невозможно.

В целях успешной реализации строительства КВЖД упомянутый чиновник считал необходимым создание максимально благоприятных условий для предпринимательской деятельности, что исключало введение каких-либо ограничений по национальному или религиозному признаку. При этом следует отметить, что, несмотря на все обвинения правых, С. Ю. Витте никогда не был филосемитом. Представляется, что его воззрения на «еврейский вопрос» можно квалифицировать как сугубо прагматичный взгляд политика. Об этом он со свойственным ему цинизмом писал в своих воспоминаниях: «Я всегда смотрел и смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для нас, для русских, и для Российской империи» [Витте 1960: 211].

Проблема легитимизации участия евреев в колонизации Маньчжурии представляла для царского правительства известную сложность: как привлечь их деньги и предпринимчивость и при этом остаться в рамках антиеврейских российских законов, дабы не создавать прецедента их нарушения? «Выход был найден, — пишет В. В. Романова. — В соответствии с разработанным Комитетом министров и Высочайше утвержденным 13 марта 1898 г. положением, правом выдачи соответствующих паспортов наделялись: канцелярия Приамурского генерал-губернатора, губернаторы Забайкальской и Приморской областей, а также, как отмечалось, в „исключительных случаях“ — главный инженер КВЖД. Основанием являлось письменное приглашение администрации дороги. Следовательно, решение вопроса о пребывании лиц еврейской национальности на КВЖД в целях экономической целесообразности отдавалось на откуп не властям, а администрации дороги» [Романова 2001: 194—195].

Большинство еврейских предпринимателей Маньчжурии были законопослушными и честно трудились. Обогащая себя, они исправно платили налоги. Однако некоторые из них были замечены и в неблагоприятных поступках, в том числе в контрабанде. По свидетельству П. Балакшина, некоторые из них увлеклись перевозом опиума, золота, драгоценностей. Операциями по перевозке опиума из Приморья ведали, кроме корейцев, еврейские предприниматели. Одним из

самых крупных из них был некто Вульфович [Балакшин 1958: 107].

Отношения русской и еврейской общин Харбина складывались по-разному. Особых трений между ними не было. В Маньчжурии отсутствовала черта оседлости, тогда как в соседнем Уссурийском крае это ограничение неукоснительно соблюдалось и распространялось на всех евреев, в том числе на крупных купцов и предпринимателей. Даже глава крупнейшей и известнейшей на всем Дальнем Востоке фирмы Л. С. Скидельский не имел права свободного передвижения по краю. Значительно позже это право было ему даровано. Вместе с тем в Маньчжурии он ничем стеснен не был [Чжао Си Ганн 1994: 19].

Начальник КВЖД Д. Л. Хорват «не выделял» евреев, не обращал на них особого внимания; для него «евреи отдельно от прочих не существовали». Естественно, такая «цивилизованная» точка зрения всячески поддерживалась представителями этого народа, в том числе и через местную русскоязычную прессу, которую они постепенно взяли под контроль. Так, 4 сентября 1911 г. издававшаяся в Харбине под редакцией Е. Л. Дыновского «Маньчжурская газета» писала: «Неуместно переносить еврейский вопрос сюда, в русскую колонию, где мы должны поддерживать престиж культурной страны и, как таковой, долженствующей признавать равноправными между собой все народности, населяющие ее».

Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. в Маньчжурии, особенно в Харбине, осели многие еврейские солдаты и снабженцы русской армии, способствовавшие развитию торговли в этом крае. Они основали фабрики соевого масла, мельницы, магазины, участвовали в добыче угля, в заготовке леса. Уже в 1913 г., согласно переписи, в Харбине из 44 147 человек проживало 5032 еврея [Северная Маньчжурия 1916: 614—615].

Значительной была еврейская колония Шанхая. В огромном мегаполисе с крупным международным открытым портом предпринимчивые евреи могли полностью реализовать свои способности к торговле. Здесь их никто не притеснял и не преследовал за веру. В 1902 г. численность российских шанхайских евреев составила 25 семей, они избрали своего лидера, построили синагогу «Храм Моисея», а затем и другие культовые сооружения, в которых вели активную религиозную деятельность, обменивались информацией, помогали друг другу [Тан Пэйцзи 1992: 115].

В 1916 г. шанхайские евреи организовали Общество вспомоществования, которое

открыло приют для бедных [Ван Чжичэн 2008: 19].

Вообще российская колония в Шанхае была очень разнообразной в национальном отношении. Кроме русских, евреев, украинцев, здесь проживали десятки других национальностей. Ван Чжичэн пишет: «Перед Первой мировой войной общая численность россиян в Шанхае составляла 402 человека» [Ван Чжичэн 2008: 19].

К 1917 г. численность национальных диаспор в Маньчжурии еще больше увеличилась. По данным Е. Н. Чернолуцкой, число украинцев составляло примерно 22 тысячи, поляков — более 6 тысяч, евреев — от 7 до 10 тысяч, грузин — более одной тысячи [Чернолуцкая 1999: 26—33].

С этими цифрами согласна Е. Е. Аурилене, которая между тем подчеркивает, что более объективная количественная характеристика национальных обществ не представляется возможной по ряду причин. *Во-первых*, эмигранты в поисках лучшей жизни меняли место жительства, что в условиях плохо организованного статистического учета населения Маньчжурии не могло не сказаться на качестве подсчета; *во-вторых*, полная количественная характеристика национальных обществ невозможна по причине отсутствия необходимых архивных источников; *в-третьих*, в статистических отчетах этих лет, как и позднего послереволюционного периода, все выходцы из России чаще всего именуется «русскими», исключения в ряде случаев делаются лишь для наиболее крупных этнических групп [Аурилене 2003: 32].

Крупной национальной диаспорой в Маньчжурии были также украинцы. Как и русские с евреями, они начали активно заселять северо-восток Китая в конце XIX в. Этому способствовало не только строительство КВЖД, но и в целом переселенческая политика царского правительства на рубеже XIX—XX вв. Всего до 1917 г. в Маньчжурию переселилось свыше 20 тысяч украинцев, основная масса которых осела в Харбине [Черномаз 1999: 34].

Пути и мотивы приезда в этот край представителей украинской нации были различными. Например, первая крупная группа украинцев прибыла на строительство КВЖД из Туркестана, где под руководством генерала Д. Л. Хорвата она участвовала в строительстве Закаспийской железной дороги [Черномаз 1999: 34]. Строителей из Украины привлекали хорошие заработки, перспектива участия в эксплуатации магистрали. Привлекательной Маньчжурия была и для массы безземельного украинского крестьянства, которое охотно переселялось в азиатскую

часть России, где было много свободной земли. По мнению В. А. Черномаза, «относительно благоприятные, по сравнению с территорией России, условия для украинской деятельности в Маньчжурии объясняются более либеральным порядком, царившим здесь даже в годы Первой мировой войны» [Черномаз 1999: 35]. Кроме того, в администрации КВЖД большим влиянием пользовались лица, в том числе руководители железной дороги, имевшие имущественные и семейные связи с Украиной. Это относилось к генералу Д. Л. Хорвату, командующему войсками охраны дороги генералу Переверзеву, начальнику Штаба войск генералу А. В. Ивашкевичу и др. [Черномаз 1999: 35].

В Маньчжурии, и в первую очередь в Харбине, украинские колонисты создали свои комитеты, организации и общества. Среди этих структур выделялось общество «Просвита», которое являлось самым крупным объединением украинцев. Председателем «Просвиты» был известный харбинский общественный деятель профессор В. А. Кулябко-Корецкий. С 1907 г. общество имело собственный национальный клуб «Украинский национальный дом», в котором разместились Покровская церковь, начальная украинская школа и театр. Позже на базе национальной украинской школы были открыты высшее начальное училище и украинская гимназия. Плодотворной была издательская деятельность украинцев. В Харбине издавались украинские газеты и журналы. Наиболее авторитетными и массовыми были газета «Вести украинского клуба» и журналы «Засів» и «Поступ». В жизни украинской колонии наблюдалась острая вражда «ширых украинцев» и «малороссов» [ГАХК 1999: 13]. Но, несмотря на все внутренние политические столкновения, подчеркивает Г. В. Мелихов, украинская колония придавала Харбину свой яркий колорит: украинцы осуществляли в Харбине активную культурную деятельность, стремились сохранить национальную самобытность, вели крупную благотворительную работу, оказывали населению широкую правовую помощь, чему способствовало то, что среди украинцев было много видных профессоров, юристов, учителей, предпринимателей, известных артистов.

Театральная деятельность являлась наиболее активной формой украинской общественной жизни. На крупных станциях КВЖД, где проживали компактные группы украинцев, были созданы любительские театральные и хоровые кружки. Популярностью среди строителей и работников КВЖД пользовался украинский кружок на станции Ляоян

во главе с Ф. Тоцким. Много творческих коллективов работало в Харбине, именно здесь было образовано музыкально-литературно-драматическое общество, где звучали стихи Т. Г. Шевченко, красивые и задушевные украинские народные песни, ставились драматические постановки по мотивам произведений Н. В. Гоголя.

20 января 1908 г. в Харбине был торжественно открыт Украинский клуб, который стал первым украинским клубом в Российской империи, получившим официальное разрешение на свою деятельность. В состав первого правления Харбинского украинского клуба вошли: М. Панчеха (председатель), В. Яновский, И. Лисуренко, А. Демко, И. Шахрай. В последующие годы клуб поочередно возглавляли известный харбинский журналист И. А. Добровольский, журналист Е. Г. Воловик, Е. В. Полетико. Клуб объединил около 300 членов. При нем была открыта библиотека-читальня, действовал театральный кружок во главе с известным режиссером А. Украинцевым, хор под руководством регента Харбинского Свято-Никольского кафедрального собора П. М. Машина.

Украинцы Харбина жили общей духовной жизнью с украинцами всей Российской империи, являясь неотъемлемой частью всего общеукраинского национального движения. Они поддерживали тесные связи с родиной, с украинскими организациями Москвы и Петербурга. Из Киева в Харбин приходила газета «Рада» [Черномаз 2001: 110].

В годы Первой мировой войны Украинский клуб развернул активную деятельность по сбору средств для раненых российских воинов, устраивал благотворительные вечера, собранные на которых средства шли на помощь жертвам войны.

В годы войны численность клуба возросла до 400 человек, при нем была открыта начальная школа для детей железнодорожников и фронтовиков [Черномаз 2001: 110].

После Февральской революции 1917 г. члены клуба во главе с П. М. Машиной активно включились в общественно-политическую деятельность [Черномаз 2001: 110].

Свержение царизма в России резко усилило национально-освободительное движение, в том числе украинского народа. На Украине было создано независимое Украинское государство. Бурные события на родине не могли не всколыхнуть бывшие окраины царской империи — Дальний Восток, где проживало большое количество украинцев, а также полосу отчуждения в Маньчжурии. Первые политические выступления харбинских украинцев с требованием независимости

Украины прошли в марте 1917 г. На состоявшемся массовом митинге 12 марта 1917 г. был избран украинский национальный представительный орган — Украинская рада во главе с Ф. Соболевым [Черномаз 1999: 35], призванная отстаивать общенациональные интересы украинцев Маньчжурии.

При окружной раде была создана военная секция, состоящая из украинских солдат и офицеров, которая насчитывала около 200 человек [Черномаз 1999: 35]. В конце 1917 г. украинская рота во главе с поручиком П. Твардовским выехала на Родину для участия в национально-освободительной борьбе.

До революции 1917 г. в Маньчжурии, Северном Китае и Шанхае оказались и представители других национальных меньшинств Российской империи. Они мигрировали в Китай по разным причинам, в основном по экономическим. Нужда, возможность заработка и, конечно, поиски более свободной жизни толкали их в чужие края. Хотя в царской империи национальные меньшинства страдали от великорусского шовинизма, политические мотивы не были главными при их отъезде за рубеж. Начало XX в. — период бурных событий, связанных с Первой русской революцией, Русско-японской войной, Февральской революцией, которые вызвали всплеск хаотичной миграции и общественно-политической активности россиян, в том числе национальных меньшинств, у которых появилась надежда на национальное освобождение. Всё это отразилось на жизни многих российских этнических групп, в том числе поляков, латышей, татар, кавказцев и др.

Крупной этнической группой в Китае еще до революции были татары. По свидетельству китайских источников, первые татарские купцы и коммерсанты появились в Синьцзяне в 1850-х гг. Уже к концу XIX в. во всех крупных городах Синьцзяна существовали татарские торговые кварталы.

Кроме торговли, основными видами их занятости были ремесла (скорняжное дело и выделка кож). В городе Кульдже существовал обособленный татарский район — Ногай-город. Здесь действовали татарская школа, мечеть, работал татарский самодельный театр, музыкальный, танцевальный и изобразительный кружки. Именно в Ногай-городе возникло первое татарское движение. Татарская диаспора считалась наиболее образованной, организованной и предприимчивой. Позже в Кульдже была открыта русская школа, в которой преподавали татарские учителя.

В первые годы XX столетия в Харбине, Хайларе, Мукдене и других городах стали создаваться мусульманские духовные общины. Старейшей во всей Восточной Азии

была мусульманская духовная община Харбина, основанная в 1906 г.

В этом же году была возведена и первая державная мечеть. Позже духовная община Харбина была переименована в Тюрко-татарскую духовную национальную общину. Одновременно создавались образовательные учреждения, общественные организации по пропаганде национальных культурно-исторических традиций. В 1908 г. была открыта первая в Маньчжурии тюрко-татарская смешанная школа «Гинаят». Основатели общины в Харбине большей частью были выходцами из Пензенской губернии. Вдохновителем и духовным пастырем тюркской общины был Гинаятулла Селихмеда (Селихметов). В 1916 г. харбинская община оказалась во главе всех тюрко-татарских общин Китая, Японии и Кореи [Амрулла 2003: 13].

Интересна и драматична история происхождения тюрко-мусульманской общины в Шанхае. Татары попадали в этот международный город разными путями. Здесь они быстро устанавливали связь друг с другом и самоорганизовывались. В плане веротерпимости им было легче, чем другим мигрантам. В Шанхае еще с конца XIX в. существовали мечети и мусульманские школы больших мусульманских, в том числе индусской и ближневосточной, общин — выходцев из Синьцзяна и Средней Азии. В Шанхае тюрко-татары в основном занимались предпринимательством. В. Г. Мелихов выделяет торговую деятельность татарских коммерсантов как один из существенных побудительных мотивов их пребывания в Китае [Мелихов 1991: 296—297].

Казанский исследователь Р. Гильфанов обращает внимание на существование двух локальных татарских групп на территории Северного Китая. Одна из них образовалась в начале XX в. на северо-западе в китайском Восточном Туркестане из числа татар, занимавшихся торговлей со Средней Азией. Другая большая группа татар заселила Маньчжурию. Это были выходцы в основном из Тамбовской и Пензенской губернии. После завершения строительства КВЖД они остались на обслуживании КВЖД, где также занимались активной коммерческой деятельностью. Эта колония постоянно пополнялась за счет новоприбывших [Гильфанов 1995: 83].

Общины оказывали помощь прибывшим нищим тюрко-татарам, а также всем тем, кто в ней нуждался. Они хлопотали о выдаче этим людям паспортов, устраивали их на службу, снабжали талонами на бесплатные обеды, устраивали на квартиры.

«Тюрко-татары, как и представители других этнических групп в Маньчжурии, —

пишет Е. Н. Чернолуцкая, — не были изолированы друг от друга... Они ощущали себя единым сообществом россиян, занятых общим делом — строительством и обустройством железной дороги, городов и поселков полосы отчуждения. Владение, наряду с родным, русским языком, полученное в России воспитание и образование, совместное проживание и трудовая деятельность способствовали сохранению их культурного единения вне границ России» [Чернолуцкая 1999: 32].

Польские колонии в Шанхае, Северном Китае не были многочисленными, кроме Маньчжурии, но оставили значительный след в хозяйственной и особенно в духовно-культурной жизни российской эмиграции. Как представители Российской империи, до 1917 г. поляки приезжали в Маньчжурию и другие места Китая по разным мотивам, включая политические, но большинство заставляли приехать в Китай нужда, материальные затруднения.

В 1897 г. в Харбин с большой группой инженеров-изыскателей, изучавших геологические условия для строительства железной дороги, прибыли первые поляки-строители. Многие приехали с семьями. Позже их количество резко возросло. Приток поляков в Маньчжурию в конце XIX в. был не случаен.

После очередного раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией в царстве Польском, попавшем под юрисдикцию России, стала проводиться жесткая русификация, которая вынуждала поляков уезжать в надежде, что на новых землях будет жить свободнее. Следует добавить, что после Польского восстания 1863—1864 гг. царское правительство отменило все привилегии для жителей царства Польского, и десятки тысяч молодых поляков, литовцев, белорусов были рекрутированы в русскую армию. Поскольку воинские подразделения такого состава высылались в самые далекие губернии и районы Российской империи, то и в Маньчжурии оказалось много поляков в составе корпуса пограничной стражи, который размещался вдоль трассы строительства КВЖД [Ефимова 1999: 179—180].

Как и всякая другая, эта крупная стройка требовала развития инфраструктуры, и в Харбин стали съезжаться деловые люди, которые открывали промышленные предприятия и торговые центры. В связи с этим в польской колонии произошло пополнение: Игантий (Игнацы) Чаевский основал в Харбине водочный завод, пивной завод открыл Александр Врублевский, первую паровую мельницу запустила польская фирма «Рыновский-Ковальский», а предприниматель Богдан Бронковский построил крупный сахар-

ный завод, оборудование для которого было поставлено из Польши фирмой Шпоньтанского, Бормала и Сведа, а также фабрикой паровых котлов Красиньских. Уже через три года польская диаспора в Харбине насчитывала 7 тысяч человек [Czochowski 1935: 44].

Много поляков трудилось на самой железной дороге. Они были заняты на различных должностях: кондукторами, машинистами, начальниками станций. Польские инженеры и архитекторы строили столицу КВЖД — Харбин. Наибольший вклад в градостроительство Харбина внесли поляки Константином Йокиш и вице-бургомистр Эугений Дыновский. А польского инженера-изыскателя Адама Шидловского не без основания считали основателем города Харбина. Он первый во главе экспедиции вышел на высокий берег Сунгари и разбил лагерь под будущий город.

Постепенно на рубеже XIX—XX вв. в Маньчжурии сложилась большая колония выходцев из Польши — носителей католической веры. Поляки не были первыми католиками в северной части Китая. Католицизм имел здесь уже давние корни: еще в XVII в. сюда прибыли французские миссионеры, которые подчинялись Пекинскому епископату. В 30-х гг. XIX в. Ватикан для Северного Китая, лежащего на восток от Великой Китайской стены, основал новый викариат, который называли «За стеной». Он охватывал три провинции: Мукденскую, Гириинскую, Цицикарскую. Эту огромную территорию викариата в 1898 г. разделили на две части: апостольский викариат Северной Маньчжурии с престолом в Гирине и апостольский викариат Южной Маньчжурии с престолом в Мукдене. Католические священники викариатов, преимущественно французы, распространяли католицизм среди китайцев [Czochowski 1935: 44].

В отсутствие польских священников и польских католических храмов в первые годы образования общины поляки за совершением обрядов обращались к французским миссионерам. Однако уже в начале XX в. в Харбине был образован Комитет строительства костела, который существовал вплоть до постройки храма. В комитете работали авторитетные поляки, обладавшие выдающимися деловыми качествами, такие как, например, генерал-лейтенант Гронбчевский — известный путешественник по Средней Азии, а позднее атаман астраханских казаков и автор многих книг [Ефимова 1999: 180]. Деньги на строительство первого католического храма собирали всем миром, добровольные помощники проводили различные благотворительные мероприятия: лотереи, любительские спектакли, костюмированные балы. В этом активно помогала местная

польская пресса, дававшая красочные рекламные оповещения о таких событиях. Вскоре была накоплена достаточная сумма, и комитет решил заложить фундамент костела. Это произошло 1 сентября 1906 г., состоялось торжественное освящение «углового камня». Событие привлекло всю польскую колонию. Ровно в 12 часов дня прибыл управляющий КВЖД Д. Л. Хорват с супругой, представители дипломатических миссий, духовенство. Капеллан Соборного военного корпуса ксендз Доминик Пшилуцкий и его ассистенты совершили церемонию освящения «углового камня». На тот период в Харбине и его окрестностях проживало уже около 4000 поляков-католиков [Ефимова 1999: 181].

Для сбора средств на строительство храма проводились, в частности, благотворительные балы и концерты, немалые суммы давали состоятельные люди. В результате довольно быстро было собрано 3 тысячи рублей. Директор железной дороги А. Югович и предприниматель Шалом Скидельский безвозмездно помогли строительными материалами [Сапелкин 2002: 466].

Первым настоятелем храма стал о. Антон Мачук. Летом 1907 г. в Харбин прибыла миссия отцов-редемптористов, членов ордена Искупителя. Цель редемптористов — подражать примеру Иисуса Христа в проповеди народу истин веры. Это событие прихожане захотели увековечить, для чего в ограде храма установили огромный деревянный черный крест, на котором поместили табличку с именами присутствующих прихожан. Торжественное освящение нового костела Святого Станислава осуществил в 1909 г. генеральный викарий Могилевской архиепархии епископ Ян Цепляк, который совершал инспекционную поездку по приходам Сибири, Дальнего Востока, Сахалина и Маньчжурии [Ефимова 1909: 181].

В конце декабря 1909 г. в Харбин прибыл новый католический священник, отец Владислав Островский, который прежде служил настоятелем римско-католического прихода в г. Вятке. Благодаря его разнообразным задумкам, уже перед Рождеством произошло много важных событий, например было учреждено Общество св. Винcentия а Пауло (Викентия де Поля), члены которого занимались филантропией, культурной и научной деятельностью. Появление такого общества самым положительным образом сказалось на духовной и культурной жизни поляков-католиков Харбина. Возникла польская начальная школа им. Св. Винcentия (Викентия), установились культурные связи с филантропическими учреждениями Польши, благодаря чему расширилось и

укрепилось сообщество католической молодежи в отрядах харцеров. Члены правления Общества св. Винcentия поддерживали все положительные начинания молодых, обеспечивали их мероприятия сценами, залами, давали возможность бесплатного пользования библиотеками и читальными залами [Ефимова 1909: 181].

Польская колония в Маньчжурии искала тесные контакты с апостольской администрацией, чтобы обеспечить новый статус католическим парафиям Маньчжурии. Однако связь с единственной в России римско-католической Могилевской архиепархией была весьма проблематична из-за огромных расстояний и сложностей поездок. Отец Владислав Островский слал послания и Папе Римскому, и в Могилевскую архиепархию, но ничего не менялось. Даже в Польше священник не находил понимания, так как в польских католических кругах мало интересовались духовными потребностями далеких имперских окраин [Ефимова 1909: 182].

Нельзя не вспомнить выдающихся представителей польской интеллигенции, оставивших заметный след в истории российской эмиграции в Китае. Среди них врачи Вацлав Лазовский и Тодеуш Новкуньский, спасшие многие жизни в годы Русско-японской войны, известный писатель и путешественник Антоний Оссендовский. Опубликованные им интересные и глубокие путевые заметки о Китае были переведены на европейские языки.

Одним из активнейших членов польского национально-культурного объединения «Господа Польска» был ученый и генерал Бронислав Громбчевский. Сын польского повстанца, он родился в Варшаве в 1855 г. и стал генералом русской армии. Был членом Русского географического общества, проводил географические исследования в Средней Азии. В 1885 г. возглавлял комиссию по уточнению китайско-российской границы, а через год был назначен Генеральным комиссаром Северной Маньчжурии. В этой должности он оставался до 1903 г. [Сапелкин 1999: 467].

В 1914 г. в Харбин прибыл еще один видный деятель польской диаспоры — геолог и путешественник Казимир Гроховский. Он родился в 1873 г. в Галиции, окончил гимназию во Львове, затем — университет в Вене, где получил специальность инженера-геолога. С 1906 г. Гроховский участвовал в работе геологических экспедиций в Азии. Несколько лет он занимался поисками золота в уссурийской тайге, прошел изыскательский маршрут по Сихотэ-Алиню вдоль Японского моря. Совмещая работу геолога с археологическими и этнографическими иссле-

дованиями, изучал материальную и духовную культуру якутов, тунгусов, орочей, гольдов и других аборигенов, собрав ценный коллекционный материал. Им был создан словарь тунгусского (эвенкийского) и якутского языков [Сапелкин 1999: 467].

В годы Первой мировой войны польская колония в Маньчжурии заметно выросла. Тысячи поляков, бывшие жители царства Польского и Галиции, высланные из родных мест в 1915—1916 гг. в связи с военным положением, а также поляки-военнопленные, рекрутированные в немецкие войска и сражавшиеся на стороне немцев, оказались на Дальнем Востоке, в том числе в Маньчжурии. В этой беженской волне, растянувшейся по всей Сибири и Дальнему Востоку, насчитывалось, по некоторым данным, до 50 тысяч поляков. На пути их следования царил анархия, люди гибли не столько от пуль, сколько от голода и болезней, много среди них было детей-сирот и бездомных [Czapowski 1993: 59]. Героические усилия прилагал Общественный комитет спасения поляков, куда входили Анна Белькович, И. Якубович, В. Пиотровский. По данным польского историка М. Цабановского, им удалось спасти от голода и болезней тысячи поляков.

Февральскую революцию польская колония в Маньчжурии встретила с радостью. С развалом Российской империи у поляков появилась надежда на получение независимости от России. Поэтому на многочисленных митингах и демонстрациях по всем станциям КВЖД, в которых самое активное участие принимали поляки, звучали их справедливые требования свободы и независимости.

Революционное лихолетье начала XX в. занесло на Дальний Восток, в том числе и в далекую Маньчжурию, немало других этнических групп, среди них были и латыши. Вдали от родины одни из них решали свои насущные жизненные проблемы, другие были активными участниками революционных событий. Выход из состава Российской империи и образование независимых государств Прибалтики было их главным лозунгом.

События Первой русской революции 1905—1907 гг., естественно, способствовали обострению национального самосознания латышских мигрантов, повышали политическую активность, усиливали настроения репатриации. После Февральской революции 1917 г. в Маньчжурии, как и в других округах России, создавались латышские национальные советы и комитеты. Как отмечает Е. Н. Чернолуцкая, они делали энергичные попытки объединить латышей вокруг национальных организаций, которые бы защищали их интересы, налаживали культурно-националь-

ное просвещение, организовывали латышские воинские подразделения [Чернолуцкая 2001: 124].

Основная культурно-просветительская и общественно-политическая деятельность латышских колонистов Маньчжурии концентрировалась вокруг консульства Латвии в Харбине, которое возглавлял Э. И. Зилгалв. В национальный комитет, который заседал в помещении консульства, входили известные латышские общественные деятели: Я. Декаер, Я. Гравис, К. Спренна, А. Озолинь.

Характеристика национального состава российской дореволюционной общины в Цинской империи будет неполной без рассмотрения армянской общины. Точных данных о численности армян в Китае автору не удалось обнаружить, так как значительная часть источников, связанных с жизнью диаспоры того времени, не сохранилась. Данные о количестве армян в Китае весьма приблизительны. При этом эмигрантская пресса имела тенденции сознательно занижать численность армянской колонии. Историки эмиграции объясняют этот факт тем, что сами армяне-эмигранты по разным причинам избегали официальной регистрации.

В немногочисленных источниках зачастую фигурирует лишь понятие «русская эмиграция», применяемое ко всем без исключения выходцам из царской России, независимо от их этнической принадлежности, что также, безусловно, негативно влияет на достоверность статистики. Профессор Е. Е. Аурилене и другие отмечают, что численность армянской общины, как и других национальных общин, не поддается объективному подсчету из-за отсутствия архивных данных [Аурилене 2003: 33].

Тем не менее имеющиеся сведения, почерпнутые из китайских источников и материалов, а также публикации армянских авторов позволяют нам в какой-то степени восстановить наиболее значимые события и процессы, происходившие в армянских общинах Китая.

До массового переселения в Цинскую империю в конце XIX в. небольшие группы этнических армян проживали в Макао и Гонконге. Здесь, а также в Кантоне армяне благожелательно принимались китайцами. Являясь купцами, не привязанными к крупным монопольным компаниям, что было основанием для ведения свободной деятельности, армяне занимались грузовыми перевозками, торговали предметами роскоши, изделиями из драгоценных камней, жемчугом, агатом, янтарем. Это приносило им большие доходы [Миносян 2012: 112—122].

Появление первых относительно крупных армянских общин на территории Китая

также связано с постройкой и последующей работой КВЖД, когда в Харбине и на станциях дороги селятся подданные Российской империи. Позже к ним присоединятся армянские беженцы, перебравшиеся в Маньчжурию в ходе Гражданской войны. Армянская диаспора в Китае в те годы имела несколько центров расселения. Самой крупной была маньчжурская община с центром в Харбине. Немногочисленные армянские общины были основаны в Шанхае, Чанчуне, Тяньцзине, Циндао и других городах [Миносян 2012: 112—122].

В начале XX в. в Харбине было основано Армянское национальное общество под председательством видного деятеля армянской общины доктора С. Мигдисова. В городе действовал армянский молитвенный дом, где регулярно проводились богослужения. У Общества армян Харбина в дальнейшем появились свои отделения в городах и на станциях Маньчжурии — Синьцзине (совр. Чанчунь), Цицикаре и других [Миносян 2012: 114].

Армяне были одной из наиболее деятельных и предприимчивых групп в составе российских эмигрантов. Так, в центре Харбина за короткий срок появились армянские торговые предприятия, фабрики, фотоателье, пекарни и рестораны, гостиницы. Несколько обувных фабрик — «Армения» и «Т-во Адаянц» — расположились на Китайской, 49, и Китайской, 63, на Китайской, 5; магазины принадлежали купцу П. А. Сукоянцу. Несколько ресторанов «Самсон» принадлежало З. Аветикову.

Со временем армянские торговые фирмы и предприятия возникли почти по всей Маньчжурии. Так, в Синьцзине существовали кафе-кондитерские и конфетно-шоколадные фабрики «Армения», «Аракс», С. А. Пашиньянц, «Арагат». Здесь также необходимо упомянуть старейший в городе ресторан «Империаль» А. А. Исаянца, основанный еще в 1899 г. [Время 1944: 03.01].

Небольшие, но хорошо консолидированные армянские общины Шанхая, Северного Китая и особенно Маньчжурии сумели обеспечить достаточно богатую армянскую культурную и общественную жизнь в Китае. Им была предоставлена широкая духовная свобода и возможность сохранять свой уклад жизни: армяне создавали молодежные кружки, различные организации социальной защиты и другие общественные объединения.

Однако обратной стороной такой «свободы» эмигранта, пишет Ирина Минасян, были его правовая и социальная незащищенность, особенно остро ощущавшиеся в условиях тяжелой социальной и экономической ситуации в Китае тех лет (страна была охва-

чена Гражданской войной, царил правовой произвол, большие масштабы приобрела преступность) [Время 1944: 12.06].

Армянские эмигранты в поисках лучшей доли, а также из соображений безопасности вынуждены были или уезжать из Китая, или мигрировать в более безопасные места в пределах страны, например в Шанхай, который стал вторым по величине центром армянской эмиграции в Китае. Сюда армяне, вместе с другими российскими эмигрантами, переселялись из северо-восточных районов страны. Это объясняется, во-первых, в целом более благоприятной экономической ситуацией в Шанхае; во-вторых, большей правовой защищенностью жителей международного сэттльмента и Французской концессии [Миносян 2012: 116].

Разнообразной и продуктивной была благотворительная деятельность армян в Китае, причем она велась не только внутри общины, но и за ее пределами. Примером бескорыстного служения обездоленным был доктор С. Г. Мигдисов. В Харбине, например, существовал ночлежный дом, названный его именем [Миносян 2012: 116]. Естественно, деятельность армянской общины в Китае до революции не ограничивалась только хозяйственной и благотворительной сферами, она была шире и разнообразнее. Армянская община Китая была частью многонациональной эмиграции в Китай с территорией бывшей Российской империи, и во многом имела с ней общую судьбу, несмотря на сохранение языка, религии, культуры и исторической памяти. Проявив себя опытными и предприимчивыми работниками и располагая уникальными товарами и услугами, члены общины сумели оставить после себя значительное наследие, а также завоевать уважение и расположение к себе всей эмигрантской общественности и контактировавших с ними китайцев [Миносян 2012: 117].

Итак, рассматриваемые предреволюционные годы жизни многонациональной российской диаспоры в Китае были периодом бурных событий, исторической и трудовой активности россиян-мигрантов, что было связано со строительством КВЖД, царской переселенческой политикой и другими факторами.

Реализация такого крупного проекта, как строительство КВЖД, привлекала в Маньчжурию не только обычных строителей разных национальностей, желающих улучшить свое материальное положение, сбегать от политических преследований и национального гнета, но и представителей частного капитала разнообразного национального состава, которым требовалось придать некоторое организационное единство и кото-

рых нужно было заинтересовать во внешне-политических и внешнеэкономических успехах России на Дальнем Востоке.

На рубеже XIX—XX вв. идет сложный и противоречивый процесс формирования и становления национальных диаспор в Китае, их адаптации к новым условиям азиатской жизни. Однако они не растворились, не ассимилировались в «желтом» Китае, сохранив свою этническую идентичность, свою национальную культуру, свою веру. Объединяли и консолидировали эти этнические группы в одну большую российскую диаспору великий русский язык и литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амрулла Аги. Жизнь одного человека. — Казань, 2003.
2. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай, 1920—1950-е гг. — Хабаровск, 2003. С. 32—35.
3. Балакшин П. Финал в Китае: (Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке). — Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк, 1958.
4. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. — М., 2008.
5. Василенко Н. А. Кто строил КВЖД // Россия и АТР. 1995. № 2.
6. Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. Т. 2.
7. Владимирский И. Еврейская диаспора и вклад в экономическое развитие Маньчжурии (90-е гг. XIX — 30-е гг. XX в.) // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской экспансии в Китае : материалы научного семинара, 21—22 нояб. 2008 г. в г. Хабаровске. — Хабаровск, 2008.
8. Время (Харбин). 1944. 3 янв.
9. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Предисловие. Л. 4.
10. Гильфанов Р. Татарская эмиграция // Татарстан. 1995. № 5—6.
11. Ефимова М. И. Польские католики в Харбине (1897—1933 гг.) // Россия в АТР. Сотрудничество на рубеже веков : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., 24—26 сент. 1997. — Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 179—180.
12. Жизнь национальных колоний. Армянская // Время (Харбин). 1944 12 июня.

Wu Yanqiu

Shaoxing, China

THE ETHNIC COMPOSITION, CULTURAL AND LINGUISTIC PECULIARITIES OF THE RUSSIAN COMMUNITY IN CHINA BEFORE 1917

ABSTRACT. *The article is aimed at explaining the problems of social political, ethnic, cultural and linguistic issues that existed in the Russian expatriate groups before the October revolution in 1917. The author fully puts forward the national problems at that time and the political scene of the Russian diaspora. The innovation of the articles is obvious, because the author clearly defines the emergence of Russian ethnic groups in China at the of the nineteenth century. This is due to the construction of the Middle East railway. Among the builders of the Middle East Railway there were people of different nationalities of the Russian empire. The author researched into the period before the revolution, when many Russian multi-ethnic groups scattered in China, it was a period of high labor activity of Russian immigrants. The Middle East Railway Construction was a big project, it attracted the ordinary builders of different nationalities to Manchuria who wanted to earn money and to get rid of political persecution and national anger, it also attracted a large number of private capital made up of quite a plurality of ethnic groups, which made it have certain management unity and interests in the Russian Far East's foreign policy and the success of foreign economy. During the time from the nineteenth century to the twentieth century, they need to adapt to the new living conditions in China. Formation and development of ethnic groups is a complex and relatively contradictory process. However, they neither dissolve, nor integrated into the "yellow skin" of China, but retained their national characteristics, including language identity, national culture, beliefs and so on. There is no doubt that the great Russian language and literature have united and consolidated these ethnic groups into a large Russian community.*

KEYWORDS: *nationality problem; linguoculturology; Russian; Russian diaspora; national identity; ethnic group; ethnic linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Wu Yanqiu, Candidate of History, Senior Lecturer, Head of Department of the Russian Language, Zhejiang Institute of Foreign Languages, Shaoxing, China.*

REFERENCES

1. Amrulla Agi. Zhizn' odnogo cheloveka. — Kazan', 2003.
2. Aurilene E. E. Rossiyskaya diaspora v Kitae: Man'chzhuriya. Severnyy Kitay. Shankhay, 1920—1950-e gg. — Khabarovsk, 2003. S. 32—35.

13. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. — М., 1991.
14. Миносян И. Д. Китайско-армянские контакты // 21-й век. 2012. № 1 (21). С. 112—122.
15. Романова В. В. Власть и евреи на ДВ России: история взаимоотношений (вторая половина XIX — 20-е гг. XX в.). — Красноярск, 2011.
16. Романова В. В. Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск, 2001.
17. Сапелкин А. А. Из истории польской колонии Харбина (1896—1932 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. — Благовещенск, 2002. Кн. 3.
18. Северная Маньчжурия. Гиринская провинция. Т. 1. — Харбин, 1916.
19. Тан Пэйцзи. Евреи в Шанхае. — Шанхай : Сань Лянь шу дань, 1992.
20. Чернолуцкая Е. Н. Из истории латышской общины Харбина (конец 1910 г. — начало 1920-х гг.) // Российские соотечественники в АТР: перспективы сотрудничества : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Владивосток, 5—7 сент. 2001 г.
21. Чернолуцкая Е. Н. К вопросу о численном составе национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россия и АТР. Содружество на рубеже веков : материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. — Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 26—33.
22. Чернолуцкая Е. Н. К вопросу о численном составе российских национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. — Владивосток, 1999. Кн. 2.
23. Черномаз В. А. Общественно-политическая деятельность украинской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) // Россия в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. — Владивосток, 1999. Кн. 2.
24. Черномаз В. А. Украинский клуб в Харбине (1907—1927) // Российские соотечественники в АТР: перспективы сотрудничества : материалы науч.-практ. конф., Владивосток, 5—7 сент. 2001.
25. Чжао Си Ганн. Китай и евреи. — Харбин, 1994.
26. Cabanowski M. Tajemnice Manazurii: Policy Hatbinie. — Warszawa, 1993.
27. Crochowski K. Polacy na Dalekim Wschodzie. — Harbin, 1935.
28. Zvia Shiclman. The Construction of the Chinese Eastern Runway and the Origin of the Harbin Jewish Community, 1898—1931 // The Jews of China. Historical and Comparative perspectives. Vol. 1 / ed. and with an Introduction by Jonathan Goldstein, M. E. Sharpe. — Armonk, New York, London, England, 1999.

5. Vasilenko N. A. Kto stroil KVZhD // Rossiya i ATR. 1995. № 2.
6. Vitte S. Yu. Vospominaniya. — M., 1960. T. 2.
7. Vladimirovskiy I. Evreyskaya diaspora i vklad v ekonomicheskoe razvitiye Man'chzhurii (90-e gg. XIX — 30-e gg. XX v.) // Aktual'nye problemy issledovaniya istorii KVZhD i rossiyskoy ekspansii v Kitae : materialy nauchnogo seminar, 21—22 noyab. 2008 g. v g. Khabarovske. — Khabarovsk, 2008.
8. Vremya (Kharbin). 1944. 3 yanv.
9. GAKhK. F. 830. Op. 1. Predislovie. L. 4.
10. Gil'fanov R. Tatarskaya emigratsiya // Tatarstan. 1995. № 5—6.
11. Efimova M. I. Pol'skie katoliki v Kharbine (1897—1933 gg.) // Rossiya v ATR. Sotrudnichestvo na rubezhe vekov : materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 24—26 sent. 1997. — Vladivostok, 1999. Kn. 2. S. 179—180.
12. Zhizn' natsional'nykh koloniy. Armyanskaya // Vremya (Kharbin). 1944 12 iyunya.
13. Melikhov G. V. Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya. — M., 1991.
14. Minosyan I. D. Kitaysko-armyanskie kontakty // 21-y vek. 2012. № 1 (21). S. 112—122.
15. Romanova V. V. Vlast' i evrei na DV Rossii: istoriya vzaimootnosheniy (vtoraya polovina XIX — 20-e gg. XX v.). — Krasnoyarsk, 2011.
16. Romanova V. V. Evreyskie obshchiny Sibiri i Dal'nego Vostoka. — Krasnoyarsk, 2001.
17. Sapelkin A. A. Iz istorii pol'skoy kolonii Kharbina (1896—1932 gg.) // Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. — Blagoveshchensk, 2002. Kn. 3.
18. Severnaya Man'chzhuriya. Girinskaya provintsiya. T. 1. — Kharbin, 1916.
19. Tan Peytszi. Evrei v Shankhae. — Shankhay : San'Lyan' shu dan', 1992.
20. Chernolutsкая E. N. Iz istorii latyshskoy obshchiny Kharbina (konets 1910 g. — nachalo 1920-kh gg.) // Rossiyskie sootchestvenniki v ATR: perspektivy sotrudnichestva : materialy 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Vladivostok, 5—7 sent. 2001 g.
21. Chernolutsкая E. N. K voprosu o chislennom sostave natsional'nykh koloniy v Man'chzhurii do 1917 g. // Rossiya i ATR. Sotrudnichestvo na rubezhe vekov : materialy 1-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Vladivostok, 1999. Kn. 2. S. 26—33.
22. Chernolutsкая E. N. K voprosu o chislennom sostave rossiyskikh natsional'nykh koloniy v Man'chzhurii do 1917 g. // Rossiyanе v ATR. Sotrudnichestvo na rubezhe vekov. — Vladivostok, 1999. Kn. 2.
23. Chernomaz V. A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ukrainской emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.) // Rossiya v ATR. Sotrudnichestvo na rubezhe vekov. — Vladivostok, 1999. Kn. 2.
24. Chernomaz V. A. Ukrainskiy klub v Kharbine (1907—1927) // Rossiyskie sootchestvenniki v ATR: perspektivy sotrudnichestva : materialy nauch.-prakt. konf., Vladivostok, 5—7 sent. 2001.
25. Chzhao Si Gann. Kitay i evrei. — Kharbin, 1994.
26. Cabanowski M. Tajemnice Manazurii: Policy Hatbinie. — Warszawa, 1993.
27. Crochowski K. Polacy na Dalekim Wschodzie. — Harbin, 1935.
28. Zvia Shiclman. The Construction of the Chinese Eastern Runway and the Origin of the Harbin Jewish Community, 1898—1931 // The Jews of China. Historical and Comparative perspectives. Vol. 1 / ed. and with an Introduction by Jonathan Goldstein, M. E. Sharpe. — Armonk, New York, London, England, 1999.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42
ББК ШП41.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

КОНЦЕПТ «КОРРУПЦИЯ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. В статье дается обоснование лингвистического подхода к осмыслению феномена коррупции. Намечаются пути исследования концептуализации феномена коррупции в семантическом пространстве языка (на материале нормативных правовых актов XI—XXI вв., пословиц о коррупции, текстов СМИ по соответствующей проблематике). Концепт «Коррупция» рассматривается как результат эволюции единого юридического понятия, концентрат смысловых компонентов, выкристаллизованных из исторически сложившихся номинаций рассматриваемого социального феномена и форм его метафорического осмысления. Отмечается, что в активное употребление в русском языке слово «коррупция» вошло, по-видимому, не раньше начала XX в. В отечественных лексикографических источниках дефиниция слова «коррупция» включает следующие обязательные компоненты: субъекты коррупционного деяния; средство (инструмент) совершения деяния (взятка); обоюдный мотив деяния (привлечь, склонить на свою сторону / получить материальную выгоду). Система номинативных единиц, вербализующих концепт «Коррупция» в русском языке, в большей степени ориентирована на обозначение «берущего взятку», а в меньшей — на «взяткодателя». Подобное смещение отражено и в действующем законодательстве: несмотря на то, что для взяткодателя предусмотрена ответственность, основная доля антикоррупционных установлений направлена на потенциального взяткополучателя. Акцент на большую общественную опасность берущего взятку прослеживается и в публикациях СМИ, освещающих «громкие» коррупционные дела.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; коррупция; семантическое пространство; терминология; метафоры; паремнология; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований (НИИФПИ), Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: olphil@mail.ru.

Вводные замечания. Явление коррупции имеет многовековую историю. На протяжении столетий данный феномен подвергался осмыслению в правовой, политической, обыденной коммуникации, становился предметом научного изучения в различных аспектах и поэтической интерпретации. В связи с этим очевидно, что за понятием коррупции стоит целая система представлений, знаний, оценок, ассоциаций, имеющих различные формы экспликации в языке и образующих в совокупности некий «квант знания» [Кубрякова 1997: 92] об этом явлении — концепт.

Однако сами *ментальные установки и предпосылки*, которые способствуют возникновению и распространению коррупции и *на основе которых* формируется восприятие коррупционных деяний обществом, представляются недостаточно изученными. В современной науке коррупция является предметом пристального внимания преимущественно с политических, социально-экономических, правовых позиций. В то же время особый научный интерес представляет, на наш взгляд, исследование феномена коррупции с иного — лингвокогнитивного ракурса, позволяющего высветить те его грани, которые до настоящего времени оставались в тени и в меньшей степени привлекали внимание ученых.

Лингвистическая интерпретация феномена коррупции представлена в современной науке в первую очередь работами А. Н. Баранова, в которых на материале га-

зетных публикаций за 1997—1999 гг., а затем на основе данных двух серий глубинных интервью, проводившихся фондом «ИНДЕМ» в 2002—2004 гг., впервые были охарактеризованы метафорические модели, функционирующие в дискурсе о коррупции [Баранов 2004, 2006, 2014].

В серии опубликованных нами ранее статей были рассмотрены особенности языка и стиля официальных документов в антикоррупционном аспекте, выработаны уточненные определения таких терминов, как «коррупциогенный фактор», «юридико-лингвистическая неопределенность» [Барабаш 2014], выявлены пробелы в законодательном определении коррупции [Барабаш, Филиппов 2014], что представляется значимым для исследования экспликаций концепта «Коррупция» в правовом дискурсе.

Выводы и обобщения, сделанные в указанных работах, позволяют наметить направление дальнейшего — комплексного — лингвокогнитивного анализа способов концептуализации феномена коррупции в семантическом пространстве русского языка.

В рамках данной статьи мы намерены охарактеризовать основные формы представления концепта «Коррупция» в русском языке, выявить его этнокультурную специфику, проследить динамику формирования его номинативного поля.

Как известно, концепт «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным

опытом человека» [Лихачев 2015: 243]. Соответственно реконструкция того или иного концепта требует обращения к различным источникам, в которых могут быть обнаружены «следы» изучаемого концепта. В связи с этим материалом нашего исследования послужили лексикографические источники, пословицы и поговорки русского народа, нормативные правовые акты, в том числе образцы правовых документов Древней Руси, тексты СМИ, а также отдельные художественные произведения известных авторов. Разумеется, охватить весь объем литературы и источников, образующих дискурс о коррупции, практически невозможно, поэтому мы постарались учесть хотя бы основные издания и документы, содержащие необходимые для целей данной статьи сведения.

Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка. Итак, описание смысловых компонентов понятия «коррупция», закрепившихся в языковом сознании, не представляется возможным без анализа лексикографических источников.

Обращение к словарям позволяет нам предположить, что в активное употребление в русском языке слово «коррупция» вошло, по-видимому, не раньше начала XX в. Во всяком случае, оно еще не было зафиксировано ни словарями иностранных слов конца XIX — начала XX в. [Михельсон 1877; Чудинов 1894; Глебов 1906], ни «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля [Толковый словарь 1905].

В словаре Д. Н. Ушакова 1935 г. слово «коррупция» (лат. *corruptio* — порча) уже присутствует и трактуется как «подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц)» [Толковый словарь 1935]. Коррупция определяется через подкуп, который, в свою очередь, восходит к глаголу «подкупить», означающему, по Д. Н. Ушакову, «привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками. Подкупить свидетелей» [Толковый словарь 1935]. Коррупционное деяние предполагает участие двух участников — того, *кто* совершает подкуп, и того, *кого* подкупают. Отметим, что в указанной словарной дефиниции первый участник выражен имплицитно, хотя, исходя из поверхностной (синтаксической) структуры определения, именно ему отводится главенствующая роль. Второй участник получает экспликацию — это должностное лицо, являющееся здесь, скорее, объектом коррупционного воздействия. Взятка выступает в качестве средства осуществления коррупционного деяния и определяется как «плата или подарок должностному лицу за совершение каких-нибудь

незаконных действий по должности в интересах дающего» [Толковый словарь 1935].

В Словаре иностранных слов 1949 г. дано следующее определение: «Коррупция — подкуп; в капиталистических странах — подкупность и продажность общественных и политических деятелей, а также государственных чиновников и должностных лиц» [Словарь иностранных слов 1949]. Словарь С. И. Ожегова дает трактовку «подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [Ожегов 2013: 250]. Приведенные дефиниции, как видим, опираются на понятие подкупа, однако равнозначность двух субъектов деяния — взяткодателя и подкупаемого должностного лица — здесь прослеживается более отчетливо благодаря появившейся характеристике последнего («подкупность», «продажность»).

Малый академический словарь определяет коррупцию не через подкуп, а через производное от него слово «подкупность», которое стоит в одном ряду с «продажностью»: «Коррупция — подкупность, продажность должностных лиц и общественных деятелей» [МАС 1999], в результате чего в дефиниции смещается смысловой акцент на взяткополучателя как субъекта коррупции: его можно подкупить, да и сам он готов «продаться».

В Современном толковом словаре русского языка слово «коррупция» определяется максимально широко — как «прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения», которое, «как правило, сопровождается нарушением законности» [Современный толковый словарь русского языка 2002]. Понятие подкупа в приведенном определении не учитывается, и акцент окончательно смещается в сторону второго субъекта — должностного лица.

Таким образом, начиная с первой трети XX в. слово «коррупция» фиксируется отечественными лексикографическими источниками, и в его толкование включаются следующие обязательные компоненты: *субъекты* коррупционного деяния; *средство* (инструмент) совершения деяния (взятка); обоюдный *мотив* деяния (привлечь, склонить на свою сторону / получить материальную выгоду). Как видим, указанные компоненты — как в отдельности каждый, так и все в совокупности — не связаны с каким-либо неосвоенным понятием в языке или новым в жизни общества явлением. Слово «коррупция» оказалось емкой единицей языка, наиболее подходящей для обозначения такой многовековой практики общественных отношений, основной формой проявления которой является подкуп должностного лица.

Вероятно, в том числе по этой же причине слово «коррупция» получило в 2008 г. закрепление в отечественном праве, став ключевым термином Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Важно отметить, что словарные определения и дефиниции, установленные нормативными правовыми актами, зачастую существенно различаются, причем юридически значимым признается именно официальное определение понятия. Так, закон гласит, что коррупция — это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний <...> от имени или в интересах юридического лица» [Федеральный закон от 25.11.2008 г. № 273-ФЗ]. Как видим, дефиниция сформулирована путем перечисления преступлений коррупционной направленности, коррелирующих с конкретными статьями Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях. Мы уже писали ранее о коллизиях, порождаемых подобным подходом к определению коррупции [Барабаш, Филиппов 2014], поэтому повторимся, указав лишь на дискуссионность формулы «*незаконное использование служебного положения*». Опираясь на грамматическое толкование официального определения коррупции, перечисленные деяния мы должны соотносить именно с *незаконным* использованием служебного положения. Однако, например, состав взятки, безусловно признаваемой коррупционным проявлением, характеризуется, согласно статье 290 Уголовного кодекса РФ, совершением должностным лицом в пользу взяткодателя действий (бездействия), которые *входят в его служебные полномочия*, т. е. являются *законным* использованием служебного положения [См. УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016)]. Характерно, что в международных правовых актах, например, в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка ООН 1979 г., коррупция определяется как «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознагражде-

ние, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [Кодекс поведения должностных лиц].

Обратившись к истории формирования отечественной правовой терминологии, образующей номинативное поле коррупции, мы снова обнаружим, что законное использование должностным лицом своего служебного положения с целью получения незаконной выгоды может (и должно) входить в состав коррупционного деяния. Так, в статье, опубликованной в 1911 г. в политической и литературной газете «Новое время», наблюдается разграничение понятий «вымогательство взятки», «лихоимство» и «мздоимство»: «Сегодня во втором заседании особого присутствия московского окружного суда закончено чтение обвинительного акта и произведен опрос подсудимых: признают ли они себя виновными, а если признают, то в чем именно? Всех пунктов обвинения намечено три: 1) вымогательство, когда путем угроз и притеснений чины московской приемной комиссии заставляли поставщиков платить взятки; 2) лихоимство, когда подсудимые принимали денежные суммы, как благодарности, и при этом нарушали долг службы, допуская быть принятым плохого качества товар и 3) простое мздоимство, т. е. получение взяток *без нарушения долга службы* (курсив мой. — О. Б.) и при добросовестной приемке поставок» [Дело интендантов 1911].

Как видим, ядерный компонент значения во всех трех случаях — получение взятки, а дифференциальный компонент обусловлен способом осуществления преступления: путем угрозы и притеснения поставщиков (вымогательство); путем совершения *незаконных действий* (лихоимство); путем совершения *законных действий* (мздоимство). Представления о каждой из трех описанных ситуаций закреплены в общественном сознании и в той или иной мере находят отражение в действующем российском законодательстве. Полагаем, что внимательное отношение законодателя к возможностям *законного* использования служебного положения в составе коррупционного деяния позволит сделать более точным официальное определение исследуемого понятия.

Интересно, что среди номинаций, участвующих в формировании понятия коррупции в русском языке, отчетливо выделяются две группы: первая характеризует ситуацию с позиции субъекта, дающего взятки, а вторая — с позиции субъекта, берущего взятки. Наглядно соотношение указанных номинаций представлено в таблице 1.

Таблица 1

Тип субъекта	Субъект 1 (тот, кто дает взятку)	Субъект 2 (тот, кто берет взятку)
Номинации феномена коррупции с учетом ориентации на тип субъекта	Подкуп, дача взятки	Взятничество, лихоимство, мздоимство, посулоимство, посулоимание, продажность (судей, чиновников), злоупотребление властью (полномочиями)

Таблица 2

Тип субъекта	Субъект 1 (тот, кто дает взятку)	Субъект 2 (тот, кто берет взятку)
Номинации субъекта	взяткодатель коррупционер подкупщик лиходатель мзодатель мздаватель	взяткополучатель коррупционер взятчик лихоимец мздоимец лихоимщик мздолюбец посульник

Основная часть многообразных способов номинации феномена коррупции — «взятничество», «лихоимство», «мздоимство», «посулоимство», «посулоимание», «злоупотребление властью (полномочиями)», «продажность (судей, чиновников)» — соотносится в русском языке с представлением о берущем взятку, и лишь «подкуп» и «дача взятки» — с представлением о взятку дающем (эвфемистичные номинации типа «дать барашка в бумажке», «дать на лапу», «подмазать», «подмаслить» и т. п. мы здесь не рассматриваем и не включаем их в ряд номинаций коррупции, так как они соотносятся не с самой коррупцией как общественным явлением (ср. более абстрактные «взятничество» или «мздоимство»), а с дачей взятки как действием в конкретной ситуации. Полагаем, что подобные номинации заслуживают отдельного рассмотрения).

Показательным в этом отношении представляется и то, как определяется в толковых словарях взятничество: «*обычай брать взятки*, караемый законом; систематическое *пользование взятками*» [Толковый словарь 1935]; «должностное преступление, заключающееся в *получении взятки*» [Ожегов 2013: 78]. Кроме того, сама форма слова «взятка», восходящего к глаголу «взять», обнаруживает смещение фокуса с «дающего» (а именно представление о том, *что и с какой целью дается*, положено в основу толкования взятки, приведенного выше) на «берущего», то есть того, кто «взял», поэтому и употребляется слово «взятка», а не «*датка» (ср., например, обозначения взятки в чешском языке — «úplatek», в болгарском — «подкуп»). Интересной в этом смысле видится также параллель «взятничество» (рус.) — «подкупничество» (болг.).

Аналогичные результаты дает сравнение номинаций, используемых для обозначения

самих субъектов коррупции. Наглядно соотношение указанных номинаций представлено в таблице 2.

Среди номинаций, представляющих субъекта, дающего взятку, трудно выделить слово, которое использовалось бы в современном русском языке в качестве общеупотребительного. Пожалуй, наиболее употребимым можно считать слово «коррупционер», однако оно используется для обобщенного обозначения обоих субъектов коррупции. Термин «взяткодатель» (впрочем, как и «взяткополучатель») отсылает нас к правовому дискурсу. Слово «подкупщик» в Национальном корпусе русского языка отмечено единственным примером из «Артикула воинского» Петра I (1715 г.). Полагаем, что факт единичного вхождения в корпус можно расценить как аргумент в пользу низкой частотности лексемы «подкупщик». Слово «лиходатель» появилось в эпоху Петра I, и хотя затем встречается в литературе (например, в произведении Н. С. Лескова «Сим воспрещается...» (1869 г.)), также представляет собой низкочастотную номинацию. Термин «мзодатель» не отражен в Национальном корпусе русского языка. Однако мы находим его в «Учебнике уголовного права» П. Д. Калмыкова (1866 г.): «Мздоимство всегда предполагает другое лицо, которое есть участник, мзодатель, онъ менѣе виновенъ, нежели берущій подарокъ» [Калмыков 1866: 533]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1905 г.) термин «мзодатель» тоже присутствует — в словарной статье, раскрывающей значение слова «мзда». В то же время, опираясь на данные Национального корпуса русского языка, тексты художественных произведений русских писателей, следует отметить, что в случае обращения к теме взятничества специальную номинацию значи-

тельно чаще получает именно субъект, берущий взятку: «лихоимец», «мздоимец», «взяточник» (например: «Мздоимцы, Прокурор Куролесыч, одолели! мздоимцы! лихоимцы! кривотолки! прелюбодеи!» [Салтыков-Щедрин 1974: 137]). При этом в современном русском языке наиболее активно функционирует лексема «взяточник». В свою очередь, «мздоимец» и «лихоимец», получившие в современных словарях помету «устаревшее», тоже продолжают использоваться в речи, особенно в публицистике, иными словами, не могут считаться вышедшими из употребления, в то время как «мзодатель», «лиходатель» и «подкупщик» не просто вышли из употребления, но даже не упоминаются в современных словарях.

Таким образом, система номинативных единиц, вербализующих концепт «Коррупция» в русском языке, в большей степени ориентирована на обозначение «берущего взятку», а в меньшей — на «взяткодателя». Подобное смещение отражено и в действующем законодательстве: несмотря на то, что для взяткодателя предусмотрена ответственность, основная доля антикоррупционных установлений направлена на потенциального взяткополучателя. Акцент на большую общественную опасность берущего взятку прослеживается и в публикациях СМИ, освещающих «громкие» коррупционные дела.

С одной стороны, это объясняется иерархическими отношениями участников коррупционного деяния: ведущая роль принадлежит должностному лицу, от которого в конкретном случае зависит исход дела (судьба взяткодателя), соответственно, положение взяткодателя условно можно обозначить как «зависимое» [Барабаш 2016]. С другой стороны, не проявляется ли здесь особенность отечественного восприятия коррупции, в котором должностное лицо (чиновник) оказывается олицетворением зла, а взяткодатель — «жертвы», вынужденной прибегать к такому способу решения вопросов? Подобное закрепление ролей в общественном сознании, на наш взгляд, в значительной степени препятствует эффективному осуществлению антикоррупционной политики и свидетельствует о назревшей потребности смены указанных стереотипов и формировании антикоррупционного правосознания.

Амбивалентные результаты дает и анализ пословиц русского народа: на фоне осуждения лихоимства чиновников, продажности судей и т. п. дача взятки воспринимается как эффективный способ решения какого-либо вопроса, требующего взаимодействия с должностным лицом, сравним: «В суд ногой — в карман рукой», «Правое дело,

а в кармане засвербело», «Наши права, а сто рублей дали» — и в то же время: «Скорее дело вершишь, коли судью подаришь», «Дашь грош и будешь хорош!», «Просьбы не доуки, как не пусты руки», «Всяк подъячий любит калач горячий» и т. д.

Еще более показательны в этом отношении примеры метафорического осмысления феномена коррупции в медиадискурсе. На поверхности преобладает негативная оценка данного явления, о чем свидетельствует наличие метафорических моделей «ВРАГ», «ПРЕПЯТСТВИЕ», «БОЛОТО», «БОЛЕЗНЬ» и других, профилирующих в сфере-цели — коррупции — такие компоненты значения, как 'то, чему нужно противостоять', 'то, что должно быть устранено', 'опасность', 'то, что приносит страдания'.

В то же время анализ метафорических моделей коррупции позволяет заключить, что в восприятии этого явления обществом присутствует компонент обычая, повседневности, необходимости. Так, в терминах, соответствующих модели «МЕХАНИЗМ», коррупция воспринимается как «стержень власти», «аппарат», «машина», «цепь», «звено», «колёсико» и профилирует компонент значения 'необходимый элемент функционирования' (власти). Метафорическую модель «ВЕЩЕСТВО» реализуют два основных слота — «скрепляющее вещество» («склейка», «цемент») и «смазочное вещество» («смазка», «масло»), например: *Коррупция — та склейка, на которой держится власть. Уберите это цементирующее начало, и власть рассыплется* [Кошик 2013]; *„Хорошая“ коррупция — это часто смазка незэффективного и зарегулированного законодательства, когда чиновники ускоряют процесс принятия решений, помогая частному бизнесу* [Зотин 2013].

Сопоставление коррупции с «гидрой», «чудищем», «монстром», «чудищем», «драконом» и другими существами, образующими метафорическую модель «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО», свидетельствует о том, что в коллективном бессознательном коррупция предстает как нечто опасное и неконтролируемое привычными методами. (Сравним: метафора «коррупция — это препятствие» формирует противоположное представление о явлении коррупции, при котором для борьбы с ним возможно применение известных человеческому опыту действий: разрушить, устранить (преграду, препятствие), преодолеть (преграду, барьер).)

Метафора, как убедительно доказывает испанский ученый Хосе Ортега-и-Гассет, — это «не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ор-

тега-и-Гассет 1990: 71]. О моделирующей роли метафоры пишет и Н. Д. Арутюнова: «...метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова 1990: 14]. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением А. Н. Баранова о том, что одним из способов формирования антикоррупционного правосознания в обществе является внедрение в сфере речевого воздействия рационалистических метафор, дающих возможность мышлению вести поиск «инструментальных, реально воплощаемых альтернатив разрешения проблемной ситуации, игнорируя налет трансцендентальности зла, воплощенного в коррупции, и питаемое общественной практикой бессилие человека перед нею» [Баранов 2014 :175].

Заключение. Концепты возникают в сознании «как отклик на предшествующий языковой опыт человека» [Лихачев 2015: 153]. Многослойность структуры и содержания концепта «Коррупция» обусловлена многовековой историей осмысления носителями языка самого феномена коррупции в правовой, политической и обыденной коммуникации, историей смысловых трансформаций вербализующих его в русском языке номинаций. Действительно, политические, социально-экономические процессы в жизни общества не только способствуют пополнению словарного запаса языка одними элементами и устареванию других, но и задают вектор эволюции стоящих за ними концептов, а следовательно, и в целом национальной концептосферы. В связи с этим концепт «Коррупция» можно рассматривать как результат эволюции единого социально-правового понятия, концентрат смысловых компонентов, выкристаллизованных из исторически сложившихся номинаций этого феномена и форм его метафорического осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. 512 с.
2. Барабаш О. В. О некоторых теоретических и практических проблемах выявления коррупциогенных факторов в тексте нормативных правовых актов // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 255—260.
3. Барабаш О. В., Филиппов К. Б. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 12—20.
4. Барабаш О. В. Феномен коррупции в семантическом пространстве русского языка: к постановке проблемы // Язык. Право. Общество : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11—13 окт. 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 259—265.
5. Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 70—79.
6. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некото-

рые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры («взаимоотношения бизнеса и власти», «коррупция»). — М. : Фонд ИНДЕМ, 2006. 84 с.

7. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
8. Дело интендантов // Новое время. 1911. 21 (8) июня. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=27740>.
9. Зотин А. Коррупция, достойная подражания // Коммерсантъ. 2013. 14 янв. URL: <http://kommersant.ru/doc/2098142->
10. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть общая. — СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1866. 551 с.
11. Кошик А. Антикоррупционный урожай-2013 // PASMIRU. 2013. 9 дек. URL: <http://pasmir.ru/archive/100105>.
12. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Избр. тр. по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2015. 540 с. (Почетные доктора Университета).
13. Лесков Н. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Публицистика. Переписка Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым / изд. подгот. Л. Аннинским. — М. : Экран, 1993. 487 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. 512 с.
15. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка : (Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 дек. 1979 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/c_ode_of_conduct.shtml.
16. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
17. Михельсон А. Д. Объяснение всех иностранных слов (более 50 000 слов), вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. Изд-е 7, добавленное вторым томом. — М. : Тип. Э. Лиснерь и Ю. Романь, 1877. Т. 1. 560 с.
18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. — М. : Мир и образование, 2013. 736 с.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Недреманное око // Собр. соч. : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М. : Художественная литература, 1974. Т. 16, кн. 1. С. 136—139.
20. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. 3-е, перераб. и доп. изд-е. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 808 с.
21. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Ко — Кю) / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. 4-е изд., стер. — М., 1999. 698 с. (МАС).
22. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2002. 960 с.
23. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е испр. и значительно доп. издание / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. — СПб. ; М. : Тов-во М. О. Вольф, 1905. Т. II (И — О). 1018 с.
24. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. I. А — Кюрины / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
25. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. — СПб. : Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1894. 1002 с.
26. Глебов Ф. П. Объяснитель непонятных для народа слов, встречающихся в газетах: необходимая справочная книжка для читателей газет / сост. Ф. П. Глебов. — СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. — 58 с.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 06.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3/.
28. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1.

O. V. Barabash
Penza, Russia

THE CONCEPT OF "CORRUPTION" AND ITS REPRESENTATIONS IN THE SEMANTIC SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ABSTRACT. *The article describes the linguistic approach to interpretation of the phenomenon of corruption. It outlines the ways of research of the phenomenon of corruption in semantics of the language (on the basis of regulation and legislative documents of XI–XXI centuries, proverbs about corruption, mass media texts devoted to this issue). The concept "Corruption" is viewed as the result of evolution of the legal term, as a concentrate of meanings that appeared from the names of this social phenomenon and their metaphorical usage that existed in the past. It is noted that the frequent usage of the word "corruption" in the Russian language is ascribed to the beginning of the XXth century. Russian lexicographic sources define the word "corruption" using the following components: the subjects of corruption; a tool of the act (a bribe); the motive (to win the support of someone/ to take financial benefit). The system of nomination units verbalizing the concept "Corruption" in Russian is focused mostly on "the person taking a bribe" rather than "a person giving a bribe". This shift is also present in the current law: in spite of the fact that a giver of a bribe is to be punished by law, most of the responsibility for the crime falls on the bribe taker. The same is present in mass media articles that describe notorious cases of corruption.*

KEYWORDS: concepts; corruption; semantic space; terminology; metaphors; paramiology; political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Research Institute for Basic and Applied Studies, Penza State University, Penza, Russia.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory : sb. : per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoi ; obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M. A. Zhurinskoj. — M. : Progress, 1990. 512 s.
2. Barabash O. V. O nekotorykh teoreticheskikh i prakticheskikh problemakh vyavleniya korruptsiogennykh faktorov v tekste normativnykh pravovykh aktov // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 255—260.
3. Barabash O. V., Filippov K. B. «Korruptsiya» kak klyuchevoe ponyatie antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: lingvo-pravovoy analiz definitiv // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. C. 12—20.
4. Barabash O. V. Fenomen korruptsii v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka: k postanovke problemy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 11—13 okt. 2016 g.) / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoi, A. K. Dyatlovoi, N. A. Pavlovoi. — Penza : Izd-vo PGU, 2016. S. 259—265.
5. Baranov A. N. Metaforicheskie grani fenomena korruptsii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 2. S. 70—79.
6. Baranov A. N., Mikhaylova O. V., Shipova E. A. Nekotorye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoi metafory ('vzaimootnosheniya biznesa i vlasti', 'korruptsiya'). — M. : Fond INDEM, 2006. 84 s.
7. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 s.
8. Delo intendantov // Novoe vremya. 1911. 21 (8) iyunya. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=27740>.
9. Zotin A. Korruptsiya, dostoyanaya podrazhaniya // Kommersant". 2013. 14 yanv. URL: <http://kommersant.ru/doc/2098142>.
10. Kalmykov P. D. Uchebnik" ugolovnago prava. Chast' obshchaya. — SPb. : Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1866. 551 s.
11. Koshik A. Antikorrupcionnyy urozhay-2013 // PASMI.RU. 2013. 9 dek. URL: <http://pasmi.ru/archive/100105>.
12. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izbr. tr. po russkoy i mirovoy kul'ture. 2-e izd., pererab. i dop. / sost. i nauch. red. A. S. Zapesotskiĭ. — SPb. : SPbGUP, 2015. 540 s. (Pochetnye doktora Universiteta).
13. Leskov N. C. Sobr. soch. V 6 t. T. 3. Publitsistika. Perepiska N. S. Leskova s L. N. Tolstym / izd. podgot. L. Anninskim. — M. : Ekran, 1993. 487 s.
14. Ortega-i-Gasset Kh. Dve velikie metafory // Teoriya metafory : sb. : per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoi ; obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M. A. Zhurinskoj. — M. : Progress, 1990. 512 s.
15. Kodeks povedeniya dolzhnostnykh lits po podderzhaniiu pravoporyadka : (Prinyat rezolyutsiei 34/169 General'noi Assamblei OON ot 17 dek. 1979 g.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/c_ode_of_conduct.shtml.
16. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
17. Mikhel'son A. D. Ob'yasnenie vseh inostrannykh slov (bolee 50 000 slov), voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney. Po slovaryam: Geyze, Reyfa i dr. / sost. Mikhel'son. Izd-e 7, dobavlennoe vtorym tomom. — M. : Tip. E. Lissner" i Yu. Roman", 1877. T. 1. 560 s.
18. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy / pod red. L. I. Skvortsova. 27-e izd., ispr. — M. : Mir i obrazovanie, 2013. 736 s.
19. Saltykov-Shchedrin M. E. Nedremannoe oko // Sobr. soch. : v 20 t. / M. E. Saltykov-Shchedrin. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1974. T. 16, kn. 1. S. 136—139.
20. Slovar' inostrannykh slov / pod red. I. V. Lekhina i prof. F. N. Petrova. 3-e, pererab. i dop. izd-e. — M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1949. 808 s.
21. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3 (Ko — Kyu) / pod red. A. P. Evgen'evoy ; RAN, In-t lingvist. issled. 4-e izd., ster. — M., 1999. 698 s. (MAS).
22. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2002. 960 s.
23. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'ya. 3-e ispr. i znachitel'no dop. izdanie / pod" red. prof. I. A. Broduena-de-Kurtene. — SPb. ; M. : Tov-vo M. O. Vol'f", 1905. T. II (I — O). 1018 s.
24. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. T. I. A — Kyuriny / sost. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskiy, D. N. Ushakov ; pod red. D. N. Ushakova. — M. : Gos. in-t «Sov. entsikl.» : OGIZ, 1935. 1562 stb.
25. Chudinov A. N. Slovar' inostrannykh" slov, voshedshikh v" sostav" russkogo yazyka / pod" red. A. N. Chudinova. — SPb. : Izd. knigoprodavtsa V. I. Gubinskago, 1894. 1002 s.
26. Glebov F. P. Ob'yasnitel' neponyatnykh dlya naroda slov, vstrechayushchikhsya v gazetakh: neobkhodimaya spravochnaya knizhka dlya chitateley gazet / sost. F. P. Glebov. — SPb. : Tip. V. F. Kirshbauma, 1906. — 58 s.
27. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : ot 13.06.1996 № 63-FZ : (red. ot 06.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3/.
28. Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1.

М. Б. Ворошилова, А. Н. Старостин
Екатеринбург, Россия

В. В. Шиллер
Кемерово, Россия

САКРАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГИТИМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В современном националистическом дискурсе в целях манипуляции и пропаганды, защиты и уклонения от преследования активно используются различные технологии когнитивной интерпретации, в нашей терминологии «реконструкции» культурных смыслов визуальных символов. В процессе реконструкции происходит подмена отправной точки образа (актуализация иной, нередко «мифической» сферы-источника), определяющей его современное значение, и в результате создается новая «мифическая» история. «Мифическая» связь с прошлым позволяет придать визуальному образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, оставаясь при этом юридически неуязвимым. Современные националистические организации зачастую используют в своей пропагандистской деятельности православную или исламскую риторику, эксплуатируют и религиозные символы данных религий. Этим объясняется тот факт, что наиболее востребованной и эффективной в современном националистическом дискурсе является технология сакрализации. Механизмы ее реализации рассмотрены в статье на примере ряда символов: образа волка, древнерусских орнаментов. Отдельно рассматривается история использования популярного в среде националистов и в массовой культуре символа «сварогов квадрат», прямой связи которого с язычеством не прослеживается и который в древнерусский период не ассоциировался со Сварогом. Характеризуется манипулятивное использование символов традиционных религий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: визуальные символы; прецедентные образы; легитимация; когнитивная интерпретация; экстремизм; экстремистский дискурс; сакрализация; националистический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: shinkari@mail.ru.

Старостин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, к. 472; e-mail: alisheria@mail.ru.

Шиллер Вадим Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет; заместитель директора Сибирского института социально-политических исследований; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: shiller.vadim@yandex.ru.

В современном националистическом дискурсе одним из ведущих орудий пропаганды является символика. Визуальная информация не только легче воспринимается (по сравнению с вербальной), но и эффективней по степени воздействия, которое является «более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [Розин 2006: 26].

Важной характеристикой символа, которая позволяет ему стать орудием пропаганды, является его «узнаваемость», четкая программа прочтения в кругу «своих», в определенном дискурсе. Принципиально, что тот или иной символ в различных контекстах может иметь различное значение и выполнять различные функции. Классическим примером является свастика, которая может восприниматься или как древний сакральный символ, или как самый известный символ нацизма [см., напр.: Багдасаров 2001; История свастики... 2008].

В современном националистическом дискурсе свастика — это орудие пропаганды. Именно с этой целью, а также для защиты и уклонения от преследования используется технология когнитивной интерпретации,

в нашей терминологии «реконструкции» культурных смыслов визуального символа свастики. В процессе реконструкции происходит подмена отправной точки образа (нацизма) и актуализация «мифической», сакральной сферы-источника (религия), якобы определяющей его современное употребление. Указание на «сакральную» связь с прошлым позволяет придать визуальному образу свастики желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, обеспечив при этом себе юридическую неуязвимость.

Исследование современного молодежного националистического дискурса позволяет утверждать, что подобная практика «оправдания» символа используется не только применительно к свастике, но и к ряду других символов [см. подр.: Ворошилова 2016]. Нередко современному националистическому символу приписываются несуществующие исторические корни. Так, анализ образа волка в современном националистическом дискурсе (в частности, изображение головы волка в качестве эмблемы движения «Сопrotивление») свидетельствует об отсутствии прямых связей данного об-

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

© Ворошилова М. Б., Старостин А. Н., Шиллер В. В., 2017

раза с его аналогами в Третьем рейхе или в истории России (вспомним, например, «Волчью сотню»). Говорить о прямом наследовании данного высокопопулярного в современном националистическом дискурсе зоморфного символа, конечно, не стоит. Однако «мифическая» связь с прошлым позволяет националистам придать указанному образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, обеспечив при этом себе юридическую неуязвимость [Ворошилова, Грибан, Порозов 2016].

При этом использование образа волка характерно не только для русских националистов. Волк является древним тотемным символом тюрков [Рахманалиев 2013], поэтому символика, связанная с образом волка, используется турецкой молодежной организацией ультраправых националистов «Серые волки», призывающей сторонников к активной экспансии за пределами Турции. С «Серыми волками» связывают Мехмета Али Агджу, который в 1981 г. совершил покушение на Папу Римского Иоанна Павла II. «Серые волки», выступая с позиций пантюркизма, попытались развернуть свою деятельность на постсоветском пространстве. Их деятельность была запрещена в Азербайджане и Казахстане [Слободян 2016]. Схожую волчью символику используют члены националистически настроенного «Союза татарской молодежи „Азатлык“» во главе с Наилем Набиуллиным — пик активности данной организации пришелся на первую половину 2010-х гг. [Сулейманов 2011], — а также ряд других организаций, заявляющих о верности традициям тюркских народов.

Таким образом, приемы реконструкции служат не только неким щитом от юридического преследования, позволяя избежать ответственности за сомнительные высказывания, но и выполняют функцию маркера, дают возможность вписать новые символы в уже существующий националистический дискурс.

Еще один пример реконструкции через создание на основе образа «мифической» истории связан с деятельностью и официальной символикой экстремистской организации «Северное братство» (далее СБ), созданной в январе 2007 г. и запрещенной приговором Московского городского суда 6 августа 2012 г. Для продвижения своих идей и достижения стратегической цели — приобретения политической власти в России с последующим созданием нового языческого государства, «Светлой Руси», — руководители СБ планировали дестабилизировать обстановку в стране путем создания экономического кризиса и провоцирования ряда

конфликтов на национальной, религиозной и социальной основе.

В качестве идеологической основы была предложена программа НОРНА — «Национальное освобождение русского народа», написанная одним из основателей СБ — профессором московского вуза Петром Михайловичем Хомяковым. Идейной основой НОРНА была совокупность псевдоисторических взглядов на славяно-русскую историю, ничего общего не имеющих с реальностью. Все исторические реконструкции, осуществляемые П. М. Хомяковым, опирались на фантазии и вымысел, а не на достоверные источники, отражающие в той или иной мере догосударственный период истории восточных славян и ранний этап существования у них государства. Пётр Михайлович создал псевдоисторический образ могучей славянской языческой Руси, населенной славянами — «детьми богов», которых обманом подчинили себе «неруси» через практическую реализацию «деструктивной еврейской технологии» — христианства. Последнее было направлено на перепрограммирование сознания язычников по вектору от «сына бога» до «раба Божья». Обращение к языческой эпохе П. М. Хомяковым было обусловлено, с одной стороны, малым количеством нарративных источников и археологических артефактов, отражающих историю славянского язычества, а с другой — конфликтным переходом от язычества к христианству, что давало в руки идеологам СБ мощный инструмент для манипуляций и фальсификаций. Большую роль играла «автохтонность» язычества и «чуждость» христианства, генетически связанного с иудаизмом — национальной религией евреев. В совокупности созданная псевдоисторическая картина мира идеализировала язычество и псевдоязыческие символы в массовом сознании, одновременно формируя негативное отношение к христианству.

Символом организации стал так называемый сварогов квадрат (другое название — «звезда Сварога»), представляющий собой ромб с двумя пересекающимися в его центре эллипсами (см. рис. 1). П. М. Хомяков, выбирая символ СБ, приписал древнему знаку новое значение и наименование — «сварогов квадрат», — отсылающее к имени Сварога, языческого небесного божества или бога Вселенной. Этот символ был заимствован идеологами СБ из верхнего яруса браслета, обнаруженного археологами при раскопках Старой Рязани и датированного XIII в. (см. рис. 2). Поскольку в XIII в. Русь уже три столетия была христианской, а археологические артефакты, аутентичные языческой эпохе и содержащие подобный символ, не

найлены, то его прямой связи с язычеством не прослеживается. Кроме того, ничего общего он не имеет с небом и небесной сферой и, согласно интерпретации выдающегося советского историка, археолога и специалиста в области язычества восточных славян и Древней Руси Б. А. Рыбакова, является знаком земли и растений, вписанным в контекст земледельческих образов и символов — волков с процветшими хвостами, птиц

и набравших силу растений (см. рис. 2) [Рыбаков 1988].

В настоящее время этот символ в массовом сознании прочно ассоциируется со Сварогом и славянской языческой древностью, являясь элементом «этнических» украшений, магазинов, продающих вещи со «славянской» символикой, и даже фирм, оказывающих дизайнерско-строительные и электромонтажные услуги (см. рис. 3, 4, 5).

Рис. 1. «Сварогов квадрат» — символ «Северного братства»

Рис. 2. Браслет с изображениями птиц, символов земли, растительности и трех волков (взято из работы: [Рыбаков 1988: 732])

Рис. 3. «Славянский» символ «Звезда Руси» на автомобиль с описанием: «Символ Звезда Руси соединил в себе жизнеутверждающие символы движения и следования своей природе. Древний оберег славян поддерживает в своем носителе независимость, гармонию с самим собой, миром, непоколебимость и веру в себя»

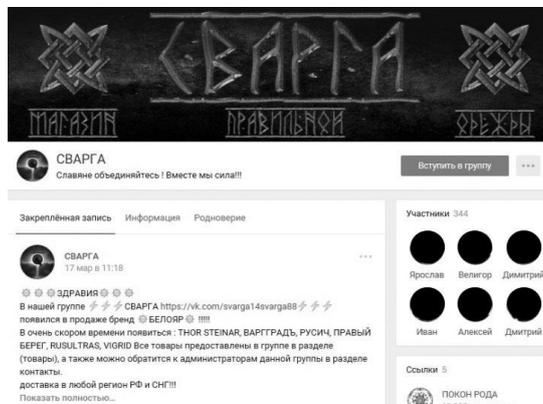

Рис. 4. Скриншот группы сети «ВКонтакте», созданной владельцами магазина «славянской» одежды «Сварга»

Рис. 5. Визитка фирмы, оказывающей услуги в области дизайна интерьеров, строительства и электромонтажных работ

Помимо неоязычества, для легитимации своей идеологии националистические группировки или отдельные представители националистических движений используют мировые религии, христианство (в России — православие) или ислам, правда, в весьма своеобразной интерпретации, во-первых, игнорируя наднациональный характер обеих мировых религий, а во-вторых, используя религиозную риторику для обоснования своей идеологии.

М. К. Арчаков отмечает, что «православный религиозно-националистический радикализм представлен рядом общественных организаций, движений ультранационалистической направленности, использующих в той или иной степени религиозные идеи. Можно указать следующие: НПФ „Память“, РНЕ, ПНС, РОНС, Черная сотня, РПНСД, Союз Русского Народа и др. Все данные организации объединяет самоидентификация их членов как „православных националистов“, этнонационализм и довольно натянутые отношения с Московской Патриархией РПЦ. Плохие отношения с РПЦ связаны с тем, что Московская Патриархия и основная часть православной общественности поддерживают доктрину „традиционных религий“. Доктрина эта сводится к идее опоры государства на доминирующие организации этнически разграниченных конфессий — православия, ислама, буддизма и иудаизма...» [Арчаков 2009: 59].

Что же касается использования ислама для обоснования националистических идей, то, к примеру, многие активисты «Национальной организации русских мусульман» (НОРМ) имели ультраправый бэкграунд. Так, один из лидеров НОРМа Вадим Сидоров — Харун ар-Руси — был лидером молодежных отделений Русского собора, Конгресса русских общин и Движения в поддержку армии (ДПА). В ДПА летом 1998 г. он пытался привлечь командиров региональных отделений РНЕ, уходивших от А. П. Баркашова. Соратник Сидорова Григорий Мавров — Амир Хамдани — указывает, что тот прежде состоял в Национально-державной партии и РНЕ. Таких примеров специалисты приводят до нескольких десятков [Мальцев 2016]. Одна из известных «беглянок» в запрещенное в России «Исламское государство» Мария Погорелова из Санкт-Петербурга ранее состояла в движении скинхедов. Немало русских националистов, разделяя идеи ИГИЛ (организация запрещена в России. — *Ред.*), как организации, объединяющей «избранных»,

приняли участие в военных действиях в Сирии и Ираке на ее стороне [Силантьев 2016].

Естественно, что националистические организации или отдельные представители националистических движений, использующие в своей деятельности православную или исламскую риторику, эксплуатируют и символы данных религий. Таким образом, реконструкция культурных смыслов визуальных символов — приобретший широкую популярность в современном националистическом дискурсе процесс, функциями которого являются, с одной стороны, пропаганда националистических идей, с другой — попытка избежать юридического преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арчаков М. К. Русский религиозно-националистический радикализм в политическом процессе современной России // Социум и власть. 2009. № 1 (21). С. 59—63.
2. Багдасаров Р. Свастика: священный символ : этнорелигиоведческие очерки. — М. : Белые Альвы, 2001. 432 с.
3. Барбашов В. П. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах // Филология и человек. 2014. № 4. С. 131—137.
4. Ворошилова М. Б. Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе // Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов : сб. ст. / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Шуклиной. — Казань, 2016. С. 22—25.
5. Ворошилова М. Б., Грибан И. В., Порозов П. Ю. Образ волка в современном экстремистском дискурсе: в поисках истоков // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. ст. 3-й Междунар. науч. конф. / под ред. канд. филол. наук, доц. Д. В. Шапочкина. — Тюмень : Вектор Бук, 2016. С. 5—10. (В печати).
6. Ворошилова М. Б., Карапетян А. А. Свастика на стенах школ: принципы лингвистического анализа символики // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : матер. V Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д : Донск. книжн. изд-во, 2015. С. 7—13.
7. История свастики с древнейших времен до наших дней. — Н. Новгород : Книги, 2008. 528 с.
8. Мальцев В. Арийский джихад Зачем русским ультраправым ислам // Lenta.ru. 2016. 22 февр. URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/22/nazi_islam/.
9. Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. — М. : Рипол классик, 2013. 742 с.
10. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. — М., 2006.
11. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М. : Наука, 1988. 782 с.
12. Силантьев Р. А. 100 самых известных «русских мусульман». — Екатеринбург : Екатеринбургская епархия, Миссионерский отдел, 2016. 216 с.
13. Слободяев Е. Что представляет собой группировка «Серые волки» («Боз Гурд»)? // Аргументы и факты. 2016. 1 февр. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_predstavlyaet_soboy_gruppirovka_serye_volki_boz_gurd (дата обращения: 17.11.2017).
14. Сулейманов Р. Р. Наиль Набиуллин и Союз татарской молодежи «Азатлык»: закат молодежного татарского национализма? // Центр Льва Гумилева. 2011. 4 дек. URL: <http://www.gumilev-center.ru/nail-nabiullin-i-soyuz-tatarskojj-molodezhi-azatlyk-zakat-molodezhnogo-tatarskogo-nacionalizma/> (дата обращения: 17.11.2017).

M. B. Voroshilova, A. N. Starostin
Ekaterinburg, Russia

V. V. Shiller
Kemerovo, Russia

SACRALIZATION AS A TOOL OF LEGITIMATION IN CONTEMPORARY EXTREMIST DISCOURSE

ABSTRACT. *Modern extremist discourse uses different technologies of cognitive interpretation, or “reconstruction” of cultural meanings of visual symbols to manipulate, propagate and protect from legal responsibility. During such reconstruction the central point of an image is replaced by something else (some other, often mythological source is put forward). The central point of an image determines its current meaning, if it is changed, a new story is advanced which is often mythological. Such “mythological” connection with the past helps to add the necessary semantic and emotional components to the image, and to emphasize its pragmatic potential remaining legal. Contemporary nationalistic organizations often resort to orthodox of Islamic rhetoric in their propaganda; they exploit religious images. This explains the fact that the technology of sacralization is one of the most wide spread in nationalistic discourse. Its mechanisms are described in this article on the basis of a number of symbols: the images of a wolf and old Russian ornaments. Special attention is given to Svarog’s square, a symbol popular in nationalistic subculture which doesn’t have direct correlation with paganism and in the Old Russian period was not associated with Svarog at all. Manipulative potential of religious symbols is analyzed.*

KEYWORDS: *visual symbol; precedent images; legitimation; cognitive interpretation; extremism; extremist discourse; sacralization; nationalistic discourse.*

ABOUT THE AUTHORS: *Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Starostin Aleksey Nikolaevich, Candidate of History, Associate Professor, Department of Archeology and Ethnology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Shiller Vadim Viktorovich, Candidate of History, Associate Professor, Kemerovo State University, Assistant Director of Siberian Institute of Social and Political research, Kemerovo, Russia.

REFERENCES

1. Archakov M. K. Russkiy religiozno-natsionalisticheskiy radikalizm v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii // *Sotsium i vlast'*. 2009. № 1 (21). S. 59—63.
2. Bagdasarov R. Svastika: svyashchenny simvol : etno-religiovedcheskie ocherki. — M. : Belye Al'vy, 2001. 432 s.
3. Barbashov V. P. Intentsional'noe znachenie «svastiki» kak otrazhenie kollektivnoy intentsional'nosti v kreolizovannykh tekstakh // *Filologiya i chelovek*. 2014. № 4. S. 131—137.
4. Voroshilova M. B. Rekonstruktsiya kul'turnykh smyslov vizual'nykh simvolov v sovremennoy natsionalisticheskom diskurse // *Regional'naya kartina mira v yazykovoy kontseptualizatsii: dinamika kul'turnykh smyslov : sb. st. / pod red. L. A. Mardievoy, T. Yu. Shchuklinoy*. — Kazan', 2016. S. 22—25.
5. Voroshilova M. B., Griban I. V., Porozov R. Yu. Obraz volka v sovremennoy ekstremistskom diskurse: v poiskakh istokov // *Politicheskiy diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy : sb. st. 3-y Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. kand. filol. nauk, dots. D. V. Shapochkina*. — Tyumen' : Vektor Buk, 2016. S. 5—10. (V pechati).
6. Voroshilova M. B., Karapetyan A. A. Svastika na stenakh shkoly: printsipy lingvisticheskogo analiza simvoliki // *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya : mater. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* — Rostov n/D : Donsk. knizhn. izd-vo, 2015. S. 7—13.
7. *Istoriya svastiki s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. — N. Novgorod : Knigi, 2008. 528 s.
8. Mal'tsev V. Ariyskiy dzhikhad Zhem russkim ul'trapravym islam // *Lenta.ru*. 2016. 22 fevr. URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/22/nazi_islam/.
9. Rakhmanaliev R. Imperiya tyurkov. Istoriya velikoy tsivilizatsii. — M. : Ripol klassik, 2013. 742 s.
10. Rozin V. M. Vizual'naya kul'tura i vospriyatie. Kak chelovek vidit i vosprinimaet mir. — M., 2006.
11. Rybakov B. A. Yazychestvo Drevney Rusi. — M. : Nauka, 1988. 782 s.
12. Silant'ev R. A. 100 samykh izvestnykh «russkikh musul'man». — Ekaterinburg : Ekaterinburgskaya eparkhiya, Missionerskiy otdel, 2016. 216 s.
13. Slobodyan E. Chto predstavlyaet soboy gruppировка «Serye volki» («Boz Gurd»)? // *Argumenty i fakty*. 2016. 1 fevr. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_predstavlyaet_soboy_grup_pirovka_serye_volki_boz_gurd (data obrashcheniya: 17.11.2017).
14. Suleymanov R. R. Nail' Nabiullin i Soyuz tatarskoy molodezhi «Azatlyk»: zakat molodezhnogo tatarskogo natsionalizma? // *Tsentr L'va Gumileva*. 2011. 4 dek. URL: <http://www.gumilev-center.ru/nail-nabiullin-i-soyuz-tatarskojj-molodezhi-azatlyk-zakat-molodezhnogo-tatarskogo-natsionalizma/> (data obrashcheniya: 17.11.2017).

А. А. Карапетян, Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

**ПРИНЦИП ИНТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА:
КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ ДИСКРЕДИТАЦИИ «ВРАГА»**

АННОТАЦИЯ. Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался всплеском агрессивной интолерантности представителей различных политических, национальных и религиозных групп, что привело к актуализации экстремистского дискурса, представляющего собой публичные высказывания и тексты, содержащие в себе признаки экстремистского действия по отношению к объекту (власти или части общества) и являющегося частью дискурса враждебности. Психологической основой и причиной экстремизма становится именно интолерантность, проявляемая чаще всего в форме ксенофобии (неприязнь, враждебность, страх по отношению к другим людям и группам людей), предполагающая деление на «мы» и «они». На языковом уровне принцип интолерантности репрезентируется через языковую демагогию, которая и дает возможность создавать фантомные социумы «своих» и «чужих». В ходе анализа языкового материала экстремистской направленности были выявлены две основные коммуникативные стратегии, характеризующие «чужих» как одну из составляющих фантомного биполярного мира: дискредитация и запугивание. Целью стратегии дискредитации является стремление подорвать доверие, уличить в чем-либо, вызвать сомнение, а также ненависть и гнев к объекту речи. В связи с этим избираются и соответствующие тактики: 1) тактика «образа врага»; 2) тактика «наклеивания ярлыков»; 3) тактика «разоблачения»; 4) тактика «односторонности освещения событий». Стратегия запугивания, целью которой является внушить страх, показать жестокость окружающего мира, в практике религиозно-политического и религиозного экстремизма чаще всего сопровождается и усиливает стратегию дискредитации «врага», поэтому основными ее тактиками становятся: 1) тактика «эмоционального заражения»; 2) тактика «экспрессивного удара»; 3) тактика «манипулятивного комментирования».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; экстремистский дискурс; экстремистские материалы; интолерантность; фантомный биполярный мир; стратегии дискредитации; стратегии запугивания; психолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Карапетян Артур Андраникович, Центр по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области; 620017, Россия, г. Екатеринбург, ул. Жукова, 4а.

Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 149; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался всплеском агрессивной интолерантности представителей различных политических, национальных и религиозных групп, что привело к актуализации экстремистского дискурса.

Переходя к осмыслению понятия «экстремистский дискурс», стоит сразу оговориться, что единой его дефиниции на сегодняшний день так же нет, как и у термина «экстремизм».

Ряд исследователей (В. А. Салимовский, В. А. Мишланов, Л. М. Ермакова) отмечают, что экстремистский дискурс представляет собой «часть дискурса враждебности — практики, представленные высказываниями и текстами, имеющими признаки противоправных (экстремистских) деяний» [Салимовский, Ермакова 2011: 72]. Согласно поправкам к № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 29 апреля 2008 г., к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по

признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (свастика);

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских мате-

Статья написана в рамках работы по гранту Российского государственного научного фонда (проект № 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса»).

© Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р., 2017

риалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [ФЗ № 114-ФЗ 2002].

Более развернутую трактовку исследуемого термина встречаем у Л. В. Коростелевой, где под экстремистским дискурсом понимаются «публичные идеологически мотивированные высказывания социально-политического и/или религиозного содержания, обращенные к потенциальному единомышленнику и ориентированные на психологическое влияние средствами языка; их целью является формирование экстремистских идеологических установок, пропаганда социального насилия и призывы к агрессивным действиям против государственной власти или определенной части общества» [Коростелева 2017: 46].

Итак, основой этих определений экстремистского дискурса становятся публичные высказывания и тексты, содержащие в себе признаки экстремистского действия по отношению к объекту (власти или части общества).

Вслед за В. А. Мишлановым и В. А. Салимовским экстремистский дискурс мы будем считать частью дискурса враждебности, который представляет собой «враждебное отношение людей к другим и/или в соответствии со своей целеустановкой» содержит «явно несправедливые оценки, обидчивые утверждения и пр. и потому закономерно вызывает вражду» [Мишланов, Салимовский 2006].

На протяжении уже нескольких десятилетий ученые (Э. А. Паин, Л. В. Баева и др.) отмечают, что психологической основой и причиной экстремизма становится именно интолерантность, проявляемая чаще всего в форме ксенофобии (неприязнь, враждебность, страх по отношению к другим людям и группам людей), предполагающая деление на «своих» и «чужих», где «психологическая функция заключается в защите от других, а

цель — изоляция, либо полная, либо частичная» [Солдатова]. Психологи отмечают, что в основе данного принципа лежат особенности психики человека: первая связана с тем, что «свои», т. е. «мы», всегда кажутся привлекательными и с ними безопасно, с ними чувствуешь уверенность и значимость, а вторая проявляется в том, что «чужие», т. е. «они», нужны для того, чтобы сильнее осознать свою причастность к группе. И третий момент, по мнению П. Николсона, связан с тем, что система ценностей толерантности порой достаточно сложна для человеческого понимания. Дело в том, что толерантность предполагает некую необходимость примирения индивида с некоторыми отклонениями, выходящими за рамки его системы ценностей, а это может привести к внутреннему конфликту. «Если удастся примириться с отклонением, то необходимо, с одной стороны, с чем-то расстаться (например, с желанием оскорбить, подавить или вытеснить кого-то) и в то же время, с другой — сохранить приверженность своим собственным убеждениям. Вот эта борьба между приверженностью собственным взглядам и признанием позиции и убеждений других определяет толерантность как внутренне напряженную категорию, более сложную для понимания по сравнению с интолерантностью» [Баева]. Потому и интолерантность более проста для понимания и приемлема для большинства. В связи с этим во многих материалах экстремистского дискурса отмечается яркое проявление принципа деления на «своих» и «чужих».

На языковом уровне принцип интолерантности репрезентируется через языковую демагогию, которая и дает возможность создавать фантомные социумы «своих» и «чужих». Подобный эффект создается за счет использования личных местоимений «мы» и «они», а также их указательных и притяжательных форм. В результате такого противопоставления рисуется фантомный биполярный мир, упрощенный для восприятия и содержащий в себе одностороннюю интерпретацию подаваемых «актором» событий.

В ходе анализа языкового материала экстремистской направленности были выявлены две основные коммуникативные стратегии, характеризующие «чужих» как одну из составляющих фантомного биполярного мира: дискредитация и запугивание.

Итак, целью стратегии дискредитации является стремление подорвать доверие, уличить в чем-либо, вызвать сомнение в чьей-либо правоте, а также ненависть и гнев к объекту речи. В практике религиозно-политического экстремизма, представленно-

го ваххабизмом, можно выделить два основных объекта, в отношении которых применяются данные стратегии: 1) «неверные», не относящиеся к миру ислама и представляющие ему угрозу (силовики, «фээсбэшники», российские солдаты, полицейские, Россия в целом и те, кто ведет войну с ИГ — запрещенной в РФ организацией); 2) «отступники» от столпов ислама, признающие нововведения и т. п. (шииты и сунниты-ханафиты, которыми представлен российский мусульманский мир). В связи с этим избираются и соответствующие тактики, целью которых является создание негативной оценки «врага» через обличение, обвинение в лицемерии и вероломности и, конечно, оскорбление.

1. Тактика «образа врага» предполагает объявление кого-либо врагом нации, народа, религии.

Черных дней череда, трудный час наступил,

На чеченскую землю враг-безбожник вступил (Т. Муруцаев. «Пламя войны»).

2. Тактика «наклеивания ярлыков», с точки зрения информационно-психологического воздействия представляет собой пропагандистский прием, заключающийся в выборе оскорбительных эпитетов, метафор, названий для именованного объекта, вызывающих эмоционально негативное отношение окружающих и ассоциирующихся у них с низкими поступками [Панарин]. Она реализуется через использование таких языковых средств, как инвективная или близкая к инвективной лексика — слова и выражения, содержащие в своей семантике намерение (интенцию) унижить, оскорбить, опозорить адресата.

И до сих пор, Волчицей раненой, Чечня,

С земли своей шакалов ты гнала (Т. Муцураев. «Чечня»).

В текстах песен Т. Муруцаева, чеченского барда и участника Первой чеченской войны, этот образ прежде всего связан с российскими военнослужащими, ведшими военные действия на территории Чечни в период Первой и Второй чеченских кампаний. Согласно традиции мусульманского Востока, образ шакала символизировал «трусость» и «подлость». Исходя из контекста, данная зоосемантическая метафора содержит в себе негативную оценку и грубую экспрессию презрения (высшую степень) говорящего к российским солдатам, что способствует умалению их достоинств как воинов, а это дает основания отнести ее к 4-му разряду инвективной лексики.

Собаки в форме полиции РФ сегодня утром ворвались в одну из мечетей Махачкалы.

Опять же согласно исламской традиции,

собака считается существом нечистым и презренным, способным осквернить одежду, пищу и самого человека, хотя признается ценность собаки как сторожа, охраняющего покой своего хозяина. Поэтому в данном примере зоосемантическая метафора также содержит негативную оценку и грубую экспрессию презрения.

Очень часто в проповеднических текстах имамы-салафиты для создания негативного образа суннитов-ханафитов используют образ «заблудшей секты», подчеркивая тем самым «отступничество» оппонентов от столпов ислама и «неправильность» религиозного учения.

Не дал Аллах возможности душам ходить по этой земле и посещать, как думают некоторые заблудшие секты (о ханафитской религиозно-правой школе суннизма — прим. авт.), в других религиях. Да, это заблуждение.

3. Тактика «разоблачения», суть которой заключается в выявлении истинного, с точки зрения говорящего, положения вещей. Подобную тактику встречаем в проповеднических текстах имамов-салафитов, направленных на формирование негативного образа суннитов-ханафитов, нарушающих, по мнению авторов текста, предписания Корана, что и способствует созданию атмосферы религиозной нетерпимости к оппонентам со стороны «истинно» верующих — салафитов. Приведем пример.

И сегодня мы вот с этого момента, с четвертого века, получили вот это нововведение — чтение маулида. И в нем есть пагубная вещь. Когда этот маулид читается, читающие маулид заходят в кружки вот в эти и совершают они специально ритуал. Во время этого ритуала открывают окно, ставят в кругу своём соль и воду и, когда доходят до этого места, говорят: „Добро пожаловать, любимый Аллахом!“. То есть посланник, пророк Мухаммед, якобы через вот это открытое окно или открытую дверь в это время заходит, заходит его душа. И они все в это время встают, когда читают. То есть у человека создается впечатление, что во времена маулида душа пророка Мухаммеда посещает этот меджлис. А мы знаем, что душа пророка Мухаммеда где? на небесах! Его тело в могиле, его душа на небесах.

В данном отрывке достаточно четко прослеживается намек на проведение во время чтения по случаю Маулида (название праздника, посвященного рождению пророка Мухаммеда) ритуала по вызыванию духа, используемого в практической магии предска-

зателями (ведьмами). Как правило, для проведения подобной церемонии используют стакан с водой, в которую бросают горсть наговоренной соли и затем ставят на подоконник открытого окна. Таким образом, говорящим намеренно проводится параллель с сектой, практикующей «черную» магию.

Приведем еще один пример разоблачения, только уже шиитского направления ислама, которое также представляют сектой, где адепты во время празднования совершают ритуальные танцы, нарушая таким образом основные заветы ислама.

В этой мечети молодые люди обращаются к имаму Али, мученику и зятю Пророка, который, как они считают, слышит их молитвы и заступается за них перед Богом. Другие мусульмане отвергают подобные события, считают их почитание святых богохульством. Неважно молишься ли ты в одиночестве или вместе с другими людьми, у тебя возникают личные отношения с самим Богом. И так происходит со всеми. Это суть послания Корана и основа веры суннитов. <...> Но порой люди жаждут веры, которую можно потрогать и почувствовать. Им нужна драма, музыка, обряды, великие истории о жертвоприношениях, боли, мученичестве и искуплении. Им нужен кто-то, кому можно молиться, кто в облике человека. Шиитский ислам удовлетворяет эти потребности. <...> Когда мусульмане молятся у могил умерших святых, они переступают через этот строгий принцип Ислама. В Коране четко говорится, что это грех.

4. Тактика «односторонности освещения событий», суть которой заключается в том, что дается высказывание лишь одной из полемизирующих сторон, в результате чего достигается ложный (скрытый) эффект наличия возможности различных интерпретаций подаваемых в материале событий при фактическом исключении возможности альтернативных интерпретаций. В подобных проповедях подробно подчеркиваются и раскрываются только основные догматы салафитов: нежелательным и порицаемым является любое нововведение в религию, празднование Маулида, а взывание к Пророку считается одним из проявлений ширка (признания какого-либо реального или мифического объекта или субъекта равным Аллаху в могуществе или творческой способности, а также признания наличия в этом объекте или субъекте божественности с последующим почитанием, служением и поклонением ему), но при этом полностью замалчиваются особенности ханафистской ре-

лигиозно-правовой школы суннизма.

А пророк Мухаммед сказал: „Каждое нововведение в религию является заблуждением, по причине каждого заблуждения человек в огне“.

Пока маулид никакого отношения к религии не имеет.

И второе это нововведение, то что человек ещё начал думать, что душа пророка Мухаммеда ходит, посещает. И некоторые потом уже подвигают к тому, что в это время человек даже начнёт обращаться за помощью к пророку Мухаммеду и его душе. Это уже полный бундет выход из ислама — куйфр.

Стратегия запугивания, цель которой — внушить страх, показать жестокость окружающего мира, в практике религиозно-политического и религиозного экстремизма чаще всего сопровождается и усиливает стратегию дискредитации «врага».

Рассмотрим тактики запугивания на конкретном примере — видеозаписи, содержащей обращение Салмана Севера, представителя Русского Исламского Движения. Основной посыл — «силовики» изнасиловали мусульманку, поэтому необходимо дать отпор этому «беспределу» и остановить бесчинство представителей этих структур.

1. Тактика «эмоционального заряжения», с точки зрения информационно-психологического воздействия заключается в «заряде» нужной информации необходимыми эмоциями, способными преодолеть барьер разума и вызвать в индивиде взрыв страстей, заставив его переживать. Такой эмоцией становится гнев, вызванный аморальным поступком в отношении мусульманской женщины.

Говорят, что в Дагестане произошло изнасилование мусульманки так открыто, так нагло, так оскорбительно впервые. <...> Но подумайте: одинокая женщина, одинокая сестра, которую изнасиловали по пьяни, животным образом, оскорбили, унизили, растоптали, втоптали ее честь в землю. И кто это сделал? Это сделал тот, кто якобы призван бороться с живыми, реальными, нереальными, виртуальными террористами.

2. Тактика «экспрессивного удара», заключающаяся в намеренном транслировании ужасов, совершаемых представителями силовых структур в отношении мусульманских женщин.

Но я могу сказать, что если мусульмане не ответят сегодня, то эти изнасилования и подобного рода унижения наших сестер будут происходить постоянно. <...> Или им нужно, чтобы зав-

тра восстал народ, в котором **мужчины** не могут мириться с тем, что их так **публично оплевывают в их доме?** <...> Если эта ситуация не получит решительной отповеди, самой решительной отповеди от всех мужчин, кавказцев, от всех мусульман России, от каждого по отдельности, от всех, сообщаю, что завтра в вашем доме люди в погонах будут насилловать ваших сестер и ваших дочерей.

3. Тактика «манипулятивного комментирования» дает возможность делать необходимые акценты в освещении того или иного события. В данном случае таким акцентом можно считать тот факт, что изнасилование мусульманской женщины, по мнению говорящего, и есть унижение самой религии — ислама.

Если сегодня мусульманский проект не так состоятелен, как хотелось бы, если сегодня исламский фактор не может мобилизовать бесчисленные человеческие массы мусульман Кавказа, в том числе России вообще, на сопротивление агрессорам и унижителям нашей религии, то, может, и нас остается хоть что-то мужское, чтобы восстать против несправедливости и тирании, проходящейся молотом по нашим сестрам.

Успех вышеизложенных коммуникативных стратегий и тактик прежде всего обеспечивается их открытостью для читателя, недвусмысленностью, апелляцией к чувственной сфере — эмоциям (страху, ненависти), что дает возможность создавать емкий, многогранный и устойчивый негативный образ. И, как отмечает Н. Б. Руженцева, именно образ как «целостная форма отражения и выражения чувств, мыслей, стремлений и эмоций автора» [Руженцева 2004: 157] является сильным средством воздействия на со-

знание молодежи, характеризующейся низкой религиозной грамотностью и порой низким уровнем образования и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура / ГБОУ ВПО «Астрахан. гос. ун-т». 2008. № 3. С. 21—25.
2. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. — СПб. : Издат.-торговый дом «Скифия», 2008. 403 с.
3. Кетов А. Р. Механизмы формирования российского экстремистского движения // Молодой ученый. 2016. № 11 (115), июнь. С. 1129—1133.
4. Коростелева Л. В. Концепт «патриотизм» в контексте националистического экстремистского дискурса // Научный диалог. 2017. Вып. 3. С. 45—54.
5. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Социоллингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). С. 107—113.
6. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 56—65.
7. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113—124.
8. Панарин И. Н. Информационная война и выборы. — М. : Городец, 2003. 416 с.
9. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. 294 с.
10. Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 3 (15). С. 71—80.
11. Солдатова Г. Практическая психология толерантности. URL: <http://www.tolz.ru/library/?de=0&id=425>.
12. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o>.
13. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе. 05.06.2007. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93413.htm>.

A. A. Karapetyan, Yu. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

THE PRINCIPLE OF INTOLERANCE AS A PSYCHOLOGICAL BASIS OF EXTREMIST DISCOURSE: COMMUNICATIVE TACTICS AND WAYS OF THE “ENEMY” DISCREDITATION

ABSTRACT. *The turn of the century is marked by the growth of aggressive intolerance among the members of different political, ethnic and religious groups that led to the rapid development of extremist discourse that is made of public addresses and texts with the elements of extremism against some object (power or a part of society) and make the part of hostility discourse. The psychological basis and the cause of extremism is intolerance in the form of xenophobia (hostility to the other people or groups of people) that divides the society into “we” and “the others”. In the language the principle of intolerance reveals itself in the form of demagoguery that creates the phantom societies of “us” and “the others”. The analysis of extremist texts revealed two main communicative strategies that characterize “the others” as one of the elements of the bipolar world: discredit and threatening. The goal of discredit strategy is the desire to shatter confidence in or arouse doubt and anger towards someone. The following tactics are chosen: 1) “the image of enemy” tactic; 2) “labeling” tactic; 3) “exposure” tactic; 4) “one view of the event” tactic. The strategy of threatening aims at scaring and showing the cruelty of the world; in religious and political extremism it usually accompanies and intensifies the discredit strategy, so its main tactics are: 1) “emotional contamination” tactic; 2) “expressive shock” tactic; 3) “manipulative comments” tactic.*

KEYWORDS: *extremism; extremist discourse; extremist materials; intolerance; phantom bipolar world; discredit strategy; threatening strategy; psycholinguistics.*

ABOUT THE AUTHORS: *Karapetyan Artur Andranikovich, Centre of Counteraction and Prevention of Extremism of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia.*

Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Advertising and PR, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Baeva L. V. Ekstremizm: priroda i formy proyavleniya // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura / GBOU VPO «Astrakhan. gos. un-t». 2008. № 3. S. 21—25.
2. Zelinskiy S. A. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie na massovoe soznanie. Sredstva massovoy kommunikatsii, informatsii i propagandy — kak provodnik manipulyativnykh metodik vozdeystviya na podsoznanie i modelirovaniya postupkov individa i mass. — SPb. : Izdat.-torgovyy dom «Skifiya», 2008. 403 s.
3. Ketov A. R. Mekhanizmy formirovaniya rossiyskogo ekstremistskogo dvizheniya // Molodoy uchenyy. 2016. № 11 (115), iyun'. S. 1129—1133.
4. Korosteleva L. V. Kontsept «patriotizm» v kontekste natsionalisticheskogo ekstremistskogo diskursa // Nauchnyy dialog. 2017. Vyp. 3. S. 45—54.
5. Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Sotsiolingvisticheskie markery ekstremistskogo teksta // Gumanitarnyy vektor. 2015. № 4 (44). S. 107—113.
6. Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Diskurs vrazhdebnosti kak sotsial'nyy fenomen // Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. S. 56—65.
7. Pain E. A. Sotsial'naya priroda ekstremizma i terrorizma // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 4. S. 113—124.
8. Panarin I. N. Informatsionnaya voyna i vybory. — M. : Gorodets, 2003. 416 s.
9. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. 294 s.
10. Salimovskiy V. A., Ermakova L. M. Ekstremistskiy diskurs v massovoy kommunikatsii Runeta // Vestn. Perm. un-ta. 2011. Vyp. 3 (15). S. 71—80.
11. Soldatova G. Prakticheskaya psikhologiya tolerantnosti. URL: <http://www.tolz.ru/library/?de=0&id=425>.
12. Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 N 114-FZ (red. ot 23.11.2015) «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti». URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o>.
13. Khanbabayev K. M. Religiozno-politicheskiy ekstremizm i terrorizm v polietnokonfessional'nom obshchestve. 05.06.2007. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93413.htm>.

Е. В. Харченко, Е. Г. Доронина
Челябинск, Россия

АНАЛИЗ РАЗНИЦЫ ЯЗЫКОВЫХ СОЗНАНИЙ НОСИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ КУЛЬТУР КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

АННОТАЦИЯ. Рассмотрена специфика языкового сознания носителей разных культур. Как правило, группы людей, объединенные общей культурой (национальной, гендерной, возрастной и т. д.), создают свой особый код для взаимодействия (зачастую используя для этого слова литературного языка). При взаимодействии с представителями других групп и иных культур возникает иллюзия понимания, поскольку используются слова одного языка, но за этими знаками часто стоят разные образы. В качестве объекта исследования выбраны образы предметов и явлений национальной культуры (в том числе религиозной), функционирующие в новостном и политическом дискурсе. В работе проведено сопоставление таких понятий, как джихад, шахид, хиджаб, представленных в текстах СМИ, и их образов в языковом сознании носителей разных культур. Эти слова одновременно являются и аттрактантами, и репеллентами, поскольку у разных групп населения вызывают разные эмоции. Произошло своеобразное «распредмечивание» и наполнение этих понятий другим смыслом с большой эмоциональной нагрузкой, в чем большую роль сыграли СМИ и интернет-ресурсы. С целью выявить различия в восприятии словесных аттрактантов и репеллентов носителями разных культур был проведен ассоциативный эксперимент. Выявленные различия свидетельствуют о разнице в восприятии смысла текста: для арабских студентов доминантой текста стало представление о терроризме как искажении истинного смысла ислама, а для российских — представление о необходимости четкой организации мер антитеррористической защиты. Делается вывод о необходимости для журналистов и политиков учитывать образы, сложившиеся в языковом сознании носителей той или иной лингвокультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психолингвистика; образ мира; языковое сознание; межкультурная коммуникация; терроризм; экстремизм; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, Челябинск, пр-т им. Ленина, 76; e-mail: kharchenkoev@susu.ru.

Доронина Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, Челябинск, пр-т им. Ленина, 76; e-mail: doroninaeg@susu.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современном мире все большую роль играют слова, которые помогают формировать виртуальные образы мира. Как правило, группы людей, объединенные общей культурой (национальной, гендерной, возрастной и т. д.), создают свой особый код для взаимодействия (зачастую используя для этого слова литературного языка). При взаимодействии с представителями других групп и иных культур возникает иллюзия понимания, поскольку используются слова одного языка, но за этими знаками часто стоят разные образы. Именно отличия образов, стоящих за телами знаков, по мнению Е. Ф. Тарасова, являются причиной «патологичности» межкультурного общения [Тарасов 1998].

Одним из базовых терминов в нашей работе является понятие языкового сознания. Мы придерживаемся трактовки термина «языковое сознание», принятой в Московской психолингвистической школе, несмотря на некоторую спорность самого понятия и продолжающуюся дискуссию по содержанию данного термина. Под языковым сознанием, вслед за Е. Ф. Тарасовым, мы понимаем «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых

средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26].

Описание структуры сознания было предложено В. П. Зинченко [Зинченко 1991]. Развивая идеи Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, он предложил выделять в структуре сознания два слоя: бытийный и рефлексивный, каждый из которых выполняет свои функции. Бытийный слой сознания составляют чувственная ткань образа и биодинамическая ткань живого движения и действия. Несколько упрощая, можно сказать, что на этом уровне формируются образы предметов, которые мы воспринимаем с помощью органов чувств. В рефлексивном слое сознания (в том числе и на основе перцептивных данных) образуются значения и смыслы. Значение является общим для людей, что позволяет нам понимать друг друга. Смысл же часто имеет дополнительные индивидуальные компоненты, связанные с опытом человека, по сути это функционирование значения в процессе деятельности и в сознании конкретного индивида. Наличие смыслов показывает, что сознание человека не может быть беспристрастным, оно пропускает значение через личный опыт и формирует отношение ко всему, что его окружа-

© Харченко Е. В., Доронина Е. Г., 2017

ет, то есть наше сознание всегда «страстно» и содержит оценку того, что его окружает, поэтому А. Н. Леонтьев утверждал, что сознание есть не только знание, но и отношение. Именно оценочность по отношению к окружающему миру порождает эмоции, которые являются побуждающей силой. Это позволяет говорить о том, что одной из задач лингвистики на современном этапе должно стать выявление дополнительных смыслов, которые вкладываются в слова — особенно это касается сферы политики и журналистики. В центре внимания должны быть слова, которые являются символическими для какой-либо культуры, обозначающие ключевые понятия, включающие ценностную составляющую, а также слова с размытой семантикой.

А. К. Михальская в своей работе выделяет риторические примитивы — значения, обладающие фасциативными свойствами и вызывающие сильную, немедленную и однозначную (положительную или отрицательную) реакцию адресата, — и называет их словесные аттрактанты (привлекающие) и репелленты (отталкивающие). По словам автора, набор риторических примитивов легче всего выявляется при анализе текстов рекламы и политики, которые А. К. Михальская считает текстами манипулирующего дискурса. В статье предлагаются примеры основных риторических примитивов-фасциаторов, которые, по мнению автора, объединены наиболее общей идеей «жизнь», тогда как противоположные по эмоциональному воздействию — идеей «смерть» [Михальская 2010].

Очень важной для нашей работы является мысль А. К. Михальской о том, что «риторические примитивы как идеи выражаются соответствующими словами — аттрактантами и репеллентами, которые непосредственно и служат стимулами прогнозируемой (а в нашей речевой среде чаще не вполне прогнозируемой) поведенческой реакции» [Михальская 2010]. В современном мире именно слова порой являются спусковым крючком для взрывной реакции, в том числе и необдуманных поступков. Мы считаем, что поведение экстремистов и террористов во многом обусловлено образом мира, существующим в их сознании. Согласно теории поведения, все наши поступки обусловлены социальным опытом и сформированным на его основе образом мира.

Особый интерес вызывают понятия, связанные с религиозной составляющей культуры, часто используемые в СМИ (как в новостном дискурсе, так и в речи политиков), например такие, как *джихад*, *шахид*, *хиджаб*. Мы считаем, что эти слова одновременно

являются и аттрактантами, и репеллентами, поскольку у разных групп населения вызывают разные эмоции. Произошло своеобразное «распредмечивание» и наполнение этих понятий другим смыслом с большой эмоциональной нагрузкой. Большую роль в этом процессе сыграли СМИ и интернет-ресурсы: в наше время бурного появления новых понятий классические словари не всегда успевают включить их в свой состав, да и многие сограждане предпочитают выводить приблизительное значение из контекста. Анализ материалов газетного подкорпуса, который охватывает тексты СМИ с 2000 по 2014 г., размещенные в Корпусе русского языка [Корпус русского языка], показал, что очень часто сами авторы отмечают неоднозначность данных слов и их употребление:

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы получили письмо от сопредседателя Совета муфтиев России Висама Али Бардвила, который просит не употреблять религиозный термин „шахид“ в отношении террористов [Андрей РОДКИН, Зинаида ЛОБАНОВА. На винном складе нашли пояс «шахида» // Комсомольская правда. 2003.08.21].

Духовное управление мусульман Карелии высказало озабоченность по поводу ежегодных нападений на граждан неславянской внешности в день празднования ВДВ и не согласилось с применением термина „шахид“... Он считает неоправданным применение к членам террористических формирований названия „шахид“ [Цыганкова Светлана, соб. корр. «Труда». Бандит не может быть шахидом // Труд-7. 2003.08.15].

Журналистам также запрещено употреблять слово „шахид“, вместо него следует говорить „пояс шахида“ [Итоговый выпуск вечерний — 18.08.04 19:10 // Новый регион 2. 2004.08.19].

Не годными к употреблению, по информации из телевизионных кругов, признаны выражения „банковский кризис“, „замена льгот деньгами“, а также слова „киллер“, „шахид“ и „Чечня“ [На ТВ отменили шахидов и киллеров // Комсомольская правда. 2004.08.06].

Раскритиковал Грызлов журналистов и за неверную терминологию: употребление применительно к террористам слова „шахид“ и выражения „выходец с Кавказа“... Ведь „шахид“ в исламском мире — значит „герой“! [Елена КРИВЯКИНА. «Террористы во всем мире — не самые сырые люди» // Комсомольская правда. 2010.04.02]

А сами хиджабы, которые продаются в магазинах исламской одежды, в последнее время приобрели негативную окраску, как и слово „шахид“, которое стало синонимом

террориста-смертника [Екатерина МАЛИНИНА, Диана АРАКЕЛЯН («КП» — Волгоград»). На юге России запрещают носить **хиджабы** в школах и вузах // Комсомольская правда. 2013.06.27].

Оно крайне опасно, поскольку может быть использовано теми, кто стремится отождествить терроризм и ислам, который якобы агрессивен и в своем вероучении, поскольку оправдывает так называемый „великий **джихад**“ — уничтожение неверных. В связи с этим приходится только удивляться живучести и беспочвенности утверждений, что **джихад** — священная война мусульман против неверных [Павлова Аза. Коран не виноват // Труд-7. 2001.12.11].

О том, что для некоторых данные понятия не несут определенное значение, говорят и случаи оговорок: *Теперь боится, что мусульмане объявят ей **хиджаб** (то есть **джихад**) и предадут суду плагиата (простите, шарията)...* [Евгений ПРОСКУРЯКОВ. Люди и кошки, которые нас удивили // Комсомольская правда. 2013.08.15].

В некоторых статьях журналисты пытаются дать подробное определение и даже классифицировать понятия, однако это крайне редкие примеры:

„**Великий джихад**“ — это когда вы работаете над собой и открываете в себе существование Создателя. „**Малый джихад**“ — умение поделиться этим открытием с тем, кто стоит рядом. „**Военный джихад**“ же возможен, только если есть агрессия со стороны противника. Агрессия словесная, информационная или экономическая не может стать причиной **джихада** [Борис ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Иман Валерия Порохова: Если мусульманин прочитает Коран, он террористом не станет // Комсомольская правда. 2001.10.16].

Коран трактует „**джихад**“ как „усилия на Господнем промысле“, т. е. борьбу со злом, а „**великий джихад**“ — как победу над собой, своими страстями, как способность простить того, кто виноват перед тобой, поскольку не может претендовать на прощение Аллаха тот, кто сам не умеет прощать. Второй, малый **джихад**, подразумевает проповедование ислама на основе веротерпимости. А коль они вас не поймут, скажите: „Мир вам и уходите“ (цитата). — Так что такое **джихад** с оружием? — **Джихад** с оружием в руках в соответствии с Кораном может быть лишь в единственном случае — для отражения агрессии [Павлова Аза. Коран не виноват // Труд-7. 2001.12.11].

В великом **джихаде** есть три иерархических уровня: священная война (теоретическое и теологическое обоснование **джихада**); сетевая война (организация структур безлидерного сопротивления, сайты, форумы, блоги) и практический **джихадизм** — организация и совершение терактов [Александр МИЛКУС. Россия — часть нового халифата? // Комсомольская правда. 2013.11.01].

Отсюда, кстати, и „**шахид**“, т. е. человек, принявший мученическую смерть за Бога и обретший жизнь вечную... Во-вторых, большинство исламских богословов утверждают, что **шахид** — это человек, павший в честном бою с агрессором („**джихад**“ — освободительная война, в отличие от „газавата“ — мусульманского аналога „крестовых походов“) [Жизнь по бросовой цене // Известия. 2004.02.11].

Интересны дефиниции через уподобление, метафоризацию:

Будущий **шахид** похож на мину, смазанную маслом и лежащую в ящике... **Шахид** — своего рода ракета ближнего или среднего радиуса действия в руках террористов [Зинаида ЛОБАНОВА, Владислав ЖАРОВ. Почему шахидки не боятся смерти // Комсомольская правда. 2003.07.07].

Более тонким инструментом влияния является замена слов в устойчивых словосочетаниях. Так, мы выявили примеры употребления устойчивых словосочетаний, в которых слова *борьба, война* заменяются словом *джихад*.

Разбитых сердец были толпы, и, помнится, озлобленное арабское землячество все собиралось объявить бессовестной девчонке „**джихад**“... [Ведущая рубрики Лариса Васильева. Телефон: 257-50-62. Сегодня в столице 10 000 сирот // Комсомольская правда. 2001.03.11].

— Недавно заходит ко мне один важный коллега и говорит: „Это правда, что мусульмане объявили?“... Дело в том, что джихад может объявить конкретный руководитель конкретной религиозной общины, а провозгласить его вообще никто не имеет права... Сегодня нет ни одной организации в исламском мире, которая объявила бы джихад всех мусульман [Анохин Павел. Рамазан Абдулатипов: радикальному исламу должен противостоять просвещенный // Труд-7. 2001.11.03].

Священный же джихад против неверных (а неверными могут быть даже мусульмане, не исповедующие ваххабизм) открывает молодым людям источники скорого обогащения, сулит всякие блага в загробной жизни [Янченков Владимир. С верой в гранатомет // Труд-7. 2002.05.23].

...и объявивший джихад и США, и всем остальным христианским странам... [Борис ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Иман Валерия Порохова: Если мусульманин прочитает Коран, он террористом не станет // Комсомольская правда. 2001.10.16].

Резюмируя свое выступление, Чейни подчеркнул: „Экстремистам региона придется пересмотреть свою стратегию джихада, умеренные силы воспрянут, а наши возможности оказать содействие процессу установления мира между Израилем и палестинцами только увеличатся“ [Степанов Андрей. Бить или не бить // Труд-7. 2002.08.28].

Ведь планирование, подготовка и исполнение любого теракта — это, помимо всего, немалые затраты. Кто же субсидирует кровавый „джихад“? Буквально на днях ФСБ РФ совместно с федеральными контрольными органами сорвали попытку создать новый канал финансирования чеченских незаконных вооруженных формирований за счет привлечения иностранных кредитов на сумму более 40 миллионов рублей [Попов Михаил член жюри конкурса. Бандитский «общак» «Аль-каиды» // Труд-7. 2004.02.26].

В 500-страничном обвинительном акте говорится о ее участии „в развязывании джихада на Кавказе“ [Юрий Коваленко, Париж. Премьер-пироман // Известия. 2006.03.21].

Улемы, командиры и лидеры движения „Талибан“ едины в своем стремлении продолжать джихад против оккупационных сил [Интервью муфтия Латифуллы Хакими // РИА Новости. 2005.03.14].

Боевики записывают на электронный носитель видеообращение, в котором требуют с того или иного предпринимателя уплатить „военный налог“, или „налог на джихад“ [Александр КОЦ. В Дагестане уничтожен «налоговик» боевиков // Комсомольская правда. 2013.04.03].

Дополнительные смыслы появляются и в случаях языковой игры, использования данных понятий в качестве выразительных средств (в первую очередь в переносном значении). Без контекста сложно однозначно сказать, что имел в виду автор, использовавший эти словосочетания:

Но тем не менее, когда президент США провозглашает „демократический джихад“, похоже, что он сам верит в него [Пушков Алексей автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» ТВЦ. Воздай хвалу Богу — и раздай патроны! // Труд-7. 2003.03.05].

13 месяцев спустя одинадцать волонтеров экономического джихада были

приговорены Верховным судом Татарстана к различным срокам наказания [Ухов Евгений. «Джихад для газовой трубы» // Труд-7. 2002.12.11].

Скандалный продюсер Иван Шаповалов презентовал российской публике свой новый проект — „музыкальный джихад“ [Итоговый выпуск (вечерний) — 29.09.04 18:53 — Екатеринбург // Новый регион 2. 2004.09.30].

Афиши с фотографией девочки — символа „джихада“ уже расклеены по всей Москве [Итоговый выпуск (вечерний) — 29.09.04 18:53 — Екатеринбург // Новый регион 2. 2004.09.30].

Не требующая уже ни аргументов, ни доказательств. Эдакий экологический джихад. — Мы хотим сесть за стол переговоров (тут я вспомнил усмешку „чоповца“ Голяндрина) и предложить губернатору альтернативную стратегию развития региона — вдохновенно говорил Рубахин, — не уничтожение будущего наших поколений — земли русской, а туризм, экологическое хозяйство... [Владимир ВОРСОВИЧ. Как казаки на Хопре зажили // Комсомольская правда. 2013.06.30].

„В Сирии может возникнуть Джихад-лэнд“, сказал он [Израэль ШАМИР. Обама мирит евреев с турками... Ну, значит, скоро война // Комсомольская правда. 2013.03.24].

Здесь, в городе древнего прославленного университета, буйно расцвел „секс-джихад“ [Михаил ОЗЕРОВ. Британии объявлен «секс-джихад» // Комсомольская правда. 2013.08.05].

Сирийскому правительству приходится бороться и с секс-джихадом [Захар РАДОВ. В Тунис вернулись первые секс-джихадистки // Комсомольская правда. 2013.09.21].

Однако у террористов появилось новое опаснейшее оружие — „интернет-джихад“ [Михаил ОЗЕРОВ. Наступление исламистов: Вначале — Сирия, потом — Ирак, а дальше Британия, Украина и Россия? // Комсомольская правда. 2014.08.06].

Некоторые выражения приобрели относительно устойчивые смыслы. Так, шахид — это не только воин (как мы видели в примерах выше), но и представитель стран ближнего зарубежья, приехавший в Россию на заработки:

И за рулем был не привычный „шахид“, а интеллигентный русский мужчина средних лет [Никита МИРОНОВ. Графика Дмитрия ПОЛУХИНА. Такси в Москве дороже, чем в Париже! // Комсомольская правда. 2008.04.22].

Синонимичные выражения джихад-такси и шахид-такси имеют разные смыслы. Чаще так называют старые разбитые

машины, управляют которыми приезжие (как правило, именно это является главным признаком).

Однако желающих прокатиться с ветерком на „джихад“-такси меньше не становится [Александр БОЙКО, Александра КРЫЛОВА. В Москве бомбила ограбил своего пассажира на 1,7 миллиона рублей // Комсомольская правда. 2012.12.10].

Среди бомбил в Москве полно незарегистрированных гастарбайтеров — существует даже неполиткорректный термин „шахид-такси“; „шахид-грузовиков“ тоже хватает [Быков Дмитрий. ФМС как ПМС // Труд-7. 2009.08.06].

„Бомбила“, таких еще называют „шахид-такси“, — веселый разговорчивый парень, был откуда-то с Кавказа [Георгий Бовт. Остров Россия // Известия. 2008.10.16].

Обсуждение творчества М. П. Шишкина с водителем шахид-такси сегодня дало бы еще более удручающий результат [Максим Соколов. Шишкин в Цюрихе // Известия. 2013.03.11].

Добавочными могут быть смыслы «медленный», «устаревший», «ненадежный».

Утлая лодка во время девятибалльного шторма, гость столицы на „джихад-такси“ против Шумахера на болиде Формулы-1, костлявый задохлик против Николая Валугева — так выглядел „Арсенал“ на фоне „МЮ“ в тот вечер [Платон Созонтов. 5 лучших матчей сэра Алекса Фергюсона в «Манчестер Юнайтед» // Советский спорт. 2013.11.06].

В некоторых случаях подчеркивается «опасность», «ненадежность» таких средств передвижения:

Это настоящие „шахид-такси“, плавание на которых — огромный риск [Владимир ДЕМЧЕНКО. Корабли губит не море, а люди // Комсомольская правда. 2012.01.18].

Это настоящие „шахид-такси“, выход в море на которых связан с огромным риском [Владимир ДЕМЧЕНКО. Губит людей вода // Комсомольская правда. 2012.01.02].

Иногда эти смыслы переплетаются: «чужой» + «опасный».

«Шахид-„КамАЗы“» отхватили жирный кусок в теневом бизнесе грузоперевозок [Владимир ДЕМЧЕНКО. Расследование «КП»: Почему по нашим дорогам ездят грузовики без тормозов // Комсомольская правда. 2013.07.24].

Следует особо выделить примеры, в которых данные слова выступают в качестве личных имен людей и кличек животных. Из теории ономастики известно, что вопрос значений имен собственных остается спорным. Это позволяет говорить о том, что наименование как раз напрямую зависит от

значения и смыслов, вкладываемых в имя нарицательное, которое стало основой имени. Рассмотрим несколько описанных в СМИ случаев, где явно выявляются дополнительные смыслы онимов.

4-хлетний сын уроженца Египта Реда Сейяму получил право называться тем именем, которое выбрал мальчику отец — Джихад... Представители загса отказались записать ребенка под именем Джихад, мотивируя это тем, что в будущем подобное имя может принести его носителю вред... В решении Высшего суда Берлина, который также поддержал родителей, отмечается, что имя Джихад не представляет собой угрозы благосостоянию ребенка и не является предосудительным... В суде отметили, что в исламской традиции „джихад“ трактуется как отдача духовных сил и социальных возможностей для распространения ислама. Тот факт, что в последнее время радикальные исламисты своими действиями возвратили понятие джихада, заставив воспринимать его исключительно как вооруженную борьбу мусульман с неверными, не может, по мнению суда, ограничивать право родителей назвать ребенка по своему усмотрению, пишет Корреспондент... Между тем, как отмечает Bild, назвав сына Джихадом, отец Реда Сейям вряд ли руководствовался мирными побуждениями [Владимир Семенов. В Германии появился маленький Джихад // Новый регион 2. 2009.09.03].

Этот пример ярко показывает именно разницу в дополнительных смыслах, которые вкладывают носители разных групп в понятие джихад. Рассмотрим еще один пример, где для актуализации дополнительного смысла был введен зрительный образ.

Женщина отправила в сад трехлетнего сына Джихада в провокационной майке... Ее брат Зайед, то есть дядя Джихада, который нанес на майку провокационные призывы, приговорен к двухмесячному условному сроку и оштрафован на 4 тысячи евро... Суд в Авиньоне признал мать и дядю Джихада невиновными в подстрекательстве к насилию, но суд более высокой инстанции в Ниме вынес обвинительный приговор [Захар РАДОВ. Мать трехлетнего мальчика по имени Джихад осуждена за то, что надела на него футболку со словом «бомба» // Комсомольская правда. 2013.09.21].

В следующем примере именно реакция на имя коня показывает, что дополнительный смысл данного слова может перекрывать основное значение.

Когда в первом вперед вырвался дагестанский жеребец с опасным именем Ша-

хид, на трибуне стали качать головами... Когда в первом вперед вырвался дагестанский жеребец с опасным именем Шахид, на трибуне стали качать головами. „Гонку ведет Шахид!“ — на весь ипподром вещал комментатор [Лариса КАФТАН, Фото Анатолия ЖДАНОВА. Путин выиграл на скачках 20 000 рублей // Комсомольская правда. 2006.07.24].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев слова джихад, шахид и хиджаб используются с негативной коннотацией в контексте, связанном с экстремизмом и терроризмом. Особого внимания заслуживают примеры внедрения таких слов в инокультурные тексты для создания новых смыслов. В Интернете мы нашли статью, в которой было необычное словосочетание «христианский джихад», подписана статья протоиереем Андреем Ткачевым: *Говорят, что Мухаммед, вернувшись с битвы, сказал: „Мы совершили малый джихад. Теперь займемся большим“. Это означало: „Мы воевали и победили. Это — малая война. Теперь будем бороться с собой, со своими недостатками. Это — большая война, большое усилие“.*

Мы, восточнославянская православная цивилизация, никогда не были никому рабами. Мы победили во многих войнах и смирили хазар и татар, Наполеона и Гитлера. Перечень битых нами врагов занимает долгие страницы справочной литературы. Но то был „малый джихад“. Теперь нам предстоит борьба за истину, умная борьба в войне, которую никто не объявлял, но которая, тем не менее, ведется. Пока мы проигрываем в этой войне. А пленных на этой войне не берут. В ней воюют на полное уничтожение.

Прославить Бога и защитить человека — вот задача православной цивилизации, богочеловеческой цивилизации по своему призванию. Не надо откапывать дедовскую винтовку. На той войне, которая ждет наших усилий, нужно не стрелять, а молиться; не разбираться в устройстве гранатомета, а обладать умением объяснить Символ веры и вскрыть тайную ложь в заманчивой на первый взгляд идее.

Это наш джихад, наш великий православный джихад [Ткачев 2011].

Этот текст, в котором «православный джихад» явно несет положительную нагрузку, датируется 2011 г. В наши дни словосочетание «православный джихад» используется в СМИ в связи со скандалом, вызванным фильмом А. Учителя «Матильда», и получает скорее негативную оценку как описа-

ние бездумной фанатичной травли произведения искусства. Одна из статей так и называется: «„Православный джихад“, или Кто хочет развязать в России гражданскую войну...». Следует отметить, что «православный джихад» употребляется в кавычках, в самом тексте статьи есть прямая отсылка к терроризму: *Обстановка вокруг фильма „Матильда“ все более и более накаляется. Либеральные средства массовой информации и дезинформации, ориентированные на Запад, широким фронтом ведут наступление на Православие. Благо есть повод. Да еще какой! В России якобы появился „православный ИГИЛ (Запрещенная в РФ террористическая организация.)“, который всем несогласным с его установкам объявил „православный джихад“ [Филимонов 2017].*

Подобное значение проявляется и в названии другой статьи — «Кто в России разжигает православный джихад?», в которой также говорится о неприятии фильма А. Учителя «Матильда». В данном случае само словосочетание *разжигать джихад* сближает понятия *джихад* и *война* [Кто в России разжигает православный джихад?].

Данные примеры показывают, что, несмотря на высокую частотность использования, до сих пор значение этих слов и эмоциональное наполнение остаются неоднозначными и очень спорными.

Остановимся подробнее на восприятии хиджаба как материального объекта, получившего яркую эмоциональную роль символа. Если джихад является абстрактным понятием, шахид для большинства россиян представляется в образе бородатого мужчины, то хиджаб сегодня многие видят на улицах городов. Интерес к этому предмету одежды подогревают споры о том, могут ли девочки, девушки, женщины носить хиджаб в учебных заведениях или на работе и в общественных местах. В отличие от других видов восточной одежды, которая используется в этнографических музеях, театрах, кинофильмах или модных показах (например, шаровары, тюбетейка, тюрбан, паранджа), хиджаб сегодня становится символом, в который разные группы вкладывают свой смысл. В первую очередь все оценивают ношение хиджаба как символ веры, часто сравнивают с ношением креста православными. Для женщины-мусульманки ношение хиджаба является демонстрацией принадлежности к определенной религии, подчинения традициям, принятия норм поведения. Однако представителями других групп женщина в хиджабе часто воспринимается как чужая, не своя, непредсказуемая, а следовательно, несущая опасность. Тревожное

отношение к женщинам в хиджабах усилилось после того, как смертницы произвели теракты. Именно закрытая одежда позволила им незаметно пронести взрывные устройства. Совсем недавно в вооруженных силах США была распространена книга под названием «Борьба с воинствующим экстремизмом», в которой ношение традиционной одежды (хиджаба) мусульманками описывается как вклад в «пассивный терроризм» [Мусульмане выступили против признания хиджаба «пассивным терроризмом»]. Такое заявление вызвало негодование мусульман, которые выступают против отождествления ношения хиджаба с терроризмом.

Мы можем отметить, что из всех восточных одеяний (*тюбетейка, тюрбан, никаб, чадра, паранджа, бурка, джильбаб* и др.) только хиджаб получил дополнительные смыслы, связанные с терроризмом. Хотя хиджаб, в отличие от других вариантов, представляет собой наиболее светский вариант одежды мусульманок, напоминает платок с полностью открытым лицом, во многих же лица закрыты частично или полностью.

Рассмотрим примеры из газетного подкорпуса русского языка [Корпус...]. При анализе можно увидеть совершенно разные точки зрения.

В то время, как у москвичей женщина в длинных исламских одеяниях не вызывает ничего кроме ужаса, а европейцы даже запретили ношение хиджабов в школе, уральцы с восхищением лицезреют показы моделей мусульманской религиозной одежды [Итоговый выпуск (вечерний) — 15.11.04 18:00 — Челябинск // Новый регион 2. 2004.11.16].

Хиджаб дает чувство защищенности от скверны мира, сознание своей чистоты [Дарья АСЛАМОВА. Продажных женщин в Иране нет. Но есть жены на час // Комсомольская правда. 2007.05.07].

Президент Николя Саркози назвал хиджаб „символом порабощения и унижения“, а французский министр по делам иммиграции Эрик Бессон, не стесняясь в выражениях, объявил такое одеяние „ходячим гробом“ [Татьяна БЕЗРУКОВА. Франция запретила хиджаб // Комсомольская правда. 2011.03.04].

Для нашего исследования было важным выявить основные смыслы, вкладываемые в одно понятие разными группами, поэтому мы выбрали для анализа тексты, размещенные порталом «Ислам и семья» после опроса. По словам организаторов, в опросе участвовали мусульманки со стажем и все интересующиеся исламом без ограничений в возрасте. Им предлагалось написать, что

значит для них хиджаб [Что значит для меня хиджаб? 2012].

Показательно использование особых слов, непонятных непосвященным: *Хиджаб-это фарз. Женщна обязана покрывать свой аурат. Ауратом для женщин является все, кроме лица и кистей рук. Хиджаб-это скромность, честь и целомудрие. Это отличие мусульманам от остальных. Только Аллах знает, что в сердце. Идущая женщина в хиджабе показывает скромность и целомудрие. Не станем заикливаться на чужих грехах. Нафс и борьба с ним очень тяжелы для всех нас* [Алия 28.11.2016 09:14].

Можно определить, что для мусульманок ношение хиджаба связано:

– с верой, желанием угодить мужу и Аллаху (получить довольство): *Я мусульманка но хиджаб вынуждена надевать дома для намазов, наши мусульманки с презрением смотрят на женщин без хиджаба они думают что они войдут в ад т.е без платка женщины* [Малика. 04.01.2017 12:39]. *Я — русская мусульманка. Шла к Исламу нелегко. Моя мама живет и работает в монастыре. У нас с ней сложные отношения. Хиджаб для меня — это поклонение Аллаху в первую очередь, через которое чувствую защиту. Хиджаб символизирует любовь к Создателю, чистоту* [Хадиджа. 31.07.2012 13:13];

– с защищенностью: *Хиджаб защищает честь женщины по всем параметрам. Он уберезет ее от посторонних взглядов мужчин, просторная закрытая одежда так же отдалит людей от плохих и развратный мыслей о проходящей девушке. Хиджаб защищает тело женщины когда палит солнце от вредного воздействия и солнечного удара. Хиджаб защитит и в холодную погоду ее здоровье. Раз Аллах создал землю и всё что на ней существует значит Он так же защитит и честь женщины посредством хиджаба. Раз Он сказал о чести в Священном Коране, значит это истина и мы не имеем право обсуждать ее правдивость. Это долг. Это обязанность. Здесь нет такого "я думаю мне кажется" Есть Коран и есть Сунна и о хиджабе четко и ясно сказано в этих двух источниках. Значит в этом только и только благо. С какой стороны не посмотри* [Карачайка. 16.02.2013 03:18].

Реже встречаются высказывания, связанные с политикой: *В наше время хиджаб — это то, за что приходится бороться: Турция, Тунис и Таджикистан, хоть и населены преимущественно мусульманами, запрещают носить хиджаб в государственных*

учреждениях, школах и университетах. В Тунисе в 1981 запретили хиджаб в государственных учреждениях, впоследствии в 80-х и в 90-х годах вводили и другие ограничения [Розалия. 31.07.2012 19:04].

Хиджаб четко проводит раздел по оси «свой — чужой». Об этом говорят и высказывания на данном сайте: *...И еще хиджаб служит сигналом для людей. Сейчас вспомнила сколько интересных и тесных знакомств произошло в моей жизни благодаря хиджабу, и что благодаря ему, моему любимому хиджабу, по Милости Всевышнего удалось познакомиться с людьми и научить их вере, открыть завесу неизвестности* [Сафия из Коломны. 31.07.2012 12:06].

Однако многие сайты содержат негативные высказывания о хиджабе. Ханжан Курбанов в статье «Хиджаб неприятия» использует даже понятие «хиджабофобия» и размышляет над причинами неприятия хиджаба [Курбанов 2016]. Показательны и попытки изменить это мнение. Например, Катерина Мацюпа в статье «Хиджаб — стиль жизни, а не признак терроризма» рассказывает, как отпраздновали Всемирный день хиджаба в Исламском культурном центре Киева [Мацюпа 2017].

Среди студентов Южно-Уральского государственного университета был проведен ассоциативный эксперимент с целью выявить восприятие словесных аттрактантов и репеллентов носителями разных культур. Было опрошено 25 иностранных студентов (мужчины от 22 до 35 лет) и 25 российских студентов (юноши и девушки от 20 до 25 лет). Иностранцами участниками эксперимента стали аспиранты первого и второго курсов различных специальностей; отсутствие женщин в первой выборке обусловлено их отсутствием среди обучающихся.

Для эксперимента был выбран текст Д. Буравчиковой «Париж утонул в крови невинных» [Буравчикова 2015], посвященный событиям в Париже после кровавых терактов в ноябре 2013 г. Выбор данной статьи обусловлен актуальностью ее тематики и ярким своеобразием приемов речевого воздействия на читателя. На каждый фрагмент текста нужно было написать свою реакцию, а именно все, что возникает в сознании в момент прочтения данного предложения. Совокупность реакций одного испытуемого на прочитанное им сообщение составляет его собственный «встречный текст» [Новиков 1999]. В выборе испытуемых мы руководствовались тем, что молодые люди данного возраста уже имеют некоторый жизненный опыт, обладают определенным кругом знаний в области политологии, философии, истории.

Затем участникам было предложено записать ключевые слова текста. Третий этап — свободный ассоциативный эксперимент, в котором в качестве стимулов выступили ключевые слова текста. Все реакции иностранные студенты записывали на родном (арабском) языке (это позволило исключить затруднения при выборе слова), затем их ответы были переведены.

Всего в ходе нашего исследования удалось выявить и проанализировать 89 реакций реципиентов. Для анализа полученных результатов, в соответствии с методикой А. И. Новикова, под каждым предложением текста мы выписали все реакции испытуемых на данное предложение. По мнению А. И. Новикова, этот прием позволяет уже на первом этапе анализа выявить различия в восприятии и понимании информации разными реципиентами в исходном предложении. В литературе описано 15 видов реакций, составляющих «встречный текст» реципиента: ассоциация, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, «перевод», предположение, прогноз, перефразирование и свободный ответ. Результаты нашего эксперимента в основном подтверждают активное действие всех названных выше видов реакций.

Ведущий тип реакции «встречного текста» у арабских студентов — констатация, или повторение прочитанного путем пересказа. Наиболее развернуто арабские студенты пересказывали фрагменты, рисующие бытовые сцены, истории отдельных людей, например: *Таксисты помогали людям без денег; Серж потерял жену во время теракта. Она была на встрече с подругами, а он был дома с детьми. Он не знает, как сказать детям, что мамы больше нет. Генерализация встречается реже (5 фрагментов из 25), например: У терроризма нет границ. Основная цель — убить и наслаждаться зрелищем крови. Неважно, где расположено это место — Париж или другое место. Раньше посольство Багдада пострадало от террористов.* Интересно, что те фрагменты текста, в которых реализуется скрытое воздействие на читателя с целью доказать преимущество России в борьбе с терроризмом, арабскими студентами практически не отражались, иностранные студенты не восприняли идеи, выраженные косвенным образом, в отличие от русскоязычных студентов.

У русскоязычных студентов ведущие типы встречного текста — пересказ и вывод. Они восприняли информацию, переданную при помощи косвенного воздействия: «Евро-

па проигрывает войну с терроризмом», «США вырастили терроризм, а расхлебывает последствия Европа» и пр.

67 % ключевых слов совпали у иностранных респондентов. Наиболее частотные — *террористы, кровь, жизнь, мир, ислам*. Реакции каждого испытуемого делятся на две полярные группы:

- 1) + жизнь (*мир, успех, достижение цели*), ислам (*любовь, жизнь, цель*);
- 2) – терроризм (*враги, убивать*), война (*смерть, разрушение, страх, кровь*).

Ключевые слова, совпавшие у русскоязычных респондентов, — *терроризм, террорист, война, солидарность, взаимопомощь, Путин*.

Так же, как и у арабских испытуемых, реакции русскоязычных студентов делятся на две полярные группы. Реакция *ислам* на стимулы *терроризм* и *война* встречается 15 раз и располагается в ряду слов-репеллентов, в отличие от реакций арабских студентов.

Набор ключевых слов у русскоязычных и иностранных студентов имеет сходство (*террористы/терроризм*) и отличия, свидетельствующие, в первую очередь, о разнице в восприятии смысла текста: для арабских студентов доминантой текста стало представление о терроризме как искажении истинного смысла ислама, а для российских — представление о необходимости четкой организации мер антитеррористической защиты.

А. И. Новиков отмечал, что доминанта, возникшая в сознании при восприятии текста, стягивает вокруг себя определенное содержание, переконструирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство [Новиков 1999: 44].

Таким образом, мы видим, что слова, имеющие явное эмоциональное наполнение, не только воспринимаются по-разному носителями разных культур, но и влияют на восприятие целого текста. В ходе исследования мы выявили, что образ мира у носителей разных культур совпадает лишь частично. Различия обусловлены социальным опытом и культурой группы. Сильный отпечаток накладывают религия, идеология. СМИ также формируют определенную оценку, что в дальнейшем влияет на восприятие не только отдельных слов, но и всего текста.

Можно сделать вывод о том, что авторы политического и информационного дискурсов должны учитывать образы, сложившиеся в языковом сознании носителей той или иной лингвокультуры. В ходе нашего анализа было продемонстрировано, что понятия *джихад, шахид* и *хиджаб*, кроме основного

значения, получают в российских СМИ дополнительные смыслы, которые формируются разными способами и зачастую имеют прямо противоположное наполнение, противоречащее первоначальному значению (например, *шахид* в мусульманской культуре воспринимается как герой, а в российских СМИ так именуется *бандит, террорист*), что не может не влиять на восприятие слушателей и читателей. Это должно учитываться при использовании подобных слов в СМИ и политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буравчикова Д. Париж утонул в крови невинных // Аргументы и факты. 2015. 18 нояб. № 47.
2. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15—36.
3. Корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 15.06.2017).
4. Кто в России разжигает православный джихад? // ПолитДайджест. 2017. 18 сент. URL: <https://politdigest.ru/v-rossii/1479-kto-v-rossii-razzhigaet-pravoslavnyy-dzhihad.html> (дата обращения: 25.08.2017).
5. Курбанов Х. Хиджаб неприятия. URL: <http://md-gazeta.ru/news/17438> (дата обращения: 24.08.2017).
6. Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
7. Мацпоа К. Хиджаб — стиль жизни, а не признак терроризма. URL: <https://ru.krymr.com/a/27538310.html> (дата обращения: 24.08.2017).
8. Михальская А. К. Риторическая парадигматика: воздействующая сила слова-лексемы (примитивы, аттрактанты и репелленты) // Риторика и культура речи: наука, образование, практика : материалы XIV Междунар. науч. конф. (1—3 февр. 2010 г.) / под ред. Г. Г. Глинина. — Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2010. URL: <https://refdb.ru/look/1333527-p19.html> (дата обращения: 20.08.2017).
9. Новиков А. И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 43—48.
10. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. — М. : Наука, 1983. 215 с.
11. Филимонов В. П. «Православный джихад», или Кто хочет развязать в России гражданскую войну... // Одигитрия. 2017. 18 сент. URL: <http://www.odigitria.by/2017/09/18/pravoslavnyj-dzhihad-ili-kto-xochet-razvyazat-v-rossii-grazhdanskuyu-voynu/> (дата обращения: 25.08.2017).
12. Тарасов Е. Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М., 1998. С. 30—34.
13. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М. : ИЯ РАН, 2000. С. 24—32.
14. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.
15. Ткачев А. Православный джихад. 2011. 24 июня // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/47219.html> (дата обращения: 25.08.2017).
16. Мусульмане выступили против признания хиджаба «пассивным терроризмом» // Ислам и семья. 2016. 4 марта. URL: <http://www.islamisemya.com/aktualno/aktualno/nashinovosti/11853-musulmane-vystupili-protiv-priznaniya-khidzhapapassivnyum-terrorizmom> (дата обращения: 25.08.2017).
17. Что значит для меня хиджаб? // Ислам и семья. 2012. 18 июля. URL: <http://www.islamisemya.com/voprosy-otvety/voprosy-otvety/obshchie-temy/3187-chto-znachit-dlya-menya-khidzhab> (дата обращения: 25.08.2017).

E. V. Kharchenko, E. G. Doronina
Chelyabinsk, Russia

ANALYSIS OF THE DIFFERENCE OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF DIFFERENT CULTURES AS A WAY OF COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM

ABSTRACT. *Specific features of language consciousness of people of different cultures are discussed in this paper. As a rule, people belonging to one and the same culture (national, gender, age, etc.) have their own code for communication (often using literary words). When they interact with people of other groups or cultures there is an illusion that they understand each other well, because all of them use the words of the same language, but these words often present different images. The object of this research is based on the images of the subjects and phenomena of the national culture (including religious culture) that are often present in the news and in political discourse. We compare such concepts as jihad, shakhid and hijab found in mass media texts and their images in the minds of people of different cultures. These words are at the same time attractants and repellents as they cause different feelings in people of different cultures. There is a tendency to add more meanings to these concepts, to add emotional connotations to these words when they are used by mass media. We carried out an experiment to reveal the differences in perception of verbal attractants and repellents by people of different cultures. The differences prove that text perception is not the same with people of different cultures: for Arab students the dominant meaning of the text is the view of terrorism as distorted postulate of Islam, while for Russian students it is the need for strict measures against terrorism. The following conclusion is made: the journalists and politicians should take into account the images of certain concepts that are present in the minds of people of different cultures.*

KEYWORDS: *psycholinguistics; the image of world; linguistic consciousness; intercultural communication; terrorism; extremism; linguoculturology.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kharchenko Elena Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head the Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Linguistics and International Communication, South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia.*

Doronina Elena Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Linguistics and International Communication, South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. Buravchikova D. Parizh utonul v krovi nevinnykh // Argumenty i fakty. 2015. 18 noyab. № 47.
2. Zinchenko V. P. Miry soznaniya i struktura soznaniya // Voprosy psikhologii. 1991. № 2. S. 15—36.
3. Korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (data obrashcheniya: 15.06.2017).
4. Kto v Rossii razzhigaet pravoslavnyy dzhikhad? // PolitDay-dzhest. 2017. 18 sent. URL: <https://politdigest.ru/v-rossii/1479-kto-v-rossii-razzhigaet-pravoslavnyy-dzhihad.html> (data obrashcheniya: 25.08.2017).
5. Kurbanov Kh. Khidzhab nepriyatiya. URL : <http://md-gazeta.ru/news/17438> (data obrashcheniya: 24.08.2017).
6. Leont'ev A. A. Obschenie kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya // Metodologicheskie problemy sotsial'noy psikhologii. — M., 1975.
7. Matsyupa K. Khidzhab — stil' zhizni, a ne priznak terrorizma. URL: <https://ru.krymr.com/a/27538310.html> (data obrashcheniya: 24.08.2017).
8. Mikhal'skaya A. K. Ritoricheskaya paradigmatika: vozdeystvuyushchaya sila slova-leksemy (primitivy, attraktanty i repellenty) // Ritorika i kul'tura rechi: nauka, obrazovanie, praktika : materialy XIV Mezhdunar. nauch. konf. (1—3 fevr. 2010 g.) / pod. red. G. G. Glinina. — Astrakhan' : Izd. dom «Astrakhanskiy universitet», 2010. URL: <https://refdb.ru/look/1333527-p19.html> (data obrashcheniya: 20.08.2017).
9. Novikov A. I. Tekst, smysl i problemnaya situatsiya // Voprosy filologii. 1999. № 3. S. 43—48.
10. Novikov A. I. Semantika teksta i ee formalizatsiya. — M. : Nauka, 1983. 215 s.
11. Filimonov V. P. «Pravoslavnyy dzhikhad», ili Kto khochet razvyazat' v Rossii grazhdanskuyu vojnu... // Odigitriya. 2017. 18 sent. URL: <http://www.odigitriya.by/2017/09/18/pravoslavnyj-dzhihad-ili-kto-xochet-razvyazat-v-rossii-grazhdanskuyu-voynu/> (data obrashcheniya: 25.08.2017).
12. Tarasov E. F. K postroeniyu teorii mezhekul'turnogo obshcheniya // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie : sb. st. / otv. red. N. V. Ufimtseva. — M., 1998. S. 30—34.
13. Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya // Yazykovoe soznanie i obraz mira / otv. red. N. V. Ufimtseva. — M. : IYa RAN, 2000. S. 24—32.
14. Ufimtseva N. V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. — M. : In-t yazykoznaniya RAN, 2011. 252 s.
15. Tkachev A. Pravoslavnyy dzhikhad. 2011. 24 iyunya // Pravoslavie.ru. URL: <http://www.ppravoslavie.ru/47219.html> (data obrashcheniya: 25.08.2017).
16. Musul'mane vystupili protiv priznaniya khidzhaba «passivnym terrorizmom» // Islam i sem'ya. 2016. 4 marta. URL: <http://www.islamisemya.com/aktualno/aktualno/nashi-novosti/11853-musulmane-vystupili-protiv-priznaniya-khidzhaba-passivnym-terrorizmom> (data obrashcheniya: 25.08.2017).
17. Chto znachit dlya menya khidzhab? // Islam i sem'ya. 2012. 18 iyulya. URL: <http://www.islamisemya.com/voprosy-otvety/voprosy-otvety/obshchie-temy/3187-cto-znachit-dlya-menya-khidzhab> (data obrashcheniya: 25.08.2017).

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?

(Рецензия на монографию Л. Цоневой «Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе». Велико-Тырново: Ивис, 2017. 196 с.)

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Л. Цоневой «Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе» (Велико-Тырново, 2017. 196 с.). В монографии исследуются особенности функционирования в российском медиадискурсе имен актуальных для современного общества политических субъектов (российских и иностранных). Автор включает в круг своего внимания не только первичные, но и вторичные номинации, активно используемые массмедиа для тронизации, десакарализации политических субъектов. Анализ ключевых имен в монографии представляет собой описание их частотности, текстогенности, производности, онимичности, участия в языковой игре. Подобный комплексный подход позволяет Л. Цоневой продемонстрировать особенности функционирования имени собственного как важной составляющей образа политика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; политики; ключевые слова; онимы; антропонимы; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: Kondr25@rambler.ru.

Имя Лиляны Цоневой, профессора Велико-Тырновского университета (Болгария), достаточно хорошо знакомо российским лингвистам. Знакомо не только по многочисленным статьям, посвященным специфике медиакommunikации и политической коммуникации, но и по монографиям, наиболее известными из которых для российской аудитории являются монографии «Българската политическа метафора» и «Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели)».

В этом году автор представил читательскому вниманию новую книгу «Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе», являющуюся логическим продолжением предыдущих работ автора. В своем новом исследовании Л. Цонева сосредоточилась на разноаспектном описании антропонимов в российском медиадискурсе, и безусловным новаторством работы, отраженным уже в заглавии, является рассмотрение антропонимов как ключевых слов эпохи.

Интерес лингвистов к описанию «ключевых слов текущего момента» начался с работ Т. В. Шмелевой, обратившей внимание на существование слов, усиливающих свои позиции в определенные периоды, слов, находящихся у всех на устах, слов, оказавшихся в центре всеобщего внимания [Шмелева 1993: 33]. В дальнейшем при изучении и описании слов подобного типа использовались наименования «актуальное слово дня» (И. Т. Вепрева, Н. А. Купина), «ключевые символы эпохи» (В. Г. Костомаров), «слова-хронофакты» (З. Е. Фомина) и др.

Традиционно объектом исследовательского внимания лингвистов в подобном аспекте являлись исключительно апеллятивы (перестройка, гласность, ваучер, приватиза-

ция, кризис и др.). Изучение в подобном аспекте онимов только начинается, примером работ такого рода являются, в частности, докторская диссертация и монография Е. А. Нахимовой, посвященные анализу прецедентных онимов в современной массовой коммуникации и послужившие во многом неким ориентиром для исследования Л. Цоневой.

В работах Е. А. Нахимовой основной объект исследования — онимы (антропонимы и топонимы), являвшиеся ключевыми для прошлых эпох и ставшие прецедентными для современных массмедиа. Автор уделяет внимание историческому развитию арсенала российских прецедентных имен собственных, их метафорическим смыслом, профилированию тех или иных компонентов концептуальной структуры имен собственных, а также их использованию в функции идеологем, аксиологем и мифологем.

Л. Цонева в своей монографии сосредотачивается на анализе только одного вида онимов — антропонимов. Кроме того, исследованию подвергаются исключительно имена «актуальных для общества субъектов, в первую очередь — актуальных политических субъектов» [Цонева 2017: 7]. Немаловажно, что автор включает в круг своего внимания как первичные, так и вторичные номинации, исследует имена как российских, так и зарубежных политиков. Также заслуживает внимания, что при использовании в качестве основного материала текстов российских массмедиа в процессе анализа в отдельных случаях привлекаются материалы из болгарских массмедиа, что позволяет акцентировать внимание на национально-специфических чертах в использовании современных ключевых имен. Перечисленные особенно-

сти, а также комплексный подход позволяющий Л. Цоневой продемонстрировать особенности функционирования имени собственного как важной составляющей образа политика.

Материалом исследования послужили российские массмедиа XXI в. (до 2017 г. включительно) разной политической направленности, прежде всего центральные — «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Труд», «Российская газета», «Независимая газета», «Новая газета», «Огонек», «Итоги», «Новое время», «Власть», «Деньги», «Профиль» и др. Высокие тиражи, ориентация на самый широкий круг читателей, внимание к проблемам общества — все эти факторы позволяют определить названные издания как благоприятный материал, изучение которого способно дать достаточно полное представление о функционировании антропонимов из сферы политики в российском медиадискурсе.

В композиционном отношении монография делится на три главы, каждая из которых посвящена определенному аспекту функционирования антропонимов.

Первая глава имеет своей задачей описание специфики имени собственного как ключевого слова эпохи и анализ прямых и вторичных номинаций политиков. Л. Цонева характеризует разноплановые способы номинации (*имя + отчество + фамилия; имя + фамилия; идентификатор + имя* и др.), устанавливает корреляцию между выбранным изданием способом номинации и отношением к называемому политическому персонажу (ср., например, разницу между используемыми СМИ номинациями *Владимир Владимирович Путин* и *Мишка-подкидыш* (Саакашвили)).

Также автор представляет подробную типологию вторичных номинаций: аббревиатуры (*ВВП, ЕБН, БАБ* и др.), прозвища (например, *Медвед, Япона-мать, Калиостро с рубильником, Киндер-сюрприз, Лимонадный Джо* и др.), перифразы (*второй Распутин, серый кардинал, дама с косой, горячий техасец, строгая тетенька с печеньками* и др.). Проведенный анализ позволяет автору сделать вывод об использовании российскими массмедиа вторичных номинаций для иронизации, десакрализации политических субъектов, в том числе и ведущих политиков.

Вторая глава посвящена описанию языковых признаков ключевых имен, проявляющихся в российском медиадискурсе — частотности и текстогенности, производности (*путинцы, бушизм, клинтонизм, трампловский* и др.), онимичности — как в заглавиях, так и в основном тексте публикаций. Описание онимичности ключевых имен (их использование в качестве названий) вызо-

вет несомненный интерес читателей. Коты *Чубайсы*, водка *«Путинка»*, жук *Буша* и лягушка *принца Чарльза* — вот далеко не полный список новых названий, основанных на именах политиков.

Третья глава содержит анализ используемых российскими массмедиа разновидностей языковой игры с ключевыми именами. В данной главе описаны содержащие имена политиков фразеологизмы (*Греф попутал; как с Жириновского вода; Шарон в поле воин*), прецедентные тексты (*страшнее Мишки зверя нет; Умом Обаму не понять; А Вас, Путин, мы просим остаться; Что Трамп грядущий нам готовит*) и каламбуры (*Теперь Ю. Чайка — орел; Алишер против Алеши; От нашего барака — вашему* (поздравление Барака Обамы. — О. К.)). Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают описания графических игр с ключевыми именами политиков (*Джордж еще поБУШует; ТРАМПлин; будет ли Украина ЮЛИТЬ; УГОномика* и др.) и описание окказиональных дериватов, возникающих на базе имен политиков (*Трампаши, запутинец, бушизм, путиниана*).

В заключение также следует отметить, что объектом авторской рефлексии в монографии Л. Цоневой становятся как имена российских, так и западных политиков, в том числе и имена тех, кто относительно недавно появился на политической арене. Один из таких ключевых в данный момент антропонимов — *Трамп*, демонстрирующий ряд интересных особенностей, например, активизацию деривационного потенциала, активную онимичность, активность в качестве объекта игры и т. д. В этом, разумеется, можно видеть влияние экстралингвистических факторов разного характера — актуальность Д. Трампа на мировой политической сцене, интерес российских массмедиа к новому политическому персонажу, яркость и эксцентричность личности Д. Трампа. С другой стороны, как отмечает Л. Цонева, немаловажным является и лингвистический облик самой фамилии *Трамп*, «удобной», благодаря своей краткости и звучности, для включения в языковую игру.

Исследование Л. Цоневой позволяет увидеть в употреблении российскими массмедиа ключевых имен как устойчивые, так и новые особенности, отражающие различные факторы — не только актуальную общественно-политическую и экономическую ситуацию, расстановку политических сил в определенный период, изменения в восприятии политических субъектов и т. д., но и новые особенности игрового отражения актуального содержания в современных СМИ,

в том числе особенности обыгрывания ключевых имен.

Рецензируемая монография — это солидный вклад в развитие медиалингвистики, политической лингвистики, лингвокультурологии и ономастики. То, что монография болгарского исследователя написана на русском языке, даст возможность ознакомиться с идеями автора самому широкому кругу читателей.

O. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia

WHAT'S IN A NAME?

(The review of the monography by L. Coneva "Names and people. Key names in the media discourse". Veliko Tyrnovo, 2017. 196 p.)

ABSTRACT. *The review of the monograph by L. Coneva «Names and people. Key names in a media discourse» (Veliko Tyrnovo, 2017. 196 p.). The monograph analyzes functioning of the names relevant for the modern society of political subjects (Russian and foreign) in the Russian media discourse. The author includes in the study not only primary, but also secondary nominations actively used in mass-media for irony and desacralization of political subjects. The analysis of key names in the monograph represents the description of their rate, textgenicity, derivativeness, and word-play ability. The similar complex approach allows L. Coneva to show features of functioning of a proper name as an important component of an image of the politician.*

KEYWORDS: *media discourse politicians; keywords; onym; anthroponym; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kondratyeva Olga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Russian Language Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

REFERENCES

1. Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 313 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 313 с.

2. Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе. — Велико-Тырново, 2017. 196 с.

3. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. № 1. С. 33—41.

2. Tsoneva L. Imena i lyudi. Klyuchevye imena v mediadiskurse. — Veliko-Tyrnovo, 2017. 196 s.

3. Shmeleva T. V. Klyuchevye slova tekushchego momenta // Solleqium. 1993. № 1. S. 33—41.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. ВЫПУСК 6 (66)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 28.12.2017. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 28,6. Усл. печ. л. — 32,1. Тираж 500 экз. Заказ 4906.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me